Касслер Клайв

Дракон

Мужчинам и женщинам разведовательных служб нашей страны, героизм и преданность которых редко получают должное признание. Их усилиями граждане Америки были спасены от большего числа трагедий, чем это можно себе представить.

Демоны Деннингса.

6 августа 1945 г.
Остров Шемайя, Аляска

Дьявол держал в правой руке вилы, в левой — бомбу и злорадно ухмылялся. Он бы выглядел грозно, если бы не преувеличенно длинные брови и изогнутые полумесяцем глаза, придававшие ему скорее облик сонливого гнома, нежели злодейское выражение, свойственное повелителю ада. Тем не менее он был одет в традиционное алое облачение, у него были торчащие вверх рожки и длинный заостренный хвост. Как ни странно, в когтистых лапах ног он сжимал слиток золота, на котором было выбито клеймо 24 К.

Сверху и снизу заключенной в круг фигурки, нарисованной на фюзеляже бомбардировщика Б-29, черными буквами было написано «Демоны Деннингса».

Самолет, названный в честь своего командира и экипажа, выглядел подобно заблудившемуся призраку за завесой дождя, приносимого на юг по Алеутским островам ветром с Берингова моря. Целая батарея переносных фонарей освещала площадку под открытым брюхом бомбардировщика, бросая колеблющиеся тени от суетящейся аэродромной команды на блестящий алюминиевый корпус. Вспышки молний дополняли эту призрачную картину, разрывая окутавший аэродром мрак с тревожащим постоянством.

Майор Чарльз Деннингс стоял, прислонившись к одному из спаренных колес правого шасси, глубоко засунув руки в карманы кожаной летной куртки, и наблюдал за лихорадочной деятельностью, кипевшей вокруг его аэроплана. Вся прилегающая территория патрулировалась вооруженными военными полицейскими и охранниками из подразделения К-9. Небольшая съемочная группа запечатлевала событие для истории. С тяжелым чувством тревоги он следил, как эту необычно объемистую бомбу осторожно поднимали лебедкой в специально переделанный бомбовый отсек Б-29. Она была слишком велика, чтобы ее можно было подвести под фюзеляж сбоку, так что ее пришлось поднимать из вырытой в земле ямы.

За те два года, которые он прослужил в Европе летчиком бомбардировочной авиации и выполнил более сорока боевых вылетов, ему ни разу не приходилось видеть подобное чудовище. Эта бомба казалась ему гигантским, чрезмерно надутым футбольным мячом с нелепыми, окруженными кольцом стабилизаторами, приделанными с одного конца. Сферический баллистический обтекатель был выкрашен в светло-серый цвет, и ряд замков, скреплявших его половины по окружности миделевого сечения, был похож на огромную застежку-молнию.

Эта штука, которую он должен был перенести на расстояние в почти три тысячи миль, вызывала у него зловещее предчувствие. Ученые из Лос-Аламоса, собравшие бомбу на взлетной полосе, кратко проинструктировали Деннингса и его экипаж накануне вечером. Кинофильм, заснятый во время испытательного взрыва на острове Троицы, был продемонстрирован молодым летчикам, застывшим в оцепенении, когда, не веря своим глазам, они наблюдали ужасный взрыв одной-единственной бомбы, мощной настолько, что она могла уничтожить целый город.

Он простоял так еще полчаса, пока люки бомбового отсека не были захлопнуты. Атомная бомба была снаряжена и проверена, самолет заправлен топливом и готов к вылету.

Деннингс любил свой самолет. В воздухе он и его огромная машина становились единым целым. Он был мозгом, она — телом, и это ощущение слитности он не мог описать словами. На земле все было по-другому. Освещаемый вспышками молний, поливаемый дождем, который стал ледяным, он смотрел на прекрасный, подобный призраку серебряный бомбардировщик, и тот показался ему его гробницей.

Он тряхнул головой, чтобы отогнать от себя эту мрачную мысль, и поспешил сквозь дождь в укрытие из гофрированного железа, чтобы выслушать последний инструктаж своего экипажа. Он вошел и сел рядом с капитаном Ирвом Стэнтоном, бомбардиром, веселым круглолицым человеком с длинными, свисающими, как у моржа, усами.

По другую сторону от Стэнтона, вытянув перед собой ноги, сидел капитан Морт Стромп, второй пилот Деннингса, самодовольный южанин, который двигался с неторопливостью трехпалого ленивца. Сзади командира сидел лейтенант Джозеф Арнольд, штурман, и флотский коммандер Хэнк Бирнс, инженер-оружейник, который должен был следить за бомбой во время полета.

Инструктаж проводил офицер разведки, раскрывший перед ними стенд с аэрофотоснимками целей. Промышленные районы города Осака были основной целью; запасной целью, на случай сплошной облачности, был

исторический город Киото. Были рекомендованы направления захода на бомбометание, и Стэнтон молча делал нужные записи в своем блокноте.

Офицер-синоптик продемонстрировал карты метеоусловий и предсказал слабые попутные ветры и незначительную облачность над целями. Он также предупредил Деннингса о возможности турбулентных потоков над северной Японией. Просто ради большей безопасности, сказал он, два Б-29 взлетели час назад для разведки маршрута и визуальной оценки погодных условий по курсу полета и облачного покрова над целями.

Деннингс поднялся после того, как были розданы поляризованные защитные очки, которые обычно носят сварщики во время работы.

— Я не буду надоедать вам пропагандистскими речами, — сказал он и увидел улыбки облегчения на лицах своих подчиненных. — Мы втиснули в один короткий месяц год тренировок, но я знаю, что мы можем справиться с этим заданием. По моей скромной оценке, вы, черт побери, лучший экипаж в Воздушных Силах. Если мы все сделаем то, что должны, мы вполне можем положить конец этой войне.

Затем он кивнул капеллану, который вознес молитву за успешный и безопасный полет.

Пока летчики выходили, направляясь к ожидавшему их Б-29, к Деннингсу подошел генерал Харольд Моррисон, специальный уполномоченный генерала Лесли Гровса, главы Манхэттенского проекта.

Моррисон некоторое время внимательно изучал лицо Деннингса. В глазах пилота можно было заметить усталость, проступавшую в тенях вокруг век, но они горели нетерпением приступить к выполнению порученной миссии. Генерал протянул ему руку.

— Удачи, майор.

— Спасибо, сэр. Мы сделаем эту работу.

— Ни секунды в этом не сомневаюсь, — произнес Моррисон, стараясь придать своему лицу выражение уверенности. Он ожидал ответа от Деннингса, но пилот промолчал.

После нескольких секунд неловкого молчания, Деннингс спросил:

— Почему мы, генерал?

Улыбка Моррисона была едва заметна.

— Хотите отыграть назад?

— Нет, мой экипаж и я позаботимся, чтобы дело было сделано. Но почему мы? — повторил он свой вопрос. — Простите меня, сэр, что я это говорю, но мне трудно поверить, что мы — единственный летный экипаж в Военно-Воздушных Силах, которому вы можете доверить пронести атомную бомбу через Тихий океан, сбросить ее в центре Японии и затем приземлиться на Окинаве, имея в баках едва ли больше, чем пары бензина.

— Лучше, если вы будете знать только то, что вам было сказано.

Деннингс прочитал дурное предчувствие в глазах и голосе этого человека.

— Дыхание матери. — Он произнес эти слова медленно, без всякого выражения, как будто повторил название некоего невыразимого ужаса. — Какая извращенная душа предложила это треклятое кодовое название для бомбы?

Моррисон безропотно пожал плечами.

— Я думаю, это был президент.

Через двадцать семь минут Деннингс смотрел вперед через ветровое стекло, по которому туда-сюда сновали дворники. Дождь усилился, и через влажную пелену он мог видеть не далее чем на две сотни ярдов. Обеими ногами он жал на тормоза, разгоняя двигатели до 2200 оборотов в минуту. Бортинженер сержант Роберт Мосли доложил, что четвертый двигатель вращается более чем на пятьдесят оборотов медленнее, чем нужно. Деннингс решил проигнорировать это сообщение. Несомненно, что в этом незначительном снижении оборотов виноват влажный воздух. Он снова перевел секторы газа на холостой ход.

Сидевший в кресле второго пилота справа от Деннингса Морт Стромп подтвердил разрешение башни управления полетами на взлет. Он опустил закрылки. Два члена экипажа в боковых турелях подтвердили, что закрылки стали на место.

Деннингс протянул руку и включил селекторную связь.

— Ну, ребята, трогаемся.

Он снова перевел секторы газа вперед, при этом немного прибавив оборотов левым двигателям по сравнению с правыми, чтобы компенсировать огромный кренящий момент. Затем он отпустил тормоза.

Самолет «Демоны Деннингса», со взлетным весом 68 тонн, с заполненными до предела топливными баками, вмещающими 7000

галлонов горючего, с шеститонной бомбой в переднем бомбовом отсеке и с экипажем 12 человек на борту, начал разгон. Он был перегружен примерно на 17000 фунтов.

Четыре двигателя системы «Райт-циклон», рабочим объемом 3350 кубических дюймов каждый, передали свою тягу на подвеску, их общая мощность, составляющая 8800 лошадиных сил, раскрутила 16,5 — футовые пропеллеры, проталкивая их сквозь пелену несомой ветром воды. Голубое пламя вырывалось из выхлопных труб, крылья окутало облако брызг, и огромный бомбардировщик с ревом покатился во мрак.

Мучительно медленно машина набирала скорость. Длинная взлетная полоса простиралась перед ней, вырезанная в бесцветной вулканической породе и кончающаяся крутым обрывом высотой в восемьдесят футов над холодным морем. Горизонтальные молнии залили странным голубым светом пожарные машины и кареты «скорой помощи», вытянувшиеся в цепочку рядом со взлетной полосой. На скорости восемьдесят узлов Деннингс уже мог управлять курсом с помощью одного руля направления и до упора выдвинул вперед секторы газа правых двигателей. Он решительно сжал в руках штурвал, твердо намеренный поднять «Демонов» в воздух.

Сидевший впереди пилотов, в застекленном носовом отделении, бомбардир Стэнтон со знанием дела следил, как быстро сокращалась лежащая перед ними взлетная полоса. Даже медлительный Стромп вытянулся на своем сиденье, его глаза тщетно пытались разглядеть во мраке перед машиной, где кончается чернота полосы и начинается чернота моря.

Три четверти полосы остались позади, а машина все еще оставалась словно приклеенной к земле. Время, казалось, растворилось в тумане. У всех было такое ощущение, что они летят в пустоту. Затем вдруг огни джипов, припаркованных у конца взлетной полосы, промелькнули сквозь завесу дождя.

— О Боже! — вскричал Стромп. — Поднимай машину!

Деннингс выждал еще три секунды и затем осторожно взял штурвал на себя. Колеса Б-29 оторвались от земли. Мешина едва набрала тридцать футов высоты, когда полоса исчезла, и бомбардировщик начал свой полет над враждебным морем.

Моррисон стоял снаружи теплого укрытия радарной установки, прямо под ливнем, и его четверо подчиненных дисциплинированно стояли позади него. Он наблюдал за взлетом «Демонов Деннингса» скорее мысленно, чем воочию. Ему удалось разглядеть немногим более, чем первые рывки и крены бомбардировщика в тот момент, когда Деннингс

перевел вперед секторы газа и отпустил тормоза. Самолет почти сразу исчез во мраке.

Он приставил ладони к ушам, как рупоры, стараясь услышать шум моторов, все более затихающий с расстоянием. Неровный звук был очень слабым. Никто, кроме старшего механика или авиационного инженера, не смог бы уловить его, а Моррисон служил в обеих этих должностях в те времена, когда его карьера в ВВС только начиналась.

Один из двигателей, судя по звуку, был немного неисправен. В одном или в нескольких его цилиндрах зажигание не всегда срабатывало.

Со страхом Моррисон вслушивался, появится ли какой-нибудь признак того, что машина не может взлететь. Если «Демоны Деннингса» потерпит аварию на взлете, то все живое на острове в течение нескольких секунд превратится в пепел.

Затем оператор радара крикнул в открытую дверь:

— Они в воздухе!

Моррисон с облегчением вздохнул. Только теперь он повернулся спиной к ненастной погоде и вошел в укрытие.

Теперь оставалось только послать генералу Гровсу в Вашингтон сообщение о том, что «Дыхание матери» находится на пути в Японию. Затем ждать и надеяться.

Но в глубине души генерал был встревожен. Он знал Деннингса. Этот человек был слишком упрям, чтобы повернуть назад из-за неисправного двигателя. Деннингс приведет «Демонов» в Осаку, даже если ему придется тащить самолет на спине.

— Да поможет им Бог, — прошептал Моррисон про себя. Он знал с полной и окончательной уверенностью, что его роль в этой огромной операции не стоит молитвы.

— Убрать шасси, — приказал Деннингс.

— Всегда рад слышать эти слова, — пробормотал Стромп, передвинув рычаг. Моторы шасси зажужжали, и три набора колес поднялись в свои ниши на носу и в крыльях машины. — Шасси убраны и заперты.

Когда скорость полета увеличилась из-за снижения сопротивления после уборки шасси, Деннингс немного уменьшил подачу топлива. Бензин нужно было экономить. Он помедлил начинать постепенный и осторожный набор высоты, пока скорость не достигла отметки 200 узлов. Где-то под правым крылом и поэтому невидимая из кабины, цепочка Алеутских островов медленно загибалась к северо-востоку. Они

еще долго не увидят землю, по крайней мере, пока не пролетят еще 2500 миль.

— Как там с этим четвертым двигателем? — спросил он у Мосли.

— Тянет свое, но немного перегревается.

— Скоро, как только заберемся на пять тысяч футов, я немного сбавлю ему обороты.

— Это не помешает сделать, майор, — ответил Мосли.

Арнольд дал Деннингсу указания курса, которого им нужно будет придерживаться следующие десять с половиною часов. На высоте 4900 футов Деннингс передал управление Стромпу. Он расслабился и начал смотреть в черное небо. На нем не было видно ни одной звезды. Самолет то и дело мотало вверх и вниз, пока Стромп вел его через турбулентные потоки внутри обширной массы грозовых облаков.

Когда, наконец, худшая часть грозы осталась позади, Деннингс отстегнул ремни и выбрался из своего кресла. Повернувшись назад, он смог заглянуть в иллюминатор под туннель, ведущий в среднюю и хвостовую части самолета. Он даже смог разглядеть часть бомбы, подвешенной в механизме сбрасывания.

Туннель, по которому нужно было пробираться ползком, был еще больше сужен, чтобы огромная бомба могла поместиться в бомбовом отсеке, и поэтому туннель оказался крайне тесным. Деннингс с трудом протиснулся через него мимо бомбового отсека и вылез из противоположного конца. Затем он открыл небольшой герметично закрывающийся люк и прополз внутрь бомбового отсека.

Достав из кармана на бедре ручной фонарик, он сумел пробраться по узкому мостику, идущему вдоль двух бомбовых отсеков, переделанных в один. Из-за своего огромного размера бомба едва помещалась в нем. Ее внешний диаметр лишь на два дюйма отстоял от продольных шпангоутов.

Поколебавшись, Деннингс протянул руку и коснулся ее. Стальные бока бомбы были холодны, как лед. Он не смог представить себе сотни тысяч людей, которых она могла сжечь дотла за долю секунды или обречь на мучительную смерть от ожогов и радиации. Ядерные температуры или ударные волны от взрыва на острове Троицы нельзя было ощутить, глядя на черно-белый кинофильм. Он видел в этой бомбе лишь средство окончить войну и спасти тысячи жизней его соотечественников.

Вернувшись в кокпит, он остановился поболтать с Бирнсом, просматривавшим чертежи электронных схем детонатора бомбы. То и

дело этот эксперт по оружию поглядывал на небольшой откидной рабочий столик, закрепленный перед ним.

— Есть хоть какой-нибудь шанс, что она взорвется прежде, чем мы доберемся до цели? — спросил Деннингс.

— Удар молнии может к этому привести, — ответил Бирнс.

Деннингс с ужасом посмотрел на него.

— Немножко поздновато вы меня предупредили об этом, не так ли? Начиная с полуночи мы летим через центр грозового облака.

Бирнс оторвался от своих чертежей и с улыбкой посмотрел на командира.

— Мы так же легко могли взорваться, оставаясь на земле. Какого черта, мы ведь сумели взлететь с этой штукой, разве нет?

Деннингс не мог поверить такой простодушной невозмутимости Бирнса.

— Генерал Моррисон был осведомлен об этой опасности?

— Лучше, чем кто бы то ни было другой. Он участвовал в разработке этого оружия с самого начала.

Деннингс пожал плечами и отправился прочь. Безумие, подумал он, эта операция — чистое безумие. Будет просто чудо, если кто-нибудь из них останется в живых, чтобы рассказать об этом.

Спустя пять часов полета, когда бомбардировщик стал легче на 2000 галлонов израсходованного топлива, Деннингс выровнял машину на высоте 10000 футов. Настроение экипажа несколько поднялось, когда оранжевая заря окрасила небо на востоке. Гроза осталась далеко позади, и они смогли увидеть катящиеся волны океана и несколько рассеянных по небу белых облаков.

Бомбардировщик «Демоны Деннингса» летел на юго-запад с умеренной скоростью 220 узлов. К счастью, им удалось попасть в поток слабого попутного ветра. Когда совсем рассвело, они оказались совершенно одни в огромном пустом пространстве северной части Тихого океана. Одинокий самолет, летящий из ниоткуда в никуда, размышлял бомбардир Стэнтон, рассеянно глядя в окна кабины.

Когда до главного японского острова Хонсю оставалось три сотни миль, Деннингс начал медленный, постепенный подъем на высоту 32000 футов, ту высоту, на которой бомбардир Стэнтон должен был сбросить бомбу над Осакой. Штурман Арнольд объявил, что они опережают

график на двадцать минут. При их нынешней скорости, по его подсчетам, они должны были приземлиться на Окинаве в сумерках менее чем через пять часов.

Деннингс посмотрел на датчики уровня топлива. Ему вдруг стало несколько веселее. Если только им не придется лететь против встречного ветра, превышающего сто узлов, у них еще останется в запасе четыреста галлонов бензина.

Но не у всех членов экипажа было хорошее настроение. Сидевший в своем кресле у приборного щитка бортинженер Мосли смотрел на шкалу измерителя температуры двигателя номер четыре. Ему не понравилось то, что он увидел. Он привычно постучал пальцем по стеклу циферблата.

Стрелка дрогнула и качнулась вправо, на красный сектор шкалы.

Он протиснулся по туннелю в направлении хвоста и посмотрел через иллюминатор на нижнюю часть моторной гондолы. По обтекателю бежали струйки масла, и из выхлопной трубы тянулся шлейф дыма. Мосли вернулся в кокпит и встал на колени в узком проходе между креслами Деннингса и Стромпа.

— Плохие новости, майор. Скоро нам придется заглушить четвертый двигатель.

— Ты не мог бы заставить его работать еще несколько часов? — спросил Деннингс.

— Нет, сэр, там может заклинить клапан, и он загорится. Это может случиться в любую минуту.

Стромп посмотрел на Деннингса, его лицо было мрачно.

— Я бы посоветовал заглушить на время четвертый двигатель и дать ему остыть.

Деннингс знал, что Стромп был прав. Им придется сохранять их нынешнюю высоту и нянчить три остальные двигателя, чтобы они не перегрелись. Затем снова запустить четвертый двигатель во время набора высоты до 32000 футов и захода на бомбометание.

Он окликнул Арнольда, склонившегося над своим штурманским планшетом и прослеживающим маршрут полета.

— Далеко ли еще до Японии?

Арнольд заметил небольшое падение скорости и быстро просчитал ответ.

— До главных островов один час и двадцать одна минута.

Он кивнул.

— Хорошо, мы заглушим четвертый двигатель до тех пор, пока он нам не понадобится.

Командир еще не кончил говорить, а Стромп уже убрал газ, выключил зажигание и установил лопасти пропеллера во флюгерное положение. Затем он включил автопилот.

— Мы приближаемся к суше, — объявил Арнольд. — Небольшой остров в двадцати милях прямо по курсу.

Стромп посмотрел на него в бинокль.

— Выглядит как сосиска, торчащая из воды.

— Голые скальные стены, — заметил Арнольд. — Нигде нет никакого пляжа.

— Как он называется? — спросил Деннингс.

— Он даже не отмечен на карте.

— Есть там какие-нибудь признаки жизни? Япошки могут использовать его как удаленную станцию раннего оповещения.

— Выглядит голым и необитаемым,

На минуту Деннингс почувствовал себя в безопасности. Ни одного вражеского корабля не было видно, и они были слишком далеко от берега, чтобы их могли достать японские истребители, Он уселся в своем кресле, невидящими глазами уставясь в море.

Члены экипажа расслабились и начали передавать друг другу чашечки кофе и бутерброды с колбасой, не замечая жужжания моторов и маленькой искорки, появившейся в десяти милях от них, на 7000 футов выше конца левого крыла.

Экипаж «Демонов Деннингса» не подозревал, что жить им оставалось лишь несколько минут.

Младший лейтенант Сато Окинага увидел короткую вспышку отраженного солнечного света где-то внизу. Он заложил вираж и направил свой истребитель вниз, для того чтобы лучше рассмотреть, что там блеснуло. Это был самолет. Никаких сомнений. Скорее всего, истребитель из другого патруля. Он протянул руку, чтобы включить радио, но передумал. Через несколько секунд он сможет точно узнать, что это за самолет.

Молодой и неопытный пилот, Окинага был счастливчиком. Из класса, который он недавно закончил и в котором было двадцать два

выпускника, в дикой спешке обученных в эти отчаянные для Японии последние недели, его и еще троих направили на выполнение патрульных полетов. Остальные пошли в эскадрильи камикадзе.

Окинага был ужасно расстроен этим. Он бы с радостью отдал свою жизнь за императора, но он смирился со скучными обязанностями по патрулированию побережья как со временным назначением, надеясь, что его призовут выполнить более славную миссию, когда американцы высадятся на его родине.

По мере того как одиночный самолет становился все больше, Окинага все больше изумлялся, отказываясь верить своим глазам. Он протер их и моргнул. Вскоре он смог ясно различить девяностофутовый полированный алюминиевый фюзеляж, огромные стосорокафутовые крылья и вертикальный стабилизатор высотой с трехэтажный дом американского Б-29.

Он ошеломленно глядел на это диво. Бомбардировщик летел с северо-востока, из пустынного океана, на 20000 футов ниже своего боевого потолка. Не находящие ответа вопросы роились в его сознании. Откуда он взялся? Почему он летел в направлении центральной части Японии с выключенным двигателем? Какое задание он выполнял?

Как акула, бросающаяся на раненого кита, Окинага приблизился на расстояние мили к бомбардировщику. Тот летел, как ни в чем не бывало, не пытаясь уйти от преследования. Экипаж, похоже, уснул или имел склонность к самоубийству.

У Окинаги уже не оставалось времени играть в загадки. Огромные крылья бомбардировщика маячили прямо перед ним. Он довел до упора сектор газа своего «Мицубиси А6М Зеро» и на вираже пошел вниз. Истребитель слушался его с изяществом ласточки, двигатель системы «Сакае» мощностью 1130 лошадиных сил мчал его в точку чуть позади и ниже лоснящегося, сверкающего Б-29.

Хвостовой стрелок слишком поздно заметил истребитель и попытался открыть огонь. Окинага наткал на гашетку на рукоятке управления. Его самолет вздрогнул, когда два пулемета и две двадцатимиллиметровые пушки начали разносить в клочья металлическую обшивку и человеческую плоть.

Легкое прикосновение к рулю направления, и его трассирующие пули нашли дорогу к крылу и третьему двигателю Б-29. Обшивка разорвалась и отлетела прочь, масло хлынуло через отверстия, за ним вырвалось пламя. Бомбардировщик, казалось, на секунду замешкался, затем накренился набок и, войдя в штопор, начал падать в океан.

Лишь после отчаянного крика хвостового стрелка и его короткой очереди «демоны» поняли, что их самолет атакован. Они не имели ни малейшей возможности узнать, с какого направления на них напал вражеский истребитель. У них почти не было времени оправиться от изумления, когда снаряды «Зеро» вонзились в правое крыло.

Стромп издал сдавленный вопль:

— Мы падаем!

Деннингс кричал в переговорное устройство, одновременно пытаясь выровнять самолет:

— Стэнтон, сбрасывай бомбу! Сбрасывай эту чертову бомбу!

Бомбардир, прижатый к своему прицелу центробежной силой, завопил в ответ:

— Она не выпадет наружу, если ты не выровняешь машину.

Двигатель номер три уже был охвачен пламенем. Внезапная потеря двух двигателей, оба из которых находились с одной стороны, продолжала кренить самолет, пока он не встал на одно крыло. Работая совместно, Деннингс и Стромп сражались с рычагами управления, стараясь поставить машину горизонтально. Деннингс изо всех сил тащил на себя секторы газа, выправил крен, но теперь оба оставшихся мотора заглохли. Наступила давящая, терзающая душу тишина.

Стэнтон сумел занять нормальное положение в своем кресле и открыл бомболюки.

— Держи машину ровно, — умоляющим тоном сказал он. Не тратя времени на установку прицела, он нажал на кнопку сбрасывания.

Ничего не произошло. Свирепое скручивающее усилие деформировало фюзеляж и заклинило бомбу в ее тесном отсеке.

С белым как мел лицом Стэнтон ударил по кнопке сбрасывания кулаком, но бомба упрямо оставалась на месте.

— Ее зажало! — закричал он. — Она не выпадет.

Сражаясь за еще несколько минут жизни, зная, что, если они выживут во время падения, им всем придется самим оборвать свои жизни ампулами цианида, Деннингс попытался совершить вынужденную посадку самолета на воду.

Ему почти удалось сделать это. До спокойной поверхности моря оставалось две сотни футов, и смертельно раненный самолет был готов коснуться брюхом воды. Но магний, из которого были изготовлены

некоторые вспомогательные детали и картер двигателя номер три, загорелся, как зажигательная бомба, прожег крепления мотора и лонжерон крыла. Мотор выпал вниз, унося с собой вырванные кабели управления закрылками. Лейтенант Окинага положил «Зеро» в скользящий вираж на одно крыло, кружась над подбитым Б-29. Он наблюдал, как черный дым и оранжевое пламя пересекли голубое небо, как мазок костью. Он видел, как американский самолет врезался в океан, подняв в воздух гейзер белых брызг.

Он описал круг, высматривая выживших в катастрофе. но увидел лишь несколько плавающих обломков. Вдохновленный тем, чему суждено было стать его первым и единственным боем, Окинага описал еще один круг над погребальным шлейфом дыма, прежде чем отправиться в обратный путь в Японию, на свой аэродром.

В то время, когда разрушенный самолет Деннингса и его мертвый экипаж опускались на морское дно на глубину тысячу футов, другой Б-29 в более позднем часовом поясе и в шести сотнях милях к юго-востоку готовился к бомбовому вылету. С полковником Полом Тиббетом за штурвалом, бомбардировщик «Энола Гэй» появился над японским городом Хиросима.

Ни один из этих двух командиров бомбардировщиков не знал о задании, полученном другим. Каждый из них был уверен, что только его самолет и экипаж несут первую атомную бомбу, которая должна быть сброшена в этой войне.

«Демоны Деннингса» не смогли встретиться со своей судьбой. Тишина глубокого морского дна была столь же молчалива, как и тучи, собравшиеся над местом катастрофы. Героическая попытка Деннингса и его экипажа была похоронена под покровом бюрократической секретности и позабыта.

Часть I

Большой Джон

Глава 1

3 октября 1993 г.
Западная часть Тихого океана

Тайфун уходил, и худшее уже было позади. Неистовая пляска морей затихала, но волны все еще захлестывали носы кораблей и отливали зеленым и свинцовым цветом, прокатываясь по палубам и оставляя за собой кучи пены. Толстые черные тучи рвались на части, и ветер ослабел до приятных тридцати узлов. К юго-востоку снопы солнечных лучей прорвались сквозь тучи, разрисовав голубыми пятнами танцующие валы зыби.

Бросая вызов ветрам и фонтанам брызг, капитан Арне Корвольд стоял на открытом мостике норвежского грузопассажирского лайнера «Нарвик», наведя свой бинокль на огромное судно, с застопоренным двигателем дрейфующее среди бурунов. Оно было очень большим, судя по очертаниям, японский сухогруз, специально построенный для перевозки автомобилей. Его надпалубные надстройки протянулись вдоль всего корпуса, от тупого носа до идеально прямоугольной кормы, подобно параллелепипеду, положенному горизонтально. Кроме мостика и кают экипажа на верхней палубе, по бокам не было ни иллюминаторов, ни окон.

Похоже, у судна был постоянный поперечный крен в десять градусов, но он возрастал до двадцати, когда волны зыби накатывались и обрушивались на его наветренный левый борт. Единственным признаком жизни на судне была струйка дыма, поднимавшегося над трубой. Корвольд с тревогой заметил, что его шлюпки были спущены на воду, но осмотр беспокойного моря не выявил никаких признаков этих шлюпок. Он снова навел бинокль на нос судна и прочел английское название, написанное под японскими иероглифами.

Судно называлось «Божественная звезда».

Корвольд вернулся в уютный центральный мостик и заглянул в радиорубку.

— Все еще никакого ответа?

Радист покачал головой.

— Ничего. Ни единого писка, с тех пор как мы увидели его. Должно быть, судовое радио выключено. Невозможно поверить, что экипаж покинул судно, не подав сигнала бедствия.

Корвольд безмолвно смотрел на японское судно, дрейфовавшее менее чем в километре от его правого борта. Норвежец по происхождению, он был невысоким, с достоинством держащимся человеком, никогда не позволявшим себе торопливых жестов. Его льдистые голубые глаза редко моргали, и его губы, скрытые под стриженной бородкой, казалось, были постоянно сложены в легкую застывшую улыбку. Проведший в море двадцать шесть лет, в основном на прогулочных судах, он обладал дружелюбным, благожелательным характером; его уважали члены экипажа и обожали пассажиры.

Он пощипал свою короткую седеющую бородку и тихо ругнулся про себя. Тропический ураган неожиданно разыгрался на севере, прямо по его маршруту, и задержал его почти на два дня по сравнению с графиком на пути из Пусана, корейского порта в Сан-Франциско. Корвольд не покидал мостика в течение сорока восьми часов и был до

предела измотан. Он совсем уже было собрался прилечь отдохнуть, как они заметили, похоже, покинутую «Божественную звезду».

И вот теперь, вместо долгожданного отдыха, он столкнулся с загадочным происшествием и требующим длительного времени поиском шлюпок японского сухогруза. На нем к тому же лежала ответственность за 130 пассажиров, большинство из которых было до крайности измучено морской болезнью и не имело ни малейшего желания задерживаться из-за добровольной спасательной операции.

— Разрешите спустить шлюпку, капитан?

Корвольд поднял глаза на красивое, мужественное лицо первого помощника Оскара Стина. Смотревшие на него голубые глаза были ярче, чем у Корвольда. Первый помощник стоял перед ним, худой и прямой, как фонарный столб, от постоянного пребывания на солнце его кожа потемнела, а волосы выгорели.

Корвольд не стал отвечать сразу, он подошел к окну мостика и посмотрел вниз на поверхность моря, разделяющего два корабля. От гребней до впадин высота волн колебалась от трех до четырех метров.

— Мне не хотелось бы рисковать жизнями, мистер Стин. Лучше подождать, пока море немного успокоится.

— Мне случалось проводить шлюпки и через худшее.

— Незачем торопиться. Это мертвое судно, мертвое, как тело в морге. А судя по его виду, груз в трюмах сместился, и оно набирает воду. Лучше оставить его в покое и поискать его шлюпки.

— Там на борту могут быть раненые, — настаивал Стин.

Корвольд покачал головой.

— Ни один капитан не покинет судно, оставив на нем раненных членов команды.

— Ни один капитан, находящийся в здравом уме, это верно. Но какой здравомыслящий человек может покинуть неповрежденное судно и спустить на воду шлюпки в самый разгар тропического урагана при скорости ветра шестьдесят пять узлов, не подав при этом сигнала бедствия?

— Да, это и в самом деле загадка, — согласился Корвольд.

— И к тому же следует принять во внимание его груз, — продолжал Стин. — Положение ватерлинии говорит о том, что судно полностью загружено. Судя по его размерам, оно может перевозить свыше семи тысяч автомобилей.

Корвольд проницательно посмотрел на Стина.

— Вы думаете о вознаграждении за спасение судна и груза, мистер Стин?

— Да, сэр, я об этом думаю. Оно полностью покинуто со всем его грузом на борту, и мы можем привести его в порт; тогда наше требование о вознаграждении может составить половину стоимости судна и его груза или даже больше. Компания и экипаж смогут поделить между собой пятьсот или шестьсот миллионов крон.

Корвольд обдумывал эти слова несколько минут. Мучительная, искушающая мысль о возможности внезапно разбогатеть боролась в нем с глубоким, суеверным предчувствием беды. Алчность победила.

— Собери свою шлюпочную команду и возьми с собой помощника механика. Поскольку из трубы идет дым. двигатели, должно быть, в работоспособном состоянии. — Он немного помолчал. — Но я бы все же подождал, пока море чуть успокоится.

— Нет времени ждать, — просто объявил о своем решении Стин. — Если крен увеличится еще на десять градусов, мы можем опоздать. Лучше действовать быстро.

Капитан Корвольд вздохнул. Он действовал вопреки тому, что сам считал наиболее разумным, но ему тоже пришло в голову, что теперь, когда ситуация, в которой оказалась «Божественная звезда», стала известна всем, каждый спасательный буксир в радиусе тысячи миль отсюда на полной скорости устремится к терпящему бедствие судну, как все грузовики с лебедками съезжаются к месту аварии на шоссе.

Наконец он утвердительно кивнул.

— Как только ты удостоверишься, что на борту нет никого из членов команды «Божественной звезды» и что ты сумеешь справиться с ситуацией, доложи мне, и я начну поиск шлюпок.

Стин мгновенно исчез, едва дослушав до конца то, что сказал Корвольд. Он собрал своих людей и спустил шлюпку в бушующие волны за десять минут. В шлюпке находились: он сам с четырьмя матросами, помощник главного механика Олаф Андерссон, а также радист Дэвид Сакагава, единственный член команды «Нарвика», знающий японский язык. Матросы должны были обследовать судно, пока Андерссон будет осматривать двигатели. Стин должен был принять на себя формальное право владения судном, если оно окажется покинутым.

Со Стином у руля, шлюпка рассекала бурлящие воды, с трудом удерживаемая в равновесии на гребнях волн, грозящих захлестнуть ее

прежде, чем она соскользнет вниз по склону водяной горы. Большой морской двигатель марки «Вольво» стучал бесперебойно, пока они держали курс прямо на сухогруз, а ветер и волны подгоняли их сзади.

В ста метрах от «Божественной звезды» они обнаружили, что они тут не одни. Стая акул кругами ходила вокруг накренившегося судна, будто какое-то внутреннее чувство подсказывало им, что оно собирается затонуть и, возможно, оставить на поверхности что-нибудь вкусное.

Рулевой провел шлюпку под тупым носом судна на подветренную сторону. Им казалось, что «Божественная звезда» вот-вот накроет их своим бортом с каждой новой волной, обрушивающейся на ее корпус. Когда борт огромного судна опускался вниз, Стин пытался закинуть вверх легкую нейлоновую абордажную лестницу с алюминиевым хватательным крюком на конце. С третьей попытки крюк зацепился за верхний край палубного ограждения и закрепился на нем.

Стин первым взобрался по веревочной лестнице и перебрался через ограждение на палубу. За ним быстро последовали Андерссон и остальные. Когда все собрались возле огромных якорных лебедок, Стин повел их вверх по похожему на пожарную лестницу трапу, закрепленному на глухой, без окон передней стене палубной надстройки. Взобравшись на пятую палубу, они вошли на самый просторный капитанский мостик, который Стину приходилось когда-либо видеть за пятнадцать лет, проведенных на море. После маленькой, удобной рулевой рубки «Нарвика» это помещение показалось им огромным, как спортивный зал, и все же впечатляющий набор электронного оборудования занимал лишь малую его часть посередине.

Помещение было пусто, пол усеян секстантами, картами и другими навигационными приборами и справочниками, вывалившимися из открытых шкафов. Два небольших чемоданчика с личными вещами лежали открытыми на столе, как будто их владельцы только что ненадолго вышли из помещения. Похоже, судно покидали в панике.

Стин осмотрел главный пульт управления.

— Судно полностью автоматизировано, — сказал он Андерссону.

Помощник главного механика кивнул.

— И еще кое-что. Все оборудование управляется голосом. Не нужно переводить никаких рычагов или давать рулевому указания о курсе.

Стин повернулся к Сакагаве.

— Вы можете включить эту штуку и поговорить с ней?

Рожденный в Норвегии азиат склонился над компьютеризованным пультом и молча изучал его несколько секунд. Затем он быстро нажал одну за другой несколько кнопок. Огоньки на пульте мигнули, и устройство зажужжало. Сакагава посмотрел на Стина с легкой улыбкой.

— Мой японский немножко заржавел без употребления, но я думаю, что смогу пообщаться с этой штукой.

— Попросите доложить о состоянии судна.

Сакагава быстро произнес что-то по-японски в маленький микрофон и умолк, ожидая ответа. Через несколько секунд ему ответил мужской голос, медленно и четко выговаривая слова. Когда голос умолк, Сакагава без всякого выражения посмотрел на Стина.

— Оно говорит, что кингстоны открыты и что уровень воды в машинном отделении достигает двух метров.

— Прикажи закрыть кингстоны! — воскликнул Стин.

После короткого обмена японскими фразами, Сакагава покачал головой.

— Компьютер говорит, что кингстоны заклинило в открытом положении. Их нельзя закрыть электронной командой.

— Похоже, теперь понятно, что мне нужно сделать, — сказал Андерссон. — Я лучше спущусь туда и попробую их закрыть. И прикажи этому чертову роботу включить помпы. — Еще не кончив говорить, он жестом приказал двум матросам следовать за ним, и они исчезли, спустившись по сходням в глухой коридор, ведущий в машинное отделение.

Один из оставшихся матросов подошел к Стину; его глаза были широко открыты от пережитого ужаса, а лицо бело, как мел.

— Сэр, я нашел тело. Наверно, это радист.

Стин поспешил в радиорубку. Почти бесформенный труп сидел в кресле, склонившись над рацией. Конечно, когда он всходил на борт «Божественной звезды», это был человек, но сейчас ... На черепе не осталось ни единого волоса, и только по полностью обнаженным зубам на том месте, где некогда были губы, Стин смог определить, куда была повернута голова — вперед или назад. Это ужасное нечто выглядело так, как будто кожа слезла от ожога, а мясо под ней обгорело и частично расплавилось.

Тем не менее нигде не было видно ни малейших признаков чрезмерного нагревания или пожара. Одежда трупа была такой чистой и выглаженной, будто он только что ее надел.

Казалось, что этот человек сгорел изнутри.

Глава 2

Отвратительная вонь и ужасное зрелище заставили Стина оцепенеть. Ему потребовалось около минуты, чтобы придти в себя. Тогда он оттолкнул кресло с его страшным седоком в сторону и склонился над рацией.

К счастью, на цифровом индикаторе частоты горели обычные арабские цифры. После нескольких минут проб и ошибок он нашел нужные выключатели и вызвал капитана Корвольда на «Нарвике».

Корвольд отозвался немедленно.

— Я вас слушаю, мистер Стин, — формальным тоном ответил он. — Что вы обнаружили?

— Что-то скверное случилось здесь, капитан. Пока что мы нашли покинутое судно с одним мертвым телом, принадлежащим радисту, которое обгорело настолько, что его невозможно опознать.

— На борту пожар?

— Никаких признаков. На компьютеризованной системе управления в секторе пожарного оповещения горят только зеленые лампочки.

— Какие-нибудь намеки на то, почему команда спустилась в шлюпки, вы обнаружили? — спросил Корвольд.

— Ничего конкретного. Они, похоже, в панике покинули судно после попытки его затопить.

Корвольд сжал челюсти, костяшки его пальцев побелели, когда он вцепился в микрофон.

— Повторите.

— Кингстоны были открыты и заклинены в этом положении. Андерссон сейчас пытается их задраить.

— Зачем, черт возьми, команде топить неповрежденное судно с тысячами новых автомобилей на борту? — нерешительно спросил Корвольд.

— Нужно подходить к этой ситуации осторожно, она очень подозрительна. Что-то на борту ненормально. Тело радиста выглядит так, как будто его зажарили на вертеле. Ужасное зрелище.

— Может быть, его следует осмотреть судовому врачу?

— Хороший доктор здесь ничего не сможет сделать, разве что выполнить посмертное вскрытие.

— Понятно, — ответил Корвольд. — Я останусь в радиорубке еще полчаса, прежде чем отправиться на поиск пропавших шлюпок.

— Вы связались с компанией, сэр?

— Я отложил это до тех пор, пока вы не убедитесь, что из первоначальной команды на судне не осталось в живых никого, кто бы мог оспорить нашу заявку о вознаграждении за спасение судна и груза. Закончите ваш осмотр. Как только вы будете уверены, что судно действительно покинуто, я отправлю радиограмму директору нашей компании, уведомляющую его о том, что мы вступили во владение «Божественной звездой».

— Механик Андерссон уже занят задраиванием кингстонов и откачиванием воды из трюма. Машина работает, и скоро мы будем на ходу.

— Чем скорее, тем лучше, — сказал Корвольд. — Вы дрейфуете в направлении британского океанографического судна, занимающего стационарное положение.

— Как далеко оно от нас?

— Примерно в двенадцати километрах.

— Ну, это достаточно безопасно.

Корвольд не мог придумать, что бы сказать еще. Наконец он просто сказал:

— Удачи, Оскар. Благополучного возвращения в порт. — На этом сеанс связи закончился.

Стин отвернулся от радиопередатчика, избегая смотреть на изуродованный труп в кресле. Он почувствовал, что его колотит озноб. Он наполовину готов был увидеть, как по мостику ходит призрачный капитан «Летучего голландца». Нет ничего более устрашающего, чем покинутое судно, мрачно подумал он.

Он приказал Сакагаве поискать и перевести судовой журнал. Двух оставшихся матросов он послал осмотреть автомобильные палубы, а сам начал систематически осматривать каюты команды. Он чувствовал себя как в доме, где водятся привидения. Если не считать разбросанной кое-где одежды, все выглядело так, как будто члены судовой команды могут вернуться в любую минуту. В отличие от хаоса, который они обнаружили на мостике, все выглядело обжитым и обыденным. В каюте капитана стоял поднос с двумя чайными чашками, который

непостижимым образом избежал падения на пол во время шторма, на койке лежала аккуратно сложенная форма, а на покрытом ковром полу стояла пара тщательно вычищенных туфель. На пустом прибранном столе лежала фотография женщины и трех сыновей-подростков, упавшая со стены.

Стину не хотелось вникать в личные секреты чужих людей и смотреть их семейные сувениры. Он чувствовал себя непрошенным гостем, без разрешения вторгшимся в чужой дом.

Его нога наткнулась на что-то лежащее под столом. Он нагнулся и поднял этот предмет, оказавшийся пистолетом калибра девять миллиметров. Это был австрийский пистолет-пулемет «Стейр». Он засунул оружие под брючный ремень.

Вмонтированный в стену каюты хронометр внезапно заиграл несколько тактов мелодии, и Стин мог поклясться, что от неожиданности у него волосы встали дыбом. Он окончил осмотр жилых помещений и поспешно вернулся на мостик.

Сакагава сидел в помещении, в котором хранились морские карты, положив ноги на маленький шкафчик, и изучал судовой журнал.

— Где вы нашли его? — спросил Стин.

— В одном из открытых чемоданчиков. — Сакагава перелистал журнал обратно и начал читать с первой страницы. — «Божественная звезда»: длина корпуса семьсот футов, спущена на воду шестнадцатого марта тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года. Принадлежит и эксплуатируется фирмой «Пароходная компания Сусимо, Лимитед». Порт приписки Кобэ." В данном рейсе перевозит семь тысяч двести восемьдесят восемь автомобилей марки «Мурмото» в Лос-Анджелес.

— Есть какие-нибудь данные о том, почему команда покинула судно? — спросил Стин.

Сакагава отрицательно покачал головой.

— Никаких упоминаний о несчастном случае, эпидемии или бунте. Нет упоминания о тайфуне. Последняя запись немножко странная.

— Прочтите ее.

Сакагава немножко помедлил, чтобы убедиться, что его перевод японских иероглифов на английский достаточно точен.

— Вот самое большее, что я могу из этого понять: «Погода ухудшается. Волнение увеличивается. Команда страдает от неизвестной болезни. Больны все, включая капитана. Подозревается пищевое отравление. Наш пассажир, г-н Ямада, наиболее влиятельный директор компании, в

истерическом припадке потребовал, чтобы мы покинули и затопили судно. Капитан считает, что у г-на Ямады нервный срыв, и он приказал поместить его в его каюту и запереть там».

Стин посмотрел на Сакагаву, его лицо было непроницаемо.

— Это все?

— Это была последняя запись, — ответил Сакагава. — Дальше ничего нет.

— Каким числом она датирована?

— Первым октября.

— Это было два дня тому назад.

Сакагава рассеянно кивнул.

— Должно быть, они покинули судно вскоре после этого. Чертовски любопытно, почему они не взяли журнал с собой.

Медленно, неторопливо Стин отправился в радиорубку, пытаясь по пути осмыслить эту последнюю запись в журнале. Внезапно он остановился на пороге и ухватился за косяк двери, чтобы не упасть. Ему показалось, что комната кружится у него перед глазами, и он почувствовал тошноту. Его чуть не вырвало, но усилием воли он удержался. Затем так же быстро, как он начался, приступ тошноты прошел.

Шатающейся походкой он добрался до передатчика и вызвал «Нарвик».

— Старший помощник Стин вызывает капитана Корвольда, прием.

— Да, Оскар, слушаю тебя, — ответил Корвольд. — Говори.

— Не тратьте зря времени на поиски. Из судового журнала «Божественной звезды», похоже, следует, что команда покинула судно еще до того, как тайфун разыгрался вовсю. Они отчалили почти два дня назад. К настоящему времени ветер должен был отнести их прочь километров на двести.

— Если только они выжили.

— Маловероятный исход.

— Хорошо, Оскар. Я согласен, искать их на «Нарвике» было бы бесполезно. Мы сделали все, что от нас можно требовать. Я предупредил американские спасательные службы и все суда в этом районе. Вскоре после того как вы будете на ходу, мы снова возьмем курс на Сан-Франциско.

— Вас понял, — ответил Стин. — Я иду в машинное отделение проверить, как там дела у Андерссона.

Едва Стин закончил сеанс связи, как зазвонил судовой телефон.

— На мостике слушают.

— Мистер Стин, — произнес слабый голос.

— Да, в чем дело?

— Это матрос Арне Мидгард, сэр. Не могли бы вы спуститься на грузовую палубу прямо сейчас? Мне кажется, я нашел кое-что...

Голос Мидтарда внезапно оборвался, и Стин смог услышать, как кого-то рвало.

— Мидгард, вам нездоровится?

— Пожалуйста, поторопитесь, сэр.

Затем в трубке наступила тишина.

Стин окликнул Сакагаву.

— Какую кнопку нужно нажать, чтобы связаться с машинным отделением?

Ответа не было. Стин вернулся в комнату, в которой хранились карты. Сакагава сидел там, бледный как смерть, и часто дышал.

Он взглянул на Стина и заговорил, проглатывая слова при каждом вдохе:

— Четвертая кнопка... звонок в машинное отделение.

— Что с вами? Вам плохо? — встревоженно спросил Стин.

— Не знаю. Я ... я чувствую ... ужасно ... дважды вырвало.

— Держитесь, — оборвал его Стин. — Я соберу остальных. Мы сматываемся с этого корабля смерти. — Он схватил трубку и позвонил в машинное отделение. Ответа не было. Страх охватил его. Страх перед неведомой опасностью, готовой сокрушить их.

Ему представилось, что все судно пропитано запахом смерти.

Стин бросил быстрый взгляд на схему размещения палуб и связывающих их трапов, прикрепленную к шпангоуту, и бросился вниз по сходням, перепрыгивая через шесть ступеней за раз. Он попытался бегом добраться до огромных складов, на которых стояли автомобили,

но тошнота поднималась из его живота, и он шатался, идя по коридору, как пьяный в аллее парка.

Наконец ему удалось доковылять до двери, ведущей на палубу С. Огромное море разноцветных автомобилей вытянулось на сто метров вдоль оси судна. Как ни странно, несмотря на шторм и крен, все они остались надежно закрепленными на своих местах.

Стин кричал изо всех сил, зовя Мидгарда, эхо его голоса отражалось от стальных шпангоутов. Лишь тишина была ему ответом. Затем он заметил это, некую странность, как будто только один человек в толпе поднял над головой некий знак.

У одной из машин был поднят капот.

Он шатаясь побрел между длинными рядами, ушибая колени о торчащие бамперы, падая на дверцы и снова пробираясь вперед. Приблизившись к машине с открытым капотом, он снова крикнул:

— Есть тут кто-нибудь?

На этот раз он услышал слабый стон. Через десять шагов он добрался до этой машины и остановился в оцепенении, увидев, как выглядел Мидгард, лежащий у одного из ее колес.

Лицо молодого матроса было покрыто кровоточащими язвами. Пена, смешанная с кровью, текла из его рта. Он смотрел перед собой невидящими глазами. Его руки были багровыми из-за подкожных кровоизлияний. Его тело, казалось, заживо разлагалось на глазах у Стина.

Стин привалился к машине, пораженный ужасом. Он с чувством беспомощности и отчаяния обхватил свою голову руками, не заметив прядь волос, упавшую с нее, когда он уронил руки.

— О Боже, почему мы умираем? — шептал он, видя свою собственную ужасную смерть, глядя на Мидгарда, словно в зеркало. — Что убивает нас?

Глава 3

Глубоководный погружаемый аппарат «Олд Герт» висел под мощным краном, находившимся на корме британского океанографического корабля «Неукротимый». Волнение достаточно успокоилось, чтобы можно было спустить «Олд Герт» для научного изучения морского дна, и экипаж аппарата проводил обширную программу проверки всех его систем перед погружением.

Вопреки названию, ничего старого в этом аппарате не было.

Его конструкция воплощала последние технические достижения. Он был изготовлен британской аэрокосмической компанией в прошлом году и теперь проходил первое пробное погружение в рамках программы исследования зоны разлома Мендосчино, огромной трещины на дне Тихого океана, протянувшейся от побережья Северной Калифорнии до точки, находящейся примерно на половине пути оттуда в Японию.

Внешний вид аппарата радикально отличался от обычных для такого рода конструкций аэродинамических форм. Вместо одного сигарообразного корпуса с прикрепленной внизу кабинкой экипажа, он состоял из четырех прозрачных сфер, изготовленных из полимера и титана, соединенных кольцевыми туннелями, что делало его похожим на детскую — погремушку. Одна сфера содержала сложный набор видеокамер и другого оборудования для съемок, вторая вмещала сжатый воздух, балластные цистерны и аккумуляторы; в третьей размещались кислородные приборы и электрические двигатели. Четвертая сфера, самая большая, располагалась над тремя остальными; в ней помещался экипаж и приборы управления.

«Олд Герт» был построен так, чтобы он мог выдержать огромное давление, характерное для самых глубоких впадин на дне мирового океана. Его система жизнеобеспечения позволяла экипажу работать в режиме полной автономии в течение сорока восьми часов, а двигательная установка — передвигаться сквозь черную подводную пустыню со скоростью до восьми узлов.

Крэйг Планкетт, главный инженер и навигатор аппарата, подписал последний бланк, удостоверяющий готовность к погружению. Ему было на вид лет сорок пять или пятьдесят, седеющие волосы он зачесывал вперед, чтобы скрыть свою лысину. У него было румяное лицо и карие глаза, печальные, как у собаки-ищейки. Он участвовал в разработке «Олд Герт» и теперь относился к аппарату как к своей частной яхте.

Он надел толстый шерстяной свитер для защиты от холода студеных придонных вод и натянул мягкие мокасины на меху. Затем он спустился по входному туннелю, закрыв за собой люк; оказавшись в обитаемой сфере, он занялся компьютеризованной системой жизнеобеспечения.

Доктор Рауль Салазар, морской геолог экспедиции из университета города Мехико, уже находился в своем кресле, налаживая генератор донного сонара.

— Если вы готовы, то я тоже готов, — сказал Салазар. Он был небольшого роста, чрезвычайно подвижный, с длинными густыми черными волосами, быстрыми жестами, черными глазами, все время постреливающими по сторонам и неспособными остановиться на чем-нибудь или на ком-нибудь более чем на две секунды. Планкетту он нравился. Салазар принадлежал к той породе людей, которые умеют

находить нужные им данные без излишней суеты, принимать правильные решения, не скрывая неудобные факты, и он привык рассматривать глубоководный аппарат как реальное, полезное устройство, а не как абстрактный академический проект.

Планкетт взглянул на пустующее кресло с правой стороны сферы.

— Я думал, Стаси уже на борту.

— Она здесь, — ответил Салазар, не отрывая взгляда от приборного щитка. — Она сейчас в той сфере, где камеры, проверяет напоследок свои видеосистемы.

Планкетт нагнулся над входом в туннель, ведущий к сфере с камерами, и его взгляд уперся в пару ступней, одетых в шерстяные носки.

— Мы готовы к погружению, — сказал он.

Женский голос, прозвучавший как из пустой бочки, отозвался:

— Я закончу через секунду.

Планкетт вытянул ноги под своим пультом управления и устроился в низком кресле с отклоняющейся спинкой, пока Стаси Фокс протискивалась назад в обитаемую сферу. От работы в положении почти вниз головой ее лицо раскраснелось.

Стаси нельзя было назвать особо привлекательной, но она производила приятное впечатление. Длинные белокурые волосы свободно ниспадали, обрамляя ее лицо, и она часто отбрасывала их назад, тряхнув головой. Она была худощавой, для женщины ее плечи были несколько широковаты. Насчет ее бюста остальные два члена экипажа могли только гадать. Никто из них не видел его, разумеется, и она всегда носила свободные мешковатые свитеры. Но иногда, когда она зевала и потягивалась, можно было заметить, что там имеется нечто твердое.

Она выглядела моложе своих тридцати четырех лет. Брови густые, глаза широко посаженные, мягкого бледно-зеленого цвета. Губы над решительным подбородком легко складывались в яркую, привычную улыбку, почти никогда не покидавшую ее лица.

Некогда Стаси была королевой калифорнийских пляжей, специализирующейся в области художественной фотографии в Институте имени Шонарда в Лос-Анджелесе. Закончив учебу, она странствовала по всему свету, снимая морских животных, которые еще никогда до нее не были запечатлены на фотопленке. Она дважды выходила замуж, дважды разводилась, у нее была дочь, жившая с ее сестрой; пребывание на борту «Олд Герт» с целью фотографирования в

океанских глубинах было лишь предлогом для реализации более настоятельных жизненных планов.

Как только она заняла свое место с правой стороны от кресла пилота, Планкетт просигналил начать спуск. Оператор крана спустил аппарат по наклонному желобу через открытую корму судна и осторожно опустил его в море.

Зыбь к этому времени уже успокоилась, но еще оставались небольшие волны высотой в один-два метра. Оператор крана так подгадал момент вхождения «Олд Герт» в воду, что аппарат коснулся гребня волны и продолжал опускаться во впадину, где он начал опускаться и подниматься в полном согласии с ритмом волн. Подъемные тросы были отцеплены управляемыми дистанционно замками, и несколько ныряльщиков выполнили последний перед погружением наружный осмотр.

Через пять минут дежурный по связи с аппаратом, жизнерадостный шотландец по имени Джимми Нокс, доложил Планкетту, что аппарат свободен от подвески и может начать погружение. Балластные цистерны были наполнены водой, и «Олд Герт» быстро скрылся под поверхностью пенящейся воды и начал свой путь на дно.

Хотя «Олд Герт» был новейшим аппаратом, едва сошедшим с чертежных досок, погружение осуществлялось с помощью старой, испытанной и надежной системы заполнения забортной водой балластных цистерн. Для всплытия на поверхность сбрасывался балласт из стальных грузил разного размера с целью увеличить плавучесть, так как существующая технология откачки воды была неприменима на больших глубинах — никакие насосы не могли противостоять таким чудовищным давлениям.

Для Стаси долгое падение сквозь огромную массу воды было похоже на гипнотический транс. Один за другим все цвета спектра, рассеянного от поверхности света, постепенно темнели и сходили на нет, пока не осталась абсолютно черная темнота.

Если не считать раздельных, по одному для каждого члена экипажа, приборных щитков, размещенных по внутренней окружности сферы, каждый мог беспрепятственно наблюдать, что происходит перед ним в секторе обзора шириной 180 градусов — слева, справа, вверху и внизу. Прозрачный полимерный материал сферы, армированный тонкими титановыми нитями, обеспечивал разрешение не хуже, чем на большом телевизионном экране.

Салазар не обращал внимания ни на черноту, ни на мелькающих порой светящихся рыб, плавающих вокруг; его гораздо больше волновало, что они найдут на дне. Планкетт следил за глубиной погружения и

приборами системы жизнеобеспечения, внимательно отслеживая, не появятся ли какие-нибудь неполадки по мере того, как с каждой минутой давление возрастало, а температура падала.

На «Неукротимом» не было запасного глубоководного аппарата на случай аварии. Если произойдет что-то непредвиденное и они каким-то образом застрянут в скальных расщелинах или откажут приборы, так что возвращение «Олд Герт» на поверхность станет невозможным, они смогут отделить сферу, в которой они находятся, и позволить ей всплыть, как огромному пузырю воздуха. Но это была сложная система, ни разу не испытанная в условиях высоких давлений. Если в системе отделения возникнут неполадки, у них не будет никаких шансов спастись — только верная смерть от удушья и безвестная могила, затерянная в вечной ночи глубоководной впадины.

Маленькая, похожая на угря рыбка промелькнула мимо них, ее светящееся тело излучало вспышки света, как если бы поток машин описал ряд кривых. Зубы были невероятно длинными по сравнению с головой и торчали, как у китайского дракона. Привлеченная светом, горевшим внутри аппарата, она подплыла к обитаемой сфере без всякого страха и посмотрела внутрь взглядом призрака.

Стаси нацелила свою батарею фото — и видеокамер и поймала ее семью объективами, прежде чем она уплыла прочь.

— Можете себе представить, что это было бы за чудовище, если бы она была длиной футов двадцать? — с восхищением прошептала она.

— К счастью, черные драконы живут на большой глубине, — отозвался Планкетт. — Давление воды не позволяет им вырасти больше нескольких сантиметров длиной.

Стаси включила прожекторы наружного освещения, и чернота сразу превратилась в зеленые сумерки. Пространство, окружавшее их, было пусто. Черный дракончик куда-то исчез. Она выключила прожекторы, чтобы зря не разряжать аккумуляторы.

Влажность внутри сферы увеличилась, и усиливающийся холод начал проникать через ее толстую оболочку. Стаси увидела, что ее руки покрылись гусиной кожей. Она посмотрела вверх, обхватила плечи руками и покачала корпусом, как будто ей стало зябко. Планкетт заметил этот жест и включил небольшое обогревательное устройство, немножко отогнавшее холод.

Два часа, которые потребовались им, чтобы достигнуть дна, показались бы утомительными, если бы каждый не был занят своей работой. Планкетт устроился поудобнее и внимательно наблюдал за показаниями сонара и эхолота. Он также тревожно поглядывал на приборы,

измеряющие заряд аккумуляторов и содержание кислорода в воздухе. Салазар непрерывно наносил на график положение аппарата, пока они не коснулись дна, а Стаси все время пыталась застать врасплох обитателей глубин своими камерами.

Планкетт предпочел бы, чтобы из стереосистемы, которой была оборудована их кабина, постоянно доносились звуки вальсов Иоганна Штрауса, но Стаси настояла, чтобы вместо этого использовалась любимая ею «новая музыка», для чего взяла с собой кассетный магнитофон. Она утверждала, что такая музыка успокаивает и что в ней меньше эмоциональной напряженности. Салазар называл такую музыку «шумом водопада», но не возражал, чтобы именно она рассеивала гнетущую тишину бездны.

Голос Джимми Нокса, передаваемый к ним на борт акустическим телефоном, прозвучал как-то призрачно, искаженный многокилометровой толщей воды, отделявшей их от «Неукротимого».

— Вы коснетесь дна через десять минут, — объявил он. — Скорость погружения чуть-чуть больше расчетной.

— Верно, — ответил Планкетт. — Я вижу это на своем сонаре.

Салазар и Стаей оторвались от своих занятий и уставились на экран сонара. Цифровая фильтрация и контрастирование показывали рельеф дна в виде трехмерного изображения сетки линий уровня. Планкетт то и дело переводил взгляд с экрана сонара на воду под ногами и обратно. Он доверял сонару и компьютеру, но не больше, чем собственным глазам.

— Будьте внимательны, — предупредил их Нокс. — Вы опускаетесь между стен каньона.

— Я это вижу, — ответил Планкетт. — Скальные выступы выдаются внутрь широкой долины. — Он протянул руку к переключателю и сбросил один из балластных грузов, чтобы замедлить спуск. Когда до дна оставалось тридцать метров, он сбросил еще один груз. Это придало аппарату почти точную нейтральную плавучесть. Затем он привел в действие три тяговых двигателя, установленных на наружных сторонах трех нижних сфер.

Дно постепенно проступало сквозь скрывавшую его нефритово-зеленую дымку, и уже можно было различить неровный, изборожденный углублениями и расщелинами склон. Странная черная порода, смятая в складки и перекрученная, причудливыми хаотичными формами простиралась повсюду, куда достигал взор.

— Мы опускаемся рядом с лавовым потоком, — сказал Планкетт. — Его кромка находится примерно в километре перед нами. За этой кромкой — еще трехсотметровый спуск на дно долины.

— Я подтверждаю это, — ответил Нокс.

— Что это за скалы, похожие на гигантских червяков? — спросила Стаси.

— Подушечные лавы, — ответил ей Салазар. — Они образуются, когда раскаленная лава прорывается в холодную морскую воду. Поверхность лавового потока быстро охлаждается, образуя твердую оболочку, вроде трубы, по которой жидкая лава продолжает вытекать.

Планкетт включил систему вертикального позиционирования, которая автоматически поддерживала аппарат на высоте четырех метров над уровнем склона дна. Скользя над устрашающими формами рельефа плато, они замечали следы ползающих по дну животных на поверхности пятен ила, заполнявшего углубления; вероятно, это были следы морских звезд, креветок или глубоководных голотурий, притаившихся во мраке, куда не достигал свет из прожекторов аппарата.

— Приготовьтесь, — сказал Планкетт. — Сейчас мы начнем опускаться.

Через несколько секунд после его предупреждения дно снова исчезло во мраке, и аппарат качнулся, нырнув вниз, по-прежнему сохраняя расстояние четыре метра от крутого склона стены каньона.

— Вы на глубине пять тысяч триста шестьдесят метров, — донесся из динамика голос Нокса.

— Верно, мои приборы показывают то же самое, — ответил Планкетт.

— Когда вы достигнете дна долины, — сказал Нокс, — вы окажетесь на поверхности зоны разлома.

— Естественно, — пробормотал Планкетт. Его внимание было приковано к приборному щитку, экрану компьютера и видеокамере, показывающей теперь поверхность дна под полозьями шасси «Олд Герт». — Здесь уже некуда двигаться дальше, черт возьми. — Прошло еще двенадцать минут, и затем впереди проступили очертания плоского дна. Аппарат снова выровнялся. Частицы ила закружились вокруг сферы, поднятые со дна слабым течением, подобно хлопьям снега. Волны ряби на песчаной поверхности протянулись перед ними, выхваченные из мрака прожекторами. Но там был не только чистый песок. Тысячи черных предметов, округлых, как старые пушечные ядра, толстым слоем усеяли морское дно.

— Железно-марганцевые конкреции, — объяснил Салазар тоном лектора. — Никто толком не знает, как они образовались, хотя предполагают, что зубы акул или слуховые косточки китов могут служить ядрами, вокруг которых они формируются.

— Они представляют какую-нибудь ценность? — спросила Стаси, включив свою систему камер.

— Кроме марганца, в них содержатся небольшие количества таких ценных металлов, как кобальт, медь, никель и цинк. Я предполагаю, что это скопление может простираться на сотни километров вдоль зоны разлома, стоимость содержащихся в нем металлов достигать восьми тысяч долларов на квадратный километр.

— При условии, что вы можете собирать их с поверхности воды, находящейся над нами на расстоянии пять с половиной километров, — добавил Планкетт.

Салазар проинструктировал Планкетта, в каком направлении проводить разведку, в то время как «Олд Герт» беззвучно завис над усеянным конкрециями песком. Затем что-то блеснуло сзади от них. Планкетт слегка развернул аппарат в сторону этого предмета.

— Что тебе видно? — спросил Салазар, оторвавшись от своих приборов.

Стаси внимательно всматривалась вниз.

— Шар! — воскликнула она. — Огромный металлический шар со странными выступами. В диаметре, мне кажется, метра три.

Планкетт не придал этой находке особого значения.

— Должно быть, упал с корабля.

— Не так уж давно, судя по отсутствию коррозии, — заметил Салазар.

Вдруг они увидели широкую полосу чистого песка, полностью свободную от конкреций, будто гигантский пылесос прошелся по морскому дну.

— Прямая линия! — воскликнул Салазар. — На морском дне не бывает таких вещей, как продолжающаяся на сколько-нибудь значительное расстояние прямая линия.

Стаси смотрела на это в изумлении.

— Она слишком ровная, слишком точно проведенная, чтобы могла появиться без участия человека.

Планкетт покачал головой.

— Невозможно, здесь слишком глубоко. Ни одна промышленная фирма в мире не может разрабатывать полезные ископаемые глубоководных впадин.

— И никакие известные мне геологические процессы не могут создать ровную дорогу через морское дно, — убежденно заявил Салазар.

— Вон те ряды ямок по краям полосы — они выглядят так, как будто это могут быть следы, оставленные этим огромным шаром, который мы нашли.

— Ну, хорошо, — скептически пробормотал Планкетт. — Какого рода оборудование может расчищать дно на такой глубине?

— Огромная драга, способная всасывать конкреции и прокачивать пульпу по трубам на баржу на поверхности, — попробовал выдвинуть технологическую схему Салазар. — О чем-то подобном рассуждают уже много лет.

— То же самое можно сказать о полете на Марс, но ракетную систему, способную это сделать, еще нужно суметь построить. И гигантскую драгу тоже. Я знаком со множеством людей, занятых морским машиностроением, и мне до сих пор ни разу не приходилось слышать даже туманных слухов о подобном проекте. Никакую попытку заниматься промышленной разработкой полезных ископаемых на таких глубинах невозможно сохранить в тайне — необходимо оборудование, которое нельзя спрятать. Потребуется надводный флот как минимум из пяти судов и тысячи людей, работающих в море в течение нескольких лет. Не существует способа скрыть все это от обнаружения проходящими судами и разведовательными спутниками.

Стаси безучастно посмотрела на Салазара.

— Можно ли как-нибудь установить, какой давности эти следы?

Салазар пожал плечами.

— Может быть, они оставлены позавчера, может быть, это произошло несколько лет назад.

— Но тогда кто мог это сделать? — задумчиво спросила Стаси. — Кто способен разработать подобную технологию?

Никто не смог сразу ответить на этот вопрос. Их открытие не вписывалось общепринятые представления. Они молча глядели на расчищенную полоску дна, не веря своим глазам, и страх перед неизвестным закрадывался в их души.

Наконец Планкетт дал ответ, который, казалось, пришел издалека, откуда-то извне их аппарата.

— Никто на земле, никто, являющийся человеческим существом.

Глава 4

Стина охватило крайнее душевное волнение. Он оцепенело смотрел, как его руки покрываются волдырями ожогов. Его колотила неудержимая дрожь, он наполовину обезумел от шока и внезапной боли в животе. Он перегнулся пополам, его вырвало, дыхание вырывалось из груди судорожными толчками. Казалось, на него сразу обрушились все мыслимые недомогания и боли. Сердце бешено стучало, все тело сжигала лихорадка.

Ему было слишком скверно, чтобы он мог надеяться добраться до радиорубки и предупредить Корвольда. Когда капитан норвежского судна не получит никакого ответа на его радиообращения к Стину, он пошлет еще одну абордажную команду — выяснить, что случилось. Еще несколько человек напрасно погибнут.

Теперь Стина прошиб холодный пот. Он с какой-то странной ненавистью в глазах уставился на автомобиль с поднятым капотом. В его помраченном сознании это изделие из стали, кожи и резины виделось как воплощение неописуемого зла. Им овладевало состояние ступора.

И в качестве последнего отчаянного акта самозащиты Стин решил отомстить бездушной машине. Он вытащил из-за пояса подобранный в каюте капитана пистолет-пулемет «Стейр» и поднял ствол. Затем он нажал на спусковой крючок и послал очередь в радиатор автомобиля.

В двух километрах к востоку от этого места капитан Корвольд смотрел в бинокль на «Божественную звезду», когда та внезапно взорвалась и исчезла, испарившись за тот последний миг, который видели его глаза.

Чудовищный огненный шар испускал голубоватое сияние, более яркое, чем солнце. Добела раскаленные газы мгновенно разметало в радиусе двух километров. Полусферическое облако конденсации образовалось и начало расширяться в виде огромной баранки, внутренность которой быстро выжигалась огненным шаром.

Поверхность моря прогнулась под действием ударной волны, опустившись вниз в виде громадной чащи диаметром триста метров. Затем в небо взметнулась грандиозная колонна из миллионов тонн морской воды, и из ее стен брызнули наружу гейзеры размером с «Нарвик» каждый.

Ударная волна распространялась прочь от огненного шара, как кольца Сатурна, со скоростью, достигавшей пяти километров в секунду. Она ударила в «Нарвик», смяв судно выше ватерлинии, как консервную банку.

Корвольд, стоявший на открытом месте на капитанском мостике, не увидел всего этого светопредставления. Ни его глаза, ни мозг просто не успели среагировать. Излучение огненного шара за микросекунду

превратило его в кусок угля. Весь его корабль целиком выбросило вверх из воды и затем швырнуло обратно вниз, будто прихлопнув его чудовищным паровым молотом. Расплавленный дождь из обломков металла и пыли, в которые превратилась «Божественная звезда», обрушился на покореженные палубы «Нарвика». Пламя вырвалось из его разорванного корпуса и охватило изуродованное судно. Затем начались взрывы глубоко в его трюмах. Контейнеры, стоявшие на его грузовых палубах, сдуло и понесло прочь, как листья, несомые порывом урагана.

Не было времени для хриплых, мучительных стонов. Каждый застигнутый на палубе вспыхнул, как спичка, треснул и рассыпался в прах. Все судно превратилось в мгновенный погребальный костер для его пассажиров и команды.

«Нарвик» начал крениться на борт, быстро погружаясь. Через пять минут после взрыва судно перевернулось. Вскоре над водой выступала лишь маленькая часть днища, затем она скользнула под бурлящие волны и исчезла в глубине моря.

Почти так же внезапно, как испарилась «Божественная звезда», все было кончено. Похожее на цветную капусту огромное облако, образовавшееся над огненным шаром, медленно рассеивалось и становилось неотличимым от обычных туч. Яростно кипевшие воды успокоились, и поверхность моря снова стала гладкой, если не считать катившихся валов зяби.

В двенадцати километрах от места взрыва «Неукротимый» все еще дрейфовал. Невероятная сила ударной волны еще не начала уменьшаться, когда она всей своей мощью обрушилась на исследовательское судно. Его надпалубные надстройки были разрушены и сметены прочь, так что обнажились внутренние переборки. Дымовая труба была сорвана с креплений и, вертясь в воздухе, рухнула в кипящую воду, пока мостик исчезал в вихре металлических обломков и клочьев окровавленного мяса.

Мачты судна были погнуты и скручены, большой кран, используемый для спуска «Олд Герт», сорван и повален на бок, листы обшивки вогнуты, как блюдца, внутрь корпуса в промежутках между шпангоутами и продольными бимсами. Подобно «Нарвику», «Неукротимый» был так изуродован, что в том, что от него осталось, трудно было узнать нечто похожее .на корабль.

Краска на его бортах вспучилась и почернела под яростным тепловым излучением взрыва. Шлейф густого черного дыма вздымался над его покореженным бортом и как кипящая пелена ложился на воду вокруг его корпуса. Жар проник в каждого, кто был застигнут на открытом

месте. Те, что находились под палубами, были тяжело ранены летящими обломками или контужены.

Джимми Нокса резким ударом швырнуло на прочную стальную переборку, отбросило обратно, и он начал судорожно хватать легкими воздух, как будто оказался в безвоздушном пространстве. Он пришел в себя, распростертый на полу, спиной вниз, глядя в изумлении на зияющую дыру, словно по волшебству открывшуюся в потолке.

Так он лежал, ожидая, пока пройдет шок, пытаясь сосредоточиться и понять, в какой переплет он попал, совершенно неспособный уразуметь, что же случилось с его миром. Медленно оглядев каюту с погнутыми перегородками, видя сильно поврежденное электронное оборудование, похожее на выпотрошенного робота, ощущая запах гари, он чувствовал себя как бьющийся в истерике ребенок, потерявший в толпе своих родителей.

Он посмотрел вверх сквозь дыру на помещения, в которых раньше был капитанский мостик и склад карт. Они превратились в перекрученные каркасы из погнутых бимсов. Рулевая рубка представляла собой закопченные развалины, которые теперь были гробницей для сожженных и раздавленных людей; кровь этих несчастных еще капала вниз, в каюты под палубой.

Нокс перекатился на бок и застонал от внезапной боли, вызванной тремя сломанными ребрами, вывихнутым голеностопным суставом и многочисленными ссадинами. Очень медленно ему удалось, отталкиваясь руками от пола, принять сидячее положение. Он протянул руку и поправил очки, удивленный тем, что они остались у него на носу во время невообразимого опустошения.

Понемногу темная завеса шока рассеялась, и его первой мыслью было осознание того факта, что «Олд Герт» находится сейчас там, внизу. Прямо как в кошмарном сне, он представил себе поврежденный аппарат, неспособный выйти на связь и затерянный в черной бездне.

Он в полуобморочном состоянии пополз на локтях и коленях по палубе, превозмогая боль, пока ему не удалось дотянуться до трубки подводного телефона.

— Герт? — испуганно крикнул он в трубку. — Вы слышите меня?

Он прождал несколько секунд, но никакого ответа не было. Он начал браниться:

— Черт бы тебя побрал, Планкетт! Отвечай мне, ты, ублюдок!

Лишь молчание было ему ответом. Всякая связь между «Неукротимым» и «Олд Герт» была оборвана. Худшие опасения стали реальностью.

Какая бы сила ни сокрушила исследовательское судно, она, должно быть, прошла через толщу воды и повредила аппарат, и без того подверженный гигантскому давлению.

— Мертвы, — прошептал он. — Расплющены в лепешку.

Тут он внезапно вспомнил о своих товарищах на корабле и окликнул их. Но единственные звуки, которые он мог расслышать, были скрежет и визг металла умирающего судна. Он перевел глаза на открытую дверь и увидел пять тел, валявшихся в неестественных, застывших позах, как брошенные манекены.

Он сидел, погруженный в скорбь и непонимание происходящего. Он смутно чувствовал, что судно сотрясают конвульсии, что корма медленно поворачивается и скользит под волны, как будто захваченная водоворотом. Повсюду вокруг него вибрировало эхо от серии толчков. «Неукротимый» вот-вот начнет свое собственное путешествие в бездну.

Неистовая жажда жизни охватила его, и вот Нокс уже начал карабкаться вверх по наклонившемуся палубному настилу, слишком оглушенный, чтобы ощущать боль от многочисленных травм. В панике пробираясь через дверь на палубу, на которой находился кран, он прополз мимо мертвых тел и искореженных металлоконструкций, валявшихся повсюду. Шок уступил место страху, который спрессовался в плотный, растущий внутри него ком.

Он добрался до перекрученных остатков бортового ограждения. Не оборачиваясь, он вскарабкался на них и шагнул в ждущее своей добычи море. Расщепленный обломок деревянного ящика плавал в воде в нескольких метрах от него. Он неуклюже поплыл к нему, пока ему не удалось зажать эту доску под мышкой и таким способом удержаться на поверхности. Только тогда он оглянулся и посмотрел на «Неукротимый».

Судно погружалось кормой вниз, его нос торчал над волнами Тихого океана. На минуту, казалось, оно зависло в этом положении, словно собиралось плыть в облака, затем начало скользить вниз, все быстрее и быстрее, и наконец исчезло под водой, оставив на поверхности несколько плавающих обломков и воронку вспененной воды, которая вскоре сгладилась, а на ее месте крутилось немного пены, окрашенной в радужные цвета вытекшим мазутом.

Нокс, как безумный, обшаривал глазами волны, ища других членов команды «Неукротимого». Теперь, когда всхлипы и стоны тонущего судна прекратились, наступила жуткая тишина. Не было ни шлюпок, ни голов плавающих в море людей.

Он оказался единственным, кто выжил в этой катастрофе, не имеющей никакого объяснения.

Глава 5

Под поверхностью моря ударная волна распространялась через почти несжимаемую воду со скоростью примерно 6500 километров в час расширяющимися кругами, уничтожая на своем пути все живое. «Олд Герт» был спасен от мгновенного разрушения стенками каньона. Каменные стены возвышались над аппаратом, закрывая его от основного удара импульса давления, порожденного взрывом.

Тем не менее аппарат неистово швыряло и крутило. Только что он неподвижно висел над песчаным дном, а в следующую секунду турбулентность ударила по нему, как футболист по мячу, накренив сначала в одну, затем в другую сторону, и бросила на дно. Сфера, в которой находились аккумуляторы и двигательная установка, ударилась об окаменевшие конкреции, треснула и была смята, как яичная скорлупа, чудовищным глубинным давлением. К счастью, крышки люков, перекрывавших оба конца соединительной трубы, выдержали, иначе вода хлынула бы в сферу, в которой находился экипаж, с силой механического молота, которым забивают сваи, и размазала бы их в кровавую кашу.

Звук взрыва дошел до приемника подводного телефона как удар грома, почти одновременно с шумом ударной волны, похожим на грохот скорого поезда. После того, как они затихли, в глубинах снова воцарилась обманчивая тишина. Затем их покой снова был нарушен скрежетом и визгом раздираемого металла, когда разрушенные суда падали вниз, сминаемые и сплющиваемые давлением, прежде чем плюхнуться на дно, подняв огромные грибовидные облака ила.

— Что происходит? — крикнула Стаси, вцепившись в кресло, чтобы ее не выбросило с места.

То ли от шока, то ли из-за предельной поглощенности своим делом, Салазар ни на миг не отводил глаз от приборов.

— Это не землетрясение. Приборы показывают поверхностное возмущение.

После потери двигателей Планкетт полностью утратил всякую возможность управлять аппаратом. Он мог только сидеть, беспомощно наблюдая, как «Олд Герт» гоняло по полю, покрытому конкрециями. Машинально он кричал в подводный телефон, отбросив все формальности, связанные с сеансом связи.

— Джимми, мы попали в необъяснимую турбулентность! Мы потеряли двигатели! Пожалуйста, ответь.

Джимми Нокс не мог его услышать. Он боролся за свою жизнь среди волн высоко над ними.

Планкетт все еще отчаянно пытался связаться с «Неукротимым», когда аппарат наконец окончил свой безумный полет и ударился о дно под углом сорок пять градусов, приземлившись на сферу, в которой находилось электрическое и кислородное оборудование.

— Вот и конец, — пробормотал Салазар, не вполне понимая, что он хотел этим сказать; его сознание было затуманено шоком и растерянностью.

— Черта с два! — воскликнул Планкетт. — Мы все еще можем сбросить балласт и подняться на поверхность.

Произнося это, он знал, что сбрасывания всего железного балласта может оказаться недостаточным, чтобы компенсировать добавочный вес воды в раздавленной сфере и дополнительную силу трения вязкого ила, в который они врезались. Он щелкнул тумблерами, и сотни фунтов мертвого груза упали на дно из-под брюха аппарата.

Несколько секунд не происходило ровно ничего, затем сантиметр за сантиметром «Олд Герт» начал подниматься со дна; его движение было таким медленным, будто аппарат толкали наверх чуть слышные вздохи и биения сердец трех человек, находившихся в центральной сфере.

— Поднялись на десять футов, — объявил Планкетт через некоторое время; казалось, прошел час, хотя на самом деле это заняло тридцать секунд.

Аппарат выровнялся, и теперь они снова осмелились дышать нормально. Планкетт все еще тщетно пытался связаться с Джимми Ноксом.

— Джимми... это Планкетт. Ответь мне.

Стаси так упорно смотрела на циферблат глубиномера, что ей казалось, будто от ее взгляда стекло прибора может треснуть.

— Ну же, ну, — молила она.

И тут их худший кошмар обрушился на них без предупреждения. Сфера, в которой находилось кислородное и электрическое оборудование, внезапно схлопнулась. Ослабленная ударом о морское дно, она утратила целостность и была раздавлена, как яичная скорлупа, безжалостным давлением.

— О черт! — крикнул Планкетт, когда аппарат снова плюхнулся в ил с ударившим по нервам шлепком.

И словно для того, чтобы до них дошло это ужасное возвращение, свет мигнул и погас. Сфера оказалась в мире полной темноты. Ледянящий душу ужас стигийского мрака — переживание, знакомое только совершенно слепым людям. Тех же, у кого есть зрение, внезапная потеря ориентации заставляет чувствовать, будто невообразимые враждебные силы тянутся к ним снаружи, все уже сжимая круг.

Наконец хриплый голос Салазара прервал молчание:

— Матерь Божья, с нами покончено навсегда.

— Пока еще нет, — сказал Планкетт. — Мы еще можем всплыть на поверхность, отсоединив обитаемую сферу. — Его рука ощупывала приборный щиток, пока пальцы не коснулись нужного тумблера. Раздался щелчок, и зажглись лампочки аварийного освещения, разогнав мрак внутри сферы.

Стаси с облегчением вздохнула и сразу расслабилась.

— Слава Богу. По крайней мере мы можем видеть.

Планкетт запрограммировал компьютер на аварийное всплытие. Затем он настроил механизм освобождения кабины экипажа и повернулся к Стаси и Салазару.

— Держитесь покрепче. Путь наверх может оказаться довольно тряским.

— Все, что угодно, лишь бы выбраться из этой чертовой дыры, — проворчал Салазар.

— Как только ты будешь готов, — игриво ответила ему Стаси.

Планкетт удалил предохранительную пломбу с рукоятки механизма аварийного всплытия, крепко сжал ее и повернул.

Ничего не произошло.

Три раза Планкетт лихорадочно повторил всю процедуру. Но кабина упорно не желала отделяться от основной конструкции аппарата. В отчаянии он снова повернулся к компьютеру, чтобы выяснить причину неисправности. Ответ пришел мгновенно.

Механизм отделения обитаемой сферы был погнут и заклинен при боковом ударе о дно, и починить его было невозможно.

— Мне очень жаль, — произнес Планкетт в отчаянии. — Но, похоже, мы останемся здесь, пока нас не спасут.

— Хорошенький шанс, что это случится, — буркнул Салазар, утирая катившийся по его лицу пот рукавом лыжной куртки.

— Как у нас дела с кислородом? — спросила Стаси.

— Наш основной запас был отрезан, когда схлопнулась сфера, — ответил Планкетт. — Но наши аварийные баллоны в этой кабине и регенерирующее устройство с гидроксидом лития, поглощающим выдыхаемый углекислый газ, позволят нам дышать в течение десяти или двенадцати часов.

Салазар покачал головой и понуро пожал плечами.

— Все молитвы во всех церквах на земле не смогут спасти нас вовремя. Потребуется не меньше семидесяти двух часов, чтобы доставить на место другой глубоководный аппарат. Но и тогда сомнительно, чтобы они могли поднять нас на поверхность.

Стаси заглянула Планкетту в лицо, чтобы увидеть хоть какой-то обнадеживающий знак в его глазах, но не смогла найти там ничего. У нее создалось впечатление, что он был больше опечален потерей своего драгоценного аппарата, чем перспективой смерти.

Он очнулся от глубокой задумчивости, когда заметил, что она смотрит на него.

— Рауль прав, — сказал он неохотно. — Как ни трудно мне это признавать, но лишь чудо может позволить нам вновь увидеть солнце.

— Но ведь есть еще «Неукротимый», — сказала Стаси. — Они горы свернут, чтобы вытащить нас отсюда.

Планкетт покачал головой.

— Что-то трагическое случилось там наверху. Последние звуки, которые мы слышали, издавало тонущее судно, когда его сжимало и плющило во время погружения на дно.

— Но там было видно еще два судна, когда мы начинали погружение, — возразила Стаси. — Это могло быть любое из них.

— Это ничего не меняет, — устало ответил Планкетт. — Пути наверх не существует. И время стало нашим врагом, которого мы не сможем одолеть.

Глубокое отчаяние воцарилось в кабине. Всякая надежда на спасение была чистейшей фантазией. Единственное, в чем можно было быть вполне уверенным, — что в дальнейшем будет предпринята попытка найти и поднять «Олд Герт» и их безжизненные тела, но это произойдет не скоро, когда они давно уже будут мертвы.

Глава 6

Дейл Николс, специальный помощник президента, пустил облачко дыма из своей трубки и посмотрел поверх своих старомодных очков для чтения, когда Реймонд Джордан вошел в его кабинет.

Джордан заставил себя улыбнуться, несмотря на противный сладковатый запах табачного дыма, висевшего плотной пеленой в кабинете помощника, как смог под слоем температурной инверсии.

— Добрый день, Дейл.

— Там все еще дождь? — спросил Николс.

— Сейчас уже еле моросит.

Джордан заметил, что Николс был порядком замотан. «Хранитель президентских покоев» умел держаться, но его светло-коричневая шевелюра выглядела, как волнуемая ветром степь, глаза были тревожнее, чем обычно, и на лице появились напряженные морщины, которых Джордан никогда прежде не видел.

— Президент и вице-президент уже ждут, — быстро сказал Николс. — Им крайне не терпится узнать последние данные о взрыве в Тихом океане.

— Последние сведения я уже получил, — заверил его Джордан.

Хотя в правительственных кругах Вашингтона Джордан был одним из пяти наиболее влиятельных людей, он не был известен широкой публике. Он также не был знаком с большинством чиновников и политиков. В качестве директора Центрального разведывательного управления Джордан возглавлял Службу национальной безопасности и докладывал непосредственно президенту.

Он жил в призрачном мире разведки и шпионажа, и лишь немногие из тех, кто к этому миру не принадлежали, знали, от каких несчастий и трагедий он и его агенты спасли американский народ.

Джордан не произвел бы на постороннего впечатление человека с блестящим умом, свободно разговаривающего на семи языках и обладающего фотографической памятью. Он казался таким же неприметным и обыкновенным с виду, как и те мужчины и женщины, которые выполняли его задания в самых разных уголках Земли. Среднего роста, лет под шестьдесят, со здоровым лицом и серебряной шевелюрой, крепкого телосложения, с небольшим брюшком, глаза карие и добродушные. Он был верным мужем своей тридцатисемилетней жены, их дочери-близнецы учились в колледже, где они обе изучали биологию моря.

Президент и вице-президент тихо беседовали, когда Николс проводил Джордана в Овальный кабинет. Они мгновенно повернулись лицом к Джордану, который отметил, что они оба так же нервничают, как специальный помощник президента.

— Спасибо, что пришли, Рэй, — сказал президент, не тратя времени на формальные приветствия, и нервно зашагал к зеленой кушетке, стоявшей под портретом Эндрю Джексона. — Садитесь, пожалуйста, и рассказывайте нам, что, черт возьми, творится там в Тихом океане.

Джордан всегда удивлялся болезненной тревоге, охватывающей политиков во время надвигающихся кризисных ситуаций. Ни один избранный государственный деятель не обладал такой закалкой, выдержкой и опытом преодоления подобных ситуаций, как кадровые служащие, каким был директор Центрального разведывательного управления. И все они были неспособны заставить себя должным образом уважать или признавать ту огромную власть, которой обладали Джордан и его коллеги в области управления и направления событий в международных делах.

Джордан кивнул президенту, который был на голову выше его, и сел. Спокойно (остальным показалось, что мучительно медленно) он поставил на пол объемистый кожаный чемоданчик вроде тех, которые носят бухгалтеры, и открыл его. Затем он вытащил оттуда папку с документами.

— Имеем ли мы дело с ситуацией? — нетерпеливо спросил президент, употребив формальное кодовое наименование непосредственной угрозы гражданскому населению, например, ядерного нападения.

— Да, сэр, к сожалению, это так.

— Каковы факты?

Джордан взглянул на свой доклад просто для вида. Он уже запомнил все тридцать страниц.

— Ровно в одиннадцать часов пятьдесят четыре минуты в северной части Тихого океана, примерно в девятистах километрах к северо-востоку от острова Мидуэй, произошел сильный взрыв. Один из наших разведовательных спутников системы «Пирамидер» зарегистрировал эту вспышку и атмосферное возмущение с помощью своих фотокамер и записал ударную волну с помощью скрытых гидроакустических буев. Данные были непосредственно переданы Агентству национальной безопасности, где они были проанализированы. Затем поступили записи системы сейсмостанций, связанных с НОРАД, которые затем были переданы специалистам ЦРУ в Лэнгли.

— И какие выводы сделали специалисты? — давил на него президент.

— Они согласились, что взрыв был ядерным, — спокойно сказал Джордан. — Ничто другое не могло вызвать столь сильного возмущения.

Кроме Джордана, который казался таким невозмутимым, словно смотрел по телевизору мыльную оперу, на лицах трех других мужчин, собравшихся в Овальном кабинете, было мрачное выражение, вызванное устрашающей мыслью, которая, наконец, была высказана открыто.

— Находимся ли мы в состоянии готовности ДЕФКОМ? — спросил президент, имея в виду шкалу готовности к ядерной атаке.

Джордан утвердительно кивнул.

— Я позволил себе приказать НОРАД немедленно объявить готовность ДЕФКОМ-три и боеготовность, а также начать сосредоточение для ДЕФКОМ-два, в зависимости от того, как прореагируют Советы.

Николс посмотрел на Джордана.

— Самолеты подняты?

— Один самолет-разведчик, «Каспер SR-90», взлетел двадцать минут назад с базы ВВС Эдвардс для проверки и сбора дополнительных данных.

— Вы уверены, что ударная волна была вызвана ядерным взрывом? — спросил вице-президент, человек сорока с небольшим лет, проведший в Конгрессе всего шесть лет, прежде чем его назначили на вторую по значимости должность в стране. Законченный политик, на совещании по разведданным он чувствовал себя не в своей стихии. — Это могло быть подводное землетрясение или извержение вулкана.

Джордан отрицательно покачал головой.

— На сейсмограммах виден резкий пик, который бывает лишь при ядерных взрывах. Отражения от землетрясения вызывают более продолжительные колебания. Контрастирование записей с помощью компьютера подтвердило этот факт. Мы получим довольно точную оценку энергии взрыва в килотоннах, когда рекогносцировщик «Каспер» соберет пробы воздуха для анализа радиоактивности.

— Предварительные оценки имеются?

— Пока не будут собраны все данные, лучшие оценки — что-то между десятью и двадцатью килотоннами.

— Достаточно, чтобы сровнять с землей Чикаго, — пробормотал Николс.

Президент боялся задавать следующий вопрос, и он колебался, стоит ли это делать.

— Могло ли ... могло ли случиться так, что это взорвалась одна из наших собственных подводных лодок?

— Начальник штаба ВМФ заверил меня, что ни одного нашего судна не было в радиусе пятисот километров от этого места.

— Тогда, может быть, русская подлодка?

— Нет, — ответил Джордан. — Я уведомил моего коллегу в СССР, Николая Голанова. Он поклялся, что все советские ядерные надводные суда и подлодки целы, и, вполне естественно, называет нас виновниками этого происшествия. Хотя я на сто процентов уверен, что он и его люди знают, что это не так, они никогда не признаются, что точно так же блуждают в потемках, как и мы.

— Мне незнакомо это имя, — сказал вице-президент. — Он из КГБ?

— Голанов входит в Комитет по международной и государственной безопасности при Политбюро, — терпеливо объяснил Джордан.

— Он может солгать, — предположил Николс.

Джордан пристально посмотрел на него.

— Николай и я работаем в контакте друг с другом уже двадцать шесть лет. Нам приходилось друг друга разыгрывать и дурачить, но мы никогда не лгали друг другу.

— Если ни мы, ни Советы не несем ответственности за этот инцидент, — президент размышлял вслух, его голос стал странно мягким, — то тогда кто же?

— По крайней мере у десятка других стран имеются ядерные бомбы, — сказал Николс. — Любая из них могла провести испытание.

— Вряд ли, — ответил Джордан. — Невозможно сохранить такие приготовления в тайне от нашей глобальной сети сбора разведданных. Я предполагаю, что вскоре мы выясним, что это был непреднамеренный несчастный случай — ядерное взрывное устройство, которое никто не собирался взрывать.

Некоторое время президент выглядел задумчивым, затем спросил:

— Нам известно, какой стране принадлежали суда, находившиеся вблизи места взрыва?

— Пока что не все подробности известны, но похоже, что к инциденту причастны три судна, хотя некоторые из них могли оказаться там

случайно. Это норвежский грузопассажирский лайнер, японский сухогруз, перевозивший автомобили, и британское океанографическое судно, занимавшееся глубоководной разведкой морского дна.

— Там должны были быть жертвы.

— Фотографии, полученные с нашего спутника, которые были сделаны до и после инцидента, показывают, что все три судна исчезли и, вероятно, затонули во время или сразу после взрыва. Выживание людей, находившихся на борту, очень сомнительно. Если огненный шар и ударная волна не прикончили их, то сильная радиация сделает это за очень короткое время.

— Как я понимаю, спасательная экспедиция запланирована, — сказал вице-президент.

— Корабли ВМФ, базирующиеся на островах Гуам и Мидуэй, получили приказ идти к месту происшествия.

Президент все время смотрел на ковер под ногами, будто видел там что-то.

— Мне не верится, что англичане провели секретное ядерное испытание, не уведомив об этом нас. Их премьер-министр никогда бы не стал действовать у меня за спиной.

— Несомненно, это не норвежцы, — сказал вице-президент уверенным тоном.

На лице президента появилось выражение недоумения.

— И не японцы. Нет никаких данных, что они вообще когда-либо пытались создать ядерную бомбу.

— Устройство могло быть похищено и, — предположил Николс, — нелегально транспортировалось ни о чем не подозревающими норвежцами или японцами.

Джордан повел плечами, решительно отвергая это допущение.

— Я не думаю, что оно было похищено. Я готов поспорить на мое месячное жалование, что расследование докажет намеренность его перевозки к месту назначения.

— А что это за место?

— Один из двух портов на побережье Калифорнии.

Все они посмотрели на Джордана в спокойном раздумье, чудовищность ситуации едва начала доходить до них.

— «Божественная звезда» шла из Кобэ в Лос-Анджелес с более чем семью тысячами автомобилей «Мурмото» на борту, — продолжал Джордан. — «Нарвик», перевозивший сто тридцать пассажиров и смешанный груз корейской обуви, компьютеров и кухонного оборудования, шел из Пусана в Сан-Франциско.

Президент мягко улыбнулся.

— Это должно немножко уменьшить торговый дефицит.

— О Боже, — пробормотал вице-президент, покачав головой. — Ужасающая мысль. Иностранное судно тайно провозит ядерную бомбу в Соединенные Штаты.

— Что бы вы рекомендовали предпринять, Рэй?

— Мы развертываем поисковые работы немедленно. Предпочтительно использовать глубоководные спасательные аппараты ВМФ для обследования затонувших судов и выяснения того, какое судно перевозило бомбу.

Президент и Николс обменялись понимающими взглядами. Затем президент посмотрел на Джордана.

— Я считаю, что адмирал Сэндекер и его морские инженеры из НУМА лучше подготовлены для глубоководных операций. Я поручаю вам, Рэй, ознакомить его с ситуацией.

— Разрешите мне не согласиться с вами, господин президент. Мы можем надежнее обеспечить секретность операций, имея дело с ВМФ.

Президент лукаво посмотрел на Джордана.

— Я понимаю вашу озабоченность. Но прошу поверить мне. НУМА — Национальное агентство подводных и морских исследований — способно справиться с этим заданием, не допустив при этом утечки информации.

Джордан поднялся с диванчика, профессионально раздраженный тем, что президент знал нечто ему неизвестное. Он мысленно дал себе зарок выяснить, в чем тут дело, при первой возможности.

— Если Дейл предупредит адмирала, я немедленно направляюсь к нему.

Президент протянул ему руку.

— Спасибо, Рэй. Вы и ваши люди сделали превосходную работу за такое короткое время.

Николс сопровождал Джордана, когда тот покинул Овальный кабинет, направляясь к зданию НУМА. Как только они оказались в холле, Николс тихо спросил Джордана:

— Строго между нами, кто, по вашему мнению, стоит за попыткой нелегально провезти бомбу в нашу страну?

Джордан немного подумал и затем ответил пугающе ровным тоном:

— Мы будем знать ответ на этот вопрос в течение следующих двадцати четырех часов. Самый важный вопрос, тот, что чертовски беспокоит меня, это почему и для чего.

Глава 7

Воздух внутри подводного аппарата стал душным и влажным. Капли конденсата стекали по стенкам сферы, и концентрация углекислого газа приближалась к смертельной. Никто не шевелился, и они редко разговаривали друг с другом, чтобы экономить воздух. После одиннадцати с половиной часов после разрушения сферы с кислородными приборами их аварийный запас кислорода был почти полностью израсходован, а те скудные резервы электрической мощности, которые еще сохранились в аварийных аккумуляторах, уже не могли обеспечивать работу прибора, поглощающего углекислый газ.

Страх и ужас понемногу уступили место покорности судьбе. За исключением того, что каждые пятнадцать минут Планкетт ненадолго включал освещение, чтобы прочесть показания приборов системы жизнеобеспечения, они тихо сидели в темноте, каждый погруженный в собственные мысли.

Планкетт сосредоточился на слежении за приборами и возился со своим оборудованием, отказываясь поверить, что его любимый аппарат может отказаться подчиняться его командам. Салазар сидел как статуя, поникнув в своем кресле. Он казался замкнувшимся в себе и едва сознавал происходящее. Хотя лишь минуты отделяли его от впадения в окончательный ступор, он не мог представить себе того, что неизбежно должно последовать дальше. Ему хотелось умереть и покончить со всем этим.

Стаси вызывала в своем воображении фантазии детства, притворяясь, что она находится в другом месте и в другое время. Ее прошлое проходило перед ней потоком образов. Как она играет на улице в бейсбол со своими братьями, катается на своем новеньком велосипеде, подаренном ей на Рождество, идет на свой первый школьный бал с парнем, который ей не нравился, но который был единственным, кто ее пригласил. Она почти слышала мелодии, раздававшиеся в бальном зале отеля. Она забыла название группы музыкантов, но помнила сами

песни. Одна из них, «Мы можем никогда вновь не пройти этой дорогой» Силса и Крофтса, была ее любимой песней. Она закрыла глаза и представила себе, что она танцует с Робертом Редфордом.

Она покачивала головой в такт воображаемой музыке. Что-то тут было не так. Песня, звучавшая в ее мозгу, была не из середины семидесятых. Она скорее походила на старую джазовую мелодию, чем на рок-музыку ее молодости.

Она очнулась, открыла глаза и увидела только черный мрак.

— Они играют не ту музыку, — пробормотала она.

Планкетт включил свет.

— Что это было?

Даже Салазар непонимающе поднял глаза и прошептал:

— У нее галлюцинации.

— Они должны были играть «Мы можем никогда вновь не пройти этой дорогой», но это какая-то другая мелодия.

Планкетт посмотрел на Стаси. Его лицо смягчилось от печали и сочувствия.

— Да, я тоже это слышу.

— Нет, нет, — запротестовала она. — Это не та музыка. Песня другая.

— Как скажешь, — ответил ей Салазар, задыхаясь. Его легкие разрывались от боли в попытках уловить из спертого воздуха как можно больше кислорода. Он ухватил Планкетта за руку. — Ради Бога, парень. Отключи системы и покончи с этим. Разве ты не видишь, что она мучается; мы все мучаемся.

Грудь Планкетта тоже болела. Он прекрасно знал, что не было смысла продлевать их страдания, но он не мог отбросить в сторону первобытное стремление цепляться за жизнь до последнего вздоха.

— Мы переживем это, — сказал он уверенным тоном. — Возможно, другой глубоководный аппарат был доставлен самолетом на «Неукротимый».

Салазар глядел на него потускневшим взором, его сознание едва держалось за тонкую ниточку реальности.

— Ты сходишь с ума. На семь тысяч километров вокруг нет другого глубоководного аппарата. И даже если его доставили и «Неукротимый»

все еще на плаву, им понадобится еще восемь часов, чтобы осуществить погружение и встречу с нами.

— Я не могу спорить с тобой. Никто из нас не хочет остаться навек в затерянной могиле на дне океана. Но я не могу отказаться от надежды.

— Сумасшествие, — повторил Салазар. Он наклонился вперед в своем кресле и качал головой из стороны в сторону, словно стараясь стряхнуть с себя все усиливающуюся боль. Он выглядел так, как будто с каждой проходящей минутой старел на год.

— Разве ты не слышишь? — пробормотала Стаси низким, хриплым голосом. — Они приближаются.

— Она тоже сошла с ума, — прохрипел Салазар.

Планкетт поднял руку.

— Тихо! Я тоже это слышу. Где-то снаружи действительно что-то есть.

Салазар не ответил ничего. Он уже слишком далеко ушел от всего, что творилось вокруг, чтобы думать или говорить последовательно. Обруч нестерпимой боля все туже сжимался вокруг его груди. Жажда воздуха заглушила все его мысли, кроме одной: он сидел здесь и хотел, чтобы смерть пришла скорее.

Стаси и Планкетт вдвоем вперились глазами во мрак, окружающий сферу. Уродливое животное с крысиным хвостом проплыло в облачке рассеянного света, источаемого изнутри «Олд Герт». У него не было глаз, но оно описало круг около сферы, держась от нее на расстоянии двух сантиметров, прежде чем отправиться по своим делам, которые у него были здесь, в глубинах.

Внезапно вода замерцала. Что-то двигалось к ним издали, что-то огромное. Затем странное голубоватое сияние проступило из темноты, сопровождаемое голосами, поющими слова, слишком искаженные водой, чтобы их можно было разобрать.

Стаси глядела на это, как загипнотизированная, а Планкетт почувствовал, что у него по телу бегут мурашки. Это должен быть какой-то сверхъестественный ужас, подумал он. Чудовище, порожденное его мозгом, погибающим от кислородного голодания. То, что приближалось к ним, никоим образом не могло быть реальным. Образ пришельца из другого мира снова возник в его сознании. Напряженный и испуганный, он ожидал, пока это не окажется поближе, рассчитывая использовать остатки заряда аварийного аккумулятора для включения прожекторов наружного освещения. Было ли это чудище из бездны или что-то другое, он понимал, что это будет последнее, что ему суждено увидеть на земле.

Стаси нагибалась к боковой стороне кабины, пока не прижалась носом к внутренней поверхности сферы. Хор голосов отдавался эхом в ее ушах.

— Я тебе говорила, — напряженно прошептала она. — Я тебе говорила, что слышала пение. Послушай.

Планкетт теперь уже мог с трудом разобрать слова, очень слабые и далекие. Он подумал, что, должно быть, сошел с ума, и попытался убедить себя в том, что нехватка пригодного для дыхания воздуха вытворяет всякие фокусы с его глазами и ушами. Но голубой свет становился все ярче, и он узнал эту песню.

О, что за времечко я проводил

С русалочкой Минни на дне морском.

Как ее полюбил, все печали забыл.

Чертовски мила была Минни со мной.

Он повернул рычажок наружного освещения. Планкетт неподвижно застыл в своем кресле. Он был вымотан до предела, как последняя собака, хуже, чем собака. Его сознание отказывалось принять то, что вдруг материализовалось из черного мрака, и он начисто вырубился.

Стаси настолько оцепенела от шока, что не могла отвести глаз от призрака, ползущего к их сфере. Огромная машина, перемещающаяся на гусеницах, напоминающих тракторные, на которой была закреплена продолговатая конструкция вроде фюзеляжа самолета, а под ней — два причудливой формы манипулятора, подкатилась к ним и остановилась, слегка покачиваясь, под светом прожекторов «Олд Герт».

Неясная фигура, похожая на человека, сидела в прозрачной носовой части странного транспортного средства, находившегося всего в двух метрах от их сферы. Стаси крепко зажмурилась и снова открыла глаза. После этого смутная, расплывчатая неясная человеческая фигура приобрела четкие очертания. Теперь Стаси могла хорошенько рассмотреть его. Он был одет в бирюзового цвета спортивный комбинезон, расстегнутый спереди, спутанные черные космы на его груди были того же оттенка, что и густые черные волосы на голове. Мужественное, обветренное лицо незнакомца казалось высеченным из грубого камня, а веселые морщинки, разбегающиеся от прищуренных, неправдоподобно зеленых глаз, дополнялись игравшей на губах легкой улыбкой.

Он глядел на нее с изумлением и интересом. Затем он протянул руку за спину, достал блокнот, положил его на колени и начал что-то писать. Через несколько секунд он оторвал листок бумаги и поднял его перед

собой, держа у окна кабины своего аппарата так, чтобы она могла прочитать написанное.

Стаси напряглась, чтобы сфокусировать взгляд на листочке. Ей с трудом удалось разобрать слова: «Добро пожаловать на „Мокрые делянки“. Держитесь, пока мы не присоединим кислородный шланг».

«Разве такое испытывают люди, когда они умирают?» — недоумевала Стаси. Она читала, что умирающие проходят сквозь какие-то туннели, прежде чем выйти в залитое светом пространство, где их встречают родные и близкие, умершие раньше них. Но этого человека она никогда прежде не встречала. Откуда он взялся?

Прежде чем она смогла собрать вместе кусочки этой головоломки, дверь закрылась, и она поплыла в забытье.

Глава 8

Дирк Питт стоял в одиночестве в центре просторной куполообразной камеры, засунув руки в карманы своего форменного комбинезона сотрудника НУМА, и внимательно рассматривал «Олд Герт». Его дымчатые глаза отрешенно скользили по аппарату, который, как сломанная игрушка, лежал на гладком черном каменном полу, вытесанном в монолите застывшей лавы. Затем он медленно пролез через люк и, приземлившись в откидывающемся кресле пилота, стал изучать приборы, смонтированные на пульте управления.

Питт был высоким, мускулистым, широкоплечим мужчиной с прямой осанкой, и тем не менее он двигался с кошачьей ловкостью, в которой чувствовалась решимость.

Во всем его облике даже посторонний сразу ощущал непреклонную волю и упрямство, и все же он никогда не испытывал недостатка в друзьях и союзниках — и среди высших государственных служащих, и среди людей, с правительством не связанных, которые уважали и любили его за ум и преданность. Бодрость духа сочеталась в нем со сдержанным юмором и добродушным характером — черты, которые множество женщин находили особенно привлекательными, — и хотя он любил их общество, самой его пылкой страстью было море.

В качестве руководителя специальных проектов НУМА он проводил под водой почти столько же времени, как и на суше. Его излюбленным спортом было подводное плавание; он редко переступал порог гимнастического зала. Уже много лет прошло с тех пор, как он бросил курить, тщательно контролировал свою диету и пил весьма немного. Он был постоянно занят, ни минуты не сидел на месте и, выполняя свою работу, проходил до пяти миль в день. На втором месте после работы

самое большое удовольствие он получал от плавания внутри призрачных остовов затонувших кораблей.

Снаружи от аппарата раздались шаги, пересекавшие высеченный в скальном массиве гладкий пол под изогнутыми стенами сводчатого потолка камеры. Питт повернулся вместе с креслом назад и взглянул на своего давнего друга и компаньона по работе в НУМА Ала Джиордино.

Волосы Джиордино были столь же черны, как у Питта, но не волнистые, а курчавые. Его гладкое лицо выглядело румяным под светом горевшей под потолком яркой газоразрядной лампы, работающей на парах натрия, а его губы были сложены в привычную для них лукавую улыбку. Джиордино был мал ростом, его макушка как раз доставала Питту до плеча. Но его руки украшали могучие бицепсы, а грудь выдавалась вперед, как стальной шар, которым сносят дома; вместе с его решительной походкой — все это создавало впечатление, что если он сам не остановится, то он просто пройдет насквозь через забор или стену, оказавшиеся на его пути.

— Ну, и как тебе эта штуковина? — спросил он Питта.

— Англичане соорудили весьма симпатичную игрушку, — восхищенно ответил Питт, вылезая из люка.

Джиордино посмотрел на раздавленные сферы и покачал головой.

— Им повезло. Еще пять минут, и мы нашли бы трупы.

— Как они там?

— Быстро приходят в себя, — ответил Джиордино. — Они в камбузе пожирают наши съестные припасы и требуют, чтобы их вернули на корабль наверху.

— Кто-нибудь уже ввел их в курс дела? — спросил Питт.

— Как ты приказал, их не выпускали из кают экипажа, и всякий приближающийся к ним на расстояние плевка ведет себя, как глухонемой. От этого представления наши гости на стенки лезут. Они бы отдали свои левые почки, чтобы узнать, кто мы, откуда взялись и как умудрились построить обитаемую станцию в океане на такой глубине.

Питт снова посмотрел на «Олд Герт» и затем широким жестом обвел рукой вокруг себя.

— Мы годами хранили наш проект в тайне, и вот вся секретность насмарку, — пробормотал он, внезапно рассердившись.

— Ну, ты тут ни при чем.

— Лучше было мне оставить их подыхать там, чем ставить под угрозу наш проект.

— Кого ты хочешь провести? — рассмеялся Джиордино. — Я видел, как ты подбирал на улице раненых собак и вез их к ветеринару. Ты даже платил по счетам за их лечение, хотя это не ты их сбил. Ты большой добряк, приятель. К черту секретный проект. Ты спас бы этих людей, даже если бы они были больны бешенством, проказой и черной оспой.

— Неужели меня так просто раскусить?

Поддразнивающий взгляд Джиордино смягчился.

— Я был тем парнем, который поставил тебе синяк под глазом в детском саду, ты же помнишь, а ты в отместку расквасил мне нос бейсбольной битой. Я знаю тебя лучше, чем твоя собственная мать. Внешне ты можешь казаться мерзким ублюдком, но внутри ты ужасно чувствительный.

Питт посмотрел вниз на Джиордино.

— Ты, конечно, понимаешь, что эта игра в добрых самаритян грозит нам кучей неприятностей от адмирала Сэндекера и Министерства обороны.

— Это уж как пить дать. Кстати, адмирал легок на помине. Связисты только что получили шифровку. Адмирал сейчас на пути в Вашингтон. Его самолет приземлится через два часа. Вряд ли это можно назвать заблаговременным предупреждением. Мне приказано подготовить аппарат к всплытию на поверхность и встретить адмирала.

— Он, должно быть, спятил, — задумчиво прознес Питт.

— Готов поспорить, что его неожиданный визит как-то связан с этим диким возмущением.

Питт утвердительно кивнул и улыбнулся.

— Тогда нам уже нечего терять, и мы можем открыть занавес перед нашими гостями.

— Абсолютно нечего, — согласился Джиордино. — Как только адмирал узнает про историю с британским аппаратом, он прикажет держать их под стражей до тех пор, пока мы так или иначе не свернем весь проект.

Питт повернулся и пошел к круглой двери-люку. Рядом с ним шагал Джиордино. Лет шестьдесят тому назад куполообразная камера могла бы быть архитектурной фантазией об ангаре для будущего летательного аппарата, но эта конструкция не укрывала никакого воздушного судна от дождя, снега или летнего солнца. Пластиковые стены камеры, армированные углеродными и керамическими волокнами, укрывали

глубоководный вездеход на глубине 5400 метров от поверхности моря. Кроме «Олд Герт», на выровненном полу камеры находился огромный, похожий на трактор аппарат, верхняя часть которого представляла собой сигарообразный герметичный корпус. Рядом с ним бок о бок стояли два аппарата меньшего размера, напоминавшие тупорылые ядерные подлодки, у которых вырезали центральные части корпуса и соединили нос с кормой. Несколько мужчин и одна женщина суетились вокруг этих аппаратов, проверяя и налаживая бортовые системы.

Питт шел по узкому цилиндрическому туннелю, выглядящему как обыкновенная дренажная труба, и миновал два отсека с куполообразными и сводчатыми потолками. Нигде не было видно ни прямых углов, ни острых кромок. Все внутренние поверхности были закруглены, чтобы сама их форма могла надежно противостоять огромному внешнему давлению водных масс.

Они вошли в небольшую, спартански обставленную столовую. Единственный длинный стол и стоявшие рядом с ним стулья были отштампованы из алюминия, а камбуз был не больше, чем кухня вагона-ресторана. Два члена экипажа станции стояли по обе стороны двери, не спуская глаз с нежеланных гостей.

Планкетт, Салазар и Стаси собрались в кучку у противоположного конца стола и вполголоса переговаривались между собой, когда Питт и Джиордино вошли в столовую. Их голоса сразу оборвались на полуслове, и они подозрительно взглянули на двух незнакомцев.

Чтобы разговаривать с ними на равных, Питт солидно уселся на ближайший к ним стул и быстро оглядел всех трех, как инспектор полиции осматривает выстроившихся полицейских. Затем он вежливо поздоровался.

— Будем знакомы. Меня зовут Дирк Питт. Я возглавляю проект, на который вы случайно наткнулись.

— Слава Богу! — воскликнул Планкетт. — Наконец нам попался кто-то, умеющий разговаривать.

— И к тому же по-английски, — добавил Салазар.

Питт жестом указал на Джиордино.

— Мистер Альберт Джиордино, наш главный строитель и хозяйственный руководитель. Он с удовольствием покажет вам нашу станцию, разместит вас по каютам и поможет вам решить ваши бытовые проблемы — одежда, зубные щетки и так далее, все, что вам потребуется.

Все обменялись рукопожатиями через стол и назвали свои имена. Джиордино заказал всем по чашке кофе, и три гостя с «Олд Герт» наконец начали чувствовать себя уютно.

— Я скажу от имени всех нас, — серьезным тоном произнес Планкетт, — благодарю вас за то, что вы спасли наши жизни.

— Ал и я чрезвычайно рады, что мы успели вовремя до вас добраться.

— Судя по вашему произношению, вы американец, — сказала Стаси.

Питт поймал ее взгляд и грозно посмотрел ей прямо в глаза.

— Да, мы все здесь из Соединенных Штатов.

Стаси, казалось, побаивалась Питта, как лань боится горного льва, но при этом он странно притягивал ее к себе.

— Вы тот человек, которого я видела в этом странном аппарате, прежде чем потеряла сознание.

— В глубинном донном экскаваторе, так он называется официально, — поправил ее Питт. — Здесь все зовут его «Большой Джон». Он предназначен для взятия проб грунта с морского дна.

— Это американское предприятие по добыче ископаемых? — недоверчиво спросил Планкетт.

Питт кивнул.

— Глубоко засекреченный проект пробного освоения и геологоразведки дна океана, финансируемый правительством Соединенных Штатов. Прошло восемь лет от первоначальной разработки проекта, за это время осуществлено строительство станции и начата ее эксплуатация.

— Как вы ее называете?

— Существует забавное кодовое название, но мы любовно называем это место «Мокрые делянки».

— Как удается держать в тайне такой проект? — спросил Салазар. — Вам необходимо держать на поверхности группу кораблей снабжения и обеспечения, которую легко обнаружить с проходящих судов и спутников.

— Наша небольшая обитаемая станция полностью автономна. У нас есть основанная на последних технических достижениях система жизнеобеспечения, вырабатывающая кислород из морской воды и позволяющая нам работать при атмосферном давлении, опреснительная установка, снабжающая нас чистой пресной водой для питья, теплоснабжение из гидротермальных источников, имеющихся на

морском дне, немного пищи мы добываем из двустворчатых моллюсков, улиток, креветок и крабов, водящихся вокруг этих горячих ключей, и мы пользуемся антисептическими салфетками и ультрафиолетовым облучением, чтобы предотвратить рост бактерий. Все расходуемые материалы и запасные части, которые мы не можем производить самостоятельно, сбрасываются с воздуха в море в специальных контейнерах и подбираются на дне. Если возникает необходимость замены персонала станции, один из наших глубоководных аппаратов поднимается на поверхность, где его встречает реактивный самолет-амфибия.

Планкетт просто кивнул. Он чувствовал себя как во сне, только этот сон был реальностью.

— У вас должен быть какой-то неслыханный метод поддерживать связь с внешним миром, — сказал Салазар.

— Плавучий буй-передатчик, связанный кабелем со станцией. Передача и прием радиограмм ведется через спутник связи. Ничего экзотического, но весьма эффективно.

— Как давно вы находитесь здесь, внизу?

— Мы не видели солнца чуть больше четырех месяцев.

Планкетт с удивлением слушал этот разговор, уставясь в свою чашку кофе. Наконец он тоже решил принять в нем участие.

— Я и не подозревал, что ваша технология развилась настолько, что вы можете содержать исследовательскую станцию на таких глубинах.

— Нас можно считать исследователями-первопроходцами, — гордо сказал Питт. — Мы одновременно осуществляем несколько проектов. Кроме испытания оборудования, наши инженеры и ученые изучают биологию моря, геологию и минералогию морского дна и составляют компьютеризованную базу данных о результатах своих исследований. Сама разработка ископаемых с помощью драг и проходки скважин запланированы на пока не реализованных этапах проекта.

— Как много людей на станции?

Питт отпил глоток кофе, прежде чем ответить.

— Немного. Двенадцать мужчин и две женщины.

— Я вижу, у ваших женщин традиционные обязанности, — кисло отметила Стаси, кивнув на хорошенькую рыжеволосую женщину лет под тридцать, шинковавшую овощи в камбузе.

— Сара делает это добровольно. Она также ведет наши компьютерные базы данных, выполняя одновременно две работы, как и большинство из нас.

— Я предполагаю, что другая женщина совмещает обязанности уборщицы и механика по обслуживанию оборудования.

— Вы почти угадали, — ответил ей Питт с язвительной улыбкой. — Джилл действительно выручает нас в качестве инженера по морскому оборудованию. Она также наш постоянный специалист-биолог. И на вашем месте я бы не стал читать ей лекции по правам женщин на морском дне. Она заняла первое место на чемпионате по культуризму среди женщин, завоевав титул «Мисс Колорадо», и может выжать двести фунтов.

Салазар отодвинул свой стул от стола и вытянул ноги.

— Бьюсь об заклад, что ваши военные связаны с этим проектом.

— Здесь вы не найдете ни одного человека, носящего форму и имеющего воинское звание, — уклончиво ответил Питт. — Мы все здесь сугубо штатские люди, научные бюрократы.

— Одну вещь мне хотелось бы от вас услышать, — сказал Планкетт, — объяснение того, как вы узнали, что мы терпим бедствие и где нас нужно искать.

— Ал и я ехали по нашим следам, оставшимся от более ранней экспедиции по сбору проб грунта, чтобы найти датчик золота, который каким-то образом упал с «Большого Джона», и оказались в радиусе слышимости вашего подводного телефона.

— Мы услышали ваши тревожные вызовы, очень слабые, и направились в ту сторону, откуда они исходили, — закончил ответ Джиордино.

— Когда мы нашли ваш аппарат, — продолжил Питт, — Ал и я не могли перенести вас из вашего аппарата в наш экскаватор, вас просто раздавило бы в лепешку давление воды. Наша единственная надежда состояла в том, чтобы воспользоваться манипуляторами «Большого Джона», чтобы подключить кислородный шланг к вашему наружному аварийному патрубку. К счастью, ваш адаптер и наш точно подошли друг к другу.

— Затем мы использовали оба манипулятора, чтобы зацепиться за ваши подъемные крюки, — вступил в разговор Джиордино, изобразив обеими руками, как это было сделано, — и потащили ваш аппарат в нашу камеру-гараж, въехав туда вместе с ним через шлюзовую камеру.

— Вы спасли «Олд Герт»? — с удивлением спросил Планкетт, сразу повеселев.

— Ваш аппарат находится в нашем гараже, — ответил Джиордино.

— Как скоро мы сможем вернуться на наше базовое судно? — скорее потребовал, нежели спросил Салазар.

— Боюсь, что некоторое время это будет невозможно, — ответил Питт.

— Но мы должны сообщить команде нашего базового судна, что мы живы, — запротестовала Стаси. — Вы же наверняка можете с ними связаться?

Питт и Джиордино обменялись быстрыми взглядами. Затем Питт сказал:

— Когда мы ехали выручать вас, нам попалось по пути сильно поврежденное судно, недавно опустившееся на дно.

— Нет, это не мог быть «Неукротимый», — пробормотала Стаси, отказываясь верить такой скверной новости.

— Оно было сильно разрушено, как будто его смяло сильным взрывом, — заметил Джиордино. — Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь спасся.

— Два других судна были поблизости, когда мы начинали погружение, — привел свои доводы Планкетт. — Это, наверно, было одно из них.

— Трудно сказать, — допустил Питт. — Что-то случилось там наверху. Какая-то огромная турбулентность. У нас не было времени изучать это, и сейчас у нас нет никаких надежных ответов.

— Наверняка вы ощутили ту же ударную волну, которая повредила наш аппарат.

— Эта станция расположена в защищенной долине вне зоны разлома, в тридцати километрах от того места, где мы нашли вас и затонувшее судно. То, что осталось от ударной волны, прошло над нами. Все, что мы испытали, — это несильный порыв течения и метель из частичек ила, когда донные осадки были взбаламучены.

Стаси тем не менее сердито посмотрела на Питта.

— Вы собираетесь держать нас в качестве пленников?

— Это не совсем то слово, которое я собирался употребить. Но поскольку это действительно глубоко засекреченный проект, я обязан попросить вас еще какое-то время воспользоваться нашим гостеприимством.

— И долго будет продолжаться это «какое-то время»? — осторожно поинтересовался Салазар.

Питт сардонически взглянул на маленького мексиканца.

— Мы не предполагали возвращаться на поверхность еще шестьдесят дней.

Воцарилось молчание. Планкетт посмотрел сначала на Салазара, потом на Стаси и, наконец, на Питта.

— Черт подери! — воскликнул он с горечью. — Вы не можете держать нас здесь два месяца.

— Моя жена, — простонал Салазар. — Она подумает, что я мертв.

— У меня дочь, — сказала Стаси, быстро смиряясь.

— Положитесь на меня, — тихо сказал Питт. — Я понимаю, что кажусь бессердечным тираном, но ваше присутствие поставило меня в затруднительное положение. Когда мы лучше сможем понять, что случилось наверху, и я переговорю со своим руководством, мы сможем найти какой-то выход.

Питт замолчал, когда он заметил, что Кейт Харрис, сейсмолог проекта, стоит в дверях, кивая Питту, чтобы он вышел поговорить с ним снаружи.

Питт извинился и подошел к Харрису. Он сразу заметил выражение тревоги в глазах сейсмолога.

— У нас проблема? — спросил он кратко.

Харрис ответил сквозь свою пышную седую бороду, в масть волосам:

— Это возмущение вызвало все растущий шлейф толчков в морском дне. Пока что большинство из них слабые и неглубокие. Фактически мы еще не можем их ощущать. Но их частота и сила нарастают.

— И что это означает?

— Мы находимся на разломе, который чертовски неустойчив, — продолжал Харрис. — К тому же это вулканически активная зона. Энергия напряжений земной коры высвобождается с такой скоростью, которой мне никогда прежде не приходилось наблюдать. Я опасаюсь, что может произойти серьезное землетрясение с магнитудой шесть с половиной баллов.

— Этого нам ни за что не пережить, — сказал Питт с каменным выражением лица. — Одна трещина в одном из наших куполов, и давление воды раздавит всю станцию, как горошины под паровым молотом.

— Мне это видится точно так же, — сказал Харрис мрачно.

— Сколько у нас времени?

— Невозможно предсказать такие вещи сколь-нибудь надежно. Я понимаю, что это не слишком успокаивает, я могу только гадать, но, судя по скорости нарастания силы толчков, я бы сказал, что, наверно, часов двенадцать.

— Этого достаточно для эвакуации.

— Но я могу ошибиться. — Харрис, заколебавшись, попытался взять свои слова назад. — Если это действительно начальные ударные волны, то сильный толчок может произойти с минуты на минуту. С другой стороны, столь же возможно, что толчки могут затихнуть и совсем прекратиться.

Он еще не успел договорить эти слова, как они оба почувствовали, что пол под их ногами слегка дрожит и кофейные чашки на обеденном столе начали позвякивать на блюдечках.

Питт посмотрел на Харриса, и его губы раздвинулись в напряженной улыбке.

— Похоже, что время не на нашей стороне.

Глава 9

Сотрясения нарастали с ужасающей быстротой. Отдаленный рокот, казалось, придвинулся ближе. Затем раздались резкие звуки ударов, когда небольшие камешки покатились по склонам каньона и застучали по стенкам станции. Все, как зачарованные, смотрели на огромную выгнутую крышу камеры, в которой размещалось оборудование, замирая от страха, что обвал может повредить купол. Достаточно маленького отверстия, и вода устремится внутрь с разрушительной силой тысячи пушек.

Все было тихо, никакой паники. Кроме одежды, которая была на них, не брали ничего, кроме дискет с компьютерными файлами данных проекта. Хватило восьми минут, чтобы экипаж станции собрался и подготовил глубоководные аппараты к всплытию.

Питт мгновенно понял, что нескольким из них придется умереть. Два обитаемых аппарата были рассчитаны самое большее на шесть человек каждый. Можно втиснуть на борт семерых — итого четырнадцать — как раз численность команды участников проекта, — но ни одним человеком больше. А теперь они были обременены незапланированным присутствием экипажа «Олд Герт».

Толчки уже становились и сильнее, и чаще. Питт не видел никакой возможности, чтобы аппарат достиг поверхности, разгрузил спасенных и успел опять спуститься достаточно быстро, чтобы спасти оставшихся. Путь в оба конца занял бы не меньше четырех часов. Конструкции станции постепенно ослаблялись усиливающимися толчками, и оставались считанные минуты, прежде чем они поддадутся и будут раздавлены натиском океана.

Джиордино прочел зловещие признаки в застывшем выражении лица Питта.

— Нам придется сделать два рейса. Мне лучше подождать следующего...

— Сожалею, старина, — оборвал его Питт. — Ты поведешь первый аппарат. Я последую за тобой на втором. На поверхности высадишь пассажиров на надувные плотики и ныряй, как черт, за теми, кому придется остаться.

— Я никак не смогу успеть вовремя, — нервно ответил Джиордино.

— Ты можешь предложить что-нибудь получше? Джиордино покачал головой, признавая свое поражение.

— Кто вытащит короткий конец спички?

— Британский исследовательский экипаж.

Джиордино застыл.

— Никаких добровольцев? Не похоже на тебя оставлять женщину.

— Я обязан первым делом спасти наших собственных людей, — холодно ответил Питт.

Джиордино пожал плечами, его лицо выражало неодобрение.

— Мы спасли их, а теперь подписываем им смертный приговор.

Продолжительное, сильное сотрясение прошлось по морскому дну, сопровождаемое глубокой, зловещей вибрацией. Десять секунд. Питт внимательно смотрел вниз, на свои ручные часы. Толчок продолжался десять секунд. Затем все затихло опять, мертвая, глухая тишина.

Джиордино секунду внимательно смотрел в глаза своему другу. Он не смог прочесть в них ни малейших признаков страха. Питт казался неправдоподобно безучастным. У Джиордино не было никаких сомнений, что Питт лгал. Он никогда, ни секунды не предполагал пилотировать второй аппарат. Питт твердо решил, что он должен последним покинуть станцию.

Теперь было уже слишком поздно пытаться заставить его изменить свое решение. Ни для споров, ни для прощаний не оставалось ни секунды. Питт сгреб Джиордино рукой и наполовину швырнул, наполовину протолкнул крепкого маленького итальянца через отверстие люка первого аппарата.

— Ты окажешься на поверхности как раз вовремя, чтобы приветствовать адмирала. Передай ему мои наилучшие пожелания, — сказал он.

Джиордино не смог его услышать. Голос Питта был заглушен падением куска скальной породы, разбившегося о купол с таким грохотом, что все вокруг них затряслось. Затем Питт захлопнул крышку люка и исчез из вида.

Шестеро крупных мужчин внутри аппарата, казалось, заполняли своими телами каждый квадратный сантиметр пола кабины. Они молчали, избегая смотреть друг другу в глаза. Затем, как в последние секунды игры взгляды болельщиков следят за полетом футбольного мяча, они с нетерпением наблюдали, как Джиордино, извиваясь угрем, протискивается между их плотно прижатыми друг к другу телами к сиденью пилота.

Он быстро включил электромоторы, покатившие аппарат по рельсам в шлюзовую камеру. Он в дикой спешке провернул всю процедуру проверки жизненно важных систем и едва успел запрограммировать компьютер, как массивная внутренняя дверь шлюза закрылась и вода начала затоплять его через специальные ограничительные дроссели, с шумом просачиваясь из холодного, как лед, океана. В ту же секунду, как шлюз был заполнен и внутреннее давление уравновесило огромное наружное давление, компьютер автоматически открыл наружную дверь шлюза. Тогда Джиордино перешел на ручное управление, включил тяговые двигатели на максимальную мощность и повел аппарат навстречу волнам, плещущим далеко наверху.

Пока Джиордино и его пассажиры находились в шлюзовой камере, Питт быстро переключился на посадку пассажиров во второй аппарат. Он приказал женщинам из команды НУМА войти первыми. Затем он молча кивнул Стаси, чтобы она последовала за ними.

Она нерешительно замешкалась у отверстия люка, бросив на Питта напряженный, вопрошающий взгляд. Она стояла совершенно неподвижно, словно оцепенев от того, что происходило вокруг нее.

— Вы собираетесь умереть из-за того, что я заняла ваше место? — мягко спросила она.

На лице Питта вспыхнула улыбка сорвиголовы.

— До встречи на террасе отеля «Халекалани» в Гонолулу. Ждите меня, выпьем на закате солнца коктейль с ромом.

Она попыталась что-то сказать в ответ, но, прежде чем нашла слова, стоящий в очереди за ней мужчина не слишком вежливо втолкнул ее в люк.

Питт подошел к Дейву Лоудену, главному инженеру подводных аппаратов. Примерно столь же взволнованный, сколь спокойный, Лоуден одной рукой застегивал молнию своей кожаной куртки пилота бомбардировщика, а другой одновременно поправлял на носу очки без оправы.

— Вы хотели бы, чтобы я выполнял обязанности второго пилота? — тихо спросил Лоуден.

— Нет, вы доведете аппарат наверх самостоятельно, — сказал Питт. — Я буду дожидаться возвращения Джиордино.

Лоуден не смог скрыть огорчения, проступившего на его лице.

— Лучше тогда остаться мне, чем вам.

— У вас чудесная жена и трое маленьких детей. Я холостяк. Суйте свою задницу в этот аппарат, и побыстрее. — Питт повернулся спиной к Лоудену и подошел к месту, где стояли Планкетт и Салазар.

Планкетт тоже не проявлял никаких признаков страха. Огромный морской инженер выглядел столь же умиротворенным, как пастух овец, привычно поглядывающий на свое стадо во время весеннего дождичка.

— У вас есть семья, док? — спросил Питт.

Планкетт слегка покачал головой.

— У меня? Нет, черт возьми. Я убежденный старый холостяк.

— Я так и думал.

Салазар нервно потирал ладони друг о друга, в его глазах был испуганный блеск. Он до боли ясно осознавал свою беспомощность и неизбежность скорой гибели.

— Вы, кажется, говорили, что у вас есть жена? — спросил Питт, обращаясь к Салазару.

— И сын, — пробормотал он. — Они сейчас в Веракрусе.

— Там есть место еще для одного. Быстро прыгайте внутрь.

— Я буду восьмым, — тупо сказал Салазар. — Я думал, ваши аппараты вмещают только семерых.

— Я поместил самых крупных мужчин в первый аппарат и затолкнул самых маленьких и трех женщин во второй. Там осталось достаточно места, чтобы такой тощий парень, как ты, мог туда протиснуться.

Не сказав «спасибо», Салазар влез в аппарат, и Питт захлопнул крышку люка прямо за его пятками. Затем Лоуден плотно задраил люк изнутри.

Когда аппарат вкатился в шлюз и дверь последнего закрылась с бередящей душу окончательностью, Планкетт хлопнул Питта по спине своей огромной медвежьей лапой.

— А вы храбрый парень, мистер Питт. Никто не смог бы сыграть Господа Бога лучше вас.

— Сожалею, что мне не удалось найти еще одного места для вас.

— Это неважно. Сочту за честь умереть в хорошей компании,

Питт уставился на Планкетта, в его глазах было легкое удивление.

— А разве здесь кто-нибудь говорил хоть слово о том, чтобы умереть?

— Послушай, парень. Я знаю, что такое море. Не нужно быть великим сейсмологом, чтобы прекрасно понимать, что весь ваш проект вот-вот рухнет на наши головы.

— Док, — спокойно сказал Питт, стараясь, чтобы его можно было услышать сквозь грохот толчков, — верьте мне.

Планкетт очень скептически посмотрел на Питта.

— Вы знаете что-то, чего не знаю я?

— Давайте просто скажем, что мы садимся на последний корабль, покидающий «Мокрые делянки».

Двенадцать минут спустя ударные волны пошли непрерывной чередой. Тонны скальных пород обрушились со стен каньона, ударив по куполам станции с сокрушительной силой.

Наконец поврежденные стены подводного жилища схлопнулись внутрь, и миллионы литров ледяной воды ворвались, кипя, и смели дочиста все, что построили люди, словно здесь ничего и не было.

Глава 10

Первый аппарат вынырнул во впадине между волнами, по инерции выпрыгнул в воздух, как кит, и шлепнулся на брюхо в бирюзовую воду. Волнение заметно уменьшилось, небо было кристально чистым, и валы зыби едва достигали метровой высоты.

Джиордино быстро дотянулся до крышки люка, ухватился за маховик запорного устройства и повернул его. После двух оборотов тот начал вращаться легче, дошел до упора, и Джиордино смог откинуть крышку. Тонкая струйка воды брызнула внутрь аппарата, и тесно прижатые друг к другу пассажиры смогли благодарно вдохнуть свежий чистый воздух. Для некоторых из них это было первое всплытие на поверхность за долгие месяцы.

Джиордино пролез в люк и высунулся из низкой овальной трубы, защищавшей от волн отверстие люка. Он рассчитывал увидеть пустынный океан, но, обводя глазами горизонт, вдруг открыл рот от удивления и ужаса.

Менее чем в пятидесяти метрах от него какая-то джонка, традиционное китайское мореходное судно, шла прямо на болтающийся на волнах аппарат. С широкой нависающей над носом квадратной палубой и яйцевидной кормой, она несла три мачты с плетенными из полос коры бамбука прямыми парусами и современный кливер. Глаза, намалеванные на носу джонки, казалось, пялились прямо на Джиордино.

В течение краткого мига Джиордино не мог поверить этой неправдоподобной встрече. На огромных просторах Тихого океана его угораздило всплыть как раз в том месте, через которое минуту спустя должно было пройти судно. Он наклонился к люку и крикнул внутрь:

— Всем наружу! Быстро!

Два матроса из команды джонки заметили бирюзовый аппарат, когда его подняло на гребень волны, и начали кричать рулевому, чтобы тот круто повернул налево. Но расстояние между джонкой и аппаратом почти исчезло. Влекомый свежим бризом блестящий корпус из тикового дерева мчался прямо на людей, выскакивающих из аппарата и прыгающих в воду.

Судно приблизилось, струи брызг летели из-под форштевня, массивный руль с трудом поворачивался, становясь против течения. Команда джонки собралась у бортового ограждения; они стояли как вкопанные, с изумлением глядя на неожиданное препятствие, возникшее у них на пути, боясь, что удар может проломить нос джонки и отправить ее на дно.

Все сошлось вместе, чтобы сделать столкновение неизбежным: неожиданность; время реагирования впередсмотрящих, от того момента, когда они заметили препятствие, до того момента, когда начали кричать рулевому; промедление рулевого, пока он понял, что ему кричат, и сообразил, куда крутить современный штурвал,

заменивший более привычный ему традиционный румпель. Слишком поздно неуклюжее судно вошло в мучительно медленный разворот.

Тень от огромного нависающего носа упала на Джиордино в тот миг, когда он схватил протянутую руку последнего оставшегося внутри аппарата человека. Он уже вытаскивал его наружу, когда нос джонки поднялся на волне и навалился на корму аппарата. Не было обычного громкого скрежета столкновения, вообще не было почти никакого звука, кроме мягкого всплеска, за которым последовало журчание и бульканье, когда аппарат лег на левый борт и вода устремилась в открытый люк.

Затем раздались крики на палубах джонки, когда ее команда начала убирать паруса, стягивая их вниз, как шторы. Судовой двигатель закашлял и запустился, отрабатывая полный назад, и в воду с борта полетели спасательные круги.

Джиордино отбросило от корпуса джонки, когда она прошла мимо него на расстоянии вытянутой руки; в это время он вытащил пассажира из люка, содрав себе кожу на коленях, и упал на спину, вытолкнутый под воду весом тела спасенного им мужчины. Он предусмотрительно держал рот закрытым, но набрал соленой воды через нос. Резко выдохнув, он прочистил нос и осмотрелся по сторонам. С облегчением насчитал шесть голов, подпрыгивающих на волнах; некоторые умело держались на воде, другие подбирались к спасательным кругам.

Но аппарат быстро заполнился водой и потерял плавучесть. Джиордино с яростью и отчаянием наблюдал, как глубоководный обитаемый аппарат скользнул под волну кормой вперед и ушел на дно.

Он взглянул на проходящую мимо джонку и прочитал ее название на пышно размалеванной корме. Судно называлось «Шанхайская раковина». Он изверг целый поток ругательств по поводу столь невероятного невезения. Как могло такое случиться, оказаться протараненным единственным судном на сотни километров вокруг? Джиордино чувствовал себя виноватым и опустошенным из-за того, что так подвел своего друга Питта, и твердо знал только одно: он должен управлять вторым аппаратом, нырнуть на дно и попытаться спасти Питта, какой бы тщетной ни казалась эта попытка. Они были ближе друг другу, чем братья, он был слишком многим обязан этому эксцентричному искателю приключений, чтобы позволить ему сгинуть без борьбы. Он не мог забыть, сколько раз Питту удавалось выручить его, когда ему самому казалось, что всякая надежда потеряна безвозвратно. Но сначала нужно заняться неотложными делами.

Он огляделся кругом.

— Если кто ранен, поднимите руку.

Только одна рука поднялась вверх. Это был молодой геолог.

— Мне кажется, у меня растянут голеностоп.

— Если это твое единственное ранение, то считай, что ты легко отделался, — прорычал Джиордино.

Джонка подошла к ним поближе и замедлила ход, остановившись в десяти метрах вниз по ветру от спасшихся пассажиров аппарата. Пожилой человек с белыми как снег волосами, развевающимися по ветру, и длинными изогнутыми седыми усами перегнулся через борт. Он сложил ладони рупором у рта и крикнул:

— Кто-нибудь ранен? Нам спустить шлюпку?

— Спустите штормтрап, — дал указание Джиордино. — Мы взберемся на борт. — Затем он добавил: — Внимательно смотрите на воду. Сейчас должен всплыть еще один аппарат.

— Я вас слышал.

Через пять минут после этого разговора все члены экипажа НУМА стояли на палубе джонки, все, кроме геолога с поврежденным голеностопом, которого пришлось втаскивать на борт с помощью рыболовной сети. Человек, который протаранил их, подошел и развел руки в стороны, выразив этим жестом свои извинения.

— Боже мой, мне очень жаль, что вы потеряли ваше судно. Мы заметили вас только тогда, когда было уже слишком поздно.

— Это не ваша вина, — сказал Джиордино, выходя на шаг вперед. — Мы вынырнули почти под вашим килем. Ваши впередсмотрящие были более бдительны, чем мы вправе были ожидать.

— Вы кого-нибудь потеряли?

— Нет, мы все здесь в полном составе.

— И то хоть хорошо. Весь день сегодня безумный. Мы подобрали из воды еще одного человека меньше чем в двадцати километрах к западу отсюда. Он в плохом состоянии. Говорит, его зовут Джимми Нокс. Это один из ваших людей?

— Нет, — ответил Джиордино. — Остальные мои люди следуют за нами в другом аппарате.

— Я приказал своим матросам смотреть в оба.

— Вы очень любезны, — механически поблагодарил Джиордино. Он мог сейчас думать лишь на шаг вперед.

Незнакомец, который, видимо, командовал здесь, обвел взглядом открытое море, и на его лице появилось выражение недоумения.

— Откуда вы все появились?

— Объяснения потом. Могу я воспользоваться вашей рацией?

— Конечно. Кстати, меня зовут Оуэн Мерфи.

— Ал Джиордино.

— Прямо в эту дверь, мистер Джиордино, — сказал Мерфи, благоразумно сдержав свое любопытство. Он двинулся к входу в большую кабину на кватердеке. — Пока вы заняты, я прослежу, чтобы ваши люди могли переодеться в какую-нибудь сухую одежду.

— Очень признателен, — бросил Джиордино через плечо, спеша к корме.

Не однажды после того, как они еле успели выбраться из тонущего аппарата, в его сознании вставала одна и та же картина: Питт и Планкетт беспомощно стоят, а на них обрушиваются миллионы тонн воды. Трезвым рассудком он понимал, что, вероятно, он уже опоздал, шансы на то, что они еще живы, где-то между нулем и полным отсутствием таковых. Но мысль о том, чтобы бросить их, списать со счетов, даже не приходила ему в голову. Он еще решительнее, если такое вообще возможно, чем когда-либо, был настроен вернуться на дно, независимо от того, какой кошмар он может там обнаружить.

Аппарат НУМА, пилотируемый Дейвом Лоуденом, всплыл на поверхность на траверзе джонки в полукилометре от нее. Благодаря умелым действиям рулевого, «Шанхайская раковина» остановилась менее чем в двух метрах от ограждения люка аппарата. На этот раз все члены экипажа аппарата, кроме Лоудена, сухими поднялись на борт джонки.

Джиордино бегом вернулся на палубу, как только ему удалось доложить адмиралу о ситуации и посоветовать пилоту самолета-амфибии приводниться рядом с джонкой. Он посмотрел прямо вниз на Лоудена, стоявшего в аппарате, наполовину высунувшись из люка.

— Приготовься, — крикнул ему Джиордино. — Я хочу повести аппарат обратно вниз.

Лоуден отрицательно помахал рукой.

— Нет, это совершенно невозможно. У нас появилась течь в корпусе аккумулятора. Четыре батареи закорочены. Оставшегося заряда совершенно недостаточно для еще одного погружения.

Когда Лоуден кончил говорить, наступила ледяная тишина. Неспособный произнести ни слова от полного поражения, Джиордино ударил кулаком по борту. Ученые и инженеры НУМА, Стаси и Салазар, даже матросы джонки — все молча смотрели на лицо Джиордино, на котором застыло выражение предельного отчаяния.

— Это несправедливо, — пробормотал он, внезапно охваченный гневом. — Несправедливо.

Он долго стоял там, глядя вниз на враждебное море, словно пытаясь проникнуть взором в его глубины. Он все еще стоял там, когда самолет адмирала Сэндекера появился из покрывшегося облаками неба и облетел вокруг дрейфующей джонки.

Стаси и Салазару показали, как найти каюту, в которой почти без сознания лежал Джимми Нокс. Мужчина с редеющими седыми волосами и доброжелательным огоньком в глазах поднялся со стула у койки и кивнул им.

— Здравствуйте, я Гарри Дирфилд.

— Ничего, что мы зашли? — спросила Стаси.

— Вы знакомы с мистером Ноксом?

— Мы его друзья с британского океанографического корабля, — ответил Салазар. — Как он?

— Устроен удобно, — сказал Дирфилд, но выражение его лица обещало все, что угодно, кроме быстрого выздоровления.

— Вы врач?

— На самом деле я педиатр. Я взял шестинедельный отпуск, чтобы помочь Оуэну Мерфи перегнать его судно от изготовителя в Сан-Диего. — Он повернулся к Ноксу. — Вы не против принять посетителей, Джимми?

Нокс, бледный и неподвижный, утвердительно поднял вверх пальцы одной руки. Его лицо было отекшим и обожженным, но глаза смотрели твердо, и они заметно оживились, когда он узнал Стаси и Салазара.

— Слава Богу, вы сумели это сделать, — прохрипел он. — Я уже не надеялся когда-либо вновь увидеть вас двоих. Где этот безумец Планкетт?

— Он скоро подойдет, — сказала Стаси, взглядом приказывая Салазару хранить молчание. — Что случилось, Джимми? Что случилось с «Неукротимым»?

Нокс слабо покачал головой.

— Я не знаю. Думаю, произошел какой-то взрыв. Только что я разговаривал с вами по подводному телефону, а в следующую минуту все судно было разорвано на части и горело. Я помню, как пытался связаться с вами, но ответа не было. А затем я карабкался по обломкам и мертвым телам, а судно тонуло подо мной.

— Погибли? — бормотал Салазар, отказываясь верить услышанному. — Судно потонуло, и весь наш экипаж погиб?

Нокс едва заметно кивнул.

— Я видел, как оно ушло на дно. Я кричал и постоянно искал глазами других, кто мог спастись. Но море было пустынно. Я не знаю, сколько времени я держался на воде и как далеко уплыл, прежде чем мистер Мерфи и его команда заметили меня и подобрали. Они обыскали море вокруг этого места, но ничего не нашли. Они сказали, что я, должно быть, единственный, кто выжил.

— Но что известно насчет двух других кораблей, которые находились поблизости, когда мы начали погружение? — спросила Стаси.

— Я не видел никаких признаков их присутствия. Они тоже исчезли.

Голос Нокса ослаб до шепота, и было очевидно, что он, как ни старался держаться, вот-вот потеряет сознание. Сила воли была при нем, но тело исчерпало свои силы. Его глаза закрылись, и голова слегка откинулась набок.

Доктор Дирфилд взмахом руки попросил Стаси и Салазара удалиться.

— Вы сможете снова побеседовать с ним, когда он отдохнет.

— Он поправится? — мягко спросила Стаси.

— Я не могу этого сказать, — увильнул от прямого ответа доктор Дирфилд в лучших медицинских традициях.

— Что именно у него не в порядке?

— Два или больше сломанных ребра, насколько я могу сказать без рентгена. Опухший голеностопный сустав — растяжение или перелом. Ушибы, ожоги первой степени. Это те травмы, с которыми я могу справиться. Остальные его симптомы — совсем не те, которые я ожидал бы найти у человека, пережившего кораблекрушение.

— Что вы имеете в виду?

— Высокая температура, артериальная гипотензия, — это такое название пониженного кровяного давления, сильная эритема, желудочные спазмы, странное кровотечение.

— А какова причина всех этих симптомов?

— Это не совсем моя область, — серьезно ответил Дирфилд. — Я лишь читал пару статей в медицинских журналах. Но думаю, что не ошибусь, если скажу, что крайне тяжелое состояние Джимми было вызвано полученной им дозой радиации, превышающей летальную.

Стаси секунду молчала, затем уточнила:

— Ионизирующая радиация?

Дирфилд кивнул.

— Хотелось бы мне ошибиться, но факты вынуждают меня придти к этому выводу.

— Наверно, вы можете что-нибудь сделать, чтобы спасти его?

Дирфилд жестом руки обвел каюту.

— Посмотрите вокруг, — грустно сказал он. — Это похоже на госпиталь? В это плаванье я отправился матросом. Моя аптечка состоит лишь из таблеток и перевязочных материалов для оказания первой помощи. Его нельзя эвакуировать вертолетом, пока мы не подойдем ближе к суше. И даже тогда я сомневаюсь, чтобы его можно было спасти существующими в настоящее время методами лечения.

— Повесить их! — неожиданно для всех вскрикнул Нокс. Его глаза моргнули и широко открылись, он смотрел сквозь присутствующих в каюте людей на некий не видимый им образ за переборкой.

— Повесить этих кровожадных ублюдков!

Они в изумлении глядели на него. Салазар стоял потрясенный. Стаси и Дирфилд бросились к койке, чтобы успокоить Нокса, который немощно пытался встать на ноги.

— Повесить этих ублюдков! — снова повторил Нокс гневно. У него был такой вид, словно он налагал проклятье на невидимых врагов. — Они будут убивать опять. Повесить их!

Но прежде чем Дирфилд успел сделать ему успокаивающий укол, Нокс застыл, его глаза на мгновенье вспыхнули, и затем туманная пленка застлала их, он упал навзничь, издал долгий протяжный вздох и обмяк.

Дирфилд быстро приступил к кардиопульмонарной реанимации, боясь, что Нокс был слишком обессилен острой лучевой болезнью, чтобы

вернуться к жизни. Он продолжал свои попытки, пока от усталости ему не начало сводить руки и пот не полил с него ручьями. Наконец он с грустью признал, что сделал все, что было в его силах. Никто, никакое чудо не могло вернуть Джимми Нокса обратно.

— Мне очень жаль, — бормотал он, переводя дух.

Словно загипнотизированные, Стаси и Салазар медленно вышли из каюты. Салазар молчал, а Стаси начала слабо всхлипывать. Через некоторое время она утерла слезы рукой и выпрямилась.

— Он что-то увидел, — прошептала она.

Салазар взглянул на нее.

— Увидел что?

— Он знал, каким-то невероятным образом он знал. — Она повернулась и посмотрела сквозь открытый дверной проем на безмолвную фигуру, распростертую на койке. — Как раз перед концом Джимми смог увидеть, кто повинен в этой ужасной массовой гибели и разрушении.

Глава 11

С одного взгляда на его фигуру, худую чуть ли не до состояния истощения, становилось ясно, что он был фанатиком диеты и поддержания формы. Он был низкорослым, грудная клетка и подбородок выдавались вперед, как у тощего петуха, и щегольски одет в светло-голубую рубашку для гольфа и соответствующие брюки. Соломенная панама была туго надвинута на коротко остриженные рыжие волосы, чтобы ее не сорвало ветром. Он носил тщательно подстриженную вандайковскую бородку с таким острым кончиком, что можно было поклясться, что он мог бы заколоть ею кого-нибудь, если бы вдруг сделал выпад.

Он стремительно вбежал наверх по штормтрапу джонки, держа во рту огромную сигару, разбрасывающую по ветру искры. Если бы драматические появления на сцене награждались призами за стиль исполнения, то адмирал Джеймс Сэндекер, директор Национального агентства подводных и морских исследований, несомненно завоевал бы первый приз.

Его лицо выглядело напряженным из-за печальных известий, которые он получил на борту самолета. Как только у него под ногами оказалась палуба «Шанхайской раковины», он поднял вверх руку и помахал пилоту летающей лодки, который помахал ему в ответ. Самолет развернулся против ветра и понесся вперед, подпрыгивая на гребнях волн, затем поднялся в воздух и, описав красивый вираж, взял курс на юго-восток в сторону Гавайских островов.

Джиордино и Мерфи сделали шаг вперед. Сэндекер устремил взгляд на хозяина джонки.

— Привет, Оуэн. Вот уж никак не ожидал встретить тебя здесь.

Мерфи улыбнулся и пожал ему руку.

— Я тоже, Джим. Добро пожаловать на борт. Рад видеть тебя. — Он немного помолчал и показал жестом на суровые лица членов команды НУМА, тесным кольцом окруживших их на открытой палубе. — Теперь, может быть, кто-нибудь расскажет мне, что это за грандиозное шоу с пламенем и грохотом было позавчера на горизонте и почему все эти люди выпрыгивают из волн посреди океана.

Сэндекер не дал прямого ответа. Он обвел взглядом палубу и взглянул вверх на спущенные паруса.

— А сам-то ты что здесь делаешь?

— По моему заказу ее построили для меня в Шанхае. Мой экипаж и я идем на ней в Гонолулу, а затем в Сан-Диего, где я собираюсь держать ее постоянно.

— Вы знакомы друг с другом? — наконец спросил Джиордино.

Сэндекер утвердительно кивнул.

— Мы с этим старым пиратом вместе учились в Военно-морской академии в Аннаполисе. Только Оуэн оказался сообразительней. Он вышел в отставку и учредил компанию по производству электроники. Теперь у него больше денег, чем в Казначействе Соединенных Штатов.

Мерфи улыбнулся.

— К чему и стремился.

Сэндекер вдруг стал серьезным.

— Что нового о базе, с тех пор как ты информировал меня по радио? — обратился он к Джиордино.

— Мы опасаемся, что она разрушена, — тихо ответил Джиордино. — Вызовы по подводному телефону из нашего оставшегося аппарата остались без ответа. Кейт Харрис полагает, что основная ударная волна должна была прийти вскоре после нашей эвакуации. Как я уже докладывал, в наших двух аппаратах не было места, чтобы эвакуировать всех. Питт и британский океанолог добровольно вызвались остаться внизу.

— Что было предпринято, чтобы спасти их? — требовательно спросил Сэндекер.

Джиордино выглядел явно подавленным, как будто все его способности чувствовать истощились.

— Мы исчерпали наши возможности.

Взгляд Сэндекера стал холоден.

— Вы не справились с работой, мистер. Вы заставили меня поверить, что собираетесь вернуться за оставшимися на втором аппарате.

— Это было до того, как Лоуден всплыл с закороченными батареями! — обиженно ответил Джиордино. — Один аппарат затонул, другой неисправен — что мы могли сделать?

Выражение лица адмирала смягчилось, холод в глазах сменился печалью. Он понял, что Джиордино загнало в угол невезенье. Даже предположить, что маленький итальянец не сделал всего, что мог, было ошибкой, и адмирал сожалел об этом. Но он тоже был потрясен очевидной потерей Питта.

Для него Питт был как сын, которого у него никогда не было. Он бы послал на его спасение целую армию специально обученных людей и секретное оборудование, о существовании которого американская публика не имела ни малейшего представления, если бы судьба подарила ему еще тридцать шесть часов. У адмирала Сэндекера такая власть была. Он прибыл сюда не потому, что откликнулся на объявление с просьбой о помощи в газете «Вашингтон Пост».

Он сказал:

— Есть ли какая-нибудь возможность починить батареи?

Джиордино кивнул, показав на аппарат, качающийся на волнах в двадцати метрах от них, привязанный буксирным тросом к корме «Шанхайской раковины».

— Лоуден работает, как сумасшедший, пытаясь исправить их, но он настроен не слишком оптимистично.

— Если кто-то виноват в том, что случилось, то, наверно, это я, — серьезно сказал Мерфи.

— Питт все еще может быть жив, — сказал Джиордино, игнорируя реплику Мерфи. — Он не из тех людей, которые легко смиряются с перспективой смерти.

— Да. — Сэндекер замолчал, затем продолжил почти бесстрастно: — В прошлом он не однажды доказывал это.

Джиордино в упор смотрел на адмирала, и в его глазах начала разгораться искорка.

— Если бы мы могли спустить отсюда другой глубоководный аппарат…

— «Дип Квест» может погружаться на десять тысяч метров, — сказал Сэндекер, снова становясь на ровный киль. — Он находится в нашем доке в Лос-Анджелесе. Я могу сделать так, чтобы его погрузили на борт транспортного самолета ВВС «Си-5», и он будет на пути сюда еще до заката.

— Я не знал, что «Си-5» могут садиться на воду, — перебил его Мерфи.

— Они не могут, — твердо сказал Сэндекер. — «Дип Квест», все его двенадцать метрических тонн, будет сброшен в воду из грузового люка. — Он посмотрел на часы. — Полагаю, это произойдет примерно через восемь часов.

— Вы собираетесь сбросить с самолета на парашюте двенадцатитонный глубоководный аппарат?

— Почему бы и нет, черт возьми? Чтобы доставить его сюда на корабле, потребуется неделя.

Джиордино задумчиво глядел на палубу.

— Мы могли бы избавиться от множества трудностей, если бы работали с борта базового судна, способного спускать и поднимать из воды глубоководные аппараты.

— Ближайшее океанографическое судно в нашем районе, подходящее под это описание, — это «Саундер». Оно занимается картографической сонарной съемкой морского дна к югу от Алеутских островов. Я прикажу его капитану прервать выполнение этого задания и идти прямо к нам так быстро, как он сможет.

— Могу ли я чем-нибудь помочь? — спросил Мерфи. — После того, как я потопил ваш аппарат, самое меньшее, что я могу сделать, — это предложить услуги своего судна и команды.

Джиордино улыбнулся про себя, когда Сэндекер поднял руки и обхватил Мерфи за плечи. Наложение рук, так обычно называл это Питт. Сэндекер не просто просил ни о чем не подозревающего постороннего оказать ему услугу, он заставлял свои жертвы чувствовать себя так, будто он совершает над ними обряд крещения.

— Оуэн, — произнес адмирал своим самым благоговейным тоном, — НУМА будет в долгу перед вами, если мы сможем использовать вашу джонку в качестве командного судна флота.

Оуэн Мерфи не был растяпой, когда речь шла о том, чтобы почувствовать, что его водят за нос.

— Какого флота? — спросил он с невинным видом.

— Ну, половина ВМФ США будет задействована для выполнения операции, которой мне поручено руководить, — сказал Сэндекер, как будто секретный доклад Реймонда Джордана был общеизвестной новостью. — Меня не удивит, если одна из наших атомных подводных лодок проходит у нас под килем в эту минуту.

Это, подумал Мерфи, самая дикая история, какую ему приходилось слышать за всю его жизнь. Но никто на борту «Шанхайской раковины», кроме самого адмирала, и понятия не имел, насколько пророческими окажутся его слова. Не подозревали они и о том, что попытка спасения двух потерянных исследователей была лишь прологом к главным событиям.

В двадцати километрах от них ударная подводная лодка «Туксон» шла на глубине четырехсот метров, подходя к месту нахождения джонки. Она прибыла в заданный район даже быстрее, чем планировалось. Ее шкипер, коммандер Бью Мортон, вел ее на максимальной скорости после того, как он получил в Пирл-Харборе приказ как можно быстрее идти к месту взрыва. Прибыв на место, он должен был провести анализы подводного загрязнения радиоактивными выбросами продуктов взрыва и собрать все плавающие обломки, которые можно будет безопасно взять на борт лодки.

Мортон небрежно облокотился на переборку, одной рукой поигрывая пустой кофейной чашкой, и наблюдал за лейтенантом-коммандером Сэмом Хаузером из Военно-морской лаборатории радиационной защиты. Ученый не обращал внимания на присутствие Мортона. Он был поглощен слежением за своими радиохимическими приборами и вычислением интенсивности бета-и гамма излучения, регистрируемой датчиками, буксируемыми лодкой.

— Все еще блуждаем в потемках? — саркастически спросил Мортон.

— Радиоактивность распределена очень неравномерно, — ответил Хаузер. — Но значительно ниже предельно допустимого уровня. Наибольшие концентрации наблюдаются наверху.

— Поверхностный взрыв?

— Да, это корабль, а не подводная лодка. Большая часть загрязнений выпала с атмосферными осадками.

— Есть какая-нибудь опасность для этой китайской джонки к северу от нас?

Хаузер покачал головой.

— Они должны были быть слишком далеко вверх по ветру, так что они не могли получить сколько-нибудь значительной дозы.

— А теперь, когда они дрейфуют через место взрыва? — настаивал Мортон.

— Из-за сильных воздушных потоков и турбулентных течений воды во время и сразу после взрыва, — терпеливо объяснял Хаузер, — большая часть радиоактивности была выброшена в атмосферу и отнесена ветром далеко на восток. Там, где они находятся, они должны быть в безопасности.

Телефон в отсеке издал мелодичное треньканье. Хаузер взял трубку.

— Да?

— Капитан здесь, сэр?

— Даю его. — Он передал трубку Мортону.

— Говорит капитан.

— Сэр, это оператор сонара Кайзер. У меня контакт. Мне кажется, вам следует послушать это.

— Сейчас буду. — Мортон положил трубку, недоумевая, почему Кайзер не связался с ним по селектору, как обычно.

Капитан застал оператора сонара первого класса Ричарда Кайзера на его рабочем месте, склонившегося над пультом прибора и слушающим через наушники сигнал сонара; лоб оператора был наморщен от удивления. Старший помощник Мортона, капитан-лейтенант Кен Фейзио, прижимал к своим ушам запасную пару наушников. У него был совершенно обалдевший вид.

— У вас контакт? — спросил Мортон.

Кайзер не ответил сразу, а продолжал слушать еще несколько секунд. Наконец он сдвинул вверх левый наушник и пробормотал:

— Это дико.

— Дико?

— Я поймал сигнал, которого просто не может быть.

Фейзио покачал головой, подтверждая сказанное.

— Это неслыханно.

— Не будете ли вы столь любезны посвятить меня в вашу тайну? — раздраженно потребовал Мортон.

— Я включу сигнал на динамик, — ответил Кайзер.

Мортон и несколько офицеров и матросов, к которым новость о странном сигнале просочилась непонятно как, окружили кабинку сонара, ожидающе посматривая на динамик. Звуки не были чистыми, но все же их можно было разобрать. Это были не высокие пронзительные свисты дельфинов, не стрекот кавитации гребных винтов; это были человеческие голоса, поющие песню.

Нам с Минни звезды морские светили.

Обняв ее крепко, целуя в ушко,

О, что за ночи я проводил там

В ее бунгало на дне морском.

Мортон смерил Кайзера ледяным взглядом.

— Что это еще за фокусы такие?

— Никаких фокусов, сэр.

— Наверняка этот сигнал идет от той китайской джонки.

— Нет, сэр, не от джонки и не от какого-либо другого надводного судна.

— От другой подводной лодки? — скептически допытывался Мортон. — Может быть, от русской?

— Нет, если только они не строят лодки в десять раз прочнее наших, — сказал Фейзио.

— Какая дистанция и азимут? — требовательно спросил Мортон.

Кайзер не знал, что и сказать. Он смотрел на капитана, как маленький ребенок, наделавший в штаны и боявшийся признаться.

— Никакого горизонтального азимута, сэр. Пение раздается со дна моря, из глубины пять тысяч метров, прямо под нами.

Глава 12

Желтоватую муть, образованную микроскопическими панцирями одноклеточных морских водорослей диатомей, постепенно относило прочь извилистыми облачками, затерянными в непроницаемом мраке абиссальных глубин.

Дно котловины, на котором недавно стояла исследовательская станция НУМА, было завалено пластами ила и обрушенной породы. Теперь оно выглядело как неровная, изрытая ямами и усеянная полузасыпанными глыбами и обломками стен площадка. После того как затихли последние отзвуки землетрясения, здесь должна была воцариться мертвая тишина, но вместо этого искаженный напев «Русалочки Минни» просачивался из-под глыб камня и толщи ила и уходил наверх, в бескрайнее водное пространство.

Если бы кто-нибудь мог пройтись по этим кучам мусора, отыскивая источник звука, он не нашел бы ничего, кроме единственного штыря антенны, торчавшего из жидкой грязи. Штырь был погнут и искорежен. Серовато-розовая рыба-крыса быстро обследовала антенну, но, найдя ее несъедобной, махнула своим заостренным хвостом и лениво уплыла в темноту.

Почти сразу же после исчезновения рыбы-крысы ил в нескольких метрах от антенны зашевелился, закручиваясь во все расширяющуюся воронку, диковинно подсвеченную снизу. Вдруг пучок яркого света брызнул сквозь взбаламученную воду, за ним появилась механическая рука, сложенная в виде ковша и разделенная у запястья на суставчатые пальцы. Стальной призрак замер и вытянулся, как степной пес, сделавший стойку на задних лапах и вынюхивающий, не донесется ли откуда-нибудь запах койота.

Затем ковш изогнулся вниз и вгрызся в морское дно, выкапывая глубокую траншею, которая начала у дальнего конца становиться более мелкой, образуя что-то вроде наклонного пандуса. Когда механическая рука наткнулась на глыбу камня, слишком большую, чтобы поместиться в ней, рядом, как по волшебству, появилась огромная металлическая клешня. Своими похожими на когти захватами она обхватила глыбу, вырвала ее из ила и опустила на дно рядом с траншеей; облако взбаламученной грязи поднялось со дна от удара глыбы. Затем клешня убралась прочь, и рука-ковш продолжила свою работу.

— Недурно сделано, мистер Питт, — сказал Планкетт, с облегчением улыбнувшись. — К вечернему чаю вы нас откопаете, и мы сможем проехаться по равнине.

Питт отклонился назад в своем кресле с откидывающейся спинкой, глядя на экран телемонитора с тем же пристальным вниманием, которое он обычно приберегал для трансляции футбольного матча.

— Мы пока еще не на дороге.

— Забраться в один из ваших подводных вездеходов и загнать его в воздушный шлюз перед главным толчком землетрясения — это была гениальная идея.

— Ну, это уж слишком громко сказано, — пробормотал Питт, программируя компьютер вездехода, чтобы слегка изменить угол наклона ковша. — Лучше считайте, что я просто позаимствовал логику рассуждений доктора Спока.

— Стены шлюза выдержали, — настаивал Планкетт, — если бы не прихотливая игра случая, нас бы раздавило, как клопов.

— Шлюзовая камера была рассчитана на вчетверо большее давление, чем остальные конструкции станции, — заявил Питт тихим голосом, но с интонацией, не допускающей возражений. — Прихотливая игра случая, как вы это называете, дала нам время на то, чтобы уравнять давление в шлюзовой камере с наружным, открыть внешнюю дверь и выехать вперед на достаточное расстояние, чтобы можно было работать клешней и ковшом, прежде чем начался обвал. В противном случае мы оказались бы запертыми в ловушке на более длительный срок, чем мне хотелось бы думать.

— О, черт побери, — рассмеялся Планкетт. Его мало чем можно было обескуражить. — Какая разница, если уж нам удалось выбраться из этой могилы.

— Я прошу не произносить при мне слова «могила».

— Извините. — Планкетт сидел в кресле рядом и немножко сзади от Питта. Он внимательно осматривал кабину вездехода. — Чертовски неплохая машина. Какая у нее двигательная установка?

— Небольшой атомный реактор.

— Атомный? Правда? Вы, янки, никогда не перестанете изумлять меня. Готов биться об заклад, что мы сможем проехать на этом чудовище прямо по дну до пляжа Ваикики.

— Вы бы выиграли ваше пари, — ответил Питт с кривой улыбкой. — Реактор и системы жизнеобеспечения «Большого Джона» могут доставить нас туда. Вся загвоздка в прискорбно малой скорости пять километров в час. Мы подохнем с голоду за добрую неделю до того, как прибудем на место.

— Вы не захватили с собой завтрак? — шутливо спросил Планкетт.

— Даже ни одного яблока не взял.

Планкетт сухо посмотрел на Питта.

— Я бы даже согласился сдохнуть, лишь если бы мне не приходилось снова слушать эту треклятую песенку.

— Вам не нравится «Минни»? — спросил Питт с притворным удивлением.

— После того, как я услышал этот припев двадцать раз подряд, нет.

— Поскольку корпус телефонного переговорного устройства раздавило, наше единственное средство связи с поверхностью — это акустический радиопередатчик. Для переговоров его радиус действия совершенно недостаточен, но это все, что у нас есть. Я мог бы предложить вальсы Штрауса, или джазовые оркестры сороковых годов, но для наших целей они не годятся.

— Я не в восторге от вашей фонотеки, — прорычал Планкетт. — А чем плох Штраус? — спросил он, взглянув на Питта.

— Это инструментальная музыка, — ответил Питт. — Искаженные передачей через воду, звуки скрипки похожи на писки дельфинов или нескольких других морских млекопитающих. Минни — это вокальная музыка. Если кто-нибудь на поверхности слушает, что происходит вокруг, то они будут знать, что кто-то там внизу до сих пор жив. Как бы она ни была искажена, старую добрую человеческую речь ни с чем нельзя спутать.

— Со всеми вытекающими из этого преимуществами для нас — если только их вообще удастся извлечь, — сказал Планкетт. — Если будет организована спасательная операция, то нет никакого способа переместить нас из этого вездехода в глубоководный обитаемый аппарат иначе как через шлюзовую камеру. Никакого намека на такое устройство нет в вашем замечательном во всех остальных отношениях тракторе. Если вы позволите мне рассуждать реалистически, то я не могу усмотреть в ближайшем будущем ничего, кроме нашей неизбежной кончины.

— Я прошу не произносить при мне слова «кончина».

Планкетт запустил руку в карман своего объемистого свитера и вытащил фляжку.

— Здесь осталось лишь около четырех больших глотков, но это должно на какое-то время поддержать в нас бодрость духа.

Питт взял предложенную ему фляжку, и в этот момент приглушенный скрежет потряс огромный гусеничный вездеход. Ковш вгрызся в каменную массу и попытался оторвать ее от грунта. Вес этого обломка намного превосходил предельно допустимую безопасную нагрузку, машина скрежетала и стонала, пытаясь поднять обломок. Подобно олимпийскому чемпиону, из последних сил выжимающему штангу в попытке завоевать золотую медаль, ковш раскачивался под своей

тяжелой ношей, поднятой над уровнем дна, и наконец сбросил ее во все растущий вал вынутой породы, тянущийся рядом с траншеей.

Наружные прожекторы не могли пронизать грязевые облака, и на экранах телемониторов внутри кабины управления можно было увидеть только непрерывно перемешивающиеся желтые и серые пятна. Но на экране компьютера вырисовывалось трехмерное изображение, построенное посредством сонара и показывающее, насколько продвинулась работа по откапыванию прохода в завале.

Полных пять часов прошло с тех пор, как Питт начал откапывать вездеход. Наконец он смог увидеть увеличенное изображение, показывающее узкий, но достаточно ровный коридор, полого поднимающийся к поверхности морского дна.

— Мы обдерем немного краски с крыльев, но я полагаю, что мы сможем здесь протиснуться, — уверенно заявил Питт.

Надежда озарила лицо Планкетта.

— Пихните эту крошку под зад, мистер Питт. Мне до чертиков надоело глазеть на эту липкую грязь.

Питт слегка склонил голову набок и подмигнул попутчику.

— Как прикажете, мистер Планкетт. — Он перешел с автоматического на ручное управление и потер кисти рук, как пианист перед началом игры. — Скрестите пальцы и помолитесь, чтобы траки гусениц нашли прочную опору в этой каше, не то нам придется поселиться здесь надолго.

Он осторожно повел вперед рычажок акселератора. Широкие гусеницы по бокам «Большого Джона» пришли в движение, прокручиваясь сквозь мягкие осадочные породы и все набирая скорость по мере того, как Питт увеличивал мощность. Постепенно вездеход начал дюйм за дюймом продвигаться вперед. Затем вдруг один из траков добрался до слоя маленьких камешков и зацепился за него, и огромную самоходную горную машину бросило в противоположную сторону траншеи. Питт попытался удержать машину на курсе, но стена траншеи подалась, и поток жидкой грязи залил вездеход с одного бока.

Он перевел рычажок акселератора назад до упора, затем снова вперед, переключившись на задний ход, затем снова на полную мощность вперед, раскачивая «Большой Джон» взад-вперед. Компактный ядерный реактор давал достаточную мощность, но гусеницы не могли зацепиться за твердый грунт. Камни и ил летели из-под них, когда гусеницы врезались в вязкую кашу.

Но подводный экскаватор по-прежнему оставался застрявшим в своей тесной темнице.

— Может, нам лучше сделать перерыв и отчерпать грязь ковшом? — сказал Планкетт абсолютно серьезным тоном. — Или — еще — лучше остановиться и обдумать ситуацию.

Питт потратил несколько секунд на то, чтобы обдать массивного англичанина твердым, ледяным взглядом. Планкетт мог поклясться, что глаза Питта выжгли немалую порцию его нервных клеток.

— Множество моих людей долго и тяжело работали вместе со мной, чтобы построить первую глубоководную обитаемую станцию, — произнес он тоном, едва ли не сатанинским. — И кто-то, где-то ответственен за то, что она разрушена. Они также повинны в потере вашего глубоководного аппарата, вашего базового корабля и его команды. Вот в чем состоит ситуация. Ну, а если говорить обо мне, то я намерен выбраться из этого дерьма, даже если мне придется кишки вырвать из этой машины, подняться на поверхность целым и невредимым, найти этих подонков, которые стоят за всеми этими несчастьями, и запихнуть им в глотки их собственные зубы.

Затем он повернулся и пустил гусеницы продираться через нагромождения ила и камней. Странно вихляя, огромная машина вгрызлась траками в грунт и продвинулась вперед на метр, затем еще на метр.

Планкетт сидел, как пень, не на шутку напуганный, но тем не менее вполне убежденный этим гневным обещанием. Клянусь Богом, подумал он, мне думается, этот парень может чертовски неплохо проделать это!

Глава 13

А в это время на другом конце Земли, на расстоянии более восьми тысяч километров, в глубокой шахте, вырубленной в вулканической породе, бригада проходчиков отошла в сторону, освободив проход, и два человека шагнули вперед, заглянув в проломленную брешь в бетонной стене. Удушливым смрадом потянуло из отверстия, и сердца двадцати шахтеров сжались от страха перед неизвестным.

Прожекторы, освещавшие узкий штрек, отбрасывали причудливо искаженные тени на стены открывшейся полости. Она выглядела как широкий туннель, проходивший за бетонной стеной метровой толщины. Внутри можно было разглядеть старый проржавевший грузовик, окруженный со всех сторон толстым слоем валявшихся на полу туннеля серо-коричневых щепок — так, во всяком случае, это выглядело.

Несмотря на прохладный влажный воздух, здесь, глубоко под изрытыми снарядами склонами острова Коррегидор у входа в манильскую гавань,

эти двое, заглянувшие в отверстие, обливались потом. После многих лет исследований они, наконец, стояли на пороге обнаружения части огромного собрания военных трофеев второй мировой войны, известного как «золото Ямасита». Клад был назван по имени генерала Ямасита Томоюки, командующего японскими вооруженными силами на Филиппинах начиная с октября 1944 года.

Огромные сокровища были захвачены японцами в ходе войны. Они свозились из Китая, стран Юго-Восточной Азии, голландской Вест-Индии и Филиппин и состояли из тысяч тонн редких камней и драгоценностей, слитков золота и серебра, статуй Будды и католических алтарей, инкрустированных бесценными камнями и окованных массивным золотом.

Манила была местом сбора сокровищ перед предстоящей отправкой на кораблях в Японию, но из-за больших потерь судов на поздних стадиях войны, когда американские подлодки господствовали в этой акватории, менее чем двадцать процентов сокровищ действительно удалось доставить в Токио. Не имея возможности отступить, ожидая неминуемого вторжения американцев, готовых отомстить за все свои потери, японские хранители сокровищ оказались перед трудной проблемой. Им вовсе не хотелось возвращать ценности странам и народам, которые они ограбили. Единственное, что им оставалось, — это спрятать огромное богатство в сотне разных мест на острове Лусон и поблизости от него, надеясь вернуться после войны и тайно вывезти его к себе домой.

Скромные оценки похищенных сокровищ в текущих ценах финансовых рынков колебались между 450 и 500 миллиардами долларов.

Раскопки на этом конкретном месте острова Коррегидор, на несколько сотен метров к западу и на добрый километр глубже бокового туннеля, в котором располагался штаб генерала Макартура до его эвакуации в Австралию, продолжались уже четыре месяца. Используя копии старых японских секретных карт, недавно обнаруженные в архивах ЦРУ в Лэнгли, американские и филиппинские агенты секретных служб работали совместно, руководя раскопками. Работа была крайне утомительной и продвигалась черепашьими темпами.

Инструкции, содержащиеся в картах, были переведены, или, скорее, расшифрованы с древнеяпонского диалекта, не употреблявшегося уже тысячу лет. К штольне с сокровищами нужно было подбираться сбоку под углом, потому что туннель, по которому японцы их завозили, был заминирован несколькими одно — и двухтысячефутовыми бомбами и спроектирован так, чтобы при попытке проникнуть в него непосредственно с торца он обвалился. Продвижение по двадцатимильному лабиринту, выкопанному японцами во время

оккупации Лусона, нужно было тщательно просчитывать; любая неточность грозила тем, что шахтеры потратят впустую месяцы труда, ведя проходку на неправильной глубине, и разминутся с содержащей клад штольней на несколько сантиметров.

Более высокий из этой пары агентов, Фрэнк Манкузо, показал жестом, что ему нужен большой фонарь. Фонарь передали, и Фрэнк просунул его в пробоину в стене. В желтом рассеянном свете его лицо заметно побледнело. Онемев от ужаса, он понял, чем на самом деле были эти щепки.

Рико Акоста, горный инженер, связанный с филиппинскими службами безопасности, придвинулся поближе к Манкузо.

— Что ты там видишь, Фрэнк?

— Кости, — ответил Манкузо почти что шепотом. — Скелеты. Боже, их тут, наверно, сотни. — Он отступил в сторону и кивнул Акосте.

Агент-коротышка махнул рукой проходчикам, подозвав их к пролому в стене.

— Расширьте проход, — приказал он.

Бригаде шахтеров-филиппинцев потребовалось меньше часа, чтобы кувалдами расширить отверстие настолько, что туда мог пролезать человек. Бетон стенок туннеля был скверного качества, хрупкий и легко крошащийся под ударами кувалд. Это было воспринято как приятная неожиданность, поскольку никому не хотелось идти на риск и применять здесь взрывчатку.

Манкузо сидел поблизости от пролома, покуривая свою короткую кривую трубку. В сорок два года он все еще сохранял долговязую, худощавую фигуру баскетболиста. Длинные каштановые волосы ниспадали ему на загривок засаленными прядями, которые давно следовало бы помыть; его мягкое, округлое лицо, явно немецкого происхождения, больше подошло бы бухгалтеру, чем инженеру, которому вечно приходится возиться в грязи. В голубых глазах Фрэнка сквозила рассеянная мечтательность: казалось, они никогда не могли ни на чем сосредоточиться, но он подмечал все, что было доступно взору, и даже многое сверх того.

Выпускник Колорадского горного института, он провел свою молодость, шатаясь по всему свету и занимаясь геологоразведочными работами, руководя пробными разработками и всюду разыскивая драгоценные камни. Опалы в Австралии, изумруды в Колумбии, рубины в Танзании — он охотился за ними с переменным успехом. Он потратил три года, пытаясь найти на северном японском острове Хоккайдо редчайший

камень из всех — красный пейнит; эта попытка кончилась безрезультатно.

Незадолго до того, как ему стукнуло тридцать, его отыскало и завербовало какое-то загадочное разведывательное агентство в Вашингтоне, предложив ему работу специального агента по контракту. Его первым заданием был поиск золота Ямаситы в составе группы агентов филиппинской службы безопасности.

Раскопки велись в обстановке строжайшей секретности. Никакая часть золота и драгоценных камней не предназначалась для возвращения прежним владельцам. Все найденные сокровища должны были быть переданы филиппинскому правительству, чтобы уменьшить бремя государственного долга и поддержать на плаву тонущую экономику страны, разоренной неслыханным и неисчислимым казнокрадством режима свергнутого диктатора Маркоса.

Напарник Манкузо, Акоста, тоже был горным инженером, прежде чем присоединиться к службе безопасности. Он был высоковат для филиппинца, и разрез его глаз выдавал значительную примесь китайской крови.

— Значит, все эти слухи оказались правдой, — сказал Акоста.

Манкузо поднял голову и взглянул на него.

— Какие слухи?

— Что япошки заставляли военнопленных рыть эти туннели, а затем заживо замуровывали их там, чтобы они никогда не могли открыть, где они расположены.

— Похоже, что так. Мы узнаем точнее, когда войдем внутрь.

Акоста приподнял свою каску и утер пот со лба рукавом.

— Мой дедушка входил в Пятьдесят седьмую бригаду филиппинских разведчиков. Его захватили в плен и бросили в испанскую подземную тюрьму в форт-Сантьяго. Оттуда он никогда уже не вышел. Более двух тысяч военнопленных умерли там от голода или удушья. Точное число погибших так и не удалось установить.

Манкузо мрачно кивнул в ответ.

— Будущие поколения не смогут себе представить все безбожное варварство, которым сопровождалась война на Тихом океане. — Он затянулся трубкой и выдохнул облачко голубоватого дыма, прежде чем продолжать. — Ужасная статистика такова: в японских лагерях военнопленных погибло пятьдесят семь процентов содержащихся там

солдат союзников, тогда как среди военнопленных, находившихся в немецких лагерях, погибло лишь около одного процента.

— Странно, что японцы не вернулись обратно и не сделали все, что только можно было, чтобы похитить эти сокровища, — сказал Акоста.

— Группы, выдававшие себя за строительные компании, в самом деле пытались получить контракты на послевоенное восстановление, чтобы тайком откопать это золото, но как только Фердинанд Маркос узнал о кладах, он захлопнул перед ними дверь и начал искать его для себя.

— И кое-что нашел, — добавил Акоста. — Стоимостью около тридцати миллиардов американских долларов, и ему удалось тайно вывезти эти сокровища из страны перед тем, как его вышвырнули с его поста.

— Это вдобавок к тому золоту, которое он украл у своего собственного народа.

Акоста с видом крайнего отвращения плюнул на пол штольни. — Он и его жена были психопаты, одержимые жадностью. Нам потребуется сто лет, чтобы оправиться от последствий их правления.

Бригадир проходчиков поманил их рукой.

— Теперь вы уже сможете пролезть внутрь, — сказал он.

— Полезайте первым, — кивнул Акоста Манкузо. — Я за вами.

Запах был тяжелым и тошнотворным. Манкузо повязал ситцевым платком нижнюю часть лица и проскользнул сквозь узкий пролом в стене туннеля. Он услышал мягкий всплеск воды, затем громкий треск, когда его ботинки угодили в лужу. Стоя во весь рост и не касаясь стен, он ждал некоторое время, слушая, как вода капает из трещин в своде туннеля. Затем он включил свой фонарь и направил луч света себе под ноги.

Оказалось, что он наступил на вытянутую руку скелета, одетого в лохмотья военной формы и покрытого слизью. Пара проржавевших медальонов валялась сбоку от черепа, прикрепленные к тонкой цепочке, все еще обвивавшей шею скелета.

Манкузо опустился на колени и поднес к фонарю один из медальонов. Он счистил грязь и ржавчину с него большим и указательным пальцами и наконец смог разобрать имя: Уильям А. Миллер.

Там еще был армейский регистрационный номер, но Манкузо выпустил медальон из рук. Как только он сообщит о своей находке своему начальнику, на Коррегидор будет послана команда учета захоронений, и Уильям А. Миллер вместе с его давно умершими товарищами будут

возвращены на родину для почетного погребения пятьдесят лет спустя после их гибели.

Манкузо повернулся на месте, обведя лучом света полный круг. Повсюду, куда достигал луч, туннель был устлан скелетами; некоторые лежали поодиночке, другие были свалены в кучи. Он осмотрел еще несколько медальонов, прежде чем Акоста вошел в туннель, неся небольшой прожектор, за которым из пролома тащился кабель.

— Святая матерь Божья, — выдохнул он, увидев печальные останки. — Целая армия мертвых.

— Союзная армия, — сказал Манкузо. — Американцы, филиппинцы, даже несколько британцев и австралиец. Похоже, что японцы привозили пленников в Манилу из других районов боевых действий.

— Один лишь Бог знает, какие адские муки им пришлось испытать, — пробормотал Акоста, и его лицо покраснело от гнева. Он почувствовал, что его вот-вот стошнит. Он нащупал крест, висевший у него на шее. — Как их убили?

— Никаких признаков пулевых ран. Должно быть, они погибли от удушья, после того как туннель замуровали.

— Те, кто отдавал приказы об этом массовом убийстве, должны за это заплатить.

— Они, скорее всего, мертвы, убиты в резне вокруг Манилы, когда город захватила армия Макартура. А если они еще дышат, то их след давно простыл. Союзники в войне на Тихом океане были готовы простить слишком многое. Не было начато длительной охоты за теми, кто несет ответственность за жестокости, вроде той, которую евреи устроили за нацистами. Если их до сих пор не нашли и не повесили, то это никогда не будет сделано.

— И все же они должны за это заплатить, — повторил Акоста; его гнев перешел в безнадежную ненависть.

— Не будем зря терять время на мечты о мести, — сказал Манкузо. — Наша задача — найти золото.

Он пошел к первому грузовику в длинной колонне, стоявшей среди останков пленных. Шины были спущены, и брезентовые тенты над кузовами истлели от постоянно просачивающейся сверху воды. Он откинул вниз ржавый задний борт и посветил фонарем внутрь. Не считая обломков дерева от сломанных ящиков, грузовик был пуст.

Нехорошее предчувствие начало охватывать Манкузо. Он поспешил к следующему грузовику, тщательно обходя мертвецов или переступая

через них, и из-под его подошв разлетались брызги слизи и воды. Вспотев от сырости, он начинал испытывать озноб. Ему потребовалось сделать над собой немалое усилие, чтобы продолжать поиски, теперь, когда в нем начал крепнуть страх перед неудачей.

Второй грузовик был пуст, как и следующие шесть. Пройдя по туннелю двести метров, он наткнулся на завал, который, как сразу стало ясно его натренированному взгляду горного инженера, был вызван применением взрывчатки, и увидел боковой пролом в стене туннеля. Но подлинным ударом по всем его надеждам оказался небольшой автомобильный прицеп-трейлер, конструкция которого была современной и никак не вписывалась в рамки сороковых годов; он был изготовлен из алюминия. На боках трейлера не было никаких надписей, но Манкузо узнал торговые знаки фирмы-изготовителя на его шинах.

Он поднялся по металлической лестнице и остановился на пороге, направив луч фонаря внутрь. Он был обставлен, как конторское помещение, вроде бытовки прораба, которые Манкузо видел на стройках.

Подошел Акоста, а за ним четверо рабочих, разматывавших кабель прожектора. Он остановился и осветил весь трейлер ярким пучком света.

— Откуда, черт возьми, это здесь взялось? — удивленно спросил Акоста.

— Давай свой прожектор сюда внутрь, — сказал Манкузо, чувствуя, что его худшие опасения стали реальностью.

Теперь, когда освещение стало ярче, они увидели, что трейлер чист и прибран. Столы были пусты, корзины для бумаг опорожнены, и нигде не было видно никаких пепельниц. Единственным признаком, что здесь кто-то прежде бывал, оказалась строительная каска, висевшая на крюке, и большая классная доска, прикрепленная к одной из стен. Манкузо рассматривал разграфленные колонки цифр. Цифры были арабские, но заголовки граф были написаны японским слоговым письмом катаканой.

— Расписание работ? — спросил Акоста.

— Опись сокровищ.

Акоста бессильно опустился в кресло за одним из письменных столов.

— Украдено, все украдено и вынесено.

— Около двадцати пяти лет тому назад, судя по дате на доске.

— Маркос? — спросил Акоста. — Наверно, он первым добрался сюда.

— Нет, не Маркос, — ответил Манкузо с такой убежденностью, словно он всегда знал правду. — Японцы. Они вернулись, забрали золото и оставили нам только кости.

Глава 14

Кертис Микер запарковал «Меркури Когуар» своей жены и привычным шагом прошел три квартала к Театру Форда между улицами Е и F на Десятой авеню. Он застегнул воротник своего пальто, защищаясь от холодного осеннего воздуха, и присоединился к группе пожилых горожан, в этот поздний субботний вечер совершающих пешую экскурсию по столице.

Экскурсовод остановил группу перед зданием театра, в котором Джон Уилкс Бут застрелил Авраама Линкольна, и коротко рассказал об обстоятельствах этого исторического события, прежде чем перевести экскурсантов через улицу к дому Петерсена, в котором скончался президент. Микер беспрепятственно ускользнул от них, показал швейцару у входа свой значок федерального агента и прошел в вестибюль театра. Он обменялся несколькими фразами с администратором и затем присел на диванчик, где, казалось, спокойно читал программу спектакля.

Любому из запоздавших завсегдатаев театра, быстро проходивших мимо Микера, спеша занять свои места, он показался бы безразличным посетителем, которому наскучила новая постановка пьесы конца девятнадцатого века на тему американо-испанской войны, и он предпочел переждать спектакль, сидя в вестибюле.

Микер определенно не был ни туристом, ни театралом. Занимаемая им должность называлась заместитель директора высокотехнологичных операций, и он редко выходил из дома вечерами, разве что к себе в служебный кабинет, где он занимался изучением фотографий, полученных с разведывательных спутников.

Он был в сущности застенчивый и скромный человек, который редко произносил подряд больше одной-двух фраз, но его глубоко уважали специалисты-разведчики как лучшего аналитика-расшифровщика спутниковых снимков. Он был из тех людей, которых женщины называют симпатичными, с черными, тронутыми сединой волосами, с добрым лицом, приятной улыбкой и глазами, в которых светилось дружелюбие.

Пока его внимание, казалось, было приковано к программке, рука незаметно скользнула в карман и нажала кнопку передатчика.

В зале театра Реймонд Джордан мучительно боролся с дремотой. Под косыми взглядами жены он прикрывался зевотой, чтобы избежать не

вступать в сотый раз в один и тот же диалог. К облегчению зрителей, сидевших в старомодных жестких креслах, пьесы и действия в Театре Форда были краткими. Джордан пошевелился, приняв более удобную позу в жестком деревянном кресле, и позволил себе помечтать о рыбалке, которую он запланировал на завтра.

Внезапно его грезы были прерваны тремя короткими писками, которые издали часы с цифровым индикатором у него на руке. Это были так называемые дельта-часы — наименование, связанное с шифром, которым они были снабжены, — но внешне они выглядели как обычные часы фирмы «Рэйтех», так они и были помечены, чтобы не бросались в глаза. Он прикрыл рукой жидкокристаллический индикатор, на котором высветились некие цифры. С помощью дельташифра они сообщили ему о серьезности ситуации и о том, что кто-то желает вызвать его или встретиться с ним.

Он прошептал на ухо жене, что просит простить его, но ему нужно выйти, и, пройдя по проходу, вышел в вестибюль. Когда Джордан заметил Микера, его лицо омрачилось. Хотя он нисколько не жалел, что его вызвали из зала, ему не понравилось, что причиной послужил какой-то кризис.

— Как развивается ситуация? — спросил он, сразу переходя к делу.

— Мы узнали, на каком корабле находилась бомба, — ответил Микер, вставая.

— Мы не можем разговаривать здесь.

— Я договорился с администратором о президентском кабинете театра. Я могу наедине проинформировать вас там.

Джордану было знакомо это помещение. Он пошел впереди, ведя за собой Микера, и вошел в заднюю комнату, обставленную в стиле шестидесятых годов прошлого века. Он закрыл дверь и посмотрел на Микера.

— Вы вполне уверены в ваших выводах? Ошибка исключена?

Микер серьезно покачал головой.

— Снимки с метеорологического спутника, пролетевшего над этим местом до взрыва, показали три судна в этом районе. Мы задействовали наш старый разведывательный спутник «Скай Кинг», когда он пролетал над районом после взрыва, и исключили два судна из трех.

— Каким образом?

— С помощью компьютерного усиления изображений от радарно-сонарной системы, что позволило видеть сквозь воду, словно она была совершенно прозрачной.

— Вы проинформировали об инциденте ваших людей?

— Да.

Джордан смотрел Микеру прямо в лицо.

— Вы удовлетворены вашими выводами?

— У меня нет никаких сомнений, — просто ответил Микер.

— Доказательства надежны?

— Да.

— Знайте же, что вы разделите ответственность, если факты окажутся неточными.

— Как только я закончу свой доклад, я собираюсь отправиться домой и спать как младенец. Ну, почти так.

Джордан почувствовал некоторое облегчение и устроился в кресле за столом. Он ожидающе посмотрел на Микера.

— Ну, так что же вы выяснили?

Микер вытащил из глубокого внутреннего кармана пальто небольшую кожаную папочку и положил ее на стол.

Джордан улыбнулся.

— Я вижу, вы не доверяете чемоданчикам.

— Я предпочитаю держать руки свободными, — ответил Микер, пожав плечами. Он открыл папочку и выложил пять фотографий. На первых трех были видны суда на поверхности моря, изображенные с удивительной четкостью, можно было разглядеть малейшие подробности. — Вот это норвежский грузопассажирский лайнер, кружащий вокруг дрейфующего японского автомобилевоза. В двенадцати километрах от этого места британское океанографическое судно опускает на воду подводный исследовательский аппарат.

— Это снимок до взрыва, — сказал Джордан.

Микер кивнул.

— Следующие два сделаны спутником «Скай Кинг» после взрыва, и на них видны два искореженных корпуса на дне. Третье судно исчезло.

Кроме нескольких разбросанных обломков судовых двигателей на дне, от него ничего не осталось.

— Что это было за судно? Какое из трех? — медленно спросил Джордан, как бы предчувствуя, каким будет ответ.

— Нам удалось вполне определенно отождествить те два, которые затонули целиком. — Микер сделал паузу, чтобы оторваться от фотографий и посмотреть Джордану в глаза, как бы подчеркивая свой ответ. — Судно, транспортировавшее бомбу, — японский автомобилевоз.

Джордан вздохнул и откинулся в кресле.

— Я не слишком удивлен тем, что у Японии есть бомба. Необходимая технология имеется у них уже много лет.

— Прорыв наступил, когда они построили реактор-бридер на быстрых нейтронах с металлическим теплоносителем. Когда реакция расщепления ядер осуществляется быстрыми нейтронами, бридер накапливает больше плутония, чем он сжигает. Это первый шаг к созданию ядерного оружия.

— Вы выучили свой урок, — сказал Джордан.

— Я должен знать, что мне следует искать.

— Вроде неуловимой, еще не обнаруженной фабрики по производству ядерного оружия, — ядовито сказал Джордан.

Микер посмотрел на него невозмутимо, затем улыбнулся.

— Но ваша наземная разведка тоже не смогла найти ключ к тому, где они делают эти бомбы.

— Верно, — признал Джордан. — Японцам удалось создать невероятно эффективную систему маскировки. У меня такое чувство, что их правительство тоже не имеет об этом ни малейшего представления, совсем как мы.

— Если бы их производственные мощности располагались на поверхности земли, наша новая спутниковая сеть их бы засекла.

— Странно, что нигде нет аномально высокой радиоактивности.

— Мы также не обнаружили никаких отклонений вблизи их атомных электростанций и могильника ядерных отходов рядом с прибрежным городом Рокота.

— Я видел эти отчеты, — сказал Джордан. — Они вырыли четырехтысячеметровую шахту, чтобы сбрасывать свои отходы. Не могли ли мы чего-нибудь упустить?

Микер отрицательно покачал головой.

— Мы должны были бы все же заметить признаки широкомасштабного строительства или специфический характер транспортных потоков в направлении такого места или из него.

— Черт возьми! — вспылил Джордан. — Япония безо всяких помех направляет в океаны суда с ядерными бомбами, предназначенными для портовых городов Соединенных Штатов, а мы без толку гадаем, не зная, где их изготавливают, каков их конечный пункт назначения и каков общий план всей этой операции.

— Вы действительно сказали «бомбы», во множественном числе? — спросил Микер.

— На записях сейсмологического центра в Колорадо видно, что был еще один взрыв, через миллисекунду после первого.

— Очень скверно, что вы не начали крупномасштабную операцию с целью получить ответы на эти вопросы еще десять лет назад.

— А на какие средства? — прорычал Джордан. — Последняя администрация урезала финансирование проектов по сбору разведданных. Все, что интересовало политиков, — это Россия и Ближний Восток. В последнюю очередь государственный департамент позволил бы нам опробовать наших лихих ребят на такой нации, как японцы. Два отставных агента, которых нам пришлось держать на контрактах, — вот и все, что нам было позволено иметь там. Израиль — еще одна страна, на которую нам никогда не дают средств. Вы не поверите, но были времена, когда нам приказывали смотреть в другую сторону, пока Моссад устраивал фокусы, в которых потом обвиняли арабов.

— Президенту придется дать вам полную свободу действий, когда вы покажете ему всю серьезность положения.

— В то утро, когда я докладывал президенту, я уже знал определенно одну вещь. — Гладкая, лощеная маска Джордана дала еле заметную трещину, и его голос стал холодным, как лед. — Неважно, как мы будем бороться с этим кризисом, нам все равно придется действовать вдогонку. Что больше всего тревожит меня, действительно вселяет в меня страх Божий, это то, что мы на самом деле уже опоздали, чтобы сорвать этот заговор, уже наполовину осуществленный.

Из-за двери донеслись звуки голосов. Пьеса была окончена, и зрители устремились в вестибюль.

Джордан вскочил.

— Я должен прервать нашу беседу и появиться в вестибюле, иначе моя жена по дороге домой будет изображать из себя айсберг. Спасибо, что ознакомили меня с данными, полученными вашей пташкой.

— Тут есть еще одна штука, — сказал Микер. Он вытащил еще одну фотографию из своей папочки и поднес ее к свету.

Джордан впился взглядом в странный предмет в центре снимка.

— Похоже на какой-то большой трактор. Почему это важно?

— То, что вы видите на этом снимке, — это неизвестный экипаж, едущий по морскому дну на глубине пять тысяч метров, на расстоянии не более двадцати километров от эпицентра взрыва. Вам известно, чей это аппарат и что он там делает?

— Да ... — медленно произнес Джордан. — Я не знал этого, но теперь мне это известно. Спасибо, Кертис.

Джордан повернулся спиной к совершенно сбитому с толку Микеру, открыл дверь и смешался с толпой, выходящей из театра.

Глава 15

Как и обещал, Питт вывел покалеченный вездеход из-под завала. Стальные траки визжали, продираясь сквозь застывшую лаву сантиметр за сантиметром. Мучительно медленно огромная машина пробила себе дорогу наверх, на поверхность морского дна, отряхнула щебень и песок, которые, как река, мутным потоком волочились за ней, и выкатилась на пустынную равнину.

— Мы свободны, — обрадованно вскричал Планкетт. — Очень неплохо сработано.

— Очень неплохо сработано, — передразнил его Питт. Он переключился с ручного управления на автоматическое и вызвал на экран монитора несколько географических карт. — Просто чудо, что мы вырвались наружу без протечек и механических повреждений.

— Мой дорогой друг, моя вера в тебя глубока, как море... а-а, мы под ним. Я ни минуты не сомневался в твоей стойкости.

Питт с любопытством взглянул на него.

— Если тебя так легко удалось убедить поверить мне, то у меня в Нью-Йорке есть мост, который я с удовольствием продал бы тебе.

— Какой еще мост?

— Ты что, разыгрываешь меня?

— Да, я неплохо играю в бридж. Выиграл несколько матчей. А ты?

— Я неплохо раскладываю пасьянс «Старая Дева».

Этот обмен шутками был не более чем причудливый способ оценить, в какой переплет они попали, но ведь это были мужчины, находившиеся в отлично известной им стихии, хорошо понимавшие, как опасно стать пленниками подводных глубин. И если кто-нибудь из них и испытывал страх, то не выдал его.

— Теперь, когда мы выбрались из-под оползня, что мы собираемся делать дальше? — спросил Планкетт так спокойно, словно просил передать ему чашку чая.

— План состоит в том, чтобы двигаться наверх, — ответил Питт, показав пальцем на крышу кабины.

— Поскольку у этого замечательного гусеничного трактора нет никакой плавучести, а над нами добрых пять километров морской воды, то как ты собираешься совершить невозможное?

Питт улыбнулся.

— Ты просто сиди и наслаждайся видами морского дна. Мы собираемся предпринять прогулку через горы.

— Добро пожаловать на борт нашего судна, адмирал. — Капитан Мортон безупречно отдал честь и протянул руку для приветствия, но проделал все это сугубо формально, как положено. Он не был рад этой встрече и не пытался притворяться обрадованным. — Редкий случай, когда нам приказывают всплыть посреди моря во время плавания, чтобы взять на борт гостей. Должен вам сказать, что я от этого не в восторге.

Сэндекер пригасил свою улыбку, перейдя из шлюпки «Шанхайской раковины» на мостик торчащей из воды рулевой рубки «Туксона». Он пожал руку Мор-тона с рассеянной небрежностью и с видом превосходства, который, если это вообще было возможно, делал его присутствие здесь чем-то более или менее нормальным.

— Я не дергал за ниточки, чтобы заставить вас отклониться от выполнения вашего задания, чтобы я мог заскочить к вам на коктейль, капитан. Я здесь потому, что выполняю приказ президента. Если это доставляет вам неудобства, то я готов с радостью вернуться на джонку.

Тревога отразилась на лице Мортона.

— Не сочтите за оскорбление, адмирал, но русские спутники…

— Сфотографируют нас в живых красках для развлечения их аналитиков из разведки. Да, несомненно, но нам на самом деле наплевать на то, что

они увидят и подумают. — Сэндекер повернулся к Джиордино, вскарабкавшемуся на мостик. — Мой помощник, директор проекта, Ал Джиордино.

Почти безотчетно Мортон приветствовал Джиордино полусалютом и провел их через люк в центр управления подлодкой. Они последовали за капитаном в небольшой отсек с прозрачным столом-планшетом для прокладки курса, за которым находился экран, дающий трехмерное сонарное изображение морского дна.

Лейтенант Дейвид Делюка, штурман «Туксона», сидел за столом. Он выпрямился в кресле, когда Мортон представил ему гостей, и тепло улыбнулся им.

— Адмирал Сэндекер, это большая честь видеть вас здесь. Я никогда не пропускал ваших лекций в Академии.

Сэндекер просиял.

— Надеюсь, я вгонял вас в спячку.

— Вовсе нет. Ваши доклады о проектах НУМА были захватывающе интересными.

Мортон бросил взгляд на штурмана и кивнул на стол-планшет.

— Адмирала чрезвычайно заинтересовало ваше открытие.

— Так что ты можешь показать мне, сынок? — спросил Сэндекер, положив руку на плечо Делюка. — Я слышал, что тебе удалось обнаружить необычные звуки, идущие с морского дна.

Делюка секунду колебался.

— Мы услышали странную музыку…

— «Русалочку Минни»? — быстро перебил его Джиордино.

Делюка утвердительно кивнул.

— Сначала ее, но затем это стало звучать похоже на марши Джона Филиппа Сузы.

Глаза Мортона изумленно сузились.

— Как вам удалось об этом узнать?

— Это Дирк, — уверенно сказал Джиордино. — Он все еще жив.

— Будем надеяться, что это так, — сказал Сэндекер, почувствовав прилив радости. Он пристально посмотрел на Делюка. — Вы все еще можете слышать эту музыку?

— Да, сэр. Как только мы зафиксировали его положение, мы смогли отслеживать источник звука.

— Он движется?

— Со скоростью примерно пять километров в час, прямо по дну.

— Они с Планкеттом, значит, сумели пережить землетрясение и выбраться оттуда на «Большом Джоне», — сообразил Джиордино.

— Вы не попытались установить контакт? — спросил Сэндекер у Мортона.

— Мы пробовали, но наше оборудование не предназначено для передачи сообщений через воду глубиной более тысячи метров.

— Мы можем связаться с ними с помощью подводного телефона, установленного на нашем аппарате, — предложил Джиордино.

— Если только ... — Сэндекер заколебался. Он посмотрел на Мортона. — Могли бы вы их услышать, если бы они пытались связаться с надводным судном, капитан?

— Раз мы можем слышать их музыку, то мы могли бы услышать и их голоса. Может быть, забитые помехами и искаженные, но я думаю, что наши компьютеры могли бы отфильтровать сигнал и выдать осмысленное сообщение.

— Какие-нибудь подобные сигналы были приняты?

— Никаких, — ответил Мортон.

— Наверно, их телефонная система повреждена, — предположил Сэндекер.

— Почему же тогда они могут передавать музыку?

— Это аварийный маяк-усилитель, предусмотренный на случай, если машина выйдет из строя, — ответил Джиордино. — Вездеход-спасатель может в этом случае найти поврежденную машину, ориентируясь на звук. Но он не предназначен для передачи голоса или приема сообщений.

Мортон медленно закипал от раздражения. Он не привык терять контроль над ситуацией на борту своей собственной лодки.

— Могу я спросить, кто эти люди на «Большом Джоне», как вы его называете, и как они дошли до того, чтобы шляться по дну Тихого океана?

Сэндекер пренебрежительно махнул рукой.

— Извините, капитан, но это секретный проект. — Он снова повернулся к Делюке. — Вы сказали, что они движутся.

— Да, сэр. — Делюка нажал несколько клавиш, и на экране, смонтированном над столом, появилась трехмерная голограмма участка морского дна. Людям, собравшимся вокруг стола, казалось, что они смотрят на затопленный Большой Каньон сверху, через стекло, покрывающее аквариум. Детали рельефа были выделены новейшим компьютером и цифровым усилением сонарного изображения, отображающими поверхность дна с помощью смешанных тонов зеленого и голубого цветов, как на карте.

Зона разлома Мендочино своей грандиозностью затмевала знаменитую туристскую достопримечательность северной Аризоны. Ее крутые обрывы вздымались на высоту 3000 метров над дном расселины. Неровные валы, идущие вдоль гигантской трещины в океанической коре, рассекались сотнями ущелий, что придавало ей вид огромной раны, пересекающей рябь на поверхности песка.

— Последнее достижение техники визуального представления подводного рельефа, — с гордостью заявил Мортон. — «Туксон» был первой подлодкой, на которой установлена эта система.

— Кодовое название «Великий Карнак», — высокомерно прокомментировал Сэндекер. — Все знает, все видит. Наши инженеры из НУМА помогали проектировать ее.

Лицо Мортона, теперь забавно красное и сердитое, выражало окончательное поражение в этой игре «кто здесь главный». Но он взял себя в руки и отступил с достоинством.

— Лейтенант, покажите адмиралу его любимую игрушку в действии.

Делюка взял короткую указку, похожую на дирижерскую палочку, и направил выходящий из ее конца луч света на голографическое изображение морского дна.

— Ваш подводный вездеход появился в этой точке небольшого каньона рядом с основной зоной разлома и теперь движется зигзагом, поднимаясь по склонам к верхней точке края разломной зоны.

Джиордино мрачно смотрел на плоский участок, на котором недавно стояла исследовательская станция.

— Немного же осталось от «Мокрых делянок», — печально произнес он.

— Станция не была рассчитана на то, чтобы стоять там вечно, — утешил его Сэндекер. — Результаты давно окупили затраты, и с лихвой.

Не ожидая, чтобы его попросили это сделать, Делюка увеличил масштаб изображения, пока размытые очертания «Большого Джона», поднимающегося вверх вдоль крутого склона, не стали различимы.

— Это самое резкое изображение, которое мы можем получить, — сказал он.

— Этого вполне достаточно, — похвалил его Сэндекер.

Глядя на крохотное пятнышко, затерянное в бескрайней водной пустыне, никто из них не мог поверить, что там внутри жили и дышали два человека. Движущееся изображение было таким реалистичным, что им приходилось сдерживаться, чтобы не протянуть руку и потрогать его.

Образы, приходившие им в головы, были совершенно разными. Делюка представлял себе, что он — астронавт, наблюдающий жизнь на другой планете, тогда как Мортону казалось, что это похоже на слежение за грузовиком на шоссе из вертолета, летящего на высоте тридцати тысяч футов. Сэндекер и Джиордино оба представляли себе, как их друг сражается с враждебной средой, борясь за свою жизнь.

— Можете ли вы спасти их с помощью своего глубоководного аппарата? — спросил Мортон.

Джиордино так вцепился в поручень, ограждающий стол с видеомонитором, что костяшки его пальцев побелели.

— Мы можем встретиться с их аппаратом, но ни у них, ни у нас нет шлюза, через который можно было бы перейти из одной машины в другую при давлении воды в несколько тонн на квадратный сантиметр. Если они попытаются покинуть «Большой Джон» на такой глубине, их сплющит до одной трети нормального размера.

— А как насчет подъема их на поверхность с помощью троса?

— Мне неизвестен ни один корабль, оборудованный тросом длиной в шесть километров и при том достаточно прочным, чтобы выдержать свой собственный вес, но говоря уже о весе «Большого Джона».

— «Гломар Эксплорер» мог бы это сделать, — сказал Сэндекер. — Но это судно занято бурением нефтяных скважин на шельфе у берегов Аргентины. Оно не может прекратить свои работы, переоборудоваться и добраться сюда меньше чем за четыре недели.

Мортон начал понимать неотложность проблемы и отчаяние своих гостей.

— Сожалею, что ни я, ни мой экипаж ничего не можем сделать, чтобы помочь вам.

— Спасибо, капитан. — Сэндекер тяжело вздохнул. — Я ценю вашу моральную поддержку.

Они все целую минуту молча стояли, глядя на маленькое пятнышко, ползущее по голограмме, как жук по склону оврага.

— Интересно, куда он направляется, — пробормотал наконец Делюка.

— О чем вы? — спросил Сэндекер, словно его только что внезапно разбудили.

— С того момента, как я слежу за ним, он движется в одном и том же направлении. Он иногда меняет курс, когда склон становится слишком крутым, но после того, как склон выполаживается, он снова возвращается к своему первоначальному курсу.

Сэндекер, глядя на Делюка, внезапно понял, в чем дело.

— Дирк направляется на подводное высокогорье. О Боже, я чуть было не зачислил его в покойники, не удосужившись разобраться в его намерениях.

— Постройте примерный курс, которым он следует, — приказал Мортон Делюка.

Делюка запрограммировал свой навигационный компьютер, введя необходимые данные, и снова посмотрел на монитор, ожидая, когда на нем высветятся результаты расчетов. Цифры вспыхнули почти мгновенно.

— Ваш человек, адмирал, следует по азимуту три-три-четыре.

— Три-три-четыре, — твердо повторил Мортон. — Но там впереди нет ничего, кроме мертвой равнины.

Джиордино посмотрел на Делюка.

— Пожалуйста, расширьте сектор вперед по курсу вездехода.

Делюка кивнул и расширил изображение в том направлении, которое указал Джиордино.

— Выглядит почти так же, если не считать нескольких подводных гор.

— Дирк направляется к Конроу Гайот, — убежденно сказал Джиордино.

— Гайот? — переспросил Делюка.

— Так называют подводные горы с плоскими вершинами, — объяснил Сэндекер. — Подводный вулкан, вершина которого была размыта волнами, когда он медленно уходил под воду.

— Какова глубина до вершины? — спросил Джиордино у Делюки.

Молодой штурман достал карту из ящика под столом и расстелил ее на прозрачной поверхности стола.

— Конроу Гайот, — вслух прочитал он. — Глубина триста десять метров.

— Каково расстояние оттуда до вездехода? — На этот раз вопрос задал Мортон.

Делюка смерил расстояние циркулем и приложил его к шкале, расположенной в низу карты.

— Примерно девяносто шесть километров.

— При скорости восемь километров в час, — прикинул Джиордино. — Если увеличить это расстояние вдвое, чтобы учесть неровную поверхность и объезды расщелин, то, в удачном случае, они доберутся до вершины Конроу примерно в это время к завтрашнему дню.

Взгляд Мортона стал скептическим.

— Подъем на Гайот может приблизить их к поверхности, но они все еще будут на глубине триста метров, или почти тысячи футов. Как этот парень...

— Его зовут Дирк Питт, — подсказал ему Джиордино.

— Хорошо, Питт. Как он собирается добраться до поверхности? Вплавь?

— Не с такой глубины, — быстро ответил Сэндекер. — Давление внутри «Большого Джона» поддерживается на уровне одной атмосферы, такое же, как на уровне моря. Внешнее давление воды на такой глубине выше в тридцать три раза. Даже если бы мы могли снабдить их: самым современным водолазным снаряжением и гелиевокислородной смесью для дыхания глубоко под водой, их шансы все равно были бы равны нулю.

— Если бы даже внезапное увеличение давления не убило их в тот момент, когда они будут покидать кабину вездехода, то это наверняка сделает кессонная болезнь при подъеме наверх, — добавил Джиордино.

— Так что тогда у Питта в рукаве? — настаивал Мортон.

Джиордино, казалось, уставился на что-то, находящееся за переборкой отсека.

— Я не знаю ответа на этот вопрос, но мне кажется, нам следует подумать об этом, и поскорее.

Глава 16

Безжизненная серая равнина сменилась лесом причудливых труб, поднимающихся с морского дна. Они стояли, как искривленные камины, и извергали горячую — с температурой 365 градусов Цельсия — мутно-черную воду, которая поднималась облаками дыма над трубами, быстро смешиваясь с холодной, океанской водой.

— Черные курильщики, — объявил Планкетт, узнав их в лучах прожекторов «Большого Джона».

— Их должны окружать сообщества морских животных, — сказал Питт, не отрывая взгляда от изображения рельефа на мониторе водителя. — Мы нанесли на карту свыше дюжины таких горячих ключей во время наших разведывательных маршрутов.

— Лучше держись от них подальше. Не хотелось бы мне наблюдать, как этот зверь раздавит какой-нибудь из них.

Питт улыбнулся и переключил управление на ручное, отвернув вездеход в сторону, чтобы объехать странную колонию экзотической морской фауны, обходившейся без солнечного света. Этот участок был чем-то вроде оазиса в пустыне, занимая около квадратного километра морского дна. Широкие следы вторгшегося гусеничного чудовища обходили сбоку извергающие потоки горячей воды трубы и переплетающиеся заросли гигантских трубчатых червей, слегка колышущиеся под действием течения, как будто это были колеблемые ветром заросли тростника.

Планкетт с восхищением следил, как заключенные в полых стеблях черви погружали свои нежные розовые и багряные щупальца в черную воду.

— Некоторые из них длиной добрых три метра! — воскликнул он.

Вокруг «каминных труб» и трубчатых червей на поверхности дна, также тут и там попадались огромные раковины моллюсков, которых Планкетту до сих пор никогда не приходилось видеть. Лимонного цвета создания, похожие на грибы-дождевики и принадлежащие к тому же классу, что и медузы, плавали среди покрытых шипами белых крабов и голубоватых креветок. Ни одно из этих животных не нуждалось для своего выживания в процессе фотосинтеза. Все они питались бактериями, превращавшими сероводород и кислород, выбрасываемые «черными курильщиками», в органические соединения. Если бы Солнце вдруг погасло, эти создания, обитающие в кромешной тьме, продолжали бы жить, когда все иные формы жизни над ними давно вымерли бы.

Он попытался запечатлеть в памяти образы разных обитателей этого оазиса, пока они исчезали в облаках ила, тянущихся за вездеходом, но не мог сосредоточиться. Наглухо запечатанный в затерянной среди морских глубин кабине вездехода, Планкетт испытывал сильнейшее

душевное волнение, наблюдая этот чуждый всему земному мир. Отнюдь не новичок в абиссальных глубинах, он внезапно почувствовал себя таким же одиноким и потерянным, как астронавт, заблудившийся в пустом пространстве за пределами Галактики.

Питт удостоил невероятное зрелище за окнами кабины лишь несколькими рассеянными взглядами. У него не было времени отвлекаться. Он смотрел и реагировал лишь на то, что можно было увидеть на экране монитора. Дважды он чуть не провалился вместе с машиной в глубокие, круто обрывающиеся вниз трещины, остановившись меньше чем в метре от края одной из них. Изрытая расщелинами равнина часто оказывалась столь же непроходимой, как лавовые потоки, образующие морское дно вокруг Гавайских островов, и ему пришлось срочно запрограммировать компьютер на прокладку наименее опасного обходного пути.

Ему приходилось быть особенно осторожным в зонах оползней и краев каньона, где грунт был слишком рыхлым, чтобы выдержать вес машины. Однажды даже пришлось объезжать небольшой, но действующий вулкан, из которого лава вытекала через длинную трещину и спускалась вниз по склону, прежде чем остыть и затвердеть в холодной воде. Он объезжал неправильной формы ямы и высокие конусы, пересекал широкие кратеры; здесь были все типы грунта и формы рельефа, которые можно было надеяться найти где-нибудь на Марсе.

Вести машину, полагаясь лишь на сонарное и радарное изображения, построенные компьютером, вместо того чтобы надеяться на свое собственное зрение, ограниченное небольшим пятном света прожекторов вездехода, было нелегким делом. Приятной прогулкой это не назовешь. Усталость начала накапливаться в побаливающих мышцах и слезящихся глазах, и он решил на какое-то время передать управление Планкетту, который быстро понял тонкости обращения с «Большим Джоном».

— Мы только что прошли отметку две тысячи метров, — сообщил Питт.

— Вроде неплохо, — добродушно отозвался Планкетт. — Это больше, чем полпути наверх.

— Пока что рано выписывать счет. Уклон дна возрастает. Если он станет еще на пять градусов больше, траки начнут пробуксовывать.

Планкетт усилием воли отогнал все мысли о возможной неудаче. Он полностью доверял Питту, и эта его черта бесконечно раздражала сотрудника НУМА.

— Поверхность склона стала намного ровнее. Теперь нам должен быть открыт прямой путь к вершине.

— Лавовые породы здесь, возможно, уже утратили острые кромки и несколько сгладились, но их ни в коем случае нельзя считать ровной поверхностью, — пробормотал Питт устало, медленно цедя слова, в его голосе чувствовалась измотанность.

— Не беспокойтесь. Мы поднялись из абиссальной зоны и входим в область средних глубин. — Планкетт замолчал и показал через обзорный иллюминатор на вспышку голубовато-зеленой биолюминесценции. — Порихтис мириастер, этот вид может давать вспышки свечения, продолжающиеся до двух минут.

— Вам следует пожалеть его, — сказал Питт, еле ворочая языком.

— Почему? — возразил Планкетт. — Порихтис приспособился к условиям обитания великолепно. Его люминесценция используется для отпугивания хищников, действует как приманка для привлечения добычи, как средство узнавания особей своего собственного вида и, конечно, для привлечения особей противоположного пола в полной темноте.

— Всю свою жизнь плавать в холодной черной бездне. Я бы назвал это настоящей скучищей.

Планкетт понял, что Питт подшучивает над ним.

— Очень тонкое наблюдение, мистер Питт. Как жаль, что мы не можем предложить этому глубоководному животному какое-нибудь развлечение.

— Мне кажется, мы можем немного рассмешить их.

— В самом деле? Что вы имеете в виду?

— Они могут понаблюдать, как вы некоторое время поведете машину. — Он широким жестом показал на пульт управления. — Машина полностью в вашем распоряжении. Не забудьте внимательно следить за геологической обстановкой на экране монитора, а не за медузой с неоновой рекламой.

Питт откинулся в кресле, закрыл глаза, и секунду спустя он уже выглядел совсем уснувшим.

Питт проснулся через два часа, разбуженный громким треском, прозвучавшим как пушечный выстрел, и сразу почувствовал, что что-то не в порядке. Он вытянулся, вскочил на ноги и забегал глазами по пульту, отыскивая мигающую красную лампочку.

— Неисправность?

— У нас протечка, — быстро сообщил ему Планкетт. — Сигнальная лампочка загорелась одновременно со звуком, который вас разбудил.

— Что показывает компьютер насчет места повреждения и размеров ущерба?

— К сожалению, вы не сообщили мне, как вызвать соответствующую программу.

Питт быстро набрал на клавиатуре нужную комбинацию. Строчки текста немедленно вспыхнули на экране.

— Нам повезло, — сказал Питт. — Отсеки системы жизнеобеспечения и электронного оборудования герметичны. Защищенный реакторный отсек тоже цел. Протечка внизу, где-то в области отсека двигательной установки и генератора.

— И вы называете это везеньем?

— В этом отсеке достаточно свободного места, чтобы двигаться по нему, а его стенки доступны для ремонтных работ. Трепка, которую перенес этот бедный старый автобус, должно быть, вскрыла микроскопический дефект отливки в основании корпуса.

— При таком внешнем давлении струя воды, бьющая через отверстие размером с толщину булавки, может затопить эту кабину за два часа, — тревожно заметил Планкетт. Он поежился. Оптимизм исчез из его глаз, безвольно уставившихся на экран монитора. — А если отверстие расширится и корпус обрушится ... — Он не договорил фразу до конца и умолк.

— Эти стены не рухнут, — твердо произнес Питт. — Они рассчитаны на давление, в шесть раз большее, чем на этой глубине.

— Тем не менее остается тонкая струйка воды, бьющая с силой лазерного луча и способная перерезать электрический кабель или человеческую руку за одно мгновение.

— Значит, мне следует быть осторожным, не так ли? — сказал Питт, вылезая из своего кресла и пробираясь к задней стенке кабины. Ему все время приходилось упираться в стены руками, чтобы его не сбило с ног непрерывное раскачивание и толчки машины, движущейся по неровной поверхности. Прежде. чем открыть задний люк, он нагнулся к полу и поднял крышку небольшого лючка, чтобы включить освещение в машинном отсеке.

Он слышал резкий свист на фоне гула паровой турбины, но не мог разглядеть, откуда исходит этот звук. Вода уже покрывала стальной

настил отсека на четверть метра. Он замер и прислушался, пытаясь на слух определить место повреждения. Нельзя было слепо лезть в отсек, рискуя нарваться на режущую, как бритва, струю.

— Видите ее? — крикнул ему Планкетт.

— Нет! — нервно откликнулся Питт.

— Мне остановиться?

— Ни в коем случае. Продолжайте двигаться в направлении вершины.

Он склонился над люком в полу. Там притаилась смертельная угроза, дающая знать о себе свистящим шумом, еще более зловещим, чем враждебный мир за иллюминаторами кабины. Успела ли струйка из открывшегося отверстия в корпусе повредить жизненно важное оборудование? Была ли она слишком сильной, чтобы можно было ее остановить? Нельзя было терять ни минуты. Не было времени для раздумий, для взвешивания шансов. И тот, кто в такие минуты колеблется, неминуемо погибнет. Неважно было теперь, умрет ли он утонув, или будет разрезан на куски, или раздавлен безжалостным давлением океанских глубин.

Он спрыгнул вниз через люк и скорчился внутри отсека, радуясь тому, что он все еще цел, а не разрезан надвое. Свист был близко, почти на расстоянии вытянутой руки, и ii чувствовал жалящие удары брызг, отлетавших от какого-то препятствия, в которое била струя. Но образовавшийся в результате туман, заполнивший отсек, не позволял ему разглядеть место протечки.

Питт осторожно придвинулся поближе к свистящей струе через окружающую его водяную пыль. Вдруг одна мысль пришла ему в голову, и он снял туфлю. Он поднял ее вверх и начал водить ею из стороны в сторону, как слепой машет тростью, держа туфлю каблуком от себя. Внезапно туфлю чуть не вырвало у него из руки. Кусок каблука был аккуратно срезан. Тогда он увидел это небольшое блестящее пятнышко впереди и справа от него.

Тонкая, как игла, струйка била по фундаменту компактной паровой турбины, приводящей огромные гусеницы вездехода. Толстый титановый фундамент выдерживал сосредоточенную силу струи, но его твердая поверхность уже была немного выщерблена в месте ее падения.

Питту удалось найти повреждения, но проблема была далека от решения. Никакой заклепкой, никакой замазкой или заплаткой нельзя было остановить струю, способную, если дать ей достаточно времени, прорезать металл. Он стоял и осторожно протягивал руку к ящику с инструментами и запасными частями рядом с турбиной. Мгновенно оглядев содержимое ящика, он вытащил отрезок трубы высокого

давления, предназначенной для парогенератора. Затем извлек тяжелый молоток, похожий на кувалду.

Вода поднялась уже на полметра к тому времени, как он все подготовил. Его импровизированный способ остановить протечку просто обязан был сработать. Если он окажется неэффективным, то положение станет безнадежным и ему с Планкеттом не останется ничего другого, кроме как ждать, пока они не утонут или не будут раздавлены возрастающим давлением.

Медленно, с беспредельной осторожностью он подался вперед, сжимая в одной руке отрезок трубы, а в другой молоток. Он лег на спину в быстро прибывающую воду, сделал глубокий вдох, задержал дыхание на несколько секунд и затем выдохнул. Одновременно с этим он прижал один конец трубы к месту, из которого била струя, следя, чтобы противоположный конец смотрел прочь от него, и сразу же прижал этот свободный конец к наклонному участку толстой защитной перегородки, отделяющей отсек турбины от отсека реактора. Яростными ударами молотка он стал бить снизу по нижнему концу трубы, продвигая его вверх по перегородке, пока труба не оказалась наглухо заклиненной между стеной отсека и перегородкой, и лишь тонкая водяная пыль просачивалась у ее обоих концов.

Его аварийная затычка, возможно, была остроумным приспособлением, но она не была совершенной. Заклиненная труба ослабила приток воды в отсек до слабенькой струйки; можно было надеяться, что это позволит им добраться до вершины Гайота, но это не было постоянное решение. Было лишь вопросом времени, когда входное отверстие достаточно расширится или труба будет разрезана бьющей оттуда струей; у них оставалось лишь несколько часов.

Питт сел на пол отсека, продрогший, мокрый и слишком душевно измотанный, чтобы чувствовать воду, плещущуюся вокруг его тела. Забавно, подумал он через минуту, показавшуюся ему очень долгой, как, сидя в ледяной воде, он все еще продолжает потеть.

Через двадцать два изматывающих часа, прошедших после того как верный «Большой Джон» чудом вырвался из своей могилы, он оказался вскарабкавшимся достаточно высоко, чтобы уже можно было различить вершину подводной горы. Питт снова сидел за пультом управления, и пара гусениц вгрызалась, проскальзывала, снова зарывалась траками в покрытую илом лавовую породу, отвоевывая у крутого склона метр за метром, и наконец огромная гусеничная машина перевалилась носом через кромку и оказалась на плоской поверхности.

Только тогда «Большой Джон» окончательно остановился и замолк, а окружающее его облако поднятого со дна ила начало оседать на выровненной волнами вершине Гайота Конроу.

— Мы сделали это, старина, — взволнованно рассмеялся Планкетт, хлопнув Питта по спине. — Мы чертовски неплохо сделали это.

— Да, — устало согласился Питт, — но осталось еще одно препятствие, которое нам нужно преодолеть. — Он кивнул на цифровой индикатор глубины. — Триста двадцать два метра до поверхности.

Радость Планкетта быстро испарилась.

— Есть какие-либо признаки присутствия ваших людей? — спросил он серьезно.

Питт нажал на клавишу сонарно-радарного зонда. На экране появилось изображение вершины площадью десять квадратных километров. Она была пустой и необитаемой, как лист фанеры. Ожидаемый спасательный аппарат прибыть не смог.

— Дома никого, — сказал он тихо.

— Трудно поверить, что никто на поверхности не услышал нашей оглушающей музыки и не поспешил определить, куда мы движемся, — сказал Планкетт скорее раздраженный, чем разочарованный.

— У них было слишком мало времени, чтобы организовать спасательную экспедицию.

— И все же я надеялся, что один из ваших аппаратов вернется и составит нам компанию.

Питт устало пожал плечами.

— Отказы оборудования, скверная погода. У них могло возникнуть сколько угодно затруднений.

— Мы проделали весь этот путь не для того, чтобы теперь умереть в этом чертовом месте. — Планкетт посмотрел наверх. — Не так близко от цели.

Питт знал, что адмирал Сэндекер и Джиордино сдвинут горы, чтобы спасти его и Планкетта. Он отказался допустить возможность того, что они не догадаются о его намерениях и не будут действовать соответственно. Он медленно поднялся, прошел назад и поднял люк, ведущий в машинный отсек. Протечка усилилась, и вода поднялась над полом отсека более чем на метр. Пройдет еще от сорока минут до часа, и вода достигнет турбины. Когда она будет затоплена, генератор тоже выйдет из строя. Без нормально работающей системы жизнеобеспечения Питт и Планкетт недолго протянут.

— Они придут, — сказал Питт самому себе с неколебимой уверенностью. — Они придут.

Глава 17

Прошло десять минут, затем двадцать, как страх одиночества овладел ими. Чувство заброшенности и покинутости на морском дне, нескончаемая тьма, гротескная морская фауна, кружащая около них, — все это было похоже на отвратительный кошмар.

Питт остановил «Большой Джон» в центре плоской вершины подводной горы и затем запрограммировал компьютер отслеживать затопление машинного отделения. Он с тревогой следил за экраном, цифры на котором показывали, что уровень воды подбирается к генератору, до которого остается лишь несколько сантиметров.

Хотя подъем на меньшую глубину резко уменьшил внешнее давление воды, входное отверстие расширилось, и дальнейшие попытки Питта не смогли приостановить затопление. Он выпустил немного воздуха, чтобы уменьшить избыточное давление в кабине, вызванное напором поступающей воды.

Планкетт слегка повернулся и смотрел на Питта, сильное, словно вытесанное из камня лицо которого было совершенно неподвижно, настолько застывшее, что веки, казалось, ни разу не шевельнулись. В глазах Питта, похоже, отражался гнев, направленный не на какое-то конкретное лицо или предмет, а гнев, адресованный просто самому положению вещей, которое он не мог контролировать. Он сидел в своем кресле, пугающе отстраненный от Планкетта, почти как если бы британский океанограф находился в тысяче километров от него. Сознание Питта было наглухо закрыто для любых предчувствий или страха смерти. Его мысли были заняты просеиванием тысяч планов спасения, просчетом всех деталей под всеми возможными углами, пока все они, один за другим, не были отвергнуты и забыты.

Только один вариант давал некоторые шансы на успех, но в этом случае все зависело от Джиордино. Если его друг не появится здесь в течение следующего часа, будет слишком поздно.

Планкетт протянул руку и стукнул Питта по плечу своим огромным кулачищем.

— Великолепная попытка, мистер Питт. Вы вытащили нас из глубочайшей впадины до места, откуда почти видна поверхность.

— Недостаточно хорошая, — пробормотал Питт. — Мы продвинулись на доллар, но нам не хватило пенни.

— Не будете ли вы так любезны рассказать мне, как вы собирались сделать это без такого удобного приспособления как воздушный шлюз, чтобы покинуть вездеход, и камеры для транспортировки персонала, которая могла бы доставить нас на поверхность?

— Моя первоначальная мысль состояла в том, чтобы поплыть наверх.

Планкетт удивленно поднял бровь.

— Я надеюсь, вы не предполагали, что нам нужно будет задержать дыхание?

— Нет.

— Это хорошо, — сказал Планкетт, удовлетворенный ответом. — Что касается меня, то я бы сдох, прежде чем поднялся бы на тридцать метров. — Он засомневался и с любопытством посмотрел на Питта. — Вплавь, сказали вы? Вы действительно всерьез это обдумывали?

— Нелепая надежда, .порожденная отчаянием, — философски ответил Питт. — Я слишком опытный ныряльщик, чтобы верить, что наши тела способны выдержать натиск сильнейшего давления и декомпрессию.

— Вы сказали, что это была первоначальная мысль. У вас есть другая идея — вроде, скажем, попытаться всплыть на этом монстре на поверхность?

— Это уже теплее. Вы почти угадали.

— Подъем пятнадцатитонной машины может быть осуществлен лишь в очень живом воображении.

— На самом деле, все это зависит от Ала Джиордино, — ответил Питт снисходительно. — Если он сумеет угадать, что я задумал, он встретит нас на аппарате, оборудованном...

— Но он оставил вас здесь, — сказал Планкетт, обводя рукой пустынный подводный пейзаж.

— У него для этого должна была быть чертовски серьезная причина.

— И вы знаете, и я знаю, мистер Питт, что никто не придет. Ни в течение нескольких часов, ни через несколько дней, никогда. Вы поставили на чудо и проиграли. Если они и вернутся на поиски, это будет не здесь, а среди развалин вашей исследовательской станции.

Питт не отвечал, а просто смотрел в иллюминатор. Огни вездехода привлекли стайку светящихся рыб. С серебристой чешуей, дисковидным телом, сплюснутым по бокам, они шевелили длинными хвостами, и цепочки световых органов вспыхивали в нижней части их брюшка. Глаза были непропорционально велики и помещались на концах стеблей, торчавших вверх. Он следил, как они грациозно кружили, описывая ленивые спирали вокруг огромного носа «Большого Джона».

Он медленно нагнулся вперед, словно к чему-то прислушиваясь.

— Кажется, я что-то слышу.

— Удивительно, что мы еще можем что-то слышать на фоне этой оглушающей музыки, — прорычал Планкетт. — Мои барабанные перепонки уже отказываются работать.

— Как-нибудь попозже напомните мне прислать вам открытку с соболезнованиями по этому поводу, — сказал Питт. — Или вы предпочитаете, чтобы мы подняли лапки, затопили кабину и покончили с этим?

Он замер, как статуя, глядя на рыб. Огромная тень подползла к ним, и все, как одна, шмыгнули в темноту и исчезли.

— Что-то не так? — спросил Планкетт.

— У нас появилась компания, — ответил Питт, улыбнувшись Планкетту с выражением на лице «ведь я же тебе говорил!». Он повернулся в кресле, поднял голову вверх и посмотрел в верхний обзорный иллюминатор.

Один из аппаратов НУМА, эвакуированных с «Мокрых делянок», завис чуть вверх и сзади от «Большого Джона». На лице Джиордино была улыбка, широкая, как у клоуна. Рядом с ним адмирал Сэндекер изящно помахал ему рукой через большой круглый иллюминатор.

Это была именно та минута, о которой Питт мечтал, о которой он даже безмолвно молился, и медвежье объятие Планкетта показало ему, с какой радостью тот разделяет чувства Питта по этому торжественному случаю.

— Дирк, — сказал он серьезно, — я смиренно прошу простить, что своим нытьем портил вам настроение. В вас говорило нечто большее, чем просто инстинкт самосохранения. Вы чрезвычайно одаренный сукин сын.

— Я делал то, что мог, — признал Питт с притворной скромностью.

Всего несколько раз в своей жизни Питт видел что-либо, хоть наполовину столь чудесное, как улыбающееся лицо Джиордино внутри батискафа. Но откуда взялся адмирал? Как он сумел оказаться здесь так быстро? — недоумевал он.

Джиордино не стал терять времени. Он показал на маленькую дверцу, закрывавшую наружное гнездо для подключения электропроводов. Питт кивнул и нажал кнопку. Дверца скользнула в сторону, и меньше чем через минуту один из суставчатых манипуляторов батискафа подсоединил кабель связи.

— Меня слышно? — ясно донесся из динамиков голос Джиордино.

— Ты не представляешь, как я рад услышать твой голос, приятель, — ответил Питт.

— Прошу извинить за опоздание. Второй батискаф на поверхности набрал воды и затонул. У этого произошло короткое замыкание аккумуляторов, и мы потеряли время на ремонт.

— Все прощено. Рад вас видеть, адмирал. Я не ожидал, что вы почтите нас своим присутствием здесь, внизу.

— Хватит трепаться, — прогремел Сэндекер. — В каком состоянии ваша машина?

— У нас есть протечка, которая лишит нас источника энергии через сорок или пятьдесят минут. В остальном мы в хорошей форме.

— Тогда нам лучше приступить к делу.

Не тратя больше времени на пустые разговоры, Джиордино переместил свой аппарат, чтобы он оказался на том же уровне, что и вездеход, а его нос был обращен к широкому боку последнего. Затем он пустил в ход манипуляторы аппарата, смонтированные спереди, под его кабиной управления. Они были гораздо меньше, чем система механических рук «Большого Джона», и устроены сложнее.

Модульные манипуляторы батискафа были спроектированы с таким расчетом, чтобы они могли использовать несколько типов ручных приспособлений и действовать ими с помощью гидравлики. Левая «кисть» была сочленена с «локтем» поворотным запястьем, к которому в свою очередь прикреплялись три пальца с датчиками на концах. Эти датчики могли на ощупь определять любой материал, от дерева и стали до пластика, хлопка и шелка. Подчиняясь легкому прикосновению руки оператора, усиленному компьютерной сенсорной системой, эти пальцы могли ловко продеть нитку в ушко небольшой иглы и плести кружева или, если потребуют обстоятельства, крушить скалы.

Роботизированные манипуляторы быстро размотали шланг, идущий от небольшого баллона к длинному стержню, сердцевина которого была полой и соединялась со шлангом.

Запястье правой руки было вооружено набором из четырех абразивных дисков для резки металлов. Размеры зерен абразива были для каждого диска свои, и эти диски можно было менять в зависимости от твердости материала, который нужно было резать.

Питт с удивлением смотрел на инструмент, который держал левый манипулятор.

— Я знал, что диски хранились на борту батискафа, но где ты раздобыл кислородный резак для подводных работ?

— Я одолжил его на проходившей мимо подводной лодке, — ответил Джиордино, не вдаваясь в подробности.

— Логично. — В голосе Питта звучали усталость и готовность довольствоваться таким объяснением; он не был уверен, что друг не разыгрывает его.

— Начинаю отделение, — сказал Джиордино.

— Пока ты отсоединяешь нас от шасси, я подкачаю в кабину пару атмосфер, чтобы компенсировать лишний вес, возникший из-за поступления в корпус воды.

— Здравая мысль, — согласился адмирал. — Вам потребуется вся плавучесть, которую вам только удастся набрать. Но не забудь о предельно безопасном давлении, иначе вы столкнетесь с проблемой декомпрессии.

— За соблюдением режима декомпрессии будет следить наш компьютер, — заверил его Питт. — Ни я, ни доктор Планкетт не стремимся стать жертвами кессонной болезни.

Пока Питт подкачивал сжатый воздух в кабину и машинный отсек, Джиордино так развернул батискаф, чтобы оба манипулятора могли действовать независимо. Рука с тремя суставчатыми пальцами прижала толстый сварочный электрод к болту, стягивающему крепежный хомут, который соединял корпус вездехода с шасси. Электрод служил анодом; катодом был сам вездеход. Яркая дуга внезапно вспыхнула между электродом и крепежным болтом. Когда металл нагрелся добела и начал плавиться, кислород вырвался из отверстия на конце электрода, рассеивая брызги и окалину.

— Электродуговой резак, — объяснил Питт Планкетту. — Они собираются перерезать все крепления, приводные валы и электрические кабели, пока корпус кабины не будет отделен от основной рамы и гусеничного шасси.

Планкетт понимающе кивнул, когда Джиордино поднес к вездеходу второй манипулятор, и струя искр показала, что диски врезались в металл.

— Итак, вот каков наш маршрут. Мы всплывем на поверхность, как пустая бутылка из-под шампанского «Вью Клико-Понсардин Голд Лейбл».

— Или пустая бутылка из-под пива «Карс».

— В первом же баре, в который мы завалимся, мистер Питт, выпивка за мой счет.

— Спасибо, доктор Планкетт. Я принимаю ваше щедрое предложение, если только у нас хватит плавучести, чтобы добраться до поверхности.

— Надуйте кабину как следует, чтоб из нее кишки полезли, — неосмотрительно потребовал Планкетт. — Я бы скорее рискнул получить кессонную болезнь, чем наверняка потонуть.

Питт не согласился с ним. Мучительные боли, которые испытывали ныряльщики от кессонной болезни, намного превосходили по своей невыносимости все придуманные людьми пытки. Смерть была избавлением, а выжившие часто становились калеками, скрюченными от боли, которая никогда не ослабевала. Он не сводил глаз с индикатора, на котором красные цифры подбирались к трем атмосферам, что соответствовало давлению на глубине двадцати метров. На такой глубине их тела могли безопасно перенести повышенное давление, как он рассчитал, в течение короткого времени, оставшегося до того момента, когда пузырьки азота начнут образовываться в их крови.

Двадцать пять минут спустя он уже был готов пересмотреть свои расчеты, когда нарастающий треск прокатился по кабине. Затем раздался гулкий скрежет, усиленный плотностью воды.

— Еще один болт — и хомут, крепящий корпус к раме, упадет, — сообщил им Джиордино. — Приготовьтесь к отделению.

— Понял тебя, — ответил Питт. — Жду, когда можно будет отключить все силовые и электрические системы.

Сэндекеру было невыносимо видеть ясно лица людей через узкое пространство, разделявшее два аппарата, и знать при этом, что, весьма вероятно, им придется умереть.

— Как у вас сейчас с воздухообеспечением?

Питт сверился с показаниями монитора.

— Достаточно, чтобы добраться до дома, если не останавливаться подзакусить.

Затем раздался душераздирающий скрежет, когда герметичный корпус с кабиной дрогнул и наклонился вверх носом. Что-то отрывалось, и вдруг корпус повел себя так, будто он собрался всплыть. Питт быстро вырубил основной генератор и переключился на аварийные аккумуляторы, чтобы компьютер и телефонная связь продолжали функционировать. Но все движения вдруг резко оборвались, и они зависли над огромной рамой вездехода.

— Не волнуйтесь, — услышали они ободряющий голос Джиордино. — Я пропустил некоторые гидравлические шланги. — Затем он добавил: — Я попытаюсь остаться поблизости, если смогу, но, если расстояние между нами станет слишком большим — телефонный провод оборвется и связь прекратится.

— Давай по-быстрому доканчивай. Вода хлещет через некоторые обрезанные линии и соединения.

— Понял.

— Проследите, чтобы открыть выходной люк и выбраться наружу как можно быстрее, когда коснетесь волн, — приказал Сэндекер.

— Как гуси, страдающие поносом, — заверил его Питт.

Питт и Планкетт расслабились на несколько секунд, слушая, как отрезные диски перепиливают шланги. Затем они почувствовали сильный крен, сопровождаемый звуком разрываемой ткани, и начали медленно подниматься над вершиной подводной горы, оставив внизу гусеничное шасси с порванными кабелями «Большого Джона» и оплавленные обломки, свисающие с него, как механические внутренности.

— Поднимаемся! — прорычал Планкетт.

Питт сжал губы.

— Слишком медленно. Набранная нами вода снизила нашу положительную плавучесть.

— Вам предстоит долгий подъем, — сказал Джиордино. — По моей оценке, ваша скорость не выше десяти метров в минуту.

— Мы тащим с собой машину, реактор и тонну воды. Наш объем едва компенсирует избыточный вес.

— Вы начнете подниматься быстрее, когда окажетесь ближе к поверхности.

— Вряд ли. Поступление воды компенсирует падение давления.

— Не беспокойтесь насчет телефонного провода, — с облегчением сказал Джиордино. — Я легко могу подниматься с той же скоростью, что и вы.

— Слабое утешение, — пробормотал Питт тихо.

— Поднялись на двадцать метров, — сказал Планкетт.

— Двадцать метров, — как эхо, повторил Питт.

Обе пары глаз не отрываясь смотрели на цифры индикатора глубины, загоревшиеся на экране монитора. Никто из них не произнес ни слова, и минуты тянулись в напряженном молчании. Мир сумерек остался позади, и фиолетово-синий цвет глубокой воды немного побледнел от просачивающегося сверху солнечного света. Впервые появились зеленые тона, затем желтоватые. Небольшая стайка тунцов поприветствовала их, прежде чем метнуться прочь. На глубине 150 метров Питт смог разглядеть стрелки на циферблате своих наручных часов.

— Вы замедляетесь, — предупредил их Джиордино. — Ваша скорость подъема упала до семи метров в минуту.

Питт включил индикацию объема поступившей в корпус воды. То, что он увидел на экране, ему не понравилось.

— Наш уровень затопления критический.

— Можете ли вы увеличить объем воздуха в кабине? — спросил Сэндекер с явной тревогой в голосе.

— Нет, если не хотим умереть от кессонной болезни.

— Вы сумеете выбраться, — с надеждой сказал Джиордино. — Вы уже преодолели восьмидесятиметровый рубеж.

— Когда наша скорость подъема упадет до четырех метров, хватайте нас вашим манипулятором и тащите.

— Будет сделано.

Джиордино поднялся выше них и развернул свой аппарат кормой к поверхности, глядя сверху на Питта и Планкетта. Затем он поставил автопилот на движение задним ходом со скоростью всплытия корпуса «Большого Джона». Но, прежде чем он успел дотянуться до них манипулятором, он увидел, что корпус падает назад и расстояние между ними увеличивается. Он быстро замедлил подъем и снова сократил расстояние.

— Два метра в минуту, — с ледяным спокойствием сказал Питт. — Тебе лучше схватить нас.

— Этим я и занимаюсь, — ответил Джиордино.

К тому времени, когда суставчатые руки батискафа сумели, словно тисками, зажать выступающий край какого-то обломка на корпусе вездехода, тот полностью остановился.

— Мы достигли нейтральной плавучести, — доложил Питт.

Джиордино сбросил оставшийся железный балласт батискафа и включил его движители на «полный назад». Сопла начали выбрасывать струи воды, и батискаф, таща за собой на буксире корпус вездехода, снова начал с мучительной медлительностью подниматься к дразняще близкой поверхности.

Вот уже осталось восемьдесят метров, семьдесят, и борьба за то, чтобы добраться до солнечного света, стала казаться бесконечной. Затем на глубине двадцать семь метров, или примерно девяносто футов, их подъем окончательно прекратился. Прибывающая вода в машинном отделении поступала через все новые отверстия от перерезанных трубок и трещин с силой пожарного брандспойта.

— Я теряю вас, — сказал потрясенный Джиордино.

— Быстро наружу, эвакуируйтесь! — закричал Сэндекер.

Питт и Планкетт в подсказке не нуждались. Им вовсе не хотелось, чтобы «Большой Джон» стал их могилой. Обитаемая кабина начала тонуть, увлекая за собой батискаф. Их единственный шанс на спасение состоял в давлении воздуха в кабине; оно было почти равно внешнему давлению воды. Но то, что судьба им подарила, она тут же забрала обратно. Затопление корпуса не могло выбрать худшего момента для того, чтобы закоротить аварийные аккумуляторы, тем самым выведя из строя гидравлическую систему открывания входного люка.

Планкетт в дикой спешке открыл запоры входного люка и теперь пытался распахнуть его наружу, но слегка более высокое наружное давление не позволило ему сделать это. Тут ему на помощь подоспел Питт, и они вдвоем что было сил навалились на крышку люка.

В батискафе Джиордино и Сэндекер со все возрастающим страхом следили за этой борьбой. Отрицательная плавучесть быстро нарастала, и корпус вездехода начинал опускаться на дно угрожающе быстро.

Крышка люка подалась вперед, словно ее проталкивали через море густого клея. Когда вода хлынула по краям люка и устремилась в отсек, Питт крикнул:

— Сделайте несколько глубоких вдохов и выдохов и не забудьте выдыхать воздух во время подъема наверх.

Планкетт быстро кивнул и начал глубоко дышать, чтобы снизить уровень углекислого газа в легких. Последний вдох он задержал. Затем сунул голову в поток воды, хлещущий из люка, и исчез в отверстии.

Питт последовал за ним, также хорошо провентилировав свои легкие, чтобы подольше удержать в них воздух. Он согнул колени, поставил ступни на кромку люка и сильно оттолкнулся в тот момент, когда

Джиордино разжал хватку манипуляторов и последние останки «Большого Джона» начали быстро погружаться в пучину.

Питт не знал этого, но его выход из кабины произошел на глубине сорок два метра, или 138 футов, от поверхности. Сверкающая бликами света морская поверхность казалась в десяти километрах от него. Он бы не пожалел своего жалования за год, чтобы у него сейчас были на ногах ласты для плавания. Ему хотелось бы также, чтобы он был сейчас лет на пятнадцать моложе. В юности и ранней молодости он не раз нырял безо всякого снаряжения на глубины до восьмидесяти футов, обшаривая морское дно вблизи пляжей Ньюпорта. Он все еще был в хорошей физической форме, но время и трудная жизнь все же взяли свое.

Он плыл наверх, ровно и сильно гребя руками и ногами, делая время от времени короткие выдохи, чтобы расширяющиеся газы в его легких не повредили капилляры альвеол и не вытолкнули пузырьки воздуха прямо в кровь, закупоривая сосуды.

Солнечные блики плясали на волнах, посылая пучки света во впадины между гребнями. Он увидел, что находится в тени двух судов. Без маски на лице он мог различить через воду лишь размытые контуры их днищ. Одно судно походило на крупную яхту, тогда как другое было просто гигантским. Он слегка изменил направление подъема, чтобы выплыть на поверхность между ними и не стукнуться головой об днище одного из них. Джиордино и Сэндекер следовали за ним в батискафе, как команда сопровождения за пловцом, пересекающим морской пролив.

Он поравнялся с Планкеттом, которому явно было плохо. Более старый, чем Питт, океанограф выглядел так, словно вся сила покинула его мышцы. Питту было очевидно, что Планкетт вот-вот потеряет сознание. Он схватил его за воротник и потащил англичанина за собой.

Питт выдохнул из легких остатки воздуха. Он думал, что ему никогда не удастся достигнуть поверхности. Затем внезапно, как раз в тот момент, когда он собирал все силы для последнего рывка, Планкетт обмяк. Англичанин сделал храбрую попытку, прежде чем потерять сознание, но он не был сильным пловцом.

Темная кайма сузила поле зрения Питта, и снопы искр начали вспыхивать за его глазными яблоками. Кислородное голодание заволакивало пеленой его сознание, но жажда добраться до поверхности была сильнее всего. Морская вода разъедала его глаза и забиралась в ноздри. Через несколько секунд он неминуемо захлебнется, и ему чертовски не хотелось доводить дело до этого.

Он вложил все свои быстро убывающие силы в один последний рывок к облакам. Таща за собой мертвый вес Планкетта, он яростно брыкался ногами и греб своей свободной рукой, как сумасшедший. Он видел

зеркальное отражение волн. Они были мучительно близко, и все же они, казалось, все время удалялись от него.

Он услышал громкий всплеск, что-то упало в воду. Затем вдруг четыре фигуры в черном появились в воде по обе стороны от него. Две из них подхватили Планкетта и унесли его прочь. Один из двух оставшихся вложил мундштук акваланга в рот Питта.

Он жадно вдохнул оттуда огромный глоток воздуха, потом еще один, пока аквалангист не вытащил у него изо рта мундштук, чтобы сделать несколько вдохов самому. Это был простой обычный воздух, смесь азота, кислорода и дюжины других газов, но Питту он показался сухим, напоенным озоном воздухом скалистых гор или ароматным воздухом соснового леса после дождя.

Голова Питта наконец оказалась на поверхности, и он смотрел и смотрел на солнце, как будто никогда прежде не видел его. Небо никогда еще не было столь голубым, а облака такими белыми. Море было спокойно, высота гребней волн не достигала и полметра.

Его спасители пытались поддержать его, но он отмахнулся от них, повернулся на спину и лежал на воде, глядя на огромную рубку атомной подводной лодки, как башня, возвышающуюся над ним. Затем он заметил джонку. Откуда она могла взяться тут? — удивился он. Подводная лодка объясняла появление флотских аквалангистов, но для чего китайская джонка?

У борта джонки собралась цепочка людей, большинство которых было ему знакомо. Это были его сотрудники, эвакуированные с «Мокрых делянок». Они приветствовали его радостными криками, размахивая руками, как безумные. Он заметил Стаси Фокс и помахал ей в ответ.

Он с тревогой вспомнил о Планкетте, но ему не о чем было беспокоиться. Огромный англичанин лежал на палубе подлодки, окруженный американскими военными моряками. Они быстро привели его в чувство, и он начал икать и блевать за борт.

Батискаф НУМА всплыл на поверхность почти на расстоянии вытянутой руки от него. Джиордино высунулся из люка над окружающей его низкой рубкой, выглядя для всех окружающих как человек, только что выигравший главный приз в лотерее. Он был так близко, что мог разговаривать с Питтом, не повышая голоса.

— Видел, какую суматоху ты вызвал? — Он рассмеялся. — Это будет стоить нам кучу денег.

Счастливое и радостное оттого, что он снова оказался среди живых, лицо Питта вдруг потемнело от гнева. Слишком многое было разрушено, и,

чего он еще не знал, слишком многие погибли. Когда он ответил, его голос был неестественно напряженным:

— Не я и не ты. Но кто бы ни был ответственен за случившееся, ему это даром не пройдет. Не на того напал.

Часть II

Угроза страны Восходящего Солнца

Глава 18

6 октября 1993 года
Токио, Япония

Последнее прощание, которым обменивались пилоты-камикадзе, прежде чем сесть за штурвал своей летающей торпеды, звучало так: «Встретимся у Ясукуни».

Они не рассчитывали когда-либо свидеться во плоти, они имели в виду духовное воссоединение у храма Ясукуни, почитаемого памятника в честь всех тех, кто умер, сражаясь за дело императора начиная с революционной войны 1868 года. Храмовый комплекс был расположен на возвышенности, известной как Холм Кудан, в центре Токио. Известная так же как Соконса, или «Храм вызывания духов», основная площадка, на которой совершались обряды, была построена в строгом соответствии с архитектурными традициями культа Синто и была начисто лишена какой-либо мебели.

Культурно-религиозная традиция, корни которой уходили в глубокую древность, культ Синто за долгие годы своего развития превратился в многочисленные направления и секты, средоточием которых было ками, т.е. «путь Проявления божественной силы через различных йогов». Ко времени второй мировой войны он стал государственной религией и этической философией, весьма отличающейся от религии в строгом смысле слова. Во время американской оккупации всякая государственная поддержка храмов Синто была прекращена, но позднее они были признаны национальными сокровищницами и почитаемыми памятниками культуры.

Внутреннее святилище всех синтоистских храмов было закрыто для всех, кроме главного жреца. Внутри этого святилища объектом поклонения служил священный предмет, представляющий некий символ божественного духа. В храме Ясукуни таким священным символом было зеркало.

Ни одному иностранцу не было дозволено проходить через огромные бронзовые ворота, ведущие в храм героев войн. Забавно, что из виду упускают тот факт, что духи двух иностранных капитанов кораблей, потопленных во время русско-японской войны и снабжавших японские

вооруженные силы, почитаются здесь среди 2 500 000 японских героев войн. Многие бандиты также почитаются в храме Ясукуни. Среди этих духов — ранние политические убийцы, военные, принадлежащие к гангстерским группировкам, и военные преступники во главе с генералом Хидеки Тодзио, ответственные за преступления против человечности, сопоставимые и часто превосходящие своей жестокостью преступления, которые творились в Освенциме и Дахау.

После второй мировой войны Ясукуми стал чем-то большим, чем просто военным мемориалом. Он превратился в знамя правоэкстремистских консерваторов и милитаристов, все еще мечтавших об империи, власть которой обосновывалась бы превосходством японской культуры. Ежегодные визиты премьер-министра Уеды Дзансиро и лидеров его партии в этот храм в годовщины поражения Японии в 1945 г. широко освещались в японской прессе и телепрограммах. За этими визитами обычно следовала буря горячих протестов со стороны политической оппозиции, левых и пацифистов, несинтоистских религиозных объединений и соседних стран, пострадавших от японской оккупации в годы войны.

Чтобы избежать открытой критики и не мозолить глаза оппонентам, ультранационалисты, стоявшие за возрожденной мечтой об империи и прославлением японской расы, были вынуждены тайно справлять религиозные обряды у храма Ясукуни по ночам. Они появлялись там и исчезали, как тени, неправдоподобно состоятельные, важные государственные чиновники и теневые дельцы, дергающие за ниточки управления страной, их когти мертвой хваткой вцепились во властные структуры, неподконтрольные и неприкасаемые даже для официальных правителей страны.

Самым таинственным и могущественным из них был Хидеки Сума.

Слегка моросило, когда Сума прошел в ворота и по покрытой гравием дорожке направился к храму Соконса. Было далеко за полночь, но он мог видеть дорогу в отраженном от низких облаков зареве огней над Токио. Он остановился под высоким деревом и осмотрелся кругом, но на площадке, окруженной высокими стенами, не было никого. Единственным признаком жизни была колония голубей, гнездившихся под дисками, венчавшими изогнутую кровлю.

Довольный тем, что его никто не видит, Хидеки Сума проделал ритуал мытья рук в каменном бассейне и ополаскивания рта небольшой пригоршней воды. Затем он вошел во внешний зал храма и встретился с главным жрецом, ожидавшим его прихода. Сума совершил жертвоприношение в молельне и вынул из внутреннего кармана своего плаща пачку бумаг, завернутых в тугой свиток. Он дал их жрецу, который положил их на алтарь.

Маленький колокольчик зазвенел, призывая особое божество Сумы, или ками, и затем они сложили свои ладони в молитве. После краткого обряда очищения Сума тихо поговорил со жрецом около минуты, получил назад свой свиток бумаг и покинул храм так же неприметно, как он появился там.

Напряжение последних трех дней спало с него, как падает на землю сверкающий дождь, оросивший сад. Сума почувствовал себя обновленным мистической силой и руководством своего ками. Его священная жажда очистить японскую культуру от яда западного влияния и одновременно защитить завоевания финансовой империи направлялась божественной силой.

Всякий случайно бросивший взгляд на Суму сквозь туман и моросящий дождь быстро бы забыл о нем. Он выглядел совершенно неприметно в рабочем комбинезоне и дешевом дождевике. Он шел с непокрытой головой, и его зачесанные назад волосы были белыми. Его шевелюра, некогда черная, как почти у всех японских мужчин и женщин, рано поседела, что придавало Суме вид человека значительно старше его сорока девяти лет. По западным меркам он был невысок, но по японским представлениям — довольно высоким, достигая 170 сантиметров.

И лишь заглянув ему в глаза, можно было заметить его отличие от большинства его соплеменников. Его радужки были волшебного индиго-синего цвета; возможно, это было наследие какого-нибудь давно истлевшего голландского купца или английского моряка. В юности он был хрупкого телосложения, но с пятнадцати лет занимался упражнениями по поднятию тяжестей и тренировался с холодной целеустремленностью, пока не превратил свое тело в скульптуру из мышц. Его наибольшей гордостью была не развитая им мышечная сила, а то, что он сумел переделать свою плоть, превратив ее в свое собственное творение.

Его шофер и телохранитель поклонился ему и закрыл за ним массивные бронзовые ворота. Моро Каматори, старейший друг Сумы и его ближайший помощник, и его секретарша, Тоси Кудо, тихо сидели на обращенных назад сиденьях изготовленного по особому заказу черного лимузина Мурмото, оснащенного шестисотсильным двенадцатицилиндровым двигателем.

Тоси была заметно выше большинства своих соплеменниц. Стройная, длинноногая, с черными как смоль волосами, ниспадающими до пояса, с безупречной кожей, оттененной магическими кофейно-карими глазами, она, казалось, материализовалась из какого-нибудь фильма о Джеймсе Бонде. Но, в отличие от экзотических красавиц, вешающихся на шею супершпиону Тоси обладала незаурядными умственными

способностями. Ее коэффициент интеллектуальности достигал 165, и она в полной мере использовала возможности обоих полушарий своего мозга.

Она не взглянула на Суму, когда тот садился в лимузин. Ее внимание было сосредоточено на небольшом компьютере, который она держала на коленях.

Каматори разговаривал по телефону. Его интеллект, возможно, не достигал такого уровня, как у Тоси, но он был педантичен и дьявольски хитер в осуществлении тайных проектов Сумы. Особенно ярко его таланты проявлялись в теневых финансовых махинациях, лоббистских интригах и представлении интересов Сумы в различных влиятельных кругах, поскольку сам Сума избегал привлекать к себе внимание общественности.

У Каматори было бесстрастное решительное лицо, уши его были несоразмерно велики. Из-под густых черных бровей, через толстые линзы очков без оправы мрачно смотрели его темные безжизненные глаза. Его туго сжатые губы никогда не улыбались. Он был человек без эмоций и убеждений. Фанатично преданный Суме, он был профессиональным убийцей высокого класса. Это и был его главный талант. Он любил охоту на людей. Если кто-либо, неважно, насколько этот человек был богат и насколько высокий пост занимал в бюрократической иерархии, начинал представлять собой препятствие планам Сумы, то Каматори хитроумно убирал его, так что это казалось несчастным случаем или вина за покушение ложилась на кого-нибудь из противников Сумы.

Каматори вел дневник своих убийств, куда он записывал подробности каждого такого события. За двадцать пять лет счет его жертв дошел до 237.

Он кончил разговор, положил трубку в специальное гнездо на подлокотнике сиденья и повернулся к Суме.

— Это звонил адмирал Итакура из нашего посольства в Вашингтоне. Его источники подтверждают, что в Белом доме известно, что взрыв был ядерным и произошел на «Божественной звезде».

Сума стоически пожал плечами.

— Заявил ли президент формальный протест премьер-министру Дзансиро?

— Американское правительство хранит молчание, как ни странно — ответил Каматори. — Норвежцы и англичане, однако, подняли шум из-за гибели их судов.

— Но от американцев ничего не слышно?

— Только краткие сообщения в их прессе.

Сума нагнулся вперед и указательным пальцем постучал по обтянутому нейлоновым чулком колену Тоси.

— Пожалуйста, фото места взрыва.

Тоси уважительно кивнула и ввела в компьютер соответствующий код. Меньше чем через тридцать секунд цветная фотография выкатилась из щели принтера-телефакса, вмонтированного в перегородку, разделяющую кабину водителя и салон лимузина. Она протянула снимок Суме, который включил освещение салона и взял у Кама-тори увеличительное стекло.

— Контрастированное инфракрасное изображение было получено полтора часа назад во время пролета нашего разведывательного спутника Акаги, — объяснила Тоси.

Сума несколько секунд молча рассматривал снимок с помощью лупы. Затем он вопросительно посмотрел на своих помощников.

— Ядерная лодка-перехватчик и азиатская джонка? Американцы действуют не так, как я ожидал. Странно, что они не послали туда половину своего Тихоокеанского флота.

— Несколько военных кораблей спешат к месту взрыва, — сказал Каматори, — включая океанографическое судно НУМА.

— Как насчет спутниковой разведки?

— Американская разведка уже собрала обширные данные с помощью их спутников-шпионов системы «Пирамидер» и самолета SR-90.

Сума показал пальцем на небольшой предмет, видный на снимке.

— Между двумя судами на поверхности плавает батискаф. Откуда он здесь взялся?

Каматори взглянул, куда указывал пальцем Сума.

— Точно не из джонки. Он, должно быть, спущен подводной лодкой.

— Они не найдут никаких затонувших обломков «Божественной звезды», — пробормотал Сума. — Это судно должно было разлететься на атомы. — Он снова вернул снимок Тоси. — Пожалуйста, дайте распечатку автомобилевозов, перевозящих нашу продукцию, их текущее состояние и порты назначения.

Тоси посмотрела на него поверх своего монитора, словно прочитав его мысли.

— У меня имеются данные, которые вам нужны, мистер Сума.

— Да?

— «Божественная луна» закончила разгрузку автомобилей вчера вечером в Бостоне, — сообщила она, прочитав японские иероглифы на экране монитора. — «Божественная вода»... прибыла восемь часов назад в лос-анджелесский порт и сейчас разгружается.

— Другие суда есть?

— Два судна находятся в море, — продолжала Тоси. — «Божественное небо» должно прибыть в порт Нового Орлеана через восемнадцать часов, а «Божественное озеро» будет в Лос-Анджелесе через пять дней.

— Может быть, послать приказ находящимся в море судам направиться в другие порты, не в Соединенных Штатах, — предложил Каматори. — Американские таможенники будут предупреждены и будут искать признаки повышенной радиации.

— Кто наш секретный агент в Лос-Анджелесе? — спросил Сума.

— Джордж Фурукава руководит нашими секретными проектами в юго-западных штатах.

Сума откинулся назад, явно почувствовав облегчение.

— Фурукава надежный человек. Он будет начеку в отношении любых ужесточений американских таможенных процедур. — Он повернулся к Каматори, разговаривавшему по телефону. — Переадресуйте «Божественное небо» на Ямайку, но «Божественное озеро» пусть идет в Лос-Анджелес, как и намечалось.

Каматори поклоном дал знать, что он понял приказ, и потянулся к телефону.

— Не рискуете ли вы, что бомбы могут быть обнаружены? — спросила Тоси.

Сума плотнее сжал губы и отрицательно покачал головой.

— Агенты американской разведки обыщут суда, но им никогда не найти бомбы. Наша технология проведет их.

— Взрыв на борту «Божественной звезды» произошел в неподходящее время, — сказала Тоси. — Сомневаюсь, что нам когда-либо удастся узнать, что его вызвало.

— Меня это не интересует и не беспокоит, — холодно ответил Сума. — Этот несчастный случай достоин сожаления, но он не задержит завершения нашего Проекта Кайтен. — Сума помолчал, и его лицо искривилось в зловещей гримасе. — Достаточно изделий размещено в запланированных местах, чтобы сокрушить любую нацию, угрожающую нашей новой империи.

Глава 19

Вице-президент Джордж фурукава в своем роскошном кабинете в престижной Лаборатории им. Сэмюэля Дж. Винсента поднял трубку телефона. Звонила его жена, напомнив, что он должен сегодня пойти к зубному врачу. Он поблагодарил ее, сказал несколько нежных слов и повесил трубку.

Звонившая ему женщина в действительности была не его жена, а одна из агенток Сумы, которая умела имитировать голос миссис Фурукавы. История с назначенным визитом к зубному врачу была закодированным сообщением, которое он уже пять раз получал ранее. Оно означало, что судно, перевозившее автомобили Мурмото, прибыло в порт и готовится к выгрузке.

Известив свою секретаршу, что он должен отправиться к зубному врачу и сегодня больше не вернется, Фурукава вошел в лифт и нажал кнопку, отправившую лифт на подвальный этаж, где находилась подземная автостоянка. Пройдя несколько шагов к своему персональному боксу, он открыл дверцу своей спортивной машины и уселся за руль.

Фурукава сунул руку под сиденье. Конверт был на месте, положенный туда одним из агентов Сумы после того, как он пришел утром на работу. Фурукава проверил содержимое конверта. Там находились документы, нужные для получения трех автомобилей с портового склада. Как обычно, бумаги были в полном комплекте и правильно оформлены. Удовлетворенный, он развернул свой мощный автомобиль с четырехсотсильным тридцатидвухклапанным V-образным восьмицилиндровым двигателем и подъехал к толстому стальному барьеру, поднявшемуся из бетонной подъездной дорожки и угрожающе выросшему перед радиатором его Мурмото.

Улыбающийся охранник вышел из будки рядом с барьером и наклонился к ветровому стеклу.

— Рано вы сегодня уезжаете, мистер Фурукава.

— У меня назначена встреча с дантистом.

— Ваш дантист, наверно, уже купил себе яхту на те деньги, которые вы заплатили ему за ваши зубы.

— Тут уже не яхтой пахнет, а виллой во Франции, — пошутил в ответ Фурукава.

Охранник засмеялся и задал стандартный вопрос:

— Берете сегодня на дом какие-нибудь секретные документы?

— Ничего. Свой кейс я оставил в кабинете.

Охранник нажал на кнопку, барьер скользнул вниз, и бдительный страж широким жестом махнул рукой в сторону дорожки, ведущей на улицу.

— Прополощите себе рот джином, когда вернетесь домой. Это заглушит боль.

— Неплохая идея, — ответил Фурукава, включив первую скорость своей шестиступенчатой коробки передач. — Спасибо.

Расположенная в высоком здании со стеклянными стенами, отгороженном от улицы эвкалиптовой аллеей, Лаборатория Винсента была исследовательским и проектным центром, принадлежащим консорциуму авиакосмических компаний. Ее разработки были глубоко засекречены, а результаты тщательно охранялись, поскольку значительная часть финансирования шла по государственным контрактам в рамках военных программ. Новейшие достижения в аэрокосмической технологии задумывались и изучались здесь, проекты с наибольшим практическим потенциалом передавались для дальнейшей разработки и внедрения, а неудачные замыслы откладывались в сторону для дальнейшего изучения.

Фурукава относился к той категории шпионов, которых в разведывательных кругах называют «спящими агентами». Его родители вместе со многими тысячами японцев иммигрировали в Соединенные Штаты вскоре после войны. Они быстро смешались с теми американскими гражданами японского происхождения, которые собирали по кусочкам свои разрушенные судьбы после освобождения из лагерей для интернированных. Но супруги Фурукава пересекли Тихий океан не потому, что утратили любовь к Японии. Ничуть не бывало. Они ненавидели Америку и то множество разнообразных культур, которые и составляли американскую нацию.

Они приехали как серьезные, трудолюбивые граждане, поставившие перед собой главную цель: воспитать своего единственного сына так, чтобы он стал одним из лидеров американского бизнеса. Им совсем не приходилось тратить свои сбережения, чтобы дать ребенку самое лучшее образование, которое только могла предложить Америка. Деньги таинственным образом поступали через японские банки на счета этого семейства. Невероятное терпение и долгие годы притворства окупились, когда их сын Джордж получил докторскую степень по физической

аэродинамике и наконец занял один из руководящих постов в Лаборатории Винсента. Высоко уважаемый среди инженеров-конструкторов, Фурукава теперь мог накапливать огромное количество информации о лучших достижениях американской аэрокосмической технологии, которую он тайно передавал корпорации «Сума Индастриз».

Секретные данные, украденные Фурукавой для страны, в которой он еще ни разу не был, сэкономили Японии миллиарды долларов затрат на исследования и разработки. Проводившаяся почти что без посторонней помощи, его предательская деятельность на пять лет ускорила превращение Японии в одного из мировых лидеров на аэрокосмическом рынке.

Фурукава, кроме того, был завербован для участия в Проекте Кайтен во время встречи с Хидеки Сумой на Гавайских островах. Он был польщен тем, что один из наиболее влиятельных лидеров Японии выбрал его для выполнения священной миссии. Сума приказал ему, чтобы он осторожно организовал отбор в порту специальным образом окрашенных автомобилей и их транспортировку. Место назначения автомобилей Сума ему не открыл. Фурукава не задавал лишних вопросов. Незнание смысла и деталей операции не тревожило его. Он и не мог быть глубоко втянут в это дело из-за опасения поставить под удар его собственную миссию по краже американской технологии.

Поток машин поредел в перерыве между часами пик, когда он подъезжал к бульвару Санта-Моника. Через несколько километров он свернул на юг в направлении шоссе, ведущего в Сан-Диего. Одно нажатие на педаль газа, и Мурмото промчался вперед сквозь более медленный поток машин. Антирадарный детектор в его кабине пискнул, и Фурукава снизил скорость до разрешенных трехсот метров в минуту, прежде чем его смог засечь радар припаркованной полицейской патрульной машины. Его рот скривился в улыбке, когда он снова разогнал машину.

Фурукава перестроился в правый ряд и по наклонной эстакаде транспортной развязки съехал вниз на шоссе, ведущее в гавань. Через десять минут он доехал до грузового порта и свернул в аллею, где проехал мимо огромного грузовика с полуприцепом, стоящего за пустым складом. Дверцы кабины грузовика и бока трейлера украшала марка известной компании по хранению и перевозкам грузов, фурукава дважды просигналил гудком. Водитель грузовика трижды просигналил в ответ и тронулся за спортивным автомобилем Фурукавы.

Незаметно смешавшись с огромным скоплением грузовиков, въезжающих в доки и выезжающих из них, Фурукава наконец остановился у одного из многочисленных въездов на площадку

хранения автомобилей, произведенных иностранными компаниями. Другие площадки по соседству были заполнены «Тойотами», «Хондами» и «Маздами» уже разгруженными с судов и ожидающими, когда их погрузят на двухъярусные полуприцепы, которые должны доставить их в демонстрационные залы автосалонов для продажи.

Пока охранник проверял документы на получение груза, Фурукава осматривал бесконечные шеренги автомобилей «Божественной воды». Около трети было разгружено и стояло под калифорнийским солнцем. Он от нечего делать начал подсчитывать машины, которые целая армия водителей спускала вниз по рампам через несколько зияющих разгрузочных люков. По его подсчетам, за минуту разгружалось около восемнадцати машин.

Охранник вернул ему конверт.

— Все в порядке, сэр, три спортивных седана SP-500. Пожалуйста, передайте эти бумаги диспетчеру дальше по дороге. Он обслужит вас.

Фурукава поблагодарил охранника и махнул рукой водителю, чтобы тот со своим грузовиком следовал за ним.

Курящий сигару краснолицый диспетчер узнал Фурукаву.

— Снова за этими поносными коричневыми машинами? — весело спросил он.

Фурукава пожал плечами.

— У меня есть клиент, который покупает их для своей сети розничной торговли. Хотите верьте, хотите нет, но это фирменный цвет его компании.

— Чем он торгует, всякой дрянью из кожи ящериц, которую привозят из Киото?

— Нет, импортным кофе.

— Не называйте мне его марку. Я не хочу ее знать.

Фурукава сунул диспетчеру стодолларовую купюру.

— Как скоро я смогу получить груз?

Диспетчер улыбнулся.

— Ваши машины легко найти на складе. Я приготовлю их для вас через двадцать минут.

Прошел час, прежде чем три коричневых машины были надежно закреплены внутри закрытого кузова трейлера и вывезены со двора

склада. Ни разу водитель и фурукава не обменялись ни словом. Они даже избегали смотреть друг на друга.

Выехав за ворота, Фурукава остановил свою машину на обочине и закурил сигарету. Он с холодным любопытством следил, как грузовик с полуприцепом развернулся и направился к шоссе, по которому они приехали сюда. В документах трейлера значился калифорнийский адрес, но он знал, что его номерной знак будет заменен на какой-нибудь пустынной стоянке грузовиков перед пересечением границы штата.

Несмотря на выработанную привычку не совать нос в дела своего шефа, Фурукава поймал себя на мысли о том, что же было уж такого особенного в этих коричневых машинах и почему место их назначения так строго засекречено?

Глава 20

— Сначала мы поплаваем на волнах в Макапуу Пойнт на рассвете, — сказал Питт, держа Стаси за руку. — Затем поныряем в заливе Ханаума перед тем, как ты намажешь меня повсюду маслом для загара, и мы проведем вторую половину дня, валяясь на теплом белом песке на пляже. Затем мы будем глазеть на закат, потягивая ром на террасе отеля Халекалани, а потом настанет время отправиться в этот маленький уютный ресторан в Маноа Вэлли.

Стаси смотрела на него с изумлением.

— Тебе никогда не приходило в голову открыть бюро по найму спутников для сопровождения дам в увеселительные заведения?

— Мне как-то не по нутру заставлять женщину обслуживать меня, — по-дружески признался Питт. — Вот поэтому я всегда остаюсь в одиночестве.

Он замолчал и посмотрел в окно большого двухмоторного армейского вертолета, с ревом летящего сквозь ночь. Рано вечером в тот день, когда Питт и Планкетт были спасены, прилетела эта громоздкая машина и забрала с палубы джонки всю команду «Мокрых делянок» и экипаж «Олд Герт». Но сначала все горячо поблагодарили Оуэна Мерфи и его команду за гостеприимство. Последнее, что было сделано перед отлетом, — перенос тела Джимми Нокса. Как только, завернутое в холст, оно было помещено на борт вертолета, огромная машина поднялась над «Шанхайской раковиной» и «Туксоном», взяв курс на Гавайи.

Море внизу сверкало под лучами яркой, почти полной луны, когда вертолет пролетел над прогулочным судном. Впереди, на юго-востоке, Питт различил огни на острове Оаху. Ему следовало бы крепко спать, как Сэндекер, Джиордино и остальные, но радостное возбуждение от того, что он вырвался из рук костлявой особы с косой, кипело в его

крови. Это и еще тот факт, что Стаси продолжала бодрствовать, чтобы составить ему компанию.

— Что-нибудь видно? — спросила она в промежутке между зевками.

— Оагу на горизонте. Мы пролетим над Гонолулу через пятнадцать минут.

Она посмотрела на него дразнящим взглядом.

— Расскажи мне побольше о завтрашнем дне, особенно о том, что мы будем делать после ужина.

— Ну, я еще не подошел к этому пункту.

— И все же.

— Ну, ладно. Там есть эти две пальмы ...

— Пальмы?

— Конечно, — ответил Питт, изобразив удивление тем, что она об этом спрашивает. — А между ними натянут этот бесстыдный гамак, рассчитанный на двоих.

Вертолет с его сверхсовременным фюзеляжем, напоминающим очертания гоночного автомобиля типа «феррари», без обычного для винтокрылых машин такого размера хвостового ротора, на секунду завис над небольшой травянистой лужайкой неподалеку от аэродрома Хикам Филд. Периметр лужайки патрулировался специальным боевым подразделением американской армии, но в темноте это невозможно было заметить. Поданный с земли фонариком условный сигнал известил пилота, что площадка безопасна и охраняется. Только тогда он осторожно опустил огромную машину на мягкую траву.

Небольшой автобус, на боках которого красовалась надпись «Экскурсионное бюро Каванунаи», медленно подъехал к месту посадки и остановился вблизи от вертолета, так что лопасти крутящегося винта едва не задевали его. За ним последовал черный седан марки «Форд» и армейская машина «скорой помощи», чтобы забрать тело Джимми Нокса в военный госпиталь Триплер для вскрытия. Четверо мужчин в штатском вышли из седана и заняли свои места по обе стороны от дверцы вертолета.

Когда усталые сотрудники НУМА выходили из вертолета, их тут же направляли в автобус. Последними должны были выйти Питт и Стаси. Охранник в форме протянул руку, загораживая им путь, и направил их к машине, у которой уже стояли адмирал Сэндекер и Джиордино.

Питт оттолкнул руку охранника и подошел к автобусу.

— До встречи, — сказал он Планкетту. — Смотрите, не простудитесь.

Планкетт чуть не раздавил ему руку.

— Спасибо за то, что спасли меня, мистер Питт. Где бы мы ни встретились, выпивка за мой счет.

— Я не забуду об этом. Шампанское для вас, пиво для меня.

— С Богом.

Когда Питт приблизился к черному автомобилю, двое мужчин держали свои блестящие значки прямо перед лицом адмирала, подтверждая, что они являются агентами федерального правительства.

— Я действую по приказу президента, адмирал. Я должен задержать и доставить вас, мистера Питта, мистера Джиордино и миссис Фокс в Вашингтон немедленно.

— Я не понимаю, — раздраженно сказал Сэндекер, — к чему такая спешка?

— Не могу сказать, сэр.

— А как насчет моих сотрудников из НУМА? Они работали под водой в экстремальных условиях четыре месяца. Они заслуживают отпуска, чтобы отдохнуть и прийти в себя со своими семьями.

— Президент распорядился об информационной блокаде. Ваши люди из НУМА вместе с Планкеттом и Салазаром будут доставлены в безопасное охраняемое место на наветренной стороне острова и содержаться там, пока информационная блокада не будет снята. Тогда они будут свободны отправиться за казенный счет в любое место, которое вы назовете.

— Как долго их будут держать взаперти? — потребовал ответа адмирал.

— Три или четыре дня, — ответил агент.

— А разве миссис Фокс не должна отправиться с остальными?

— Нет, сэр. Мне приказано, чтобы она прибыла в Вашингтон вместе с вами.

Питт пристально посмотрел на Стаси.

— Вы что-то скрываете от нас, леди?

Странная легкая улыбка тронула ее губы.

— Похоже, мне придется пропустить наше завтра на Гавайях.

— Мне почему-то тоже так кажется.

Ее глаза слегка расширились.

— Ну, тогда попробуем в другой раз, может быть, в Вашингтоне.

— Я так не думаю, — сказал он, и его голос внезапно стал ледяным. — Вы обманывали меня, вы обманывали меня все это время, начиная с вашего притворного призыва о помощи в «Олд Герт».

Она взглянула на него, и в ее глазах была странная смесь обиды и гнева.

— Мы бы все погибли, если бы ты и Ал не появились как раз тогда, когда вы это сделали.

— И этот загадочный взрыв. Это вы его устроили?

— Не имею ни малейшего представления, кто за этим стоит, — честно ответила она. — Меня не проинформировали.

— Проинформировали, — медленно повторил он. — Вряд ли такой термин употребил бы нигде не служащий вольный фотограф. Просто скажите, на кого вы работаете?

Неожиданная твердость появилось в ее голосе.

— Вы это очень скоро узнаете. — Она повернулась к нему спиной и села в машину.

Питту удалось поспать лишь три часа во время полета в столицу страны. Он задремал, пролетая над скалистыми горами, и проснулся, когда рассвет забрезжил над Западной Виргинией. Он сидел на заднем сиденье правительственного реактивного самолета «Гольфстрим», предпочитая разговору собственные размышления. Он смотрел в лежащую у него на коленях газету «США сегодня», но на самом деле не видел ни слов, ни фотографий.

Питт был сердит, чертовски сердит. Его раздражал Сэндекер, продолжавший отмалчиваться и уходить от жгучих вопросов, которые задавал ему Питт насчет взрыва, вызвавшего землетрясение. Он обижался на Стаси, теперь уже уверенный в том, что британские глубоководные исследования были на самом деле совместной разведовательной операцией с целью шпионажа на «Мокрых делянках». Вероятность того, что «Олд Герт» случайно погрузилась именно в этом месте, была пренебрежимо мала. Работа Стаси в качестве фотографа была лишь прикрытием. Она была секретным оперативным работником, это было ясно, как день. Единственная загадка, которую ему оставалось разгадать, — это название агентства, на которое она работала.

Пока он сидел, погруженный в свои размышления, Джиордино прошел в хвостовую часть салона и сел рядом с ним.

— Ты выглядишь сильно потрепанным, дружище. Питт потянулся.

— Я был бы рад сейчас оказаться дома.

Джиордино сразу понял, в каком Питт настроении, и искусно перевел разговор на коллекцию старинных и классических автомобилей своего друга.

— Над чем ты работаешь сейчас?

— Ты имеешь в виду, над какой машиной?

Джиордино кивнул.

— Паккард или Мармон?

— Ни то, ни другое, — ответил Питт. — Прежде чем мы отправились на Тихий океан, я восстановил двигатель Стутца, но не поставил его на место.

— Это зеленая городская машина выпуска тысяча девятьсот тридцать второго года?

— Именно она.

— Мы возвращаемся на два месяца раньше, чем предполагалось. Ты как раз успеваешь попасть на гонки классических автомобилей в Ричмонде.

— Осталось два дня, — задумчиво сказал Питт. — Не думаю, что мне удастся подготовить машину за это время.

— Позволь мне помочь тебе, — предложил Джиордино. — Вдвоем мы сможем поставить эту старую зеленую бомбу на стартовую линию.

Выражение лица Питта стало скептическим.

— Мы можем не получить этого шанса. Что-то происходит, Ал. Когда адмирал отказывается разговаривать, коровьи лепешки вот-вот полетят на ветряную мельницу.

Губы Джиордино изогнулись в принужденной улыбке.

— Я тоже попытался вытянуть из него что-нибудь.

— И что?

— Я мог бы иметь более содержательную беседу со столбами изгороди.

— Единственное, что он обронил, это что после посадки мы сразу отправимся в здание федеральной штаб-квартиры.

Джиордино выглядел озадаченным.

— Я никогда не слышал ни о какой Федеральной штаб-квартире в Вашингтоне.

— Я тоже, — сказал Питт, и его зеленые глаза загорелись вызовом. — Это еще одна причина, по которой я думаю, что нас дурачат.

Глава 21

Если раньше Питт только догадывался, что им предстоит водить хороводы вокруг майского шеста, то теперь он знал это наверняка, с того момента, как он взглянул на здание Федеральной штаб-квартиры.

Фургончик без всяких надписей и окон по бокам, который забрал их на базе ВВС Эндрюс, свернул с Конститьюшен-авеню, проехал мимо лавки поношенной одежды, поехал по мрачной аллее и остановился у ступеней обветшавшего шестиэтажного кирпичного здания за автостоянкой. Как оценил Питт, его фундамент был заложен в тридцатых годах.

Все здание целиком нуждалось в ремонте. Несколько окон с разбитыми стеклами были заделаны фанерой, черная краска на балкончиках из гнутых железных прутьев облупилась, кирпичи были выветрены и сильно выкрошились, и, как завершающий штрих, грязный бродяга растянулся на выщербленных бетонных ступенях за картонным ящиком, наполненным неописуемо убогим барахлом.

Два федеральных агента, сопровождавшие их с Гавайских островов, поднялись по ступенькам в вестибюль. Они не обратили никакого внимания на бездомного оборванца, тогда как Сэндекер и Джиордино мельком взглянули на него. Большинство женщин посмотрели бы на беднягу или с сочувствием, или с отвращением, но Стаси кивнула ему и удостоила его легкой улыбки.

Питт с любопытством остановился и сказал:

— Чудесный денек для того, чтобы позагорать.

Отщепенец, негр лет под сорок, взглянул на него.

— Ты что, слепой, парень? К чему мне загорать?

Питт заметил зоркие глаза профессионального наблюдателя, который разглядел каждый квадратный сантиметр рук Питта, его одежды, тела и лица, именно в этом порядке. Это уж точно были не рассеянные глаза праздношатающегося уличного бродяги.

— Ну, я не знаю, — ответил Питт тоном доброжелательного соседа. — Это может оказаться приятным занятием, когда вы получите пенсию и переберетесь на Бермуды.

Бродяга улыбнулся, сверкнув безупречными белыми зубами.

— Держись от меня подальше, приятель.

— Я попробую, — сказал Питт, развеселившись от этого странного замечания. Он прошел мимо этого первого эшелона замаскированной охраны и последовал за остальными в вестибюль здания.

Изнутри оно выглядело столь же обветшавшим, как и снаружи. Неприятно пахло дезинфицирующим средством. Зеленые плитки пола были сильно истерты, а стены голы и грязны, словно их несколько лет не мыли и не красили. Единственный предмет в обшарпанном вестибюле выглядел содержащимся в пристойном состоянии. Это был старинный почтовый ящик. Литая бронза сверкала в свете пыльных ламп, свисающих с потолка, и геральдический американский орел, изображенный над надписью «Почта США», сиял как в тот день, когда его вынули из литейной формы. Питт подумал, что это любопытный контраст.

Дверь старого лифта открылась бесшумно. Сотрудники НУМА с удивлением увидели, что внутри лифт блистал хромированными панелями, а лифтером был морской пехотинец в синей форме. Питт заметил, что Стаси ведет себя так, будто ей не впервые приходится проходить всю эту процедуру.

Питт был последним, кто вошел в лифт, и в полированных хромированных стенах он увидел свое отражение — усталые покрасневшие глаза и седую щетину на подбородке. Морской пехотинец закрыл двери, и лифт поехал со странным отсутствием каких-либо звуков. Питт вообще не чувствовал, что он движется. Никаких горящих цифр над дверью или на панели, по которым можно было бы определить, какие этажи они проезжают. Только какое-то внутреннее чувство подсказывало ему, что они очень быстро спускаются вниз на порядочную глубину.

Наконец дверь открылась. Она выходила в холл и коридор, которые были такими чистыми и прибранными, что ими мог бы гордиться фанатично блюдущий чистоту капитан корабля, федеральные агенты довели их по коридору до второй двери от лифта и встали в сторонку. Группа прошла через тамбур, разделяющий внутреннюю и наружную двери, который Питт и Джиордино сразу определили как воздушный шлюз, делающий помещение звукоизолированным. Когда внутренняя дверь закрылась, воздух из тамбура был откачан с ясно слышимым хлопком.

Питт обнаружил, что он стоит в помещении, в котором не существует никаких секретов, в огромном конференц-зале с низким потолком, настолько изолированном от всех наружных звуков, что скрытые

люминесцентные лампы гудели, как осы, а шепот можно было услышать за десять метров. Нигде не было никаких теней, а нормальный человеческий голос воспринимался почти как крик. В центре зала стоял массивный старинный библиотечный стол, который некогда был куплен Элеонорой Рузвельт для Белого дома. От него разило политурой. Ваза с яблоками «Джонатан» занимала центр стола. Под столом лежал роскошный старый кроваво-красный персидский ковер.

Стаси подошла к противоположной стороне стола. Какой-то мужчина встал и легко поцеловал ее в щеку, поздоровавшись с ней голосом, в котором чувствовался техасский акцент. Он выглядел молодым, по крайней мере на шесть или семь лет моложе Питта. Стаси не сделала ни малейшей попытки представить его. Они с Питтом не обменялись ни словом с тех пор, как сели на самолет «Гольфстрим» на Гавайях. Она неуклюже притворялась, что Питта нет с ними, все время держась к нему спиной.

Два человека азиатской внешности сидели вместе рядом со знакомым Стаси. Они тихо переговаривались, не поднимая глаз, пока Питт и Джиордино стояли, рассматривая зал. Некто гарвардского вида, облаченный в костюм с манишкой, украшенной значком клуба «Фи-Бета-Каппа» на цепочке для часов, сидел в одиночестве, читая какое-то досье.

Сэндекер взял курс на кресло, стоящее в голове стола, уселся в него и закурил одну из его сделанных по специальному заказу гаванских сигар. Он заметил, что Питт выглядит расстроенным и беспокойным, что было совсем не в его характере.

Худощавый пожилой человек с длинными до плеч волосами, куривший трубку, подошел к ним.

— Кто из вас Дирк Питт?

— Это я, — признал Питт.

— Фрэнк Манкузо, — сказал незнакомец, протягивая руку. — Мне сказали, что мы будем работать вместе.

— Вы, кажется, здесь единственный, кто не темнит со мной, — сказал Питт, возвращая крепкое рукопожатие и представив Джиордино. — Мой друг, Ал Джиордино, и я совершенно не понимаем, что здесь происходит.

— Нас собрали, чтобы образовать МОГ.

— Что-что?

— МОГ, это сокращенное название Межведомственной оперативной группы.

— О Боже, — простонал Питт. — Этого еще только не хватало. Все, что мне хочется, это отправиться домой, хлебнуть текилы со льдом и завалиться спать.

Прежде чем он успел более пространно поплакаться в жилетку, в конференц-зал вошел Реймонд Джордан в сопровождении двух мужчин, на лице которых было примерно столько же юмора, как у пациентов, которым доктор только что сообщил, что у них в печени обнаружен грибок из джунглей Борнео. Джордан направился прямо к Сэндекеру и тепло приветствовал его.

— Рад видеть тебя, Джим. Я глубоко признателен за твою помощь в этом деле. Я знаю, что для тебя было ударом потерять твой проект.

— НУМА построит новую станцию, — заявил Сэндекер со своей обычной самоуверенностью.

Джордан сел во главе стола. Его заместители заняли места рядом с ним и выложили на стол несколько папок документов перед ним.

Джордан нисколько не расслабился, заняв место за столом. Он сидел напряженно, не касаясь спинки кресла. Его спокойные темные глаза быстро скользили от одного лица к другому, словно он хотел прочесть мысли всех собравшихся. Затем он обратился прямо к Питту, Джиордино и Манкузо, которые все еще стоили.

— Джентльмены, не угодно ли вам устроиться поудобнее?

Некоторое время все молчали, пока Джордан раскладывал перед собой папки с документами. Все чувствовали себя неуютно, подавленные напряжением и озабоченностью, от которых развиваются язвы желудка.

Питт сидел с отсутствующим видом, его мысли разбредались неизвестно куда. Он не был настроен на серьезный разговор, и все его тело ныло от усталости, накопившейся за два последних дня. Он отчаянно нуждался в теплом душе и восьми часах сна, но заставлял себя держаться из уважения к адмиралу, который, в конце концов, был его начальником.

— Прошу извинить меня, — начал Джордан, — за все неудобства, которые я, возможно, причинил, но я боюсь, что мы столкнулись с чрезвычайной ситуацией, угрожающей национальной безопасности. — Он замолчал и посмотрел на личные дела, лежащие на столе перед ним. — Некоторые из вас знают меня, и некоторые в прошлом работали со мной. Мистер Питт и мистер Джиордино, вы находитесь в несколько неудобном положении, поскольку я кое-что знаю о вас, а вы не знаете обо мне почти ничего.

— Назовите себя, — с вызовом бросил ему Джиордино, избегая сердитого взгляда Сэндекера.

— Простите, — любезно ответил Джордан. — Мое имя Рей Джордан, и я непосредственно приказом президента уполномочен руководить обеспечением национальной безопасности, отвечая за все ее аспекты как внутри страны, так и за ее пределами. Операция, которую мы сейчас собираемся начать, касается обеих этих сторон. Чтобы объяснить ситуацию и ваше присутствие здесь, я передаю слово моему заместителю по оперативным вопросам, мистеру Дональду Керну.

Керн был тощий, как скелет, маленький и невзрачный человечек. Его холодные, как лед, голубовато-зеленые глаза, казалось, читают самые потаенные мысли каждого, на кого он посмотрит. То есть всех, кроме Питта. Когда их взгляды встретились, они были подобны двум пулям, попавшим друг в друга в воздухе, причем ни одна не смогла пройти через другую, и обе замерли на месте.

— Прежде всего, — начал Керн на удивление низким голосом, все еще пытаясь понять, что за человек Питт, — мы все собираемся стать частью новой федеральной организации, состоящей из следователей, специалистов, вспомогательного персонала, аналитиков и агентов-оперативников, создаваемой для того, чтобы отвести серьезную угрозу, нависшую над множеством людей здесь и во всем мире. Короче говоря, МОГ. — Он нажал одну из кнопок на вмонтированном в стол щитке и повернулся к стене, освещенной сзади, на которой появилась схема организации. На верху схемы был маленький кружок и кружок побольше под ним. Вниз от этого кружка, как паучьи лапки, тли линии к четырем меньшим кружкам.

— Верхний кружок изображает командный центр здесь, в Вашингтоне, — продолжал он свою лекцию. — Кружок пониже — это наш информационный центр, расположенный на тихоокеанском острове Корор, принадлежащем цепочке островов Республики Палау. Наш президент на этом острове, который будет руководить полевыми операциями, — Мэл Пеннер. — Он сделал паузу и со значением посмотрел на Пеннера. Это был тот самый человек, который вошел в зал вместе с ним и Джорданом.

Красное лицо Пеннера было сплошь изборождено морщинами. Он кивнул и лениво поднял вверх руку, не улыбнувшись и не посмотрев ни на кого из собравшихся за столом.

— Мэл работает под прикрытием социологического изучения туземной культуры, — добавил Керн.

— Мэл обходится нам недорого, — сказал Джордан с улыбкой. — Его домашнее и служебное оборудование состоит из кушетки, на которой он

спит, телефона, машинки для уничтожения документов и рабочего стола, который также служит обеденным столом и подставкой для плитки, на которой он готовит себе еду.

Молодец Мэл, подумал Питт про себя, борясь с дремотой и слегка удивляясь, почему они так долго не переходят к сути дела.

— У наших групп будут кодовые названия, — продолжал Керн. — Этими условными названиями будут разные марки автомобилей. Например, центральное руководство будет называться «Группа Линкольн». Мэл Пеннер — это «Группа Крайслер». — Он прервал свою речь, чтобы ткнуть указкой в соответствующие кружки на схеме. — Мистер Марвин Шоуалтер, который, кстати, является заместителем директора по безопасности Государственного департамента США, будет работать в нашем посольстве в Токио и будет улаживать все дипломатические проблемы с японской стороной. Его кодовое название «Группа Кадиллак».

Шоуалтер поднялся, потрогал пальцами свой значок клуба «Фи-Бета-Каппа» и кивнул головой собравшимся за столом.

— Приятно работать со всеми вами, — вежливо сказал он.

— Марв, ты должен проинформировать своих ведущих сотрудников, что в Токио будут работать наши оперативники из МОГ, на случай, если они заметят что-нибудь, что можно принять за несанкционированную деятельность. Я не хочу, чтобы наша ситуация осложнилась из-за возможной утечки информации из посольства.

— Я прослежу за этим, — пообещал Шоуалтер.

Керн повернулся к Стаси и бородатому мужчине, сидящему рядом с ней.

— Мисс Стаси Фокс и доктор Тимоти Уэзерхилл — сообщаю для тех, кто не был им представлен, — будут руководить американской ветвью расследования. Они будут работать под видом журналиста и фотографа газеты «Денвер трибьюн». Они будут называться «Группа Бьюик». — Затем он показал на двух мужчин с азиатской внешностью. — «Группа Хонда» состоит из мистера Роя Ориты и мистера Джеймса Ханамуры. Им поручена самая критическая фаза расследования — собственно Япония.

— Прежде чем Дон продолжит брифинг, — вмешался Джордан, — есть ли у вас какие-нибудь вопросы?

— Как мы будем связываться друг с другом? — спросил Уэзерхилл.

— Протяните руку и свяжитесь с кем-нибудь, — ответил Керн. — По телефону нужно разговаривать как обычно, это не вызовет

подозрений. — Он нажал другую кнопку на щитке, и на экране возник ряд цифр. — Запомните этот номер. Мы предоставим вам защищенную телефонную линию, на другом конце которой круглосуточно будет дежурить полностью проинформированный сотрудник, знающий, где находится в данный момент каждый из вас и как с ним связаться.

— Я должен добавить, что вы обязаны давать о себе знать каждые семьдесят два часа. — сказал Джордан. — Если от вас не поступит весточка, кто-нибудь будет немедленно послан, чтобы вас найти.

Питт, балансируя на задних ножках своего кресла, поднял руку.

— У меня есть вопрос.

— Да, мистер Питт?

— Я был бы чрезвычайно благодарен тому, кто объяснил бы мне, что, черт побери, здесь происходит.

Все на секунду замерли, не веря своим ушам. Как и следовало ожидать, все, кроме Джиордино, прищурившись, неодобрительно посмотрели на Питта.

Джордан повернулся к Сэндекеру, который покачал головой и раздраженно произнес:

— Как вы просили, Дирк и Ал не были проинформированы о ситуации.

Джордан кивнул.

— Это мое упущение, что вам, джентльмены, не сообщили о том, что произошло. Моя вина. Прошу простить меня, джентльмены. С вами обошлись весьма некорректно после всего, что вы испытали.

Питт испытующе взглянул на Джордана. — Это была ваша инициатива — шпионить за исследовательской станцией НУМА?

Джордан, поколебавшись, сказал:

— Мы не шпионим, мистер Питт, мы наблюдаем, и, действительно, это я отдал приказ. Британская океанографическая команда, так уж случилось, работала в северной части Тихого океана, и они согласились сотрудничать с нами, переместив свои исследования в то место, где находилась ваша станция.

— А взрыв на поверхности, уничтоживший английское судно со всей его командой и вызвавший землетрясение, которое начисто смело восемь лет интенсивных исследований и трудов, это тоже была ваша идея?

— Нет, это была непредвиденная трагедия.

— Может быть, я что-то упустил, — резко сказал Питт. — Но у меня была эта нелепая идея, что мы служим одному делу.

— Это так и есть, мистер Питт, уверяю вас, — спокойно ответил Джордан. Он кивнул адмиралу Сэндекеру. — Ваша база, «Мокрые делянки», как вы ее называете, была построена в такой строжайшей тайне, что ни одна из наших разведывательных служб понятия не имела, что ее создание было санкционировано.

Питт прервал его.

— Так что, когда вы что-то разнюхали об этом проекте, вы вывихнули себе нос, и вам пришлось начать расследование.

Джордан не привык оправдываться перед кем бы то ни было, но он все же избегал встречаться взглядом с Питтом.

— Что сделано, то сделано. Я сожалею о трагической гибели столь многих людей, но нельзя полностью возлагать вину на нас за то, что мы в неудачный момент поместили наших агентов в неудачное место. Мы не были заранее предупреждены о том, что японский автомобилевоз контрабандно перевозит через океан атомные бомбы, и мы не могли предсказать, что эти бомбы случайно взорвутся в непосредственной близости от двух гражданских судов, как раз над вашей базой.

На миг Питт окаменел от этого неожиданного откровения, затем его удивление прошло так же быстро, как возникло. Кусочки головоломки наконец стали на место. Он взглянул на Сэндекера и почувствовал себя уязвленным, обращаясь к нему:

— Вы знали, адмирал, вы знали еще до того, как вылетели из Вашингтона, что «Туксон» идет к станции не для того, чтобы спасти Планкетта и меня. Он отправился туда, чтобы зарегистрировать радиоактивность и подобрать обломки.

Это был один из тех немногих случаев, когда Питт и Джиордино видели Сэндекера покрасневшим от досады.

— Президент попросил меня поклясться, что я сохраню в тайне то, что он мне сообщит, — медленно произнес он. — Я никогда не лгал тебе, Дирк, но у меня не было иного выбора, как хранить молчание.

Питту было жаль адмирала, он знал, что тому было нелегко темнить с двумя ближайшими друзьями, но он не пытался скрыть своей обиды на Джордана.

— Зачем здесь мы? — потребовал он ответа.

— Президент лично одобрил выбор каждой кандидатуры для нашей группы, — ответил Джордан. — Все вы имеете образование и опыт

работы, незаменимые для успеха этой операции. Адмирал и мистер Джиордино разработают план операции по поиску на дне океана и подъему любых фрагментов судна, которое взорвалось. Кодовое название их группы — «Мерседес».

Усталые глаза Питта неотступно смотрели на Джордана.

— Вы лишь наполовину ответили на мой вопрос.

Джордан сделал ему одолжение, сказав:

— Я перехожу к этому. Вы и мистер Манкузо, с которым, я полагаю, вы познакомились, будете работать в качестве группы поддержки.

— Поддержки чего?

— Для того этапа операции, который потребует подземных или подводных поисковых работ.

— Где и когда?

— Это еще предстоит выяснить.

— А какое наше кодовое название?

Джордан посмотрел на Керна, пролиставшего досье и затем отрицательно покачавшего головой.

— Им пока не приписано никакого названия.

— Могут ли приговоренные сами выбрать себе название? — спросил Питт.

Джордан обменялся взглядами с Керном и затем пожал плечами.

— Не вижу, почему бы и нет.

Питт улыбнулся Манкузо.

— У вас есть соображения на этот счет?

Манкузо вынул трубку изо рта.

— Я оставляю это на ваше усмотрение, — сказал он любезно.

— Тогда мы будем называться «Группа Стутц».

Джордан вскинул голову.

— Прошу прощения, не понял.

— Я никогда не слыхал о такой марке, — проворчал Керн.

— Стутц, — отчетливо повторил Питт. — Один из лучших американских классических автомобилей, выпускавшихся с тысяча девятьсот одиннадцатого по тысячу девятьсот тридцать пятый год в Индианаполисе, штат Индиана.

— Мне это нравится, — сказал Манкузо, кивком подтвердив свое согласие.

Керн косо посмотрел на Питта, и в его глазах появилось выражение, придающее ему сходство с хорьком.

— Вы не производите на меня впечатления человека, серьезно относящегося к нашей операции.

Джордан пожал плечами, не желая вступать в пререкания.

— Пусть называют как хотят, если им это нравится.

— Ну, вот и ладно, — сказал Питт. — Теперь, когда важнейший пункт повестки дня успешно согласован, я собираюсь встать и выйти отсюда. — Он замолчал, чтобы посмотреть на оранжевый циферблат своих старых водонепроницаемых часов марки «Докса». — Меня затащили сюда вопреки моей воле. Из последних сорока восьми часов я спал около трех, и за это время только один раз поел. Мне нужно принять душ. И я до сих пор не знаю, что все же происходит. Ваши охранники в штатском и ваши отряды морских пехотинцев могут задержать меня, разумеется, но тогда я могу быть ранен и не смогу участвовать в работе группы. Хотя, конечно, здесь есть еще один пункт, который никто не догадался вынести на обсуждение.

— Что это еще за пункт? — спросил Керн, все больше раздражаясь.

— Что-то я не могу припомнить, чтобы меня и Ала официально просили согласиться стать добровольцами.

Керн вел себя так, как будто он проглотил кайенский перец.

— О чем вы говорите, о каких таких добровольцах?

— Ну, знаете, это такие люди, которые сами предлагают себя на службу по своей собственной свободной воле, — с невинным видом объяснил Питт. Он повернулся к Джиордино. — Тебя официально приглашали на эту вечеринку, Ал?

— Нет, если только мое приглашение не затерялось на почте.

Питт вызывающе посмотрел Джордану в глаза и сказал:

— Это такая старая игра в мяч. — Затем он повернулся к Сэндекеру. — Простите, адмирал.

— Ну, мы идем? — спросил Джиордино.

— Да, пошли.

— Вы не можете просто взять и выйти, — произнес Керн абсолютно серьезным тоном. — Вы подписали контракт с правительством.

— Я не подписывал контракта о том, чтобы изображать из себя секретного агента. — Голос Питта был спокойным, совершенно невозмутимым. — И если здесь не произошло революции с тех пор, как мы вернулись со дна моря, это все еще свободная страна.

— Я прошу вас задержаться еще на минуту, если вы не против, — сказал Джордан, мудро принимая точку зрения Питта.

Джордан обладал невероятной властью, и он привык держать в руке кнут. Но он также был чрезвычайно проницателен и знал, когда лучше плыть по течению, даже если это течение несло не туда, куда хочется. Он с любопытством и интересом смотрел на Питта и не видел в нем ни ненависти, ни заносчивости, это был просто усталый человек, от которого хотели слишком многого. Он изучил досье директора специальных проектов НУМА. Биография Питта читалась как приключенческая сказка. Его достижения были прославлены и высоко уважаемы всеми, кто знал о них. Джордан был достаточно сообразителен, чтобы не отталкивать от себя человека, которого он был чертовски счастлив иметь в своей группе.

— Мистер Питт, если вы потерпите еще несколько минут, я расскажу о том, что вам необходимо знать. Некоторые подробности останутся засекреченными. Мне не кажется, что было бы мудро, если бы вы и некоторые другие люди за этим столом обладали полным знанием ситуации. Мне самому это, в общем, безразлично, но это делается для вашей безопасности. Вы понимаете меня?

Питт кивнул.

— Я слушаю.

— У Японии имеется ядерная бомба, — раскрыл карты шеф Национальной службы безопасности. — Как давно она у них имеется и сколько бомб они произвели, неизвестно. Располагая высокоразвитой ядерной технологией, Япония уже десять лет способна производить боеголовки. И, несмотря на их широко разрекламированную приверженность договору о нераспространении ядерного оружия, кто-то или какая-то группа внутри их структуры власти решили, что им нужно средство устрашения, которое можно было бы использовать как орудие шантажа. То немногое, что нам известно, вытекает из следующего факта. Японское судно, перевозившее автомобили марки «Мурмото», а также два или больше ядерных устройств, взорвалось посреди Тихого

океана, причем вместе с ним погибли норвежское грузо-пассажирское рейсовое судно и британский океанографический корабль, с пассажирами и судовыми командами. Почему на японском судне были ядерные бомбы? Они собирались контрабандно провезти их в американские порты. С какой целью? Возможно, для ядерного шантажа. Япония, может быть, и располагает бомбой, но у нее нет ни ракет, ни бомбардировщиков дальнего радиуса действия для ее доставки. Поэтому, что бы мы делали на их месте, чтобы защитить структуру финансовой власти, забравшейся в каждый карман в любой стране мира? Мы бы контрабандно провезли ядерное оружие в каждую страну или группу стран, вроде Европы, которая представляет угрозу нашей финансовой империи, и спрятали бы его в стратегически важных точках. Затем, если какая-нибудь конкретная страна, скажем, США, придет в ярость в результате попытки наших японских лидеров диктовать политику Белому дому, Конгрессу и деловым кругам, то американцы отомстят, отказавшись возвращать сотни миллиардов долларов, одолженные их казначейству нашими японскими банками. Они также будут угрожать бойкотом и таможенными барьерами в отношении всех японских товаров. Именно эти крайние меры сенатор Майк Диас и член Конгресса Лорен Смит предлагают сейчас в Капитолии, пока мы здесь беседуем. И может так случиться, если президент будет достаточно рассержен, он прикажет своим превосходящим военным силам блокировать Японские острова, что отрежет наше снабжение нефтью и жизненно важным сырьем и парализует все наше производство. Вы понимаете, о чем я говорю?

Питт кивнул.

— Да, я понимаю.

— Этот сценарий ответного удара не так уж нереалистичен, особенно если американский народ в один прекрасный день осознает, что один месяц в году он работает для того, чтобы выплатить долги иностранным, в основном японским кредиторам. Разве это может не беспокоить японцев? Нет, если бы они имели возможность нажатием кнопки взорвать любой город в мире как раз ко времени шестичасовых новостей. Почему мы здесь? Чтобы остановить их, отыскав, где спрятаны бомбы. Причем остановить их нужно прежде, чем выяснится, что мы попали на их след. Вот где в действие вступает группа «Бьюик». Стаси — оперативный работник Агентства национальной безопасности. Тимоти — ученый-ядерщик, специализирующийся на обнаружении радиоактивности. Группа «Хонда», руководимая Джеймсом и Роем, лучшими агентами ЦРУ, концентрирует свои усилия на обнаружении источника бомб и командного центра, управляющего их подрывом. Разве это не кошмарная ситуация? В высшей степени. Жизни пятисот миллионов людей в странах, которые соревнуются с Японией, зависят от

того, что мы успеем сделать в последующие несколько недель. В своем благодушии, порожденном в основном невежеством, Государственный департамент не разрешал нам вести тайные наблюдения за дружественными странами. В качестве передовой линии системы раннего обнаружения этой страны, мы вынуждены действовать во мраке и умирать в неизвестности. Колокола тревоги вот-вот зазвонят, и верите вы мне, мистер Питт, или нет, но эта группа МОГ является нашей последней надеждой накануне полномасштабной катастрофы. Картина вам ясна?

— Да ... — медленно произнес Питт. — Спасибо вам, мистер Джордан. Картина мне ясна.

— Теперь вы согласны официально присоединиться к группе?

Питт встал и, к удивлению всех присутствующих, кроме Джиордино и Сэндекера, сказал:

— Я это обдумаю.

И затем он вышел из зала.

Спускаясь по ступенькам в аллею позади обветшалого здания, Питт обернулся и посмотрел вверх на грязные стены и залатанные фанерой окна. Он удивленно покачал головой, затем взглянул вниз на охранника в потрепанной одежде, растянувшегося на ступенях, и пробормотал сам себе:

— Так вот где глаза и уши великой республики.

Джордан и Сэндекер сидели в конференц-зале после того, как остальные его покинули.

Сварливый маленький адмирал посмотрел на Джордана и слегка улыбнулся.

— Вы не против, что я курю сигару?

Джордан посмотрел с отвращением.

— Поздновато вы спрашиваете, не правда ли, Джим?

— Противная привычка, — кивнул Сэндекер. — Но я не прочь окурить дымом кой-кого, особенно тех, кто невежливо обращается с моими людьми, а это именно то, что ты делал, Рэй, неуважительно обращаясь с Питтом и Джиордино.

— Тебе прекрасно известно, черт подери, что мы в состоянии кризиса, — сказал Джордан серьезным тоном. — У нас нет времени ублажать примадонн.

Лицо Сэндекера омрачилось. Он показал на досье Питта, лежавшее поверх стопки других досье перед Джорданом.

— Ты не выполнил свое домашнее задание. Иначе бы ты знал, что Дирк Питт больший патриот, чем оба мы, вместе взятые. Немногие люди сделали больше для своей страны. Немного людей такого сорта осталось в живых. Он до сих пор насвистывает «Янки Дудл», моясь под душем, и полагает, что рукопожатие является контрактом, а слово мужчины — его обязательством. Он может быть хитрым, как черт, если считает, что помогает охранять «Звезды и Полосы», американскую семью и бейсбол.

— Если он понимает серьезность ситуации, — сказал озадаченный Джордан, — почему он встал и вышел?

Сэндекер посмотрел на него, затем взглянул на схему организации на экране эпидиаскопа, где Керн добавил кружок с надписью "группа «Стутц».

— Ты серьезно недооценил Дирка, — сказал он почти с грустью, — ты не знаешь, не можешь этого знать, что, вероятно, в эту минуту он обдумывает, как сделать твою операцию более эффективной.

Глава 22

Питт не сразу направился в старый авиационный ангар на краю вашингтонского аэропорта, который он называл своим домом. Он дал Джиордино ряд инструкций и отослал его в такси.

Он прошелся пешком по Конститьюшен-авеню, пока не дошел до японского ресторана. Он попросил тихую кабинку в углу и сделал заказ. Между супом из моллюсков и рагу из сырой рыбы «сосими» он встал из-за стола и подошел к телефону-автомату около туалетов.

Он вытащил из бумажника небольшую записную книжку и отыскал нужный ему номер: доктор Персиваль Нэш. (Пейлоуд Перси), Чеви-Чейз, Мэриленд. Нэш был дядей Питта с материнской стороны. Друг семьи, Нэш часто вспоминал, как он, бывало, подливал черри в соску Дирка. Питт опустил мелочь и набрал номер.

Он терпеливо дождался звонков в надежде, что Нэш дома. Он и был там, ответив за секунду до того, как Питт готов был повесить трубку.

— Доктор Нэш слушает, — прозвучал моложавый раскатистый голос. Перси вот-вот должно было исполниться восемьдесят два года.

— Дядя Перси, это Дирк.

— О Боже мой, Дирк, давненько я не слышал твоего голоса. Ты не звонил своему старому дяде целых пять месяцев.

— Четыре, — поправил его Питт, — я был занят работой в зарубежном проекте.

— Как поживает моя прекрасная сестрица и этот грязный старый политикан, за которого она вышла замуж? Они тоже не звонили мне ни разу.

— Я еще не заходил к ним домой, но, судя по их письмам, мама и сенатор бодры как всегда.

— Как насчет тебя, племянник, ты в добром здравии?

— Я в хорошей форме и готов побегать с тобой по парку Маринда.

— Неужели ты помнишь об этом? Тебе было тогда не больше шести лет.

— Как я могу забыть? Всякий раз, когда я пытался обогнать тебя, ты бросал меня в кусты.

Нэш расхохотался, как весельчак, которым он и был на самом деле.

— Никогда не пытайся быть лучше того, кто старше тебя. Мы любим думать, что мы проворнее, чем вы, мелюзга.

— Именно поэтому мне и нужна твоя помощь и я подумал, не мог бы ты встретиться со мной в здании НУМА? Мне нужно воспользоваться твоими мозгами.

— А по какому поводу?

— Насчет ядерных реакторов для гоночных машин.

Нэш немедленно понял, что Питт не может обсуждать суть дела по телефону.

— Когда? — спросил он без колебаний.

— Как только тебе будет удобно.

— Через час годится?

— Через час будет прекрасно, — ответил Питт.

— Где ты сейчас?

— Ем японское сосими.

Нэш простонал:

— Омерзительная штука, одному Богу известно, в какой ядовитой гадости или химикатах плавала эта рыба.

— На вкус, однако, неплоха.

— Мне следует побеседовать с твоей матерью, она неправильно тебя воспитывала.

— Встретимся через час, Перси.

Питт повесил трубку и вернулся за свой столик. Хотя он был голоден, как черт, но едва притронулся к сосими. Он рассеянно подумал, а не была ли одна из тайно провезенных бомб спрятана под полом ресторана.

Питт взял такси и попросил отвезти его к десятиэтажному зданию НУМА. Он расплатился с таксистом и мельком взглянул на изумрудно-зеленые стеклянные панели, покрывающие здание и переходившие в изогнутый пирамидальный шпиль наверху. Не будучи поклонником классического стиля государственных учреждений столицы, адмирал Сэндекер пожелал, чтобы его контора имела современный облик, и добился этого.

Вестибюль представлял собой внутренний дворик, окруженный водопадами и аквариумами, заполненными экзотическими морскими тварями. Огромный глобус возвышался в центре покрытого зеленым мрамором пола. На глобусе были показаны геологические разломы и хребты всех океанов, все крупные озера и главные реки мира.

Питт вошел в пустой лифт и нажал кнопку десятого этажа. Он не стал заходить в свой кабинет на четвертом этаже, а отправился прямо в центр связи и информации, расположенный на самом верху. Это был мозговой центр НУМА, место, где хранилась вся информация, связанная с океанами: научная, историческая, художественная и документальная. Именно в это помещение, заполненное компьютерами и банками данных, Сэндекер вложил львиную долю бюджета НУМА, что было источником постоянной критики со стороны небольшого кружка его противников в Конгрессе. Тем не менее эта обширнейшая электронная библиотека сэкономила огромные суммы денег, потраченные на сотни проектов, привела к многочисленным важным открытиям и помогла предотвратить несколько катастроф в национальном масштабе, о которых никогда не упоминалось в прессе.

Человек, который заведовал всем этим огромным супермаркетом, был Хирам Егер.

Словом «блестящий» чаще всего характеризовали ум Егера, тогда как его внешний вид чаще всего описывали как неряшливый. С седеющими светлыми волосами, связанными в длинный хвост, со свисающей сосульками бородой, со стариковскими очками и прожженными, заплатанными джинсами, Егер был окружен аурой постаревшего хиппи. Как ни странно, он никогда им не был. Он был ветераном войны во Вьетнаме, награжденным медалями и отслужившим там три срока в качестве флотского специалиста. Если бы он продолжал заниматься

компьютерами в Калифорнии, то в конце концов возглавил бы процветающую компанию и стал бы чрезвычайно богатым человеком. Но Егера нисколько не привлекала карьера предпринимателя. Он был воплощенным парадоксом, одним из любимых сослуживцев Питта. Когда адмирал Сэндекер предложил ему должность руководителя огромного компьютерного информационного центра НУМА с почти неограниченным финансированием, Егер согласился, переехал со своей семьей из маленькой фермы в Страсбурге, Мэриленд, и сумел организовать работу центра всего за восемь дней. Он проводил здесь долгие часы, заставляя информационно-поисковые системы работать двадцать четыре часа в день. Причем три смены технических работников обеспечивали обмен данными об океанах с американскими и иностранными океанографическими экспедициями, работающими в разных частях света.

Питт нашел Егора за рабочим столом, который стоял на вращающемся возвышении в центре зала. Егер специально сконструировал его, чтобы окидывать всевидящим взглядом свое царство, стоящее миллиарды долларов. Он ел пиццу и пил безалкогольное пиво, когда заметил Питта и с широкой улыбкой вскочил на ноги.

— Дирк, ты вернулся?

Питт взошел по ступенькам на алтарь Егера, как называли его сотрудники, и они горячо пожали друг другу руки.

— Привет, Хирам.

— Печально было узнать о ваших «Мокрых делянках», — серьезно сказал Егер. — Но я действительно счастлив видеть тебя среди живых. Боже, ты выглядишь, как каторжник, которого только что выпустили из камеры-одиночки. Присядь и отдохни.

Питт жадными глазами посмотрел на пиццу.

— Ты не мог бы пожертвовать мне кусочек, а?

— Бери все, я пошлю еще за одной порцией. Не хочешь ли запить это поддельным пивом? Сожалею, что не могу угостить тебя настоящим, но ты знаешь правила.

Питт сел и умял здоровенную порцию и еще два куска от порции Егера, а также три банки безалкогольного пива, которое компьютерный гений держал в маленьком холодильнике, встроенном в стол. В промежутках между глотками он поведал Егеру о событиях, приведших к его спасению, немного не доведя свой рассказ до того момента, когда он отбыл на Гавайи.

Егер слушал с интересом и затем улыбнулся как скептик-судья на бракоразводном процессе.

— Быстренько ты добрался до дому.

— Я вижу, что-то происходит.

Егер рассмеялся.

— Ну, наконец, доехали. Ты примчался сюда не для того, чтобы есть мою пиццу. Что там крутится в твоем злокозненном мозгу?

— Я ожидаю своего родственника Персиваля Нэша, который должен прибыть сюда с минуты на минуту. Перси был одним из ученых, работавших в Манхэттенском проекте, которые построили атомную бомбу; предпоследним директором комиссии по атомной энергии. Сейчас он в отставке. При помощи твоего суперкомпьютерного мозга и познаний Перси в ядерном оружии я хочу создать сценарий.

— Концептуализацию, ты имеешь в виду.

— Ну, называй как хочешь.

— Касающуюся чего?

— Контрабандной операции.

— И что мы будем провозить?

— Я лучше скажу это после того, как Перси придет сюда.

— Может быть, что-то вроде ядерной боеголовки? — спросил Егер лукаво. Питт посмотрел на него.

— Это одна из возможностей.

Егер лениво встал и направился вниз по ступенькам.

— Пока мы ждем твоего дядю, я подготовлю свою систему САПР/ГАПР. — Он ушел и уже находился среди своих компьютеров, прежде чем Питт догадался спросить его, что он имеет ввиду.

Глава 23

Огромная седая борода окаймляла лицо Пейлоуда Перси и наполовину закрывала его пестрый галстук. У него был нос, напоминающий по форме кулак, насупленные брови и проницательные глаза владельца фургона, твердо намеренного провести поселенцев через населенные индейцами края. Его лицо лоснилось, как портрет на рекламе пива, он выглядел намного моложе своих восьмидесяти двух лет. Он приоделся ради Вашингтона. Перси не признавал костюмы в тонкую полоску, которые носят чиновники, или синие костюмы с красными галстуками,

предпочитаемые бизнесменами. Он вошел в компьютерный центр НУМА в бледно-лиловой спортивной куртке, с галстуком того же цвета, серых брючках в обтяжку и ковбойских бутсах из кожи ящерицы.

Разыскиваемый и развлекаемый половиной привлекательных вдовушек в радиусе ста миль вокруг. Перси как-то ухитрился остаться холостяком. Острослов, которого приглашали на все вечеринки в качестве гостя и дежурного оратора, он был гурманом, которому принадлежал винный погребок, являющийся предметом зависти всех устроителей званых вечеров города. Серьезная сторона его характера заключалась в огромных познаниях в смертоносном искусстве производства ядерного оружия. Перси был в Лос-Аламосе с самого начала и продолжал тянуть лямку в комиссии по атомной энергии и сменивших ее агентствах почти пятьдесят лет. Многие лидеры третьего мира отдали бы всю свою казну за таланты Перси. Он был одним из небольшой группы экспертов, которые могли бы собрать ядерную бомбу в своем гараже, и стоила бы она меньше, чем газонокосилка с мотором.

— Дирк, мой мальчик, — просиял он, — как приятно видеть тебя.

— Ты неплохо выглядишь, — сказал Питт, когда они обнялись.

Перси грустно пожал плечами.

— Этот чертов Департамент моторизированного транспорта отобрал у меня права на вождение мотоциклом, но я все еще могу водить мой старый «Ягуар» ХК-120.

— Я признателен, что у тебя нашлось время помочь мне.

— Не стоит благодарности. Всегда рад принять вызов.

Питт представил Перси Хираму Егеру. Старик осмотрел Егера с ног до головы. На его лице отразилось приятное изумление.

— Как вам удалось купить такую полинявшую, предварительно застиранную одежду в магазине? — спросил он светским тоном.

— На самом деле моя жена замачивает ее в растворе верблюжьей мочи, печеночника и ананасового сока, — немедленно ответил Егер с совершенно серьезным выражением лица. — Это делает ее мягче и придает ей особый дух благовоспитанности.

Перси засмеялся.

— Да этот аромат заставил меня гадать, какие же секретные ингредиенты были использованы. Приятно было встретиться.

— Мне также, — сказал Хирам.

— Не начать ли нам? — сказал Питт.

Егер придвинул еще два кресла к экрану монитора, который был в два раза больше, чем у всех других моделей. Он подождал, пока гости усядутся, и протянул к экрану руки, как бы призывая: «Дух, появись!»

— Это последняя модель, — сказал он. — Она называется САПР/ГАПР (система автоматизированного проектирования — гибкое автоматическое производство). В ее основе лежит система компьютерной графики, но это также очень хитроумная система визуального представления, которая позволяет чертежникам и инженерам разрабатывать замечательные подробные чертежи любого механического объекта, который только можно себе представить. Никаких циркулей, транспортиров или рейсшин. Можно запрограммировать допуски, затем просто набросать на экране грубый эскиз с помощью электронного пера. А затем компьютер превратит его в точные выверенные формы или представит в трехмерном виде.

— Совершенно поразительно, — пробормотал Перси, — а можно выделить различные куски чертежа и увеличить детали?

— Да. А также можно наложить цвет, изменить форму, смоделировать нагрузки и запомнить все изменения. Затем отправить результаты в память, чтобы можно было вызвать их оттуда, как в системе редактирования текстовых файлов. Возможности использования от проектирования до выпуска готового изделия захватывают дух.

Питт уселся верхом на свой стул и оперся подбородком на спинку.

— Посмотрим, поможет ли это нам выиграть приз.

Егер посмотрел на него поверх стариковских очков.

— Мы, специалисты, называем это концептуализацией.

— Пожалуйста, если тебе так больше нравится, — сказал Питт.

— Ну так и что же мы будем искать? — спросил Перси.

— Ядерную бомбу, — ответил Питт.

— Где?

— В автомобиле.

— Наверное, предназначенном для контрабандного провоза через границу? — спросил наугад Перси.

— Что-то вроде этого.

— По суше или по морю?

— Морем.

— Это, наверное, как-то связано со взрывом в Тихом океане пару дней назад?

— Я не могу сказать.

— Мой мальчик, мне нет равных в разгадывании головоломок, я слежу за всем, что связано с ядерным оружием, и ты, конечно, знаешь, что, не считая президента, у меня самый высокий допуск к секретной информации из всех, какие только есть.

— Ты хочешь мне что-то сообщить, дядя?

— Ты поверишь, что я был первым, с кем Рэй Джордан консультировался после взрыва в Тихом океане?

Питт с улыбкой признал свое поражение.

— Тогда ты знаешь больше, чем я.

— То, что японцы прячут ядерное оружие по всей стране в автомобилях, да, это мне известно. Но Джордан не счел удобным включить старика в свою операцию. Так что он просто вытянул из меня все, что я думаю по этому поводу, и отправил меня домой.

— Считай, что ты нанят. Ты только что стал неоплачиваемым сотрудником группы «Стутц», работающим без оплаты, и ты тоже, Хирам.

— Ты нарвешься на крупные неприятности, когда Джордан узнает, что ты завербовал подкрепление.

— Если мы добьемся успеха, он это проглотит.

— Что это еще за разговоры про японские бомбы в автомобилях? — не поверив своим ушам, спросил Егер.

Перси положил ему руку на плечо.

— То, что мы собираемся предпринять здесь, Хирам, должно сохраняться в строжайшей тайне.

— У Хирама допуск «бета-кью», — сказал Питт.

— Тогда мы готовы начать охоту.

— Я был бы благодарен, если бы меня ввели в курс дела, — сказал Егер, внимательно глядя на Перси. Старый атомный эксперт встретил его взгляд.

— В тридцатых годах Япония начала войну, чтобы обеспечить самообеспечиваемую экономическую империю. Теперь, 50 лет спустя, они снова хотят сражаться, только в этот раз для того, чтобы сохранить ее. В полной тайне они создали свой ядерный арсенал задолго до того, как кто-нибудь догадался проверить его существование. Плутоний и уран, пригодный для производства оружия, они получали из гражданских атомных установок. Тот факт, что у них есть бомба, также был просмотрен, поскольку у них не было систем доставки, типа ракет дальнего радиуса действия, крылатых ракет, бомбардировщиков или подводных ракетоносцев.

— Я думал, что японцы придерживаются договора о нераспространении ядерного оружия, — сказал Егер.

— Верно, правительство и большинство населения категорически настроено против ядерного оружия, но силы, глубоко скрытые за официальными лицами и официальным курсом их бюрократии, тайно сумели создать ядерный арсенал. Он был построен скорее для обороны от экономической угрозы, чем для ядерного устрашения. Их идея состоит в том, что бомба может быть использована в качестве орудия шантажа в случае крупномасштабной торговой войны и запрета на ввоз их товаров в США и Европу. В худшем варианте, на случай морской блокады Японии.

Егер занервничал. Питт это заметил.

— Ты хочешь сказать что мы, может быть, сидим на ядерной бомбе?

— Вероятно, в нескольких кварталах от нее, — сказал Питт.

— Это немыслимо, — сердито пробормотал Егер. — Как много их они тайком провезли в нашу страну?

— Мы пока не знаем, — ответил Питт, — может быть, штук сто. К тому же мы не единственная страна. Они распределены по всему миру.

— Это скверно, — сказал Перси. — Если бомбы действительно были тайно провезены в крупные города, то японцы обладают возможностью гарантированного полного уничтожения. Это очень эффективный сценарий. Если бомбы уже находятся на месте и произойдет случайность или несанкционированный запуск ракеты, то последствия будут ужасны. Против этих бомб нет защиты, нет времени среагировать. Бессмысленна система «звездных войн» для перехвата падающих боеголовок, невозможны ни объявление тревоги, ни ответный удар. Когда они нажмут на кнопку, удар будет мгновенным.

— О Боже, что мы можем сделать?

— Найти их, — ответил Питт. — Идея состоит в том, что бомбы провозятся на автомобилевозах. Я предполагаю, что они спрятаны внутри импортируемых автомобилей. При помощи твоих компьютерных талантов мы попробуем догадаться, как это делается.

— Если они провозились сюда на корабле, — сказал Егер уверенно, — то таможенные инспекторы, ищущие наркотики, должны были бы их обнаружить.

Питт отрицательно покачал головой.

— Это тщательно разработанная операция, проводимая специалистами по высоким технологиям, они свое дело знают, они спроектируют бомбу, которая являлась бы составной частью автомобиля, чтобы даже при тщательном поиске нельзя было ее обнаружить. Таможенная инспекция интересуется шинами, бензобаками, обивкой, любым местом, где есть свободное пространство. Поэтому устройство должно быть замаскировано таким образом, чтобы даже самый хитрый инспектор его не нашел.

— Полностью защищено от любых способов обнаружения, — согласился Егер.

Перси задумчиво смотрел на пол.

— Хорошо, давайте поговорим о размерах.

— Ну, это по твоей части, — улыбнулся Питт.

— Дай мне передохнуть, племянник. Я должен знать по крайней мере марку автомобиля.

— А я не слежу за японским автомобилестроением. Если это «Мурмото», то это, вероятно, спортивный седан. — Шутливое выражение на лице Перси уступило место серьезному.

— Итак, подытожим, мы ищем компактное ядерное устройство весом около десяти килограммов, которое было бы невозможно обнаружить внутри седана среднего размера.

— И которое может быть приведено в состояние боеготовности и взорвано с большого расстояния, — добавил Питт. — Если только водитель не самоубийца, это само собой разумеется.

— О бомбе какого размера мы говорим? — спросил Егер невинным тоном.

— По форме и размерам она варьируется от бочки для горючего до бейсбольного мяча, — ответил Перси.

— Бейсбольный мяч, — удивленно пробормотал Егер, — но может ли такая маленькая бомба вызвать существенные разрушения?

Перси посмотрел в потолок, как бы наблюдая картину опустошения.

— Если это боеголовка высокой мощности, скажем, около трех килотонн, она, вероятно, может сравнять с землей центр Денвера, штат Колорадо, причем сильные пожары, вызванные взрывом, распространятся далеко в пригороды. Последнее достижение в области заминированных автомобилей, — сказал Егер, — не слишком приятная мысль, не правда ли?

— Весьма удручающая картина, но с ней придется столкнуться, когда большая часть стран третьего мира заполучит ядерное оружие. — Перси показал рукой на пустой экран: — Что мы используем в качестве образца, который мы будем препарировать?

— Принадлежащий моей семье форд «Таурус» восемьдесят девятого года, — ответил Егер. — В качестве эксперимента я ввел в программу весь список его запчастей. Я могу представить увеличенные образы конкретных деталей или узлов, или машины в целом.

— «Таурус» будет подходящим образцом, — согласился Питт.

Пальцы Егера несколько минут бегали по клавиатуре, а затем он откинулся в кресле, сложив руки на коленях. На экране появилось изображение — трехмерная картинка в ярких красках. Еще одна команда и четырехдверный седан «Таурус» вишневого цвета с металлическим отливом повернулся как бы на вращающейся подставке, которая из горизонтальной стала вертикальной.

— Ты можешь впустить нас внутрь? — спросил Питт.

— Входим, — согласился Егер.

Одно прикосновение к клавише — и они, казалось, влетели через толщу металла в чертежи внутреннего шасси и кузова как привидения, проходящие через стену. Они ясно видели каждый сварной шов, каждый болт и гайку. Егер ввел их внутрь дифференциала и вверх по туннелю карданного вала сквозь шестерни коробки передач в сердце двигателя.

— Потрясающе, — восхищенно пробормотал Перси. — Все равно что лететь через электростанцию. Если бы у нас была эта хитроумная штука, мы бы покончили с войной как на европейском, так и на тихоокеанском театрах военных действий на два года раньше.

— Повезло немцам, что у вас не было бомбы в 1944, — подковырнул его Егер. Перси секунду смотрел на него строгим взглядом, а затем снова перевел его на изображение на экране.

— Видишь что-нибудь интересное? — спросил его Питт.

Перси пощипал себя за бороду.

— Корпус коробки передач был бы неплохим контейнером.

— Нет, это бессмысленно. Бомба не может быть в двигателе или трансмиссии. Машина не должна терять способность к нормальному передвижению. Это также исключает аккумуляторную батарею или радиатор, — сказал Егер. — Может быть, в цилиндрах амортизаторов?

Перси отрицательно покачал головой.

— Они подошли бы для пластиковых бомб, но их диаметр слишком мал для ядерного устройства.

Они молча изучали изображения сечений еще несколько минут, пока Егер, используя свое умение обращаться с клавиатурой, вел эту экскурсию через автомобиль, подобную которой вряд ли кому-нибудь еще когда-либо приходилось предпринимать. Задний мост и подвеска, тормозная система, двигатель стартера — все было испробовано и отвергнуто.

— Нам придется перейти к дополнительным принадлежностям, — сказал Егер.

Питт зевнул и потянулся. Несмотря на умение концентрироваться, он устал и глаза его слипались.

— Есть ли какая-нибудь вероятность, что бомба находится в обогревательном устройстве?

— Не подходит конфигурация, — ответил Перси.

— Может быть, в бачке сбрызгивателя ветрового стекла?

Егер покачал головой.

— Слишком доступно для обнаружения.

Внезапно Питт замер.

— Кондиционер воздуха! — вскричал он. — Компрессор кондиционера воздуха.

Егер быстро вызвал на экран компрессор, чтобы показать разрез.

— Машину можно вести, и ни один таможенный инспектор не станет тратить два часа, разбирая компрессор, чтобы увидеть, почему кондиционер не дает холодный воздух.

— Уберите внутренности из него — и у вас будет идеальный корпус для бомбы, — сказал Питт, изучая чертеж компрессора. Как ты думаешь. Перси?

— Витки охлаждающих трубок можно изменить, чтобы включить туда приемное устройство для перевода бомбы в боевое положение и подрыва, — подтвердил Перси.

— Прекрасная конструкция, очень остроумная конструкция. Более чем достаточно места, чтобы спрятать ядерное устройство, способное взорвать большую территорию. Прекрасная работа, джентльмены. Я думаю, мы разрешили загадку.

Питт подошел к свободному столу и снял телефонную трубку. Он набрал номер защищенной линии, предоставленной ему Керном на брифинге группы «МОГ». Когда ему ответили на другом конце, он сказал:

— Это мистер «Стутц», пожалуйста, сообщите мистеру «Линкольну», что проблема состоит в кондиционере воздуха его автомобиля. Всего хорошего.

Перси насмешливо посмотрел на Питта.

— Ты действительно знаешь, как всучить это людям, разве нет?

— Я делаю, что могу.

Егер сидел, глядя на компьютерное изображение внутренностей компрессора на экране.

— Это все муха в супе, — сказал он тихо.

— Что? — спросил Перси. — Что ты сказал?

— Ну, написаем мы япошкам в суп, а они выключат нам свет. Они же не могут устранить всю нашу оборонительную систему, особенно наши ядерные подводные лодки. Сила нашего ответного удара разрушит всю цепочку их островов. Если хочешь знать мое мнение, я думаю, что эта штука неработоспособна и самоубийственна. Это просто большой блеф.

— В этой твоей теории есть одна закавыка, — сказал Перси, терпеливо улыбаясь Егеру. — Японцы обвели вокруг пальца лучшие мозги в нашей разведке и схватили мировые державы за ахилессову пяту. С их точки зрения, последствия не столь катастрофичны. Мы заказывали японцам исследования стратегических оборонительных систем для разрушения подлетающих ракетных боеголовок. Пока наши лидеры списали это как слишком дорогостоящую неработоспособную программу, они двигались дальше со своей обычной эффективностью решения проблем высокой технологии, и они сумели сделать работающую систему.

— Ты хочешь сказать, что они неуязвимы? — спросил Егер дрогнувшим голосом.

Перси покачал головой.

— Пока еще нет. Но дайте им еще два года — и у них будет развернутая и работающая система звездных войн, а у нас ее не будет.

Глава 24

За закрытыми дверьми здания Капитолия собралась особая подкомиссия, чтобы изучить и оценить японское культурное и экономическое влияние на Соединенные Штаты. Эти забавные слова были мягким способом сказать, что некоторые члены Конгресса были злы, как хорьки, оттого, что они чувствовали, как Соединенные Штаты все туже охватывают клешни японского капитала. Ичиро Цубои, главный директор «Каное Секьюритиз», крупнейшей страховой компании в мире, сидел за столом, стоявшим напротив длинного, изогнутого наподобие прилавка стола, перед комиссией конгрессменов. С боков сидело четверо его главных советников, которые раздражали членов комиссии тем, что долго консультировались друг с другом, прежде чем Цубои отвечал на любой вопрос. Цубои внешне не выглядел финансовым гигантом, которому принадлежала страховая компания с капиталом, достаточным, чтобы заглотить «Пейнджебер», «Шарлс Шваб», «Мерилинг» и все прочие уолл-стритовские брокерские конторы не поперхнувшись. Фактически, он уже закупил солидную долю некоторых из них. Его тело было низеньким и тощим. У него было лицо, которое чем-то напоминало лицо веселого хозяина домика гейш. Внешность Цубои была обманчива. Он легко мог сам постоять за себя против протекционистски настроенных членов Конгресса, несмотря на огонь возмущения в их глазах. Его конкуренты в Японии и за рубежом ненавидели и боялись его, и не без причины. Цубои был столь же безжалостен, сколь и хитер. Его хитроумные финансовые манипуляции подняли его на уровень культовой фигуры, презрение к Америке и европейским нациям вряд ли было таким уж большим секретом. Умнейшие уолл-стритовские брокеры и главы корпораций были голубями рядом с гуру токийской биржи. Почти в одиночку он обладал достаточной мощью, чтобы вышибить дух из американской экономики. Он сидел и вежливо отвечал на вопросы специальной комиссии, улыбаясь со сводящей с ума вежливостью, в то время как их задавали, разговаривая так же легко, как беседовал бы с гостями за обеденным столом.

— Если многоуважаемые члены Конгресса проведут законопроект, принуждающий японские компании продать наши преимущественные права в Соединенных Штатах за долю их реальной стоимости, это будет не что иное, как национализация. Репутация американского бизнеса,

доверие к нему будут разбиты вдребезги по всему миру. Воцарится хаос. Банковские системы лопнут вместе с международными валютами. Развитые индустриальные страны окажутся банкротами. И ради чего? По моему скромному мнению, японские инвесторы — это самое лучшее, что когда-либо случалось с американским народом.

— Такого законопроекта никто и не собирался предлагать, — перебил сенатор Майкл Диас. — То, что я сказал, звучит так: те из ваших компаний, которые действуют и получают прибыль на американской земле, должны подчиняться тем же самым законодательным ограничениям и стандартам налогообложения, что и наши собственные компании. Ваши рынки капитала остаются закрытыми для нас, американцам не позволяют покупать недвижимость и права собственности на ваши компании, тогда как японские капиталовложения, японские прибыли уходят от нас, что равносильно для нас финансовому убийству в этой стране, мистер Цубои. И вам прекрасно это известно.

Тот человек, которого не смог запугать мистер Цубои, был депутат от штата Нью-Мексико Майкл Диас, председатель комиссии и ведущая сила в движении за ограничение и обращение вспять развития иностранных капиталовложений в американскую промышленность, управление, бизнес и недвижимость. И, дай ему волю, он воздвигнул бы торговое эмбарго на все ввозимые японские товары. Вдовец, лет под пятьдесят, Диас был единственным сенатором, который дневал и ночевал в своем служебном кабинете. У него была небольшая собственная ванная и боковая комната с кроватью, холодильник, плита, кухонная мойка. В течение двадцати пяти лет его называли самым усердным работником на Капитолийском Холме, и его привычка работать не изменилась. Его жена умерла от диабета вскоре после того, как он был избран на свой первый срок в Сенат. У них не было детей. Ему и в голову не приходило жениться вторично. У него были совершенно черные волосы, зачесанные назад, круглое лицо и карие глаза. Его рот легко раскрывался в улыбке, демонстрирующей безупречно белые зубы. Он служил во Вьетнаме в качестве пилота армейского вертолета, был сбит и ранен в колено.

Захваченный в плен и переведенный в Ханой, он провел два года в лагере для военнопленных. Его тюремщики не позаботились должным образом о его ноге, и он, прихрамывая, ходил с тросточкой.

Проводя твердую линию против иностранного влияния и вмешательства в американские дела, Диас боролся за ограничения на внешнюю торговлю и внешние тарифы, а также против того, что он считал нечестной торговой и инвестиционной практикой японского правительства. Он рассматривал борьбу с Японией не просто как

состязание, но как экономическую войну, в которой Соединенные Штаты уже оказались проигравшей стороной.

— Разрешите, господин председатель? — Диас кивнул привлекательной женщине, входящей в число членов комиссии.

— Да, член Конгресса Смит, продолжайте.

— Господин Цубои, — начала она, — вы прежде заявили, что доллар должен быть заменен йеной. Вам не кажется, что это слишком?

— Нет, если вы учтете, что японские инвесторы финансируют 55 процентов вашего бюджетного дефицита, — ответил Цубои, отмахиваясь от нее, как от назойливой мухи. — Переход с вашей валюты на нашу — это только вопрос времени.

Член Конгресса от Колорадо Лорен Смит не могла поверить своим ушам. Это была высокая яркая шатенка, носившая длинные волосы, подчеркивающие ее выдающиеся скулы и фиалковые глаза. Она представляла район, расположенный к западу от континентального водораздела. Волевая и энергичная, она была элегантна, как рысь, и дерзка, как девчонка-сорванец. Уважаемая за свою политическую ловкость, она пользовалась огромным влиянием в Конгрессе.

Многие могущественные люди в Вашингтоне пытались добиться ее расположения как в самом Конгрессе, так и за его пределами. Но в личной жизни она встречалась только с теми людьми, которые не имели ничего общего с политикой.

Она поддерживала тайную связь с человеком, которого обожала. Ей нравилось, что они никогда не будут жить вместе, как близкие друзья или как муж и жена. У каждого из них была своя жизнь. Они встречались лишь тогда, когда это было им удобно.

— Как мы можем стать ближе, чем теперь? — спросила Лорен. — Активы филиалов японских банков в Соединенных Штатах намного больше, чем вместе взятые активы американских банков. Около миллиона американцев уже работает на японских работодателей в нашей стране. Ваши лоббисты практически уже купили наше правительство. То, что вы имеете в виду, мистер Цубои, означает, что наши две страны станут еще ближе, так что вы сможете управлять нашей экономикой и нашей внешней политикой. Разве я не права? Пожалуйста, ответьте, я правильно вас поняла?

Цубои не привык к тому, что женщина может разговаривать с ним в подобном тоне. феминистское движение почти не существует в Японии. Ни один японский мужчина не согласится принимать приказы от женщин. Его самообладание начало давать трещину, и его советники сидели, раскрыв рты от удивления.

— Президент и Конгресс могут начать с того, что дадут заверения, что вы никогда не закроете ваши рынки для наших товаров и инвестиций, — уклончиво ответил Цубои. — Кроме того, вы должны позволить нам въезжать в вашу страну без неудобств, связанных с получением виз.

— А что, если мы не согласимся удовлетворить подобные просьбы?

Цубои пожал плечами и зловеще улыбнулся.

— Наша страна является вашим кредитором, а ваша страна является нашим должником, причем крупнейшим в мире должником. Если нам будут угрожать, у нас не будет другого выхода, как использовать все наше влияние для защиты наших интересов.

— Другими словами, Америка стала служанкой Японии?

— С тех пор, как Соединенные Штаты находятся в состоянии упадка, а моя страна поднимается вверх с невероятной скоростью, вы, по-видимому, должны признать превосходство наших методов управления над вашими. Ваши граждане должны глубже изучать нашу культуру, они могут кое-чему поучиться.

— Может быть, это одна из причин, по которой персонал ваших многочисленных филиалов за пределами Японии укомплектован, в основном, вашими собственными людьми, а не работниками, нанятыми в странах пребывания?

— Мы нанимаем также и местный персонал, — ответил Цубои обиженным тоном.

— Ну, не на руководящие позиции. Вы нанимаете менеджеров нижнего звена, секретарей, делопроизводителей, я также могу добавить, что вы нанимаете очень мало женщин и представителей национальных меньшинств, вы также очень успешно исключаете всех членов профсоюза.

Члену Конгресса Лорен Смит пришлось ждать ответа, пока Цубои по-японски совещался со своими советниками. Либо они этого не знали, либо им было наплевать, что их громкие голоса записывались и тут же переводились. Постоянный поток перевода звучал в ушах сенатора Диаса в течение нескольких минут.

— Вы должны нас понять, — ответил наконец Цубои, — дело не в каких-то наших предрассудках, мы просто не считаем хорошей деловой практикой позволять западным людям, которые не обучены нашим методам и не испытывают уважения к нашим обычаям, занимать высшие посты в наших иностранных филиалах.

— Я не могу признать подобную практику мудрой, господин Цубои, — едко сказала Лорен. — Я полагаю, что говорю от лица многих американцев, если я скажу, что нам не нравится, когда к нам относятся свысока иностранцы на нашем собственном заднем дворе.

— Если это так, госпожа Смит, то об этом можно только пожалеть. Говоря от имени своего народа, я не вижу здесь такого вмешательства, которое вы имеете в ввиду, мы просто хотим получить прибыль, не наступая никому на ноги.

— Да, нам хорошо известен циничный эгоизм японского бизнеса, продажа стратегических и компьютерных технологий Советскому блоку. Для представителей корпораций высокого ранга вроде вас Советский Союз, Восточная Германия, Куба, Иран и Ливия — это просто клиенты.

— Международные идеологические и моральные проблемы не волнуют нас. Отдавать им предпочтение перед практическими соображениями, касающимися торговли и экономики, нелепо, с нашей точки зрения.

— Еще один вопрос, — сказала Лорен. — Правда ли, что вы предложили, чтобы ваше правительство купило целиком штат Гавайи, чтобы сбалансировать дефицит Соединенных Штатов в торговле с Японией?

Цубои не консультировался со своими помощниками, а сразу ответил:

— Да, я предложил эту меру. Японцы по происхождению составляют большинство населения Гавайев, и теперь наши компании владеют 60 процентами недвижимости на этом острове. Я также предложил, чтобы Калифорния стала совместным экономическим сообществом, разделяемым на паях Японией и Америкой. У нас есть неограниченное количество рабочей силы, которое мы можем экспортировать. Наш капитал может построить сотни заводов в этом штате.

— Я нахожу ваши идеи чрезвычайно неприемлемыми, — сказала Лорен, пытаясь сдержать гнев. — Мы никогда не позволим, чтобы Калифорния была ограблена японским капиталом. Мне говорили, что многие общественные места на Гавайях уже доступны только для японцев, а множество курортов и гольф-клубов недоступны для американских граждан. — Лорен замолчала, чтобы посмотреть Цубои прямо в глаза, прежде чем продолжить свою речь.

— Я собираюсь бороться с любым дальнейшим проникновением Японии на наши рынки всеми силами, которые есть в моем распоряжении. — Шепот одобрения пробежал по комнате. Некоторые зааплодировали, когда Диас улыбнулся и легко ударил молоточком, призывая к тишине.

— Кто знает, что случится в будущем, — улыбнулся Цубои покровительственно. — У нас нет секретного плана сместить ваше

правительство. Вы проиграли экономическую войну по вашей собственной вине.

— Если мы и проиграли, то это из-за воров и жуликов, за которыми стоит «Каное Секьюритиз», — вставила Лорен.

— Вы, американцы, должны, наконец, научиться признавать факты: если мы и покупаем Америку, то это потому, что вы продаете ее.

Несколько наблюдателей, допущенных на заседание, многочисленные помощники членов Конгресса вздрогнули, услышав эту замаскированную угрозу, их глаза враждебно загорелись. Характерная для Цубои странная смесь наглости и скромности, вежливости и напора внесла в атмосферу, царившую в помещении, беспокойство и страх.

Диас проговорил, твердо глядя исподлобья на Цубои:

— В этой злосчастной ситуации на нашей стороне по крайней мере два преимущества.

В первый раз Цубои выглядел озадаченным.

— О каких преимуществах вы говорите, сенатор?

— Во-первых, стоит вам зайти слишком далеко, переступить через черту — и все ваши инвестиции, которые в основном существуют на бумаге или в памяти компьютеров, будут стерты. И во-вторых, противного американца больше не существует, — сказал Диас, его голос был холоден как арктический ветер. — Вместо него теперь будет противный японец.

Глава 25

Расставшись с Питтом у здания Федеральной штаб-квартиры, Джиордино доехал на такси до Департамента коммерции на Конститьюшен-авеню. С помощью друга, который был помощником секретаря по внешней и внутренней торговле, он взял на время досье на импорт автомобилей «Мурмото», затем отправился на такси в Александрию, штат Вирджиния. В дороге он остановился, чтобы уточнить адрес по телефону-автомату. В здании, которое он искал, располагалась распределительная сеть автомобильной корпорации «Мурмото», охватывающая район из пяти штатов. Он позвонил по нужному номеру и спросил, как ему подъехать.

Было далеко за полдень, и прохладный ветер ранней осени уже шелестел в листве деревьев, срывая первые листья. Такси остановилось у края тротуара перед современным зданием из красного кирпича с широкими окнами. На лужайке перед зданием была установлена надпись из медных букв, которая говорила о том, что это и есть филиал автомобильной компании «Мурмото».

Джиордино расплатился с таксистом и немного постоял, изучая стоянку у здания, заполненную автомобилями «Мурмото». Не было видно ни одного автомобиля американского или европейского производства. Он прошел через двойную парадную дверь и остановился перед миловидной японкой, которая ведала приемом посетителей.

— Чем я могу вам помочь? — спросила она сладким голосом.

— Альберт Джиордино, Департамент коммерции, — сказал он. — С кем я могу поговорить относительно новых поставок автомобилей?

Она на секунду задумалась, затем сверилась со списком сотрудников.

— Вам нужен мистер Деннис Сухака, наш директор перевозок. Я скажу ему, что вы хотите встретиться с ним, мистер Джиордано.

— Джиордино, Альберт Джиордино.

— Прошу прощения, спасибо вам.

Меньше чем через минуту высокая красивая секретарша азиатского происхождения, которая, видимо, сделала себе хирургическую операцию, чтобы придать своим глазам европейский разрез, вышла в вестибюль и пригласила Джиордино в служебный кабинет Сухаки.

Пока они шли по длинному, устланному богатым ковром коридору, Джиордино с удивлением читал таблички на дверях. Он не встретил ни одного кабинета менеджера, или старшего управляющего, или вице-президента. Все сотрудники именовались директорами чего-либо.

Сухака был веселый, толстенький человек, на его лице была широкая улыбка, когда он вышел из-за стола и обменялся рукопожатием с Джиордино.

— Деннис Сухака.

— Альберт Джиордино.

— Что я могу сделать для Департамента коммерции?

К облегчению Джиордино, Сухака не обратил внимания на то, что он не брит, и не стал спрашивать у него документы.

— Ну, это не слишком большое дело. Обычная бюрократическая возня для статистических отчетов. Мой начальник попросил меня на пути домой заехать к вам и сверить число автомобилей, импортированных и отправленных вашим дилером с цифрами, которые предоставило ваше центральное бюро в Токио.

— За какой период времени? Мы ввозим огромное количество машин.

— За последние девяносто дней.

— Никаких проблем, — сказал Сухака. Он из кожи лез вон, чтобы его гостю было удобно.

— Все наши списки отправлений на компьютерах. Я смогу предоставить их вам за десять минут. Они должны быть верными, в Токио никогда не ошибаются. Не хотите ли выпить чашечку кофе, пока вы ждете?

— Да, — сказал усталый Джиордино, — с удовольствием.

Сухака провел его в маленький пустой кабинет. Симпатичная секретарша принесла кофе, и пока он потягивал его, она вернулась с аккуратной стопкой списков.

Джиордино нашел то, за чем Питт послал его, меньше чем за полчаса. Тогда он откинулся на спинку кресла и чуточку подремал, убивая время, чтобы произвести впечатление обычного бездельника, занимающегося никому не нужной бюрократической чепухой.

Примерно в пять часов Сухака вошел в кабинет.

— Наши сотрудники уходят домой, но я буду работать допоздна. Я могу чем-нибудь еще быть вам полезен?

— Нет, — ответил Джиордино, закрывая свое досье, — мне бы хотелось тоже отправиться домой. Я отработал семь часов, теперь наступает мое время. Спасибо, что вы были так любезны. Ваши данные об импорте машин будут внесены в память этого огромного государственного компьютера в небесах. Для чего? Только какой-нибудь маленький клерк из подвального офиса знает об этом наверняка.

Он взял досье, которое ему дали в Департаменте коммерции, и направился к дверям, но остановился по дороге, как будто что-то вспомнив.

— Здесь есть только одна неточность.

— Что такое?

— Небольшое разногласие в данных, которое вряд ли заслуживает упоминания. Я нашел шесть автомобилей, которые перечислены в ваших ведомостях поступления как отгруженные в Балтиморе с двух разных судов, но они не учтены в экспортном перечне из токийской штаб-квартиры.

Сухака был очень удивлен.

— Я никогда не обращал на это внимания. Могу я сравнить это с вашими данными?

Джиордино разложил листы отчета, которые он одолжил у своего друга в Департаменте коммерции, и поместил их рядом с распечаткой, которую принесла секретарша Сухаки. Он подчеркнул в своем листе указанные автомобили, которые отсутствовали в списках из Токио. Все шесть были спортивными седанами SP-500.

— Вообще говоря, для нашего департамента это расхождение не имеет значения; раз они учтены как поступившие в страну, у нас нет претензий к вашей компании со стороны правительства. Я уверен, что это просто случайная ошибка вашего токийского отдела учета, которая с тех пор уже, наверное, исправлена.

— Непростительный недосмотр с моей стороны, — сказал Сухака таким тоном, как будто уронил королевские жемчужины в канализацию. — Я питал слишком большое доверие к нашему токийскому отделу. Кто-нибудь из моих сотрудников должен был заметить эту ошибку.

— Просто ради любопытства, какие дилеры получили эти конкретные автомобили?

— Одну минуту, — сказал Сухака и повел Джиордино в свой кабинет. Он сел за стол и склонился над клавиатурой своего компьютера. Затем он откинулся назад и подождал. Когда данные возникли на экране, его улыбка исчезла и лицо побледнело.

— Все шесть машин были направлены разным дилерам. Потребуется несколько часов, чтобы проследить за каждой из них. Если вас не затруднит созвониться со мной завтра, я с удовольствием сообщу вам их номера.

Джиордино небрежно махнул рукой.

— Забудьте об этом. У нас у обоих есть более важные дела. Я собираюсь добираться домой в час пик через жуткое движение, потом я приму душ и приглашу жену поужинать в ресторане. Сегодня годовщина нашей свадьбы.

— Поздравляю, — сказал Сухака. Было заметно, что он почувствовал облегчение.

— Спасибо. А также спасибо за вашу помощь.

К Сухаке вернулась его широкая улыбка.

— Всегда рад помочь.

Джиордино прошел четыре квартала до бензоколонки и позвонил из телефона-автомата. Мужской голос ответил только «Алло».

— Это ваш друг-коммивояжер, продающий «мерседесы». У меня есть модель, которая, мне кажется, заинтересует вас.

— Но вы находитесь не в том районе, сэр. Вы должны были бы торговать поближе к побережью, а еще лучше в Тихом океане.

— Ну так ли это важно, — ответил Джиордино. — Если вы не можете приобрести хорошую немецкую машину, попробуйте «Мурмото», я отыскал шесть спортивных седанов марки SP-500, которые продаются по очень низкой цене.

— Подождите минуту.

На другом конце послышался голос, по которому Джиордино немедленно узнал Дональда Керна.

— Несмотря на тот факт, что вы вышли за пределы вашей территории, я всегда рад возможности сэкономить деньги. Скажите, пожалуйста, где я могу увидеть ваши уцененные автомобили?

— Вам нужно получить эту информацию в распределительном центре компании «Мурмото» в Александрии. В их компьютерных записях указаны шесть автомобилей, которые поступили в нашу страну, но не через фабрику. Я полагаю, что вам следует поспешить, прежде чем об этом кто-нибудь услышит и раньше вас доберется до них. Половина автомобилей была отгружена на таможенном пункте в Балтиморе 4 августа, а другие три поступили 10 сентября.

Керн быстро понял, что имел в виду Джиордино.

— Не вешай трубку, — сказал он и повернулся к своему помощнику, который слышал разговор по динамику.

— Действуйте. Получите доступ к компьютерной системе «Мурмото» и откопайте их записи о поставках. Найдите, куда направляются эти шесть автомобилей, прежде чем они возьмутся за ум и сотрут данные. Он повернулся к телефону.

— Прекрасная работа. Все прощено. Как вам удалось поторговаться насчет этих машин?

— Ну, идею подал «Стутц». Вы что-нибудь слышали от него?

— Да, он звонил полчаса назад, — сказал Керн. — Он обнаружил, в чем источник проблемы.

— Я так и думал, что если кто-нибудь может разгадать головоломку, то это он, — сказал Джиордино, имея в виду редкий талант Питта обнаруживать неизвестное. — Нужно быть чертовски хитрым, чтобы разгадать эту загадку.

Глава 26

Было темно, когда Егер высадил Питта у старого ангара в дальнем углу Вашингтонского международного аэропорта. Он был построен в 1936 году, и когда-то в этом ангаре находились почтовые самолеты, давно приобретенные американскими воздушными линиями. Не считая фар «Тауруса», принадлежавшего Егеру, место освещалось только заревом над городом за рекой Потомак и одиноким фонарем в пятидесяти метрах севернее отсюда.

— Для того, кто не был дома четыре месяца, ты путешествуешь налегке, — усмехнулся Егер.

— Мой багаж лежит на дне, — сказал Питт, не открывая глаз.

— Хотелось бы мне снова посмотреть на твою коллекцию автомашин, но мне нужно ехать домой.

— А я сейчас завалюсь спать. Спасибо, что подбросил меня, и спасибо за то, что ты сделал сегодня вечером. Прекрасная работа, как всегда.

— Мне нравится этим заниматься. Искать ключи к тому, чем занята твоя голова, — это почище, чем каждый день разрешать загадки Вселенной. — Егер помахал рукой на прощание, поднял стекло, чтобы защититься от холодного ночного воздуха, и уехал в темноту.

Питт вытащил запасной передатчик из кармана брюк, который он держал в своем кабинете в НУМА, и набрал серию цифр, которая отключила систему безопасности, охранявшую ангар, и включила внутреннее освещение.

Он открыл старую, покрытую ржавчиной боковую дверь и вошел. На цементном полу ангара, как в музее транспорта, стоял старый фордовский трехмоторный аэроплан рядом с пульмановским вагоном начала века, свыше пятидесяти автомобилей заполняли оставшиеся десять тысяч квадратных метров. Европейские экзотические автомобили, такие как «Испано Сюиза», «Мерседес-Бенц 540К» и чудесный синий «Тальбот Лаго», стояли напротив роскошных американских классических автомобилей вроде «Корд L-29», «Пирс-Эрл» и удивительного, зеленого, как ящерица, городского автомобиля «Стутц». Единственное, что казалось здесь странно неуместным , была старая литая ванна, к наружному торцу которой был прикреплен мотор.

Он устало поднялся по винтовой железной лестнице к своей квартире, нависающей над коллекцией. То, что некогда было офисом, он переделал в удобную квартиру с одной спальней, обширной жилой комнатой, служащей также кабинетом, полки которого были заполнены

книгами и застекленными моделями судов, которые Питт нашел и обследовал.

Приятный запах доносился из кухни. Он нашел записку, висевшую на райской птице, поднимавшейся из вазы на обеденном столе. Улыбка появилась на его лице, когда он читал ее: «Слышала, что ты снова в городе. Я вычистила какую-то слизь, которая прокралась в твой холодильник через месяц после того, как ты уехал. Я думала, что ты, должно быть, голоден. Салат стоит на льду, а тушеная рыба согревается в кастрюле на плите. Жаль, что я не могу остаться, чтобы встретиться с тобой, я должна присутствовать на обеде в Белом доме. Люблю тебя. Лорен.»

Он постоял минуту, пытаясь заставить свой сонный мозг прийти к решению, надо ли ему сначала поесть, а затем принять душ или наоборот. Он решил, что горячий душ совсем выбьет его из колеи, и он никогда не сможет добраться до стола. Он разделся и накинул короткий халат. Потом съел салат и почти целую кастрюлю тушеной рыбы с двумя стаканами «Каберне сувеньон» из бутылки 1983 года, которую вынул из бара. Он покончил с ужином и мыл тарелки у раковины, когда зазвонил телефон.

— Алло?

— Мистер Питт?

— Да, мистер Джордан, — ответил Питт, узнав голос. — Что я могу сделать для вас?

— Я надеюсь, что не прервал ваш сон?

— Я все еще никак не доберусь до подушки.

— Я хотел позвонить и узнать, слышали ли вы новости от Ала?

— Да, он позвонил мне как раз после того, как разговаривал с вами.

— Несмотря на то, что ваш проект был несанкционированным, информация оказалась чрезвычайно полезной.

— Я знаю, что не должен был выходить за рамки, но мне захотелось отыграться.

— Я знаю, что вы не очень похожи на любителя играть в команде, правда, Дирк? — сказал Джордан, впервые называя Питта по имени. — Вам больше нравится играть в вашу собственную игру.

— Мудрость требует преследовать наилучшие цели наилучшими средствами.

— Это ваши слова?

— Нет, они принадлежат Фрэнсису Хадчисону, шотландскому философу.

— Я отдаю вам должное за то, что вы цитируете точно. Большинство из тех, кого я знаю в официальном Вашингтоне, занимаются плагиатом и вместо этого говорят: «Цель оправдывает средства».

— Что еще хотите мне сказать? — спросил Питт, с отчаянием глядя на свою кровать.

— Я думал, вам будет интересно узнать, что мы нашли все шесть перевозчиков бомб.

— Все шесть машин? — спросил удивленный Питт.

— Да. Они запечатаны в подземном подвале до того дня, когда с них смахнут пыль и отведут в те места, где они должны быть взорваны.

— Быстро вы сработали.

— У вас свои методы, а у нас — свои.

— Вы установили за ними наблюдение?

— Да, но нам приходится действовать очень осторожно, мы не осмеливаемся высовываться, пока не установили тех, кто ответственен за весь этот ужас, и не разрушили их командный центр, — сказал Джордан.

— Кстати, сегодня вечером Джиордино чуть было не сорвал всю операцию. Кто-то в филиале компании «Мурмото», который он посетил, забеспокоился. Мы успели скопировать данные из их компьютерной системы всего за несколько минут до того, как они стерли все свои записи о поставках импортных машин.

— По этим данным вы отыскали машины?

— Мы смогли проследить, какая из принадлежащих японцам компания по перевозке грузов забрала эти автомобили в порту, и проникли в их отчетность. В этих записях, разумеется, не было никаких упоминаний о пунктах назначения груза, но нам удалось позаимствовать копию накладной водителя. Там было указано, сколько километров проехал грузовик после выезда из доков. Ну, а остальное потребовало серьезной оперативной работы и большой беготни.

— Вроде взлома и проникновения в охраняемые помещения.

— Если мы куда-нибудь тайно проникаем, мы никогда ничего не взламываем, — сказал Джордан.

— Как только станет известно, что наши добропорядочные граждане сидят на атомных бомбах, принадлежащих иностранной державе, паника разорвет страну на куски.

— Малоприятная ситуация, я согласен. Публичные протесты и требования возмездия могут заставить японцев отвести машины в стратегически важные точки и нажать на кнопку «огонь», прежде чем мы найдем и обезвредим эти бомбы.

— Искать их по данным таможен можно лет двадцать, прежде чем будут найдены все такие машины.

— Я так не думаю, — спокойно ответил Джордан. — Мы знаем, как они это делают, а благодаря вам и Джиордино мы знаем, что нужно искать. Японцы не имеют и половины того профессионального опыта в разведывательных делах, какой имеем мы. Я ручаюсь, что мы отыщем все эти «Мурмото» с бомбами за тридцать дней.

— Мне нравится ваш оптимизм, — сказал Питт. — Но как насчет наших союзников и русских? Японцы могли подложить бомбы и под них. Президент собирается предупредить их лидеров об этой возможности?

— Пока нет. Мы опасаемся доверить странам НАТО столь важный секрет, там вполне возможна утечка информации. С другой стороны, президент может счесть, что, если дать знать об этом Кремлю, это могло бы укрепить наши отношения. Подумайте об этом. Наши страны теперь в одной лодке, обеим внезапно угрожает третья сверхдержава.

— Есть еще одна пугающая угроза.

— Их так много, какую же я упустил?

— Предположим, что Япония взорвет несколько бомб в США или в России. Каждая из наших стран сочтет, что на нее напала другая, начнется война, и жадным япошкам останется лишь подобрать все, что им приглянется.

— Я не хочу ложиться спать, пока подобная возможность не устранена, — обеспокоенно сказал Джордан. — Давайте просто справляться с проблемами в порядке их возникновения. Если наша операция будет успешной, то все снова окажется в руках политиков.

— Ваша последняя мысль, — сказал Питт, делая вид, что понял, — заставит всех нас не спать ночами.

Он уже засыпал, когда сигнал охранной системы предупредил его, что кто-то пытается войти в ангар. Заставив себя выбраться из удобной постели, он прошел в кабинет и включил небольшую телесистему наружного наблюдения.

Стаси Фокс стояла у боковой входной двери, с улыбкой глядя в объектив, как он считал, хорошо замаскированной скрытой камеры охранной системы.

Он нажал на кнопку, и дверь открылась. Затем он вышел из кабинета и стал ждать ее на балконе лестницы.

Она вошла в ангар, одетая обольстительно, но скромно в синий жакет без воротника, узкую юбку того же цвета и белую блузку с вышитым жемчугом воротом. Она медленно шла среди рядов роскошных автомобилей, и на ее лице отражалось почтительное изумление. Наконец она остановилась у восхитительной двухместной спортивной машины «Гальбот-Лаго Гранд Спорт», кузов которой был специально изготовлен известным французским дизайнером и автомобильным мастером Саоутчиком, и легко провела пальцами по одному из крыльев.

Она была не первой, кто оценил эту машину. Почти каждая женщина, когда-либо посещавшая необычную «квартиру» Питта, интересовалась именно этой жемчужиной его коллекции. Он смотрел на «Гальбот-Лаго» как на шедевр механического искусства, но женщины испытывали какое-то чувственное притяжение, глядя на нее. Стоило им увидеть обтекаемые, почти кошачьи линии кузова машины, ощутить свирепую мощь ее двигателя и почувствовать запах элегантной кожаной обивки салона, как этот автомобиль превращался для них в некий эротический символ.

— Как ты нашла меня? — спросил он, и его голос отозвался эхом в огромном помещении.

Она взглянула наверх.

— Я изучала твое досье два дня, прежде чем вылететь на Тихий океан и взойти на борт «Неукротимого».

— Нашла там что-нибудь интересное? — спросил он, раздосадованный тем, что его частная жизнь была доступна для разглядывания всякому, кто обладал достаточной властью, чтобы нарушить ее неприкосновенность.

— Ты парень что надо.

— Это явная лесть.

— Твоя коллекция машин просто захватывает дух.

— Существует немало куда более обширных коллекций более дорогих моделей и фирм.

Она снова повернулась к «Тальбот-Лаго». — Я просто влюбилась вот в эту.

— Мне больше нравится зеленый городской автомобиль рядом с ней.

Стаси повернулась и стала внимательно рассматривать «Стутц», словно изучая манекен, демонстрирующий новую модель платья на выставке мод. Затем она тряхнула головой.

— Симпатичная машина, но массивная, слишком мужественная на женский вкус.

Затем она снова посмотрела на него.

— Мы можем поговорить?

— Если мне удастся не уснуть. Поднимись сюда.

Она взобралась наверх по винтовой лестнице, и он быстро показал ей свое жилище.

— Могу я предложить тебе выпить? — спросил Питт.

— Нет, спасибо. — Она снова посмотрела на него, и в ее глазах появилось выражение сочувствия. — Мне не следовало приходить. У тебя такой вид, словно ты сейчас упадешь.

— Я приду в себя после хорошего ночного сна, — произнес он уныло.

— Что тебе нужно, так это хороший массаж спины, — неожиданно сказала она.

— Я думал, ты пришла поговорить.

— Я могу поговорить, пока буду массировать тебя. Какой способ массажа ты предпочитаешь? Шведский или шиатсу?

— Какого черта, сделай и то, и другое.

Она рассмеялась.

— Ладно. — Взяв его за руку, она повела его в спальню и толкнула на кровать лицом вниз.

— Сними халат.

— Могу я попросить поберечь мою стыдливость и прикрыться простыней?

— А у тебя есть что-то, чего я прежде не видела? — сказала она, стаскивая с его плеч халат.

Он рассмеялся.

— Только не проси меня поворачиваться на спину.

— Я хочу извиниться перед тобой, прежде чем Тим и я отправимся на Западное побережье, — серьезно сказала она.

— Тим?

— Доктор Уэзерхилл.

— Вы и прежде работали вместе, я полагаю.

— Да.

— Я когда-нибудь снова увижу тебя? — спросил он.

— Я не знаю. Наши задания могут развести нас в разные стороны.

Она нерешительно замолчала на некоторое время.

— Я хочу, чтобы ты знал, что мне очень неловко из-за всех неприятностей, которые я тебе причинила. Ты спас мне жизнь, а поскольку я заняла дополнительное место в последнем батискафе, ты чуть не потерял свою.

— Хороший массаж — и мы квиты, — сказал Питт, устало улыбнувшись.

Она взглянула на его распростертое тело.

— Для человека, четыре месяца прожившего под водой, у тебя неплохой загар.

— Моя цыганская кровь, — пробормотал он сонным голосом.

Применяя основной метод точечного массажа техники шиатсу, Стаси начала нажимать пальцами на чувствительные области голых ступней Питта.

— Чудесное ощущение, — пробормотал он. — Джордан проинформировал тебя о том, что нам удалось выяснить относительно боеголовок?

— Да, ты подбросил ему технические характеристики. Он подумал, что ты улизнул от него. Теперь, когда Тиму и мне точно известно, на что следует нацелить наше расследование, мы можем здорово продвинуться в розыске заминированных автомобилей.

— И вы собираетесь обследовать порты Западного побережья.

— Сиэтл, Сан-Франциско и Лос-Анджелес — вот те порты, в которых разгружаются автомобилевозы, транспортирующие машины «Мурмото».

Питт замолчал, когда Стаси начала массировать ему ноги, сочетая шиатсу со шведской техникой растирания. Она массировала его плечи, спину и шею.

Затем она легонько шлепнула его по ягодицам и приказала ему повернуться, но никакой реакции не последовало.

Питт спал как убитый.

Где-то под утро он проснулся, почувствовав, как ее тело неистово переплетается с его телом. Движения, ощущения и приглушенные вскрикивания Стаси проступили через пелену утомления, подобно сну. Он чувствовал, будто он плывет через грозовое облако, сквозь раскаты грома и вспышки молний, пока все ощущения не сошли на нет, и он снова провалился в черную бездну непробудного сна.

— Проснись, соня, — сказала член Конгресса Лорен Смит, проводя пальцем вниз по спине Питта. — Тебе сюрприз.

Сознание Питта стряхнуло прочь паутину сна, когда он повернулся на бок и посмотрел на Лорен. Она сидела, скрестив босые ноги, рядом с кроватью. На ней был хлопчатобумажный вязаный топ с матросским воротником и серовато-зеленые парусиновые брюки со стрелками. Ее волосы были собраны назад и повязаны широким шарфом.

Тут он кое-что вспомнил и украдкой посмотрел на противоположную сторону постели. Она была пуста, с облегчением увидел он.

— Разве ты сейчас не должна была совершать героические подвиги в Конгрессе? — спросил он, тайно радуясь тому, что Стаси ушла до прихода Лорен.

— У нас спад. — Она держала в руке чашку кофе, так что он не мог до нее дотянуться, дразня его.

— Что я должен сделать, чтобы получить кофе? — спросил он.

— Это будет стоить тебе поцелуя.

— Ужасно дорого, но я в отчаянном положении, и мне придется согласиться.

— И, кроме того, объяснения.

Ну вот, подумал он, сейчас снова будет сцена ревности, и быстро собрался с мыслями.

— Насчет чего?

— Не чего, а кого. Ну, знаешь, насчет той женщины, с которой ты провел ночь.

— Что это еще за женщина? — спросил он с хорошо разыгранным удивлением.

— Та самая, которая спала в этой постели сегодня ночью.

— Ты что, видишь здесь еще какую-нибудь женщину?

— А мне не нужно видеть ее, — сказала Лорен, получая огромное удовольствие оттого, что дразнит его. — Я чую ее запах.

— А ты поверишь, если я скажу тебе, что это была моя массажистка?

Лорен склонилась к нему и поцеловала его долгим, продолжительным поцелуем. Когда она, наконец, снова оторвалась от него, то протянула ему кофе и сказала:

— Неплохо придумано. Ставлю тебе высший бал за творческое воображение.

— Ты меня надула, — сказал он, надеясь сменить тему. — Здесь всего полчашки.

— Ты ведь не хочешь, чтобы я разлила ее по одеялу, не так ли?

Она засмеялась, как если бы ей действительно доставила удовольствие неразборчивость Питта. — Вытащи свою огромную волосатую тушу из кровати и смой эту парфюмерию. Неплохой запах, я признаю, весьма дорогой. Я приготовлю завтрак.

Лорен стояла у кухонного стола, нарезая ломтиками грейпфрут, когда Питт вышел из душа второй раз за восемь часов. Он обернул вокруг бедер полотенце, подошел к Лорен сзади, обхватил ее за талию и потерся носом о ее шею.

— Столько времени прошло с тех пор, как я видел тебя последний раз, как тебе удалось так долго обходиться без меня?

— Я с головой ушла в законотворчество и совершенно забыла про тебя.

— У тебя не нашлось времени на развлечения?

— Я была хорошей девочкой. Это не значит, что я не была бы скверной, если бы у меня был хоть малейший шанс, особенно если бы я знала, что ты не терял времени даром с тех пор, как вернулся домой.

Лорен прекрасно держится, подумал Питт, лишь небольшая вспышка ревнивого гнева. Но она слишком хорошо понимала ситуацию, чтобы поднимать шум. Питт был не единственный мужчина в ее жизни. Ни он, ни она не диктовали друг другу, как себя вести, и не выказывали излишнюю ревность, что делало их связь еще более привлекательной для обоих.

Когда он куснул ее ухо, она повернулась и обвила руками его шею.

— Джим Сэндекер сказал мне о гибели твоего проекта и о том, как ты едва спасся.

— Предполагалось, что это секретная информация, — сказал он, когда они потерлись носами.

— Женщины — члены Конгресса действительно пользуются некоторыми привилегиями.

— У тебя есть привилегия общаться со мной в любое время, когда ты захочешь.

Ее глаза потемнели.

— Я действительно очень огорчена тем, что твоя станция уничтожена.

— Мы построим другую. — Он улыбнулся, глядя на нее. — Результаты наших исследований удалось спасти, только это и имеет значение.

— Джим сказал, что еще несколько секунд — и ты бы умер.

— Как видишь, пронесло, — усмехнулся Питт. Он отпустил ее и сел за стол.

Они выглядели как счастливые супруги, проводящие воскресное утро у себя в доме, хотя ни у Лорен, ни у Дирка никогда не было семьи. Он взял газету, которую она купила вместе с продуктами к завтраку, и просмотрел заголовки. Его глаза задержались на одной статье. Прочитав, что там написано, он взглянул на Лорен.

— Я вижу, ты снова напечаталась в «Вашингтон пост», — сказал он, ухмыляясь. — Ты начинаешь скверно обращаться с нашими восточными друзьями, не так ли?

Лорен ловко плюхнула омлет на тарелку.

— От нас ушло владение третью нашего бизнеса и вместе с этим наше процветание и наша независимость. Америка больше не принадлежит американцам, мы стали финансовой колонией Японии.

— Дела настолько плохи?

— Общественность понятия не имеет, насколько они плохи, — сказала Лорен, ставя омлет и тарелку с тостами перед Питтом.

— Наш огромный дефицит открыл дверь, через которую наша экономика вытекает, а японские деньги потоком вливаются сюда.

— Нам некого винить в этом, кроме самих себя, — сказал Питт, помахав вилкой. — Они потребляют меньше, чем производят, а мы тратим

больше, чем зарабатываем, и все глубже увязаем в долгах. Мы раздаем или распродаем наше лидерство в тех отраслях технологии, которые они еще не успели украсть. И мы выстроились в очередь с открытыми чековыми книжками, распустив губы в жадном предвкушении возможности продать им наши корпорации и недвижимость ради быстрой наживы. Взгляни в лицо фактам, Лорен. Этого не случилось бы, если бы общественность, деловые люди, ваши ребята в Конгрессе и эти кретины из Белого дома, ничего не смыслящие в экономике, понимали бы, что наша страна вовлечена в беспощадную финансовую войну с противником, который смотрит на нас как на людей второго сорта. Но, пока сохраняется нынешнее положение, мы сами упускаем шансы победить в ней.

Лорен села за стол с чашкой кофе и передала Питту стакан апельсинового сока.

— Это самая длинная речь, которую я когда-либо слышала от тебя. Уж не собрался ли ты баллотироваться в Сенат?

— Я скорее позволю вырвать себе ногти. Кроме того, одного Питта на Капитолийском Холме достаточно, — сказал он, имея в виду своего отца, сенатора Джорджа Питта от Калифорнии.

— Ты уже виделся с сенатором?

— Еще нет, — сказал Питт, поедая омлет. — У меня не было такой возможности.

— Какие у тебя планы? — спросила Лорен, томно глядя в опалово-зеленые глаза Питта.

— Я собираюсь повозиться с машинами и отдохнуть пару деньков. Может быть, если мне удастся вовремя подготовить «Стутц», я приму участие в гонках классических автомобилей.

— Я могу придумать что-нибудь более веселое, чем возня с грязными железками, — сказала она с хрипотцой в голосе. Она обошла вокруг стола, протянула руки и удивительно крепко схватила его за руку. Он чувствовал, как желание истекает из нее подобно нектару. Внезапно ему захотелось ее больше, чем когда-либо прежде. Он мог только надеяться, что у него хватит сил на второй раз. Затем, как если бы его тянули магнитом, он позволил утащить себя к кушетке.

— Не в кровати, — хрипло произнесла она, — во всяком случае, пока ты не сменишь простыни.

Глава 27

Хидеки Сума спустился по трапу своего персонального самолета «Мурмото» с поворотными турбинами, разработанного для высшего руководства компании, в сопровождении Моро Каматори. Этот самолет с вертикальным взлетом приземлился на вертолетной площадке рядом с огромным пластмассовым куполом высотою пятьдесят метров. Расположенный посередине тщательно ухоженного парка, этот купол перекрывал обширный внутренний дворик, под которым находилось большое, углубленное в землю сооружение, названное «ЭДО» по имени древнего города, который после революции Мейдзи 1868 года был переименован в Токио.

Будучи первым экспериментальным сооружением новой японской программы освоения подземного пространства, Эдо-Сити был спроектирован и построен Сумой в качестве научно-исследовательского и мозгового центра, в котором жили шестьдесят тысяч человек. Он представлял собой огромный цилиндр глубиной в двадцать этажей, в котором размещались жилые помещения для ученых, офисы, общественные бани, конференц-зал, рестораны, торговый центр, библиотека и свои собственные силы безопасности численностью тысяча человек.

В подземных цилиндрах меньшего размера, соединенных туннелями с главным корпусом, размещалась аппаратура связи, бойлерные и холодильные установки, системы кондиционирования воздуха, электростанция и установки по переработке мусора.

Эти сложные подземные сооружения были возведены из бетона и керамики и простирались на глубину тысяча пятьсот метров внутри массива из вулканических пород.

Сума сам финансировал этот проект без какого-либо участия правительства. Все юридические сложности и ограничения, мешавшие осуществлению проекта, были быстро разрешены благодаря огромному влиянию, которым обладал Сума в правительственных и мафиозных структурах. Он и Каматори вошли в кабину потайного лифта, который доставил их в комплекс помещений, принадлежащих его корпорации, занимавший весь четвертый этаж во внешней части цилиндра. Его секретарша Тоси Кудо стояла в ожидании его у дверей в тщательно охраняемые кабинет и трехэтажные личные апартаменты, когда он вышел из дверей лифта. Просторные комнаты были украшены изящно расписанными ширмами, вазами, витринами с прекрасной керамикой и костюмами шестнадцатого века, изготовленными из богато расшитых шелковых, атласных и парчовых тканей. На стенах висели картины, изображающие виды суши и моря, а также драконов, леопардов, тигров и соколов, символизирующих воинскую доблесть самураев.

— Мистер Асикага Энсю ждет вас, — доложила Тоси.

— Я что-то не припоминаю этого имени.

— Мистер Энсю — это сыщик, который специализируется на поиске редких произведений искусства и ведет переговоры об их продаже для своих клиентов, — объяснила Тоси. — Он позвонил и сказал, что нашел картину, которая подходит для вашей коллекции. Я взяла на себя смелость назначить ему встречу, чтобы он мог продемонстрировать эту картину.

— У меня мало времени, — сказал Сума.

Каматори пожал плечами.

— Не мешает посмотреть, что он принес вам, Хидеки. А вдруг он нашел ту картину, которую вы разыскиваете.

Сума кивнул Тоси:

— Хорошо, впустите его.

Сума поклонился, когда торговец картинами вошел в комнату.

— У вас есть новое приобретение для моей коллекции, мистер Энсю? — спросил Сума.

— Надеюсь, что да. Я уверен, что вы будете очень рады, что мне удалось найти для вас эту картину.

Асикага приветливо улыбался. У него была роскошная седая шевелюра, густые брови и пышные усы.

— Пожалуйста, поставьте ее к свету, — сказал Сума, указывая на мольберт, стоящий у окна.

— Можно я раздвину занавески чуть пошире? — Энсю потянул за шнур, раздвигавший, шторы. Затем он поставил картину на мольберт, но не снял закрывающую ее шелковую материю.

— Это картина шестнадцатого века школы Кано кисти Масаки Симцу.

— Прославленный художник-маринист, — сказал Каматори, проявляя редкое для него воодушевление.

— Один из ваших любимых художников, Хидеки.

— Вы знаете, что я поклонник Симцу? — спросил Сума у Энсю.

— Среди коллекционеров хорошо известно, что вы собираете его работы, особенно пейзажи наших небольших островов.

Сума повернулся к Тоси.

— Сколько его работ имеется в моей коллекции?

— Сейчас вам принадлежат одиннадцать из тринадцати пейзажей островов и четыре его пейзажа, на которых изображены горы Хида.

— А этот, новый, будет двенадцатым островным пейзажем?

— Да.

— Какой из островов, написанных Симцу, вы мне принесли, Адзима? — спросил Сума у Энсю нетерпеливо.

— Нет, Кечи. — Сума был заметно разочарован.

— Я надеялся, а вдруг это Адзима.

— Мне очень жаль. — Энсю огорченно развел руками. — Пейзаж Адзима, увы, был утрачен во время падения Германии. Последний раз его видели висящим в кабинете нашего посла в Германии 19 мая 1945 года.

— Я с радостью заплачу вам, чтобы вы продолжали свои поиски.

— Спасибо, — сказал Энсю, поклонившись. — Мои агенты в Европе и Соединенных Штатах уже разыскивают его.

— Ладно, тогда давайте откроем остров Кечи.

Привычным театральным жестом Энсю сдернул покрывало, и присутствующим открылся роскошный вид острова с птичьего полета, выполненный тушью с щедрым использованием перламутровых красок и золотой фольги.

— Дух захватывает, — пробормотала Тоси восхищенно. Энсю кивнул, соглашаясь с нею.

— Лучший образчик творчества Симцу, который я когда-либо видел.

— А как ваше мнение, Хидеки? — спросил Кама-тори.

— Прекрасная работа, — ответил Сума, растроганный гением художника. — Невероятно, что он смог нарисовать вид сверху с такими живыми деталями в начале шестнадцатого века. Это выглядит так, как будто он писал его с привязанного аэростата.

— В легендах рассказывается, что он писал его с воздушного змея.

— Скорее, он делал наброски с воздушного змея, а затем писал картину на земле.

— А почему бы и нет? — сказал Сума, не отрывая взгляда от картины. — Наши соотечественники строили воздушные змеи и летали на них уже тысячу лет тому назад. — Наконец он повернулся лицом к Энсю.

— Вы прекрасно поработали, мистер Энсю. Где вы нашли это?

— В доме одного банкира в Гонконге, — ответил Энсю. — Он распродавал свое имущество и переносил свои операции в Малайзию, прежде чем китайцы начнут править этой колонией. Мне потребовался почти год, но наконец мне удалось уговорить его продать мне эту картину по телефону. Я не стал терять времени и полетел к нему в Гонконг, а оттуда прямо к вам. Я прибыл к вам из аэропорта.

— Сколько вы за него просите?

— 145 миллионов йен.

— Вполне разумная цена, — сказал Сума, удовлетворенно потирая ладони. Я беру ее.

— Благодарю вас, мистер Сума. Вы очень щедры. Я буду продолжать искать пейзаж острова Адзимы.

Они обменялись поклонами, и Тоси проводила мистера Энсю из офиса.

Сума снова посмотрел на картину. Побережье было покрыто черными валунами, а на одной стороне находилась маленькая деревня с рыбацкими лодками. Перспектива была точной, как на аэрофотоснимке.

— Как странно, — тихо сказал он, — единственной картины из этой серии островов, которую я больше всего хотел бы иметь, у меня нет.

— Если она еще существует, Энсю найдет ее, — успокоил его Каматори. — Он произвел на меня впечатление человека с крепкой хваткой.

— За Адзиму я заплачу ему в десять раз больше, чем за Кечи.

Каматори сел в кресло и вытянул ноги.

— Когда Симцу писал пейзаж Адзимо, ему и в голову не могло прийти, чем станет со временем этот остров.

Тоси возвратилась и напомнила Суме:

— Через десять минут у вас назначена встреча с мистером Ёсису.

— Великий старый вор и предводитель «золотых драконов», — насмешливо улыбнулся Каматори. — Пришел отспорить свою долю в твоей финансовой империи.

Сума показал на огромные арки окон, выходивших во внутренний двор.

— Ничего этого не было бы, если бы не организация, которую Корори Ёсису и мой отец вместе создали во время войны и после нее.

— «Золотые драконы» и другие секретные общества не могут иметь места в будущей Японии, — сказал Каматори. Он использовал традиционное название страны «Ниппон», означающее «Источник солнца».

— Они могут казаться анахроничными рядом с нашей современной технологией, — согласился Сума.

— Но они все еще занимают весьма важное место в нашей культуре. Моя связь с ними в течение многих лет доказала свою ценность для меня.

— Ваша власть простирается так далеко, что вам уже не нужны группы фанатиков и культ вожаков, процветающий в гангстерских синдикатах, — серьезно сказал Кама-тори. — Вы можете дергать за ниточки правительство, которое управляется вашими собственными марионетками, и все же вы связаны с коррумпированными теневыми дельцами. Если когда-нибудь станет известно, что вы дракон номер два, это может обойтись вам очень дорого.

— Я не связан ни с кем, — спокойно разъяснил Сума. — То, что законы называют преступной деятельностью, было традицией моей семьи в течение двух столетий.

— Я чту наш традиционный кодекс поведения, следуя по стопам моих предков и построив на его основе организацию, которая сильнее многих стран мира. Я не стыжусь того, что у меня есть друзья среди членов подпольных синдикатов.

— Я был бы счастливее, если бы вы, проявляя уважение к императору, следовали бы старинным моральным нормам.

— Сожалею, Моро. Хотя я молюсь в храме Ясукуни о душе моего отца, у меня нет желания возрождать миф о богоподобном императоре. Я не участвую в чайной церемонии, не встречаюсь с гейшами, не хожу на представления в театр «Кабуки», не смотрю поединки борцов сумо, а также не верю в превосходство нашей традиционной культуры. Я также не подписываюсь за новую теорию, что мы выше их нашими обычаями, культурой, интеллектом, силой чувств, разумом, языком, а особенно, что устройство наших мозгов лучше западных людей. Я отказываюсь недооценивать наших конкурентов и предаваться конформистским идеям о нашем превосходстве. Я сам свой собственный Бог, и я верю в деньги и власть. Это раздражает тебя?

Каматори посмотрел на свои руки, которые лежали у него на коленях ладонями вверх. Он посидел молча, и его глаза становились все печальнее.

— Преклоняюсь перед императором и нашей традиционной культурой. Я верю в его божественное происхождение, а также в то, что мы и наши

острова тоже божественного происхождения. Я верю в чистоту крови и в духовное единство нашей расы. Но я следую за тобой, Хидеки, потому что мы старые друзья и потому что, несмотря на твои незаконные операции, ты внес огромный вклад в утверждение новой роли Японии как самой могущественной страны на Земле.

— Я глубоко ценю твою преданность, Моро, — честно сказал Сума.

— Я не мог бы ждать меньшего от человека, который гордится своим самурайским происхождением и своим доблестным владением катаной.

— Катана — это не просто меч, это живая душа самурая, — благоговейно сказал Каматори. — Искусно владеть им — это божественный дар. Душа того, кто обнажит его в защиту императора, обретет покой в Ясукуни.

— И все же ты обнажил свой меч ради меня, когда я просил тебя об этом.

Каматори изумленно уставился на него.

— Я с радостью убью ради тебя, чтобы отдать должное всему хорошему, что ты сделал для нашего народа.

Сума посмотрел в безжизненные глаза своего наемного убийцы. Живое воплощение тех давних времен, когда воины-самураи, убивали ради любого феодала, предлагавшего им свое покровительство и продвижение по службе. Он также знал, что абсолютная преданность самурая может исчезнуть за одну ночь. Когда он заговорил, его голос был тверд, но доброжелателен. Некоторые люди охотятся с луком и стрелами, большинство использует огнестрельное оружие. Ты единственный, кого я знаю, Моро, кто охотится за людьми с мечом.

— Ты хорошо выглядишь, старый друг, — сказал Сума, когда Тоси провела в его кабинет Корори Ёсису.

Ёсису сопровождал Ичиро Цубои, который только что прибыл из Соединенных Штатов, после своих дебатов со специальной подкомиссией Конгресса. Старик, убежденный реалист, улыбнулся Суме.

— Не так уж хорошо. Скорее я выгляжу постаревшим. Еще несколько прохождений Луны — и я буду спать рядом С моими высокочтимыми предками.

— Ты увидишь сотню новых лун.

— Перспектива оставить позади вызванные старостью недомогания и боли делает для меня мой уход событием, которого я жду с радостью.

Тоси закрыла дверь и вышла, как только Сума поклонился Цубои.

— Рад видеть тебя и Ичиро, добро пожаловать домой. Мне говорили, что ты устроил американским политикам еще один Пирл-Харбор.

— Ничего столь драматичного, — сказал Цубои. — Я верю, что я действительно добавил новые трещины в здание их Капитолия. — Немногие избранные знали, что Цубои стал членом тайного общества «Золотые драконы», когда ему было всего лишь четырнадцать лет. Ёсису принял в мальчике участие и помогал продвижению в тайном обществе, а также учил его искусству крупномасштабных финансовых махинаций. Будучи ныне главой страховой компании «Каное Секьюритиз», Цубои лично охранял финансовые империи Ёсису и Сумы и руководил их тайными сделками.

— Вы оба знакомы с моим доверенным другом и советником, Моро Каматори.

— Почти такой же хороший фехтовальщик, каким я был в юности, — сказал Ёсису.

Каматори поклонился ему в пояс.

— Я уверен, что ваш катана все еще быстрее.

— Я был знаком с твоим отцом, когда он был учителем фехтования в университете, — сказал Цубои. — Я был его худшим учеником. Он посоветовал мне купить пушку и поохотиться на слонов.

Сума взял Ёсису под руку и проводил его к креслу. Человек, которого некогда боялись больше чем кого бы то ни было в Японии, шел медленно и напряженно, но на его лице застыла гранитная улыбка, а глаза не упускали ничего.

Он уселся в кресло с прямой спинкой, взгляну/ на Суму и сразу начал с того вопроса, ради которого он пришел сюда:

— В каком состоянии находится Проект «Кайтен»?

— В мире находятся восемнадцать заминированных автомобилей. Это последняя партия. Четыре из них предназначены для Соединенных Штатов. Пять для Советского Союза. Остальные поделены между европейскими и тихоокеанскими странами.

— Через какое время они будут спрятаны вблизи от назначенных точек?

— Не позже чем через три недели. К тому времени наш командный центр будет доукомплектован, и все его оборонительные системы, системы обнаружения и детонации войдут в строй.

Ёсису удивленно взглянул на Суму.

— Преждевременный взрыв на борту «Божественной звезды» не сорвал график осуществления проекта?

— К счастью, я предусмотрел возможность потери судов из-за шторма, столкновения или других несчастных случаев на море. Я держал про запас шесть боеголовок. Те три, которые были потеряны в результате взрыва, я заменил новыми. После их установки в автомобили они были отправлены в мексиканский порт Веракрус. Оттуда их переправят через границу с Техасом в США и далее в нужные районы.

— Оставшиеся, я надеюсь, спрятаны надежно.

— На заброшенном танкере, стоящем на якоре в пятидесяти километрах от пустынного побережья острова Хоккайдо.

— Известно ли нам, что вызвало детонацию на борту «Божественной звезды»?

— Мы не можем понять, в чем причина преждевременного взрыва, — ответил Сума. — Все мыслимые меры предосторожности были приняты. Один из автомобилей, видимо, слишком болтало во время качки, и контейнер с боеголовкой оказался поврежденным. Произошла утечка плутония, и грузовые палубы подверглись радиационному загрязнению. Среди судовой команды началась паника, и они покинули судно. Норвежский лайнер обнаружил брошенный автомобиль и послал на него абордажную команду. Вскоре после этого «Божественная звезда» таинственным образом взлетела на воздух.

— И что случилось со спасшимися членами судовой команды?

— Никаких следов. Они пропали без вести во время шторма.

— Сколько всего автомобилей задействовано в вашей системе? — спросил Ёсису.

Сума подошел к столу и нажал кнопку маленького ручного пульта управления. Дальняя стена поднялась и ушла в потолок, открыв большой прозрачный экран. Он нажал на пульте еще одну кнопку, и голографическое изображение земного шара возникло на экране, нарисованное пульсирующими светящимися красками. Затем он запрограммировал места взрывов, которые брызнули небольшими пятнышками золотого света. Они были расположены в стратегических точках почти в двадцати странах мира. Только после этого Сума ответил на вопрос Ёсису:

— Сто тридцать автомобилей в пятнадцати странах.

Ёсису сидел, молча глядя на маленькие лучики света, бегающие по помещению при вращении изображения на экране, словно зайчики от зеркального шара в танцевальном зале.

На территории Советского Союза было больше светящихся точек, чем в какой-либо другой стране, что заставляло предположить, будто эта сверхдержава представляла большую угрозу для Японии, чем ее торговые конкуренты в Европе и Соединенных Штатах. Странно, но среди мишеней не было ни военных установок, ни крупных городов. Почти все светящиеся точки, казалось, находились на пустующих или слабо населенных землях, что делало угрозу «Кайтен» еще более загадочной в качестве средства шантажа.

— Дух твоего отца гордится тобой, — сказал Ёсису в тихом восхищении.

— Благодаря твоему гению мы сможем занять по праву принадлежащее нам место мировой державы первой величины. Двадцать первый век принадлежит Ниппон. С Америкой и Россией покончено.

Сума был польщен.

— Проект «Кайтен» не мог быть разработан и осуществлен без твоей поддержки, мой дорогой старый друг, и уж, конечно, без финансовой мудрости Ичиро Цубои.

— Вы очень добры, — сказал Цубои с поклоном. — Возможность реализовать макиавеллевскую интригу по организации тайного финансирования строительства подпольной фабрики по производству ядерного оружия оказалась для меня огромным вызовом моим талантам, который я не мог не принять.

— Советской и западным разведкам известно, что у нас есть возможность организовать производство ядерного оружия, — сказал Каматори, повернув беседу в более реалистичное русло.

— Если они не знали этого до того, как произошел взрыв, то теперь они точно знают об этом, — добавил Сума.

— Американцы подозревают нас уже несколько лет, — сказал Сума.

— Но они не смогли проникнуть через наши барьеры безопасности и обнаружить точное место расположения наших производственных мощностей.

— Нам повезло, что эти идиоты продолжают искать на поверхности, вместо того, чтобы углубиться под землю. — В голосе Есису прозвучала насмешка. — Но нам придется смотреть в лицо вполне вероятной возможности того, что рано или поздно КГБ или ЦРУ выследят это место.

— Вероятно, это произойдет довольно скоро, — сказал Каматори. — Один из наших тайных агентов сообщил мне, что через несколько дней после взрыва «Божественной звезды» американцы начали крупномасштабную секретную операцию с целью расследовать нашу роль в этом происшествии. Они уже вынюхивали что-то вокруг одного из наших центров распределения автомобилей «Мурмото».

Тревожная гримаса появилась на лице Ёсису.

— Они знают свое дело, эти американские разведчики. Боюсь, что проект «Кайтен» под угрозой.

— Еще до завтрашнего дня мы будем точно знать, что им удалось выяснить, — сказал Каматори. — Я встречусь с нашим агентом, который должен вот-вот вернуться из Вашингтона. Он клянется, что у него имеется свежая информация.

Ёсису стал еще более озабоченным.

— Мы не можем допустить, чтобы проект оказался в опасности до того, как командный центр будет готов действовать. Последствия могут быть роковыми для нашей новой империи.

— Я согласен с этим, — мрачно сказал Цубои. — В течение трех ближайших недель мы будем уязвимы, тогда как боеголовки будут лежать совершенно бесполезными. Одна утечка — и западные державы соберутся вместе и ударят по нам со всех сторон, как экономически, так и военной силой.

— Не надо так волноваться, — сказал Сума. — Их агенты могут наткнуться на нашу фабрику по производству бомб, но им никогда не обнаружить, где находится мозговой центр Проекта «Кайтен». Даже за сто лет, не говоря уже о трех неделях.

— И, даже если судьба улыбнется им, — сказал Каматори, — они будут не в состоянии нейтрализовать наш план вовремя. Туда ведет только один вход, и он укреплен массивными стальными барьерами и охраняется тяжеловооруженными силами безопасности. Эти сооружения способны выдержать прямое попадание ядерной бомбы и все равно остаться работоспособными.

Натянутая улыбка появилась на губах Сумы.

— Все работает в нашу пользу. Малейший намек на попытку проникнуть на фабрику или атака вражеских сил специального назначения, и мы сможем угрожать взорвать одну или несколько боеголовок, спрятанных в автомобилях.

Цубои не был убежден этим доводом.

— Что толку в пустой угрозе?

— Хидеки совершенно прав, — ответил ему Каматори. — Никто за пределами этой комнаты, разве что инженеры в командном центре, не знает, что нам нужно еще три недели для завершения нашей системы. Западных лидеров легко убедить в том, что она вполне готова к действию.

Ёсису удовлетворительно кивнул.

— Тогда нам нечего бояться.

— Вполне обоснованное заключение, — заявил решительно Сума. — Мы слишком серьезно отнеслись к дурному сну, которому никогда не суждено стать реальностью.

Тишина воцарилась в богато разукрашенном офисе. Четверо мужчин молча сидели, каждый из них думал о своем. Через минуту внутренний телефон на столе Сумы прозвонил. Он взял трубку и несколько секунд молча слушал. Затем положил трубку.

— Моя секретарша сообщила мне, что повар приготовил ужин, он в моей столовой. Я буду очень рад, если мои глубокоуважаемые гости окажут мне честь поужинать со мной.

Ёсису медленно поднялся на ноги.

— Я с радостью принимаю это приглашение. Зная великолепное искусство вашего повара, я надеялся, что вы попросите меня остаться на ужин.

— Прежде чем мы прервем нашу беседу, — сказал Цубои, — я хотел бы обсудить еще один вопрос.

Сума кивнул.

— Говори, Ичиро.

— Ясно, что мы не можем продолжать взрывать ядерные бомбы всякий раз, когда недружественное правительство поднимает шум по поводу торговых ограничений или повышения таможенных пошлин. Нам нужны и другие способы давления, не столь катастрофичные.

Сума и Каматори переглянулись.

— Мы серьезно обдумывали именно эту ситуацию, — сказал Сума, — и мы считаем, что лучшим решением было бы похищение наших врагов.

— Терроризм не вписывается в традиции нашей культуры, — запротестовал Цубои.

— А как ты назовешь «Красное Братство Крови», сынок? — спокойно спросил Ёсису.

— Безумные фанатичные головорезы. Они убивают невинных женщин и детей во имя туманной революционной догмы, которая всем нормальным людям представляется полной чепухой.

— Да, но они японцы.

— Некоторые из них, но большинство — восточные немцы, натасканные КГБ.

— Их можно использовать, — спокойно заметил Сума.

Цубои это не убедило.

— Я не советую иметь с ними каких-либо связей. Стоит возникнуть подозрению о наших контактах с ними, как начнутся расследования иностранных спецслужб в таких областях, которые мы не осмеливаемся открывать кому бы то ни было.

— Хидеки вовсе не защищает идею покушения на враждебных нам лидеров, — уточнил Каматори. — Он предлагает ответственность за похищения заложников, которым не будет причинено никакого вреда, возложить на «Красное Братство Крови».

— Вот это куда более разумно, — улыбнулся Ёсису. — Кажется, я понял. Ты предлагаешь «шелковую тюрьму».

Цубои покачал головой.

— Никогда не слышал это выражение.

— Это выражение из давно минувших времен, — пояснил Ёсису. — Если сёгун не хотел, чтобы его враг был убит, он похищал его и тайно помещал в роскошно обставленную тюрьму в знак уважения к пленнику. В этом случае он устраивал так, чтобы вина за исчезновение похищенного была возложена на ревнивых соперников пленника.

— Совершенно верно, — кивнул Сума. — Я построил такое помещение в небольшом, но современном поместье, которое мне принадлежит.

— Не слишком ли это рискованно? — спросил Цубои.

— Очевидное никогда не вызывает подозрений.

Каматори взглянул на Цубои.

— Если у вас есть кандидатуры в заложники, вам достаточно назвать мне их имена.

Цубои опустил вниз невидящие глаза, раздумывая. Затем он поднял голову.

— В Соединенных Штатах есть два человека, вызывающие много неприятного для нас шума. Но вы должны быть очень осторожны. Они являются членами Конгресса, и их похищение наверняка вызовет бурю возмущения.

— Если создастся впечатление, что они похищены «Красным Братством Крови» ради выкупа, это будет хорошим прикрытием их внезапного исчезновения, — сказал Сума таким тоном, словно говорил о погоде.

— Кого именно вы имеете в виду?

— Члена Конгресса Лорен Смит и сенатора Майкла Диаса.

Ёсису кивнул.

— А, понятно, это та парочка, которая добивается полного запрета на торговлю с нами.

— Несмотря на усилия наших лоббистов, они собрали достаточно голосов, чтобы протолкнуть свой законопроект через Конгресс и Сенат. Если их устранить, попытки провести такое законодательство будут сорваны.

— Их правительство будет очень сильно разгневано, — предостерег Сума. — Это может вызвать нежелательные для нас ответные меры.

— Наши лоббисты добились огромного влияния в Конгрессе, и они направят возмущение на террористов-заговорщиков. — Ярость Цубои от того, как с ним разговаривали в специальной комиссии Конгресса, еще не остыла.

— Мы и так уже достаточно потеряли лицо от враждебных выпадов американских политиков. Пора проучить их, чтоб они знали, что их власть больше не может защитить их от неприятностей.

Ёсису невидящим взглядом несколько секунд смотрел в окно. Затем он покачал головой.

— Какая жалость.

Сума взглянул на него.

— Чего тебе жаль, старый друг?

— Соединенные Штаты Америки, — мягко произнес Ёсису. — Эта страна подобна прекрасной женщине, умирающей от рака.

Глава 28

Марвин Шоуалтер сел в поезд чистого и безупречно работающего токийского метрополитена. Он не пытался сделать вид, что читает газету или книгу. Он спокойно смотрел на своих попутчиков, «делая», как говорят торговцы, двух японских секретных агентов, держащих его под наблюдением из соседнего вагона.

Шоуалтер вышел из американского посольства вскоре после утомительной встречи с приехавшим повеселиться за казенный счет конгрессменом, с которым обсуждал отказ Японии разрешить использовать американское строительное оборудование при возведении нового здания для американской нефтяной компании. Это была просто еще одна попытка преодолеть протекционистские барьеры, тогда как японцы могли свободно въезжать в Соединенные Штаты и возводить здания с помощью собственных архитекторов, прорабов, материалов и оборудования без каких-либо серьезных трудностей, вызванных ограничениями со стороны правительства.

Принцип «справедливость за справедливость» был неприменим к двусторонней торговле с Японией.

Казалось, что он, как обычно, едет в небольшое семейное общежитие, которое его жена и двое детей называли своим домом на время его назначения на дипломатическую службу в Японии. Это здание принадлежало американскому правительству, и в нем жило большинство служащих посольства со своими семьями. Стоимость строительства всего этого десятиэтажного здания не достигала и трети той суммы, которая была уплачена за покупку земли, на которой оно стояло.

Агенты, как тени следовавшие за ним, были обмануты неизменностью его ежедневных поездок на работу и обратно домой. Эта привычная рутина нарушалась лишь тогда, когда он задерживался в посольстве на час-другой. Он улыбнулся про себя, когда поезд доехал до остановки, на которой он обычно выходил, и два агента встали, ожидая, что он сейчас сойдет на станции. Он подошел к дверям вместе с остальной толпой, ожидая, когда двери откроются для выхода на платформу. Это был старый, как мир, трюк, тот самый, который был показан в фильме «Французский след».

Когда двери открылись, Шоуалтер вместе с толпой вышел на платформу и начал считать про себя. Он засомневался и как бы невзначай посмотрел на двух японских агентов. Они вышли из средней двери соседнего вагона и медленно направлялись в его сторону, прячась за спины выходящих пассажиров.

Досчитав до двадцати пяти, он быстро повернулся кругом и вошел обратно в вагон. Через две секунды двери захлопнулись, и вагон начал двигаться. Слишком поздно агенты японской секретной службы поняли,

что их провели. Они вцепились в двери, отчаянно пытаясь раздвинуть их и войти. Но это было бесполезно. Они спрыгнули обратно на платформу, когда поезд набрал скорость и исчез в туннеле.

Шоуалтер не слишком радовался успеху такой простой уловки. Следующий раз его «хвосты» будут настороже, и ему придется прибегнуть к более хитроумным способам ухода от слежки. Он пересел на другую линию на следующей остановке и поехал в Асакузу, северо-восточный пригород Токио, расположенный в секторе, который назывался Ситамачи. Асакуза была частью старого города и во многом сохраняла свой облик, характерный для минувшей эпохи.

Шоуалтер сидел и разглядывал окружающих его людей, что он много раз делал и прежде. Некоторые из его попутчиков, в свою очередь, разглядывали его. Эти люди называли всякого, кто не обладал такими же жесткими черными прямыми волосами, темными глазами и таким же цветом кожи, «гаидзин», что буквально переводилось как «пришелец», «чужак». Он полагал, что тесное сходство их физического облика, вероятно, и было основой их единства и склонности к конформализму. Это, а также изолированность их островной родины.

Их общество выросло на основе семьи, расширившейся и включившей в структуру семейных отношений всех, кто работал рядом с ними. Они проживали свои жизни в сложном переплетении взаимных обязательств, удовлетворенности, исполнения долга и стремления добиться успеха. Они принимали стиль жизни, в которой каждый шаг регулировался множеством освященных традицией предписаний, как если бы все, кто не следовал этой рутине, были ничтожествами, достойными только жалости.

Лишенный паутины мелочных традиций, «плавильный тигель», который представляли собой Соединенные Штаты, был бы немыслим и нетерпим в Японии, стране с самыми жесткими в мире иммиграционными законами.

Когда поезд остановился на станции Таварамачи, он вышел и влился в толпу пешеходов, поднимавшихся вверх по шумной улице Каппабаси. Он взял такси и проехал мимо оптового магазина, где продавались пластмассовые муляжи разных блюд, которые можно было увидеть в витринах любого ресторана или закусочной. Он попросил таксиста отвезти его в занимающий несколько кварталов район, где было множество лавок ремесленников, старинных храмов и просто старых зданий.

На перекрестке он вышел из такси и расплатился с водителем, а затем направился пешком по узкой дорожке, вдоль которой тянулись цветочные клумбы, пока не дошел до японской гостиницы, известной как «риокан».

Хотя снаружи риокан был ветхим и обшарпанным, внутри он оказался совершенно чистым и уютным. У входа Шоуалтера встретил один из служащих гостиницы, который поклонился и сказал:

— Добро пожаловать в отель Риц.

— Я думал, эта гостиница называется «Ранчо асакузского пижона», — ответил Шоуалтер.

Не произнеся больше ни слова, мускулистый швейцар, руки и ноги которого напоминали железнодорожные шпалы, показал ему на выложенный плоской речной галькой порог. Они вошли и оказались на полированном дубовом полу вестибюля, где Шоуалтера вежливо попросили снять свои туфли и переобуться в пластиковые шлепанцы.

В отличие от большинства шлепанцев, слишком тесных для ног англосаксов, эти были Шоуалтеру как раз по ноге, словно их специально изготовили на заказ по его мерке, и это действительно было так, поскольку этот риокан на самом деле принадлежал американской секретной службе, специализирующейся на устройстве и содержании тайных и безопасных убежищ.

В комнате Шоуалтера была скользящая дверь «содзи», представляющая собой затянутую бумагой деревянную раму. Она выходила на небольшую веранду, откуда открывался вид на разбитый по всем правилам японской архитектуры садик, где вода лилась из бамбуковых труб на камни неиссякаемой журчащей струей. Пол комнаты был устлан традиционными соломенными циновками «татами». Ему пришлось снять шлепанцы и ходить в носках, пока он находился на хрупких соломенных матах.

Здесь не было ни стульев, ни какой-либо другой мебели, лишь подушки на полу и постель, устроенная из множества подушек и тяжелых пуфов, которые японцы называют «футонами». В центре комнаты для гостей находился маленький очаг-жаровня, в которой тлели угли.

Шоуалтер разделся и набросил легкий халат-тунику «юката». Затем горничная, одетая в кимоно, провела его в общественную баню гостиницы. Он оставил юкату и наручные часы в плетеной корзине и, прикрываясь лишь полотенцем размером с салфетку, вошел в окутанное паром помещение бани. Он обошел низкие табуретки и деревянные лавки и встал под простой душ. Он намылился и ополоснулся. Только теперь он был готов медленно погрузиться в горячую воду, наполнявшую огромную, похожую на бассейн деревянную кадку.

Сквозь густой пар он увидел, что в бассейне по грудь в воде уже сидит какой-то человек. Шоуалтер приветствовал его.

— Группа «Хонда», я полагаю.

— Только ее половина, — ответил Рой Орита. — Джим Ханамура должен появиться с минуты на минуту. Хотите сакэ?

— Это нарушение правил — пить во время операции. Хотя какого черта, я продрог как собака. Плесни мне двойную порцию.

Орита наполнил небольшую фаянсовую чашку из бутылки, стоящей на краю бассейна.

— Как там в посольстве?

— Обычное дерьмо, которого и следует ожидать от Государственного департамента. — Шоуалтер сделал хороший глоток сакэ и подождал, пока он уляжется в желудке. — Как продвигается расследование? Есть какая-нибудь информация о ниточках, на которые нам указала группа «Линкольн»?

— Я проверил руководство компании «Мурмото». Мне не удалось обнаружить прямой связи между должностными лицами корпорации и боеголовками. Мое личное мнение состоит в том, что они чисты. И не имеют ни малейшего представления о том, что происходит у них прямо под носом.

— Некоторые из них должны об этом знать.

Орита усмехнулся.

— Чтобы осуществлять установку боеголовок в автомобили, достаточно двух информированных рабочих на конвейере.

— Почему только двух?

— Потому что больше не требуется. Работник на конвейере, отвечающий за установку кондиционеров. Его положение позволяет ему отбирать специально отмеченные автомобили для установки на них боеголовок. И еще один — контролер, проверяющий оборудование автомобилей, чтобы убедиться, что оно работает, прежде чем отправить машины на продажу. Он признает годными фальшивые кондиционеры, которые не работают.

— Должен быть еще третий человек, — не согласился с ним Шоуалтер.

— Агент в отделе сбыта фабрики, который стирает из памяти компьютера все записи о заминированных автомобилях, кроме отгрузочной накладной, которую требуют таможенники.

— Вы проследили ниточку от сборочной фабрики до поставщика кондиционеров и далее до завода, производящего боеголовки?

— До поставщика я проследил. Дальше след оборвался. Я надеюсь разнюхать этот след снова и добраться до источника в следующие несколько дней.

Орита умолк, когда какой-то человек из раздевалки вышел и подошел к нагретому бассейну. Он был низкого роста, с седой головой и усами, и прикрывал пах небольшим полотенцем.

— Кто вы такой, черт побери? — требовательным тоном обратился к нему Шоуалтер, опасаясь, что кто-то посторонний прорвался через кордоны службы безопасности риокана.

— Меня зовут Асикага Энсю.

— Как?

Незнакомец простоял там несколько секунд, не отвечая на последний вопрос. Шоуалтер начал отчаянно оглядываться по сторонам, удивляясь, почему никого из охранников нет поблизости.

Тут Орита расхохотался.

— Великолепный маскарад, Джим. Ты чертовски здорово разыграл нас обоих.

Джеймс Ханамура снял седой парик и отлепил накладные брови и усы.

— Неплохо получилось, если только с моей стороны будет нескромностью сказать это. Мне также удалось провести Хидеки Суму и его секретаршу.

Шоуалтер с облегчением вздохнул и погрузился в воду до подбородка.

— Боже мой, ты меня порядком напугал. Из того, что я знал, я решил, что ты проник сквозь кордоны охранников и собираешься прикончить Ориту и меня.

— Кажется, это приличное сакэ. Осталось что-нибудь?

Орита налил ему чашку.

— Там на кухне целый ящик. — Тут вдруг на его лице появилось выражение удивления. — Что ты только что сказал?

— Насчет чего?

— Хидеки Сума.

— Это моя половина операции. Я проследил, кто в действительности является владельцем Автомобильной и авиационной корпорации «Мурмото», а также Пароходной компании «Сусимо», и по цепочке подставных фирм добрался до их настоящего хозяина, Хидеки Сумы,

затворника-сёгуна. Этот подпольный воротила сказочно богат. «Мурмото» и «Сусимо» — это лишь капля в ведре. У этого парня больше денег, чем во всем штате Калифорния, даже если добавить сюда еще Неваду и Аризону.

— Кажется, этот корабль, который взорвался, «Божественная звезда», принадлежал Пароходной компании «Сусимо»? — спросил Шоуалтер.

— Совершенно верно. Неплохой набор, не правда ли? Мне думается, этот Хидеки Сума по уши увяз в этом деле.

— Сума очень могущественный человек. Он обогащается странными и непонятными способами. Говорят, что если он прикажет премьер-министру Янсиро и членам его кабинета взмахнуть руками и полетать, они начнут драться между собой, кому из них первому выпрыгнуть в окно.

— Тебе действительно удалось войти и добиться встречи с Сумой? — изумленно спросил Орита.

— Ничего подобного. Ты бы видел его офис и секретаршу. Они друг друга стоят. К нему просто с улицы не попасть.

— А зачем этот маскарад?

— Это идея группы «Линкольн». Сума коллекционирует картины японского художника шестнадцатого века по имени Масаки Симцу. Джордан нанял специалиста по подделкам произведений искусства, чтобы тот написал то, что среди собирателей называется пропавшим пейзажем Симцу, про который было известно, что его нет в коллекции Сумы. Затем, под видом уважаемого специалиста по розыску утерянных произведений искусства, Асикаги Энсю, я продал этот пейзаж Суме.

Шоуалтер кивнул.

— Хитро придумано, ничего не скажешь. Вам, наверное, пришлось изучить ваше японское искусство.

— Ускоренный курс. — Ханамура рассмеялся. — Сума распространялся насчет того, как Симцу писал острова с аэростата. Он бы приказал меня утопить или четвертовать, если бы знал, что он выложил сто сорок пять миллионов йен за подделку, сделанную по фотографии.

— С какой целью? — спросил Орита со странно напряженным лицом.

— Чтобы установить жучки в его офисе, естественно.

— Как случилось, что мне об этом не сказали?

— Я подумал, что для вас обоих лучше не знать, чем занят другой, — ответил Орите Шоуалтер, — чтобы никто из вас не мог открыть что-нибудь важное, если он попадется.

— А где ты установил жучки? — спросил Орита Хана-муру.

— Два в раме картины. Один в мольберте, который у него стоял перед окном, и еще один — внутри ручки шнура, раздвигающего шторы. Два последних прекрасно расположены по отношению к ретранслятору, который я разместил на дереве снаружи купола, накрывающего внутренний двор города.

— А если у Сумы имеется потайное оборудование для обнаружения жучков?

— Я «одолжил» чертежи электропроводки, устроенной на его этаже здания. Его система обнаружения первоклассная, но она не сможет отыскать наши жучки. И когда я говорю «жучки», я имею в виду также буквальное значение этого слова.

Орита не понял, что имел в виду Ханамура.

— Что вы хотите сказать?

— Наши миниатюрные радиомикрофоны внешне не похожи на электронные устройства. Они выглядят как муравьи. Если их и найдут, то их либо проигнорируют, либо раздавят, и никаких подозрений они не вызовут.

Шоуалтер кивнул.

— Это очень ловко придумано.

— Даже нашим японским братьям далеко до нашей доморощенной техники подслушивания, — широко улыбнулся Ханамура. — Ретранслятор размером с мяч для гольфа передает все разговоры, включая телефонные звонки или переговоры по селектору, на один из наших спутников, а затем они поступают к Мелу Пеннеру и его группе Крайслер на Палау. Орита смотрел на воду.

— Мы знаем наверняка, что они действительно слышат все разговоры в офисе Сумы?

— Система прекрасно работает, — заверил его Шоуалтер. — Я разговаривал с Пеннером, прежде чем отправиться сюда. Он принимает сигналы громко и четко. И мы тоже. Член моей группы в посольстве также настроен на волну, на которой работает передатчик Джима.

— Надеюсь, вы сообщите нам всю информацию, которая может оказаться полезной для нашего расследования.

— Безусловно. — Шоуалтер налил себе еще немного сакэ. — Кстати, там происходила любопытная беседа между Сумой и Корори Ёсису, когда я покидал посольство. Жаль, что я услышал лишь первых две минуты этого разговора.

— Ёсису, — пробормотал Ханамура. — Боже мой, неужели этот старый бандит еще жив?

— Ему девяносто два, и он все такой же отъявленный мерзавец, как всегда, — ответил Шоуалтер.

Ханамура покачал головой.

— Самый главный преступник нашего столетия, лично повинный более чем в миллионе смертей. Если за Сумой стоит Ёсису и всемирная организация, располагающая ядерными боеголовками, то мы все в большой, большой беде.

За час до рассвета лимузин марки «Мурмото» притормозил у края тротуара, из-за кустов появилась фигура человека и быстро нырнула в открытую дверцу. Затем лимузин медленно двинулся через узкие боковые улочки пригорода Асакуза.

— Офис мистера Сумы прослушивается, — сказал Орита. — Один из наших агентов, притворившись торговцем произведениями искусства, спрятал хитроумные подслушивающие устройства в раме картины, в мольберте и в поводке оконных штор.

— Вы уверены? — спросил ошеломленный Каматори. — Этот торговец принес подлинную работу Симцу?

— Подделка, срисованная со спутниковой фотографии.

Каматори зашипел.

— Вам следовало бы сообщить мне об этом пораньше.

— Я сам узнал об этом несколько часов назад.

Каматори ничего не сказал, только смотрел на лицо Ориты в сумраке салона лимузина, словно хотел убедиться, что это действительно случилось.

Подобно Джорджу Фурукаве, Рой Орита был агентом-"слипером", родившимся в США у японских родителей и специально воспитанным так, чтобы затем стать агентом ЦРУ.

Наконец Каматори сказал:

— Многое было сказано сегодня вечером такого, что может оказаться опасным для интересов мистера Сумы. Насчет этого подслушивания не может быть никакой ошибки?

— Этот торговец представился как Асикага Энсу?

— Да, Энсу.

— На самом деле его зовут Джеймс Ханамура. Это второй член моей группы, которому поручено найти источник ядерных мин, установленных в автомобилях.

— Кто установил связь между автомобилями и боеголовками?

— Любитель, его зовут Дирк Питт. Его привлекли к работе в МОГ из Национального агентства подводных и морских исследований.

— Он опасен для нас?

— Он может доставить неприятности. Я не могу сказать наверняка. Ему не поручались операции по расследованию. Но у него завидная репутация человека, успешно справившегося с несколькими, казалось бы, невыполнимыми заданиями.

Каматори откинулся назад и бесцельно смотрел в окно на неосвещенные здания. Наконец он повернулся к Орите.

— Вы можете дать мне список агентов, с которыми работаете, и регулярно сообщать, чем они заняты?

Орита кивнул.

— Список имен могу. Но чем они сейчас занимаются, мне совершенно невозможно узнать. Каждый из них работает поодиночке. Как в некоем магическом действии, никто не знает, что делает другая рука.

— Держите меня в курсе всего, что вам удастся узнать.

— Что вы намерены предпринять в отношении Питта?

Каматори посмотрел на Ориту холодными глазами ядовитой змеи.

— Если представится удобная возможность, убить его.

Глава 29

Направляемый Лорен Смит с одной стороны и Злом Джиордино с другой, Питт съехал по рампе трейлера на своем «Стутце» и поставил его между большим красным французским кабриолетом «Испано-Суиза» 1926 года выпуска и изящной городской машиной «Мармон V-16» 1931 года. Он приставил ладонь к уху и с минуту вслушивался в шум двигателя, увеличивая И уменьшая обороты, довольный тем, что

коленчатый вал вращается ровно и все цилиндры работают без пропусков. Затем он выключил зажигание.

Это был один из последних теплых летних дней. Небо было ясное, и воздух прогрелся сильнее, чем обычно в начале осени. На Питте были широкие вельветовые брюки и замшевая спортивная куртка, а Лорен казалась светящейся в своем палево-розовом комбинезоне.

Пока Джиордино отгонял тягач с трейлером на автостоянку, Лорен стояла на длинной подножке «Стутца» и смотрела на поле поверх сотни классических автомобилей, расставленных у выхода на дорожки Вирджинского мемориального ипподрома. Конкурс красоты, то есть состязание, в котором судьи оценивали внешний вид автомобилей, был объединен с гонками по кругу классических автомобилей, спроектированных как дорожные и туристские машины.

— Они все такие изящные, — сказала Лорен. — Я никогда не видела так много экзотических автомобилей, собранных вместе.

— Жесткая конкуренция. — сказал Питт, подняв капот и протирая двигатель. — Хорошо, если мне удастся занять третье место в моем классе.

— А когда будет производиться оценивание?

— В любое время.

— А гонки?

— После конкурса, когда будут объявлены победители и вручены награды.

— С какой машиной ты будешь состязаться в гонках?

— В соответствии с программой, моим соперником будет красная «Испано», которая стоит рядом с нами.

Лорен во все глаза смотрела на привлекательный кабриолет, с низким капотом, изготовленный в Париже.

— Думаешь, тебе удастся обогнать его?

— Я не знаю. «Стутц» на шесть лет новее, но у «Испано» больший объем цилиндров и легче кузов.

Подошел Джиордино и заявил:

— Я голоден. Когда мы будем есть?

Лорен рассмеялась, слегка чмокнула Джиордино в щеку и достала с заднего сиденья «Стутца» корзину для пикника. Они уселись на траве и

закусили мортаделлой и сыром бри с французским хлебом. Затем они съели паштет и фрукты, запив все это бутылкой игристого вина «Лунная долина».

Подошли судьи и начали изучать машину Питта для конкурса. Он подал заявку на участие в классе "Д", то есть американские классические автомобили 1930-1941 годов с жестким верхом. После пятнадцати минут внимательного изучения они пожали ему руку и перешли к следующей машине, «Линкольн V-12 Берлин» 1933 года.

К тому времени, когда Питт с друзьями допили бутылку игристого, по громкоговорителю объявили имена победителей. «Стутц» занял третье место после спортивного купе «Паккард» 1938 года и лимузина «Линкольн» 1934 года.

Питт не добрал полтора балла до идеальных ста, потому что прикуриватель «Стутца» не работал и выхлопная система не вполне соответствовала первоначальной конструкции.

— Лучше, чем я ожидал, — гордо заявил Питт. — Я не думал, что мы займем призовое место.

— Поздравляю, — сказал Фрэнк Манкузо.

Питт с недоумением посмотрел на горного инженера, который, казалось, возник из воздуха. — Откуда вы здесь взялись?

— До меня дошли слухи, что вы будете здесь, — сказал Манкузо приветливо, — так что я подумал, не заскочить ли мне сюда, посмотреть на машины и немного поболтать с тобой и Алом.

— Нам что, пора браться за работу?

— Пока еще нет.

Питт повернулся и представил Манкузо Лорен. Джиордино просто кивнул и передал новоприбывшему стакан вина из новой бутылки. Глаза Манкузо широко раскрылись, когда его представляли Лорен. Он посмотрел на Питта с выражением одобрения, а затем кивнул на «Стутца» и Лорен и сказал:

— Две классические красавицы. У вас прекрасный вкус.

Питт застенчиво улыбнулся.

— Я делаю, что могу.

— Вот это машина, — сказал Манкузо, пожирая глазами линии «Стутца». — Кузов работы Ле Барона, не так ли?

— Очень хорошо! Вы разбираетесь в старых автомобилях?

— Мой братец на них совершенно помешался. То немногое, что я знаю, я усвоил от него.

Он указал рукой на проход, разделявший два ряда машин.

— Если вам нетрудно, не могли бы вы прочитать мне лекцию об этих прекрасных машинах? — Они извинились перед Лорен, которая беседовала с женой владельца «Испано-Суизы». После того как они отошли на расстояние в несколько машин, Джиордино занервничал и спросил:

— Что происходит?

— Вы, вероятно, слышали от генерала Сэндекера, что группу «Мерседес» пока заморозили. Ваш проект поднять какие-либо обломки судна, перевозившего заминированные автомобили, был отменен.

— Какова причина этого?

— Президент решил, что нам лучше держаться подальше от этого дела. Слишком много трудностей. Советская пропаганда уже пытается возложить на нас ответственность за этот взрыв. В Конгрессе поговаривают о том, чтобы начать расследование, а президенту вовсе не улыбается объясняться с конгрессменами по поводу секретной поисковой операции. Он не может позволить себе рисковать раскрытием вашего предприятия с «Мокрыми делянками». Оно противоречит международным соглашениям об эксплуатации морского дна.

— Но мы только отбирали пробы, — сказал Питт, оправдываясь. — Это была чисто научная программа.

— Возможно, так оно и было, но вы сильно ушли вперед по сравнению со всем остальным миром. Страны третьего мира в особенности будут поднимать шум в ООН, если они подумают, что их оттирают в сторону от сокровищ, лежащих на дне моря.

Питт остановился и стал внимательно рассматривать огромную открытую машину.

— Хотелось бы мне, чтобы у меня была эта машина.

— «Кадиллак-турист»?

— «Кадиллак V-16 фаэтон», — поправил Питт. — На аукционах их цена чуть ли не миллион долларов. Джиордино кивнул.

— Да, примерно столько, почти по той же цене, что и «Дузенберги».

Питт повернулся и пристально посмотрел на Манкузо.

— Много ли машин с боеголовками они обнаружили?

— Пока что только шесть. Стаси и Уэзерхилл пока не передали ни слова об их успехах на Западном побережье.

— У японцев, наверное, полно этих штук, рассеянных по всей стране, — сказал Питт. — Джордану нужна целая армия сотрудников, чтобы найти их все.

— В людях недостатка нет, но весь фокус в том, как это сделать, не загоняя японцев в угол. Если они подумают, что их проект ядерного шантажа оказался под угрозой, они могут запсиховать и взорвать одну из бомб вручную.

— Было бы здорово, если б группа «Хонда» смогла добраться до источника и выкрасть карту мест, где спрятаны машины, — тихо сказал Джиордино.

— Они работают над этим, — твердо заявил Манкузо.

Питт наклонился и начал пристально рассматривать хрустальную петушиную голову, украшавшую радиатор дорожного автомобиля «Пирс-Эрроу».

— А тем временем мы должны сидеть тут, заткнув пальцами уши.

— Не надо переживать из-за того, что ты пока вышел из игры. Тебе удалось за первые четыре часа добиться большего, чем всей остальной команде за двое суток. Нас позовут, когда мы понадобимся.

Джиордино оторвался от созерцания автомобилей и переключил свое внимание на проходившую мимо них девушку в облегающей кожаной юбке.

— Ну, разве может что-нибудь случиться на конкурсе старинных автомобилей? — рассеянно произнес он.

Они выглядели не совсем уместно здесь, но все же они тут оказались в своих строгих темных костюмах и с кейсами, среди небрежно одетых владельцев классических автомобилей и зрителей. Четыре японца внимательно разглядывали автомобили, делали записи в блокнотах и изображали из себя представителей токийского консорциума покупателей коллекционных машин.

Это было хорошее прикрытие. Люди замечали их, удивлялись их странной внешности и отворачивались, и им даже в голову не приходило, что четверо японцев на самом деле являются хорошо обученной группой оперативников, а в их кейсах находится целый арсенал газовых гранат и боевого автоматического оружия.

Японцы пришли сюда не для того, чтобы глазеть на автомобили, они приехали, чтобы похитить Лорен Смит.

Они прочесали окрестности ипподрома, отмечая все выходы и размещение вооруженных охранников. Их командир, темное лицо которого лоснилось под полуденным солнцем, заметил, что «Стутц» Питта стоит в самом центре площадки, занятой классическими автомобилями, из-за чего почти невозможно без шума похитить Лорен.

Он приказал своим трем подчиненным вернуться в свой длинный лимузин, стоявший у гоночной трассы, а сам начал болтаться здесь и там, следя за перемещениями Лорен. Он также подходил на близкое расстояние к Питту, Джиордино и Манкузо, рассматривая их одежду и выискивая, нет ли какого-нибудь выпячивания, говорящего о наличии пистолета. Не обнаружив ничего подозрительного, он решил, что все трое безоружны.

Затем он стал терпеливо слоняться вокруг, зная, что подходящий момент в конце концов обязательно наступит.

Распорядитель гонок сообщил Питту, что он и «Стутц» должны выйти на стартовую линию. В сопровождении друзей он повел машину по покрытому травой проходу между рядами автомобилей к воротам и вывел ее на асфальт овальной гоночной трассы длиной в одну милю.

Джиордино поднял капот и сделал последнюю перед стартом проверку двигателя; Манкузо молча наблюдал. Лорен пожелала Питту удачи и поцеловала его долгим поцелуем, а затем направилась к обочине трассы и уселась на невысокую ограждающую стенку.

Когда сбоку подъехала «Испано-Суиза», Питт подошел к ее водителю и представился ему, когда тот вышел из-за руля, чтобы еще раз проверить замки крепления капота.

— Я полагаю, нам предстоит состязаться друг с другом. Меня зовут Дирк Питт.

Водитель «Испано», высокий белобородый мужчина с седеющей шевелюрой и голубовато-зелеными глазами, протянул ему руку.

— Клайв Касслер.

Питт странно посмотрел на него.

— Мы уже виделись прежде?

— Возможно, — ответил с улыбкой Касслер. — Ваше имя я где-то слышал, но я не помню, где я мог вас видеть.

— Вероятно, мы встречались на вечеринке клуба автолюбителей.

— Может быть.

— Удачи вам, — любезно пожелал ему Питт.

Касслер просиял в ответ.

— Вам того же.

Усевшись за большое рулевое колесо, Питт пробежался глазами по приборному щитку и затем посмотрел на служителя, медленно разматывающего зеленый флаг, которым он должен был через минуту-другую дать старт. Питт не обратил внимания на длинный белый лимузин марки «Линкольн», подкативший к кювету, тянувшемуся вдоль бетонной стены безопасности, и остановившийся как раз напротив Лорен. Он также не видел, как некий человек вышел из лимузина, подошел к ней и произнес несколько слов.

Внимание Джиордино было приковано к «Стутцу». Только Манкузо, стоявший в нескольких футах от Лорен, увидел, как она кивнула этому японцу и пошла с ним к лимузину.

Джиордино закрыл капот и крикнул через ветровое стекло:

— Никаких протечек воды или масла. Не слишком гони ее. Мы, может быть, и восстановили двигатель, но машине больше шестидесяти лет. И тебе не удастся купить запасные части для «Стутца» на бензоколонке.

— Я буду держать обороты двигателя ниже красной черты, — пообещал ему Питт. Только тут он заметил, что он не видит Лорен, и оглянулся вокруг. — Что случилось с Лорен?

Манкузо нагнулся к дверце и показал на белый длинный «Линкольн».

— Японский бизнесмен вон в том лимузине захотел побеседовать с ней. Наверно, какой-то лоббист.

— Это непохоже на нее — пропускать гонки.

— Я буду следить за ней, — сказал Манкузо.

Джиордино протянул руку и схватил Питта за плечо.

— Не пропусти отмашку.

Затем он и Манкузо отошли на обочину трассы, когда служащий на стартовой линии встал между двумя машинами и поднял над головой зеленый флаг.

Питт нажимал на педаль акселератора до тех пор, пока тахометр не показал 1000 оборотов в минуту. Время ему удалось рассчитать почти точно. Он угадал движение служащего, дававшего старт, и включил сцепление почти в то же мгновение, когда флаг начал опускаться.

Зеленый «Стутц» ринулся вперед и опередил «Испано-Суизу» почти на длину корпуса машины.

Восьмицилиндровый двигатель «Стутца» имел два верхних распределительных вала и четыре клапана на каждый цилиндр. И хотя мощность двигателей обеих машин была сопоставимой, но рабочий объем шестицилиндрового двигателя «Испано» составлял восемь литров против пяти литров «Стутца». Вес шасси и кузова большой городской машины был на 200 килограммов больше, чем у кабриолета.

Оба водителя убрали заслонки, что позволило выхлопным газам обходить глушители и с ревом выходить в воздух прямо за коллекторами. Когда машины начали разгоняться от стартовой линии, этот рев старых двигателей привел в восторг публику на трибунах, зрители закричали и зааплодировали, понуждая прекрасные, но чудовищные шедевры механического искусства набрать еще большие скорости.

Питт все еще был впереди, когда они вошли в первый поворот в облаке выхлопных газов и яростном шуме моторов. Он переключал передачи настолько мягко, насколько ему позволяла старая трансмиссия. Шестерня первой передачи была сильно изношена и издавала душераздирающие вопли, вторая передача работала намного тише. Если позволили бы время и расстояние, обе машины могли разогнаться до скорости 160 километров (100 миль в час), но их все возрастающая скорость была достаточно умеренной по современным меркам.

Питт озабоченно посматривал на тахометр, делая свой последний бросок на четвертой передаче. Выходя на прямолинейный отрезок трассы, «Стутц» выжимал до ста километров, а «Испано» следовала за ним почти вплотную, сокращая разрыв на повороте.

Оказавшись на прямом участке трассы, «Испано» начала надвигаться на «Стутца». Касслер лез из кожи вон. Он гнал большую французскую машину на пределе ее возможностей, и треск, издаваемый стучащими клапанами, почти заглушал звук выхлопа. Летящий аист, украшавший его радиатор, уже поравнялся с ручкой задней двери «Стутца».

Пипу не оставалось ничего другого, кроме как держать передние колеса направленными прямо вперед, педаль акселератора утопленной до пола и мчаться по трассе на максимальной передаче. Стрелка тахометра подрагивала в миллиметре от красной черты. Он не осмеливался форсировать двигатель сверх допустимых пределов, по крайней мере пока. Он немного подался в сторону, когда «Испано» подтянулась вровень с ним.

Несколько секунд они мчались колесо к колесу. Затем более высокий крутящий момент «Испано» взял свое, и кабриолет продвинулся вперед.

Выхлоп из мощного восьмилитрового двигателя отдавался в ушах Питта как пушечная пальба, и ему был виден удлиненный задний фонарь, качающийся взад и вперед, когда водитель нажимал на тормоза. Но Касслер и не думал тормозить. Он гнал летящую «Испано» как только мог.

Когда они вошли в последний поворот, Питт начал отставать от большой красной машины, тащась за ней несколько сотен метров и выруливая во внешнюю дугу поворота. Затем, когда они подъехали к финишной прямой, он использовал еще несколько лошадиных сил, остававшихся в запасе у «Стутца», и направил машину к внутренней стороне трассы.

С этими добавочными мощностью и моментом он вырвался вперед и не давал «Испано» обойти себя как раз столько времени, чтобы успеть пересечь финишную линию в тот момент, когда украшавшая радиатор «Стутца» богиня солнца была менее чем на полметра впереди аиста «Испано».

Это был мастерский штрих, такого рода финиш, который приводит зрителей в восторг. Он откинул голову назад и помахал рукой трибунам. Он собирался продолжить сделать круг почета, но Джиордино и Манкузо прыгнули на трассу, делая знаки руками, чтобы он остановился. Он вырулил к краю трассы и притормозил.

Манкузо отчаянно жестикулировал в сторону белого лимузина, разгонявшегося по направлению к выездным воротам ипподрома.

— Лимузин! — прокричал он на бегу.

Реакция Питта была быстрой, почти нечеловечески быстрой, ему хватило одного мгновения, чтобы переключиться с мыслей о выигранной гонке на то, что Манкузо пытался рассказать ему.

— Лорен? — крикнул он в ответ.

Джиордино прыгнул на подножку все еще движущейся машины.

— Я думаю, что эти япошки в лимузине выкрали ее, — выпалил он.

Тут подбежал Манкузо, тяжело дыша.

— Они отъехали прежде, чем я сообразил, что она все еще находится в машине.

— Вы вооружены? — спросил его Питт.

— Автоматический «Кольт» двадцать пятого калибра в кобуре на ноге.

— В машину! — приказал Питт. Затем он повернулся к Джиордино.

— Ал, хватай охранника с рацией и предупреди полицию. Фрэнк и я пускаемся в погоню.

Джиордино молча кивнул и побежал к охраннику, патрулирующему ремонтные боксы, в то время как Питт разогнал «Стутц» и пулей проскочил в ворота, ведущие с гоночной трассы к автостоянке за местами для зрителей.

Он знал, что «Стутц» безнадежно уступает большому, новому лимузину, но он всегда хранил непоколебимую веру в то, что практически невозможные вещи на самом деле возможны.

Он поудобнее уселся, крепко вцепился в руль, подав вперед свой выступающий подбородок, и начал погоню.

Питту удалось быстро покинуть ипподром. Распорядитель гонок у ворот заметил его приближение и спешно убрал зрителей с его пути. «Стутц» проехал автостоянку на скорости восемьдесят километров в час, на двадцать секунд отстав от белого «Линкольна».

Они промчались между рядами стоящих машин, причем Питт все время держал нажатой кнопку сигнала в центре рулевого колеса. К счастью, на стоянке не было народу. Все зрители и участники конкурса были на трибунах, наблюдая за гонками; многие из них теперь повернулись и смотрели на зеленый «Стутц», мчавшийся по направлению к улице, разрывая воздух сигналами двух хромированных рожков.

Питт сходил с ума от ярости. Шансы остановить лимузин и освободить Лорен были ничтожны. Эта погоня была порождена отчаянием. Невозможно было рассчитывать, что шестидесятилетняя машина сможет догнать современный лимузин с большим V-образным восьмицилиндровым двигателем почти вдвое большей мощности. Это было не просто уголовное похищение, он знал это. Он боялся, что похитители хотят убить Лорен.

Глава 30

Питт крепче вцепился в баранку, когда они вылетели на шоссе за пределами трассы, юзом развернувшись под протестующий визг шин, и помчались вниз по шоссе вдогонку за «Линкольном».

— Они далеко оторвались от нас, — коротко сказал Манкузо.

— Мы можем сократить разрыв, — уверенно сказал Питт. Он быстро крутанул руль туда-сюда, чтобы обогнуть машину, выезжающую на шоссе с боковой дороги. — Пока они уверены, что за ними ведется погоня, они не будут превышать предельно разрешенную скорость, чтобы не рисковать, что их остановит полицейский. Лучшее, что мы

можем сделать, это не выпускать их из виду, пока их не перехватит полиция штата.

Теория Питта оказалась верной. Стремительно мчащийся «Стутц» стал приближаться к лимузину.

Манкузо кивком головы показал через ветровое стекло.

— Они поворачивают на шоссе ь 5 вдоль реки Джеймс.

Питт вел машину с уверенной, ничем не сдерживаемой яростью; «Стутц» был в своей стихии на прямой дороге с плавными поворотами. Питт любил старую машину, ее сложную механику, величественный стиль и прославленный двигатель. Питт выжимал из старой машины все. что можно было, он вел машину, словно демон. Скорость была слишком велика для «Стутца», но Питт разговаривал с машиной, игнорируя странный взгляд на лице Манкузо, прося и умоляя ее ехать быстрее, чем она могла.

И машина слушалась его.

Для Манкузо это было невероятно. Ему казалось, что Питт физически побуждает машину ехать быстрее. Он взглянул на спидометр и увидел, что стрелка коснулась 98 миль в час. Мощную старую машину никто никогда не вел с такой скоростью, даже когда она была новой. Манкузо держался за дверцу, когда Питт обгонял грузовики и легковые автомобили, обходя сразу по нескольку штук с такой скоростью, что Манкузо поражался, как они до сих пор не перевернулись на крутых виражах.

Манкузо услышал другой звук на фоне выхлопов «Стутца», взглянул вверх из открытого места водителя в небо и объявил:

— За нами летит вертолет.

— Полиция?

— Непонятно, он без опознавательных знаков, похож на коммерческий.

— Скверно, что у нас нет радио.

Они подтянулись на двести метров к лимузину, когда «Стутц» был обнаружен и «Линкольн», в котором была Лорен, немедленно начал прибавлять скорость и водить от них.

Затем их отставание стало еще больше, когда добродушный молодой фермер, ведущий большой грузовик «Додж» с двумя ружьями, висевшими через заднее окно, заметил старинный автомобиль, собирающийся обогнать его, решил немного поразвлечься и не дать обойти его.

Всякий раз, когда «Стутц» пересекал разделительную полосу, собираясь обогнать его, жилистый водитель с засаленными волосами, ухмыляясь ртом, в котором отсутствовала половина зубов, тут же выруливал на противоположную сторону дороги, перекрывая путь «Стутцу».

Манкузо вытащил свой маленький автоматический пистолет из кобуры, находящейся на лодыжке.

— Я всажу одну пулю в ветровое стекло этого клоуна.

— Дай мне возможность перехитрить его, — сказал Питт.

Это был старый прием гонщиков. Питт появился с правой стороны от «Доджа», а затем поотстал немного и снова повторил прием, появившись слева. Он не пытался обогнать его, но владел ситуацией.

Водитель «Доджа» повторял его маневры, считая, что его пытаются обогнать. После того, как ему много раз удалось оставить «Стутц» позади себя, он начал вертеть головой из стороны в сторону, чтобы видеть, с какой стороны классическая машина хочет обогнать его в следующий раз.

И тогда он совершил ошибку, на которую надеялся Питт.

Он отвлекся на повороте и заехал на щебенку обочины. Его следующей ошибкой было то, что он слишком сильно крутанул руль, чтобы выровнять машину, «Додж» начало мотать из стороны в сторону, и он слетел с дороги, опрокинувшись в заросли жиденьких деревьев и кустов, прежде чем остановился вверх колесами, раздавив при этом осиное гнездо. Парнишка-фермер отделался лишь царапинами и ушибами, но осы чуть не убили его, прежде чем ему удалось выйти из опрокинутого грузовика и прыгнуть в близлежащий пруд.

— Ловкая работа, — сказал Манкузо, оглядываясь назад.

Питт позволил себе короткую улыбку.

— Это называется методическим безрассудством.

Улыбка исчезла, когда он обошел какой-то грузовик и увидел трейлер с плоской платформой, остановившийся на повороте. Водитель потерял часть своего груза, три бочки нефти упали с платформы. Одна из них лопнула и покрыла дорогу большим жирным пятном. Белому лимузину удалось избежать столкновения с грузовиком, но он потерял сцепление с дорогой и сделал два полных оборота вокруг своей оси, прежде чем его водитель выровнял машину и снова помчался вперед.

«Стутц» бешенно затормозил и вошел в боковое скольжение на всех четырех колесах. Шины задымились. Солнце сияло на его

полированных крыльях. Манкузо обхватил себя руками, приготовясь к неминуемому удару об зад грузовика.

Питт боролся со скольжением ужасающие сто метров, прежде чем черные следы шин остались позади. После этого он оказался на масляном пятне. Он отпустил тормоза и включил сцепление, позволив машине свободно катиться и проскочить через нефтяное пятно. Затем он дал машине проехать вдоль заросшей травой обочине дороги, пока покрышки не очистились от нефти, а затем возобновил погоню, отставая теперь от «Линкольна» лишь на несколько секунд.

Едва избежав смерти, Манкузо был поражен, увидев, что Питт ведет себя так, как будто едет на воскресную прогулку.

— Как вертолет? — спросил Питт.

Манкузо откинул голову назад.

— Все еще с нами, он летит чуть правее лимузина.

— Я нутром чую, что они работают вместе.

— Действительно странно, что на этой пташке нет опознавательных знаков, — согласился Манкузо.

— Если они вооружены, нам придется нелегко.

Манкузо кивнул.

— Это несомненно. Мой пугач ничего не сможет сделать против штурмового автоматического оружия, бьющего сверху.

— Но тогда они могли бы открыть огонь и расплескать нашу воду еще за много миль до этого места.

— Кстати о воде, — сказал Манкузо, указывая на радиатор.

Усталость старой машины начала проявлять себя. Пар с шипением стал вырываться из-под крышки горловины радиатора под богиней солнца, и масло струйками побежало из вентиляционных отверстий на капоте. А когда Питт притормозил перед крутым поворотом, он мог бы с тем же успехом поднять парус: тормозные колодки перегрелись и были сильно стерты. Единственное, что произошло, когда Питт нажал на педаль, — это зажглись задние огни.

Питт представил себе Лорен связанной, с кляпом во рту, на плюшевом заднем сиденье лимузина. Страх и ярость охватили его, как порыв ледяного ветра. Те, кто похитили ее, уже могли убить ее. Он выгнал ужасную мысль из головы: похитители не могут позволить себе

лишиться ее в качестве заложницы. Но если они причинили ей какой-нибудь вред, они умрут, поклялся он себе безжалостно.

Ведя машину как одержимый, он думал только об одном: как спасти Лорен.

Используя каждую каплю своего упрямого духа, он неуклонно преследовал «Линкольн».

— Мы сели им на хвост, — сказал Манкузо.

— Они играют с нами, — ответил Питт, смотря на дорогу между богиней солнца и задним бампером «.Линкольна». — У них должно хватать мощности, чтобы ускользнуть от нас.

— Может быть, у них неполадки с мотором.

— Я не думаю. Водитель машины профессионал. Он сохраняет одно и то же расстояние между нами, начиная с того места, где была пролита нефть.

Манкузо взглянул на свои часы, когда солнечные лучи пробились через переплетение ветвей деревьев над дорогой.

— Где, черт возьми, полиция штата?

— Прочесывает всю местность в районе ипподрома. Джиордино никак не мог знать, в каком направлении мы умчимся.

— Мы не сможем долго держать такую скорость.

— Ал сумеет разнюхать наш след, — сказал Питт, полностью уверенный в талантах своего старого друга.

Манкузо наклонил голову набок, прислушиваясь к какому-то новому звуку. Забравшись коленями на сиденье, он посмотрел назад и вверх через нависавшие ветви деревьев и начал бешено махать руками.

— Что там? — спросил Питт, сбавив скорость у крутого поворота и выехав на короткий мост через неширокую речку, вдавив в пол почти бесполезную педаль тормоза.

— Кажется, подоспела кавалерия — радостно крикнул Манкузо.

— Еще один вертолет, — понял его Питт. — Ты можешь разглядеть опознавательные знаки?

Набирая скорость, обе машины вынырнули из-под крон деревьев на открытую сельскую местность. Приближающийся вертолет накренился на бок, и Манкузо удалось прочесть надпись на кожухе мотора под вращающимся винтом.

— Департамент шерифа округа Хенрико! — прокричал он, стараясь перекрыть громкий гул крутящихся лопастей винта. Затем он разглядел Джиордино, машущего рукой из открытой дверцы. Маленький итальянец прибыл как раз вовремя. «Стутц» уже был на последнем издыхании.

Пилот странного вертолета без опознавательных знаков, видимо, тоже заметил новоприбывших. Он внезапно повернул в сторону, снизился и на максимальной скорости пошел на северо-восток, быстро исчезнув за кронами деревьев, окаймлявших кукурузное поле,

«Линкольн», казалось, стал медленно перемещаться вбок к краю дороги. Питт и Манкузо с бессильным ужасом следили за тем, как длинный белый лимузин под утлом пересек обочину, пролетел над небольшой канавой и врезался в заросли кукурузы, словно пытаясь догнать улетающий вертолет.

Питт окинул быстро изменившуюся картину одним широким, быстрым взглядом. Мгновенно среагировав, он крутанул руль, посылая «Стутц» по следу «Линкольна». У Манкузо от потрясения челюсть отвисла, когда сухие и липкие стебли кукурузы, оставшиеся после уборки початков, начали хлестать по ветровому стеклу. Инстинктивно он сполз вниз, прикрывая голову руками.

«Стутц» стремительно мчался вслед за лимузином, бешено подпрыгивая на своих древних рессорах и амортизаторах. Поднялась такая густая пыль, что Питт еле-еле мог увидеть что-либо дальше богини солнца, но его нога, как и прежде, плотно лежала на педали до упора выжатого акселератора.

Они промчались сквозь проволочную изгородь. Кусок проволоки сбоку задел Манкузо по голове, и затем они выскочили из кукурузного поля почти на хвосте лимузина. Он летел по открытой местности на неправдоподобной скорости прямо на бетонную силосную башню, а вслед за ним и «Стутц».

— О Боже, — простонал Манкузо, увидев неотвратимо надвигавшуюся катастрофу.

Несмотря на шок, вызванный зрелищем неминуемого столкновения, которое он был бессилен предотвратить, Питт неистово крутанул вправо, бросив «Стутц» в скользящий разворот вокруг противоположной стороны силосной башни; они пронеслись мимо «Линкольна» на расстоянии вытянутой руки.

Он скорее услышал, чем увидел конвульсивное столкновение лимузина с бетонной стеной. Послышался визг раздираемого металла, затем треск

разбитого вдребезги стекла. Огромное облако пыли поднялось от фундамента башни и окутало разбитый лимузин.

Питт на ходу выскочил из еще не остановившегося «Стутца» и побежал к месту столкновения. Страх и ужас всецело охватили его, когда он обогнул башню и увидел разбитую, смятую в гармошку машину. Никто не мог остаться в живых после такого удара. Двигатель вдавило в салон через перегородку до переднего сиденья. Рулевое колесо уперлось в крышу. Питт не увидел никаких признаков присутствия водителя и решил, что его тело выбросило из машины в противоположную сторону.

Пассажирский салон был смят в гармошку, его крыша вздыбилась вверх, а дверцы были вмяты внутрь. Они были так заклинены, что ничем, кроме промышленной механической пилы для резки металла, их нельзя было удалить. Питт в отчаянии вышиб ногой несколько осколков стекла, оставшихся в окне дверцы, и всунул голову внутрь.

Искореженный пассажирский салон был пуст.

Питт в оцепенении медленно обошел вокруг машины, отыскивая рядом с ней и под ней следы тел. Он не нашел ничего: ни пятнышка крови, ни клочка одежды. Затем он взглянул на вдавленный приборный щиток и понял, почему машина-призрак была пуста. Он извлек из щитка небольшой приборчик, оторвав тянущиеся за ним провода, и рассмотрел его. Его лицо покраснело от гнева.

Он все еще стоял у груды обломков, когда вертолет приземлился и к нему подбежал Джиордино, а за ним и Манкузо, прижимавший к уху окровавленный носовой платок.

— Лорен? — спросил Джиордино с тревогой и мрачным предчувствием.

Питт покачал головой и протянул странный предмет Джиордино.

— Мы попались на крючок. Эта машина была лишь приманкой, ее вело электронное устройство, которым управляли с вертолета.

Манкузо ошарашенно смотрел на останки лимузина.

— Я видел, как она вошла туда, — сказал он изумленно.

— И я тоже видел это, — поддержал его Джиордино.

— Не в эту машину. — Голос Питта был спокойным.

— Но машина ни на миг не исчезала из вида.

— На самом деле она исчезала. Подумайте об этом. Она отъехала на двадцать секунд раньше нас и двигалась за трибунами к автостоянке. Тогда-то, должно быть, и произошла подмена.

Манкузо убрал платок, открыв аккуратный разрез чуть выше уха.

— Похоже на то. Эту машину мы не упускали из вида с того момента, как выехали на шоссе.

Манкузо внезапно умолк, потерянно разглядывая искореженный лимузин. Несколько секунд никто не пошевелился и не произнес ни слова.

— Мы упустили ее, — с болью проговорил Джиордино, побледнев. — Помоги нам, Боже, мы упустили ее.

Питт невидящим взором уставился на машину, сцепив свои длинные руки в гневе и отчаянии.

— Мы найдем Лорен, — сказал он глухо, его голос был ледяным, как арктические скалы. — И заставим заплатить тех, кто похитил ее.

Часть III

Остров Адзима

Глава 31

Осеннее утро было холодным, северный ветер — пронизывающим, когда Август Клаузен вышел на крыльцо своего недостроенного дома и взглянул поверх своих полей на склоны Тевтобургского леса близ Биелефельда, города в земле Северный Рейн-Вестфалия. Его ферма лежала в долине, рядом с петляющей речкой, которую он недавно запрудил. Он застегнул тяжелое шерстяное пальто, сделал несколько глубоких вдохов и пошел по дорожке к сараю.

Крупный выносливый мужчина, Клаузен в свои семьдесят четыре года все еще работал все дни напролет, от зари до зари. Эта ферма принадлежала семье Клаузенов вот уже пять поколений. Они с женой вырастили двух дочерей, которые вышли замуж и покинули дом, предпочитая городскую жизнь в Биелефельде работе на ферме. Клаузен с женой вели хозяйство вдвоем, нанимая работников лишь на время уборки урожая.

Клаузен распахнул ворота сарая и забрался в кабину большого трактора. Мощный старый бензиновый двигатель завелся с одного оборота. Он включил первую скорость и выехал во двор, повернув на грунтовую дорогу, направляясь к полям, которые уже были убраны и вспаханы под весенний сев.

Сегодня, он собирался заровнять небольшую ложбину, появившуюся в юго-западном углу салатного поля. Это было одно из немногих дел, которые он хотел завершить до того, как установится зимняя погода. Накануне вечером он оборудовал трактор передним ковшом. чтобы

заполнить ложбину грунтом из кучи, расположенной рядом со старым бетонным бункером, который остался после войны.

Часть земли Клаузена одно время служила аэродромом для ЭСкадрильи истребителей Люфтваффе. Когда он вернулся домой после службы в танковой бригаде, сражавшейся с Третьей армией генерала Паттона во Франции и прошедшей, отступая, половину Германии, он обнаружил. что по большей части его земли разбросаны обгоревшие и разбитые, самолеты и автомобили. Он оставил себе те немногие части, которые можно было использовать, а остальное продал скупщикам металлолома.

Трактор двигался по дороге с хорошей скоростью. Прошлые две недели дождей было немного, и колеи были сухими. Листва тополей и берез ярко желтела на фоне увядающей зелени. Клаузен проехал сквозь дыру в заборе и остановился поблизости от ложбины.

Вылезая из кабины, он стал внимательно рассматривать просевшую землю. К его удивлению, понижение показалось ему более широким и глубоким, чем оно было вчера. Сначала он подумал, что это могло произойти из-за подземного просачивания воды из реки, которую он запрудил. Но земля в центре понижения выглядела совершенно сухой.

Он снова забрался на трактор, подъехал к куче земли за старым бункером, который теперь был наполовину скрыт разросшимися кустами и вьюнками, и опустил ковш. Когда он наполнил его, то поехал обратно к ложбине и остановил трактор, доехав передними колесами до ее края. Затем слегка поднял ковш, чтобы высыпать грунт. но трактор начал наклоняться. Его передние колеса погружались в землю.

Клаузен удивленно вскрикнул, когда просевшее место вдруг провалилось и трактор нырнул во внезапно открывшуюся яму. Он оцепенел от ужаса, когда машина вместе с ним рухнула во тьму. Он не мог даже крикнуть от страхи. но инстинктивно уперся ногами в металлический пол кабины и что было сил вцепился в рулевое колесо. Трактор пролетел добрых двенадцать метров, прежде чем плюхнулся в глубокую подземную реку. Огромные комья земли упали в воду, превратив ее в мутный поток, вскоре накрытый пеленой оседающей пыли. Эхо отозвалось в невидимых уголках подземной полости, пока трактор уходил в воду. погружаясь до верхушек больших задних колес, и наконец застыл неподвижно.

От удара у Клаузена перехватило дыхание. Страшная боль в спине пронизала его снизу вверх: он знал, что это означает повреждение позвоночника. Два ребра, а может, и больше, треснули после удара грудью о руль. Его начал охватывать шок, сердце отчаянно колотилось, дыхание вырывалось болезненными спазмами. Потрясенный, он почти не чувствовал, что вода струится на уровне его груди.

Клаузен возблагодарил Бога за то, что трактор чудом упал на колеса, кабиной вверх. Если бы он приземлился на бок или перевернулся, то, скорее всего, его раздавило или придавило так, что он бы утонул. Он сидел и пытался понять, что же с ним случилось. Он взглянул наверх на голубое небо, чтобы получить хоть какое-то представление о том, в каком положении он очутился, Затем он осмотрелся вокруг сквозь мглу и клубящуюся пыль.

Трактор упал на дно озера, образовавшегося в подземной пещере. Один конец той пещеры был затоплен, но другой поднимался выше уровня воды и открывался в обширный зал. Он не увидел никаких признаков сталактитов, сталагмитов или других природных образований, часто украшающих карстовые пещеры. И маленькая пещера, в которую он провалился, и более обширна?! камера, похоже, имели низкие плоские потолки высотой около шести метров, которые были вытесаны в известняке с помощью горнопроходческого оборудования.

Превозмогая боль, он вылез из-за рулевого колеса и наполовину пополз, наполовину поплыл по наклонно поднимающемуся дну, в направлении сухого зала. Его колени и ладони скользили по слою ила, покрывающего дно, но он полз на четвереньках, пока не почувствовал, что под ним сухой известняк. Тогда он с трудом сумел принять сидячее положение, огляделся вокруг и начал всматриваться в сумрачную глубину подземного зала.

Пещера была вся заставлена самолетами, их было буквально дюжины. Все они стояли ровными рядами, словно ожидая эскадрильи пилотов-призраков. Клаузен узнал в них первые турбореактивные истребители Люфтваффе марки «Мсссершмитт-262 Швалбе» («Ласточка»). Они были похожи на привидения из-за своей пятнистой серо-зеленой раскраски, и, несмотря на то, что почти пятьдесят лет к ним не прикасалась рука человека, они выглядели прекрасно сохранившимися. Лишь легкие следы коррозии на алюминиевых поверхностях и спущенные шины указывали на долгое пребывание без всякого ухода. Персонал секретной базы «Люфтваффе». видимо, был эвакуирован, и все выходы засыпаны незадолго до прихода союзных армий.

Клаузен на время забыл о своих травмах, с замирающим сердцем пройдя между самолетами в помещения штаба и далее на площадки ремонта и технического обслуживания. Когда его глаза привыкли к темноте, он пришел в восхищение от чистоты и порядка, царивших повсюду. Не было никаких признаков панического бегства. Ему почудилось, что пилоты и механики стоят на смотру на поле наверху и могут с минуту на минуту вернуться сюда.

Он совершенно обалдел, когда до него дошло, что все эти изделия военных лет находятся на его земле, или, точнее, под ней и, следовательно, являются его собственностью. Цена, которую музеи и коллекционеры были готовы заплатить за один такой самолет, исчислялась в миллионах немецких марок.

Клаузен вернулся обратно к краю подземного озера. Трактор представлял собой жалкое зрелище, из воды торчало только рулевое колесо и верхушки задних колес. Он еще раз посмотрел на отверстие, через которое виднелось небо. Бессмысленно и пытаться выбраться отсюда самостоятельно. Яма была слишком глубока, а ее стенки слишком круты.

Он ни капли не беспокоился. В конце концов его жена пойдет разыскивать его и соберет на помощь соседей. когда найдет его счастливо стоящим посреди их только что найденных подземных сокровищ.

Тут где-то должен быть генератор для электроснабжения аэродрома. Он решил поискать, где он находится. Возможно, подумал он, ему удастся его завести и осветить подземный зал. Он взглянул на часы и прикинул, что пройдет еще четыре часа, прежде чем его жена начнет беспокоиться из-за его продолжительного отсутствия.

Он заколебался, задумчиво глядя в дальний конец пещеры, уходивший вниз в это чертово озеро, гадая, не ждет ли в темноте за водной преградой еще один подземный зал.

Глава 32

— Если бы люди знали, что происходит за их спинами, они спалили бы Вашингтон, — сказал Сэндекер, пока сельская местность штата Виргиния проносилась за сильно затемненными и бронированными окнами специально сконструированного мобильного командного центра, замаскированного под автобус известной всей стране компании пассажирского транспорта.

— Мы уже по уши увязли в войне, — проворчал заместитель директора группы «МОГ» Дональд Керн. — И никто не знает об этом, кроме нас.

— Вы правы насчет войны, — сказал Питт, поднося к губам стакан газировки, который он держал в руке.

— Не могу поверить, что у этих людей хватило наглости похитить Лорен и сенатора Диаса в один и тот же день. — Керн пожал плечами. — Сенатор вышел из своей рыбачьей хижины сегодня утром в шесть часов, отплыл на гребной лодке от берега озера, размером не намного больше пруда, и исчез.

— Откуда вы знаете, что это не было самоубийство или просто несчастный случай?

— Там не было тела.

— Вы с сегодняшнего утра уже успели обшарить весь берег и дно озера? — скептически спросил Питт.

— Ну зачем же так примитивно? Мы навели на этот район объективы нашего нового разведовательного спутника. Там не было плавающего тела ни на поверхности, ни под водой.

— У вас что, есть техника, позволяющая видеть из космоса под водой объект размером с человеческое тело?

— Забудьте, что вы слышали об этом, — сказал Керн с легкой усмешкой. Просто поверьте мне на слово, что еще одна группа японских оперативников-профессионалов похитила Диаса средь бела дня вместе с его лодкой и подвесным мотором, и они ухитрились сделать это на виду у по крайней мере пяти рыбаков, которые поклялись, что ничего не видели.

Питт посмотрел на Керна.

— Но похищение Лорен удалось увидеть.

— Удалось Алу и Фрэнку, которые догадались о том, что происходит, будьте уверены. Но зрители на трибунах в этот момент смотрели только на то. что происходит на треке. Если бы кто-нибудь из них случайно посмотрел на Лорен в тот момент, когда возбуждение на трибунах достигло апогея, то все, что они увидели бы, это то, что женщина садится в лимузин по своей собственной воле.

— Что до некоторой степени сорвало хорошо разработанный план похитителей, — сказал Сэндекер, — это то, что вы, парни, знали, что ее похитили. Ваше сообщение также подтвердило причастность японцев к похищению сенатора Диаса. Кто бы ни придумал эти два похищения. они были сделаны мастерски. Слишком чисто сработано для «Красного Братства Крови».

— Это террористическая организация. Они за этим стояли?

— Это то, в чем нас хотят убедить. В ФБР позвонил аноним, который сказал, что является членом этой организации и что она несет ответственность за это похищение. Нас явно пытаются ввести в заблуждение. Мы поняли это в ту же минуту.

— А как насчет вертолета, с которого управляли лимузином? — спросил Питт. — Вы проследили за ним?

— До Хэмптонского шоссе. Там он взорвался в воздухе и упал в воду. Армейская спасательная команда, должно быть, сейчас ныряет за ним.

— Спорю на бутылку шотландского виски, что они не найдут никаких тел.

Керн хитро посмотрел на Питта.

— Вы, скорее всего, выиграете это пари.

— Найдены какие-нибудь следы уехавшего лимузина?

Керн покачал головой.

— Пока нет. Они, вероятно, спрятали или бросили его после того, как пересадили Лорен в другую машину.

— Кто сейчас охотится за похитителями?

— ФБР. Их лучшие агенты уже формируют расследовательные группы и собирают все данные.

— Вы думаете, это связано с нашим поиском заминированных автомобилей? — спросил Джиордино, который вместе с Питтом и Манкузо был подобран Керном и Сэндекером в нескольких милях от места аварии лимузина.

— Может возникнуть впечатление, что они предупреждают нас оставить их в покое, — ответил Керн, — но наши аналитики пришли к выводу, что японцы хотят закрыть сенатскую комиссию по расследованию и устранить тех законодателей, которые пробивают законопроект о прекращении дальнейших капиталовложений в Соединенных Штатах.

Сэндекер раскурил одну из своих дорогих сигар, откусив кончик.

— Президент связан по рукам и ногам. Пока есть надежда на то, что Смит и Диас живы, он не может допустить, чтобы сведения об их похищении проникли в прессу. Одному Богу известно, какой взрыв возмущения последует, если Конгресс и общественность узнают об этом.

— Они держат нас на пороховой бочке, — мрачно сказал Керн.

— Если это не «Красное Братство Крови», тогда кто? — спросил Джиордино, раскуривая сигару, которую он стащил из запасов адмирала Сэндекера в Вашингтоне.

— Только японское правительство располагает возможностями для организации хитроумной операции по похищению людей.

— Насколько мы можем определить, — сказал Керн, — премьер-министр Дзансиро и его кабинет непосредственно не связаны с этим

похищением. Весьма вероятно, что они понятия не имеют о том, что делается у них за спиной, что далеко не редко случается в японской политике. Мы подозреваем глубоко засекреченную организацию, состоящую из богатых ультранационалистических бизнесменов и лидеров гангстерских группировок, которые собираются расширить и защитить растущую японскую экономическую империю, а также свои собственные прибыли. Наши последние разведданные от группы «Хонда» и других источников показывают на чрезвычайно влиятельного ублюдка, которого зовут Хидеки Сума. Шоуалтер уверен, что Сума стоит во главе всей операции с заминированными автомобилями,

— Очень противный клиент, — добавил Сэндекер, — хитрый, жадный, блестящий манипулятор, он дергает за ниточки японское правительство на протяжении трех десятилетий.

— А его отец дергал за эти ниточки за тридцать лет до него, — сказал Керн. Он повернулся к Манкузо: — Фрэнк у нас является экспертом по этой семейке. Он составил на них обширное досье.

Манкузо сидел в большом вращающемся кресле и пил безалкогольное пиво, поскольку никакие спиртные напитки не разрешались в командном автобусе Агентства национальной безопасности. Он поднял голову.

— Какой Сума, отец или сын? Что именно вы хотите узнать?

— Краткий очерк истории их организации, — ответил Керн.

Манкузо отпил из своего стакана несколько глотков и посмотрел в потолок, словно собираясь с мыслями. Затем он начал говорить, как будто зачитывал цитату из книги на уроке английского.

— Когда в ходе второй мировой войны японцы захватили множество стран, их армии конфисковали огромное количество военных трофеев у религиозных орденов, банков, коммерческих корпораций и казначейств свергнутых ими правительств. То, что ручьями текло из Манчжурии и Кореи, вскоре превратилось в потоп, когда Китай и вся Юго-Восточная Азия, Малайя, Сингапур, Голландская Восточная Индия и Филиппины пали под натиском Империи восходящего солнца. Об общей стоимости похищенного золота, драгоценных камней и бесценных произведений искусства можно только догадываться, но, согласно некоторым оценкам, она достигает двухсот миллиардов, повторяю, миллиардов долларов по нынешним ценам.

Сэндекер покачал головой.

— Невообразимо.

— Одни лишь золотые слитки весили свыше семи тысяч тонн.

— И все это шло в Японию? — спросил Джиордино.

— До сорок третьего года. Потом американские военные корабли, а особенно наши подлодки, прервали этот поток. Архивные документы указывают, что более половины всех трофеев было отправлено на Филиппины для учета и перевозки в Токио. Но к концу войны сокровища были зарыты в тайных местах по островам и стали называться «золото Ямаситы».

— И где здесь появляются отец и сын Сума? — спросил Питт.

— Я перехожу к ним, — сказал Манкузо. — Японские тайные общества быстро проникли в захваченные страны вслед за оккупационными войсками и запустили руки в хранилища банков и национальные сокровищницы, не брезгуя и ограблением частных лиц, и все именем императора. Два не слишком важных агента преступной организации «Черное небо», которая задавала тон среди японских гангстеров начиная с конца прошлого века, дезертировали и создали свою собственную организацию, назвав ее «Золотые драконы». Одного из них звали Корори Ёсису. Другой был Кода Сума.

— Кода, значит, был отец Хидеки, — заключил Сэндекер.

Манкузо кивнул.

— Есису был сыном плотника из Киото. Когда ему было десять лет, отец выгнал его из дома. Он присоединился к организации «Черное небо» и вырос в ее рядах. В двадцать седьмом году, когда ему исполнилось восемнадцать, его боссы помогли его зачислению в армию, где он успешно дослужился до звания капитана, к тому времени как императорская армия захватила Манчжурию. Он организовал там операцию по торговле героином, которая принесла преступной организации сотни миллионов долларов, которыми она поделилась с армией.

— Постой, — сказал Джиордино. — Ты хочешь сказать, что японская армия занималась торговлей наркотиками?

— Они провертывали операции, которым позавидовали бы колумбийские наркобароны, — ответил Манкузо. — Вместе с главарями японских гангстеров военные контролировали торговлю героином и опиумом, заставляли жителей оккупированных стран участвовать в фальсифицированных лотереях и держали казино, а также взимали «налог» с торговцев на черном рынке.

Автобус остановился перед красным сигналом светофора, и Питт взглянул на лицо водителя стоящего рядом грузовика, безуспешно

пытавшегося что-нибудь разглядеть через затемненные стекла их автобуса. Хотя Питт и смотрел в окно, он прислушивался к каждому слову Манкузо.

— Кода Сума был ровесником Есису, он был первенцем в семье простого моряка императорского флота. Его отец заставил его записаться во флот, но он дезертировал и был завербован гангстерами из «Черного неба». Примерно в то же время, когда они продвинули в армию Ёсису, главари гангстеров уничтожили записи о дезертирстве Сумы и восстановили его во флоте, но на этот раз в качестве офицера. С помощью оказания услуг и раздачи взяток нужным людям он быстро получил звание капитана. Будучи агентами, служащими одной и той же преступной организации, они довольно быстро стали работать вместе. Ёсису координировал операции с героином, а Сума занимался учетом награбленного и организовывал его отправку на кораблях императорского флота.

— Монументальное ограбление, которое должно было положить конец всем ограблениям, — шутливо заметил Джиордино.

— Истинные масштабы этой сети никогда не удастся подтвердить документально.

— Более грандиозная операция, чем даже ограбление Европы нацистами? — спросил Питт, открывая еще одну бутылку содовой.

— И намного, — ответил Манкузо с улыбкой. — Тогда, как и теперь, японцев больше интересовала экономическая сторона дела — золото, драгоценные камни, — тогда как нацисты сосредоточили свои усилия на шедеврах искусства, скульптурах и антиквариате. — Он снова стал вдруг серьезным. — Следуя за японскими войсками в Китай и затем в другие страны Юго-Восточной Азии, Ёсису и Сума оказались еще более ловкими и дерзкими преступниками, чем их боссы. Подобно персонажам книги Хеллера «Уловка-22», они проворачивали выгодные сделки со своими врагами. Они продавали предметы роскоши и армейские запасы Чан-Кай-Ши, стали доверенными лицами генералиссимуса. Эта связь оказалась очень выгодной впоследствии, когда коммунисты захватили большую часть Китая, и позже, когда китайское правительство перебралось на остров Формоза, ставший Тайванем. Они покупали, продавали, мародерствовали, занимались контрабандой и вымогательством, а также убивали в неслыханных масштабах, досуха высосав и обескровив каждую страну, оказавшуюся под их властью. Само собой. Сума и Ёсису играли в игру «одно тебе, два мне», когда составляли описи награбленного и делились с императорской армией.

Питт встал со своего кресла и потянулся, легко касаясь крыши автобуса.

— Какая часть всего награбленного богатства действительно достигла Японии?

— Небольшая доля добралась до императорского казначейства. Ту часть сокровищ, которую проще было перевезти, платину и драгоценные камни, Сума и Ёсису благополучно переправили в Токио на подводных лодках и спрятали на ферме в сельской местности. Огромная масса слитков осталась на самом крупном из филиппинских островов, острове Лусон. Они были спрятаны в туннелях протяженностью в сотни километров, которые вырыли тысячи военнопленных армий союзников; их использовали в качестве рабов и либо доводили до смерти непосильным трудом, либо казнили, чтобы сохранить в тайне места, где спрятаны клады, и вырыть сокровища после войны. Я раскопал один туннель на острове Коррегидор, в котором находились кости трехсот военнопленных, погребенных заживо.

— Почему ко всему этому никогда не было привлечено внимание мировой общественности? — живо поинтересовался Питт.

Манкузо пожал плечами.

— Трудно сказать. Лишь сорок лет спустя появились упоминания о зверствах японской военщины в нескольких книгах. Но к тому времени от марша смерти под Батааном и армий американских, английских и филиппинских солдат, погибших в лагерях военнопленных, остались лишь туманные воспоминания.

— Немцев до сих пор преследуют воспоминания об убийстве миллионов евреев, — задумчиво сказал Питт, — Но японцы остались в целом незапятнаны в глазах мировой общественности, несмотря на свои чудовищные зверства.

Джиордино хмуро глядел себе под ноги.

— Япошки сумели забрать какую-либо часть спрятанных сокровищ после войны? — спросил он.

— Кое-что было выкопано японскими строительными компаниями, которые утверждали, что помогают филиппинцам оправиться от последствий войны, осуществляя различные проекты промышленного строительства. Естественно, они работали как раз над теми местами, где были зарыты клады. Кое-что откопал Фердинанд Маркос, который вывез из страны несколько сотен тонн золота и тайно конвертировал их в валюту на мировых рынках продажи золотых слитков. И значительная доля досталась Суме и Есису двадцать лет спустя. Возможно, до семидесяти процентов этого золота все еще спрятано и никогда не будет откопано.

Питт вопросительно взглянул на Манкузо.

— Что случилось с Сумой и Ёсису после окончания войны?

— Эти ребята были не дураки. Они поняли, что поражение неизбежно, еще в сорок третьем году, и стали строить планы, как пережить его с комфортом. У них и в мыслях не было умереть в битве после возвращения армии Макартура на Лусон или совершить ритуальное самоубийство после поражения. Вместо этого Сума заказал для себя подводную лодку. Затем с щедрой помощью императорской армии они отплыли в Вальпараисо, в Чили, где прожили в роскоши пять лет. Когда Макартур был занят войной в Корее, эти талантливые воры превратились в талантливых организаторов. Сума посвятил себя экономическим и политическим интригам, а Ёсису взял в свои руки криминальные организации и контроль над новым поколением азиатских мошенников. За десять лет они стали самыми влиятельными теневыми политиками Дальнего Востока.

— Какая трогательная парочка дружков, — язвительно сказал Джиордино,

— Кода Сума умер от рака в семьдесят третьем году, — продолжал Манкузо. — Подобно двум чикагским гангстерам времен «сухого закона», сын Коды, Хидеки, и Есису договорились поделить сферы влияния своей уже весьма крупной подпольной организации. Ёсису стал управлять ее гангстерским крылом, тогда как Сума заложил основы теневого манипулирования правительством и бизнесом. Старый мошенник в значительной степени отошел от дел, сохраняя свою долю в доходах разных теневых структур, руководя нынешними главарями преступных кланов «Золотых драконов» и иногда участвуя в совместных предприятиях с Сумой.

— Согласно информации, полученной от группы «Хонда», — сообщил им Керн, — Сума и Ёсису объединили усилия для организации завода по производству ядерных бомб и осуществления Проекта «Кайтен».

— Проект «Кайтен»? — переспросил Питт.

— Их кодовое название для операции с заминированными автомобилями. Буквально переводится как «смена неба». Но для японцев это слово имеет более широкий смысл: «новый день наступает, большая перемена хода событий».

— Но Япония заявила о запрете ввоза на ее территорию ядерного оружия, — возразил Питт. — Мне кажется очень странным, что эти Сума и Ёсису смогли построить завод по производству ядерных боеголовок без ведома или поддержки со стороны правительства.

— Отнюдь не политики правят Японией. Реальная власть там принадлежит теневым дельцам, действующим за спинами

правительственных чиновников. То, что Япония построила реактор-бридер на быстрых нейтронах с металлическим теплоносителем, не было секретом. Но общественность и понятия не имела, что этот реактор использовался не только для выработки электроэнергии, но также производил плутоний и превращал литий в тритий, а это важнейшие компоненты термоядерного оружия. Я могу лишь предположить, что премьер-министр Дзансиро тайно дал согласие на создание ядерного арсенала, хотя и нехотя, опасаясь взрыва публичного возмущения, в случае если это станет известным, но его намеренно держали неосведомленным о Проекте «Кайтен».

— Они, безусловно, совершенно иначе, чем мы, подходят к способам управления страной, — заметил Сэндекер.

— Удалось ли группе «Хонда» узнать, где расположен завод по производству боеголовок?

— Они сузили район поисков до зоны в шестьдесят квадратных километров, окружающей подземный город Эдо.

— И все еще не могут найти его?

— Джим Ханамура считает, что этот город соединен глубокими подземными туннелями с заводом. Великолепное прикрытие. Никаких надземных сооружений и дорог, которые могли бы выдать его расположение. Есть пути снабжения тысяч людей, живущих и работающих в Эдо, и вывоза бытовых отходов. Почти любые ядерные материалы и оборудование для производства бомб можно тайно провозить в город и вывозить из него.

— Есть какие-нибудь ниточки к командному центру? — спросил Джиордино.

— К центру «Дракон»?

— Это что, они так называют его?

— У них есть названия для всего на свете, — улыбнулся Керн.

— Ничего определенного пока нет. В последнем отчете Ханамуры говорилось, что он идет по следу, который как-то связан с живописью.

— Черт возьми, так понятно и содержательно, — проворчал Джиордпно.

Вдруг из двери забитого оборудованием отсека связи вышел человек и протянул Керну три листа бумаги.

Когда тот пробежал глазами по строчкам, на его лице отразилась тревога и испуг. Дочитав третью страницу до конца, он потрясенно стукнул костяшками пальцев о подлокотник своего кресла.

— О Боже мой.

Сэндекер склонился к нему.

— Что случилось?

— Это отчет о текущем состоянии дел от Мэла Пеннера из Палау. Он сообщает, что по дороге в посольство Марвин Шоуалтер был похищен. Парочка американских туристов позвонила в посольство, и они сказали, что видели, как два японца вошли в машину Шоуалтера, когда он остановился перед застрявшим грузовиком, не доехав один квартал до посольства. Эти туристы, муж и жена, позвонили в посольство только потому, что заметили американские номерные знаки на машине Шоуалтера и то, как удивился водитель, когда в его машину впрыгнули два незнакомца. Больше они ничего не видели, так как рядом с ними появился другой туристский автобус и загородил им обзор. К тому времени, как они снова смогли увидеть улицу, машина Шоуалтера затерялась в потоке машин.

— Продолжайте.

— Джим Ханамура запаздывает с докладом. В его последнем сообщении Пеннеру он сказал, что окончательно выяснил местонахождение завода по производству бомб. Он расположен в трехстах пятидесяти метрах под землей. Основной сборочный цех соединен с Эдо Сити, который находится на четыре километра севернее электрической железной дорогой, которая также подходит через ряд туннелей к арсеналам, шурфам для захороненных отходов и помещениям инженерного персонала.

— Что-нибудь еще? — мягко настаивал Сэндекер.

— Ханамура затем сказал, что он идет по верному следу, ведущему к центру «Дракон». Вот и все.

— А что там говорится о Рое Орите? — спросил Питт.

— Лишь краткое упоминание.

— Он тоже исчез?

— Нет, Пеннер этого не говорит. Он лишь сообщает, что Орита настаивает на том, чтобы сидеть тихо, пока мы не поймем, что же происходит.

— Я бы сказал, что наши гости обыграли нас со счетом три к одному, — философски заметил Питт. — Они похитили двух наших законодателей, поставили на колени группы «Хонда» и «Кадиллак», и, наконец, последнее, но едва ли не самое худшее, они знают, за чем мы охотимся и откуда мы взялись.

— У Сумы на руках все главные козыри, — нехотя согласился Керн.

— Мне, пожалуй, лучше немедленно доложить мистеру Джордану, чтобы тот мог предупредить президента.

Питт откинулся на спинку кресла и сухо посмотрел на Керна. — Зачем спешить?

— Что вы имеете в виду?

— Не вижу причин поднимать панику.

— Президента необходимо предупредить. Над нами нависла не только угроза ядерного шантажа, но и политического вымогательства, требования уступок в обмен на жизни Диаса и Смит. Сума может опустить топор в любую минуту.

— Нет, он не посмеет. Во всяком случае, не сейчас.

— Откуда вам это известно? — потребовал ответа Керн.

— Что-то держит Суму, не позволяет ему играть ва-банк. У него есть целая сеть спрятанных где-то заминированных автомобилей. Все, что ему нужно сделать сейчас, — вывести один из них на улицы Манхэттена или Лос-Анджелеса, чтобы внушить страх Божий Белому дому и американскому народу. Он фактически держит правительство за яйца. И что же он делает? Изображает из себя мелкого вымогателя, похищающего заложников? Нет, извините, здесь что-то не так. Что-то у него идет не по плану. Сума еще не готов появиться на сцене со своими козырями. Я бы сказал, что у него что-то застопорилось.

— Думаю, что Дирк попал в точку, — сказал Манкузо. — Возможно, что агентам Сумы необходимо отвести заминированные автомобили на предусмотренные планом позиции, прежде чем можно будет передать команду на подрыв.

— Похоже на то, — вмешался Сэндекер. — Может быть, у нас есть время послать еще одну группу, чтобы найти и нейтрализовать этот центр.

— Сейчас все зависит от Ханамуры. — Керн пребывал в нерешительности, обдумывая это предложение. — Мы можем лишь надеяться, что ему удастся докопаться, где расположен центр «Дракон». Но нам необходимо также учитывать вполне реальную возможность того, что он убит или захвачен в плен силами безопасности Сумы.

Они замолчали, глядя, как сельская местность Виргинии проносится мимо за окнами автобуса. Листва деревьев отсвечивала золотом под осенним солнцем. Немногие из прохожих, идущих вдоль дороги, обращали хоть какое-нибудь внимание на проходящий автобус. Если бы кто-нибудь и взглянул на табличку за его ветровым стеклом, он просто

подумал бы, что это группа отпускников едет на экскурсию по полям сражений Гражданской войны.

Наконец Сэндекер сказал вслух то, о чем думали они все:

— Если бы мы только знали, какой след распутывал Ханамура.

Глава 33

В это время на противоположном конце Земли Джим Ханамура с радостью отдал бы свой новый автомобиль «Корвет» и свой самый современный музыкальный центр «Редондо Бич» за возможность поменяться местами с любым человеком в этом автобусе, едущем среди полей Виргинии.

Вся его одежда промокла насквозь от холодного ночного дождя, пока он лежал, покрытый грязью и увядшими листьями, в дренажной канаве. Полиция и одетые в форму агенты службы безопасности, охотившиеся за ним, прочесали окрестности и двинулись дальше десять минут назад, но он все лежал там в грязи, пытаясь отдохнуть и решить, что теперь делать. Поморщившись от боли, он повернулся на здоровый локоть, чуть приподнялся на нем и осмотрелся вокруг. Не было заметно никакого движения, только одинокий мужчина в гараже маленького домика склонился над открытым капотом небольшого грузовичка.

Он снова рухнул в канаву и потерял сознание в третий раз с тех пор, как его подстрелили во время бегства из Эдо-Сити. Вновь придя в себя, он стал гадать, долго ли он пролежал без сознания. Он посмотрел на запястье правой руки, но часы стояли, поврежденные в тот момент, когда он разбил свою машину. Все же не очень долго, однако, решил он, поскольку водитель грузовика все еще возился с мотором.

Три пули, выпущенные из автоматов охранников службы безопасности, попали ему в левую руку и в плечо. Это был один из тех случайных непредвиденных провалов, которые происходят с вероятностью один к тысяче и подстерегают профессионального оперативника с совершенно неожиданной стороны.

Его план был точен и безукоризненно выполнен. Он подделал пропуск, выдаваемый службой безопасности, одного из ведущих инженеров-строителей Сумы, которого звали Дзиро Мияза и который был очень похож на Ханамуру лицом и телосложением.

Войти в Эдо-Сити и пройти через контрольно-пропускные пункты, направляясь в отдел проектирования и строительства, оказалась проще простого. Никто из охранников не увидел ничего подозрительного в том, что человек возвращается в свой кабинет после окончания. рабочего дня и собирается работать за полночь. Все японские мужчины привыкли

работать помногу, редко кто ограничивался нормальными восемью часами.

Проверка была не слишком тщательной, хотя более строгой, чем та, которую нужно пройти, чтобы попасть в Пентагон — знаменитое здание в Вашингтоне. Охранники кивнули Ханамуре и проследили за тем, как он опускает свою карточку-пропуск в щель электронного устройства идентификации. Раздался правильный звук зуммера, на экране видеокамеры вспыхнул зеленый свет, и охранники махнули ему руками, чтобы он проходил, удовлетворенные тем, что у него есть пропуск в эту часть здания. Столько человек входило и выходило через этот пропускной пункт в любой час дня и ночи, что они не вспомнили о том, что человек, которого изображал Ханамура, ушел домой лишь несколько минут назад.

Ханамура перерыл три кабинета за полтора часа, прежде чем ему удалось наткнуться на что-то стоящее. В дальнем конце выдвижного ящика чертежного стола он нашел скатанные в трубку небрежные эскизы секретных установок. Эти эскизы должны были быть уничтожены. Он мог лишь предположить, что чертежник поленился отправить их в машинку для уничтожения документов, стоявшую рядом. Ханамура, не теряя времени зря, пропустил чертежи через копировальную машину, засунул копии в конверт, а оригиналы положил обратно в ящик, точно в том же виде. в каком он их нашел. Конверт он согнул и прикрепил пластырем к икре ноги.

Пройдя благополучно мимо охранников на выходе из здания, Ханамура подумал, что теперь он без помех доберется домой. Он вышел в просторный внутренний двор и стал ждать своей очереди в лифт, который должен был доставить его в пешеходный туннель, ведущий на автостоянку, где он оставил свой пикап «Мурмото» с четырьмя ведущими колесами.

В лифт набилась плотная толпа из примерно человек двадцати, и Ханамура имел несчастье стоять в первом ряду. Когда двери открылись на том ярусе подземной автостоянки, на котором он оставил свой автомобиль, судьба сыграла с ним скверную шутку.

Вытолкнутый вперед выходящей из лифта толпой, Ханамура натолкнулся прямо на Дзиро Миязу.

Инженер, чью фамилию и имя он позаимствовал, выходил из соседнего лифта со своей женой и двумя детьми. Они направлялись на тот же ярус автостоянки для вечерней поездки за город. Необъяснимо почему, взгляд Миязы упал на пропуск, прикрепленный к нагрудному карману Ханамуры.

Несколько мгновений он просто смотрел, затем его глаза расширились, и он уставился в лицо Ханамуры, не веря тому, что увидел.

— Что вы делаете тут с моим пропуском? — с негодованием воскликнул он.

— Внутренняя безопасность, — спокойно ответил Ханамура властным голосом. — Мы проверяем режимные зоны, чтобы убедиться, что охранники бдительны и способны выявить нас. Так вышло, что меня снабдили вашим именем и личным номером.

— Мой брат является заместителем начальника службы безопасности. Он никогда не говорил мне об подобных проверках.

— Мы не афишируем свои операции, — сказал Ханамура, в упор глядя на Миязу, который отказывался посторониться и пропустить его.

Ханамура попытался обойти Миязу, но инженер схватил его за руку.

— Стойте! Я должен это проверить.

Молниеносное движение Ханамуры было почти незаметным. Он ударил ладонью в грудь Миязы, сломав ему грудину. Инженер судорожно попытался вдохнуть, схватился руками за грудь и опустился на колени. Ханамура оттолкнул его в сторону и спокойно пошел к своей машине, которую поставил на место задним ходом. Он быстро распахнул незапертую дверцу «Мурмото» с шестицилиндровым V-образным двигателем и четырьмя ведущими колесами, скользнул за руль и повернул ключ зажигания. Двигатель завелся со второго оборота, Ханамура включил сцепление и поехал к выездному пандусу и воротам, находившимся лишь на один ярус выше.

Он бы успел выбраться за ворота, если бы жена и дети Миязы не начали отчаянно кричать и размахивать руками, указывая в сторону Ханамуры. Находившийся поблизости охранник подбежал к ним и спросил, в чем дело. Ему едва удалось что-либо разобрать в их истерических воплях, но он оказался достаточно сообразительным, чтобы воспользоваться своей портативной рацией и предупредить охранников, стоявших у главных ворот.

Ничто не получалось у Ханамуры в этот раз так, как он рассчитывал. Он опоздал на долю секунды. Охранник вышел из будки у ворот и поднял руку, приказывая Ханамуре остановиться. Два его товарища, стоявшие по обе стороны выездного туннеля, подняли свои автоматы и нацелили их прямо в машину Ханамуры. Затем толстый стальной барьер перекрыл дорогу.

Ханамура оценил обстановку одним тренированным взглядом. Он ни секунды не медлил в своей попытке прорваться через кордон. Он

приготовился к удару, крепко уперся ногой в педаль акселератора и изо всех сил вжался в сиденье. Удар о барьер пришелся на высокий бампер пикапа и на его фары, так что они вдавились в крылья, а передняя решетка прижалась к радиатору.

Удар был не таким страшным, как ожидал Ханамура, всего лишь скрежет металла, звон стекла и визг, который раздался, когда пикап при столкновении вырвал барьер из бетонных стен. В следующую секунду окна брызнули дождем осколков и исчезли, когда охранники открыли огонь из автоматов. Это был единственный момент везения за сегодняшний день: вместо того, чтобы стрелять в двигатель или бензобак или продырявить шины, охранники пытались убить его самого.

Стрельба внезапно стихла, когда он вылетел из туннеля и помчался через поток машин, выезжающих в подземный город по встречной полосе. Ханамура следил с одинаковым вниманием за встречным движением на дороге впереди и за тем, что происходило сзади. Он не сомневался ни секунды, что служба безопасности Сумы предупредила полицию и дороги уже перекрыты. Он переключил трансмиссию «Мурмото» на привод всех четырех колес, сбил ограждение и устремился прочь от шоссе по грунтовой дороге, раскисшей от проливного дождя. Только проехав десять километров по лесистой местности, он заметил обжигающую боль в плече и липкие струйки крови, текущие по левому боку. Он остановил машину под развесистой сосной и осмотрел свое левое плечо и руку.

В него всадили три пули. Одна пуля прошла через бицепс, вторая задела ключицу, а третья прошла навылет через мягкие ткани плеча. Эти раны были не смертельны, однако без своевременной медицинской помощи они могли стать чрезвычайно опасными. Больше всего Ханамуру беспокоила серьезная кровопотеря. Он уже чувствовал первые признаки головокружения. Он разорвал свою рубаху и сделал пару грубых перевязок, уменьшив кровотечение, насколько мог.

Шок и боль постепенно сменялись онемением, его создание начало помрачаться. Посольство было в ста шестидесяти километрах от места, где он находился, в центре Токио. Ему ни за что не добраться туда через десятки оживленных улиц, чтобы при этом его не остановили полицейские, которые заметят иссеченный пулями автомобиль, или же его обнаружат вооруженные люди Сумы, которые перекроют все главные пути, ведущие в город.

Он обдумывал, не укрыться ли ему в безопасной гостинице группы «МОГ», но район Асакуза лежал к северо-востоку от Токио, тогда как Эдо-Сити находился на западе. Он взглянул через разбитое ветровое стекло на дождливое небо. Низкие облака помешают искать его с

помощью вертолетов. Это поможет ему скрыться. Полагаясь на высокую проходимость «Мурмото», Ханамура решил ехать через сельскую местность по проселочным дорогам, прежде чем бросить пикап и, если удастся, угнать какую-нибудь машину.

Ханамура ехал через дождь, стараясь держать направление на город, огни которого озаряли низкие тучи, отклоняясь лишь, когда дорогу ему преграждали реки или рисовые поля.

Чем ближе он подъезжал к столице, тем населеннее становилась местность. Открытый ландшафт кончился почти внезапно, проселки уступили место оживленным шоссе и скоростным магистралям. «Мурмото» тоже быстро выдыхался. Радиатор был поврежден во время столкновения с барьером, и пар вырывался из-под капота белыми облаками. Он взглянул на приборный щиток. Стрелка измерителя температуры масла заходила на красный сектор. Пора было искать другую машину.

И тут он потерял сознание от кровопотери и, обмякнув, навалился на руль.

«Мурмото» съехал с дороги и задел несколько стоящих автомобилей, прежде чем проломил тонкую деревянную стену дома. Толчок привел его в сознание, и он затуманенным взглядом окинул небольшой дворик, развороченный его машиной. К счастью, хозяев не было дома, и он не попал в комнаты, в которых была мебель. Одна фара еще работала, освещая калитку в заднем дворике. Ханамура проковылял через нее в аллею, находившуюся за домом, когда сзади него раздались крики изумленных соседей. Через десять минут, пробравшись через небольшой парк, он упал в изнеможении и спрятался в грязной канаве. Он лежал там, прислушиваясь к звукам сирен, устремлявшихся к его разбитой машине. Почувствовав себя достаточно сильным, он попытался углубиться внутрь глухого пригорода Токио, но вверх и вниз по дороге двигалась патрульная машина, ее прожектор шарил по парку и узким улочкам. И в этот момент он снова потерял сознание. Когда промозглый холод разбудил его, он ясно понял, что он слишком слаб, чтобы украсть машину и двигаться дальше. Медленно, оцепенело, стискивая зубы от накатывающей нестерпимыми волнами боли, он, шатаясь, пересек дорогу и приблизился к человеку, чинящему мотор своего грузовика.

— Не будете ли вы столь любезны помочь мне? — слабым голосом попросил Ханамура.

Мужчина обернулся и изумленно уставился на раненного незнакомца, еле стоявшего на ногах перед ним.

— Вы ранены, — сказал он. — Вы в крови.

— Я попал в аварию там, на другом конце улицы, и мне нужна помощь.

Мужчина обнял Ханамуру за талию.

— Позвольте отвести вас ко мне домой, моя жена окажет вам помощь, пока я позвоню и вызову врача.

Ханамура отрицательно покачал головой.

— Не стоит, со мной все будет в порядке.

— Тогда вам нужно ехать прямо в больницу, — убежденно сказал мужчина. — Я отвезу вас.

— Спасибо, не надо, — уклонился Ханамура. — Но я буду очень признателен вам, если вы доставите вместо меня пакет в американское посольство. Это очень срочно. Я курьер и ехал из Эдо-Сити, когда мою машину занесло, и она слетела с дороги.

Владелец почтового грузовичка стоял, не понимая ничего, пока Ханамура писал что-то по-английски на задней стороне конверта, прежде чем вручить его незнакомцу.

— Вы хотите, чтобы я отвез это в американское посольство, вместо того, чтобы отвезти вас в больницу?

— Да, я должен вернуться к моей машине. Полиция сама вызовет «скорую помощь».

Все это показалось совершенно непонятным водителю грузовика, но он согласился выполнить поручение, больше не любопытствуя.

— К кому мне обратиться в посольстве?

— К господину Шоуалтеру. — Ханамура вытащил из кармана свой бумажник и протянул водителю толстую пачку йен.

— Это вам за хлопоты. Вы знаете, как туда проехать?

Лицо водителя просияло от неожиданной удачи.

— Да, посольство находится рядом с перекрестком пятого шоссе и четвертой скоростной магистрали.

— Как скоро вы можете выехать?

— Я только что кончил ремонтировать распределитель зажигания и могу выехать через несколько минут.

— Отлично. — Ханамура поклонился. — Большое вам спасибо, скажите господину Шоуалтеру, что он должен заплатить вам вдвое больше, чем заплатил я, когда он получит этот конверт.

Затем Ханамура повернулся и шатаясь пошел через дождь в ночную темноту.

Он мог бы доехать с водителем грузовика до посольства, но побоялся, что потеряет сознание или умрет. Если случилось бы первое или второе, водитель мог запаниковать и поехать в ближайшую больницу или остановит}) полицейского. Тогда бесценные чертежи будут скорее всего конфискованы или возвращены Суме. Лучше довериться везению и чести водителя грузовика, а самому отвести погоню в другом направлении.

Ханамура, держась силой воли и тем немногим, что ему удалось выжать из своего тела, проковылял почти километр, прежде чем бронированный автомобиль выкатил из темноты парка на улицу и направится к нему. Слишком обессилевший, чтобы бежать, он упал на колени за стоявшей машиной и засунул руку под подкладку, чтобы достать капсулу с ядом. Его пальцы успели схватить маленькую пилюлю, когда бронированная машина с армейскими опознавательными знаками и красной мигалкой остановилась рядом, и ее фары отбросили тень Ханамуры на стену склада в нескольких метрах от него.

Из машины вышел человек и направился к нему. Ханамуре был виден только его силуэт, выглядевший очень странно: на нем был диковинный кожаный плащ, скроенный наподобие кимоно, а в руке он держал самурайский меч «Катана», полированная сталь которого блестела в свете фар.

Когда он подошел ближе, его лицо стало видно в свете фар. Он посмотрел вниз на Ханамуру и сказал самодовольным тоном:

— Так, так, знаменитый ловкач, продающий картины, Асикага Энсю. Я едва узнал вас без парика и бороды.

Ханамура взглянул вверх на напоминающее морду гремучей змеи лицо Моро Каматори.

— Так, так — передразнил он, — неужто это мальчик на побегушках у Хидеки Сумы?

— Мальчик на побегушках?

— Шестерка, ну, знаешь, лизоблюд, подхалим.

Лицо Каматори исказилось от злобы, и он в гневе оскалил зубы.

— Что ты нашел в Эдо? — спросил он.

Ханамура не удостоил Каматори ответом. Он часто дышал, натянуто улыбаясь. Он быстро перекатил во рту капсулу с ядом и сжал ее

коренными зубами, чтобы выдавить жидкость. Яд мгновенно всосался в десны, через тридцать секунд его сердце остановится, и он будет мертв.

— Прощай, олух.

У Каматори оставалось лишь мгновение, чтобы что-то сделать, но он поднял свой меч, схватив длинную рукоять Обеими руками, и описал им широкую дугу, вложив в этот взмах все свои силы до последней капли. Изумление вспыхнуло в глазах Ханамуры на краткий миг, прежде чем смениться пеленой смерти.

Каматори почувствовал, наконец, удовлетворение, увидев, что его меч выиграл гонку с ядом, когда лезвие снесло с плеч голову Ханамуры чисто, словно гильотина.

Глава 34

Автомобили «Мурмото» неприятного коричневого цвета стояли неровной шеренгой у рампы, ведущей внутрь похожего на пещеру кузова полуприцепа. Джордж Фурукава испытал большое облегчение оттого, что эти четыре автомобиля были последней партией, которую он должен был отправить. К документам на получение груза, которые он, как обычно, нашел под сиденьем своего автомобиля, была приложена короткая записка, уведомляющая, что на этом его участие в данном проекте заканчивается.

Он также получил новые инструкции проверить машины на наличие в них спрятанных радиопередающих устройств. Никакого объяснения не давалось, но он решил, что Хидеки Сума запоздало спохватился, что за последней отправленной им партией машин могла следить какая-то неизвестная группа. Мысль о том, что этой группой могли быть следователи ФБР, заставила Фурукаву поежиться от страха. Он быстро обошел вокруг каждой машины, глядя на экран электронного устройства, предназначенного для обнаружения передаваемых радиосигналов.

Удовлетворенный тем, что в спортивных седанах, окрашенных в противный коричневый цвет, не было никаких радиопередатчиков, он махнул рукой водителю трейлера и его помощнику. Они слегка поклонились ему, не сказав ни слова, и, чередуясь, завели седаны по рампе в трейлер.

Фурукава повернулся и пошел к своей машине, радуясь тому, что он покончил с этим поручением, которое, как он считал, не соответствовало его высокому статусу вице-президента Лаборатории им. Сэмюэля Дж.Винсента. Немалый гонорар, который Сума уже заплатил ему за труды и верность, будет благоразумно вложен в японские предприятия, открывающие свои офисы в Калифорнии.

Он подъехал к воротам и протянул охраннику копии документов на получение груза. Затем направил покатый нос своей спортивной машины «Мурмото» в оживленный поток грузовиков, выезжающих из доков, и поехал к себе на работу. На этот раз он не проявил никакого любопытства, ни разу не посмотрел назад. Его интерес к тайному месту назначения этих автомобилей окончательно иссяк.

Стаси застегнула молнию своей ветровки и туго стянула ее ворот вокруг шеи. Боковая дверца вертолета была снята, а холодный воздух с океана насквозь продувал кабину пилота. Ее длинные светлые волосы развевались по лицу, лезли ей в глаза, и она стянула их сзади кожаным ремешком. Видеокамера лежала у нее на коленях, она подняла ее и установила нужный режим съемки. Затем она высунулась в проем дверцы, насколько позволял ремень, которым она была пристегнута к сиденью, и навела телеобъектив на хвост трейлера, в котором спортивные автомобили «Мурмото» покидали район доков.

— Вы засняли номер трейлера? — спросил светловолосый пилот, ведя вертолет ровным горизонтальным курсом.

— Да, хороший, резкий снимок. Спасибо.

— Я могу подобраться поближе, если хотите.

— Держитесь подальше от них, — приказала Стаси, говоря в закрепленный у нее на голове микрофон и продолжая смотреть в окуляр своей камеры. Затем она отпустила кнопку и положила камеру на колени.

— Им, должно быть, известно, что кто-то пытается выследить их, иначе они бы не проверяли машины на наличие спрятанных радиомаяков.

— Старине Уэзерхиллу повезло, что он в тот момент ничего не передавал.

Стаси становилось зябко от одного взгляда на Билла Маккарри. На нем были одеты лишь шорты из обрезанных джинсовых брюк, тенниска с рекламой мексиканского пива и сандалии на босу ногу. Когда в то же утро его представили ей, Стаси подумала, что он больше похож на спасателя на пляже, чем на одного из лучших следователей Агентства национальной безопасности.

У него были длинные волосы, выгоревшие на солнце, потемневшая от загара под солнцем Южной Калифорнии кожа и светло-голубые глаза, широко открытые за солнечными очками в красной пластмассовой оправе. Его мысли были в равной степени заняты преследованием трейлера, перевозившего автомобили, и игрой в волейбол, в которой он обещал участвовать сегодня вечером на пляже в Марина-дель-Рей.

— Грузовик сворачивает на шоссе Харбер-Фриуэй, — сказала Стаси. — Держись так. чтобы водитель не мог тебя видеть, и мы будем следовать за ними, ориентируясь по радиосигналу от Тимоти.

— Нам следовало бы иметь лучшее прикрытие, — серьезно сказал Маккарри. — Без группы, преследующей их в автомобилях, и запасного вертолета, который мог бы заменить нас в случае неполадок с двигателем, мы можем упустить их и подвергнуть опасности Уэзерхилла.

Стаси покачала головой.

— Тимоти знает, каковы здесь ставки. Вы не знаете этого. Поверьте мне на слово, мы не можем рисковать. используя наземные машины или носясь вокруг них на вертолетах. Эти парни в грузовике настороже, они предупреждены и будут искать малейшие признаки слежки.

Внезапно голос Уэзерхилла с его техасским акцентом зазвучал в их наушниках:

— Вы там, наверху, группа «Бьюик»?

— Мы слышим тебя, Тим.

— Передавать безопасно?

— Скверные ребята проверяли машины на наличие жучков, — ответила Стаси, — но ты можешь говорить.

— У вас есть визуальный контакт?

— Временами, но мы держимся в нескольких километрах позади тебя, чтобы нас не могли заметить из кабины водителя.

— Понял.

— Не забывай вести передачу на фиксированной частоте.

— Слушаюсь, мамочка, — игриво ответил Уэзерхилл. — Я сейчас выберусь из этой духовки и примусь за дело.

— Поддерживай с нами связь.

— Будет сделано. Я не собираюсь убегать от вас.

Убрав фальшивую панель из-под заднего сиденья и выпрямившись из скрюченной позы, в которой он долго лежал, Уэзерхилл прополз в закрытый багажник третьего седана «Мурмото», погруженного в трейлер. Он открыл замок багажника изнутри и поднял крышку. Затем он вылез наружу, встал и потянулся, распрямляя затекшие суставы.

Уэзерхилл томился в скрюченной позе почти четыре часа после того, как специальная группа таможенников помогла спрятать его в машине

перед появлением Фурукавы и трейлера. Солнечные лучи, падающие прямо на крышу, и отсутствие вентиляции — окна нельзя было даже разбить, чтобы не вызвать подозрения у водителей грузовика, — все это заставило его обливаться потом. Он никогда не думал прежде, что запах новой машины может быть таким противным.

Внутри трейлера было темно. Он достал фонарик из сумки, прикрепленной к ремню неприметного комбинезона автомеханика, в который он был одет, и обвел лучом автомобили, закрепощенные в трейлере. Два из них находились на полу трейлера, два других — на втором ярусе, прямо над ним.

Поскольку грузовик ехал пока по ровному калифорнийскому шоссе и трейлер почти не трясло, он решил сначала обследовать те два автомобиля, что находились наверху. Он залез на второй ярус и тихо открыл капот машины, стоявшей ближе к кабине водителей.

Затем он достал из сумки маленький детектор радиоактивности и стал следить за его показаниями, водя им вокруг компрессора автомобильного кондиционера.

Он записал показания на тыльной стороне ладони. Затем он разложил на крыле машины набор небольших инструментов. Он немного подождал и начал разговаривать по радио.

— Хелло, группа «Бьюик».

— Вас слышу, — ответила Стаси.

— Начинаю обследование.

— Не поскользнись и не порежь артерию.

— Не беспокойся.

— Будем ждать вестей от тебя.

За пятнадцать минут Уэзерхилл разобрал корпус компрессора и изучил бомбу. Он был слегка разочарован. Конструкция не была столь совершенной, как он ожидал. Хитроумно, конечно, но он мог бы и сам соорудить более эффективное и разрушительное ядерное устройство.

Он замер, услыша шипенье сжатого воздуха в тормозных цилиндрах, и почувствовал, что грузовик сбавил ход. Но машина лишь притормозила на наклонной эстакаде транспортной развязки, сворачивая на другое шоссе, и вскоре снова набрала скорость. Уэзерхилл снова собрал компрессор и вызвал Стаси.

— Не отстали? — коротко спросил он.

— Мы здесь, — ответила Стаси.

— Где я?

— Проезжаешь через Уэст-Ковину. Направляешься к Сан-Бернардино.

— Я снял деньги со счета, мне больше нечего делать в этом банке, — передал он. — На какой остановке мне следует сойти с автобуса?

— Подождите минутку, я сверюсь с расписанием, — поняла его Стаси.

Через несколько секунд она ответила:

— Здесь есть пункт взвешивания автомобилей по эту сторону границы с Индианой. Остановка на нем обязательна. Водители должны останавливаться здесь для осмотра машин. Если по какой-либо причине они свернут в сторону, мы притащим их сюда с помощью машины шерифа. Если этого не потребуется, ты будешь на пункте взвешивания через 45-50 минут.

— Жду вас там, — сказал Уэзерхилл.

— Наслаждайся поездкой.

Обладая качеством большинства тайных агентов, у которых уровень адреналина в крови подскакивает во время критических этапов операции, теперь, когда самое трудное осталось позади, Уэзерхилл сумел быстро расслабиться, его стало раздражать вынужденное безделье. Все, что ему теперь оставалось сделать, — это пролезть через вентиляционную отдушину на крышу и опуститься вниз позади трейлера, так, чтобы водители не заметили его в зеркало заднего обзора.

Он открыл ящик для перчаток и вытащил пакет, в котором были гарантийные документы на машины и руководство для владельца автомобиля. Он включил внутреннее освещение и начал от нечего делать пролистывать его. Хотя его основная специальность была связана с ядерной физикой, его всегда интересовала электроника. Он открыл страницу, на которой должна была находиться схема электрического оборудования «Мурмото», собираясь проследить, как проложены провода. Но на этой странице была изображена отнюдь не схема электрооборудования. Это была карта с инструкциями по размещению автомобилей в местах, где они должны были быть взорваны.

Стратегия Сумы стала столь очевидной Уэзерхиллу, что ему пришлось заставить себя поверить в это. Заминированные автомобили были не просто частью плана шантажа с целью защиты планов будущей экономической экспансии Японии.

Этот ужас был вполне реален. Бомбы предназначались для того, чтобы их взорвать.

Глава 35

По крайней мере десять лет прошло с тех пор, как Реймонд Джордан тайно проникал в запертые помещения. И уж точно он не делал этого с тех пор, как прекратил работать в качестве агента-оперативника, став одним из руководителей разведки. По какой-то причуде ему захотелось выяснить, не утратил ли он былую хватку.

Он подключил крохотный компьютерный зонд к проводам охранной системы ангара Питта, нажал кнопку и перекачал кодовую комбинацию в память зонда. Электронное устройство распознало код и выдало ему его на маленький экранчик прибора. Затем с кажущейся легкостью и небрежностью он набрал шифр, отключавший сигнализацию, открыл замок на двери и беззвучно вошел.

Он высмотрел Питта, стоявшего на коленях перед «Стутцем», в дальнем конце ангара. Питт, казалось, был поглощен ремонтом фары.

Джордан стоял незамеченный и смотрел на коллекцию Питта. Он был удивлен, что она оказалась столь обширной. Он слышал, как Сэндекер говорил о ней, но никакое словесное описание не могло воздать ей должное. Он тихо прошел за первым рядом машин, обошел вокруг и подошел к Питту с той стороны ангара, где располагалась квартира. Это была проверка. Ему было любопытно, какая будет реакция Питта на взломщика, когда он появится на расстоянии вытянутой руки от него.

Джордан приостановился, прежде чем пройти последние три метра, и некоторое время рассматривал Питта и машину. «Стутц» был сильно поцарапан во многих местах. Его придется красить заново. Ветровое стекло треснуло, и левая передняя фара, похоже, висела на проводе. Питт был одет небрежно. На нем были вельветовые брюки и вязаный свитер. Его черные волнистые волосы были непричесаны. У него был решительный вид, его зеленые глаза под темными черными бровями глубоко запали и смотрели так напряженно, что, казалось, могли пронзить насквозь предмет, на который они были нацелены. Казалось, он всецело был поглощен тем, что вставлял стекло фары в хромированный ободок.

Джордан двинулся к нему, но не успел докончить и первого шага, как вдруг Питт заговорил, не оборачивая головы:

— Добрый день, мистер Джордан, очень мило, что вы заглянули ко мне.

Джордан застыл на месте, но Питт продолжал работу с безразличным видом водителя автобуса, ожидающего, когда пассажир расплатится с ним.

— Мне, наверное, следовало бы постучаться?

— Совершенно незачем. Я знал, что вы подходите к двери.

— Вы что, экстрасенс, или у вас глаза на затылке? — спросил Джордан, медленно подходя к Питту. Питт посмотрел на него и ухмыльнулся. Он поднял и наклонил старый рефлектор фары, на посеребренной поверхности которого появилось изображение Джордана.

— Я следил за тем, как вы обходили ангар. Ваше проникновение в него было очень профессиональным. Я бы сказал, что оно заняло у вас не больше двадцати секунд.

— Я не заметил вашей второй видеокамеры: видимо, старею.

— Я установил ее на той стороне дороги на верхушке телефонного столба. Большинство посетителей замечает ту, что закреплена на самом здании, инфракрасную, она включает сигнал тревоги, когда какое-то тело движется вблизи от двери.

— У вас потрясающая коллекция, — сделал комплимент, Джордан. — Много времени вам потребовалось, чтобы собрать все это?

— Я начал с потрепанного «Форда» 1947 года выпуски, который стоит вон там в углу, примерно двадцать лет. и совершенно заболел коллекционированием. Некоторых машины достались мне в ходе осуществления проектом, связанных с НУМА. Некоторые я купил у частных лиц или на аукционах. Старинные и классические автомобили — это надежное капиталовложение, и собирать их куда интереснее, чем собирать картины.

Питт закончил вставлять стекло в ободок и поднялся на ноги.

— Могу я предложить вам выпить?

— Было бы неплохо выпить стакан молока. Мой желудок страдает от нервного перенапряжения.

— Пожалуйста, давайте поднимемся наверх. — Питт показал рукой на лестницу, ведущую в жилые комнаты. — Я польщен тем, что главный босс решил навестить меня, вместо того чтобы прислать своего заместителя.

Не дойдя до первой ступеньки, Джордан помедлил в нерешительности и произнес:

— Я подумал, что будет лучше мне самому сказать вам об этом. Члена Конгресса Смит и сенатора Диаса тайно вывезли из страны.

Несколько секунд прошли в молчании, затем Питт повернулся и посмотрел ему в лицо. В глазах Питта отразилось неожиданное облегчение.

— Значит, Лорен цела и невредима, — сказал он скорее утвердительно, чем вопросительно.

— Мы имеем дело не со свихнувшимися террористами. Операция по их похищению была слишком хитроумной, чтобы привести к ранению или смерти. У нас есть все основания считать, что с ними обращаются уважительно.

— Как им удалось проскользнуть через кордоны?

— Наша разведка установила, что они были вывезены из аэропорта Ньюпорт Ньюс в Вирджинии на частном реактивном самолете, принадлежащем одной из американских компаний Сумы. К тому времени, как мы смогли просеять все рейсы, как предусмотренные расписанием, так и внеплановые, из аэропортов, находящихся на территории площадью тысяча квадратных километров, проверить принадлежность каждого самолета и найти тот, владельцем которого является Сума, и проследить его маршрут с помощью спутника, он уже летел над Беринговым морем в сторону Японии.

— Уже было поздно пытаться посадить его на одну из наших авиабаз с помощью военных самолетов?

— В некотором смысле слишком поздно. Его встретила и сопровождала эскадрилья истребителей «FSX» японских сил самообороны. Этот тип самолета был разработан совместно корпорациями «Дженерал Дайнемикс» и «Мицубиси», могу добавить.

— А затем?

Джордан повернулся и стал рассматривать поблескивающие лаком автомобили.

— Мы потеряли их из виду, — сказал он бесцветным голосом.

— После того, как они приземлились?

— Да, в токийском международном аэропорту. Не стоит вдаваться в детали, почему их не перехватили или по крайней мере не установили за ними наблюдение, но по причинам, известным лишь кретинам из Государственного департамента, у нас нет оперативников в Японии, которые могли бы их остановить. Вот и все, что мы имеем в настоящий момент.

— Лучшие эксперты и аналитики в области разведки, которые только существуют на свете, — вот и все, что у вас есть. — Голос Питта был очень усталым. Он прошел в кухню, открыл холодильник и налил немного молока, затем передал стакан Джордану.

— А что насчет ваших специальных групп в Японии? Где они были, когда самолет приземлился?

— После того, как Марвин Шоуалтер и Джим Ханамура были убиты...

— Обоих убили? — перебил Питт.

— Токийская полиция нашла тело Ханамуры в канаве. Оно было обезглавлено. Голову Шоуалтера, но без тела, нашли несколько часов назад, насаженную на кол забора нашего посольства. Ко всему этому, мы подозреваем, что Рой Орита является японским агентом. Он предавал нас с самого начала. Бог знает, сколько информации он передал Суме. Мы никогда не сможем даже оценить нанесенный им ущерб.

Гнев Питта смягчился, когда он заметил, что на лице Джордана было не только разочарование, но и печаль.

— Извините, Рей, я понятия не имел, что наши дела так плохи.

— На моей памяти ни разу не случалось, чтобы какая-нибудь группа МОГ подверглась такому разгрому.

— Что навело вас на мысль о предательстве Ориты?

— Пара довольно туманных намеков. Шоуалтер был слишком хитер и осторожен, чтобы его можно было похитить без соучастия кого-то из тех, кому он доверял. Его предал кто-то, кто точно знал его будущий маршрут, И еще одна подсказка — от Джима Ханамуры; он говорил, что у него есть скверные предчувствия насчет Ориты, но не было никаких серьезных улик против него. Подозрения усилились, когда Орита исчез и перешел на подпольное положение. Он не докладывал Мэлу Пеннеру с момента исчезновения Шоуалтера. Керн предполагает, что он прячется под юбками у Сумы в Эдо-Ситн.

— Что известно подозрительного насчет его биографии?

— Американец в третьем поколении. Его отец получил медаль «Серебряная звезда» во время итальянской кампании. Мы не можем догадаться, какую наживку использовал Сума, чтобы завербовать его.

— Кто казнил Ханамуру и Шоуалтера?

— Доказательств мы пока не получили. Похоже на ритуальное убийство. Полицейский патологоанатом считает, что их головы были отрублены самурайским мечом. Главный убийца Сумы известен своей увлеченностью древними боевыми искусствами, но мы не можем доказать, что сделал это именно он.

Питт медленно опустился в кресло.

— Все это чепуха, проклятая чепуха.

— Джим Ханамура не задаром отдал свою жизнь, — сказал Джордан с внезапным упорством. — Он дал нам наш единственный след к центру управления подрывом бомб.

Питт ожидающе взглянул на него.

— Вы знаете его расположение?

— Пока что праздновать нечего, но мы на полшага приблизились к цели.

— Какую информацию передал Ханамура?

— Джим проник в кабинет проектировщиков сооружений Сумы и нашел нечто похожее на грубые эскизы электронного контрольного центра, вроде того, что мы ищем. Эскизы подсказывают, что это подземное сооружение, доступ к которому осуществляется через туннель.

— Что-нибудь известно о том, где он находится?

— Краткое послание, которое он написал на обороте конверта, доставленного в посольство водителем грузовика, слишком загадочно, чтобы расшифровать его сколь-либо точно.

— И что это за послание?

— Он написал: «Ищите остров Адзима».

Питт слегка пожал плечами.

— Так в чем проблема?

— Острова Адзима не существует, — ответил Джордан с побитым видом. Он поднял стакан и рассмотрел его. — Это снятое молоко.

— Оно полезнее для вас, чем цельное.

— Все равно что пить воду, — пробормотал Джордан, рассматривая стеклянную витрину с призами. Большинство из них были награды, завоеванные на гонках, несколько призов за победы в футбольных состязаниях в школе и в Военно-воздушной академии и два приза за фехтование. — Вы фехтуете?

— Ну, я бы не сказал, что гожусь для олимпийской сборной, но я до сих пор тренируюсь, когда у меня находится для этого часок-другой.

— Эспадрон, шпага, сабля?

— Сабля.

— Вы произвели на меня впечатление человека, который разрубает узлы. Я же предпочитаю уколы шпагой.

— Вы любите точные попадания.

— Жаль, что мы не можем устроить поединок, — сказал Джордан.

— Мы можем пойти на компромисс и сразиться на эспадронах.

Джордан улыбнулся.

— У меня все равно будет преимущество, поскольку туше эспадроном и шпагой делаются острием, тогда как в сабельных поединках засчитываются касания лезвия.

— У Ханамуры должны были быть веские основания предположить, что Адзима является местом расположения центра управления, — сказал Питт, снова возвращаясь к делу.

— Он был большим любителем искусства. Его операция по установке жучков в офисе Сумы была построена на знании древнеяпонского искусства. Он знал, что Сума собирал картины, особенно работы японского художника 16 века. который написал серию пейзажей небольших островов, окружающих главный остров Хонсю. Поэтому я пожелал один такой пейзаж. Затем Ханамура, изображая знатока и торговца картинами, продал его Суме. Единственный пейзаж, которого нет в коллекции Сумы, — это Адзима. Это единственная связь, которая мне приходит в голову.

— Но тогда остров Адзима должен существовать.

— Я уверен, что он существует, но это название невозможно связать ни с каким известным островом. Ни на современных, ни на старинных картах его нет. Я могу лишь предполагать, что это было название, придуманное самим художником Масаки Симцу, и именно оно приводится в каталогах его работ.

— Записали ли жучки Ханамуры какой-нибудь интересный разговор?

— Чрезвычайно содержательную беседу между его мясником Каматори, старым Корори Ёсису и влиятельным дельцом по имени Ичиро Цубои.

— Это тот финансовый гений, который стоит за страховой компанией «Каноэ Секьюритиз». Я слышал о нем.

— Да, он ожесточенно спорил с сенатором и Лорен на слушаниях специальной комиссии на Капитолийском Холме за несколько дней до того, как их похитили.

— Вы говорите, что они с Сумой связаны?

— Как струны банджо, — ответил Джордан. — Благодаря жучкам в офисе Сумы, мы узнали, что Цубои финансировал создание ядерного арсенала за спинами японских политических лидеров и, уж конечно, японского народа. Из их разговора мы также впервые услышали название Проекта «Кайтен».

Питт налил в чашку старый холодный кофе и поставил его разогреваться в микроволновую печь. Поглощенный своими мыслями, он оцепенело наблюдал через стеклянное окошко за вращающейся чашкой.

Джордан вывел его из задумчивости.

— Я знаю, что у вас на уме, но мне не выделили достаточно людей, чтобы освободить Смит и Диаса и разрушить проект «Кайтен» в рамках одной операции.

— Не могу поверить, что президент повернулся к нам спиной.

— Он не собирается обращаться к общественности и грозить войной из-за похищения заложников, когда он явно в стратегически проигрышном положении. Наша первоочередная задача — уничтожить угрозу, исходящую от Проекта «Кайтен». Как только мы с этим справимся, президент тут же разрешит нам использовать столько сил, сколько нам потребуется, чтобы освободить Диаса и Смит.

— Итак, мы снова возвращаемся к этому мистическому острову Адзима, — хрипло сказал Питт. — Вы сказали, что это единственная картина этой серии, которой нет в коллекции Сумы?

— Да, — ответил Джордан. — Ханамура сказал, что он предпринял отчаянные усилия, чтобы разыскать ее.

— Есть какие-нибудь данные о том, где она может быть?

— Эту картину последний раз видели в японском посольстве в Берлине незадолго до падения Германии. В старых архивах военной разведки обнаружены сведения о том, что она была включена в собрание предметов искусства, вывезенных нацистами из Италии, и отправлена эшелоном на Северо-Запад Германии перед наступлением русской армии в последние недели войны. После этого никаких сведений о ней не поступало.

— Никаких записей о том, что она была найдена?

— Никаких.

— И у нас нет никакого представления о расположении острова или о том, как он выглядит?

— Ни малейшего намека.

— Жалко, — заметил Питт. — Найдите картину, сопоставьте очертания береговой линии, изображенные художником, с картографическими материалами, и вы получите место, где спрятана кнопка детонатора, которой шантажист Хидеки Сума угрожает всему миру, — по крайней мере так говорится в сказочке, которую рассказывают детишкам на ночь.

Джордан прищурился.

— Получилось так, что это лучший след, который нам удалось найти.

Питта это не убедило.

— Ваши самолеты-шпионы и спутники должны легко обнаружить крупные подземные сооружения.

— Четыре главных японских острова — Хонсю, Кюсю, Хоккайдо и Сикоку — окружены почти тысячью маленьких островов. Найти нужный среди них — это едва ли можно назвать легкой задачей.

— Почему бы не выделить лишь те, которые могут быть связаны с четырьмя крупными островами подземными туннелями?

— Не считайте нас полными идиотами, — раздраженно сказал Джордан. — Мы уже исключили все острова, находящиеся более чем в десяти милях от берега, и сосредоточились на остальных. Во-первых, никаких подозрительных работ и сооружений нет на поверхности этих островов. Это неудивительно, если предположить, что весь комплекс должен быть расположен глубоко под землей. Во-вторых, почти все острова образованы вулканическими породами, через которые наши датчики не могут ничего разглядеть. Я ответил на ваш вопрос?

Питт уперся.

— Никто не может выкопать туннель, не вывозя на поверхность вынутую при проходке породу.

— Видимо, японцы могут. Изучение спутниковых фотографий не обнаружило никаких признаков проходки туннелей вблизи побережья или дорог, ведущих к входу в туннель.

Питт пожал плечами.

— Итак, мы снова вернулись к картине, находящейся где-то в огромном мире вокруг нас.

Джордан вдруг наклонился вперед в своем кресле и твердо посмотрел на Питта.

— Вот тут-то вы и заработаете ваши деньги.

Питт чувствовал, что дело шло к этому, но не совсем точно угадал, какое предложение собирался сделать ему Джордан.

— Вы собираетесь послать меня в Японию нырять вокруг островов, не так ли?

— Нет, не угадали, — сказал Джордан с покровительственной улыбкой, которая Питту совсем не понравилась. — Вы отправляетесь в Германию, чтобы нырнуть в бункер Люфтваффе.

Глава 36

— Они просто нырнули туда и исчезли.

Питт опустился на одно колено и посмотрел мимо полузатопленного трактора в черную зловещую воду. Он чувствовал себя усталым из-за сдвига времени после перелета в Европу, и ему едва удалось поспать два часа в самолете из Вашингтона. Как скверно, что у него не было времени насладиться хорошим завтраком в местной гостинице и поспать после полудня, подумал он в приступе жалости к себе.

— Шнуры, которыми они были обвязаны из соображений безопасности, оказались отрезаны. — Молодой офицер, командовавший группой немецких водолазов из ВМФ, держал в руке нейлоновый шнур, конец которого был срезан, словно бритвой. — Но чем? Мы даже не знаем, в каком направлении искать разгадку.

— Телефонный шнур тоже? — Питт медленно отпил глоток кофе. Он взял в свободную руку маленький камешек и бесцельно швырнул его в воду, глядя на крути. расходящиеся от места, куда он плюхнулся.

— Телефонный шнур, который соединял нас с передним пловцом, тоже был срезан, — подтвердил немецкий офицер. Он стоял во весь рост, высокий, с красивой мускулатурой. Он говорил по-английски с едва заметным акцентом. — Вскоре после того, как группа из двух водолазов спустилась в пруд, они обнаружили подводный туннель, идущий на запад. Они проплыли девяносто метров и сообщили, что туннель кончается небольшой камерой, путь из которой дальше ведет через стальную дверь. Через несколько минут телефонный кабель и шнуры безопасности провисли. Я послал вторую группу выяснить, в чем дело. Они исчезли так же, как и пловцы из первой группы.

Питт повернул голову и посмотрел на водолазов из немецкого Военно-морского флота, которые беспомощно стояли, потрясенные потерей своих товарищей. Они столпились около складных столов и стульев мобильного командного поста, занятых группой полицейских водолазов-спасателей. Три человека в штатском, которых Питт принял за правительственных чиновников, тихими голосами опрашивали водолазов.

— Когда последний человек спустился в туннель? — спросил Питт.

— За четыре часа до вашего появления, — ответил молодой офицер-водолаз, представившийся ему как лейтенант Хельмут Вейнхардт. — Все это время мне приходилось всеми возможными способами удерживать остальных моих подчиненных от попыток последовать за пропавшими. Но я не собираюсь рисковать еще одной жизнью, пока не выясню, что там делается. — Он помолчал и кивком головы показал на полицейских-водолазов, облаченных в яркие оранжевые водонепроницаемые костюмы. — Эти идиоты из полиции, однако, считают, что им сам черт не страшен. Они собираются послать туда одну из своих групп.

— Некоторые люди от рождения склонны к самоубийству, — сказал Джиордино и зевнул. — Берите пример с меня. Я не отправлюсь туда без атомной подводной лодки. Никаких головоломных авантюр для сыночка миссис Джиордино. Я собираюсь умереть в своей постели в обнимку с сексапильной дальневосточной красоткой.

— Не обращайте на него внимания. — сказал Питт. — Стоит ему оказаться в темноте, и у него начинаются галлюцинации.

— Я вижу, — пробормотал Рейнхардт, но по его лицу было ясно, что он не видел ничего.

Наконец Питт поднялся и кивнул Фрэнку Манкузо.

— Ловушка, — просто сказал он.

Манкузо кивнул в ответ.

— Я согласен с тобой. Входы в туннели с сокровищами на Филиппинах были начинены бомбами, взрыватели которых должны были сработать при ударе горным оборудованием. Разница в том, что японцы собирались вернуться и забрать сокровища, тогда как нацисты устраивали свои ловушки так, чтобы уничтожить трофеи вместе с исследователями.

— То, что поймало моих людей там, — с горечью сказал Рейнхардт, не в силах выговорить слово «убило», — не знаю, что это, но только не бомбы.

Один из одетых в штатское людей, которых Питт счел государственными служащими, подошел к ним от командного поста и обратился к Питту по-немецки:

— Кто вы и кого представляете?

Питт повернулся к Рейнхардту, который перевел ему вопрос. Тогда он снова повернулся лицом к спрашивающему.

— Скажите ему, что нас сюда пригласили.

— Вы американец? — выпалил незнакомец на ломаном английском, и его лицо приняло удивленное выражение. — Кто разрешил вам находиться здесь?

— Что это за странный тип? — спросил Джиордино в блаженном неведении.

Рейнхардт не мог подавить слабой усмешки.

— Господин Герт Хальдер, министр археологических работ. Сэр, это господин Дирк Питт со своими подчиненными из американского Национального агентства подводных и морских исследований в Вашингтоне. Они прибыли сюда по личному приглашению канцера Ланге.

Хальдер выглядел так, как если бы его ударили в солнечное сплетение. Он быстро оправился, выпрямился во весь свой небольшой рост и попытался превзойти Питта тевтонской твердостью.

— Ваши намерения?

— Мы пришли сюда по той же причине, что и вы, — ответил Питт, рассматривая свои ногти. — Если старые протоколы доносов нацистских главарей, хранящиеся в ваших берлинских архивах и в нашей библиотеке Конгресса, не врут, то восемнадцать тысяч произведений искусства были спрятаны в штольнях, прорытых под секретным подземным аэродромом. Вполне возможно, что именно под этим аэродромом находятся камеры с хранящимися в них произведениями искусства, где-то тут, за водной преградой.

Хальдер благоразумно осознал, что он не сможет смутить упрямого, целеустремленного человека в свободном голубовато-зеленом сухом водолазном костюме системы «Викинг».

— Вы, конечно, знаете, что любое найденное произведение искусства принадлежит Германской Республике, пока не будет выяснено, откуда оно было привезено, с тем, чтобы вернуть его первоначальным владельцам.

— Нам это прекрасно известно, — сказал Питт. — Нас интересует лишь один определенный предмет.

— Какой именно?

— Сожалею, но я не имею права сказать это.

Хальдер выложил свой последний козырь.

— Я обязан настоять на том, чтобы группа полицейских водолазов первой вошла в камеру.

— Пожалуйста. — Джиордино поклонился и показал рукой на темную воду. — Может быть, если одному из ваших посланцев так здорово повезет, что он сумеет добраться туда и вернуться обратно, то мы, наконец, узнаем, что же пожирает людей в этой чертовой дыре там, внизу.

— Я потерял четверых своих людей, — серьезным тоном сказал Рейнхардт. — Возможно, они мертвы. Вы не можете допустить, чтобы еще больше людей погибло из-за чьих-то попыток игнорировать неизвестную опасность.

— Все они — профессиональные водолазы, . — возразил Хальдер.

— Как и те люди, которых я послал туда. Лучшие ныряльщики ВМФ, в отличной форме и прошедшие более обширную программу тренировок, чем команда полицейских спасателей.

— Могу я предложить компромиссное решение? — спросил Питт.

Хальдер кивнул.

— Я готов выслушать вас.

— Мы вместе образовываем разведывательную группу из семи человек. В нее войдем мы втроем, поскольку Манкузо, присутствующий здесь, является горным инженером, экспертом по проходке и строительству туннелей, а Ал и я имеем большой опыт подводных поисковых работ. Два водолаза из военных моряков лейтенанта Рейнхардта, так как они обучены обезвреживанию любых взрывных устройств, которые могут нам повстречаться. И два водолаза из полиции в качестве спасателей и группы медицинского обеспечения.

Хальдер заглянул Питту в глаза и увидел только непреклонную решимость. Это было серьезное предложение, подкрепленное логикой. Он выдавил из себя улыбку.

— Кто пойдет первым?

— Я пойду, — сказал Питт, не колеблясь ни секунды.

Его два коротких слова, казалось, несколько долгих секунд отражались эхом от стен подземной полости, и затем напряженность вдруг разрядилась и Хальдер протянул свою руку.

— Как вам будет угодно. — Он пожал руку Питту и выпятил грудь, чтобы снова обрести вид властного достоинства. — Но я буду считать

ответственным вас, герр Питт, если вы заденете за какие-нибудь взрывные устройства и разрушите произведения искусства.

Питт посмотрел на Хальдера с лукавой усмешкой.

— В этом случае, герр Хальдер, вы можете получить мою голову — буквально.

Питт установил время на микроэлектронном компьютере, привязанном шнуром к его воздушному баллону, и сделал последнюю проверку своего регулятора подачи воздуха и компенсатора плавучести. В пятидесятый раз с тех пор, как он спустился по лестнице с поля фермера Клаузена, он смотрел в манящую черную воду.

— Твои шестеренки крутятся, — заметил Джиордино, подгоняя лямки своего акваланга.

Питт погладил себя по подбородку и не ответил.

— Как ты думаешь, что там происходит? — спросил Манкузо.

— Кажется, я разгадал первую половину загадки, — ответил Питт. — Но обрезанные шнуры? — Это и в самом деле загадочно.

— Как твое акустическое переговорное устройство? — спросил Манкузо.

Питт вставил в рот мундштук регулятора подачи воздуха и начал говорить в него.

— У Мэри был барашек... — Слова звучали искаженно, но вполне разборчиво.

— Я полагаю, нам пора, бесстрашный вождь, — проворчал Джиордино.

Питт кивнул Рейнхардту, с которым был один из его подчиненных.

— Готовы, господа? Пожалуйста, старайтесь держаться на расстоянии двух метров от человека, который плывет перед вами. Видимость, похоже, четыре метра, так что вам будет нетрудно сохранять дистанцию. Моя группа будет связываться с вами с помощью наших акустических переговорных устройств.

Рейнхардт жестом показал, что он понял, и повернулся, передав эти инструкции по-немецки полицейским водолазам, стоящим за ним. Затем он быстрым жестом отдал Питту военный салют.

— За вами, сэр.

Больше никаких промедлений не было. Питт развел вытянутые руки в стороны, указательными пальцами показывая налево и направо от себя.

— Я буду идти по центру туннеля. Фрэнк, ты держись за мной слева, на два метра позади. Ал, ты будешь справа. Внимательно следите за всеми необычными механизмами, выступающими из стен.

Больше ему ничего не оставалось сказать им, и Пип включил свой водолазный фонарь, дернул за шнур безопасности, чтобы убедиться, что он пристегнут, и лицом вниз прыгнул в воду. Несколько секунд он плыл по поверхности, затем очень медленно погрузил голову в воду и нырнул вниз. в направлении дна, держа фонарь перед собой.

Вода была холодна. Он взглянул на экранчик компьютера. Температура воды составляла 14 градусов по Цельсию, или 57 по Фаренгейту. Бетонное дно было покрыто зелеными нитчатыми водорослями и тонким слоем ила. Он тщательно следил, чтобы не задеть ластами дно и не замутить воду, что могло бы помешать людям, плывущим за ним.

На самом деле Питт наслаждался этим приключением. Он снова чувствовал себя как дома, полностью в своей стихии. Он направил фонарь вверх и посмотрел на потолок бункера. Потолок уходил вниз, погружаясь в воду и сужаясь в туннель, как Питт и предполагал. Вода у дна была мятной, и частицы ила, проплывавшие мимо стекла его маски, снизили видимость до трех метров. Он остановился и посоветовал людям, плывущим сзади, подтянуться немного поближе друг к другу. Затем он продолжил свое продвижение, плывя легко и плавно; призрачные очертания пола постепенно уходили вниз. Наконец пол выровнялся и потонул во мраке.

Проплыв еще двадцать метров, он снова сделал паузу и на несколько секунд завис на одном месте, повернувшись назад и отыскивая взглядом Джиордино и Манкузо. Они выглядели лишь расплывчатыми тенями за мертвенным светом своих фонарей, но послушно держались предписанных им положений. Он снова взглянул на экранчик своего компьютера. Цифры, указывающие давление, говорили о том, что глубина составляет лишь шесть метров.

Вскоре подводный туннель, видимо, начал сужаться, и дно стало подниматься. Питт двигался вперед осторожно, его глаза напряженно всматривались во мрак. Он поднял свободную руку над головой и почувствовал, что она прошла сквозь поверхность воды. Он перевернулся на спину и направил фонарь вверх. Поверхность вспыхнула и заколыхалась от его движений, как разлитая ртуть, всего в нескольких сантиметрах над его маской.

Похожая на какую-то неведомую тварь, поднимающуюся из глубины, его голова в резиновом шлеме с маской и загубником акваланга, странно освещенная фонарем, вынырнула из холодной воды во влажную затхлую атмосферу небольшой камеры. Он легко оттолкнулся ластами и

мягко стукнулся о короткий марш бетонных ступенек. Он выполз наверх и оказался на ровном полу.

Зрелище, которого он опасался, не материализовалось, по крайней мере пока. Питт не обнаружил никаких тел немецких водолазов из ВМФ. Он заметил, где они оставили следы своих ласт на слое тины, покрывавшей бетонный пол, но это были единственные признаки того, что они побывали здесь.

Он тщательно обшарил лучом фонаря стены камеры и не нашел никаких угрожающих выступов. В дальнем ее конце фонарь осветил большую покрытую ржавчиной металлическую дверь. Он поднялся по ступенькам, неуклюже ступая в ластах, и подошел к двери. Он нажал на нее плечом. Петли повернулись на осях невероятно легко и беззвучно, словно их смазали на прошлой неделе. Дверь качнулась внутрь и затем быстро вернулась назад, когда Питт ослабил нажим, притянутая к косяку пружинами.

— Хелло, ну что тут у нас? — Слова были ясно различимы, но голос Манкузо звучал так, как будто он доносился через бульканье мембраны переговорного устройства.

— Догадайся, что находится за дверью номер один, и ты выиграешь годовой запас пастилок от кашля, — сказал Джиордино, выдав еще один образчик своего грубоватого юмора.

Питт снял свои ласты, встал на колени и приоткрыл дверь еще на несколько сантиметров. Несколько секунд он рассматривал порог, затем показал на нижнюю кромку проржавевшей двери.

— Теперь понятно, что обрезало телефонный шнур и фалы безопасности.

Джиордино кивнул.

— Срезаны острым краем низа двери после того, как водолазы вошли и система пружин захлопнула дверь.

Манкузо взглянул на Питта.

— Ты говорил, что разгадал другую часть головоломки.

— Да, — пробормотал Джиордино, — избранную часть. Например, что убило лучших водолазов немецкого флота.

— Газ, — кратко ответил Питт. — Ядовитый газ, который был выпущен после того, как они открыли дверь.

— Разумное предположение, — согласился Манкузо.

Питт направил фонарь на воду и увидел приближающиеся пузырьки воздуха из аквалангов Рейнхардта и его напарника.

— Фрэнк, стой здесь и не позволяй остальным входить в дверь. Ал и я пойдем вдвоем. И, что бы ни случилось, проследи, чтобы непременно все дышали только воздухом из своих баллонов. Ни при каких обстоятельствах они не должны выпускать загубники аквалангов изо рта.

Манкузо показал рукой, что он все понял, и повернулся встречать следующую группу.

Джиордино прислонился к стене, согнул одну ногу и снял с нее ласт.

— Никакого смысла ковылять там как утки.

Питт поскреб подошвами своих резиновых ботинок по бетонному полу, чтобы понять, держат ли они хоть немного на скользкой поверхности. Трение было нулевое. Стоит чуть потерять равновесие, и он упадет.

Еще одна проверка давления в баллонах по показаниям компьютера. Достаточный запас воздуха при атмосферном давлении, чтобы можно было дышать еще час. После того как он вылез из холодной воды, при этой температуре воздуха он мог сносно себя чувствовать в сухом водолазном костюме.

— Ступай осторожней, — сказал он Джиордино. Затем он наполовину приоткрыл дверь и вступил внутрь так осторожно, как будто шел по туго натянутому канату. Воздух внезапно стал сухим, влажность упала почти до нуля. Он замер и направил луч фонаря на бетонный пол, тщательно высматривая натянутые струны и шнуры, ведущие к детонаторам взрывных устройств или к баллонам с ядовитым газом. Тонкая порванная рыболовная леска, окрашенная в серый цвет и почти не видимая в слабом свете фонаря, лежала у самых пальцев его ног.

Он повел лучом фонарика вдоль лески, пока пятно света не упало на баллон, на котором было написано «Фосген». Слава Богу, подумал Питт с большим облегчением, фосген ядовит только тогда, когда его вдыхают. Немцы изобрели нервно-паралитический яд во время второй мировой войны, но по какой-то причине, затерянной в тумане прошлого, они не воспользовались им здесь. Это была удача для Питта и Джиордино, а также для тех людей, которые шли за ними: нервно-паралитический яд может убить при контакте с кожей, а у них были участки открытой кожи на руках и лице вокруг масок.

— Ты был прав насчет газа, — сказал Джиордино.

— Слишком поздно. Этим несчастным морякам уже ничем не помочь.

Он нашел еще четыре ловушки с ядовитым газом, Причем две из них уже сработали. Фосген сделал свое смертоносное дело. Тела флотских водолазов лежали в скорченных позах лишь в нескольких метрах от входа. Они сняли свои акваланги, не подозревая о присутствии газа до тех пор, пока не стало слишком поздно. Питт и не пытался нащупать пульс. Их посиневшие лица и невидящие глаза ясно показывали, что они давно мертвы.

Он направил фонарь вдоль штольни и замер.

Почти прямо в лицо ему смотрела женщина, наклонив голову в кокетливой позе. Она улыбалась ему своим прелестным личиком с высокими скулами и гладкой розовой кожей.

Она была не одна.

Еще несколько женских фигур стояли сбоку и сзади от нее, и их немигающие глаза, казалось, смотрели прямо на Питта. Они были обнажены, их прикрывали только длинные волосы, которые доходили им почти до колен.

— Я умер и попал в рай к амазонкам, — пробормотал Джиордино восхищенно.

— Не горячись, — предупредил его Питт. — Это раскрашенные скульптуры.

— Хотел бы я уметь отлить что-либо подобное.

Питт обогнул скульптуры в человеческий рост и поднял фонарь над головой. Множество золоченых рам картин засверкало в луче его фонаря.

Вся длинная штольня, насколько можно было увидеть в свете фонаря, была заполнена многоярусными стеллажами с картинами, скульптурами, религиозными реликвиями, гобеленами, редкими книгами, старинной мебелью и археологическими древностями. Все это хранилось в аккуратных ящиках и открытых клетях.

— Я думаю, — пробормотал Питт в свое переговорное устройство, — мы только что осчастливили множество людей.

Глава 37

Немцы, как всегда, действовали очень эффективно. В течение четырех часов прибыли специалисты по обеззараживанию, включили откачивающее оборудование и проложили шланг в галерею с сокровищами. Отравленный воздух был быстро и безопасно откачан в стоящий на поверхности грузовик с цистерной для обезвреживания газа. Пока продолжался процесс очистки, Рейнхардт и его подчиненные

демонтировали механизмы ловушек, выпускающие фосген, и передали баллоны с ядовитым газом команде по обеззараживанию. Только после этого флотские водолазы смогли вытащить из бункера тела своих погибших товарищей и перенести их в ожидающие машины «скорой помощи».

Затем в отверстие в земле была вставлена длинная алюминиевая труба, наподобие соломины для коктейлей, и соединена рукавом с мощным откачивающим насосом, который тут же начал перекачивать воду из туннеля в маленький ручей, протекавший поблизости. Затем появилась команда для проведения земляных работ со своим оборудованием и начала откапывать наклонную траншею, ведущую в бункер, по которой завозились грузы и которая была засыпана в конце войны.

Манкузо в нетерпении мерял шагами бункер, то и дело останавливаясь, чтобы взглянуть на приборы, показывающие все убывающую концентрацию ядовитого газа. Затем он подошел к краю траншеи, глядя, как убывает вода. Он все ходил взад и вперед, наблюдая за продвижением работ и считая минуты до того момента, когда он сможет войти в галерею, где хранились награбленные нацистами сокровища.

Джиордино, верный себе, все это время спал. Он нашел пыльную старую кушетку в жилом помещении механиков Люфтваффе и быстро уснул.

После того, как Питт отчитался перед Хальдером и Рейнхардтом, он решил убить время, приняв приглашение фрау Клаузен к домашнему обеду в теплом уютном деревенском доме. Затем он слонялся по бункеру, разглядывая старые самолеты. Он обошел вокруг одного из истребителей «Мессершмитт-262», восхищаясь обтекаемыми формами сигарообразного фюзеляжа, треугольным вертикальным стабилизатором и подвешенными к острым, как ножи, крыльям гондолами реактивных двигателей. Кроме черных крестов в белых кругах, нарисованных на фюзеляже и крыльях, и свастики на хвосте, единственным отличительным знаком была большая цифра девять, помещенная чуть спереди от кокпита.

Первый в мире реактивный истребитель, принимавший участие в боях, он появился слишком поздно, чтобы спасти Германию, но от него здорово досталось английским и американским воздушным силам за несколько последних месяцев войны.

— Он летал, как будто его толкали ангелы.

Питт обернулся на голос и увидел, что сзади стоит Герт Хальдер. Голубые глаза немца мечтательно уставились на кокпит «Мессершмитта».

— Вы слишком молодо выглядите, чтобы вы когда-либо могли летать на таком, — сказал Питт.

Хальдер покачал головой.

— Это слова одного из наших лучших асов времен войны, Адольфа Галланда.

— Не так уж много потребовалось бы работы, чтобы снова поднять их в воздух.

Хальдер смотрел на эскадрилью самолетов, неподвижно стоявших в призрачной тишине бункера.

— Правительство редко выделяет средства на подобные проекты. И буду счастлив, если мне позволят оставить пять или шесть из них для музейных экспозиций.

— А что будет с остальными?

— Они будут проданы или выставлены на аукцион для музеев и коллекционеров со всего света.

— Хотелось бы мне, чтобы я мог позволить себе подать заявку на такой аукцион.

Хальдер смотрел на него, и в этом взгляде не было и следов прежней заносчивости. Хитрая улыбка играла у него на губах.

— Как вы думаете, сколько здесь самолетов?

Питт отошел в сторону и в уме подсчитал, сколько истребителей находилось в бункере.

— Я насчитал ровно сорок.

— Неверно. Их тридцать девять.

Питт пересчитал, и у него снова получилось сорок.

— Я терпеть не могу спорить, но ...

Хальдер прервал его взмахом руки.

— Если один из них можно будет вывезти отсюда, когда будет расчищен вход, и переправить через границу, прежде чем я сделаю официальную опись...

Хальдеру не было нужды договаривать фразу. Питт услышал, но он не был уверен, что он правильно понял ее смысл. Ме-262 в хорошем состоянии, пригодном для восстановления, должен был стоить не меньше миллиона долларов.

— А когда вы сможете составить опись? — спросил он, чувствуя, что он на верном пути.

— После того, как я составлю каталог награбленных произведений искусства.

— Для этого потребуются недели.

— Возможно, даже больше.

— Почему? — выложил Питт свое недоумение Хальдеру, смущенный столь щедрым даром.

— Считайте это моим покаянием. Я был крайне груб с вами тогда. И я чувствую себя обязанным наградить вас за мужественный поступок, за то, что вы нашли сокровища, спасли, возможно, пять жизней и помешали мне показать себя полным идиотом и, скорее всего, потерять работу.

— И поэтому вы предлагаете глядеть в другую сторону, пока я буду красть один из них.

— Их так много, пропажу одного никто не заметит.

— Я вам чрезвычайно признателен, — сказал Питт.

Хальдер посмотрел на него.

— Я попросил своего приятеля из разведки посмотреть ваше досье, пока вы были заняты в туннеле. Я подумал, что «Мессершмитт-262» будет прекрасным пополнением вашей коллекции и дополнит ваш трехмоторный «Форд».

— Ваш приятель был очень внимателен.

— В качестве собирателя редких образчиков механического искусства, я полагаю, вы отнесетесь к этой машине с должным уважением.

— Она будет полностью восстановлена, — пообещал Питт.

Хальдер закурил сигарету и небрежно прислонился к гондоле реактивного двигателя.

— Я предлагаю вам нанять трейлер с плоской платформой. Сегодня к вечеру вход будет достаточно расширен, чтобы самолет можно было лебедкой вытащить на поверхность. Я уверен, что лейтенант Рейнхардт и оставшиеся в живых водолазы будут рады помочь вам переместить новое приобретение.

Прежде чем потрясенный и благодарный Питт успел вымолвить хоть слово, Хальдер повернулся и пошел прочь.

Прошло еще восемь часов, прежде чем мощный насос откачал из туннеля почти всю воду и воздух в галерее с трофеями военного времени стал безопасен для дыхания. Хальдер стоял на стуле с микрофоном в руках, информируя о ходе дел свой штат искусствоведов и историков и группу немецких правительственных чиновников и политиков, пожелавших присутствовать при обнаружении находки. Целая армия телерепортеров и газетчиков топталась на развороченном салатном поле Клаузена, требуя, чтобы их пропустили в бункер. Но Хальдер подчинялся приказам своих боннских начальников: не допускать в бункер никаких журналистов, пока клад не будет изучен.

Начинаясь у стальной двери, подземная галерея тянулась более чем на полкилометра. Ящики и клети заполняли ее до задней стены и громоздились на четыре метра в высоту. Несмотря на заполнявшую туннель воду, влага не проникла внутрь галереи, так как входная дверь была хорошо уплотнена и бетонные конструкции оказались отличного качества. Поэтому даже наиболее уязвимые предметы прекрасно сохранились.

Немцы немедленно начали обустраивать лабораторию для фотографирования и консервации произведений искусства, мастерскую и помещение для архива. После брифинга Хальдер переместился в галерею и стал распоряжаться всеми мероприятиями из офиса, который был спешно смонтирован из готовых конструкций и меблирован, а также снабжен телефоном и факсимильным аппаратом.

Почти безотчетно Питт покачал головой и пошел по уже сухому туннелю вместе с Манкузо, изумляясь, как много было сделано меньше чем за сутки.

— Где Ал? — спросил Манкузо.

— Отправился раздобывать грузовик.

Манкузо с изумлением уставился на него.

— Надеюсь, мы не собираемся удрать отсюда с грузом шедевров, ведь правда? Если собираемся, то я очень не советую этого делать. Фрицы ухлопают тебя прежде, чем ты успеешь выехать с фермы.

— Нет, если у тебя есть высокопоставленные покровители, — улыбнулся Питт.

— Я не хочу даже слышать об этом. Каков бы ни был твой нечестивый замысел, осуществляй его лишь после того, как я уеду отсюда.

Они прошли через входную дверь в галерею и вошли в крошечный офис Хальдера, смонтированный у одной из стен галереи. Хальдер помахал им рукой и показал на пару складных стульев, продолжая разговаривать

по-немецки по одному из четырех стоявших на его столе телефонов. Он положил трубку, когда они уселись.

— Я вполне понимаю, что у вас имеется разрешение от канцлера Ланге искать то, за чем вы приехали, что бы это ни было, но прежде чем вы начнете рыться в ящиках и клетях, я хотел бы знать, что это такое.

— Нас интересуют только предметы искусства, вывезенные из японского посольства в Берлине, — ответил Питт.

— Вы уверены, что они тут есть?

— Переправить их в Японию не было времени, — объяснил Манкузо. — Русские окружали город. Посол запер здание и едва успел вместе со своим персоналом сбежать в Швейцарию. Согласно архивным материалам, старинные произведения искусства, украшавшие интерьер посольства, были доверены на сохранение нацистам, а те спрятали их под аэродромом.

— И вы полагаете, что они могут оказаться в том тайнике, который мы здесь нашли?

— Да, мы и в самом деле так считаем.

— Могу я спросить, почему американское правительство так интересуется потерянными произведениями японского искусства?

— Я сожалею, — честно сказал Питт. — Мы не можем разглашать эту информацию. Но я могу заверить вас, что наши поиски не поставят никаких проблем перед правительством Германии.

— Я думаю о японцах. Они потребуют, чтобы им вернули их собственность.

— Владение этими предметами не входит в наши планы, — заверил Манкузо Хальдера. — Мы хотим только сфотографировать несколько предметов.

— Хорошо, джентльмены, — вздохнул Хальдер. Он пристально посмотрел на Питта. — Я доверяю вам, герр Питт. У нас с вами договор. Делайте то, что вы сказали, и я гарантирую, что буду смотреть в другую сторону.

Когда они вышли из офиса Хальдера, Манкузо зашептал:

— О чем он говорил? Какое соглашение? — Вербовка.

— Вербовка? — повторил Манкузо.

Питт кивнул.

— Он уговорил меня вступить в Люфтваффе.

Они нашли клеть с предметами из японского посольства приблизительно в пятидесяти метрах от скульптур, некогда украшавших музеи Европы. Немцы уже установили цепочку ламп, питаемых от переносного генератора и бросающих свет на огромную сокровищницу, которая, казалось, уходит в бесконечность.

Японский отдел было легко найти, упаковочные ящики в нем были помечены символами алфавита «кана» и изготовлены вручную куда аккуратнее, чем грубые клети, сколоченные нацистскими трофейщиками.

— Давай начнем вот с этого, — сказал Манкузо, показывая на узкий контейнер. — Он выглядит подходящим по размерам.

— Ты провел много времени в Японии. Что здесь написано?

— «Контейнер номер четыре», — перевел Манкузо. — «Собственность Его Императорского Величества, Императора Японии».

— Много от этого толку. — Питт приступил к работе и осторожно приподнял крышку молотком и ломиком. Внутри была небольшая изящная складная ширма, на которой были изображены птицы, летающие вокруг нескольких горных вершин. — Это уж точно не остров. — Он пожал плечами.

Он открыл еще два ящика, но картины, которые он вытащил оттуда на свет, были более позднего периода, чем нужно, и не могли принадлежать мастеру шестнадцатого века Масаки Симцу. Большинство ящиков меньшего размера были заполнены тщательно упакованным фарфором. В задней части клети оставался только один ящик, который мог, судя по его размерам, содержать картину.

У Манкузо появились признаки стресса. Бусинки пота заблестели у него на лбу, и он нервно вертел в руках свою трубку.

— Лучше бы это оказался он, — пробормотал Фрэнк. — Иначе мы впустую потратили уйму времени.

Питт ничего не ответил, только продолжал свою работу. Этот ящик был, кажется, изготовлен прочнее остальных. Он поддел крышку и заглянул в щель.

— Я вижу воду. Думаю, это морской пейзаж. Что еще приятнее, это остров.

— Слава Богу. Вытащи ее, парень, давай-ка рассмотрим ее.

— Подожди. — У картины не было узорчатой наружной рамы, поэтому Питт схватил картину за подрамник и с трудом вытащил ее из ящика. Как только она оказалась у него в руках, он поднес ее поближе к лампе для осмотра.

Манкузо торопливо вытащил из кармана небольшой каталог с цветными фотографиями работ Масаки Симцу и стал листать его, сравнивая фотографии с найденной ими картиной.

— Я не специалист по живописи, но это по стилю похоже на Симцу.

Питт перевернул картину и посмотрел на обратную сторону.

— Тут что-то написано. Ты можешь это разобрать? Манкузо взглянул.

— «Остров Адзима Масаки Симцу», — выпалил он триумфально. — Теперь оно у нас в руках, расположение командного центра Сумы. Все, что осталось сделать, — это сравнить береговую линию со спутниковыми фотографиями.

Глаза Питта механически начали рассматривать картину, которую Симцу написал четыреста пятьдесят лет назад с острова, называвшегося тогда Адзима. Остров этот никогда не станет туристским раем. Крутые каменные утесы поднимались прямо из полосы прибоя, никаких признаков пляжа и почти полное отсутствие растительности. Он выглядел пустынным и грозным, мрачным и неприступным. Не было никакой возможности высадиться на него с моря или с воздуха незамеченным. Это была природная крепость, а Сума, несомненно, сильно укрепил ее против любых попыток нападения.

— Проникнуть внутрь этой скалы, — задумчиво сказал Питт, — будет практически невозможно. Кто бы ни пытался сделать это, он наверняка умрет.

Выражение торжества на лице Манкузо вдруг исчезло.

— Не говори так. Даже не думай так, — пробормотал он.

Питт взглянул горному инженеру в глаза.

— Почему? Проникновение в командный центр — не наша задача.

— Но вот в этом-то ты и ошибаешься. — Манкузо устало стер пот со лба. — Теперь, когда группы «Хонда» и «Кадиллак» вышли из игры, у Джордана не осталось иного выбора, как послать туда тебя, меня и Джиордино. Подумай об этом.

Питт подумал и понял, что Манкузо прав. Сейчас это стало совершенно ясно. Хитрый Джордан держал их троих в резерве для тайной операции

по нападению на построенный Сумой командный центр взрыва ядерных бомб.

Глава 38

Президент смотрел на открытое досье, лежавшее у него на столе. Лицо его было мрачно, когда он поднял глаза от документов и посмотрел на Джордана.

— Они и в самом деле намерены взорвать эти штуки? Это не блеф?

Джордан выглядел бесстрастным, когда кивнул в ответ.

— Они не блефуют.

— Это немыслимо.

Джордан не ответил, но дал президенту время собраться с мыслями. Этот человек, казалось, никогда не менялся. Он выглядел точно так же, как в тот день, когда Джордану представили новоизбранного сенатора от штата Монтана. Та же самая стройная фигура, яркие голубые глаза, та же самая любезность, и доброжелательность. Невероятная власть никогда не тяготила его. Он был вежлив и сердечен с обслуживающим персоналом Белого дома и редко забывал поздравить с днем рождения кого-либо из окружавших его людей.

— Что-то не похоже, чтобы мы окружили их острова флотом, готовым к вторжению, избави Боже.

— Они стали проявлять подозрительность из-за того, что отношение к ним мирового общественного мнения внезапно изменилось к худшему, — сказал Дональд Керн. — После того, как Китай и Россия бросились в объятия демократии, страны Восточного блока стали независимыми, Южная Африка провела свободные выборы, а Ближний Восток чуть булькает на слабом огне, все внимание оказалось приковано к Японии, развивающейся слишком быстро и достигшей слишком многого.

— Их экономическая агрессивность не всегда смягчается ловкостью. Чем больше рынков они завоевывают, тем более твердолобыми становятся.

— Но их нельзя осуждать за то, что они пытаются сделать мировую экономику такой, какою хотят ее видеть, — сказал Джордан. — Их деловая этика отличается от нашей. Они не видят ничего предосудительного в том, чтобы использовать коммерческую конъюнктуру и извлекать выгоду из слабостей своих контрагентов, независимо от эмоций, провоцируемых таким поведением. Единственным преступлением в их глазах являются попытки противодействия их систематическому продвижению. Честно говоря, в

своей внешней торговле после второй мировой войны мы вели себя точно так же.

— Я не могу спорить с вами, — уступил президент. — Немногие из лидеров нашего бизнеса, как в прошлом, так и в настоящее время, могли бы рассчитывать на то, что их признают святыми.

— Конгресс и страны Общего рынка склонны всерьез противодействовать экспансии японского бизнеса. Если они проголосуют за торговое эмбарго и национализацию японских корпораций, Токио попробует поторговаться, но Сума и его дружки твердо решились на реванш.

— Но угрожать ядерной смертью и разрушением...

— Они стараются выиграть время, — объяснил Джордан. — Их Всемирный коммерческий трест является лишь частью более широкого плана. Японцы живут в ужасных условиях перенаселенности. Сто двадцать пять миллионов человек на клочке суши размером с Калифорнию, причем большая часть этой суши слишком гориста, чтобы на ней можно было жить. Их неафишируемая долговременная цель состоит в экспорте миллионов их наиболее хорошо образованных граждан в другие страны и создании колоний, сохраняющих лояльность и тесные связи с метрополией. Именно так обстоит дело в случае Бразилии, и то же самое происходит с Соединенными Штатами, если учесть их массовую иммиграцию на Гавайи и в Калифорнию. Японцы одержимы идеей выживания, и, в отличие от нас, они планируют вперед на десятилетия. Посредством торговли они строят огромное глобальное экономическое сообщество с японскими традициями и культурой в качестве связующего звена. То, чего не понимают даже они, — что Сума намерен стать исполнительным директором этого сообщества.

Президент снова взглянул на досье.

— И он защищает свою преступную империю, стратегически подкладывая ядерные бомбы в другие страны.

— Мы не можем винить в этом японское правительство или огромное большинство японского народа, — заявил Джордан свое мнение. — Я твердо убежден, что премьер-министр Дзансиро был введен в заблуждение и обманут Хидеки Сумой и его картелем промышленников, финансистов и лидеров преступных группировок, которые тайно создали ядерный арсенал и затем на его основе разработали Проект «Кайтен».

Президент раскрыл карты.

— Может быть, мне следует назначить встречу с Дзансиро и проинформировать его об открытиях, сделанных нашей разведкой?

Джордан покачал головой.

— Я не советую делать это сейчас, сэр. По крайней мере следует отложить это до тех пор, пока мы не получим шанс поразить Проект «Кайтен» в самое сердце.

— Когда мы встречались с вами прошлый раз, вы еще не знали, где находится командный центр.

— Новая информация приблизила нас к этой цели.

Президент посмотрел на Джордана с еще большим уважением. Он понимал своего главного собирателя разведданных, его преданность своей стране, долгие годы службы, начавшейся еще тогда, когда он только что кончил школу и уже начал тренироваться для участия в оперативной работе. Президент также заметил, чего стоили Джордану эти годы невероятного перенапряжения. Джордан то и дело глотал таблетки «Маалокс», одну за другой, словно это была воздушная кукуруза.

— Вы знаете, где должны быть размещены заминированные автомобили для их подрыва?

Керн ответил.

— Да, сэр, одна из наших групп нашла план, прослеживая отгрузку автомашин. Инженеры Сумы создали дьявольский сценарий хорошо продуманной катастрофы.

— Я полагаю, что они будут запаркованы в густонаселенных районах, чтобы убить как можно больше американских граждан.

— Ничего подобного, господин президент. Они будут стратегически размещены с целью минимизировать людские потери.

— Вы меня поставили в тупик.

— По всей территории Соединенных Штатов и по всему индустриальному миру, — проинформировал Керн, — автомобили будут размещены в узлах равномерной сетки в безлюдных районах таким образом, чтобы их одновременный подрыв вызвал электромагнитный импульс на почве, который поднимется в атмосферу. Это породит цепную реакцию типа зонтика, который перекроет каналы связи со всемирной спутниковой системой коммуникаций.

— Все телефонные, телевизионные и радиосети просто перестанут существовать, — добавил Джордан. — Федеральное и местные правительства, военные штабы, полицейские участки, пожарные службы, медицинская помощь и весь транспорт прекратят работу, поскольку они не могут действовать без средств связи.

— Мир без коммуникаций, — пробормотал президент. — Это немыслимо.

— Дело обстоит еще хуже, — зловеще продолжал Керн. — Намного хуже. Вы знаете, конечно, господин президент, что случится, если помахать магнитом рядом с компьютерным диском или кассетой с магнитофонной лентой.

— Все записи будут стерты.

Керн медленно кивнул.

— Электромагнитный импульс от ядерных взрывов делает то же самое. На тысячи миль вокруг каждого взрыва память каждого компьютера будет полностью стерта. Кремниевые микросхемы и транзисторы, становой хребет нашего современного компьютеризованного мира, беззащитны против импульса, распространяющегося по электрическим и телефонным сетям и антенным устройствам. Все, что сделано из металла, проводит электромагнитный импульс, от трубопроводов до рельс, от радиорелейных башен до стальных каркасов зданий.

Президент смотрел на Керна с изумлением.

— Мы говорим о полном хаосе.

— Да, сэр, о полном крахе в масштабах страны с катастрофическими последствиями, которые невозможно будет преодолеть. Любые записи, когда-либо запрограммированные в памяти компьютеров банками, страховыми компаниями, медицинскими учреждениями, гигантскими корпорациями, малыми предприятиями, супермаркетами и небольшими магазинами — этот список можно продолжать до бесконечности, — будут уничтожены, как и все хранимые научные и технические данные.

— Все диски, все ленты?

— В каждом доме и офисе, — сказал Джордан.

Керн продолжал смотреть на президента, чтобы еще больше усилить впечатление от своего мрачного комментария.

— Любая компьютерная электроника, в которой используется память, а к ней относятся системы зажигания и подачи топлива современных автомобилей, управление дизелями локомотивов, самолетные системы управления полетом, — все это перестанет функционировать. Для самолетов последствия будут особенно тяжелыми, потому что многие из них упадут на землю прежде, чем экипажам удастся перейти на ручное управление.

— И еще есть множество устройств, которыми мы пользуемся каждый день в быту, почти не замечая этого, — сказал Джордан, — которые также будут выведены из строя, например, микроволновые печи, видеомагнитофоны, охранные системы сигнализации. Мы так привыкли полагаться на компьютерную микроэлектронику, что никогда не задумывались над тем, насколько она уязвима.

Президент машинально схватил ручку и стал нервно постукивать ею по столу. Его лицо осунулось, выражение смятения появилось на нем.

— Я не могу допустить, чтобы это проклятье парализовало американский народ на многие годы, возможно, на десятилетия, — без околичностей заявил он. — Я должен серьезно рассмотреть удар, возможно, ядерный, по их арсеналу боеголовок и командному центру, откуда должна поступить команда на подрыв.

— Я рекомендую не делать этого, господин президент, — тихо, но убежденно сказал Джордан, — разве что в самом крайнем случае.

Президент посмотрел на него.

— А что ты предлагаешь, Рей?

— Установки Сумы не будут готовы к работе еще около недели. Попробуем разработать план проникновения в командный центр и разрушения его изнутри. Если это удастся сделать, это избавит вас от чудовищной бури возмущения и осуждения со стороны мирового сообщества за то, что будет рассматриваться как неспровоцированное нападение на дружественную страну.

Президент молчал, его лицо выражало глубокую задумчивость. Затем он медленно произнес:

— Вы правы, мне придется приводить оправдания, которым никто не поверит.

— Время на нашей стороне, пока никто, кроме группы МОГ и нас троих, не знает, что происходит, — продолжал Джордан.

— Это хорошо, — сказал Керн. — Если бы русским стало известно, что их территория заминирована десятками иностранных боеголовок, они не колебались бы ни минуты предпринять полномасштабное вторжение в Японию.

— А нам это не нужно, — тихо сказал президент.

— Тем более это не нужно невинным японцам, не имеющим ни малейшего представления о безумном заговоре Сумы, — сказал Джордан, забивая последний гвоздь.

Президент встал, давая понять, что совещание окончено.

— Четыре дня, джентльмены. В вашем распоряжении девяносто шесть часов.

Джордан и Керн обменялись сдержанными улыбками.

Нападение на Суму было спланировано еще до того, как они вошли в Овальный кабинет. Чтобы привести этот план в действие, оставалось лишь позвонить по телефону.

Глава 39

В четыре часа утра небольшая посадочная полоса на территории правительственного заповедника под Вудмором, штат Мэриленд, выглядела заброшенной. По краям узкой полоски асфальта не было посадочных огней. Единственным ориентиром для пилота, выполняющего ночное приземление, был треугольник синих ртутных ламп уличных фонарей, склонившихся над пересечением двух грунтовых дорог, указывающий южный конец посадочной полосы.

Затем тишину раннего утра нарушил свист турбин реактивного самолета, рассекающий неподвижный воздух. Вспыхнула пара автомобильных фар, осветившая центр посадочной полосы. Реактивный транспортный самолет «Гольфстрим», вдоль верхней части фюзеляжа которого тянулась надпись «КРУГОСВЕТНЫЕ АЭРОЛИНИИ», коснулся полосы и вырулил к стоявшему рядом с ней многоместному джипу.

Меньше чем через три минуты после того, как дверца пассажирского отсека открылась и два человека со своим багажом оказались на земле, самолет покатился к концу взлетной полосы и снова оторвался от земли. Когда гул турбин растаял в черном небе, адмирал Сэндекер пожал Руки Питту и Джиордино.

— Поздравляю, — тепло сказал он, — с чрезвычайно успешной операцией.

— Мы еще не слышали о результатах, — ответил Питт. — Удалось ли по фотографиям картины, которые передал Манкузо, идентифицировать какой-нибудь реально существующий остров?

— Прямо в точку, — ответил Сэндекер. — Оказалось, что этот остров был назван «Адзима» рыбаками после того, как один из них застрял на нем в начале шестнадцатого века. Но на картах он назывался «Сосеки». И, подобно многим географическим названиям, связанным с местным фольклором, наименование «Адзима» было затем утрачено.

— Где он находится? — спросил Джиордино.

— Примерно в шестидесяти километрах от берега к востоку от Эдо-Сити.

Лицо Питта вдруг омрачилось тревожным беспокойством.

— Что слышно про Лорен?

Сэндекер покачал головой.

— Только то, что они живы и спрятаны в каком-то потайном месте.

— И это все? — сказал Питт раздраженно. — Никакого расследования, никакой операции по их освобождению?

— Пока угроза, связанная с заминированными автомобилями, не будет устранена, у президента связаны руки.

— Кровать, — пробормотал Джиордино, ловко меняя тему разговора, чтобы Питт немного остыл. — Отнесите меня в мою кровать.

Питт кивнул головой в сторону маленького итальянца.

— Вы только посмотрите на него. Он не открывал глаз с тех пор, как мы покинули Германию.

— Вы хорошо провели время? — сказал Сэндекер. — Полет был приятным?

— Большую часть времени я спал. И, поскольку при полете на запад сдвиг часовых поясов работает в нашу пользу, я вполне выспался.

— Фрэнк Манкузо остается с произведениями искусства? — спросил Сэндекер.

Питт утвердительно кивнул.

— Как раз перед нашим отлетом он получил послание от Керна, приказывающее ему упаковать предметы из японского посольства и самолетом везти их в Токио.

— Дымовая завеса, чтобы умиротворить немцев, — улыбнулся Сэндекер. — Коллекция на самом деле отправится в запасник музея в Сан-Франциско. Когда наступит подходящий момент, президент преподнесет ее в дар японскому народу в качестве жеста доброй воли. — Он показал рукой на сиденья джипа. — Садитесь. Раз вы столь бодры и решительно настроены, я позволю вам самому вести машину.

— Вот и прекрасно, — с радостью согласился Питт. После того как они бросили свои сумки в багажное отделение, Питт сел за руль, пока адмирал и Джиордино влезали в джип с другой стороны. Сэндекер занял переднее пассажирское сиденье, а Джиордино заднее. Питт переключил трансмиссию уже работавшего двигателя и повел машину по неосвещенной дороге к выездным воротам, спрятанным в купе деревьев. Охранник в форме вышел из караульной будки, секунду

всматривался внутрь джипа, затем отсалютовал Сэндекеру и махнул рукой в направлении ворот, ведущих на узкое пустынное шоссе, проходящее по сельской глуши.

Через три километра Питт свернул на автостраду, ведущую к столице, и повел джип в сторону огней Вашингтона. В эти ранние предрассветные часы движения на автостраде почти не было. Питт установил регулятор скорости на 110 километрах в час и спокойно уселся назад, пока большая машина с двумя ведущими осями катилась по бетону, почти не требуя его вмешательства.

Несколько минут они ехали в молчании. Сэндекер рассеянно глядел сквозь ветровое стекло. Питту не нужно было обладать большим воображением, чтобы догадаться, что адмирал не стал бы встречать их лично в такое время, не будь у него для того веских причин. У Сэндекера, как ни странно, не было во рту неизменной огромной гаванской сигары, и его руки были сложены на груди — верный знак внутреннего напряжения. Глаза адмирала напоминали кубики льда. Определенно какие-то невеселые мысли владели им.

Питт решил дать ему возможность открыть карты.

— Куда мы отсюда направимся? — спросил он.

— Повтори, что ты сказал, — промямлил Сэндекер, притворяясь, что не расслышал.

— Что дальше припас для нас великий орел? Я надеюсь, приятный недельный отпуск.

— Тебе и в самом деле хочется это знать?

— Вероятно, нет, но ведь вы собираетесь сказать мне, не так ли?

Сэндекер зевнул, чтобы еще чуть-чуть отсрочить неприятную необходимость сказать правду.

— Ну, я боюсь, что вам обоим снова предстоит лететь на самолете.

— Куда?

— На Тихий.

— Куда именно? Океан велик.

— На Палау. Группа, точнее, то, что от нее осталось, должна собраться в Центре сбора и передачи информации, чтобы получить новые инструкции от Директора оперативного отдела.

— Если отбросить все эти бюрократические выспренности, вы хотите сказать, что мы встречаемся с Мэлом Пеннером.

Сэндекер улыбнулся, и его глаза заметно потеплели.

— У тебя есть несносная привычка сразу переходить к сути дела.

Питт был встревожен. Он чувствовал, что топор вот-вот упадет.

— Когда? — коротко спросил он.

— Ровно через час и пятьдесят минут. Вы отправитесь рейсовым авиалайнером коммерческой компании из Далласа.

— Жаль, что мы не приземлились прямо там, — грустно сказал Питт, — и не избавили вас от необходимости подбрасывать нас на машине.

— Соображения безопасности. Керн подумал, что будет лучше, если вы прибудете в аэропорт на машине, купите билеты и сядете на самолет, как все туристы, летящие к Южным морям.

— Можно было бы просто переодеться.

— Керн послал человека уложить в чемоданы чистую одежду. Они уже прошли регистрацию.

— Очень любезно с его стороны. Мне бы не забыть сменить коды своих охранных систем, когда я вернусь...

Питт, не докончив фразы, взглянул на отражение в зеркале заднего вида. Одна и та же пара фар упорно держалась позади джипа с тех пор, как они свернули на автостраду. Последние несколько километров расстояние до них оставалось неизменным. Он отключил регулятор скорости и слегка прибавил ходу. Огни фар чуть-чуть отстали, а затем снова выдвинулись вперед.

— Что-то не так? — спросил Сэндекер.

— Мы подцепили хвост.

Джиордино обернулся и пристально посмотрел назад сквозь широкое заднее стекло.

— И не один. Я вижу три фургона, один за другим.

Питт внимательно разглядывал отражение в своем зеркале, и на его лице появилось что-то вроде ухмылки.

— Кто бы это ни охотился за нами, они решили действовать наверняка. Они послали целый взвод.

Сэндекер схватил трубку телефона и набрал номер линии связи группы МОГ.

— Говорит адмирал Сэндекер! — выпалил он, отбросив любые попытки разговаривать обиняками, как было условлено. — Я нахожусь на шоссе «Кэпитал Бэлтуэй», еду на юг вблизи Морнингсайда. За нами следуют…

— Лучше скажите «преследуют». Они приближаются, — прервал его Питт.

Внезапно шквал автоматных очередей прошил крышу джипа прямо над их головами.

— Поправка, — совершенно спокойным голосом произнес Джиордино. — Замените «преследуют» на «атакуют».

Сэндекер быстро сполз на пол машины и начал торопливо говорить в трубку, давая указания и уточняя местонахождение джипа. Питт уже выжал педаль газа. Высокий крутящий момент большого 5, 9-литрового восьмицилиндрового V-образного двигателя бросил машину вперед, и джип помчался по автостраде со скоростью 150 километров в час.

— Дежурный на линии вызвал дорожный патруль, — объявил Сэндекер.

— Попросите их ехать побыстрее, — потребовал Питт, бросая большой джип из стороны в сторону по трехрядной автостраде, чтобы затруднить прицеливание нападающим.

— Они играют нечестно, — сокрушенно произнес Джиордино. Он упал на пол между сиденьями, когда следующий шквал пуль осыпал его осколками заднего стекла, прошил насквозь салон машины и снес половину ветрового стекла. — У них есть оружие, а у нас его нет.

— Я думаю, что смогу уравнять шансы, — сказал Питт, бросив на него быстрый взгляд назад и вниз через плечо.

— Как?

— Свернув с этого чертова шоссе, где мы представляем собой идеальную мишень, и далее поворачивая на каждом повороте, какой только удастся найти, пока не доберемся до города.

— Приближается поворот на Фелпс-Пойнт, — посоветовал Сэндекер, выглянув поверх приборного щитка.

Питт быстро взглянул на зеркало заднего вида. Теперь он смог разглядеть, что преследующие их фургоны были раскрашены в цвета «скорой помощи». В тот момент, когда он посмотрел на них, синие и красные проблесковые огни на их крышах замигали. Однако их сирены молчали, пока водители перестраивали машины в ряд, заняв все ведущие на юг ряды автострады, чтобы усилить их огневую мощь.

Питт разглядел также людей в черном, высунувшихся из окон и нацеливающих на джип свои автоматы. Кто бы ни планировал это покушение, они предусмотрели все. В каждом из фургонов, должно быть, находилось четверо автоматчиков. Двенадцать вооруженных до зубов против трех, у которых на всех был, скорее всего, один перочинный ножик.

У Питта появилась мысль, как можно немножко уравнять шансы. Съездная эстакада на фелпс-Пойнт находилась от них в двухстах метрах. Слишком далеко. Следующий залп массированного огня сбросит их в кювет. Не прикасаясь к тормозам, чтобы не оповестить о своих намерениях нападающих убийц тормозными огнями, он внезапно бросил джип в боковое скольжение и, пролетев через две дорожки, нырнул вниз по склону насыпи.

Момент был выбран точно. Град пуль пронесся над большим джипом «Грэнд Вэгонер», когда он пролетел по газону насыпи и плюхнулся в неглубокий кювет, на полметра заполненный водой. Затем все колеса оторвались от земли, подпрыгнув на противоположном бортике кювета, и джип со страшным скрипом резины приземлился на дороге, шедшей параллельно автостраде.

Преследователи потеряли время, пока они затормозили и остановились, не зная, что делать дальше. Питт выиграл почти десять секунд, пока они перегруппировались и с ревом помчались вниз по съездной эстакаде на параллельную дорогу, возобновив погоню.

Второй раз за несколько дней Питт гнал машину, словно участвовал в дорожных гонках на «Гран при». У профессиональных гонщиков, однако, есть одно преимущество. Они одеты в шлемы с ветровыми щитками от сопротивления воздуха. Холодный утренний воздух хлестал Питта по лицу через разнесенное пулями ветровое стекло, и ему приходилось отворачивать голову набок и прятать глаза от ледяного встречного потока.

Они вырвались на длинную авеню, окаймленную дубовыми деревьями, прежде чем въехать в населенный пригород. Питт бросил джип в серию крутых поворотов, сперва налево вокруг квартала домов, потом опять налево, затем направо. Водители фургонов были хорошо знакомы с тактикой погони. Они разделились и попытались перехватить джип на перекрестках, но всякий раз Питту удавалось добраться туда чуть раньше и проскочить мимо за считанные секунды до того, как они успевали прицелиться.

Профессиональные убийцы вели огонь среди населенных домов, неуклонно сжимая кольцо и отрезая пути для бегства. Когда Питту удалось свернуть за угол прежде, чем преследователи показались из-за угла предыдущего квартала, он выключил свет и поехал в темноте. К

несчастью, уличные фонари выдали его маневр. Он пробовал все известные ему трюки, выигрывая несколько метров тут, несколько секунд там, но он не мог полностью оторваться от опытных киллеров.

Питт объехал кругом и помчался по главной улице, ведущей в город. Мимо промелькнули бензоколонка, кинотеатр, затем несколько маленьких лавочек.

— Ищите хозяйственный магазин! — крикнул он, перекрывая визг шин.

— Что? — не веря своим ушам, спросил Сэндекер.

— Хозяйственный магазин. В городе должен быть такой.

— Хозяйственный торговый центр Оскара Брауна, — объявил Джиордино. — Я видел рекламный щит сразу после того, как мы съехали с автострады.

— Что бы ни было у тебя на уме, — предостерегающим тоном сказал адмирал, — постарайся сделать это побыстрее. Только что вспыхнула красная лампочка, у нас кончается бензин.

Питт бросил взгляд на приборный щиток. Стрелка стояла на нуле.

— Наверно, они продырявили бензобак.

— Торговый центр Оскара вперед по улице справа, — сказал Джиордино, махнув рукой сквозь пустой проем ветрового стекла.

— У вас есть фонарик? — бросил Питт адмиралу.

— Есть один в бардачке.

— Достаньте его.

Напоследок Питт еще раз посмотрел в зеркало. Первый фургон выползал из-за угла в двух кварталах от них. Питт направил джип в канаву на левой стороне улицы и затем повернул руль вправо.

Сэндекер замер от шока.

Джиордино вскричал:

— О нет!

Джип на миг вильнул в сторону, затем четыре ведущих колеса нашли опору, и джип промчался над бортиком дороги, через тротуар и вломился через огромную стеклянную витрину в магазин. Он опрокинул линию касс, и кассовые аппараты, вертясь, покатились во тьму. Ряд выставленных для продажи садовых грабель был протаранен, и их черенки брызнули в стороны, как зубочистки. Джип накренился, наехав

боком на проход между стеллажами, и, как картечь из пушки, в воздух полетели водопроводные хомутики, болты, гайки и шурупы.

Это безумие, подумали Джиордино и Сэндекер, но Питт на этом не остановился. Он не снимал ноги с педали газа, ездя взад и вперед по проходам, словно что-то искал, оставляя за собой полный разгром. Суматоху, поднятую взбесившимся джипом, усугубил внезапно раздавшийся вой сирен охранной сигнализации.

Наконец Питт заехал бампером в застекленную витрину, вызвав дождь осколков стекла. Единственная сохранившаяся фара бросала тусклый свет на двадцать или тридцать разлетевшихся по полу пистолетов и аккуратные ряды винтовок и охотничьих ружей, выстроившихся в просторном ящике у стены.

— Ах ты, ловкий сукин сын! — промолвил в восхищении Сэндекер.

Глава 40

— Выбирайте оружие, — крикнул Питт, перекрывая пронзительный вой сирен, после того как снес с петель дверцу стального шкафа.

Сэндекер в приглашении не нуждался. Он уже выпрыгнул из джипа и обыскивал шкаф в поисках патронов, зажав фонарик под мышкой.

— Что вам больше нравится, джентльмены? — выкрикнул он.

Питт схватил пару автоматических пистолетов «Кольт комбат коммандер», один вороненый, другой цвета нержавеющей стали, и вытащил обоймы.

— Автоматические, сорок пятого калибра!

Сэндекер шарил по ящичкам шкафа лишь несколько секунд, прежде чем нашел нужный калибр. Он протянул две коробки с патронами Питту.

— Что тебе нужно, Ал?

Джиордино вытащил из гнезд три охотничьих ружья «Ремингтон-1100».

— Двенадцатый калибр, двойной мощности.

— Сейчас. — Сэндекер снова повернулся к шкафу. Он протянул Джиордино несколько коробок патронов для охотничьих ружей. — Магнум номер четыре, картечь, — это лучшее, что я могу предложить так быстро. Затем он низко пригнулся и поспешил в отдел красок.

— Поспешите и погасите ваш фонарик, — предупредил его Питт, разбивая оставшуюся фару рукояткой своего «Кольта».

Фургоны затормозили и остановились, проехав дальше на один квартал, так что их не было видно из магазина. Убийцы выбрались из своих машин, одетые в черные костюмы «ниндзя», быстро и незаметно. Они не сразу бросились к магазину, а остановились, чтобы выработать план дальнейших действий.

Их первоначально заготовленный план тактической операции, состоявший в том, чтобы разнести джип с его экипажем в клочья, был сорван неожиданным маневром Питта, нырнувшего с автострады вниз на параллельное шоссе, в сторону Фелдс-Пойнт. Теперь им приходилось срочно разрабатывать новую тактическую операцию прямо на месте. Они холодно обдумали ситуацию.

Чрезмерная самоуверенность помешала им принять правильное решение. Поскольку они не встретили никакого ответного огня со стороны ускользающего от погони джипа, были уверены, что намеченные жертвы безоружны, и им слишком хотелось поскорее вломиться в магазин и довершить дело.

Старший в их группе был достаточно умен, чтобы жестом призвать их быть поосторожнее. Он стоял в дверях на противоположной стороне улицы и всматривался в темноту внутрь разгромленного магазина. Ему не удалось увидеть ничего, кроме обломков, при слабых отсветах одинокого уличного фонаря. Джип затерялся среди теней. Ему также не удалось уловить ни звука изнутри на фоне раздражающего воя сирен.

Его анализ ситуации был поспешным, так как в жилых помещениях над несколькими лавками начали зажигать свет. Он не мог себе позволить привлекать внимание толпы свидетелей. Кроме того, в городке наверняка была какая-нибудь правоохранительная служба. Можно было ожидать, что шериф и его подчиненные появятся здесь с минуты на минуту.

Затем он допустил неправильное суждение, приведшее его к роковой ошибке. Он подумал, что люди в джипе серьезно ранены при столкновении или трясутся от страха, и он не послал группу своих людей вокруг здания, чтобы перекрыть заднюю дверь.

Он отвел три минуты на то, чтобы подбежать к джипу, прикончить жертв и вернуться в фургоны. Убить их будет легко, и это не займет много времени, подумал он. В качестве меры предосторожности он выстрелил в уличный фонарь, отчего вся улица погрузилась во мрак, и, как он считал, его люди не будут видны даже как силуэты во время нападения. Он поднес к губам свисток и подал сигнал приготовить оружие и убедиться, что их 5, 5-миллиметровые автоматы «Сава» скорострельностью 51 пуля в минуту сняты с предохранителя. Затем он издал подряд три коротких свистка, и они двинулись в атаку.

Они ловко скользнули во мрак, как водяные змеи в болотах Джорджии, шмыгнули в разбитую витрину парами и быстро затерялись среди стеллажей. Первые шестеро вошедших замерли на месте, поводя стволами автоматов из стороны в сторону и всматриваясь в темноту.

Затем вдруг пятигалонный бак разбавителя красок с вставленным в горлышко горящим фитилем пролетел над ними и упал на тротуар, взорвавшись фонтаном голубого и оранжевого пламени. Одновременно Питт и Джиордино открыли огонь, пока Сэндекер швырнул еще один бак горючей жидкости.

Питт стрелял из «Кольтов» с обеих рук, направляя стволы, но не прицеливаясь тщательно. Он выпустил очередь, которая скосила трех человек, упавших справа от витрины прежде, чем они поняли, что в них попали. Один из них успел выпустить короткую очередь, ударившую в ряд банок с краской, из которых на разбросанные по полу товары и обломки полились разноцветные струйки.

Джиордино зарядом картечи выбросил первого человека слева обратно в окно, так что он наполовину оказался на улице. Два других были лишь тенями во тьме, но он стрелял в них, пока в одном из «Ремингтонов» не кончились патроны. Тогда он бросил его и схватил другой заранее заряженный «Ремингтон» и стрелял снова и снова, пока всякий ответный огонь не прекратился.

Питт на ощупь перезарядил обоймы в своих «Кольтах», вглядываясь наружу сквозь огонь и дым, плясавшие перед фасадом магазина. Убийцы в черных костюмах «ниндзя» все куда-то подевались, отчаянно отыскивая укрытие или лежа в канаве за спасительно высоким бордюром тротуара. Но они не убежали. Они все еще были там, снаружи, все еще опасные, как и прежде. Питт знал, что они ошеломлены, но злы, как осы, после того, что случилось.

Они перегруппируются и придут снова, но хитрее и осторожнее. И на этот раз они смогут видеть: внутренность хозяйственного магазина была ярко освещена языками пламени, лизавшего деревянный фасад. Все здание и люди, находящиеся в нем, через несколько минут превратятся в угольки.

— Адмирал? — позвал Питт.

— Здесь я, — ответил Сэндекер. — В отделе красок.

— Наш визит сюда затянулся. Вы не могли бы найти заднюю дверь, пока Ал и я будем оборонять крепость?

— Уже иду.

— Ты в порядке, приятель?

Джиордино помахал «Ремингтоном».

— Новых дырок нет.

— Пора сматываться. Нам еще нужно успеть на самолет.

— Слышу тебя.

Питт напоследок окинул взглядом скрюченные тела убитых им незнакомцев. Он протянул руку и откинул капюшон одного из мертвецов. При свете языков пламени он увидел лицо с азиатскими чертами. Гнев начал закипать в нем. Имя Хидеки Сумы всплыло в его памяти. Человека, которого он ни разу не видел и представления не имел, как он выглядит. Но мысли о том, что Сума представляет грязь и зло, было достаточно, чтобы Питт не чувствовал никаких сожалений о человеке, которого он убил. У Питта было давно взвешенное и искреннее убеждение, что тот, кто ответственен за смерть и разрушение, тоже должен умереть.

— Через отдел пиломатериалов! — вдруг крикнул Сэндекер. — Там есть дверь, ведущая на разгрузочную площадку.

Питт схватил Джиордино за руку и протолкнул его вперед.

— Сначала ты. Я буду прикрывать.

Сжимая в руках один из «Ремингтонов», Джиордино проскользнул мимо стеллажей и был таков. Питт повернулся и в последний раз открыл огонь из «Кольтов», так сильно и быстро нажимая спусковые крючки, что они строчили, как пулеметы. И наконец обоймы были пусты, пистолеты мертвым грузом повисли в его руках. Он быстро решил оставить их себе и заплатить потом. Он засунул их за поясной ремень и побежал к двери.

Он почти успел выбежать наружу.

Руководитель отряда убийц, более осторожный, чем когда-либо прежде, после того, как он потерял шестерых, бросил пару мощных взрывпакетов в уже пылающий магазин, а затем выпустил длинную очередь из автомата, так что пули засвистели вокруг Питта со всех сторон.

Затем взрывпакеты рванули с сокрушающей силой, вырвав сердце из того, что еще оставалось от Хозяйственного торгового центра Оскара Брауна. Ударная волна обрушила крышу, и она рухнула дождем искр. От громоподобного раската задребезжали все стекла в Феллс-Пойнт, прежде чем грохот затих в сельской местности. От магазина остался лишь пылающий кратер, окруженный все еще стоящими кирпичными стенами.

Ударная волна ударила Питта в спину и понесла его через заднюю дверь, над погрузочной площадкой и в аллею за магазином. Он приземлился на спину, и от удара у него воздух вышибло из легких. Он лежал там, хватая воздух, стараясь вернуть себе способность дышать, когда Джиордино и Сэндекер подняли его на ноги и помогли ему доковылять через задний двор во временно безопасное место, к оркестровой площадке в парке через улицу.

Сирены охранной сигнализации замолкли, когда сгорели электропровода, и теперь им было слышно, как к пожарищу спешат сирены машины шерифа и добровольной пожарной команды.

У Джиордино был талант произносить последнее слово, и в этом случае он снова оказался на высоте, когда они все трое лежали под крышей оркестровой площадки, измученные, исцарапанные и полные нехитрой благодарности судьбе за то, что они еще живы.

— Как вам кажется, — задумчиво спросил он, рассеянно глядя на пламя, осветившее предрассветное небо, — это все получилось из-за того, что мы что-то не так сказали?

Глава 41

Стоял субботний вечер, и бульвар Лас-Вегаса был забит машинами, краска которых отливала разноцветными огнями сверкающих реклам. Подобно элегантным старым шлюхам, расцветающим в сумерках под покровом дорогих сверкающих украшений, ветшающие отели, тянущиеся вдоль бульвара, прятали свои унылые интерьеры и грубо функциональную архитектуру за электрическим северным сиянием световых реклам, обещавших больше шику за те же деньги.

Некогда столица игорного бизнеса и в самом деле была шикарным местом, но как-то незаметно чувство стиля и атмосфера утонченной роскоши оказались утеряны, экзотический блеск и скопированный с парижских борделей декор интерьеров казино стал казаться таким же скучным и безразличным, как крупье за игорными столами. Даже клиенты, мужчины и женщины, некогда одевавшиеся по последней моде к обедам, сопровождавшимся красочными шоу, теперь приезжали в шортах, без пиджаков, в синтетических брючных костюмах.

Стаси откинулась на сиденье автомобиля «Аванти» с откидывающейся крышей и глазела на большие шатры, в которых ставились представления для гостей отеля. Ее светлые волосы развевал бриз, дувший из пустыни, и ее глаза блестели от вспыхивающих огней. Ей хотелось бы расслабиться и насладиться пребыванием здесь в качестве туристки, но лишь служебная необходимость заставляла ее и Уэзерхилла разыгрывать свои роли богатой парочки, приехавшей сюда проводить свой медовый месяц.

— Сколько у нас есть денег на азартные игры? — спросила она.

— Две тысячи долларов денежек налогоплательщиков, — ответил ей Уэзерхилл, пробираясь вперед в оживленном потоке машин.

Она рассмеялась.

— Этого мне хватит, чтобы проторчать у игорных автоматов несколько часов.

— Женщины и игровые автоматы, — задумчиво произнес он. — Должно быть, это как-то связано с дерганьем за ручку.

— Тогда как ты объяснишь увлечение мужчин игрой в кости?

Стаси было любопытно, как бы ответил на этот вопрос Питт. Ядовито и с демонстративным чувством мужского превосходства, это уж точно. Но Уэзерхилл не ответил ничего. Юмор не был его сильной стороной. Пока они ехали через пустыню из Лос-Анджелеса, он чуть не до смерти замучил ее нескончаемыми лекциями о возможностях полета в космос с использованием ядерной энергии.

После того, как Уэзерхилл выбрался из грузовика, перевозившего заминированные автомобили, Джордан приказал ему и Стаси возвращаться в Лос-Анджелес. Другая группа разведчиков-специалистов сменила их и проследила путь грузовика до Лас-Вегаса и отеля «Пасифик Парадиз», откуда, согласно их донесению, он отбыл пустым, оставив машины в тайнике на подземной автостоянке.

Джордан и Керн спланировали новую операцию для Стаси и Уэзерхилла. Они должны были выкрасть компрессор кондиционера, в котором находилась бомба, для изучения, что было сочтено слишком рискованным делать во время проникновения в автомобиль в дороге. Им также нужно было время, чтобы изготовить муляж для замены украденного компрессора по размерам, сообщенным Уэзерхиллом.

— Вот наш отель, — наконец сказал он, кивком головы указав на стоявший дальше вверх по дороге вдоль бульвара огромный рекламный знак, украшенный пальмовыми деревьями из неоновых трубок и прыгающими в воздух дельфинами, вспыхивающими поочередно с разных сторон светящегося знака. Основная приманка, изображенная на шатре, обещала грандиознейшую в мире водяную феерию. Другая световая вывеска, протянувшаяся вдоль крыши основного здания, вспыхивающая розовыми, голубыми и зелеными буквами, говорила о том, что весь этот огромный комплекс называется «Пасифик Парадиз».

Отель был построен из бетона, покрашенного в светло-голубой цвет, и его номера имели круглые окна, похожие на иллюминаторы. Архитектору, наверно, до смерти наскучила его рейсшина, и он решил

вместо нее воспользоваться циркулем, подумала Стаси, пытаясь понять, как можно было додуматься до такого аляповатого сооружения.

Уэзерхилл свернул к главному входу и проехал мимо огромного плавательного бассейна, декорированного под тропические джунгли, со множеством желобов и водопадов, опоясывающих весь отель и автостоянку перед ним.

Стаси с изумлением смотрела на чудовищную громаду отеля.

— Есть ли здесь хоть что-то, что не принадлежит Хидеки Суме?

— «Пасифик Парадиз» лишь один из разбросанных по всему миру курортных отелей, с которых он получает доходы.

— Интересно, что бы сказала Комиссия по азартным играм штата Невада, если бы ее члены знали, что под казино находятся четыре ядерных бомбы.

— Они, наверно, не слишком бы беспокоились об этом, — ответил Уэзерхилл. — До тех пор, пока его дилеры не являются механиками.

— Механиками?

— Людьми, специально настраивающими рулетки и игорные автоматы так, чтобы они жульничали в пользу казино.

Он остановил «Аванти» у главного входа и дал чаевые швейцару, вытащившему их багаж из машины. Дежурный запарковал их машину, и они зарегистрировались у стойки. Стаси выглядела мечтательной и застенчиво улыбалась, чтобы ее приняли за новобрачную; она с трудом могла вспомнить соответствующий период своей собственной жизни.

В их номере Уэзерхилл дал на чай служащему, принесшему их чемоданы, и закрыл дверь. Он тут же открыл один из чемоданов и достал оттуда набор чертежей здания отеля, разложив их на кровати.

— Они замуровали машины внутри просторного бокса на третьем подземном ярусе подвала, — сказал он.

Стаси изучила чертеж всего нижнего яруса подвала и отчет одной из разведывательных групп.

— «Бетон с двойной усиленной арматурой, облицованный стальными листами», — прочла она вслух. — «Один большой стальной люк в потолке. Телекамеры и три охранника двумя с доберманами». — Мы не будем вламываться туда сверху. Достаточно просто обмануть электронные системы, но человеческий фактор и собаки делают проникновение напрямую слишком трудным для группы из всего двух человек.

Уэзерхилл постучал пальцем по нужному месту чертежа.

— Мы войдем через вентиляционную трубу.

— Нам повезло, что она тут есть.

— Это обязательное требование строительных норм. Без вентиляции бетон будет сжиматься и расширяться, отчего возникнут трещины, ослабляющие фундамент здания.

— Где начинается эта труба?

— На крыше.

— Слишком большое расстояние для вашей лебедки.

— Мы можем войти в вентиляцию из технического помещения на втором ярусе подземного гаража.

— Ты хочешь, чтобы туда пролезла я?

Уэзерхилл отрицательно покачал головой.

— Ты поменьше меня, но ядерные устройства — это моя специальность. Я проникну внутрь, а ты будешь держать веревки.

Она посмотрела по чертежу сечение вентиляционной трубы.

— Туда едва можно протиснуться. Я надеюсь, что ты не страдаешь клаустрофобией.

Неся в руках ракетки и большие спортивные сумки, одетые в белые теннисные костюмы, Уэзерхилл и Стаси беспрепятственно вышли из номера, выглядя как парочка, собирающаяся поиграть в теннис на кортах отеля. Дождавшись лифта, в котором никого не было, они спустились на второй ярус подземного гаража, где Уэзерхилл за пять секунд отомкнул замок на двери технического помещения.

Небольшое помещение было заполнено трубами подачи воды и пара, а также приборами, измеряющими температуру и давление. Вдоль одной стены тянулся ряд шкафчиков со швабрами, моющими средствами и соединительными проводами для машин, стоящих в гараже.

Стаси быстро расстегнула спортивные сумки и выложила на пол разнообразное оборудование, пока Уэзерхилл облачался в нейлоновый комбинезон. Он пристегнул страховочный пояс и грудную обвязку.

Затем Стаси собрала пружинное ружье с толстым стволом, носящее странное название «стручковый пистолет». К нему она прикрепила «кошку», странный предмет, покрытый напоминающими шарикоподшипники круглыми колесиками, в центре которого

находился блок. Затем она размотала три куска тонкого нейлонового шнура и соединила их с кошкой и стручковым пистолетом.

Уэзерхилл последний раз просмотрел чертежи вентиляционной системы. Широкая вентиляционная шахта, вертикально идущая с крыши вниз, соединялась с более узкими трубами, проходящими горизонтально между плитами перекрытий и подвесными потолками каждого яруса подземного гаража. Труба, ведущая в бокс с заминированными автомобилями, проходила между перекрытием, на котором они стояли, и потолком подвала под ними.

Он взял небольшую аккумуляторную электрическую пилу и начал вырезать широкое отверстие в стенке из трубы тонкого стального листа. Через три минуты он отогнул в сторону вырезанный кусок, достал крохотный электрический фонарик и посветил внутрь трубы.

— Она уходит вниз примерно на метр, прежде чем ответвиться в направлении бокса, — сказал он.

— Как далеко она уходит после этого?

— Согласно чертежу, примерно на десять метров.

— Ты сможешь пролезть через поворот, где труба изгибается, переходя из вертикального к горизонтальному отрезку?

— Только выдохнув и задержав дыхание, — ответил он с легкой усмешкой.

— Проверка связи, — сказала она, надев на голову миниатюрный микрофон с наушниками.

Он повернулся и зашептал в крохотный передатчик, закрепленный у него на запястье:

— Проверка, проверка. Меня слышно?

— Кристально чисто, а как меня?

— Нормально.

Стаси ободряюще кивнула ему, склонилась над вырезанной дырой в вентиляционной трубе и нажала на спусковой крючок стручкового пистолета. Выброшенный пружиной стержень вытолкнул кошку в темноту, где ее инерция и колесики на ее поверхности беспрепятственно позволили ей пройти закругление трубы. Им было слышно, как она катилась по трубе несколько секунд, таща за собой три нейлоновых шнура, пока не послышался стук, означавший, что кошка докатилась до конца трубы, наткнулась на решетку и остановилась. Тогда Стаси нажала на другой спусковой крючок, и два стержня, вытолкнутые из кошки,

уперлись в противоположные стороны трубы, прочно заклинив кошку на месте.

— Я надеюсь, что ты достаточно много тренировалась в гимнастическом зале, — сказал Уэзерхилл, протягивая шнур через карабины своей грудной обвязки. — Потому что твоим маленьким старым мышцам придется нынче поработать.

Она улыбнулась и показала на блок, который она уже прикрепила к водопроводной трубе и одному из шнуров.

— Мне помогут эти блоки, — озорным тоном сказала она.

Уэзерхилл закрепил на запястье маленький, но мощный фонарь. Он нагнулся и вытащил из сумки то, что выглядело как точная копия компрессора кондиционера воздуха. Он сконструировал ее, чтобы заменить тот компрессор, который собирался стащить. Затем он кивнул.

— Могу отправляться.

Он наклонился в вертикальную шахту и медленно опустился в нее головой вниз, держа перед собой на вытянутых руках фальшивый компрессор, пока Стаси понемногу травила натянутый шнур, удерживающий его вес. В вертикальной шахте было достаточно просторно, но когда он окажется у изогнутого куска трубы, присоединяющего к шахте горизонтальный отрезок, ему придется изогнуться всем телом, как змее, чтобы проползти в него. Он входил туда, лежа на спине, чтобы согнуться по кривой малого радиуса. И вот он был внутри.

— Давай, Стаси, тащи, — сказал он в свой наручный радиопередатчик.

— Тебе там не тесно?

— Достаточно сказать, что я едва могу дышать.

Она натянула пару перчаток и налегла на один из нейлоновых шнуров, на тот, который был перекинут через блок кошки и привязан к грудной обвязке Уэзерхилла, протаскивая его через узкую вентиляционную трубу.

Он мало что мог сделать, чтобы помочь ей, разве что выдыхать в те моменты, когда шнур натягивался. Он начал потеть в своем нейлоновом комбинезоне. Через эту трубу не подавался кондиционированный воздух, а тот, что поступал через отверстие на крыше, был горячим и душным.

Стаси в это время тоже было жарковато. Паропроводы, проходившие через техническое помещение, создавали в нем атмосферу, по температуре и влажности не уступающую парной бане.

— Вижу кошку и вентиляционную решетку, — доложил он через восемь минут.

Еще через пять метров он оказался у решетки. На чертежах не было показано никаких телекамер в самом боксе, но он внимательно вглядывался в темноту, стараясь обнаружить признаки их наличия. Он также достал из нарукавного карманчика небольшой датчик для обнаружения лазерных лучей и инфракрасных сканнеров. К счастью, этот осмотр дал отрицательный результат.

Он улыбнулся про себя. Хитроумные устройства охранной сигнализации и защиты размещались исключительно вне бокса. Этот дефект был типичен для многих систем безопасности.

Он отвернул крепежные болты, привязал тонкий шнурок к решетке вентиляционной трубы и тихо опустил ее на пол. Затем повернул рычаг, освобождавший распорные штыки кошки, и опустил ее в бокс вместе с фальшивым компрессором. Наконец, он начал медленно опускаться вниз головой на пол бокса, пока не смог перевернуться и лечь на бетонный пол.

— Я внутри, — сообщил он Стаси.

— Поняла тебя.

Он посветил фонариком вокруг. Заминированные автомобили казались вдвойне зловещими, укрытые в затхлой темноте за толстыми бетонными стенами. Ужасающее разрушение, которое мог вызвать взрыв в таком людном месте, как Лас-Вегас, трудно было вообразить.

Уэзерхилл поднялся на ноги и отстегнул грудную обвязку. Он обошел вокруг ближайшей к нему машины, достал небольшой пакет с инструментами, обвязанный вокруг его ноги, и разложил его на крыле машины. Копию компрессора он поставил на пол. Затем, не потрудившись заглянуть в салон, он протянул руку и повернул рычаг, открывающий капот.

Он смотрел на настоящее взрывное устройство некоторое время, примериваясь, с чего начать. Оно было рассчитано на подрыв закодированным радиосигналом. Это было известно точно. Активация взрывателя резким движением была маловероятна. Ученые-ядерщики Сумы должны были спроектировать бомбу, способную выдержать тряску при вождении автомашины на большой скорости по неровной дороге. Но он вовсе не собирался рисковать, в особенности потому, что причина взрыва на борту «Божественной звезды» все еще была неизвестна.

Уэзерхилл отогнал прочь все мрачные мысли и взялся за работу, отсоединяя от компрессора шланги высокого давления. Как он уже установил прежде, электрические цепи, соединявшие компрессор с

витками испарителя, служившие антенной, были совершенно элементарными. Электроника была точно такой, какую он сам бы сконструировал. Он осторожно отрезал провода и подсоединил их к фальшивому компрессору, не трогая их электронных схем. Теперь он мог спокойно отвинтить болты крепления компрессора.

— Бомба благополучно извлечена из машины, — доложил он. — Сейчас ставлю замену.

Еще через шесть минут поддельный компрессор стоял на месте извлеченной бомбы и был подсоединен к проводам и шлангам.

— Вылезаю.

— Стою наготове, чтобы принять тебя.

Уэзерхилл подошел обратно к отверстию вентиляционной трубы и застегнул свою грудную обвязку. Вдруг он заметил что-то, что упустил в сумраке бокса.

Это «что-то» сидело на переднем сиденье автомобиля.

Он повел лучом фонарика вокруг бокса. Теперь он увидел, что во всех четырех машинах за рулем сидел какой-то механизм. В боксе было холодно, но Уэзерхилл чувствовал себя так, будто оказался в духовке. Он обливался потом внутри своего нейлонового комбинезона. Все еще держа в руке фонарик, он утер лицо рукавом и нагнулся к окну машины с той стороны, где должен был сидеть водитель.

Было бы странно называть ту штуку, которая сидела за рулем, механическим человеком. Было бы натяжкой даже назвать ее роботом, но тем не менее это был именно робот. Вместо головы была некая компьютеризованная система машинного зрения, водруженная на металлическом штыре, а вместо груди — набитый электроникой ящик. Похожие на клешни металлические трехпалые руки сжимали руль. Руки и ноги имели суставы в тех же местах, что и конечности человека, но на этом всякое сходство кончалось.

Уэзерхилл потратил несколько минут, чтобы изучить робота-водителя и запомнить, как он устроен.

— Пожалуйста, доложите обстановку, — приказала Стаси, начиная нервничать из-за того, что он задерживается с возвращением.

— Я нашел кое-что интересное, — ответил Уэзерхилл. — Новую принадлежность этих машин.

— Ты бы лучше поскорее вылезал.

Он был рад выбраться из этого мрачного места. Роботы, сидевшие в темноте в ожидании команды повести машины к их заранее запрограммированным целям, начали казаться ему скелетами. Он пристегнул шнуры к своей грудной обвязке и лег на холодный пол, подняв ноги над головой и положив их на стену, расположившись спиной к стене.

— Вытаскивай.

Стаси уперлась ногой в трубу и начала тянуть за шнур, проходивший через блок на кошке. На другом конце вентиляционной трубы ноги Уэзерхилла достигли отверстия, и он вошел туда тем же способом, каким вышел, на спине, только на этот раз в его вытянутых за голову руках находился компрессор с ядерной бомбой.

Как только он полностью оказался внутри вентиляционной трубы, он сказал в микрофон, закрепленный у него на голове:

— Подожди, я поставлю на место кошку и решетку вентилятора. Не годится оставлять улики, указывающие на наш визит.

Попеременно работая обеими руками вокруг компрессора с бомбой, он поднял кошку и закрепил ее, расперев ее штыри внутри трубы. Затем втянул на шнурке решетку вентилятора и быстро привинтил ее на прежнее место. После этого он позволил себе отдых и расслабился. Теперь он мог только лежать и ждать, когда его вытащат из трубы, оставив все физические усилия Стаси, поглядывая на бомбу и гадая, сколько еще лет он сможет прожить.

— Я вижу твои ноги, — наконец сказала Стаси. Мышцы ее рук полностью онемели, а сердце бешенно колотилось от перенапряжения.

Как только он выскользнул из узкой горизонтальной трубы, он постарался помочь ей, насколько это было возможно, отталкиваясь локтями наружу и вверх. Теперь было достаточно места, чтобы он мог пронести бомбу над своим плечом и протянуть ее туда, где она смогла дотянуться до нее, и спокойно вытащить добычу в техническое помещение. Когда она завернула черный цилиндр в мягкую ткань и уложила его в сумку, она закончила вытаскивать Уззерхилла из отверстия в вентиляционной шахте.

Он быстро отвязал нейлоновые шнуры и выскользнул из грудной обвязки, пока Стаси нажимала на второй спусковой крючок, освобождающий расклинивающие кошку штыри. Затем она за шнур протащила ее обратно через трубу, намотала на нее нейлоновые шнуры и положила ее в сумку. Последнее, что оставалось ей сделать, — залепить специальной лентой для ремонта вентиляционных труб разрез, поставив

на место вырезанный кусок трубы. Она сделала это, пока Уэзерхилл снова переодевался в теннисный костюм.

— Никто не помешал тебе? — спросил Уэзерхилл.

Она покачала головой.

— Несколько человек прошли рядом с дверью после того, как поставили в гараж свои машины, но из служащих отеля никто не приближался. — Она немного помолчала и сказала:

— Трудно поверить, что у нас тут атомная бомба.

Он кивнул.

— Причем достаточной мощности, чтобы превратить в пар весь отель.

— Какие-нибудь проблемы? — спросила Стаси.

— Никаких, но я действительно обнаружил, что наш дружок Сума приготовил новый фокус, — сказал он, запихивая в сумку свой комбинезон и обвязку. — У этих машин есть водители-роботы. Им не нужны люди, чтобы повезти бомбы туда, где они должны быть взорваны.

— Вот сукин сын. — Усталость и стресс прошли, их сменила ярость. — Никаких человеческих чувств, которые нужно подавлять, никаких опасений за собственную жизнь предателя, отказывающегося подложить бомбу, никого, кто мог бы на допросе выдать источник, откуда они берутся, если полиция остановит машину.

— Сума не достиг бы такого положения, какое он занимает, если бы он был глуп. Использовать для грязной работы роботов — очень ловкий ход. Япония является мировым лидером в робототехнике, и расследование несомненно покажет, что его научный и инженерный центр в Эдо-Сити принял самое непосредственное участие в их конструировании и изготовлении.

Шокирующая мысль вдруг пришла в голову Стаси. Нехорошее предчувствие заставило ее прошептать:

— Командный центр, что, если он управляется и охраняется роботами?

Уэзерхилл застегнул последнюю молнию на своей сумке.

— Об этом пусть думает Джордан. Но я предполагаю, что мы, скорее всего, обнаружим, что проникнуть в него будет практически невозможно.

— Тогда мы не сможем остановить Суму, помешать ему отправить сигнал и активизировать бомбы.

— Возможно, его вообще нельзя остановить, — сказал он с мрачным пониманием серьезности положения. — Наших лучших сил совершенно недостаточно для этого.

Глава 42

Тоси, одетая в очень короткое кимоно, совсем не того фасона, что носят гейши, слабо повязанное на талии поясом с подушечкой оби, вежливо склонила голову в поклоне, держа в руках большую махровую купальную простыню и протягивая ее Суме, который выходил из выложенной кафелем парной. Он обернул простыню вокруг себя, как тогу, и сел на низкую табуретку, покрытую подушкой. Тоси опустилась на колени и начала массировать ему ноги.

Тоси была дочерью бедного рыбака, четвертым ребенком в семье, в которой насчитывалось восемь детей, когда Сума впервые увидел ее. В детстве она была худой, невзрачной девчушкой, на которую мальчики не обращали никакого внимания. Потом она неожиданно стала превращаться в красивую, прекрасно сложенную девушку, ее груди налились и стали намного полнее, чем у большинства японок. Понемногу черты ее лица приобрели выразительность, высокие скулы подчеркивали крупные темные глаза.

Сума, в одиночестве гуляя по берегу на закате. увидел ее стоящей в волнах прибоя и забрасывающей сети в набегавшие буруны. Она стояла, позолоченная лучами умиравшего солнца, и от нее невозможно было оторвать глаз. На ней была надета лишь тонкая рубашка, намокшая от соленых брызг до прозрачности, открывающая глазам Сумы все ее прелести и не скрывающая ничего.

Он был пленен ее красотой. Не сказав ей ни слова, он узнал, как ее зовут, и к тому времени, как на небе появились звезды, заключил сделку с ее отцом, купив Тоси за такую сумму денег, которая внезапно превратила нищего рыбака в богатейшего человека на острове и владельца нового рыболовного катера, оборудованного новейшими электронными системами.

Сначала с Тоси случилась истерика от неожиданной перемены и необходимости расстаться с семьей, но постепенно ее начало приводить в восхищение богатство и могущество Сумы, и вскоре она привязалась к нему. На свой собственный лад она наслаждалась своим подчиненным положением секретарши и любовницы босса. Он нанял для нее лучших учителей, которых смог найти, обучающих ее языкам, бизнесу, бухгалтерскому учету и финансовому делу, ее научили светским манерам, принятым в высших кругах общества, а Сума натаскал ее в тонкостях искусства любви.

Она знала, что он никогда не женится на ней. У него было слишком много других женщин, и Хидеки был неспособен любить только одну. Но он был нежен с ней, и она знала, что, когда придет время найти ей замену, он будет щедр.

Каматори, одетый в длинный желтый халат «юката» с орнаментом из птиц цвета индиго, сидел неподалеку у низкого черного лакового столика прямо напротив Роя Ориты и прихлебывал чай. Из уважения к вышестоящему. оба мужчины молчали, ожидая, когда Сума заговорит первым.

Сума несколько минут не удостаивал их вниманием, наслаждаясь массажем ног, которые Тоси разминала своими ловкими пальцами. Каматори, избегая сердитого взгляда Сумы, сидел, потупив глаза. Он второй раз за эту неделю потерял лицо и чувствовал себя крайне униженным.

— Итак, твоя группа идиотов провалила дело, — наконец произнес Сума.

— Там произошла накладка, — ответил Каматори, по-прежнему глядя на поверхность стола.

— Накладка! — с издевкой выкрикнул Сума. — Разгром, вот это было бы ближе к истине.

— Питту, адмиралу Сэндекеру и человеку по фамилии Джиордино очень повезло.

— Везенье здесь совершенно ни при чем. Твои киллеры просто недооценили дьявольскую способность американцев бороться за свои жизни.

— Профессиональные оперативники предсказуемы, — сказал Каматори, неуклюже пытаясь оправдаться. — Гражданские не придерживаются правил.

Сума знаком показал Тоси, чтобы она прекратила массаж.

— Сколько человек ты потерял?

— Семь, включая командира.

— Никто не был схвачен, я надеюсь.

— Все тела были подобраны, и выжившие спаслись бегством до появления местных властей. Ничего не осталось на месте, что могло бы навести на след.

— Реймонд Джордан будет знать, на ком лежит ответственность за это нападение, — сказал Рой Орита.

— Это не имеет значения. — Лицо Каматори приняло презрительное выражение. — Он и его пресловутая группа МОГ более не являются боеспособной силой. Японская часть его операции полностью ликвидирована.

Сума отказался от чая и взял маленький стаканчик сакэ, поданный ему Тоси.

— Джордан все еще может быть опасен, если его оперативники разнюхают местонахождение нашего командного центра.

— В своих попытках выяснить это Джордан и Керн зашли в тупик, когда ровно сутки назад я прекратил контакты с ними, — уверенно сказал Орита. — У них нет никаких ниточек к этому месту.

— Они пытаются выследить заминированные машины, — заметил Сума. — Это, во всяком случае, нам известно.

Каматори безразлично повел плечами.

— Джордан гоняется за призраками в мутном зеркале. Машины надежно спрятаны и охраняются. Еще час тому назад, насколько мне известно, ни одна из них не была найдена и конфискована. И даже если его оперативники случайно наткнутся на несколько штук и обезвредят их бомбы, то они добьются слишком малого и слишком поздно. У нас по-прежнему будет больше чем достаточно зарядов, чтобы создать электромагнитный щит над половиной земного шара.

— Есть какие-нибудь новости из КГБ или разведок стран Европейского сообщества? — спросил Сума.

— Им совершенно ничего не известно, — ответил Орита. — По неизвестным нам причинам, Джордан не поделился с ними результатами своего расследования.

Каматори отхлебнул свой чай и посмотрел на Суму поверх чашки.

— Вы побили их, Хидеки. Ваши техники-роботы почти закончили монтаж электронной системы управления оружием. Скоро, очень скоро вы сможете диктовать условия вырождающемуся западному миру.

Лицо Сумы напоминало каменную маску, вырезанную самодовольным, торжествующим злом. Подобно многим людям, развращенным неограниченными возможностями пользоваться всем, что только можно купить за деньги, Сума достиг высшей степени растления, непреодолимой, как пристрастие к наркотику, всепоглощающей жажды абсолютной власти.

— Я думаю, уже наступило время, — произнес он с интонацией, в которой прозвучала нота садистского удовольствия, — начать просвещать наших гостей относительно цели их пребывания здесь.

— Могу ли я высказать свое мнение? — спросил Орита, слегка поклонившись.

Сума молча кивнул.

— На гайдзин, пришельцев, производит впечатление статус и могущество. Их психологию легко понять по тому, как они почитают клоунов, певцов и богатых знаменитостей. Вы являетесь самым влиятельным финансистом в мире. Позвольте сенатору и конгрессменше томиться в неведении и растерянности, тогда как вы будете оставаться недосягаемым и далеким от них. Пошлите других дразнить их нетерпение, скармливая им маленькие кусочки наживки, пока их умы не созреют для вашего величественного появления и божественных приказов.

Сума обдумал совет Ориты. Это была детская игра на его самолюбии, но игра, не лишенная практического смысла. Он взглянул на Каматори.

— Моро, я предоставляю это тебе, начать вводить наших гостей в курс дела.

Лорен чувствовала себя в растерянности. Никогда за всю свою прошлую жизнь ей не приходилось ощущать подобной растерянности. Ее накачали наркотиками почти сразу после похищения на гонках классических автомобилей, и она сумела вполне прийти в чувство лишь два часа назад.

Когда ей наконец удалось окончательно стряхнуть с себя наркотическую пелену, затуманивавшую ее сознание, она поняла, что находится в роскошно обставленной спальне с просторной ванной комнатой, оборудованной утопленной в пол мраморной ванной и биде. Спальня была меблирована в стиле островов южных морей, с мебелью из бамбука и небольшим лесом тропических растений в горшках. Паркет был сделан из светлого полированного кедра, а стены, по-видимому, завешены плетеными циновками из пальмовых листьев.

Обстановка напомнила ей курорт в деревне на Таити, где она однажды проводила отпуск, но тут были две необычные особенности: на двери не было ручки, и отсутствовали окна.

Она открыла стоявший у стены шкафчик и заглянула внутрь. Там висело несколько дорогих шелковых кимоно. Она примерила одно из них и была приятно удивлена тем, что оно сидело, словно сшитое на нее по мерке. Она открыла выдвижные ящики в низу шкафчика. Там

находилось женское нижнее белье, которое тоже было в точности ее размера, как и сандали, стоявшие на нижней полке шкафчика.

Все это было несравненно лучше, чем быть закованной в цепи в подземелье, подумала Лорен. Кем бы ни были ее похитители, они, видимо, не собирались пытать или казнить ее. Вопрос о том, почему она была похищена, был вытеснен в дальний уголок ее сознания. Стараясь взять все, что удастся, от ситуации, в которой невозможно было победить, она расслабилась в ванной и отдохнула. Затем она вытерлась насухо и уложила волосы с помощью фена и парикмахерских принадлежностей, предусмотрительно положенных на длинный столик в ванной комнате вместе с набором дорогой косметики и духов.

Она как раз надевала кимоно с белыми и розовыми цветами, когда послышался легкий стук в дверь, и в спальню тихо вошел Каматори.

Он некоторое время молча постоял у входа, его руки были скрыты в рукавах юкаты, на лице застыло надменное и презрительное выражение. Его глаза медленно поднялись от босых ног Лорен, задержались на ее грудях и лишь затем взглянули ей в лицо.

Лорен туго запахнула кимоно вокруг своего тела, завязала пояс и повернулась к нему спиной.

— Японские мужчины всегда входят в комнату леди без приглашения?

— Мои искренние извинения, — сказал Каматори с заметной ноткой сарказма. — Я отнюдь не намеревался выказывать неуважение к прославленной американской законодательнице.

— Что вам надо?

— Меня послал господин Хидеки Сума убедиться, что вы устроились с удобствами. Меня зовут Моро Каматори. Я являюсь другом, телохранителем и доверенным лицом господина Сумы.

Она ответила без колебаний:

— Я полагаю, он несет ответственность за мое похищение.

— Это лишь временное неудобство, я обещаю вам.

— Почему меня удерживают в качестве заложницы? Чего он надеется этим добиться, кроме ненависти и возмездия от американского правительства?

— Он хочет, чтобы вы помогли ему доставить послание вашему президенту и Конгрессу.

— Передайте мистеру Суме, чтобы он вставил себе шило в задницу и передал свое послание сам.

Вызывающее поведение, порожденное уязвимостью, подумал Каматори. Он был доволен. Он решил прорвать первую линию обороны Лорен.

— Какое совпадение. Почти точные слова сенатора Диаса, только он употребил более сильные выражения.

— Майк Диас? — В храброй линии обороны Лорен появилась углубляющаяся трещина. — Его вы тоже похитили?

— Да, сюда вас доставили вместе.

— Сюда — это куда?

— На островной курорт близ побережья Японии.

— Сума совсем спятил.

— Вряд ли, — терпеливо сказал Каматори. — Он очень мудрый и наблюдательный человек. И через несколько дней он объявит, каким правилам должна отныне подчиняться экономическая политика Запада.

От разгорающегося гнева лицо Лорен покраснело.

— Он даже еще больший безумец, чем я считала.

— Я полагаю, что нет. Ни один человек за всю историю не накопил такого состояния. Он добился этого не потому, что был невеждой. Вскоре вам придется убедиться, что он, кроме того, обладает полным контролем над вашим правительством и экономикой. — Каматори помолчал, и его взгляд скользнул ниже, уставясь на выпирающие под верхними складками кимоно округлости грудей Лорен. — Ввиду предстоящих перемен, я советую вам хорошенько обдумать, не стоит ли вам поискать новых хозяев и покровителей?

Лорен трудно было поверить, что она в самом деле слышит подобный вздор.

— Если что-нибудь случится с сенатором Диасом и со мной, вам с мистером Сумой не избежать наказания. Президент и Конгресс не будут сидеть сложа руки, пока нас удерживают в качестве заложников.

— Исламские террористы годами удерживали американских заложников, и вы не предприняли ничего. — Веселье промелькнуло в глазах Каматори. — Ваш президент был проинформирован о вашем исчезновении в течение часа, и ему сказали, кто несет за это ответственность. Поверьте тому, что я скажу. Он приказал, чтобы никаких попыток освободить вас не предпринималось и ни слова не

просочилось в средства массовой информации. Ни ваши помощники, ни родственники, ни товарищи-конгрессмены — никто из них не подозревает, что вас тайно вывезли самолетом в Японию.

— Вы лжете. Мои друзья не будут молчать.

— Под друзьями вы подразумеваете Дирка Питта и Альфреда Джиордино?

Мысли Лорен смешались. Каматори наконец удалось заставить ее потерять самообладание.

— Вы знаете про них?

— Да, они вмешались не в свое дело, и с ними произошел несчастный случай.

— Они ранены? — едва сумела выговорить она.

— Я не знаю, но можно с уверенностью сказать, что им не удалось ускользнуть невредимыми.

Губы Лорен задрожали. Она искала, что бы сказать.

— Почему я? Почему сенатор Диас?

— Вы и сенатор Диас — просто пешки в стратегической игре за экономическое господство, — продолжал Кама-тори. — Так что не ждите освобождения прежде, чем разрешит господин Сума. Атака ваших сил специального назначения была бы напрасной, так как ваши разведовательные службы не имеют ни малейших ниточек к вашему местонахождению. И даже если бы у них были какие-то сведения, целой армии не под силу прорвать нашу оборону. В любом случае, вы и сенатор будете свободны и полетите в Вашингтон послезавтра.

Растерянность в глазах Лорен была именно тем, на что надеялся Каматори. Он высвободил руки из широких рукавов своей юкаты, внезапно схватил за ворот кимоно Лорен и стащил его вниз вокруг ее талии, прижав ее руки к бокам.

Каматори садистски улыбался.

— Я сделаю все от меня зависящее, чтобы ваше короткое пребывание здесь было приятным. Возможно, я даже преподам вам урок, как женщины должны подчиняться желаниям мужчин.

Затем он повернулся и два раза сильно постучал в дверь. Невидимый охранник открыл ее снаружи, и Кама-тори исчез, не оставив у Лорен никаких сомнений в том, что уготовано ей, прежде чем ее освободят.

Глава 43

— Вот она, крошка, — сказал Мэл Пеннер, жестом фокусника сдергивая покрывало с большого стола, и взглядам присутствующих открылась объемная модель острова, окруженного синим гипсовым морем и покрытая кое-где крохотными деревьями и зданиями. — Остров Сосеки, в прошлом известный как Адзима.

— Вы прекрасно поработали, — сделала Стаси комплимент Пеннеру. — Он выглядит совсем как настоящий.

— Я давно увлекаюсь моделями железных дорог, — с гордостью заявил директор полевых операций. — Мое хобби — изготовление диорам.

Уэзерхилл склонился над столом, рассматривая крутые утесы, поднимающиеся из моря.

— Какого он размера?

— Четырнадцать километров в длину и пять в ширину в самом широком месте. Примерно таких же очертаний, как Сан-Мигуэль, один из островов в проливе близ побережья Калифорнии.

Пеннер вытащил из кармана синий носовой платок и промокнул пот, катившийся по его вискам. Кондиционер поддерживал приемлемую температуру внутри небольшого домика, фактически не намного просторнее хижины, который стоял на песчаном пляже острова Корор архипелага Палау, но 98-процентную влажность приходилось терпеть.

Стаси, одетая в обтягивающие шорты и коротенькую маечку, обошла вокруг стола, внимательно разглядывая изготовленную Мэлом точную модель. Расселины в скалах, через которые были перекинуты миниатюрные мостики в восточном стиле, и перекрученные сосны придавали острову какой-то мистический вид.

— Здесь, должно быть, ... — Она нерешительно замолкла, подыскивая подходящий эпитет. — Божественно, — сказала она наконец.

— Едва ли это то слово, которое приходит на ум, — пробормотал Питт, одним глотком опустошив стакан, наполовину наполненный текилой, лимонным соком и льдом из бутылки, захваченной им из Вашингтона. На нем были плавки и теннисная майка с эмблемой НУМА. Свои длинные загорелые ноги в кожаных сандалиях он положил на спинку стоящего перед ним стула. — Снаружи садик, это верно, но внутри притаилось чудовище.

— Вы думаете, что ядерный арсенал и центр управления подрывом бомб находятся в недрах острова? — спросил Фрэнк Манкузо, который был последним из пяти членов группы, прибывших в Южнотихоокеанский центр сбора информации.

Пеннер кивнул.

— Мы уверены в этом.

Стаси протянула руку и коснулась отвесных береговых утесов, почти вертикально поднимающихся из моря.

— Здесь невозможно разгружать суда. Им пришлось бы доставлять строительную технику по воздуху.

— Как могло случиться, что они построили центр, оставшись незамеченными разведовательными спутниками, засекающими всякую подозрительную активность? — вслух удивился Уэзерхилл.

С выражением самодовольной гордости на лице Пеннер поднял кусочек гипсового моря, тянущийся от острова к толстому краю стола. Он показал на тоненькую трубочку, проходящую через серый гипс.

— Туннель, — объяснил он. — Инженеры Сумы построили туннель, начинающийся глубже самого нижнего яруса Эдо-Сити, тянущийся десять километров до берега, а потом еще пятьдесят под дном моря до острова Сосеки.

— Еще одно очко в пользу Сумы, — сказал Питт. — Наши спутники не обнаружили каких-либо необычных транспортных потоков, так как порода, вынутая из туннеля, вывозилась вместе с той, которая была выкопана при строительстве города.

— Идеальное прикрытие, — сказал Джиордино. Он сидел верхом на стуле и меланхолично смотрел на модель острова. Ему было холодно, на нем были только обрезанные джинсы.

— Самый длинный туннель в мире, — сказал Пеннер, — длиннее того, который японцы прорыли между Хонсю и Хоккайдо.

Уэзерхилл в восхищении покачал головой из стороны в сторону.

— Невероятное достижение. Жаль, что эти усилия не были направлены на более достойные цели.

Как горный инженер Манкузо мог оценить огромные трудности, связанные с таким грандиозным проектом.

— Ведя проходку только с одного конца, они должны были затратить на это добрых семь лет, — сказал он, весьма удивленный этим открытием.

Пеннер отрицательно покачал головой.

— Работая круглосуточно и применяя новейшее оборудование, специально разработанное для этой цели, инженеры Сумы завершили работы за четыре года.

— Тем более поразительно, если учесть, что все делалось в строжайшей тайне. — Стаси ни на миг не отрывала глаз от модели с той минуты, как она была открыта.

Теперь Пеннер поднял кусок острова, открыв миниатюрный лабиринт проходов и помещений; все эти подземные галереи расходились, как спицы колеса, от одной большой центральной камеры.

— Здесь представлен план подземных помещений центра. Масштаб может быть немного неверным, но я сделал все, что мог, по приблизительным эскизам, которые передал нам Джим Ханамура.

— Я думаю, что вы сделали поразительную работу, — сказала Стаси, восхищаясь мастерством Пеннера. — Детали так точны.

— Многое здесь является просто результатом догадок, но Керн привлек к работе группу проектировщиков и инженеров, и они начертили схемы, которые весьма близки к тому, что мы ожидаем найти на острове. — Он замолчал, чтобы передать четырем членам МОГ, собравшимся в хижине, стопки чертежей. — Здесь находятся планы выходящего в Эдо-Сити конца туннеля, а также центр управления, расшифрованные и детализированные людьми Керна.

Все развернули чертежи и стали изучать план сооружений, представляющих самую серьезную угрозу, с которой столкнулся свободный мир со времени кубинского ракетного кризиса. Все молчали, прослеживая, как расположены галереи, запоминая названия помещений и изучая размеры отдельных сооружений.

— Центр должен находиться на добрых триста метров вглубь от поверхности острова, — заметил Манкузо.

— На острове нет ни причала, ни посадочной полосы, — пробормотала задумчиво Стаси. — Единственный способ добраться туда — использовать вертолет, или же через туннель из Эдо-Сити.

Питт допил остатки своей текилы.

— С моря сюда не подобраться, если только атакующая группа не будет состоять из профессиональных скалолазов. И даже в этом случае оборонительные системы Сумы выследят их, как муравьев, ползущих по белой стене.

— Что это за здания на поверхности? — спросил Уэ-зерхилл.

— Роскошный курорт для высшего руководства компаний, контролируемых Сумой. Они собираются здесь на деловые встречи. Он также является идеальным местом для тайных контактов с политиками,

правительственными чиновниками и лидерами преступных группировок.

— На картине Симцу остров выглядел совершенно пустынным, — сказал Питт. — А здесь половина острова покрыта деревьями.

— Они были посажены садовниками и парковыми архитекторами Сумы за последние двадцать лет, — объяснил Пеннер.

Манкузо в задумчивости сморщил нос.

— Как насчет лифта между курортом и центром управления?

Пеннер покачал головой.

— На планах ничего подобного не показано. Мы не можем идти на риск проникновения через шахту, если нам неизвестно, где она находится.

— Подземное сооружение таких размеров должно иметь наружную вентиляцию.

— Наша инженерная группа считает, что некоторые из этих домиков на территории курорта являются на самом деле замаскированными входами шахт для забора воздуха и выброса отработанных газов.

— Нам следует попробовать проникнуть этим путем. — Уэзерхилл рассмеялся. — С вентиляционными шахтами у меня обычно неплохо получается.

Пеннер пожал плечами.

— Опять же у нас нет достаточной информации. Возможно, воздух подается по трубам из Эдо, а отработанный воздух возвращается туда же и выбрасывается вместе с городскими выбросами.

Питт посмотрел на Пеннера.

— Какова вероятность того, что Лорен и Диас находятся на острове в качестве пленников?

Пеннер снова пожал плечами.

— Весьма высокая. Пока мы не проследили, где они находятся. Но что-то вроде курорта на неприступном острове, несомненно, идеальное место для того, чтобы содержать там заложников.

— Заложников, да, — сказала Стаси, — но на каких условиях? С момента похищения не было получено ни слова от члена Конгресса Смит и сенатора Диаса.

— И никаких требований от похитителей тоже не было получено, — объяснил Пеннер, — что вынуждает президента играть в игру

«подождем-увидим». И пока мы не предоставим ему достаточно разведданных, чтобы принять решение о возможности проведения операции по их освобождению, он не отдаст такого приказа.

Джиордино смотрел на Пеннера с некоторой подозрительностью.

— Должен существовать план, как разнести эту хазу, всегда же есть какой-то план.

— У нас он есть, — ответил Пеннер, беря ответственность на себя. — Дон Керн придумал сложную, но осуществимую операцию по проникновению в центр управления и выводу из строя его электронных систем.

— С какого рода оборонительными системами нам придется столкнуться? — поинтересовался Питт. — Сума не потратил бы такие огромные усилия и деньги на создание восьмого чуда света, не защитив его всеми мыслимыми способами.

— Мы не можем это сказать сколько-нибудь точно. — Пеннер смерил модель острова озабоченным взглядом. — Нам известно, какая технология систем безопасности и систем вооружений доступна Суме, и должны предполагать, что он смонтировал наилучшие сенсорные устройства, которые только можно купить за деньги. Экзотическое радарное оборудование для обнаружения техники на море и на суше, сонарные датчики против подводного подхода к острову, лазерные и тепловые приборы по периметру береговой линии. Не самое последнее по важности — армия вооруженных роботов.

— И, если мы вдруг не забыли об этом, целый арсенал спрятанных ракет классов «Земля-море» и «Земля-воздух», — добавил Питт.

— Этот орешек будет нелегко расколоть, — сказал Уэзерхилл, использовав расхожую фразу, в данном случае явно не способную передать сложность ситуации.

Джиордино посмотрел на Пеннера, удивленный и любопытствующий, какие же козыри у того в рукаве.

— На мой взгляд, единственный способ проникнуть внутрь этой скалы — это атака по меньшей мере пяти групп сил специального назначения, которой предшествует удар штурмовой авиации с авианосца и обстрел ударной группировки кораблей, чтобы ослабить оборону острова.

— Либо это, — согласился Питт, — либо чертовски мощная ядерная бомба.

Пеннер сухо улыбнулся.

— Поскольку ни одно из этих предложений не соответствует реальному положению дел, нам придется использовать иные средства, чтобы справиться с нашей задачей.

— Позвольте мне угадать. — Манкузо не скрывал скепсиса в отношении предполагаемого плана и, указав на Стаси, Уэзерхилла и себя, сказал: — Мы трое проникаем на остров через туннель.

— Вы все пятеро отправитесь туда, но не все через туннель, — тихо проговорил Пеннер.

Стаси от удивления вздрогнула.

— Фрэнк, Тимоти и я — тщательно обученные профессионалы по тайному проникновению. Но Дирк и Ал — морские инженеры. У них нет ни навыков, ни опыта по проведению сложной операции по проникновению в хорошо охраняемые помещения. Вы, конечно, не собираетесь послать их тоже?

— Именно это я и собираюсь сделать, — тихо ответил Пеннер. — Они вовсе не столь беспомощны, как считаешь ты.

— Мы должны надеть черные костюмы ниндзя и пропорхать через туннель, как летучие мыши? — В голосе Питта невозможно было не услышать иронии.

— Вовсе нет, — спокойно сказал Пеннер. — Вы с Алом спуститесь на остров сверху и устроите диверсию, которая должна совпасть по времени с проникновением остальных через туннель со стороны Эдо-Сити.

— Итак! — задумчиво сказал Питт. — Великий Питт и Джиордино Великолепный прилетают на частный курорт-крепость Хидеки Сумы под звуки фанфар, звон колоколов и бой барабанов. Затем их казнят в самурайском стиле, как вторгшихся шпионов. Ты нас за дурачков считаешь, разве не так, Пеннер?

— Тут есть некоторый риск, я согласен, — защищаясь, признал Пеннер. — Но у меня нет ни малейших намерений посылать вас на верную гибель.

Джиордино посмотрел на Питта.

— У тебя нет ощущения, что нас используют?

— А как насчет дурачат?

Своим наметанным глазом Питт сразу понял, что директор полевых операций не был тем человеком, который принял это решение, исходя из своих собственных полномочий, План исходил от Керна, получил

одобрение Джордана и, сверх того, был благословлен президентом. Он повернулся и посмотрел на Стаси. «Не соглашайся!» — кричал ее взгляд.

— Ну, прибыли мы на остров, и что дальше? — спросил он.

— Вы избегаете пленения как можно дольше, чтобы отвлечь на себя силы безопасности Сумы, прячась и скрываясь, пока мы не развернем спасательную операцию по эвакуации всей группы.

— Против оснащенной по последнему слову техники системы безопасности мы не продержимся и десяти минут.

— Никто и не ожидает чудес.

Питт сказал:

— Ну?

— Что ну?

— Мы падаем с неба и играем в прятки с роботами Сумы, пока три профи прокрадываются внутрь через шестидесятикилометровый туннель? — Малейший признак раздраженности, недоверия и отчаяния Питту удалось огромным усилием воли удержать внутри, не дать ему проскользнуть в интонации его вопроса. — В этом и состоит план? Это все, что в нем есть?

— Да, — сказал Пеннер, старательно избегая встречаться взглядом с горящими глазами Питта.

— Ваши приятели в Вашингтоне, должно быть, позаимствовали этот блестящий образчик творческого озарения у уличной гадалки.

В душе Питт никогда не сомневался, какое решение он примет. Если есть хоть малейшая надежда на то, что Лорен находится в заточении на острове, он пойдет на эту операцию.

— Почему бы просто не отключить их энергоснабжение на берегу, где-нибудь у Эдо-Сити? — спросил Джиордино.

— Потому что центр управления полностью автономен, — ответил Пеннер. — Он питается от собственного генератора.

Питт посмотрел на Джиордино.

— Что скажешь, большой Ал?

— На этом курорте есть гейши?

— Сума известен как большой ценитель женской красоты. Он нанимает только прекраснейших женщин, — ответил Пеннер с легкой улыбкой.

— Как мы сможем прилететь туда, не будучи взорваны еще в воздухе? — спросил Питт.

На этот раз Пеннер улыбнулся так, будто мог, наконец, для разнообразия предложить им хорошие новости.

— Ну, а эта часть плана, по нашим оценкам, имеет шансы на успех в категории А1.

— Хорошо бы, чтоб это и в самом деле было так, — сказал Питт, и от взгляда его молочно-зелёных глаз повеяло арктической стужей.

— Не то кое-кому здорово влетит.

Глава 44

Как и предполагал Пеннер, перспектива загреметь вниз в клубах дыма и пламени оказалась маловероятной. Сверхлегкие моторизованные планеры, на которых Питту и Джиордино предстояло взлететь с палубы корабля обнаружения и слежения ВМФ США «Ральф Р. Беннет», выглядели как миниатюрные копии бомбардировщиков-невидимок «Стелт». Они были окрашены в темно-серый цвет и обладали теми же причудливыми формами не то птеродактилей, не то летучих мышей, которые делали невозможным их обнаружение с помощью радара.

Они стояли, как инопланетные насекомые, в тени гигантского прямоугольного радара с фазированной решеткой. Эта система высотой с шестиэтажное здание состояла из 18 000 антенных элементов, принимавших самые разнообразные разведданные об испытаниях советских ракет с невероятной точностью. Корабль «Ральф Р. Беннет» был отозван со своей боевой позиции у побережья Камчатки приказом президента для запуска моторизованных планеров и отслеживания ситуации на острове Сосеки и вокруг него.

Капитан третьего ранга Реймонд Симпсон, молодой блондин с выгоревшими на солнце волосами, стоял рядом с людьми из НУМА на верхней палубе. В его облике чувствовалась суровая сдержанность крепкого профессионала, не спускающего пристального взгляда со своих подчиненных из команды авиамехаников, которые проворно сновали вокруг крохотных самолетов, заправляя топливные баки и проверяя приборы и системы управления.

— Думаете, мы сможем справиться с ними без пробных полетов? — спросил Питт.

— Проще простого для старых военных летчиков вроде вас, — убежденно ответил Симпсон. — Стоит вам разочек попробовать полетать, лежа на животе, и вам захочется прихватить один такой к себе домой, чтобы пользоваться им для личных надобностей.

Питту ни разу не приходилось видеть такие странные сверхлегкие летательные аппараты до того момента, как час назад их с Джиордино доставили на палубу корабля с помощью самолета вертикального взлета и посадки «Оспри». Теперь, после всего лишь сорока минут инструктажа, им предлагалось пролететь свыше ста километров над открытым морем и без травм приземлиться на опасно неровном пятачке на острове Сосеки.

— И давно эти пташки порхают? — спросил Джиордино.

— «Ибис Х-двадцать», — поправил его Симпсон. — только что сошли с чертежных досок.

— О Боже, — простонал Джиордино. — Они все еще экспериментальные.

— Очень даже. Они пока не прошли всю предусмотренную для них программу испытаний. Жаль, что я не могу предложить вам что-нибудь более испытанное, но ваши люди в Вашингтоне так ужасно торопились, что заставили нас доставить их с другого конца земля всего за восемнадцать часов.

Питт задумчиво произнес:

— Они и в самом деле летают, надо полагать?

— О, конечно, — с воодушевлением сказал Симпсон. — Я лично налетал на них десять часов. Превосходный аппарат. Спроектирован специально для рекогносцировочных полетов пилота-одиночки. Снабжен новейшим компактным турбореактивным двигателем, обеспечивающим крейсерскую скорость триста километров в час и дальность сто двадцать километров. Ибис — самый совершенный моторный планер в мире.

— Возможно, когда вы уволитесь в запас, сможете открыть дилерскую компанию по их продаже, — сухо сказал Джиордино.

— Я бы не отказался, — ответил Симпсон, не заметив подвоха,

Капитан радарного корабля, коммодор Уэнделл Харпер, подошел к посадочной площадке, держа в руке большой фотоснимок. Высокий и грузный человек с солидным брюшком, он шел, переваливаясь с ноги на ногу, словно ковбой, который только что сошел с поезда, пересекшего равнины Канзаса.

— Наш метеоролог обещает, что у вас будет попутный ветер с силой четыре узла, — сказал он благодушно. — Так что с топливом все будет в порядке.

Питт кивком приветствовал его.

— Я надеюсь, наш разведовательный спутник подыскал нам сносную посадочную площадку.

Харпер разостлал увеличенную копию контрастированного компьютером спутникового снимка на переборке.

— Это немножко похуже чикагского аэропорта, единственное плоское место на острове — травянистая полоска двадцать на шестьдесят метров.

— Для посадки против ветра места больше чем достаточно, — вставил Симпсон с оптимизмом.

Питт и Джиордино подошли поближе и уставились на удивительно подробную картинку. Главной особенностью рельефа был ландшафтный парк, окружающий прямоугольный газон, открытый лишь с восточной стороны. Три другие стороны этой лужайки были густо обсажены деревьями и кустарником и ограничены постройками с крышами, как у пагод, с открытых террас которых вниз вели горбатые мостики, кончавшиеся восточным прудом, расположенным на одном из концов продолговатой лужайки.

Как приговоренные к смерти, которым только что сказали, что они могут выбирать между повешеньем и расстрелом, Питт и Джиордино обменялись взглядами и напряженными циничными улыбками.

— Прячьтесь, пока вас спасут, — невесело пробормотал Джиордино. — Почему у меня такое чувство, что мою урну для голосования уже набили фальшивыми бюллетенями?

— Что-то это не похоже на встречу у парадного входа с духовым оркестром, — согласился Питт.

— Что-то не так? — невинно поинтересовался Симпсон.

— Мы стали жертвами недобросовестной рекламы, — ответил Питт. — Кто-то в Вашингтоне воспользовался нашим мягким характером.

Харпер выглядел расстроенным.

— Хотите отменить операцию?

— Нет, — вздохнул Питт. — За десять центов так за десять центов, за доллар так за доллар.

— Мне не хочется давить на вас, но до заката остался только час. Вам понадобится дневной свет, чтобы найти, где приземлиться.

В этот момент старший команды авиамехаников подошел к Симпсону и доложил ему, что планеры обслужены и готовы к взлету.

Питт посмотрел на хрупкий маленький аппарат. Называть его планером было явно ошибочно. Без сильной тяги его турбореактивного двигателя он бы тут же упал вниз как кирпич. В отличие от широких длинных крыльев настоящих сверхлегких самолетов и планеров с массой растяжек из тросов и проволок, несущие плоскости «Ибисов» были короткими и толстыми, а все силовые элементы располагались внутри обшивки крыла. Компоновка также отличалась от обычной для сверхлегких летательных аппаратов схемы «утка», устойчивой к штопору и срыву потока. Ему вспомнилась популярная притча о шмеле, у которого все особенности анатомии были неподходящими для полета, и, однако, он летал не хуже, если не лучше, многих других насекомых, которых мать-природа снабдила аэродинамически совершенными формами и приспособлениями.

Закончив последние предполетные проверки, авиамеханики отошли к краю взлетной полосы. На взгляд Питта, они все выглядели как зрители автогонок, ожидающие столкновения.

— Может быть, мы как раз успеем приземлиться к тому времени, когда подадут коктейли, — сказал он, надевая свой шлем.

Со своим привычным спокойствием Джиордино просто зевнул.

— Если ты успеешь туда первым, сразу закажи мне мартини с водкой.

Харпер с изумлением понял, что их ледяная невозмутимость была проявлением высшей степени эмоциональной напряженности, которую эти люди были способны выразить только так.

— Удачи вам, — сказал он, обменявшись с обоими крепким рукопожатием. — Мы будем все время следить за вами. Не забудьте включить сигнальное устройство после приземления. Нам хотелось бы известить Вашингтон, что вы успешно сели.

Питт криво улыбнулся ему.

— Сделаю, если смогу.

— Никогда не сомневайтесь, — сказал Симпсон, словно подбадривая свою спортивную команду. — Проверьте, не забыли ли вы включить таймер самоликвидатора. Мы не можем дарить японцам нашу технологию сверхлегких аппаратов.

— До встречи, и спасибо вам и вашим людям за заботу о нас.

Джиордино тронул Питта за плечо, ободряюще подмигнул ему одним глазом и, не сказав больше ни слова, пошел к своему планеру.

Питт подошел к своему моторному планеру, влез снизу через узкий люк в обитый материей фюзеляж и лег на живот, пока его тело не вписалось

в очертания коврика из вспененной резины длиной в человеческий рост. Его голова и плечи находились лишь чуть выше ног, локти свободно лежали в сантиметре от пола. Он подогнал привязные ремни, проходящие через лопатки и ягодицы. Затем он вставил вытянутые ноги в зажимы педалей управления рулем поворота и тормозами и схватил одной рукой рукоять штурвала, а другой примерился к рычажкам управления тягой двигателя.

Он помахал рукой через выпуклое ветровое стекло стартовой команде, стоявшей наготове, чтобы освободить привязные тросы, и включил стартер. Турбина размером не больше бочонка пива начала с жужжанием раскручиваться, пока ее гул не превратился с высокий свист. Он взглянул на Джиордино, успев разглядеть только его горящие карие глаза. Питт подал ему знак, подняв вверх большой палец. Джиордино ответил тем же и усмехнулся.

Еще один взгляд на приборы, чтобы убедиться, что двигатель работает так, как было описано в руководстве для пилота, которое он едва успел пролистать, и последний взгляд на вымпел, плещущийся на корме под сильным ветром, дующим спереди от него.

В отличие от авианосца, где самолеты обычно взлетают в направлении носа корабля, здесь это было невозможно из-за мешающего кожуха радара и палубных надстроек, так что коммодор Харпер развернул корабль кормой навстречу ветру и дал задний ход.

Питт удерживал планер на тормозах, нажимая большими пальцами ног на педали в сторону от себя. Затем он передвинул рычажок управления двигателем, чувствуя, что «Ибис» рвется вперед. Конец взлетной полосы казался неприятно близким. Подъемную силу, достаточную для полета, «Ибис» развивал при сорока пяти километрах в час. Суммарная скорость ветра и заднего хода «Беннета» давала ему фору в двадцать пять км/час, но предстояло набрать еще двадцать км/час до того, как колеса его шасси пересекут конец взлетной полосы.

Настал решительный момент. Он просигналил стартовой команде освободить привязные тросы. Затем Питт довел рычажок тяги до упора вперед, и «Ибис» задрожал от тяги турбины и силы встречного ветра. Глядя на конец взлетной полосы, Питт отпустил тормоза, и «Ибис» ринулся вперед. Пять метров, десять, и затем легко, но твердо Питт потянул рукоять штурвала на себя. Маленькое переднее колесо оторвалось от палубы, и Питт увидел облака. Когда оставалось лишь три метра до конца полосы, он послал «Ибис» в небо, над неспокойным морем.

Он заложил вираж и выровнял планер на высоте сорока метров, наблюдая, как Джиордино поднялся в воздух вслед за ним. Один круг над кораблем, покачивая крыльями машущей им команде «Ральфа Р.

Беннетта», и он взял курс на остров Сосеки на западе. Воды Тихого океана проносились под брюхом «Ибиса», окрашенные сверкающим золотом заходящего солнца.

Питт уменьшил тягу до маршевого значения. Ему хотелось бы разогнать как следует маленький самолетик, набрать высоту и попробовать фигуры высшего пилотажа. Но этого нельзя было делать. Любые дикие маневры могли дать отметки на экранах японских радаров. В прямом горизонтальном полете на высоте гребней волн «Ибис» был невидим.

Теперь Питт начал гадать, как его встретят на острове. Надежды покинуть курортный комплекс у него почти не было. Какой симпатичный сценарий, подумал он мрачно. Аварийная посадка на переднем дворе Сумы прямо из ниоткуда, чтобы устроить бедлам среди сил безопасности и отвлечь внимание от остальных.

Собравшиеся в ситуационной комнате на борту «Беннетта» обнаружили сигналы радара, исходящие от оборонительных систем Сумы, но капитан Харпер решил не глушить их. Он позволил японцам следить за «Беннеттом», справедливо рассудив, что стража острова успокоится, увидев, что одинокий американский корабль спокойно уходит от острова на восток, будто выполняя обычное патрулирование.

Питт сосредоточился на навигации, все время посматривая на компас. При нынешней скорости ветра, по его вычислениям, они должны сесть на острове через тридцать пять минут. Но стоит им отклониться на несколько градусов к северу или к югу, и они могут безнадежно промахнуться мимо него.

Выполнять одновременно работу пилота и штурмана было чрезвычайно трудно. В столь легком аппарате каждая сотня граммов была на счету, поэтому здесь не было ни бортового компьютера, ни автопилота. Он четырежды проверял скорость полета, силу и направление ветра и свой расчетный курс, чтобы быть уверенным, что в его вычисления не вкрались никакие ошибки.

Возможность сжечь все топливо и рухнуть в неспокойное море посреди ночи — без этих трудностей лучше было обойтись.

Питт невесело отметил, что рации были удалены из планеров. По приказанию Джордана, конечно, чтобы ни у него, ни у Джиордино не возникло искушение поболтать и тем выдать свое присутствие.

Когда прошло двадцать семь минут с момента вылета и лишь краешек солнца выглядывал из-за горизонта, Питт внимательно вгляделся вперед через ветровое стекло.

Там она и была, туманная пурпурная искорка между морем и небом, скорее воображаемая, чем реальная. Почти незаметно она превратилась

в четко различимый остров, изрезанные утесы которого поднимались вертикально из катящихся волн, разбивавшихся об их основания.

Питт повернул голову и взглянул в боковой иллюминатор. Джиордино держался почти рядом с ним, в десяти метрах сзади и справа. Питт покачал крыльями и показал на остров. Джиордино приблизился, пока Питт не увидел, что он кивнул в ответ и ребром ладони сделал жест в направлении острова.

Еще один, последний взгляд на приборы, и он накренил «Ибис» в мягкий вираж, пока не зашел на центр острова из темнеющего восточного неба. Не будет ни кружения над местом предполагаемой посадки для изучения рельефа, ни второго захода, если он зайдет на посадку слишком низко или слишком высоко. Неожиданность была их единственным козырем. У них была только одна возможность посадить свои крохотные «Ибисы» на садовую лужайку до того, как зенитные ракеты взорвутся в их кабинах.

Ему были ясно видны крыши пагод и просвет между деревьями, окружающими открытый участок сада. Он заметил вертолетную площадку, которой не было на макете Пеннера, но он отверг ее как запасное место приземления, так как она была слишком маленькой и окруженной деревьями.

Легкий поворот запястья налево, потом направо, и затем держать рукоятку штурвала неподвижно. Он опускал вниз рычажок управления тягой по миллиметру за раз. Волны слились в сплошную массу, вздымавшиеся утесы неслись навстречу, быстро заполняя все ветровое стекло. Он слегка отклонил рукоять штурвала на себя. И затем внезапно, как будто из-под него вытащили ковер, море исчезло, и его колеса пронеслись лишь в нескольких метрах над твердой магматической породой, из которой был сложен остров.

Сразу же, без взгляда вбок, легкий нажим на правую педаль управления рулем поворота, чтобы компенсировать боковой ветровой снос. Он проскочил над шпалерой кустарника, шины шасси коснулись их верхушек. Рычаг газа назад до упора, и «Ибис» снизился настолько, что взлететь снова, не коснувшись земли, он уже не мог. Теперь слегка потянуть к себе ручку штурвала. Планер опустил хвост. Питт почувствовал, как посадочные колеса коснулись лужайки не более чем в пяти метрах от цветочной клумбы.

Питт выключил двигатель и осторожно, но крепко нажал на тормоза. Ничего не произошло. Его не потащило вперед силой инерции, как бывает, когда машина тормозит. Трава была мокрой от росы, и шины скользили по ней, словно лужайку смазали маслом.

Желание включить турбину на полную тягу и потащить штурвал на себя было огромным, в особенности потому, что нос планера находился в нескольких сантиметрах от его лица. Столкновение с деревом, со стеной дома, со скалой? Прямо перед ним шпалера кустарника, горящая красными и золотыми красками осени, закрывала видимость, а за ней могло быть любое твердое препятствие.

Питт напрягся, опустил голову вниз и вцепился в планер.

Аппарат все еще двигался со скоростью тридцать километров в час, когда он протаранил кусты, оторвав при этом крылья, и плюхнулся со страшным шумом в маленький пруд, кишащий огромными карпами.

Наступило мертвое молчание, продлившееся несколько секунд и нарушенное затем треском кустов, когда планер Джиордино прорвался через шпалеру рядом с разрушенным планером Питта и, скользя, остановился в саду у песка, сметая тонкие узоры, образовывавшие искусную композицию.

Питт пытался высвободиться из пристегивающих его к планеру ремней, но его ноги были зажаты, а рукам было слишком тесно. Его голова наполовину погрузилась в пруд, и ему пришлось задрать лицо кверху, чтобы можно было дышать. Ему была ясно видна стайка крупных белых. черных и золотых карпов, открывавших и закрывавших пасти и глядевших в упор круглыми глазами на чужака, вторгшегося в их владения.

Фюзеляж планера Джиордино пострадал меньше, и. ему удалось выбраться без труда. Он побежал к разбившемуся планеру друга, прыгнул в пруд и рванулся через ил и листья лилий как взбесившийся бегемот. С силой, развитой за долгие годы занятий культуризмом, он разорвал искореженные шпангоуты, прижавшие ноги Питта, словно это были зубочистки. Затем он отстегнул ремни, вытащил Питта из обломков аппарата и вынес его на берег.

— Ты в порядке?

— Ушибы голеней и растяжение большого пальца на руке, — ответил Питт. — Спасибо за освобождение.

— Я пошлю тебе счет, — сказал Джиордино, с отвращением глядя на свои покрытые илом башмаки.

Питт снял свой разбитый шлем и швырнул его в пруд. заставив карпов кинуться под защиту листьев лилий. Он кивнул на разбитые планеры.

— Они придут за нами. Ты бы включил сигнальное устройство и таймеры самоликвидаторов.

Пока Джиордино занимался извещением «Беннетта» об их прибытии на остров, прежде чем вставить взрывателя в небольшие пакетики пластичной взрывчатки, закрепленные внутри планеров, Питт неловко поднялся на ноги и осмотрел сад.

Он казался заброшенным. Армия роботов и охранников-людей не материализовалась. На балкончиках и в окнах зданий не было видно никакого движения. Ему было трудно поверить, что никто не слышал шума турбин и двух следующих друг за другом ударов машин о землю через тонкие стены строений в японском стиле. Кто-то должен был жить поблизости. Садовники здесь точно бывали, насаждения были подстрижены и выглядели так, как будто за ними постоянно ухаживали.

Джиордино вернулся.

— У нас меньше двух минут на то, чтобы смотаться отсюда, прежде чем они взорвутся, — быстро сказал он.

— Я пошел, — сказал Питт, начав ковылять к покрытому лесом участку за курортным комплексом.

Вдруг он замер на месте, когда странный электронный голос выкрикнул:

— Оставайтесь там, где стоите!

Питт и Джиордино среагировали на эти слова одинаково, бросившись за прикрытие густых кустов и деревьев, пригибаясь к земле и быстро перебегая от одного дерева к Другому, стараясь оторваться от неизвестного преследователя. Не успели они продвинуться дальше пятидесяти метров, как натолкнулись на высокий забор, вдоль которого на изоляторах была натянута колючая проволока под напряжением.

— Самый короткий побег в истории, — меланхолично заметил Питт. В этот момент взрывчатка в двух «Ибисах» сдетонировала с интервалом в пять секунд. Питт не мог этого видеть, но он представил себе оглушенных уродливых карпов, летящих по воздуху.

Он и Джиордино обернулись, чтобы встретить лицом к лицу своих преследователей, и, хотя они были предупреждены, все же были не вполне подготовлены к виду трех механических страшилищ, выползших из низких кустов полукругом, отрезая все пути бегства. Три робота вовсе не были похожи на получеловеческие фигуры из телепередач и кинофильмов. Они передвигались на резиновых гусеницах наподобие тракторных и ничем не походили на людей, разве что речью.

Мобильные автоматические шасси были снаряжены разношерстным набором суставчатых манипуляторов, видеокамер и приборов инфракрасного видения, громкоговорителей, компьютеров и

счетверенными пулеметами, нацеленными прямо в пупки Питту и Джиордино.

— Пожалуйста, не двигайтесь, или мы убьем вас.

— Они не смягчают выражений, не так ли? — Джиордино явно не верил услышанному.

Питт рассмотрел центрального робота и решил, что он, по-видимому, управляется дистанционно с помощью сложной системы двусторонней связи оператором, находящимся в каком-то удаленном месте.

— Мы запрограммированы распознавать различные языки и отвечать соответственно, — сказал средний робот гулким голосом, звучащим удивительно разборчиво. — Вы не можете убежать, не будучи убитыми. Наше оружие наводится по тепловому излучению ваших тел.

Наступило короткое напряженное молчание, пока Джиордино и Питт быстро посмотрели друг на друга; это были взгляды людей, которым была поручена некая работа, и вот эта работа была выполнена, и больше им нечего было делать. Осторожно, медленно, они подняли руки над головами, зная о том, что нацеленные на них горизонтальные стволы пулеметов ни разу не шелохнулись.

— Я действительно верю, что нам преградил дорогу отряд механических полицейских, — мягко произнес Питт.

— По крайней мере они не жуют табак, — промычал Джиордино.

Двенадцать стволов спереди, забор с проволокой под напряжением сзади — деваться было некуда. Питт мог лишь надеяться, что люди, управляющие этими роботами, окажутся достаточно сообразительны, чтобы понимать, что он и Джиордино не представляют для них угрозы.

— Не пора ли попросить их отвести нас к их главарю? — спросил Джиордино, и его ухмылка была холоднее камня.

— На твоем месте я бы не стал этого делать, — мягко ответил Питт. — С них станется, шлепнут нас за неправильный оборот речи.

Глава 45

Никто не взглянул с подозрением на Стаси, Манкузо и Уэзерхилла, когда они без особых трудностей, как и было предусмотрено планом, проникли в недра Эдо-Сити. Голливудский эксперт до гриму, отправленный Джорданом самолетом в Токио, мастерски изменил им разрез глаз фальшивыми кожными складками, подкрасил и подвел брови и изготовил парики из прекрасных жестких черных волос. Манкузо, поскольку он мог говорить на безупречном японском языке, был одет в традиционный костюм японского бизнесмена и изображал

начальника Стаси и Уэзерхилла, облаченных в желтые комбинезоны ремонтных бригад Сумы.

Данные из отчета Джима Ханамуры о процедурах проверки документов, а также идентификационные карточки и кодовые пропуска, предоставленные глубоко законспирированным британским агентом, работавшим в сотрудничестве с Джорданом, позволили им без осложнений пройти через контрольные посты и, наконец, добраться до входа в туннель. Теперь им предстояла самая трудная часть операции. Охранников-людей и автоматы, проверяющие кодовые пропуска, провести было нетрудно; но, как сказал Пеннер на их последнем брифинге, проверка у входа в туннель будет особенно тщательной.

Они вошли в совершенно голую, ярко освещенную комнату с белыми стенами и потолком, где их поджидала роботизированная сенсорная система охраны. На полу не было никакой мебели, на стенах ни одного рисунка или знака. Дверь, через которую они вошли, была, по-видимому, единственной, служа и входом, и выходом.

— Изложите ваше дело, — потребовал робот на механическом японском языке.

Манкузо колебался. Ему было сказано, что его встретят роботы-охранники, но он не ожидал увидеть нечто вроде мусорного бака на колесиках, отдающего приказания.

— Отдел волоконной оптики, задание модифицировать и проверить систему, — сымпровизировал он, стараясь скрыть свою неопытность в общении с искусственным интеллектом.

— Ваш наряд на работу и пропускной код.

— Срочный вызов сорок шесть-эр для осмотра и проверки коммуникаций.

Затем он свел вместе ладони, коснувшись кончиками пальцев одной руки пальцев другой, и трижды повторил слово «са».

Манкузо оставалось только надеяться, что британский агент сообщил им правильные условный жест и пароль, и ввел в память компьютера их генетические маркеры.

— По очереди прижмите ваши правые ладони к моему чувствительному экрану.

Все трое послушно один за другим прижали ладони к небольшому мерцающему экрану на круглой, как бочка, груди робота. Несколько секунд механический страж хранил молчание, обрабатывая данные из своего компьютера и сравнивая очертания лиц и параметры их фигур с

именами и описаниями, хранящимися на его запоминающих устройствах. Замечательное достижение, подумал Уэзерхилл. Ему еще не приходилось встречаться с компьютером, способным самостоятельно вводить в память данные, поступающие от телевизионной камеры, и обрабатывать видеоизображения в режиме реального времени.

Они стояли со спокойным деловым видом, зная из того, что сообщил им Пеннер на брифинге, о способности робота подмечать малейшие признаки нервозности. Они, кроме того, все время смотрели прямо на робота. Бегающий взгляд мог вызвать подозрение.

Уэзерхилл устало зевнул, пока их генетические маркеры и отпечатки ладоней и пальцев сопоставлялись с образцами.

— Допуск подтвержден, — наконец сказал робот-страж. Затем вся противоположная стена пустой комнаты открылась наружу, и он откатился в сторону. — Вы можете войти. Если вам потребуется оставаться на охраняемой территории более двенадцати часов, вы должны сообщить об этом службе безопасности номер шесть.

Британский агент успешно справился со своим заданием. Они триумфально преодолели главное препятствие. Пройдя через дверь на устланный ковром переход, они направились к главному туннелю. Когда они выходили на посадочную платформу, раздался гудок и начали вспыхивать красные и белые проблесковые огни. Рабочий поезд, нагруженный строительными материалами, отходил от платформы ширококолейной подземной железной дороги, рельсы которой сходились у главного въезда в туннель, диаметр которого, по оценке Манкузо, составлял четыре метра.

Через три минуты, прошедших в полной тишине, алюминиевый вагончик со стеклянным верхом в форме обтекаемого пузыря, в котором могли бы разместиться десять человек, подошел к перрону, передвигаясь по единственному рельсу. Внутри вагончик был пуст, за пультом управления никого не было. С легким шипением дверь скользнула вбок, и они вошли.

— Это Маглев, — тихо сказал Уэзерхилл.

— Что? — не поняла Стаси.

— Маглев, сокращение от «магнитная левитация». Концепция, основанная на взаимном притяжении и отталкивании двух магнитов. Взаимодействие между мощными магнитами, смонтированными под вагонами поезда, и другими магнитами, которыми покрыт монорельс, перемещает вагоны посредством электромагнитного поля. Поэтому такую конструкцию часто называют «плавающий поезд».

— Япошки разработали самую совершенную систему в мире, — добавил Манкузо. — После того как им удалось решить проблему охлаждения сверхпроводящих магнитов, находящихся в вагоне, они получили экипаж, который в буквальном смысле летит над рельсом со скоростью самолета.

Двери закрылись, и маленький вагончик стал ждать, пока его электронные датчики не сообщат, что путь свободен. Над рельсом вспыхнул зеленый свет, и они беззвучно скользнули в главный туннель, набирая скорость, пока оранжевые натриевые лампы, вделанные в крышу туннеля, не слились в раздражающее сплошное светящееся пятно.

— Быстро ли мы едем? — спросила Стаси.

— По приблизительной оценке, триста двадцать километров в час, — ответил Уэзерхилл.

Манкузо кивнул. .

— При такой скорости весь путь займет не больше примерно пяти минут.

Казалось, что плавающий поезд едва успел набрать маршевую скорость, как почти сразу начал замедляться. Мягко, как лифт в небоскребе, он затормозил до полной остановки. Они вышли на другую пустую платформу. Как только они освободили вагон, он заехал на поворотный стол, переключился на другой рельс и, набирая скорость, отправился обратно в Эдо-Сити.

— Конец линии, — тихо сказал Манкузо. Он повернулся и первым направился к единственной двери, ведущей с платформы. Она открывалась в еще один покрытый ковром переход, который через тридцать метров кончался дверью лифта.

Внутри кабины Уэзерхилл кивком головы показал на арабские цифры на кнопках этажей.

— Вверх или вниз?

— Сколько здесь всего этажей, и на котором из них мы находимся? — спросила Стаси.

— Двенадцать. Мы на втором.

— На эскизах Ханамуры показано только четыре.

— Должно быть, это предварительные наброски, которые потом были изменены.

Стаси печально смотрела на освещенную панель.

— Тогда и вся наша схема с центральной камерой и радиальными галереями может оказаться неверной.

— Без точных указаний, как найти компьютеризованный центр управления, — сказал Уэзерхилл, — нам придется отбросить наш первоначальный план и искать электростанцию.

— Если мы сможем найти ее прежде, чем возбудим подозрения, — с сомнением сказал Манкузо.

— Это все, что нам остается делать. Чтобы проследить, куда ведут силовые кабели, потребуется меньше времени, чем если бы мы пытались случайно наткнуться на центр управления.

— Двенадцать этажей помещений и коридоров, — озабоченно сказала Стаси. — Тут можно без толку бродить часами.

— Мы уже здесь, и выбора у нас нет, — сказал Манкузо, посмотрев на часы. — Если Питт и Джиордино успешно приземлились на поверхности острова и отвлекли на себя системы безопасности Сумы, у нас должно быть достаточно времени, чтобы подложить взрывчатку и выбраться обратно через туннель в Эдо-Сити.

Уэзерхилл взглянул на Стаси и Уэзерхилла, затем на щиток с кнопками. Он точно знал, что они сейчас чувствуют — нервы напряжены, все ощущения обострены, их тела, как взведенные пружины, в любую секунду готовы действовать. Они уже зашли так далеко, что теперь все зависело от того, какие решения они примут в следующие несколько минут. Он нажал на кнопку с цифрой 6.

— Почему бы не попробовать средний этаж? — сказал он, прибегая к простейшей житейской логике.

Манкузо поднял чемоданчик, в котором были замаскированы два готовых к бою автомата, и зажал его под мышкой. Все трое застыли в тревожном ожидании. Через несколько секунд послышался негромкий щелчок, вспыхнула цифра шестого этажа, и двери раздвинулись в стороны.

Манкузо вышел первым, Стаси и Уэзерхилл следовали сразу за ним. Когда через два шага он остановился как вкопанный, то почти не заметил, что они врезались в него. Все трое стояли и глазели, как сельские дурачки глядели бы на марсианский космический корабль.

Повсюду внутри огромной сводчатой галереи кипела целенаправленная, деятельная сумятица, словно тут работала целая армия умелых работников сборочного цеха на конвейерной линии, разве что не было никаких устных распоряжений, выкриков и разговоров. Все специалисты, техники и инженеры, работающие у огромного полукруга,

образованного компьютерами и пультами управления, были роботами всевозможных форм и размеров.

Они наткнулись на золото с первой попытки. Уэзерхилл, не мудрствуя, нажал на ту кнопку, которая доставила их прямо в электронный мозг ядерного командного центра Сумы. Во всем комплексе не было ни одного человека. Вся рабочая сила была полностью заменена автоматами, и она состояла лишь из хитроумных, изготовленных с применением последних технических достижений машин, работающих по двадцать четыре часа в сутки без перерывов на обед, перекуров или отпусков по состоянию здоровья. Организация производства, немыслимая для любого американского профсоюзного лидера.

Большинство передвигалось на колесиках, некоторые на тракторных гусеницах. У некоторых было до семи суставчатых манипуляторов, торчавших, как щупальца осьминога, из тележек на колесах, некоторые другие сошли бы за привычные многофункциональные установки, которые можно встретить в кабинете зубного врача. Но ни один из роботов не расхаживал на ногах и даже отдаленно не напоминал СЗРО из «Звездных войн» или Робби из «Запрещенной планеты». Все роботы были полностью заняты своими индивидуальными рабочими программами и делали свое дело, не обращая никакого внимания на вторгшихся сюда людей.

— У тебя нет такого ощущения, что мы стали чем-то устаревшим? — прошептала Стаси.

— Мне это не нравится, — сказал Манкузо. — Нам лучше отправиться обратно в лифт.

Уэзерхилл покачал головой.

— Ни в коем случае. Это тот самый комплекс, который мы пришли уничтожить. Эти штуковины даже не подозревают, что мы здесь, Они не запрограммированы взаимодействовать с людьми. И вокруг нет никаких роботов-охранников. Питт и Джиордино, должно быть, спасли наши задницы тем, что отвлекли их внимание на себя. На мой взгляд, мы должны послать этот автоматизированный муравейник на Луну.

— Лифт поехал, — сказала Стаси, нажав кнопку «вниз». — В течение следующей минуты мы никуда не сможем двинуться отсюда.

Манкузо не стал тратить время на дальнейшие дискуссии. Он поставил на пол чемоданчик и начал отрывать пакеты пластиковой взрывчатки С-8, приклеенные пластырем к его лодыжкам. Остальные делали то же самое, доставая взрывчатку из-под своих форменных комбинезонов.

— Стаси, компьютерная секция. Тим, системы активации ядерных бомб. Я займусь коммуникационным оборудованием.

Не успели они сделать и пяти шагов к указанным целям, как громовой голос раздался под сводами, отражаясь эхом от бетонных стен:

— Оставаться на месте! Не двигаться, иначе вы наверняка умрете! — Это было сказано на чистом английском языке, почти без следов японского акцента, и голос был холодным и угрожающим.

Их полностью застали врасплох, но Манкузо попробовал сблефовать, одновременно пытаясь найти мишень для автоматов, спрятанных в его чемоданчике.

— Мы инженеры-контролеры, пришли для выполнения программы осмотра и проверки. Хотите увидеть и услышать наш пароль?

— Все люди, инженеры и контролеры, вместе с их паролями, были лишены допуска в это помещение после того, как полностью автономные мобильные роботы получили возможность выполнять свои программы без вмешательства и контроля людей, — прогремел бестелесный голос.

— Мы не были проинформированы об этой перемене. Мы были проинструктированы нашим начальником осмотреть волоконно-оптические кабели, — настаивал Манкузо, нажимая пальцем на кнопку, замаскированную под клепку на дне его чемоданчика.

Тут открылись дверцы лифта, и в помещение центра управления вошел Рой Орита. Секунду он молчал, с некоторым уважением глядя на своих прежних товарищей по группе МОГ.

— Не надо бравады, — сказал он с торжествующей улыбкой. — Вы провалились. Ваша тайная операция с целью остановить Проект «Кайтен» провалилась, полностью и бесповоротно. И вы все поплатитесь жизнью за попытку сделать это.

Джордан и Сэндекер разделили легкий завтрак с президентом на курорте для высших должностных лиц в Кэмп-Дейвиде. Они сидели за столом в маленьком домике перед камином, где пылали поленья из дерева гикори. Джордану и адмиралу было жарковато в этой комнате, но президент, казалось, наслаждался теплом, потягивая любимый южанами кофе с цикорием. На нем был ирландский вязаный шерстяной свитер.

Специальный помощник президента, Дейл Николс, вышел из кухни со стаканом молока.

— Снаружи ждет Дон Керн, — доложил он, обращаясь к Джордану.

— Думаю, у него есть новости об острове Сосеки, — сказал Джордан.

Президент жестом подозвал Николса.

— Непременно пригласите его сюда. — Словно спохватившись, он добавил: — Дайте ему чашку кофе и предложите чего-нибудь поесть.

Керн принял лишь кофе и сел на стоявший поблизости диванчик. Президент с нетерпением смотрел на него, но Джордан рассеянно уставился в огонь.

— Они проникли внутрь, — заявил Керн.

— Они проникли внутрь, — словно эхо, повторил президент. — Вся группа?

Керн кивнул.

— Все трое.

— Есть какие-нибудь проблемы? — спросил Джордан.

— Мы не знаем. Прежде чем сигнал от нашего британского агента таинственным образом прекратился, он сообщил, что они благополучно проехали через туннель.

Президент протянул руку и обменялся с Джорданом рукопожатием.

— Мои поздравления, Рей.

— Чуточку рано, господин президент, — сказал Джордан. — Им еще предстоит преодолеть некоторые препятствия. Проникновение в центр «Дракон» — это лишь первый этап нашего плана.

— Что слышно насчет моих людей? — раздраженно спросил Сэндекер.

— Они отправили сигнал о том, что успешно приземлились, — ответил Керн. — У нас нет причин думать, что они были ранены при посадке или пострадали от охранников Сумы.

— И что мы собираемся делать дальше?

— После того как они подложат взрывчатку и временно выведут из строя центр «Дракон», наши люди попытаются освободить члена Конгресса Смит и сенатора Диаса. Если все пойдет по плану, у нас будет некоторое пространство для маневра, чтобы пригвоздить Хидеки Суму к ближайшему кресту и послать наших военных для полномасштабной операции по уничтожению командного центра.

Лицо президента стало озабоченным.

— Неужели это все могут сделать двое мужчин и одна женщина за следующие тридцать шесть часов?

Джордан устало улыбнулся.

— Поверьте, господин президент, мои люди умеют проходить сквозь стены.

— А что с Питтом и Джиордино? — продолжал Сэндекер нажимать на Керна.

— Как только наши люди просигналят о том, что они готовы, всплывет подводная лодка и высадит отряд дельта-один, чтобы эвакуировать их с острова. Питта и Джиордино они также освободят и возьмут с собой.

— Кажется мне, что вы уж слишком многое принимаете за уже сделанное, — проворчал Сэндекер.

Керн самоуверенно улыбнулся адмиралу.

— Мы проанализировали и тщательно проработали все этапы операции, пока не были уверены, что ее шансы на успех — девяносто шесть и семь десятых процента.

Сэндекер бросил на Керна испепеляющий взгляд.

— Лучше считайте этот фактор равным девяноста девяти и девяти десятым процента.

Все вопросительно уставились на Сэндекера. Затем Керн неуверенным голосом сказал:

— Я что-то не пойму, что вы имеете в виду, адмирал?

— Вы совершенно не учли способности Питта и Джиордино, — ответил Сэндекер с ноткой резкости в голосе. — Это будет не первый раз, когда им придется спасать готовый провалиться спектакль секретных служб.

Керн странно посмотрел на него, затем повернулся за помощью к Джордану, но тут вмешался президент.

— Мне кажется, что адмирал Сэндекер имеет в виду несколько случаев, когда мистер Питт спасал задницу правительства. Один из них особенно уместно припомнить сейчас. — Президент сделал паузу для вящего эффекта. — Видите ли, именно Питт спас мою жизнь вместе с жизнью члена конгресса Смит четыре года тому назад в Заливе.

— Я помню этот случай, — сказал Джордан и отвернулся от камина. — Чтобы сделать это, он использовал старый колесный пароход с Миссисипи.

Керн отказался отступать. Он чувствовал, что речь идет о его репутации лучшего в стране разработчика тайных операций.

— Верьте мне, господин президент. Освобождение и эвакуация будут осуществлены в соответствии с планом без участия людей из НУМА. Мы

учли все могущие возникнуть осложнения, все случайности. Ничто, разве непредсказуемое вмешательство Всевышнего, не помешают нам выполнить этот план.

Глава 46

Но отнюдь не божественное вмешательство не позволило Манкузо, Стаси и Уэзерхиллу осуществить тщательно продуманный план Керна. И дело было не в том, что им не хватило умения и опыта. Они могли открыть любой банковский сейф на свете, и иногда делали это, сбежать из строжайше охраняемых тюрем, проникнуть в штаб-квартиру КГБ в Москве или в личную резиденцию Фиделя Кастро на Кубе. Еще не был изготовлен такой замок или спроектирована такая охранная сигнализация, с которой бы они не справились за десять минут. Непредсказуемость нападающих собак могла оказаться для них досадным препятствием, но они в совершенстве владели множеством способов сделать их мертвыми или послушными.

К несчастью, в их багаже тщательно отработанных и испытанных приемов не было способа освобождения из тюремной камеры, в которой не было ни окон, ни дверей и которая открывалась только снизу, когда ее стены и потолок из нержавеющей стали поднимались над полом механической рукой. А после того, как у них отобрали все оружие, их мастерское владение боевыми искусствами оказалось бесполезно против сторожевых роботов, не чувствующих боли и реагирующих на малейшее движение куда быстрее человека.

Сума и Каматори, сочтя их крайне опасными, поместили каждого в одиночную камеру, в которой не было ничего, кроме татами, узенькой дырки в полу для туалета и громкоговорителя в потолке. Там не было никаких источников света, и им пришлось сидеть в одиночестве, в непроницаемом мраке, где, отбросив все эмоции, они сосредоточенно искали выхода, хоть самого ничтожного и невероятного шанса на побег.

Затем пришло горькое понимание, что из этих камер действительно невозможно убежать. Затем досада от невозможности смириться с тем фактом, что, несмотря на их почти сверхчеловеческие способности, они окончательно и безнадежно попались.

Рой Орита узнал Питта и Джиордино, когда просмотрел видеозаписи их поимки. Он немедленно доложил о своем открытии Каматори.

— Вы уверены?

— Да, у меня нет ни малейших сомнений. Я сидел напротив них за одним столом в Вашингтоне. Ваша контрразведка подтвердит мои слова после проверки генетических маркеров.

— Зачем они явились сюда? Они ведь не профессиональные оперативники.

— Они просто играли роль приманки, отвлекающей внимание от группы, получившей задание разрушить центр управления.

Каматори с трудом поверил, что ему так сказочно повезло. Человек, которого он приказал убить, свалился прямо с неба к нему на задворки.

Он отпустил Ориту и предался размышлениям, тщательно планируя игру в кошки-мышки, спортивное развлечение, которое проверит его охотничьи способности на таком человеке, как Питт, чье мужество и изобретательность были хорошо известны и который мог быть ему достойным соперником. Это была игра, в которую Кама-тори играл много раз с людьми, противостоявшими Суме, и которую он до сих пор ни разу не проиграл.

Питта и Джиордино денно и нощно охраняла небольшая группа сторожевых роботов. Джиордино даже завязал что-то вроде дружбы с одним из поймавших их роботов, называя его Макгуном.

— Меня зовут не Макгун, меня зовут Мурасаки, — сказала эта штуковина на вполне сносном английском. — Это означает «алый».

— Алый, — фыркнул Джиордино. — Ты же окрашен в желтый цвет. «Макгун» тебе больше подходит.

— После того, как я стал вполне работоспособным. меня освятил синтоистский жрец принесением жертвы плодов и цветочных гирлянд, и мне было присвоено имя Мурасаки. Я не дистанционно управляемый манипулятор. Я обладаю собственным разумом и способностью принимать решения и могу управлять соответствующими действиями.

— Так что ты независимый свободный агент, — сказал Джиордино, пораженный разговором с механизмом, способным поддерживать беседу.

— Не вполне. У моего мыслительного процесса, конечно, есть свои ограничения.

Джиордино повернулся к Питту. — Ты думаешь, он меня дурачит?

— Понятия не имею, — пожал плечами Питт. — Почему бы тебе не спросить, что он сделает, если мы попробуем наброситься на него?

— Я вызову свою программу безопасности и буду стрелять, чтобы убить, как я был запрограммирован, — ответил робот.

— А ты хорошо стреляешь? — спросил Питт, заинтересованный разговором с искусственным интеллектом.

— Я не запрограммирован промахиваться.

Джиордино сухо произнес:

— Теперь мы знаем, в каком мы положении.

— Вы не можете покинуть остров, и здесь негде спрятаться. Вы можете только утонуть, быть съеденными акулами или казненными обезглавливанием. Любая попытка побега была бы нелогичной.

— Он рассуждает как мистер Спок.

Вдруг раздался стук снаружи, и человек с вечно хмурым лицом открыл скользящую дверь «фусума» с бумажными филенками и вошел внутрь. Он стоял молча, переводя взгляд с Джиордино, стоявшего рядом с роботом, на Питта, удобно откинувшегося на стопку из трех татами.

— Я Моро Каматори, главный помощник господина Хидеки Сумы.

— Ал Джиордино, — представился коренастый итальянец, протягивая с широкой улыбкой на лице руку для приветствия, как опытный продавец автомобилей. — Мой друг, находящийся в горизонтальном положении, — это Дирк Питт. Мы извиняемся за то, что заскочили к вам без приглашения, но…

— Нам хорошо известны ваши имена и то, как вы оказались на острове Сосеки, — прервал его Каматори. — Не стоит пытаться что-либо отрицать или рассказывать сказочки о том, как вы заблудились, или выдумывать какие-то другие оправдания. С сожалением сообщаю вам, что ваш отвлекающий маневр провалился. Три члена вашей группы были схвачены вскоре после того, как вышли из туннеля, ведущего из Эдо-Сити.

Наступила напряженная тишина. Джиордино злобно взглянул на Каматори, потом ожидающе повернулся к Питту.

Лицо Питта было совершенно спокойно.

— У вас не найдется здесь чего-нибудь почитать? — скучающим тоном спросил он. — Ну, хотя бы путеводитель по местным ресторанам.

Каматори посмотрел на Питта с открытой враждебностью в глазах. Почти минута прошла, прежде чем он сделал несколько шагов вперед, почти наклонившись над Питтом.

— Вы любите охотиться, мистер Питт? — внезапно спросил он.

— Не слишком. Это не спорт, если дичь не может выстрелить в ответ.

— Значит, вам неприятно зрелище крови и смерти?

— Разве это не свойственно большинству психически нормальных людей?

— Может быть, вы предпочитаете отождествлять себя с дичью?

— Вы знаете, что за люди американцы, — сказал Питт спокойно. — Мы любим оставлять с носом ублюдков.

Каматори смотрел на Питта так, словно был готов разорвать его на части. Затем он пожал плечами.

— Господин Сума оказывает вам честь пригласить вас на ужин. Вас проводят в гостиную в семь часов. Кимоно можно взять в шкафу. Будьте любезны одеться соответственно. — Затем он повернулся и быстрыми шагами вышел из комнаты.

Джиордино озадаченно посмотрел ему вслед.

— На что он намекал всей этой болтовней насчет охоты?

Питт прикрыл глаза, собираясь вздремнуть.

— Я действительно думаю, что он намерен охотиться на нас, как на кроликов, и отрубить нам головы.

Это была обеденная зала такого рода, которые до сих пор имеются в самых роскошных замках Европы для приема знаменитостей и коронованных особ. Она была огромна, с массивными выступающими потолочными балками, расположенными на двенадцатиметровой высоте. Пол был покрыт гигантской бамбуковой циновкой, переплетенной красным шелком, а стены отделаны панелями из тщательно отполированного розового дерева.

Подлинные рисунки японских мастеров висели на стенах, расположенные так, что каждый гармонировал с соседними. Помещение было освещено только свечами, горевшими внутри бумажных фонариков.

Лорен никогда не видела ничего, что могло бы сравниться с этим зрелищем красоты и роскоши. Она стояла, как статуя, любуясь увиденным. К ней подошел Майк Диас. Он тоже остановился, как только его взгляд упал на богато украшенные стены.

Единственный предмет казался здесь странно неуместным: это был выглядевший не вполне японским длинный керамический стол, проходивший, извиваясь, через половину зала. Казалось, он был изготовлен из одного куска и обожжен целиком. Под стать ему были стулья, которые были расставлены так, что гости сидели не бок о бок, а чуть впереди или сзади друг от друга.

Тоси, одетая в традиционное синее шелковое кимоно, вышла к ним и улыбнулась.

— Господин Сума просит простить его за опоздание, но он скоро присоединится к нам. А пока не желаете ли чего-нибудь выпить?

— Вы очень хорошо говорите по-английски, — сделала ей комплимент Лорен.

— Я умею также разговаривать на французском, испанском, немецком и русском, — сказала Тоси, потупив взгляд, словно смущенная проявлять свои познания.

На Лорен было одно из тех кимоно, которое она нашла в шкафу в своих охраняемых апартаментах. Оно изящно облегало ее высокую гибкую фигуру, а шелк был окрашен в густой вишневый цвет, выгодно подчеркивающий ее выцветающий летний золотистый загар. Она приветливо улыбнулась Тоси и сказала:

— Я вам завидую. Я едва могу заказать блюдо по-французски.

— Итак, мы наконец встретились с великой желтой опасностью, — пробормотал Диас. Он совершенно не собирался быть вежливым и старался вести себя грубо. В качестве знака демонстративного неповиновения он отказался от предложенной ему одежды в японском стиле и стоял в мятом рыболовном костюме, который был на нем в момент похищения. — Может быть, теперь мы наконец выясним, какой безумный план осуществляется здесь.

— Вы можете смешать «Девичий румянец»? — спросила Лорен у Тоси.

— Да, — ответила Тоси. — Джин, кюрасао, гранатовый сироп и лимонный сок. — Она обернулась к Диасу. — А вам, сенатор?

— Ничего, — просто ответил он. — Я не желаю чем-либо затуманивать свой разум.

Лорен заметила, что стол был накрыт на шестерых.

— Кто еще будет ужинать вместе с нами, кроме господина Сумы? — спросила она у Тоси.

— Правая рука господина Сумы, господин Каматори, и двое американцев.

— Товарищи по несчастью, заложники, нет сомненья, — пробормотал Диас.

Тоси не ответила, а тихо прошла за полированную стойку из эбенового дерева, инкрустированную золотом, и начала смешивать заказанный Лорен коктейль.

Диас подошел к одной из стен и стал рассматривать большой жанровый рисунок, выполненный тушью, на котором был изображен вид нескольких деревенских домов с птичьего полета, открывающий повседневную жизнь крестьян.

— Любопытно, сколько может стоить такой рисунок?

— Шесть миллионов долларов янки.

Эти слова были произнесены тихим японским голосом на неуверенном английском языке со следами британского произношения, явно выдававшими учителя-англичанина.

Лорен и Диас обернулись и посмотрели на Хидеки Суму без малейших признаков смущения. Они сразу узнали его по фотографиям, публиковавшимся в сотнях журнальных и газетных статей.

Сума медленно шел по похожей на пещеру гостиной, сопровождаемый Каматори. Он несколько секунд смотрел на них благожелательно, с непроницаемой улыбкой на губах.

— «Легенда о князе Гендзи», написанная Тоямой в тысяча четыреста восемьдесят пятом году. У вас превосходное коммерческое чутье, сенатор Диас. Вы выбрали в качестве предмета восхищения самое дорогое произведение искусства в этом зале.

Из-за внушающей благоговейный ужас репутации Сумы Лорен ожидала увидеть человека огромного роста. И уж точно не такого — чуть ниже ее самой.

Он подошел, легким поклоном приветствовал их обоих и протянул Лорен руку.

— Хидеки Сума. — Его ладонь была мягкой, но рукопожатие крепким. — Я полагаю, вы знакомы с моим главным помощником, Моро Каматори.

— Наш тюремщик, — ядовито ответил Диас.

— Довольно противный тип, — сказала Лорен.

— Но чрезвычайно эффективно действующий, — ответил на эти колкости Сума с сардонической ноткой. Он повернулся к Каматори. — Кажется, здесь не хватает еще двух наших гостей.

Сума еще не успел услышать ответ, как почувствовал позади себя какое-то движение. Он обернулся и посмотрел через плечо. Два

робота-охранника проводили через вход в гостиную Питта и Джиордино. Оба все еще были одеты в свои летные комбинезоны, и у каждого на шее красовался огромный аляповатый галстук, выкроенный, несомненно, из поясов кимоно, которые они отказались носить.

— Они не показывают уважения к вам, — прорычал Каматори. Он сделал движение в их сторону, но Сума протянул руку и остановил его.

— Дирк! — воскликнула Лорен. — Ал! — Она бросилась в их сторону и буквально прыгнула в объятия Питта, как обезумевшая, покрывая поцелуями его лицо. — О Боже, никогда я не была так счастлива кого-либо встретить. — Затем она крепко обняла и поцеловала Джиордино. — Откуда вы взялись? Как вы попали сюда?

— Мы прилетели с проходящего поблизости круизного парохода, — весело сказал Питт, обнимая Лорен, как отец обнимает возвращенного ему похищенного ребенка. — Мы услышали, что этот курорт четырехзвездочный, и подумали, не завалиться ли нам сюда поиграть в гольф и теннис.

Джиордино ухмыльнулся.

— Это правда, что здешние преподавательницы аэробики сложены, как богини?

— Вы оба просто сумасшедшие, — счастливо улыбаясь, проговорила она.

— Ну, хорошо, мистер Питт, мистер Джиордино, — сказал Сума. — Я польщен встречей с людьми, которым удалось своими подводными исследованиями создать легенду, известную всему миру.

— Вряд ли мы сделаны из того теста, из которого творят легенды, — скромно заметил Питт.

— Меня зовут Хидеки Сума. Добро пожаловать на остров Сосеки.

— Я не могу сказать, что я в восторге от встречи с вами, мистер Сума. Трудно не восхищаться вашими антерпренерскими талантами, но ваши методы ведения дел — это что-то среднее между методами Аль Капоне и Фредди Крюгера с улицы Вязов.

Сума не привык выслушивать оскорбления. Он промолчал, глядя на Питта озадаченно и подозрительно.

— Неплохое у вас тут местечко, — сказал Джиордино, нагло приветствуя Тоси по пути к бару.

В первый раз за все время своего пленения Диас широко улыбнулся, пожимая руку Питту.

— Вы доставили мне огромное удовольствие своим появлением.

— Сенатор Диас, — сказал Питт, приветствуя законодателя. — Рад снова встретиться с вами.

— Я бы предпочел, чтобы при нашей встрече у вас за спиной был отряд «Дельта».

— Они пока в резерве, их придерживают для последнего акта.

Сума сделал вид, что не услышал последней фразы, и опустился в низкое плетеное кресло из бамбука.

— Что будете пить, джентльмены?

— Мартини с текилой, — заказал Питт.

— Текила и сухой вермут, — ответила Тоси. — С лимонными или апельсинными дольками?

— С лаймом, пожалуйста.

— А вы, мистер Джиордино?

— «Лающий Пес», если вы знаете, как приготовить его.

— По одной мерке джина, сухого вермута, сладкого вермута и чуточку горькой настойки, — уточнила Тоси.

— Сообразительная девушка, — сказала Лорен. — Она говорит на нескольких языках.

— И она умеет приготовить коктейль «Лающий Пес», — пробормотал Джиордино, и в его глазах появилось нечто вроде изумления, когда Тоси кокетливо улыбнулась ему.

— К черту этот треп! — нетерпеливо выпалил Диас. — Вы все делаете вид, что мы приглашены на дружескую вечеринку с коктейлями. — Он нерешительно помедлил и затем обратился прямо к Суме. — Я требую ответа, почему вы нагло похитили членов Конгресса и удерживаете нас как заложников. И, черт возьми, я хочу это знать немедленно.

— Пожалуйста, сенатор, сядьте и расслабьтесь, — произнес Сума тихим, но ледяным тоном. — Вы нетерпеливый человек, который ошибочно полагает, что все, что стоит делать, нужно делать немедленно, в ту же секунду. В жизни есть свой ритм, о котором вы, западные люди, и понятия не имеете. Именно поэтому наша культура выше вашей.

— Вы просто самовлюбленная островная нация, вообразившая себя высшей расой, — огрызнулся Диас. — А вы, Сума, худший из них всех.

Сума, пожалуй, классический тип, подумал Питт. На лице этого человека не было ни гнева, ни враждебности, лишь высокомерное безразличие. По-видимому, Сума считал Диаса не более чем дерзким ребенком.

Однако здесь стоял также Каматори, вытянув руки по бокам, сжав кулаки, с лицом, искаженным ненавистью к американцам, ко всем иностранцам. Его глаза были прищурены, почти закрыты, губы вытянуты в прямую линию. Он походил на взбесившегося шакала, готового прыгнуть.

Питт еще раньше оценил Каматори как опасного профессионального убийцу. С небрежным видом он подошел к бару, взял свой коктейль и затем ловко занял место между Каматори и сенатором, бросив на японца выразительный взгляд, говоривший: «Сначала тебе придется пройти мимо меня». Этот трюк сработал. Каматори забыл про сенатора и уставился на Питта прищуренными глазами.

Почти точно в назначенное время Тоси отвесила собравшимся поклон, сложив ладони меж коленями, так что Шелк ее кимоно зашуршал, и объявила, что ужин готов и сейчас будет подан.

— Мы продолжим нашу дискуссию после ужина, — сказал Сума, сердечно приглашая всех занять место за столом.

Питт и Каматори были последними, кто сел за стол. Они молча, не мигая, смотрели друг другу в глаза, как два боксера, старающиеся победить соперника взглядом, пока рефери зачитывает наставления перед боем. Красные пятна проступили у Каматори на висках, его вид был мрачным и зловещим. Питт подлил масла в огонь, насмешливо ухмыляясь.

Оба мужчины знали, что скоро, очень скоро один из них убьет другого.

Глава 47

Ужин начался с древнего кулинарного представления. Человек, которого Сума представил как мастера сикибото, вошел в зал на коленях, держа перед собой ровную доску. На доске лежала рыба, которую Питт определил как бонито. Одетый в костюм из шелковой парчи и высокий островерхий колпак, мастер сикибото продемонстрировал стальные палочки для еды и длинный прямой нож с деревянной ручкой.

Орудуя этими предметами с такой быстротой, что они сливались в сплошное блестящее пятно, он разрезал рыбу на предписанное традицией число ломтиков. Завершив это ритуальное действо, он поклонился и удалился.

— Это повар? — спросила Лорен.

Сума покачал головой.

— Нет, это просто мастер, выполняющий церемонию разрезания рыбы. Повар, специализирующийся в эпикурейском искусстве приготовления блюд из морских рыб, теперь снова соберет рыбу, которая будет подана в качестве закуски.

— Вы держите в кухне больше одного повара?

— У меня их три. Один, как я упоминал, является экспертом по приготовлению рыбных блюд, один — мастер по приготовлению мяса и овощей, и один, сосредоточивший свое мастерство исключительно на супах.

Прежде чем была подана рыба, им предложили горячий подсоленный чай со сладкими печеньями. Затем всем раздали влажные горячие полотенца «осибори» для вытирания рук. Затем в зал вернулась рыба, ломтики которой были аккуратно сложены на прежние места, и съедена сырой, как сасими.

Сума, казалось, наслаждался, наблюдая за тем, как Джиордино и Диас с трудом справляются со своими палочками для еды. Его несколько удивило, что Питт и Лорен ели этими парными кусочками слоновой кости так, как будто привыкли с рожденья держать их в руках.

Каждое блюдо умело и безошибочно подавалось парой роботов, длинные руки которых снимали со стола и ставили на него тарелки невероятно быстрыми движениями. Ни одна крошка еды не упала с тарелок, и ни разу не было слышно ни звука, когда тарелка касалась твердой поверхности стола. Роботы заговаривали только тогда, когда им нужно было спросить, закончили ли гости есть то или иное блюдо.

— Кажется, вы одержимы идеей автоматизированного общества, — обратился Питт к Суме.

— Да, мы горды нашим превращением в роботизированную империю. Мой производственный комплекс в Нагое — крупнейший в мире. Там у меня есть компьютеризованные станки — автоматы, выпускающие двадцать тысяч полностью готовых к эксплуатации роботов в год.

— Армия, производящая армию, — сказал Питт.

В голосе Сумы появилась увлеченность человека, рассказывающего о любимом деле.

— Сами того не ведая, вы попали в точку, мистер Питт. Мы уже начали создавать новые японские роботизированные вооруженные силы. Мои инженеры проектируют и строят полностью автоматизированные

боевые корабли, на которых нет никакого экипажа, самолеты, которыми управляют только роботы, роботизированные танки, способные передвигаться по местности и вести огонь согласно приказам, получаемым по радио, и армии, состоящие из сотен и тысяч бронированных машин, вооруженных мощными огневыми средствами и дальнодействующими системами ориентирования и распознавания целей. Эти машины могут прыгать на пятьдесят метров и передвигаться по пересеченной местности со скоростью шестьдесят километров в час. Легкость их ремонта и высокая чувствительность датчиков делают их почти непобедимыми. Через десять лет ни одна армия в мире не сможет устоять против нас. В отличие от ваших адмиралов и генералов из Пентагона, полагающихся на мужчин и женщин, что бы те сражались, истекали кровью и гибли в бою, мы сможем выигрывать крупномасштабные сражения, не потеряв ни одного человека.

Целая минута прошла, пока сидевшие за столом американцы пытались осмыслить значение того, о чем неожиданно рассказал им Сума. Эта концепция казалась им столь масштабной, столь фантастической, что всем им трудно было осознать тот факт, что армии роботов вот-вот станут реальностью сегодняшнего дня.

Лишь Джиордино остался равнодушным с виду к необозримым перспективам войны роботов.

— Наш механический сопровождающий утверждает, что он был освящен в храме, — сказал он, небрежно ковыряясь в рыбе.

— Мы сочетаем синтоизм, нашу религию, с нашей культурой, — ответил Сума, — веря, что у неживых предметов, как и у живых существ, имеется своя душа, и в этом одно из наших преимуществ перед Западом. Мы относимся к нашим орудиям, будь это промышленные станки или самурайские мечи, с уважением, как к людям. У нас даже есть машины, обучающие многих наших рабочих вести себя, как подобает машинам.

Питт покачал головой.

— Этот подход выглядит саморазрушительным. Вы отбираете работу у своих же людей.

— Это устаревший миф, мистер Питт, — ответил Сума, постучав по столу палочками для еды. — В Японии люди и машины развивались так, что между ними установились близкие отношения. Вскоре после конца нынешнего столетия у нас будет миллион роботов, выполняющих ту работу, которую сейчас делают десять миллионов людей.

— А что станет с этими десятью миллионами ненужных людей?

— Мы вывезем их в другие страны, как сейчас вывозим туда товары, — тихо сказал Сума. — Они станут хорошими законопослушными

гражданами принявших их стран, но их экономические связи, их лояльность будут по-прежнему принадлежать Японии.

— Что-то вроде всемирного братства, — сказал Питт. — Я видел, как это работает. Я помню, как строился японский банк в Сан-Диего: японские архитекторы, японские инженеры-проектировщики и маркшейдеры, японские строительные рабочие, и все они пользовались исключительно японским оборудованием и стройматериалами, доставленными на японских судах. Местные подрядчики и поставщики оказались полностью отрезанными от этого проекта.

Сума пренебрежительно пожал плечами.

— Экономическое соревнование — это игра без правил. Наша мораль и этика выросли на иной почве, чем ваши. В Японии честь и дисциплина тесно связаны с личной преданностью — императору, семье и кооперации. Нас не воспитывали почитать демократические принципы и щедро жертвовать на благотворительные цели. О таких вещах, как общее дело, добровольная работа на общественных началах, сбор средств для голодающих в Африке и благотворительные организации, помогающие усыновлять детей из стран третьего мира, в Японии даже не слыхали. Мы сосредоточиваем наши добровольные усилия на помощи нам самим. — Он замолчал, а затем махнул рукой в сторону роботов, снова появившихся в гостиной с подносами еды. — А, вот появилось следующее блюдо.

За бонитой последовали индивидуальные деревянные подносы с неочищенными орехами гинкго, фаршированными сосновыми иглами, и с пирамидками ломтиков моллюска «морское ухо». Затем появился цветочный суп, чаши с чистым бульоном, в каждой из которых плавало по одной орхидее.

Лорен зажмурилась, пробуя этот суп.

— У него такой же чудесный вкус, как и вид, — заметила она.

Сума кивнул.

— Японское кулинарное искусство создано для того, чтобы услаждать одновременно и глаз, и язык.

— Успешная попытка достигнуть совершенства красоты и вкуса, — согласился Питт.

— Вы бонвиван, мистер Питт? — спросил Сума.

— Я люблю наслаждаться изысканной пищей, это правда.

— У вас широкие вкусы?

— Если вы имеете в виду, ем ли я почти все, то ответ положительный.

— Хорошо. — Сума хлопнул в ладоши. — Тогда вы сможете оценить этот впечатляющий и гармоничный ужин.

Лорен думала, что ужин уже наполовину съеден, но на самом деле он едва начался. И вскоре изысканные блюда, искусно сервированные, начали подаваться на стол одно за другим, фиги в кунжутном соусе; рис с базиликом; еще один суп с яичным желтком, тонко нарезанным копченым угрем, редисом и грибами, а к нему — икра морских ежей; несколько видов рыбы, в том числе белокорый палтус, лютианус, щука и кальмар, свернутые в рулет с несколькими видами морских водорослей; а также корень лотоса, смешанный с изящно нарезанными мидиями, огурцами и кабачками. Третий суп был подан с маринованными овощами, рисом и кунжутом. Наконец наступила очередь десерта, который состоял из нескольких видов сладких фруктов, и пир завершился неизменной чашкой чая.

— Последняя трапеза приговоренных? — грубо спросил Диас.

— Вовсе нет, сенатор, — ответил Сума похожим тоном. — Вы и член Конгресса Смит в течение двадцати четырех часов возвратитесь в Вашингтон на борту моего личного самолета.

— Почему не сейчас?

— Сначала вы должны быть поставлены в известность относительно моих целей. Завтра я лично поведу вас и члена Конгресса Смит на экскурсию по моему центру «Дракон» и продемонстрирую вам источник нового могущества Японии.

— Центр «Дракон», — с недоумением повторил Диас. — Для чего он нужен?

— Разве вы не знаете, сенатор, о заминированных ядерными бомбами автомобилях, которые наш хозяин разослал по половине земного шара? — с невинным видом спросил Питт.

Диас не понял, о чем речь.

— Заминированные автомобили?

— Этот вот Сума хочет померяться силами с большими ребятами и для этого придумал тщательно разработанный план шантажа. После того как его хваленый центр «Дракон» будет построен, он сможет нажать кнопку и взорвать атомную бомбу в любом месте, куда его роботы поставят машину со спрятанной в ней бомбой.

Глаза Лорен стали круглыми от потрясения.

— Это правда? Япония тайно создала ядерный арсенал?

Питт кивнул на Суму.

— Почему бы тебе не спросить об этом его?

Сума уставился на Питта, как мангуст на кобру.

— Вы очень проницательный человек, мистер Питт. Мне говорили, что это именно вы указали мистеру Джиордино и его людям из разведки на метод, которым мы провозили боеголовки в вашу страну.

— Я охотно признаю, что прятать их в компрессорах автомобильных кондиционеров — гениальная идея! Вам почти удалось провернуть втихую эту операцию, пока одна бомба случайно не взорвалась на борту вашего автотранспортного судна.

Нахмурившись, сбитая с толку Лорен спросила Суму:

— Чего вы надеетесь этим добиться?

— Ничего тут нет таинственного и непостижимого, — ответил Сума. — Как выражаетесь вы, американцы, у Японии всегда дубинка была коротковата. Грубые антияпонские предрассудки глубоко укоренились на белом Западе. На нас смотрят как на странный маленький восточный народ вот уже триста лет. Пришло время занять подобающее нам доминирующее место в мире!

Румянец гнева проступил на лице Лорен.

— Итак, вы начинаете войну, которая погубит миллионы людей, только из ложной гордости и жадности. Разве вы ничему не научились после всех тех бессмысленных смертей и разрушений, виновниками которых вы были в сороковых годах?

— Наши лидеры начали войну лишь после того, как западные страны чуть не до смерти задушили нас торговыми эмбарго и бойкотами. То, что мы потеряли тогда в виде людских потерь и разрушений, мы давно компенсировали и превзошли в виде экспансии нашего экономического могущества. Теперь нам снова угрожают международным остракизмом и враждебностью, вызванными всего лишь нашими добросовестными усилиями и преданностью эффективной торговле и производству. А поскольку наша огромная экономика зависит от ввозимой нефти и сырья, мы больше никогда не позволим, чтобы нам диктовали условия вашингтонские политики, европейские торговые интересы или религиозные конфликты на Ближнем Востоке. С помощью Проекта «Кайтен» мы получили способ защитить себя и наши тяжким трудом завоеванные экономические достижения.

— Проект «Кайтен»? — переспросил Диас, никогда прежде не слыхавший этого слова.

— Его подлый план шантажировать весь мир, — язвительно объяснил Питт.

— Вы играете с огнем, — сказала Лорен Суме. — Соединенные Штаты, Советский Союз и Европа объединят усилия, чтобы уничтожить вас.

— Они отступят, когда увидят, чего им это будет стоить, — уверенно сказал Сума. — Они ничего не посмеют предпринять, разве что устроят пресс-конференции и заявят, что будут решать эту проблему дипломатическим путем.

— Не пытайтесь делать вид, будто вы спасаете Японию! — вдруг воскликнул Диас. — Ваше собственное правительство пришло бы в ужас, если бы узнало, какое чудовище вы создали. Вы пошли на это ради самого себя, чтобы лично захватить власть. Вы маньяк, свихнувшийся от жажды власти.

— Вы правы, сенатор, — спокойно сказал Сума, показывая полное самообладание. — В ваших глазах я могу показаться маньяком, стремящимся к необъятной единоличной власти. Я не собираюсь скрывать это. И, подобно всем другим маньякам в истории, которые были вынуждены защищать свои народы и их суверенитет, я не буду колебаться использовать свою власть для того, чтобы руководить экспансией нашей расы по всему миру и одновременно защищать нашу культуру от западной порчи.

— А все же, что вы находите такого уж испорченного в западных странах? — спросил Диас.

Взгляд Сумы стал презрительным.

— Посмотрите на ваш собственный народ, сенатор. Соединенные Штаты — это страна наркоманов, гангстеров, насильников и убийц, бездомных и безграмотных. Ваши города полны расизма из-за того, что в них проживают люди совершенно разных и несовместимых культур. Вы находитесь в процессе упадка, подобно Риму, Греции и Британской империи. Вы превратились в сточную канаву, положение непрерывно ухудшается, и этот процесс неостановим.

— Так что вы думаете, что влияние Америки как сверхдержавы подходит к концу из-за того, что ее сила подточена внутренними неурядицами? — сказала Лорен раздраженно.

— Вы не встретите такого разложения в Японии, — самодовольно ответил Сума.

— Ну до чего же вы лицемерны. — Питт рассмеялся, и все сидящие за столом обернулись к нему. — Ваша причудливая маленькая культура насквозь пропитана коррупцией даже на самых высоких правительственных уровнях. Сообщения о скандалах заполняют ежедневно ваши газеты и телепередачи. Ваша организованная преступность настолько сильна, что дергает правительство за ниточки. Половина ваших политических деятелей и правительственных чиновников продажны, открыто получают деньги за свое политическое влияние. Вы продаете высоко-секретную военную технологию странам коммунистического блока ради прибылей. Прожиточный минимум чудовищно высок для ваших собственных граждан, вынужденных платить вдвое больше, чем американцы, за товары, произведенные японскими корпорациями. Вы крадете достижения высокой технологии везде, где только можете. У вас полно рэкетиров, врывающихся регулярно на собрания компаний, чтобы выбить выкуп. Вы обвиняете нас в расизме, когда ваши наиболее успешно продаваемые книги пропагандируют антисемитизм, в универсальных магазинах продаются и выставляются манекены и куклы, изображающие метисов и негров, и вы продаете в уличных киосках журналы с фотографиями женщин в кандалах. И вы, лично вы, имеете наглость сидеть здесь и рассуждать о своем культурном превосходстве. Какой вздор!

— Воистину так, мой друг, — сказал Диас, поднимая свою чашку с чаем. — Воистину так.

— Дирк совершенно прав, на сто процентов, — гордо добавила Лорен. — Наше общество не идеально, но, если сравнивать в целом наши народы, наше качество жизни все же много лучше вашего.

Лицо Сумы превратилось в маску ненависти. Его глаза горели, как топазы, на атласно гладком лице. Зубы были сжаты. Он заговорил, словно хлестал бичом:

— Пятьдесят лет назад мы были побежденным народом, поносимым Соединенными Штатами! А теперь, совершенно неожиданно, мы оказались победителями, а вы проиграли нам. Растление Японии Соединенными Штатами и Европой остановлено. Наша культура победит. Мы окажемся доминирующей страной в двадцать первом веке.

— Вы говорите, как военные правители, которые преждевременно сочли нас побежденными после Пирл-Харбора, — резко ответила ему Лорен. — Соединенные Штаты обращались с Японией после войны много лучше, чем мы могли рассчитывать, если бы победителями оказались вы. Ваши армии насиловали бы, убивали и грабили в Америке точно так же, как они делали это в Китае.

— Кроме нас, вам придется также иметь дело с Европой, — предостерег Диас. — Их торговая политика далеко не столь терпима и

благожелательна к Японии, как наша. И во всяком случае, новый европейский Общий рынок собирается встать стеной против вашей экономической экспансии. Будут ли они подвергнуты ядерному шантажу или нет, они закроют свои рынки для ввоза японских товаров.

— В длительной перспективе мы просто используем наши миллиардные валютные резервы, чтобы постепенно скупить их производственные мощности, пока не получим несокрушимую экономическую базу в Европе. Это отнюдь не невозможная операция, если учесть, что двенадцать крупнейших банков в мире принадлежат Японии, а это составляет почти три четверти всей рыночной стоимости активов остальных иностранных банков. Это значит, что мы правим рынком больших денег.

— Вы не сможете вечно держать мир в заложниках, — сказал Питт. — Ваше собственное правительство и народ восстанут против вас, когда они обнаружат, что все боеголовки мира нацелены на Японские острова, а не на Соединенные Штаты и Советский Союз. А возможность еще одного ядерного нападения становится весьма реальной, стоит одному из ваших заминированных автомобилей случайно взорваться.

Сума покачал головой.

— Наши электронные замки намного надежней ваших и русских. Не будет никаких взрывов; пока я лично не введу правильный код.

— Не можете же вы и вправду начать ядерную войну! — воскликнула Лорен.

Сума засмеялся.

— Мы не собираемся предпринимать ничего похожего на те глупые и жестокие меры, которых можно ожидать от Белого дома и Кремля. Вы забываете, что мы, японцы, знаем, что такое ужасы атомной войны. Нет, Проект «Кайтен» является куда более технически совершенным, чем тысячи боеголовок, нацеленных на крупные города и военные базы. Бомбы предусмотрено взорвать в отдаленных, ненаселенных районах, чтобы создать мощное электромагнитное поле, способное разрушить всю вашу экономику. Количество убитых и раненых будет минимально.

— Вы действительно собираетесь сделать это, не так ли? — сказал Питт, прочитав мысли Сумы. — Вы и в самом деле хотите взорвать бомбы?

— Почему бы и нет, если обстоятельства позволяют это сделать. Мы не боимся немедленного ответного удара, поскольку электромагнитное поле эффективно подавит все американские, натовские и советские системы коммуникаций и вооружений. — Японский промышленник смотрел на Питта холодными темными глазами тирана. — Пойду я на этот шаг или нет, вам, мистер Питт, узнать не придется.

На лице Лорен промелькнул испуг.

— Разве Дирк и Ал не летят в Вашингтон вместе с сенатором Диасом и со мной?

Сума испустил продолжительный вздох и очень медленно покачал головой.

— Нет… Я предназначил их в подарок моему доброму другу Моро Каматори.

— Я не понимаю.

— Моро прекрасный охотник. Его страсть — охота на людей. Ваши друзья и три оперативника-диверсанта, которые были захвачены при попытке разрушить командный центр, получат возможность покинуть остров. Но только если им удастся продержаться, прячась от Моро, в течение двадцати четырех часов.

Каматори ледяным взглядом уставился на Питта.

— Мистеру Питту будет оказана честь стать первым, кто попытается сделать это.

Питт повернулся к Джиордино, и на его мрачном лице промелькнула тень усмешки.

— Вот видишь, я же говорил тебе.

Глава 48

— Бежать, — ворчал Джиордино, расхаживая по маленькому коттеджу под бдительным оком Макгуна. — Бежать куда? Лучший в мире пловец на длинные дистанции не смог бы проплыть шестьдесят километров в холодной воде, борясь с течениями, достигающими здесь пяти узлов. А если бы ему это и удалось, то ищейки Сумы будут поджидать на побережье, чтобы выпотрошить нас в ту же минуту, как мы выползем на берег.

— Ну, так каков план игры? — спросил Питт, отжимаясь от пола.

— Оставаться в живых как можно дольше. А что нам еще остается?

— Умереть как мужественные люди.

Джиордино поднял бровь и подозрительно посмотрел на Питта.

— Ну, конечно, разорвать на груди рубаху, отказаться от повязки на глаза и попыхивать сигаретой, пока Кама-тори поднимает свой меч.

— Зачем бороться с неизбежным?

— С каких пор ты сдаешься после первого шаха? — сказал Джиордино, начиная подозревать, что у его друга не все в порядке с головой.

— Мы можем попытаться прятаться на острове в каком-нибудь укромном уголке столько, сколько удастся, но это безнадежная затея. Я подозреваю, что Каматори сжульничает и воспользуется датчиками своих роботов, чтобы выследить нас.

— А как же Стаси? Ты же не можешь сидеть сложа руки и смотреть, как этот круглорожий мерзавец будет убивать ее.

Питт поднялся с пола.

— А на что ты надеешься, ведь мы безоружны? Нельзя же голыми руками сражаться с механическими киборгами и знатоками боевых искусств с мечом.

— Я надеюсь, что ты покажешь, на что ты способен, как ты делал это в сотнях других передряг, из которых мы выпутались вместе.

Питт, едва наступая на правую ногу, прохромал мимо Макгуна и встал к роботу спиной.

— Тебе легко говорить, дружище. Ты в хорошей физической форме. Я же повредил ногу, когда плюхнулся в этот рыбий садок, и едва хожу. У меня нет никаких шансов ускользнуть от Каматори.

Только тут Джиордино, увидев хитроватую ухмылку на лице Питта, начал понимать, в чем дело. Он вдруг почувствовал себя полным олухом. Кроме датчиков Макгуна, эта комната должна была быть оборудована дюжиной подслушивающих устройств и скрытых видеокамер. Он понял, какой спектакль разыгрывает Питт, и подыграл ему.

— Каматори слишком уважает самурайский кодекс чести, чтобы охотиться на раненого. Если в нем есть хоть капля спортивного духа, он должен дать тебе фору.

Питт покачал головой.

— Я бы согласился на то, чтобы как-то уменьшить боль.

— Макгун, — окликнул Джиордино робота. — На этом курорте есть врач?

— В моих программах об этом ничего не сказано.

— Тогда вызови своего начальника и узнай.

— Пожалуйста, подождите.

Робот молчал, пока его система связи посылала запрос в его контрольный центр. Ответ пришел сразу.

— Имеется немногочисленный медперсонал в клинике на четвертом уровне. Нуждается ли мистер Питт в медицинской помощи?

— Да, — ответил Питт. — Мне нужен укол болеутоляющего и тугая повязка на коленный сустав, чтобы я мог обеспечить господину Каматори надлежащий уровень соревнования.

— Вы не выглядели хромающим несколько часов назад, — парировал Макгун.

— Мое колено онемело, и я не чувствовал боли, — соврал Питт. — Но теперь боль и ограничение подвижности усилились настолько, что мне стало трудно ходить. — Он сделал несколько неловких шажков и напряг лицевые мышцы, словно испытывал довольно сильную боль.

Будучи машиной, вполне соответствующей своему предназначению, Мурасаки, он же Макгун, надлежащим образом передал свои визуальные наблюдения разыгранного Питтом представления своему контролирующему оператору, в недра центра «Дракон», и получил разрешение сопровождать своего раненного пленника в медпункт. Тут же появился еще один робот-страж, чтобы присматривать за Джиордино; тот немедленно назвал новоприбывшего Макгурком.

Разыгрывая из себя хромого, словно впереди маячила награда за лучшее исполнение мужской роли от Академии театрального искусства, Питт неуклюже ковылял по лабиринту коридоров, пока, наконец, Макгун не привел его в кабину лифта.

Робот нажал своим металлическим пальцем на кнопку нужного этажа, и лифт начал почти беззвучно опускаться, хотя и не так бесшумно, как лифт в Федеральной штаб-квартире.

Скверно, думал Питт, пока они спускались, что у группы МОГ не было разведданных о лифте, связывающем поверхность острова с подземным центром. Можно было бы тогда попытаться проникнуть туда с территории курорта, имея лучшие шансы на успех. Через несколько секунд двери раздвинулись, и Макгун выпихнул Питта в ярко освещенный коридор.

— Четвертая дверь слева от вас. Откройте ее и входите.

Эта дверь, как и все гладкие поверхности в подземном центре, была выкрашена в белый цвет. Маленький красный крест был единственным указанием на то, что там находится медицинское учреждение. На двери не было ручки, только кнопка на косяке. Питт нажал ее, и дверь бесшумно скользнула в сторону. Он, хромая, вошел внутрь.

Привлекательная девушка, одетая, как все медсестры, посмотрела на него из-за стола серьезными темно-карими глазами, когда он вошел. Она заговорила с ним по-японски, и он непонимающе пожал плечами.

— Простите, — сказал он. — Я говорю только по-английски.

Она молча встала из-за стола, прошла через комнату с шестью пустыми койками и исчезла за дверью кабинета. Через несколько секунд молодой улыбающийся японец в джинсах и водолазке под обычным белым халатом с болтающимся на шее стетоскопом подошел к нему в сопровождении следовавшей за ним медсестры.

— Мистер Питт, мистер Дирк Питт? — спросил он, выговаривая слова совсем как жители Западного побережья США.

— Мне сообщили, что вы должны прийти. Я Джош Ногами. Для меня встретиться с вами — большая честь. Я был вашим поклонником с тех пор, как вы подняли Титаник. Фактически именно из-за вас я увлекся плаванием с аквалангом.

— Очень приятно, — сказал Питт почти застенчиво. — У вас не местное произношение.

— Я родился и вырос в Сан-Франциско, в тени знаменитого моста через бухту. А вы откуда?

— Из Ньюпорт-Бич, что в Калифорнии.

— Надо же. Я проходил ординатуру в госпитале Св. Павла в Санта-Анне. В те времена я все свободное время занимался серфингом в Ньюпорте.

— Далеко же вы ушли от прежних занятий.

— Не дальше, чем вы, мистер Питт.

— Сума сделал вам такое заманчивое предложение, которое вы были не в силах отклонить?

Улыбка доктора стала холодной.

— Я также почитатель талантов господина Сумы. Четыре года назад я пошел к нему на службу и вовсе не потому, что был куплен.

— Верите в то, что он делает?

— На все сто процентов.

— Извините меня за это допущение, но мне кажется, вы дезориентированы.

— Я не дезориентирован, мистер Питт. Просто я японец. Я верю в превосходство нашей интеллектуальной и эстетической культуры над зараженным пороками обществом, в которое превратилась Америка.

Питт нисколько не был настроен дискутировать на отвлеченные темы. Он показал на свое колено.

— Завтра оно должно мне понадобиться. Наверно, я растянул связки. Вы можете достаточно ослабить боль, чтобы я мог им пользоваться?

— Пожалуйста, закатайте штанину.

Питт сделал это и изобразил нужные гримасы и прерывистое дыхание, пока доктор осматривал и ощупывал сустав.

— Оно не выглядит отекшим или ушибленным. Признаков разрыва связки тоже нет.

— Боль, однако, адская. Я не могу его согнуть.

— Повредили его, когда неудачно приземлились на курорте господина Сумы?

— Слухи здесь разносятся быстро.

— Система обмена сплетнями среди здешних роботов почище, чем у узников тюрьмы Сан-Квентин. Когда я узнал, что вы появились здесь, я поднялся посмотреть на обломки вашего аппарата. Господину Суме не доставило большого удовольствия, что вы угробили породистых карпов, призеров выставок, стоивших свыше четырехсот тысяч йен.

— Тогда вы знаете, что я выступаю первым номером в завтрашней резне, — сказал Питт.

Улыбка сбежала с лица Ногами, и его глаза помрачнели.

— Мне бы хотелось, чтобы вы знали, что, хоть я и подчиняюсь приказам господина Сумы, мне ничуть не нравятся кровожадные охотничьи игры Каматори.

— Не хотите ли дать какой-нибудь совет приговоренному?

Ногами широким жестом обвел помещение.

— У этих стен больше глаз и ушей, чем у публики в театре. Если бы я посмел болеть за вас, меня бы заставили присоединиться к вам на поле. Нет уж, спасибо, мистер Питт. Я очень огорчен тем, в какую вы попали переделку, но вам некого упрекать, кроме самого себя, за то, что погрузили весла в опасные воды.

— Но вы посмотрите, что можно сделать с моим коленом?

— Как врач я сделаю все, что смогу, чтобы уменьшить боль. Кроме того, Каматори приказал мне позаботиться о том, чтобы вы смогли принять участие в завтрашней охоте.

Ногами сделал в колено Питта инъекцию какого-то болеутоляющего лекарства с непроизносимым названием и обмотал его эластичным бинтом. Затем он дал Питту небольшой пузырек с таблетками.

— Принимайте по две штуки каждые четыре часа. Не передозируйте, не то будете вялым и станете легкой добычей для Каматори.

Питт внимательно следил за сестрой, несколько раз заходившей в небольшое складское помещение то за таблетками, то за бинтом.

— Вы не будете возражать, если я немного полежу на одной из ваших пустых коек, чтобы чуточку расслабиться. Эти японские подстилки для спанья мало подходят для моих костей.

— Я не против. Я сообщу вашему роботу-охраннику, что буду час-другой присматривать за вами. — Ногами пристально посмотрел на Питта. — Даже не думайте пытаться бежать. Здесь нет ни окон, ни запасных выходов, и роботы настигнут вас прежде, чем вы успеете сделать два шага к лифту.

— Не беспокойтесь, — сказал Питт с дружелюбной улыбкой. — Я сейчас способен думать только о том, чтобы набраться сил для завтрашней забавы.

Ногами кивнул.

— Ложитесь на первую койку. У нее самый мягкий матрац. Я сам на ней сплю. Это единственный западный порок, с которым мне не хочется расставаться. Я тоже не выношу этих проклятых татами.

— Ванная тут есть?

— Через кладовку слева от вас.

Питт пожал доктору руку.

— Я весьма признателен вам, доктор Ногами. Жаль, что мы по-разному смотрим на вещи.

После того как Ногами вернулся в свой кабинет и медсестра снова уселась за столик у входа спиной к нему, Питт проковылял к ванной, но не зашел внутрь, а просто открыл и закрыл дверь, произведя соответствующие звуки, чтобы отвести все подозрения. Медсестра была занята заполнением бланков на своем столе и не обернулась, чтобы проверить, чем он занимается в кладовке.

Тогда он тихо обшарил ящички и шкафчики с лекарствами и перевязочными средствами, пока не нашел коробку пластиковых мешочков, к которым были присоединены тонкие трубочки, кончавшиеся толстыми иглами для переливания крови. На этих мешочках была маркировка: «Си-Пи-Ци-Эй-1 для эритроцитов с противосвертывающим раствором». Он вытащил один мешочек из коробки и засунул его под рубашку. Снаружи он был совершенно незаметен.

В углу кладовки он нашел какой-то переносной медицинский прибор. Он секунду глядел на него, и ему в голову пришла одна мысль. Он ногтями отодрал пластмассовую пластинку с названием фирмы-изготовителя я, действуя ею как отверткой, отвинтил заднюю панель прибора. Он быстро отвернул клеммы контактов, подключавших к схемам два сухих аккумуляторных шестивольтовых элемента, извлек один из них и опустил себе в трусы. Затем вырвал из прибора провод, сколько можно было извлечь без лишнего шума, и обмотал его вокруг талии.

Наконец он тихо прошел в ванную, воспользовался ею и спустил воду в унитазе. Медсестра даже не взглянула на него, когда он устраивался поудобнее на койке. В своем кабинете Ногами, видимо, был занят делами, громко разговаривая по телефону.

Питт смотрел в пустой потолок спокойно и расслабленно. Вряд ли Джордан и Керн назвали бы то, что было у него на уме, потрясающим мастерским планом, но другого у него не было, и он твердо решил довести его до конца.

Глава 49

Моро Каматори не только выглядел, как злодей, он таковым и был. Его черные зрачки всегда смотрели свирепо, как глаза ядовитой змеи, а туго поджатые губы почти никогда не трогала улыбка. Если все же они раздвигались в злобной ухмылке, что случалось редко, за ними обнажался ряд золотых коронок.

Даже в этот ранний час — небо еще было темным в пять утра — в его облике чувствовалась высокомерная манерность. Он был щегольски одет в хакаму, брюки с широченными штанинами, которые выглядели как длинная раздвоенная юбка, и катагани, древнеяпонскую разновидность охотничьей безрукавки из шелковой парчи. На ногах его были лишь сандалии.

Питт, напротив, был одет как оборванец. На нем была лишь тенниска и шорты, выкроенные наспех из нижней части летного костюма. Он не обулся, только надел пару теплых белых шерстяных носков.

После того, как его разбудили и привели в личный рабочий кабинет Каматори, он стоял, дрожа от холода в нетопленом помещении, и внимательно рассматривал богатую коллекцию старинного оружия, заполнявшую стены кабинета. Здесь было вооружение всех эпох и народов. Посередине комнаты, как солдаты на часах, стояли рыцарские доспехи — европейские и японские. Питт почувствовал спазмы в желудке, увидев охотничьи трофеи, аккуратно развешанные на стенах между сотнями мечей, копий, луков и ружей.

Он насчитал тридцать препарированных по всем правилам набивки чучел человеческих голов, принадлежавших злополучным жертвам Каматори, которые немигающими стеклянными глазами взирали со стен. Большинство были азиатской внешности, но четыре явно имели европейские черты. У него кровь застыла в жилах, когда он узнал голову Джима Ханамуры.

— Входите, мистер Питт, и выпейте чашечку кофе, — предложил Каматори, показав Питту жестом свободную подушку перед низким столиком. — Мы немного поговорим, прежде чем....

— Где остальные? — перебил его Питт.

Каматори холодно посмотрел на него.

— Они сидят в небольшой комнате рядом, где будут следить за охотой по телеэкрану.

— Как зеваки в кинотеатре, где поздно ночью крутят паршивые фильмы.

— Может быть, последний из участников охоты чему-нибудь научится на ошибках предшественников.

— Или, может быть, они зажмурятся и пропустят представление.

Каматори сидел неподвижно, как статуя, лишь слабая тень улыбки тронула один уголок его плотно сжатых губ.

— Это не первая охота. Процедура отработана на основе большого опыта. Жертвы ждут своей очереди, привязанные к стульям; если нужно, их веки фиксируют пластырем, чтобы они не могли закрыть глаза или отвернуться. У них будут все возможности увидеть, как вы умрете.

— Я надеюсь, вы отошлете ко мне домой копию этого видеофильма, — сказал Питт, притворяясь, что рассматривает головы на стенах. На самом деле он попытался не обращать внимания на это устрашающее зрелище, сконцентрировав взгляд на подставке для мечей.

— Вы очень неплохо притворяетесь невозмутимым, — заметил Каматори. — Я и не ждал иного от человека с вашей репутацией.

— Кто будет следующим? — внезапно спросил Питт.

Мясник пожал плечами.

— Ваш друг Джиордино, или, может быть, женщина-оперативник. Да, я полагаю, загнать ее на глазах у остальных было бы неплохо. Это их разъярит и сделает более опасной добычей.

Питт повернулся.

— А если вы не сможете поймать одного из нас?

— Остров невелик. Никому не удавалось ускользнуть от меня дольше восьми часов.

— И вы никого не щадили.

— Никого, — сказал Каматори, зловеще улыбнувшись. — Это не детская игра в прятки с проигравшими и выигравшими. Ваша смерть будет быстрой и чистой. Это обещаю.

Питт смотрел в глаза самурая.

— Не игра? Мне кажется, я буду играть в Сентера Рэинсфорда, а вы в генерала Жарова.

Глаза Каматори прищурились.

— Эти имена мне незнакомы.

— Вы не читали «Самую опасную игру» Ричарда Коннела? Это классический рассказ о человеке, который охотился за людьми ради спортивного интереса.

— Я не засоряю ум чтением западной литературы.

— Рад это слышать, — сказал Питт, мысленно прибавляя маленькое преимущество к своим шансам остаться в живых.

Каматори показал на дверь.

— Вам пора начинать.

Питт четко держался своей роли.

— Вы не объяснили основных правил.

— Нет основных правил, мистер Питт. Я щедро даю вам час форы. Затем я начинаю охоту за вами, вооруженный только моим мечом. Это потомственное оружие, принадлежавшее моему роду несколько поколений и видевшее много вражеской крови.

— Ваши предки-самураи должны и в самом деле гордиться потомком, позорящим их честь убийствами безоружных и беззащитных людей.

Каматори знал, что Питт нарочно раздражает его, но он не мог сдержать растущего гнева на американца, не показавшего ни следа страха.

— Вот дверь, — прошипел он. — Я начинаю преследование через час.

Личина беззаботного безразличия была отброшена в ту же секунду, как Питт миновал ворота в заборе, обтянутом проволокой под током.

Неукротимая ярость несла его мимо окружавших курорт деревьев к вырисовывающимся во мраке голым скалам. Он словно смотрел на себя со стороны, став холодным и изобретательным, с необычно обостренным восприятием, ведомым одной всепоглощающей мыслью.

Он должен спасти себя, чтобы спасти остальных.

Риск бежать в одних носках, а не в тяжелых ботинках, которые были на нем, когда он взлетел с палубы «Ральфа Р. Беннетта», оправдал себя. К счастью, скалистый грунт был покрыт несколькими сантиметрами влажной почвы, за века образовавшейся в результате выветривания лавовой породы.

Он бежал со смертельной целеустремленностью, подгоняемый гневом и страхом неудачи. Его план был очень прост, прост до смешного, хотя, казалось бы, обмануть Каматори — затея безнадежная. Но он был абсолютно уверен, что то, что он задумал, не пробовал до него никто из тех, на кого охотился этот негодяй. Неожиданность была на его стороне. Все предыдущие жертвы только старались убежать как можно дальше от курорта, прежде чем начать отчаянно искать, где бы спрятаться, чтобы их было трудно найти. Отчаяние рождает гениальность, но все они потерпели неудачу, притом роковую.

Питт же собирался попробовать внести в эту игру совершенно новое направление, которое было бы как раз достаточно безумным, чтобы этот трюк мог сработать.

У него также было еще одно преимущество перед предыдущими жертвами. Благодаря подробнейшему макету острова, изготовленному Пеннером, Питт был хорошо знаком с местностью. Он вспоминал расстояния и высоты совершенно отчетливо и ясно, точно зная, куда ему нужно бежать. И тем местом, к которому он стремился, была вовсе не самая высокая точка острова.

Люди, в страхе бегущие от преследования, по необъяснимой причине стараются оказаться повыше — взбежать вверх по лестнице в здании, залезть на дерево, чтобы спрятаться среди ветвей, взобраться на скалы,

увенчивающие вершину горы. И оказываются в тупике, откуда невозможно спастись.

Питт же отклонился от этой схемы и стал спускаться к восточному берегу, оставляя извилистый, петляющий след, словно он не знал, куда деться, иногда возвращаясь назад по своим следам, чтобы преследователь подумал, что он потерял направление и блуждает бесцельно. Неровный ландшафт, напоминающий лунный пейзаж, и тусклый, рассеянный свет не позволяли точно определять направление, но звезды еще не поблекли полностью, и он еще мог найти север по Полярной звезде. Он остановился на несколько минут, чтобы перевести дух, и тут его осенила идея.

Он понял, что Каматори, гоняясь за своими жертвами в сандалиях, не смог бы догнать их всех всего за восемь часов. Опытный турист-любитель или охотник, если бы ему чуть-чуть повезло, должен был бы суметь ускользнуть от преследования и продержаться хотя бы день-другой, даже если бы по его следу шли собаки, — если только преследователь не воспользовался преимуществами, предоставляемыми электронными датчиками, способными реагировать на тепло человеческого тела. Питт нисколько не сомневался, что за ним будет гнаться робот, оснащенный такими датчиками. Он снова побежал, все еще дрожа от холода, но не чувствуя ни боли, ни усталости.

В конце отпущенного ему часа Питт огибал утесы, нависавшие над морем. Одиночные деревья и кустарники росли на самом краю обрывов. Он замедлил свой бег до легкой рысцы, ища расселину в скалах, о которые разбивались волны прибоя в двадцати метрах под ним. Наконец он выбежал на маленькую полянку между массивными утесами. Небольшое сосновое деревце с обнажившимися от выветривания корнями еле держалось на краю обрыва, нависая над кипящей водой, шумевшей далеко внизу.

Он внимательно обшарил глазами все вокруг, высматривая спрятанные видеокамеры или инфракрасные датчики, и не обнаружил ничего.

Более или менее уверенный, что за ним не наблюдают, он налег на ствол дерева своим весом. Оно подалось, и покрытая хвоей верхушка наклонилась еще на пять сантиметров вперед и вниз. Он прикинул, что, если взобраться достаточно высоко по стволу, его добавочный вес вырвет корни из земли и он вместе с деревом рухнет вниз вдоль отвесной стены утеса в море.

Затем он внимательно рассмотрел темную и пенящуюся водоворотами воду, как это делают ныряльщики со скал в Акапулько. Он оценил глубину воды в узкой щели между скалами, внизу равной трем метрам, доходящей до четырех, когда в бухточку с ревом вкатывалась волна прибоя. Ни один человек в здравом уме не стал бы даже рассматривать

всерьез идею, крутившуюся у Питта в мозгу, когда он изучал силу отбойной волны и направление сноса течения. Без водолазного костюма, хотя бы мокрого типа, пловец бы не смог проплыть в холодной воде больше двадцати минут, прежде чем начнется переохлаждение, даже если бы ему удалось пережить падение со скалы.

Он присел на обломок скалы и вытащил из-за пояса шорт пластиковый пакет для переливания крови и положил его на землю у ног. Он распрямил левую руку и сжал кулак, пальцем правой руки нащупал вену на сгибе локтя. Он несколько секунд запоминал, как она проходит, представляя себе, что это резиновая трубка. Затем он взял иглу, прикрепленную к концу трубки, выходящей из пластикового мешочка, и под углом ткнул ее в вену.

Он промахнулся, и ему пришлось попробовать снова. Наконец, с третьей попытки, игла скользнула в вену. Теперь он сидел и отдыхал, пока его кровь наполняла мешочек.

Вдруг ему послышался отдаленный собачий лай. То, что показалось ему в тот момент очевидной истиной, заставило его оцепенеть. Он поверить не мог, насколько он переоценил Каматори. Ему и в голову не могло прийти, что за ним будет гнаться настоящий живой пес. Он слепо поверил, что его преследователь будет использовать электронные датчики или робота, чтобы найти свою добычу, Он мог только вообразить, с каким вожделением исказится лицо кровожадного самурая, когда он найдет Питта, загнанного на дерево злобным псом.

С невероятной выдержкой Питт сидел и ждал, пока его кровь не наполнит мешочек, слушая, как лай раздается все ближе и ближе. Пес неотступно шел по его следу и был уже в двухстах метрах от полянки, когда объем крови в мешочке достиг отметки 450 миллилитров, и Питт выдернул иглу из руки. Он быстро спрятал заполненный кровью пакет под кучкой камней, надежно замаскировав все.

Большинство обезглавленных Каматори людей, охваченных ужасом и паникой, нелепо старались убежать от собаки, пока падали от изнеможения. Лишь самые храбрые останавливались и предпринимали попытку защититься от собаки первым подвернувшимся под руку предметом, чаще всего тяжелой палкой. Все еще не ведая о поджидавшем его сюрпризе, Питт продвинулся на шаг дальше по сравнению с этим. Он нашел длинный, толстый сук, но также подобрал два увесистых камня. В качестве последнего приготовления к обороне он забросил свое нехитрое оружие на вершину крупного обломка скалы и залез туда.

Его ноги едва успели оторваться от земли, когда лающий пес вынырнул из чащи деревьев и побежал к краю утеса, на котором стоял Питт.

Питт глядел на него с немым изумлением. Гончий пес отнюдь не был лохмат. Это, наверное, был самый гротескный робот, которого когда-либо приходилось видеть.

Японские инженеры-роботехники из лабораторий Хидеки Сумы превзошли самих себя, соорудив подобное чудище, словно явившееся из кошмарного сна.

Торчком стоявший хвост служил антенной, а ноги вращались, словно спицы колеса, концы которых были отогнуты под прямым углом, чтобы цеплять за почву. Тело представляло собой сложное переплетение электронных схем и приборов, прикрепленных к корпусу ультразвукового локатора. Это было последнее достижение технологии выслеживающих машин, способное находить человека по запаху, тепловому излучению тела и выделению пота, а также обходить и преследовать препятствия со скоростью добермана-пинчера.

Единственную черту сходства с настоящей собакой, не считая записанного на пленку лая, можно было усмотреть. если напрячь воображение, в отвратительной системе челюстей, вооруженных зубами которые, однако, не кусали, а бегали вдоль челюстей туда-сюда, как зубья цепной электропилы. Питт помахал одним концом своего сука перед металлической пастью, и его тут же вырвало у него из рук и перемололо в облако щепок.

Удивительно, каким образом от жертв Каматори оставалось хоть что-то, что можно было повесить на с гену в качестве трофея, подумал Питт. Но искусственный пес не делал никаких попыток приблизиться к нему, чтобы убить. Он влез на скалу, на которой стоял Питт, и держался на одном и том же расстоянии, а тем временем миниатюрная телекамера записывала или передавала положение Питта и его движения. Пес должен был, понял Питт, лишь загнать жертву и не позволять ей убежать, пока Каматори не подойдет, чтобы совершить ритуальное убийство.

Питт поднял один из приготовленных камней над головой и швырнул его. Электронная дворняжка была слишком подвижной, она легко отпрыгнула вправо, камень пролетел мимо и упал на землю в нескольких сантиметрах от нее.

Питт поднял второй камень, единственное оружие, которое у него осталось, и размахнулся, словно собирался швырнуть его, но остановил свое движение на полпути, увидев, что собака опять прыгнула направо. Затем, как артиллерист, уточнил точку прицеливания и метнул камень. Его реакция была точной, и упреждение рассчитано правильно. Робопес, очевидно запрограммированный на стандартный маневр уклонения от броска, ринулся прямо под падающий камень.

Не было ни лая, ни визга, ни треска от короткого замыкания или искр. Механическое собаковидное чучело просто медленно поникло на своих ногах-колесах, не опрокинувшись, когда его компьютерные и следящие системы были разбиты вдребезги. Питт даже почувствовал и что-то вроде жалости, когда оно постепенно замирало до полной неподвижности, как детская игрушка, у которой сели батарейки. Но он не слишком жалел уничтоженный шедевр инженерной мысли. Он спустился со своей скалы и пнул ногой в его электронное брюхо, повалив пса на бок. Питт убедился, что его видеокамера не действует, и достал спрятанный мешочек с кровью из-под камней и листьев.

Он истово верил, что кровопускание не ослабило его. Для той работы, которую ему предстояло совершить, нужны были все его силы до последней капли.

Каматори забеспокоился, когда на маленьком экранчике у него на запястье вдруг пропало изображение. Последний раз, когда он считывал показания датчика механического пса, Питт находился примерно в ста семидесяти пяти метрах в юго-восточном направлении, двигаясь к прибрежным утесам. Его удивило, что Питт так быстро позволил загнать себя в угол. Он поспешил туда, подумав сначала, что в системе произошел спонтанный отказ какой-то электронной схемы. Когда он подбегал к тому месту, откуда были получены последние сигналы от пса, то начал подозревать, что виновником отказа могла быть сама намеченная жертва.

С предыдущими жертвами такого ни разу не случалось. Никто из них даже не приблизился к тому, чтобы обмануть робота или нанести ему какое-либо повреждение. Если Питт смог сделать то, что не удалось никому другому, то, подумал Каматори, подходить к нему нужно очень осторожно. Он замедлил шаг, больше не заботясь о времени. Этого добра у него было навалом.

Он потратил почти двадцать минут, чтобы преодолеть оставшееся расстояние, и подошел к небольшой, открытой площадке над береговыми утесами. Он едва различил очертания робопса через кустарник. Он опасался самого худшего, увидев, что пес лежит на боку.

Оставаясь среди деревьев, он обошел широким полукругом открыто лежавшую кучу камней. Осторожно ступая, Каматори приблизился к собаке, лежащей тихо и неподвижно. Он вытащил свои меч и высоко поднял его над головой, держа рукоять обеими руками.

Умело владея техникой «киаи», то есть побуждающей силы, приводящей его в нужное для боя состояние ярости, и твердо решив ошеломить противника, Каматори глубоко вздохнул, издал душераздирающий вопль и прыгнул на полянку, надеясь наброситься на ненавистного врага в тот самый момент, когда Питт сделает свой выдох.

Но никакого Питта перед ним не оказалось.

Небольшая полянка выглядела так, как будто она послужила ареной чудовищной резни. Кровью было забрызгано все: робопес, скалы, земля у его ног; даже на вертикальной стене утеса он нашел тоненькие потеки крови. Он внимательно осмотрел землю. Отпечатки ног Питта располагались совершенно беспорядочно, и все же с полянки не уходил ни один кровавый след. Он посмотрел на море и скалы внизу и увидел дерево, уносимое прочь отступающими волнами прибоя и снова прибиваемое к берегу приходящей волной, бросающей его на скалы. Он также изучил выдернутый пласт земли и обрывки корней на краю обрыва.

Несколько минут он осматривал поляну, поднял обгрызанный обломок сука и заметил камень, лежащий рядом с роботом-гончим. Этот робопес не был сконструирован для нападения, только для преследования и поиска жертвы. Питт, должно быть, набросился на него, во время схватки повредил своего преследователя и, каким-то образом изменив его программы, превратил его в беспощадного убийцу.

Тогда робопес напал на него и свирепо вгрызся в тело Питта. Бежать было некуда, победить это чудовище он тоже не мог, и тогда Питт попытался спастись, забравшись на дерево. Но его вес оказался слишком велик, и вместе с сосной он рухнул на скалы внизу. Никаких следов тела Питта видно не было, но никто из людей не мог бы пережить падение с такой высоты. Либо его отнесло отбойным противотечением, либо его кровоточащее тело сожрали акулы.

Слепая ярость охватила Каматори. Он схватил механического пса и швырнул его с обрыва. Питт обманул его. Голова знаменитого искателя приключений никогда не будет висеть на стене его кабинета вместе с другими мрачными трофеями. Самурай-мясник почувствовал стыд оттого, что его провели. Никто до сих пор не ускользал от его меча.

Он отыграется на остальных американских пленниках. Он решил, что следующей жертвой будет Стаси, представляя себе с огромным удовольствием перекошенные от ужаса лица Джиордино, Уэзерхилла и Манкузо, наблюдающих, как он разрубает ее на куски.

Он поднял меч перед глазами, ощутив прилив эйфории, когда восходящее солнце заиграло на клинке. Тогда он описал им круг над головой и вложил его в ножны одним мгновенным точным движением.

Все еще раздосадованный и расстроенный, что упустил именно того человека, которого ему так отчаянно хотелось убить, он побрел обратно по унылому ландшафту обратно к курорту, уже предвкушая следующую охоту.

Глава 50

Президент стоял на зеленой траве поля для гольфа Кантри-клуба Конгресса, занятый послеполуденной партией.

— Вы в этом уверены? Ошибки быть не может?

Джордан кивнул. Он сидел в тележке для гольфа, наблюдая, как президент изучает путь от четырнадцатой метки.

— Эти скверные новости подтверждаются тем фактом, что группа не подавала никаких сигналов вот уже четыре часа после назначенного срока сеанса связи.

Президент взял предложенную ему стальную клюшку номер пять у своего кэди, который ехал в другой тележке вместе с агентом секретной службы.

— Могли они быть убиты?

— Британский агент внутри центра «Дракон» сообщил лишь, что они были схвачены вскоре после того, как вышли из подземного туннеля в помещение командного центра.

— В чем причина провала?

— Мы не учли, что у Сумы имеется целая армия роботов-охранников. Не имея средств для внедрения в Японии разведчиков-оперативников, мы не были осведомлены об их достижениях в роботехнике. Их технология создания механических систем с почти человеческим разумом, зрением и превосходящей человеческую скоростью движений была для нас сюрпризом.

Президент прикоснулся клюшкой к мячу, размахнулся и послал его на край травянистой части поля. Затем он посмотрел на Джордана. Ему было трудно, если вообще возможно, осознать такую штуку, как роботизированные силы безопасности.

— Настоящие роботы, способные ходить и говорить?

— Да, сэр, полностью автоматизированные, высокомобильные и вооруженные до зубов.

— Вы говорили, что ваши люди умеют проходить сквозь стены.

— В своем деле они лучше всех. До самого последнего времени не существовало такой штуки, как абсолютно надежная система безопасности. Но далеко ушедшая вперед технология, которая имеется в распоряжении Сумы, сумела такую создать. Наши люди встретились с искусственным интеллектом, с системами, обходить которые они не

были обучены, бороться с которыми не обучали ни одного оперативника в мире.

Президент сел за руль своей тележки и нажал педаль газа.

— Есть надежда организовать операцию по спасению наших людей?

Наступило молчание, пока Джордан колебался, что ответить.

— Сомнительно. У нас есть причины думать, что Сума собирался казнить их.

Президента охватило сочувствие к Джордану. Для него должна быть горькой пилюлей потеря почти всей группы МОГ. Ни одна операция в истории служб национальной безопасности не сталкивалась с таким отчаянным невезением.

— Представляю, как разъярится Джим Сэндекер, когда услышит, что Питт и Джиордино казнены.

— Мне даже думать не хочется, как я буду сообщать ему об этом.

— Тогда мы должны взорвать ко всем чертям этот проклятый остров, чтоб там только море плескалось и центр «Дракон» вместе с ним.

— Мы оба знаем, господин президент, что американская общественность и мировая пресса обрушатся на вас, как тонна кирпичей, за вашу попытку остановить ядерную катастрофу, уничтожив ее источник. Они не проглотят такую концепцию, как превентивный ядерный удар.

— Тогда мы посылаем отряд сил специального назначения, причем быстро.

— Группы «Дельта» уже стоят у самолета на базе ВВС Андерс на острове Гуам. Но я советую подождать. У нас еще есть время, чтобы мои люди могли выполнить запланированную операцию.

— Каким образом, если у них нет надежды освободиться?

— Они все равно самые лучшие, господин президент. Я не думаю, что их пора списывать со счета. Еще нет.

Президент остановил свою тележку рядом с мячом, находившимся всего в нескольких сантиметрах от зеленого поля. Кэди подбежал со стальной клюшкой номер девять. Президент посмотрел на него и отрицательно покачал головой.

— Прямой удар у меня получается лучше, чем подсечка. Принести-ка мне лучше маленькую клюшку.

После двух ударов мяч упал в лунку.

— Хотелось бы мне иметь достаточное терпение для игры в гольф, — сказал Джордан, когда президент вернулся в свою тележку. — Но я по-прежнему считаю, что существуют более важные вещи, которым мне следует посвящать свое время.

— Никто не может непрерывно заниматься делом, не перезаряжая свои аккумуляторы, — сказал президент. Он смотрел на Джордана, пока они ехали к следующей метке. — Что вы хотите от меня, Рей?

— Еще восемь часов, господин президент, прежде чем вы отдадите приказ отряду «Дельта» двинуться в атаку.

— Вы в самом деле думаете, что ваши люди все еще могут добиться успеха?

— Я думаю, что им надо дать шанс это сделать. — Джордан помолчал. — И, кроме того, есть еще два других соображения.

— А именно?

— Вероятность того, что роботы Сумы могут разнести в клочья отряд «Дельта», прежде чем удастся добраться до командного центра.

Президент сухо усмехнулся.

— Может быть, робот и может выстоять против нападения знатока воинских искусств, но эти штуки вряд ли неуязвимы для огня из тяжелых орудий.

— С этим я не спорю, сэр, но они могут потерять руку и продолжать наступать на вас, и к тому же они не истекают кровью.

— А второе соображение?

— Нам не удалось установить местонахождение члена Конгресса Смит и сенатора Диаса. Мы подозреваем, что есть серьезные причины считать их спрятанными на курорте Сумы на острове Сосеки.

— Вы это серьезно, Рей?

— Броган, шеф Лэнгли, уверен, что Смит и Диас находятся под охраной в Эдо-Сити. Их видели и опознали в помещениях для гостей Сумы.

Президент долго молчал.

— Вы прекрасно знаете, что я не могу дать вам восемь часов. Если ваша группа не объявится через четыре часа, завершив свою операцию, я посылаю отряд «Дельта».

— Остров Сумы нашпигован оборонительными ракетными системами. Любая подлодка, пытающаяся высадить людей в пределах двадцати

километров от берега, будет взорвана, и любой самолет, выбросивший парашютный десант, сбит. И если даже отряду «Дельта» удастся захватить плацдарм на Сосеки, их перестреляют, прежде чем им удастся проникнуть в центр «Дракон».

Президент рассеянно смотрел на дорожку вокруг поля, когда солнце садилось за кроны деревьев.

— Если ваша группа провалится, — сказал он грустно, — то мне придется поставить крест на своей политической карьере и запустить ядерную ракету. Я не вижу никакого другого способа остановить Проект «Кайтен» прежде, чем у Сумы появится возможность использовать его против нас.

В помещении, расположенном глубоко внутри здания «Си» Агентства национальной безопасности в Форт Мид, Клайд Инграм, Директор центра интерпретации научных и технических данных, сидел в удобном кресле и смотрел на огромный телевизионный экран. Четкость изображений, полученных в результате использования новейших достижений в области разведывательных спутников, была просто невероятной.

Выведенный на орбиту засекреченным полетом «Шаттла», спутник «Пирамидер» был намного универсальнее своего предшественника «Скай Кинг». Он мог передавать не только подробные фотоснимки и телевизионные изображения поверхности моря и суши; три его разных по своим физическим принципам работы системы формирования изображений могли также выявлять детали подводных и подземных объектов.

Простым нажатием кнопок на пульте управления Инграм мог изменять орбиту спутника, перемещая его в нужную точку над любой целью на планете, и направлять его мощные объективы и приемные устройства датчиков, чтобы рассмотреть что угодно, от мелкого шрифта газеты, лежащей на скамейке в парке, и плана подземного ракетного комплекса, до того, что сегодня на обед будут есть члены экипажа подводной лодки, плывущей под ледовым панцирем арктических морей.

В тот вечер он анализировал изображения морского дна вокруг острова Сосеки. Выявив ракетные системы, спрятанные в лесных насаждениях, окружавших курорт, он сосредоточился на поиске и установлении точных координат подводных датчиков, размещенных службой безопасности Сумы для обнаружения подводных лодок и предотвращения тайной высадки диверсантов.

Примерно через час пристального изучения изображений его глаза высмотрели небольшой объект, лежащий на морском дне в тридцати шести километрах к северо-востоку на глубине триста двадцать метров.

Он послал в главный вычислительный центр поручение увеличить изображение участка вокруг этого объекта. Компьютер выдал координаты объекта и передал команды датчикам спутника нацелиться на него.

После получения сигналов от датчиков спутник передал увеличенное изображение приемной антенны на тихоокеанском острове, откуда оно было передано на компьютер Инграма в форт Мид. Там оно было отфильтровано от помех, контрастировано и выведено на экран.

Инграм поднялся с кресла и подошел к экрану, чтобы рассмотреть его с близкого расстояния через очки для чтения. Затем он вернулся в свое кресло, нажал кнопку селекторного телефона и вызвал заместителя директора оперативного отдела, который сидел в своей машине, застрявшей в пробке посреди жуткого потока машин возвращавшихся с работы домой вашингтонских служащих.

— Микер, — послышался слабый голос из радиотелефона сотовой связи.

— Это Инграм, шеф.

— И как тебе только не надоедает ночи напролет пялиться на самые гадкие секреты этой планеты? Почему бы тебе не отправиться домой и не заняться любовью с твоей женой?

— Я не спорю, секс лучше всего, но глазеть на эти невероятные картинки — на втором месте после секса и мало чем ему уступает.

Кертис Микер с облегчением вздохнул, когла машины снова двинулись вперед и он успел проехать последний светофор перед поворотом на улицу, где он жил.

— Ты что-нибудь увидел? — спросил он.

— Я нашел самолет на дне неподалеку от острова Сосеки.

— Какой модели?

— Выглядит как бомбардировщик времен второй мировой войны «Би-двадцать-девять», или, скорее, то, что от него осталось. Похоже, сильно поврежден при падении, но в остальном прекрасно сохранился для штуковины, пролежавшей в морской воде пятьдесят лет.

— Какие-нибудь подробности?

— Ясно видны цифры и буквы на боку фюзеляжа и хвосте. Я сумел также разглядеть небольшое изображение на носу под кабиной.

— Опиши его.

— Не вполне четкое изображение, конечно, я напоминаю, что мы смотрим через четырехсотметровую толщу воды. Но я бы сказал, что оно похоже на дьявола с вилами в руке.

— Какие-нибудь надписи видны?

— Очень расплывчато, — ответил Инграм. — Первое слово закрыто слоем водорослей. — Он замолчал и отдал компьютеру команду усилить изображение. — Второе слово похоже на «демоны».

— Несколько в стороне от обычного маршрута полетов Двадцатой бригады ВВС во время войны, — сказал Микер.

— Думаете, он может иметь для нас какое-нибудь значение?

Микер сам себе покачал головой, сворачивая на подъездную дорожку к своему дому.

— Вероятно, это просто самолет, считающийся пропавшим без вести после того, как сбился с курса и потерпел крушение, как «Леди, будь добра» в пустыне Сахара. Лучше проверить, однако, так ли это, чтобы ныне здравствующие родственники членов экипажа могли быть уведомлены о том, где покоятся останки их близких.

Инграм положил трубку и стал рассматривать колеблющееся изображение старого самолета, покоящегося на морском дне, обнаружив, что ему любопытно, как он там оказался.

Глава 51

Не было никакой нужды фиксировать их веки пластырем, чтобы они не могли зажмуриться. Стаси, Манкузо и Уэзерхилл смотрели на экран с пристальным вниманием и ужасом вплоть до той секунды, когда изображение вдруг исчезло во время схватки Питта с робопсом. Затем потрясение и горе охватило их, когда Каматори садистски навел другую видеокамеру на забрызганную кровью лужайку.

Все четверо сидели, прикованные цепями к металлическим креслам, расставленным небольшим полукругом перед огромным телеэкраном высокого разрешения, вмонтированным в стену. Два робота, которых Джиордино окрестил Макгуном и Макгурком, стояли на страже с новейшими японскими автоматами, нацеленными в затылки пленников.

Неожиданный крах их планов и полная беспомощность ошеломили их больше, чем фактически вынесенные им смертные приговоры. Сотни планов, как выпутаться из переплета, в который они попали, мелькали в их воображении. Ни один не имел малейших шансов на успех. Теперь им мало о чем оставалось думать, кроме приближающейся гибели.

Стаси повернулась и взглянула на Джиордино, чтобы узнать, как он перенес сокрушительный удар потери друга. Но лицо итальянца было совершенно сосредоточенным, на нем не читалось ни следа горя или гнева. Джиордино сидел в своем кресле с ледяным спокойствием, взирая на экран с таким же любопытством, с каким смотрел приключенческий сериал в субботний вечер.

Некоторое время спустя в комнату вошел Каматори. Он сел, скрестив ноги, на циновку и налил себе чашечку сакэ.

— Надеюсь, вы видели результаты охоты, — сказал он в паузе между глотками сакэ. — Мистер Питт играл не по правилам. Он напал на робота, нарушил его программу и умер от собственной глупости.

— Вы все равно убили бы его! — воскликнул Манкузо. — По крайней мере, он лишил вас удовольствия от этой части запланированной вами резни.

Углы губ Каматори опустились вниз и затем пошли вверх в дьявольской улыбке.

— Заверяю вас, трюк вашего друга повторить не удастся. Нового робопса сейчас заново программируют, чтобы никакое неожиданное повреждение его систем не приводило к нападению на дичь.

— Это шанс, — хрипло сказал Джиордино.

— Ты мешок с дерьмом, — просипел Манкузо. Его лицо покраснело от гнева, он рвался в своих цепях. — Я видел, какие варварские жестокости творили мерзавцы вроде тебя в отношении военнопленных союзных армий во время войны. Тебе доставляет удовольствие мучить других, но ты не в силах вынести даже мысли о том, чтобы пострадать самому.

Каматори взглянул на Манкузо с тем же выражением высокомерного отвращения, с каким он мог бы глядеть на крысу, скалящую зубы из сточной канавы.

— Вы будете последним, кого я затравлю, мистер Манкузо. Вы будете мучиться, наблюдая за агонией остальных, пока не наступит ваша очередь.

— Я добровольно вызываюсь быть следующим, — спокойно сказал Уэзерхилл. Он отбросил размышления о планах спасения и сосредоточился на одном-единственном деле. Он решил, что если он не сможет сделать больше ничего, то отомстить Каматори будет стоящим делом, ради этого не жаль и умереть.

Каматори медленно покачал головой.

— Эта честь будет оказана мисс Стаси Фокс. Женщина-оперативница, профессионалка высокого класса, может оказаться интересным противником. Много лучшим, чем Дирк Питт, я надеюсь. Он разочаровал меня.

Впервые за много лет Уэзерхилл почувствовал что-то вроде приступа тошноты. Он никогда не боялся смерти. Он полжизни провел на грани между возможностью остаться в живых и быть убитым. Но беспомощно сидеть и смотреть, как будут убивать женщину, которую он хорошо знал и уважал, было выше его сил.

Лицо Стаси было бледно, когда Каматори поднялся на ноги и приказал роботам-охранникам освободить ее от цепей, но она взглянула на него с ледяным презрением. Замки были открыты электронным сигналом, и ее грубо вытащили из кресла и поставили на ноги.

Каматори показал на дверь, открывавшуюся из комнаты наружу.

— Идите, — скомандовал он резким голосом. — Я начну погоню через час.

Стаси посмотрела на остальных, думая, что видит их всех в последний раз. Манкузо казался совершенно подавленным, тогда как Уэзерхилл смотрел на нее с огромным сочувствием и печалью в глазах. Но лишь Джиордино заставил ее сбиться с дыхания. Он подмигнул ей, кивнул и улыбнулся.

— Вы зря теряете время, — холодно сказал Кама-тори.

— Незачем куда-то спешить, — раздался голос откуда-то сзади, где стояли два робота-охранника.

Стаси обернулась, уверенная, что глаза ее обманули.

На пороге, небрежно прислонившись к косяку, стоял Дирк Питт. Он смотрел мимо нее на Каматори. Обе его руки лежали на рукояти длинной сабли, острие которой было воткнуто в полированный пол. Его глубокие зеленые глаза смотрели внимательно, на суровом лице была предупреждающая улыбка.

— Извините, что я опоздал, но я должен был дать собаке урок послушания.

Глава 52

Никто не пошевелился, никто не произнес ни слова. Роботы стояли неподвижно, ожидая команды от Каматори, их процессоры не были запрограммированны реагировать на внезапное появление Питта. Но самурай был в шоке, увидев Питта, стоявшего здесь без единой царапины на теле. Он приоткрыл рот и выкатил глаза, а затем

понемногу что-то вроде принужденной улыбки появилось на его изумленной физиономии.

— Вы не умерли, — сказал он, когда его сознанию, наконец, удалось пробиться сквозь сумятицу потрясения, и его лицо стало мрачнее тучи. — Ваша смерть была инсценирована, но кровь…

— Я позаимствовал кое-что из вашего медпункта, — небрежным тоном объяснил Питт, — и сам совершил кровопролитие.

— Но вам некуда было деваться, только в волны прибоя или на скалы под утесами. И если вы пережили падение и упали в воду, вас бы унесло прочь сильными подводными течениями. Вы не могли выжить.

— Я использовал дерево, которое вы видели плавающим в волнах прибоя, чтобы смягчить свое падение в воду. Затем я плыл вместе с течением, пока оно не отпустило меня в нескольких сотнях метров от берега. Проплыв немного в сторону параллельно берегу, я поймал течение, направленное к берегу, и плыл, пока не достиг небольшой пещеры, потом взобрался по скалам, подходящим к курорту.

Удивление в глазах Каматори сменилось любопытством.

— А забор с проволокой под напряжением, окружающий курорт, а роботы-охранники, как вам удалось пройти мимо них?

— Фигурально выражаясь, я их нокаутировал.

— Это невозможно. — Каматори покачал головой. — Их системы обнаружения безошибочны. Они не запрограммированы позволять чужакам проходить мимо них.

— Хотите пари? — Питт поднял свою саблю, воткнул ее острие в деревянный пол и отпустил рукоять, оставив клинок раскачиваться вонзенным в полированное дерево. Он достал зажатый под мышкой небольшой предмет, который, как теперь стало видно, был носком, в котором было что-то завернуто. Он беспрепятственно приблизился сзади к одному из роботов. Прежде чем тот мог повернуться, он прижал то, что было в носке, к пластмассовому кожуху с компьютерным устройством. Робот-охранник немедленно застыл в неподвижности.

Слишком поздно поняв, что делает Питт, Каматори крикнул:

— Стреляй в него!

Но Питт нырнул под ствол автомата второго робота и махнул странным предметом рядом с его процессором. Как и первый, робот застыл.

— Как ты сделал это? — удивленно воскликнула Стаси.

Питт стащил носок с маленького шестивольтового аккумулятора от медицинского прибора и железной трубки, обмотанной двумя метрами медной проволоки. Он поднял это устройство, чтобы все могли его рассмотреть.

— Магнит. Он стирает программы с дисков внутри компьютерных процессоров и нарушает работу их интегральных схем.

— Временная отсрочка приведения в исполнение вашего смертного приговора, не более того, — заметил Кама-тори. — Я серьезно недооценил вашу изобретательность, мистер Питт, но вы немногого добились, разве что на несколько минут продлили жизнь.

— По крайней мере теперь мы вооружены, — сказал Уэзерхилл, кивнув на автоматы, которые держали роботы.

Несмотря на неожиданный оборот событий, Кама-тори не мог скрыть выражения торжества, проступившего на его лице. Он снова был полным хозяином положения, почти чудесное воскрешение Питта оказалось тщетным.

— Автоматы прочно приварены к манипуляторам роботов. Их нельзя оторвать от них ничем, разве что отрезным диском. Вы так же беспомощны, как и прежде.

— Тогда мы теперь на равных, когда ваши телохранители вырублены, — сказал Питт, швырнув магнит Стаси.

— У меня есть мой меч, катана. — Каматори поднял руку и коснулся рукояти своего фамильного японского меча, покоившегося в ножнах у него за спиной. Клинок длиной в шестьдесят один сантиметр был выкован из гибкого магнитного железа в сочетании с твердой сталью кромки лезвия. — И еще у меня есть вакизаси. — Он вытащил из ножен на своем поясе нож длиной примерно в двадцать четыре сантиметра и продемонстрировал его лезвие, прежде чем снова вложить его в ножны.

Питт шагнул назад к дверям, ведущим в арсенал старинного оружия Каматори, и выдернул из пола свою саблю.

— Не совсем Экскалибур, может быть, но подушку разрубает.

Клинок, который Питт снял со стены кабинета Каматори, был итальянской дуэльной саблей девятнадцатого века с длиной лезвия девяносто сантиметров от рукояти до кончика острия. Она была тяжелее, чем современная фехтовальная сабля, к которой привык Питт во время своей учебы в Академии ВВС, и не такая гибкая, но в руке опытного фехтовальщика это было грозное оружие.

У Питта не было иллюзий насчет того, во что он ввязывается. Он ни на мгновение не сомневался, что Каматори постоянно тренировался в японском искусстве владения мечом «кендзютсу», тогда как он не махал клинком в тренировочном бою уже года два. Но если ему удастся просто оставаться в живых, пока Стаси не освободит каким-то образом Манкузо и Уэзерхилла или не отвлечет внимание Каматори, чтобы Питт мог этим воспользоваться, то у них появится шанс выбраться с острова.

— И вы осмеливаетесь бросать мне вызов этим? — фыркнул Каматори.

— Почему бы и нет? — пожал плечами Питт. — На самом деле самурайские воины были просто немногим больше, чем очень сильно надувшиеся, чванливые жабы. Я полагаю, что вы произошли из той же грязной лужи.

Каматори пропустил оскорбление мимо ушей.

— Так что вы воображаете, что у вас нимб над головой, и изображаете Сэра Галахада, вышедшего на бой с Черным рыцарем?

— На самом деле я скорее имел в виду Эррола Флинна против Бэзила Рэтборна.

Каматори закрыл глаза и неожиданным движением опустился на колени, погрузившись в медитативный транс. Это было искусство «киаи», то есть внутренней силы или могущества, которому приписывалась способность творить чудеса, в особенности среди самурайского сословия. В духовном плане долгая практика объединения души и сознания и переноса их в божественный мир, как считается, поднимает практикующего на такой уровень подсознания, который позволяет ему достигать сверхчеловеческого совершенства в боевых искусствах. В физическом плане это включает искусство глубокого и продолжительного дыхания, что обосновывается тем, что человек с полными воздуха легкими имеет все преимущества перед противником, который выдохся.

Питт предчувствовал, что атака будет быстрой и внезапной, и встал в оборонительную позицию.

Прошло почти две минуты, и затем внезапно, с молниеносной скоростью, Каматори прыгнул на ноги и выхватил катану из ножен за спиной обеими руками одним широким взмахом. Но вместо того чтобы терять сотые доли секунды на занесение меча над головой для удара вниз, он продолжил это движение по восходящей диагонали, чтобы разрубить Питта пополам от бедра к плечу.

Питт предвидел это движение и парировал коварный удар, затем сделал прямой выпад вперед, уколов Каматори в бедро, и быстро отпрыгнул назад, чтобы избежать следующей яростной атаки противника.

Тактические приемы кендзютсу и олимпийского фехтования на саблях разительно отличаются. Это все равно что предложить баскетбольному игроку обойти футбольного полузащитника. Традиционное фехтование строится на линейных перемещениях и колющих выпадах, тогда как в кендзютсу ограничений нет, и владеющий катаной набрасывается на противника, чтобы сразить его рубящим движением. Но оба эти вида спорта основаны на технике, скорости и элементе неожиданности.

Каматори двигался с кошачьей ловкостью, зная, что один хороший рубящий удар по телу Питта быстро положит конец поединку. Он быстро двигался из стороны в сторону, издавая утробные крики, чтобы вывести Питта из равновесия. Он нападал яростно, его боковые удары двумя руками легко отражали прямые выпады Питта. Казалось, рану в бедре он просто не заметил, на живости его движений она никак не отразилась.

Удары двуручной катаны Каматори рассекали воздух слегка быстрее и с большей силой, чем одноручная сабля в руке у Питта. Но в руке умелого фехтовальщика старая дуэльная сабля могла изменять угол отклонения клинка чуть быстрее. Она, кроме того, была почти на тридцать сантиметров длиннее, и Питт пользовался этим преимуществом, чтобы удерживать рубящие выпады Каматори на расстоянии, на котором невозможно нанести смертельную рану. Саблю можно было использовать и как колющее, и как рубящее оружие, тогда как катаной можно было только рубить и резать.

У Каматори было, кроме того, преимущество опыта и постоянной практики со своим собственным оружием. Питт утратил многие навыки, но он был на десять лет моложе, чем знаток кендзютсу, и, если не считать недавней кровопотери, был в прекрасной спортивной форме.

Стаси и остальные, как завороженные, следили за этим впечатляющим зрелищем прыжков, выпадов и серий быстрых ударов, когда лезвия сверкали как вспышки мерцающих огней и лязгали, когда их режущие кромки ударялись друг о друга. Время от времени Каматори прекращал свои атаки и отступал, постоянно меняя позицию, чтобы оставаться между Стаси и остальными пленниками и помешать ей освободить их, а также убедиться, что она не пытается напасть на него самого сзади или сбоку. Затем он издавал утробный вопль и возобновлял свои наскоки на ненавистного американца.

Питт в основном защищался, делая быстрые выпады, когда видел бреши в обороне противника, парируя взрывную энергию ударов Каматори и уклоняясь от невероятного бешенства его атак. Он старался оттеснить Каматори в сторону, чтобы Стаси могла добраться до цепей узников, но его противник был слишком ловок и хитер, блокируя любую попытку.

Хотя Стаси прекрасно владела дзюдо, Каматори зарубил бы ее прежде, чем ей удалось бы приблизиться к нему на два метра.

Питт бился упорно и молчаливо, в то время как Кама-тори наступал озверело, вопя при каждом ударе, медленно оттесняя Питта через комнату. Японец слегка улыбнулся, когда бешеный удар задел вытянутую руку Питта, в которой он держал саблю, и оставил тонкий, длинный кровоточащий разрез.

Грубая сила ударов Каматори заставляла Питта придерживаться оборонительной тактики отведения ударов. Каматори все время уходил то в одну, то в другую сторону, стараясь навязать Питту круговой бой.

Питт легко понял этот замысел и неизменно то отступал назад на один шаг, то делал прямой выпад, полагаясь на использование острия для колющих ударов и тем самым сохраняя стиль фехтования, которым он владел лучше Каматори, чтобы остаться в живых и нарушить координацию движений противника.

Один из уколов Питта попал Каматори в плечо, но это не замедлило движения мастера кендзютсу ни на мгновение. Ушедший в киаи, ударяя в тот момент, когда Питт выдыхал, он не чувствовал боли, казалось, даже не заметил, как острие сабли Питта пронзило его плоть. Он метнулся назад и затем неумолимо стал надвигаться не Питта, размахивая катаной с такой быстротой, что лезвие, казалось, превратилось в какой-то водоворот свистящей стали, мелькая с неуловимой для глаза скоростью сплошным расплывчатым пятном.

Питт начал уставать, его рука словно наливалась свинцом, как у боксера после четырнадцати раундов тяжелого поединка почти равных по силам противников. Теперь его дыхание участилось, и он чувствовал, что его сердце колотится все сильнее.

Древняя сабля тоже начала проявлять признаки усталости. Ее лезвие не выдерживало сравнения с прекрасной сталью японской катаны. Потускневший старый клинок был глубоко выщерблен в пятидесяти местах, и Питт знал, что один сильный удар по плоскости лезвия вполне может расколоть его надвое.

Каматори, как ни странно, не проявлял никаких признаков утомления. Его глаза, казалось, остекленели от жажды крови, и сила его ударов нисколько не уменьшилась, они были такими же сокрушительными, как в начале поединка. Это дело еще одной или двух минут, и Питт ослабеет настолько, что он сможет свалить его с ног и отнять его жизнь гордым мечом Японии.

Питт отпрыгнул назад, чтобы быстро перевести дыхание и оценить ситуацию, пока Каматори временно прервал свои атаки, чтобы

проследить краешком глаза за движениями Стаси, стоявшей подозрительно неподвижно, убрав руки за спину. Японец почувствовал, что она что-то замышляет, но тут Питт снова двинулся вперед, сделал быстрый выпад, опустившись на одно колено, попал клинком на катану, и его лезвие скользнуло по мечу вниз, к рукояти, причем острие сабли чуть задело костяшки пальцев ближайшей к гарде руки Каматори.

Питт внезапно сменил тактику и стал наступать, увидев возможность, которую он прежде не замечал. В отличие от более короткой рукояти старой дуэльной сабли, гарда которой полностью закрывала руку, у катаны Каматори была лишь небольшая круглая гарда в виде диска у основания клинка; длинная рукоять двуручного меча была почти незащищенной от ударов острием. Питт начал нацеливать свои уколы винтовыми движениями кисти. Во время выпада в грудь своего противника он повернул острие клинка налево и поразил кисть Каматори точным взмахом вверх, рассекая его пальцы до кости.

Невероятно, но Каматори лишь выругался по-японски и снова начал наступать, брызгая кровью всякий раз, когда опускал меч. Если он и почувствовал где-то внутри холодок надвигающегося поражения, то не подал виду. Невосприимчивый к боли и травмам из-за своей погруженности в киаи, он возобновил атаку, словно бешеный.

Затем его голова мотнулась назад и вбок, когда стальной предмет ударил его в правый глаз. С безукоризненной меткостью Стаси швырнула замок, скреплявший недавно ее цепи. Питт воспользовался моментом и сделал выпад, вонзив острие своей сабли в грудную клетку противника и проткнув его легкое.

Каматори на мгновение пошатнулся и безумно продолжил бой. Он наступал на Питта, вскрикивая при каждом своем ударе, а у него изо рта начала бежать кровавая пена. Но его скорость и сила были уже не те, и Питту было нетрудно парировать ослабленные рубящие удары.

Следующий выпад Питта вспорол правый бицепс Каматори. Только тогда отполированное, как зеркало, лезвие катаны задрожало и поникло.

Питт сделал шаг вперед и, вложив в этот удар все свои силы вышиб своей саблей меч из руки Каматори. Клинок полетел на пол, и Стаси схватила его.

Он держал свою саблю нацеленной в грудь Каматори и смотрел ему прямо в лицо.

— Вы побеждены, — сказал Питт со сдержанной учтивостью.

Но самурайские традиции не позволяли Каматори признать себя побежденным, пока он еще мог держаться на ногах. С его лицом

произошла поразительная перемена. Маска ненависти и ярости растаяла, как воск, и его глаза, казалось, обратились вовнутрь.

Он сказал:

— Самурай не находит чести в поражении. Вы можете вырвать зуб у дракона, но он вырастит тысячу новых. — Затем он выхватил из ножен длинный нож и прыгнул на Питта.

Хотя Питт был слаб и едва успел чуть отдышаться, он легко шагнул в сторону и парировал рубящий удар ножа. Он последний раз взмахнул старой саблей и отсек Каматори кисть.

Шок затопил лицо Каматори, это был шок неверия в то, что произошло, затем боль, затем, наконец, ясное понимание того, что первый раз за всю его жизнь он оказался побежденным своим противником и неминуемо должен умереть. Он стоял и сверкающими ненавистью глазами смотрел на Питта, и эти темные глаза наливались неудержимой бессильной яростью, обрубок руки без кисти свисал вдоль тела, и кровь струилась на пол.

— Я обесчестил своих предков. Пожалуйста, разрешите мне сохранить лицо, совершив сеппуку.

Питт прищурился, не понимая, о чем его просят. Он взглянул на Манкузо.

— Сеппуку?

— Общепринятое в Японии и более возвышенное название для ритуального самоубийства, которое мы грубо именуем «харакири», что на самом деле буквально переводится как «вспарывание брюха». Он хочет, чтобы вы позволили ему иметь «счастливый уход».

— Я вижу, — сказал Питт устало, но в его голосе звучало также бешенство осознания того факта, что даже перед лицом смерти Каматори был неспособен хоть на проблеск раскаяния. — Я действительно вижу, чего он хочет, но этого не будет. Он не умрет так, как хочет. Не от своей собственной руки. Нет, после всех этих убийств, которые он совершил обдуманно и хладнокровно.

— Мое бесчестье от того, что меня победил иностранец, должно быть искуплено принесением в жертву собственной жизни, — пробормотал Каматори сквозь стиснутые зубы. Гипнотическая сила киаи быстро покидала его.

— Его друзья и родственники будут радоваться его почетной смерти, — объяснил Манкузо. — Честь для него — это все. Он считает смерть от собственной руки прекрасной и ждет ее с нетерпением.

— Господи, меня от этого тошнит, — пробормотала Стаси, с отвращением глядя на валяющуюся на полу отсеченную кисть Каматори. — Свяжи его и заткни ему рот. Закончим нашу работу и поскорее выберемся отсюда.

— Ты умрешь, но не так, как надеешься, — сказал Питт, глядя на искаженное ненавистью вызывающее лицо Каматори, поджавшего губы, как скалящийся пес. Но Питт заметил также оттенок страха в его темных глазах, не страха смерти, а страха не воссоединиться со своими предками так, как этого требовала почитаемая им традиция.

Прежде чем кто-нибудь успел сообразить, что он хочет сделать, Питт схватил Каматори за целую руку и потащил самурая в его кабинет, где на стенах висело старинное оружие и ужасная коллекция препарированных человеческих голов. Тщательно, словно вешал картину, он поставил Каматори к стене кабинета и вонзил ему клинок сабли в мошонку, приколов его к стене в стоячем положении под головами его жертв.

Глаза Каматори наполнились неверием и страхом жалкого и позорного конца. Боль в них тоже была.

Питт знал, что он смотрит почти что на труп, и произнес последние слова, прежде чем эти глаза стали невидящими:

— Никакой божественной смерти для убийцы беззащитных. Присоединяйся к своим жертвам и будь ты проклят.

Глава 53

Питт вытащил из скоб на стене боевую секиру викингов и вернулся в комнату с телеэкраном. Стаси уже сняла замки с цепей, приковывавших к креслам Джиордино и Манкузо, и освобождала теперь Уэзерхилла.

— Что ты сделал с Каматори? — спросил Джиордино, с любопытством заглядывая через плечо Питта в комнату с трофеями.

— Повесил его на стену среди его коллекции. — Он протянул секиру Джиордино. — Разбей роботов, чтобы их нельзя было быстро починить.

— Разбить Макгуна?

— И Макгурка.

Джиордино явно не хотелось это делать, но он взял секиру и всадил ее в Макгуна.

— Я чувствую себя как Дороти, разбивающая Жестяного Человека из страны Оз.

Манкузо пожал Питту руку.

— Вы спасли наши задницы. Спасибо.

— Недурной был сеанс фехтования, — сказал Уэзерхилл. — Где вы этому научились?

— Это потом, — нетерпеливо сказал Питт. — В чем состоял грандиозный план Пеннера? Как он думал освободить нас?

— А вы разве не знаете?

— Пеннер не нашел нас заслуживающими его доверия.

Манкузо посмотрел на него и покачал головой.

— Не существует никакого плана спасательной операции, — сказал он расстроенно. — Сначала нас думали эвакуировать на подводной лодке, но Пеннер исключил этот вариант как слишком рискованный для подлодки и ее экипажа после изучения спутниковых снимков береговой охраны Сумы. Стаси, Тим и я должны были прорваться обратно через туннель в Эдо-Сити и укрыться в нашем посольстве в Токио.

Питт кивнул на Джиордино.

— А мы двое?

— Государственному департаменту было поручено вступить в переговоры с Сумой и японским правительством о вашем освобождении.

— Государственному департаменту? — простонал Джиордино, сокрушая секирой роботов. — Я бы скорее доверил представлять мои интересы «Летающему Цирку Монти Питона».

— Джордан и Керн не учли дурных намерений Сумы и Каматори, — цинично заметил Манкузо.

Губы Питта вытянулись в горькую тонкую линию.

— Вы, ребята, знатоки в этом деле. Каков будет наш следующий шаг?

— Закончить работу, как намечалось, и быстро-быстро сматываться отсюда через туннель, — сказал Уэзерхилл, и тут Стаси наконец справилась с его замком, и цепи отлетели прочь.

— Вы все еще намерены разрушить центр «Дракон»?

— Ну, не до конца, но мы можем нанести ему заметный ущерб.

— Чем? — спросил Джиордино. — Самодельным магнитом и секирой?

— Не волнуйся, — небрежно ответил Уэзерхилл, растирая свои запястья. — Хотя служба безопасности Сумы и отобрала наши наборы взрывчатки и детонаторов во время захвата и последующего обыска, у нас кое-что осталось для небольшого фейерверка. — Он сел обратно в кресло, снял туфли, вырвал из них стельки и, словно фокусник, скатал

их в небольшой шар. — Пластиковая взрывчатка «Си-8», — гордо объявил он. — Самое последнее достижение в области взрывчатых веществ, специально для разборчивых шпионов.

— А детонаторы, естественно, в каблуках, — пробормотал Питт.

— Как вы догадались?

— Позитивное мышление.

— Мотаем отсюда, — сказал Манкузо. — Контролеры этих роботов и дружки Каматори удивятся, почему его частная охота прервалась, и прибегут расследовать, в чем дело.

Стаси подошла к двери, ведущей из личных апартаментов Каматори, немного приоткрыла ее и оглядела находящийся снаружи сад.

— Сначала нам придется отыскать здание с лифтом, ведущим в подземный центр. Нас привели сюда с завязанными глазами из наших камер, и мы не знаем, где оно расположено.

— Я проведу вас туда, — сказал Питт.

— Вы знаете, где оно?

— Должен знать. Я спускался на этом лифте в медпункт.

— От вашего магнита будет немного толку, если мы наткнемся на целую группу роботов, — мрачно сказал Манкузо.

— Тогда нам нужно расширить наш запас фокусов, — сказал Питт. Он подошел к Стаси сзади и посмотрел в щель приоткрытой двери. — Вон там валяется садовый шланг, под тем кустом слева от вас. Видите?

Стаси кивнула.

— Рядом с террасой.

Он показал на катану, которую она все еще сжимала в руке.

— Проберитесь в сад и отрубите кусок в несколько футов.

Она взглянула на него озадаченно.

— Могу я спросить, зачем?

— Разрубите шланг на короткие куски, потрите один из них о шелковый лоскут, и отрицательно заряженные электроны стекут с него, — объяснил Питт. — Затем коснитесь куском шланга интегральных схем робота, и электроны перепрыгнут оттуда, разрушив тонкие изолирующие слои и закоротив схемы.

— Электростатический разряд, — задумчиво пробормотал Уэзерхилл. — Вы это имеете в виду?

Питт кивнул.

— Вы можете получить такой разряд, гладя кошку или шаркая ногами по ковру.

— Из вас получился бы прекрасный учитель физики в средней школе.

— А откуда мы возьмем шелк? — спросил Джиордино.

— Из кимоно Каматори, — сказал Уэзерхилл через плечо, кинувшись в кабинет с трофеями.

Питт повернулся к Манкузо.

— Где вы намерены взорвать ваши петарды, чтобы они могли причинить наибольший ущерб?

— У нас слишком мало «Си-8» для того, чтобы навсегда разрушить центр, но если заложить заряд рядом с источником энергоснабжения, мы можем замедлить осуществление их проекта на несколько дней, может быть, даже недель.

Стаси вернулась с трехметровым куском садового шланга.

— Как вы хотите нарубить его?

— Разрубите на четыре части, — ответил Питт. — По куску для каждого из вас. Я буду нести магнит для подстраховки.

Уэзерхилл вернулся из кабинета Каматори, неся оторванные лоскуты его шелкового кимоно — на некоторых из них были следы крови, — и начал раздавать их. Он улыбнулся Питту.

— То, как вы разместили нашего друга-самурая, делает его весьма подходящим элементом убранства интерьера.

— Ни одна скульптура, — торжественным тоном изрек Питт, — не может заменить оригинал.

— Мне бы не хотелось находиться ближе чем на тысячу километров отсюда в тот момент, когда Сума увидит, что ты сделал с его лучшим другом, — рассмеялся Джиордино, швыряя то, что осталось от двух роботов-телохранителей, в кучу в углу комнаты.

— Да, — невозмутимо заметил Питт, — но это то, что он получит за дело. Не надо ему было слишком злить своих противников.

Лорен с застывшим сердитым лицом наблюдала за приводящей в трепет технической и финансовой мощью, стоявшей за империей Сумы, пока

он вел ее и Диаса на экскурсию по подземному комплексу, оказавшемуся куда обширнее, чем она могла вообразить. Она была потрясена, и потрясение нарастало с каждой минутой. Подземный лабиринт вмещал куда больше, чем просто центр управления, откуда можно было посылать сигналы постановки на боевой взвод и детонации размещенных по всему миру ядерных зарядов. Казавшиеся нескончаемыми подземные этажи и галереи соединяли бесчисленные лаборатории, огромные физические и электронные экспериментальные установки, исследовательский комплекс термоядерного синтеза и атомную электростанцию, в которых были воплощены проектные решения, еще не сошедшие с чертежных досок в западных промышленно развитых странах.

Сума с гордостью сказал:

— Мои основные проектные институты, административные помещения и центр фундаментальных исследований расположены в Эдо-Сити. Но здесь, надежно укрытые и защищенные под островом Сосеки, находятся самые важные центры исследований и разработок.

Он провел их в одну из лабораторий и показал на большой открытый чан с сырой нефтью.

— Вы не можете их видеть, но в этом чане живут и размножаются полученные методами генной инженерии второго поколения бактерии, которые действительно способны питаться нефтью, расщепляя органические соединения, из которых она состоит, лавинообразно размножаются и превращают длинные молекулы в небольшие молекулы водорастворимых соединений. То, что останется в чане, легко смывается водой.

— Это может стать сенсацией для очистки побережий от нефтяных пятен, образующихся при авариях танкеров.

— Это одно из полезных применений, — сказал Сума. — Другое — уничтожение запасов нефти враждебной страны.

Лорен не верила своим ушам.

— Зачем вызывать такой хаос? Чего вы этим добьетесь?

— Со временем Япония станет почти полностью независимой от импортной нефти. Вся наша электроэнергия будет производиться атомными электростанциями. Наша новая технология топливных элементов и солнечных батарей скоро будет использоваться в автомобилестроении, вытеснив двигатели внутреннего сгорания. Стоит только истощить мировые запасы нефти нашими бактериями, и в конечном счете весь существующий транспортный парк мира — автомобили, грузовики, самолеты — полностью остановится.

— Если не заменить их японской продукцией, — холодно заметил Диас.

— Целая человеческая жизнь, — сказала Лорен, становясь скептичной. — Вот сколько времени потребуется, чтобы исчерпать миллиарды галлонов нефти, хранящиеся в наших подземных соляных шахтах.

Сума терпеливо улыбнулся.

— Эти бактерии способны полностью уничтожить стратегические запасы нефти США меньше чем за девять месяцев.

Лорен покачала головой, не в силах переварить ужасающие последствия всего того, что ей было показано за последние несколько часов, У нее в голове не укладывалось, как один человек может вызвать такой хаос и расстройство всей жизни в масштабах планеты. Она также не могла принять ужасной возможности того, что Питт, вполне вероятно, уже мертв.

— Зачем вы нам все это показываете? — спросила она шепотом. — Почему вы не держите это в тайне?

— Чтобы вы могли рассказать вашему президенту и вашим коллегам-конгрессменам, что Япония и США больше не находятся в одинаковом положении. Теперь мы обошли вас окончательно, необратимо, и ваше правительство должно соответственно относиться к нашим требованиям. — Сума помолчал, внимательно глядя на нее. — Что касается выдачи наших секретов, то ни вы, ни сенатор Диас не являетесь учеными или инженерами. Вы можете только описать то, что вы видели, в самых общих чертах, на языке, понятном неспециалисту. Я не показывал вам научных данных, а дал лишь некоторое представление о возможностях своих проектов. Вы не привезете домой ничего, что могло бы оказаться полезным для копирования нашего технического превосходства.

— Когда вы разрешите члену Конгресса Смит и мне отбыть в Вашингтон? — спросил Диас.

Сума взглянул на свои часы.

— Очень скоро. Вас подбросят самолетом на мой личный аэродром в Эдо-Сити в течение часа. Оттуда один из моих персональных самолетов доставит вас домой.

— Как только президент услышит о ваших безумствах, — огрызнулся Диас, — он прикажет военным взорвать этот остров ко всем чертям.

Сума позволил себе уверенно вздохнуть и улыбнулся.

— Он опоздал. Мои инженеры и рабочие-роботы выполняют график работ с опережением. Вы не знаете этого, вам неоткуда об этом знать, но

Проект «Кайтен» был завершен за несколько минут до того, как мы отправились на эту экскурсию.

— Он уже готов действовать? — потрясенно прошептала Лорен.

Сума кивнул.

— Если ваш президент окажется настолько глуп, чтобы затеять нападение на центр «Дракон», мои системы раннего обнаружения заблаговременно предупредят меня, и тогда у меня будет более чем достаточно времени послать своим роботам сигнал отвести на позиции и взорвать заминированные автомобили. — Он немного помедлил и зловеще улыбнулся. — Как однажды написал Бусон, японский поэт:

Его шляпу сорвало ветром,

упрямое огородное пугало

стоит там совсем огорошенное.

— Президент — это огородное пугало, и он стоит в тупике, потому что его время прошло.

Глава 54

Быстро, но без спешки Питт вел их в здание курорта, в котором находился лифт. Он шел открыто, тогда как другие перебегали от укрытия к укрытию у него за спиной. Людей он не встретил, но был остановлен роботом-охранником у входа в лифт.

Этот робот был запрограммирован разговаривать только по-японски, но Питту не составило труда понять, что означает его угрожающий тон и оружие, нацеленное ему в лоб. Он поднял руки перед собой ладонями вперед и медленно приблизился к роботу, заслоняя остальных от его видеокамеры и датчиков.

Уэзерхилл и Манкузо незаметно подкрались к нему с двух сторон и прикоснулись своими электростатически заряженными шлангами к корпусу, содержащему интегральные схемы. Вооруженный робот застыл в полной неподвижности.

— Чрезвычайно эффективно, — заметил Уэзерхилл, перезаряжая свой кусок шланга энергичным трением о шелковый лоскут.

— Думаете, мы подняли на ноги его контролеров? — спросила Стаси.

— Вряд ли, — ответил Питт. — Его реакция распознавания была замедленной, пока он решал, представляю ли я угрозу или я просто незапрограммированный участник проекта.

Когда они оказались в пустом лифтовом холле, Уэзерхилл предложил ехать на четвертый этаж.

— На шестом расположены основные помещения центра управления, — напомнил он. — Лучше воспользоваться случаем и выйти ниже.

— Больница и служебные помещения находятся на четвертом, — сообщил ему Питт.

— Что там насчет охраны?

— Я не видел там никаких признаков охранников или видеокамер.

— Наружная охрана Сумы такая надежная, что ему не приходилось особенно заботиться о внутренней безопасности, — сказала Стаси.

Уэзерхилл согласился с ней.

— Испорченный робот — наименьшая из его забот.

Они занервничали, когда лифт подъехал и двери раскрылись. К счастью, кабина была пуста. Они вошли, но Питт задержался снаружи, наклонив голову, словно прислушиваясь к чему-то. Затем он тоже вошел в кабину и нажал на кнопку четвертого этажа. Через несколько секунд они вышли в пустой коридор.

Они шли быстро, молча следуя за Питтом. Он остановился у двери больницы.

— Зачем мы остановились тут? — тихо спросил Уэзерхилл.

— Нам никогда не найти дороги в этом комплексе без карты или гида, — прошептал в ответ Питт. — Идите за мной внутрь. — Он наткал на кнопку рядом с дверью и пинком ноги распахнул ее до упора.

Изумленная медсестра за высоким столиком у входа с удивлением смотрела на Питта, ринувшегося через порог. Это была не та медсестра, которая ассистировала доктору Ногами во время первого визита Питта. Эта была некрасива и телосложением напоминала дорожный грейдер. Как только она пришла в себя от изумления, ее рука потянулась к кнопке тревоги на панели селектора перед ней. Ее палец был в сантиметре от кнопки, когда вытянутая ладонь Питта со страшной силой ударила ее по подбородку, отбросив на пол в бессознательном состоянии.

Доктор Ногами услышал шум и выбежал из своего кабинета, внезапно остановившись и удивленно глядя на Питта и команду МОГ. Как ни странно, на его лице было скорее приятное удивление, чем шок.

— Извините за вторжение, док, — сказал Питт, — но нам нужны инструкции.

Ногами пристально смотрел вниз на свою медсестру, лежащую на полу без признаков жизни.

— Вы определенно знаете подход к женщинам.

— Она едва не успела поднять тревогу, — извиняющимся тоном сказал Питт.

— Вам повезло, что вы застали ее врасплох, сестра Оба знает карате, как я медицину. — Только теперь Ногами уделил несколько секунд изучению разношерстой группы людей, стоявших вокруг распростертой на полу медсестры. Он покачал головой едва ли не печально. — Итак, вы лучшие члены группы МОГ, которых США только могли отправить на такое задание. Вы уж точно непохожи на суперменов. Где, черт возьми, Рей Джордан вас всех откопал?

Джиордино был единственным, кто не смотрел на доктора с немым изумлением. Он смотрел на Питта.

— Ты знаешь что-то, чего не знаем мы?

— Разрешите представить вам доктора Джоша Ногами, британского глубоко законспирированного агента, снабдившего нас львиной долей информации о Суме и его проекте.

— Вы вычислили это, — сказал Ногами.

Питт скромно развел руками.

— Ваша подсказка сделала это совершенно элементарным. В Санта-Ане, штат Калифорния, нет госпиталя Св. Павла. Зато существует собор Св. Павла в Лондоне.

— У вас не английское произношение, — сказала Стаси.

— Мой отец был воспитан как британский подданный, но моя мать приехала из Сан-Франциско, и я посещал американскую медицинскую школу. Я могу говорить с вполне правдоподобным американским акцентом без больших усилий. — Он заколебался и посмотрел Питту в глаза, его улыбка исчезла. — Вы понимаете, я надеюсь, что, вернувшись сюда, вы меня раскрыли.

— Я сожалею, что засветил вас, — серьезно и искренне сказал Питт, — но у нас сейчас более неотложная проблема. — Он кивнул в сторону остальных. — Наверно, осталось еще десять или пятнадцать минут, прежде чем Каматори и три его робота-охранника будут найдены... ну...

недееспособными. Чертовски мало времени, чтобы заложить взрывчатку и выбраться отсюда.

— Постойте секунду. — Ногами поднял руку. — Вы хотите сказать, что вы убили Каматори и вывели из строя трех роботов-охранников?

— Они мертвее мертвого, — весело ответил Джиордино.

Манкузо не интересовали дружеские беседы.

— Если вы можете снабдить нас схемами этого комплекса, причем быстро, мы тут же займемся своими делами и оставим вас в покое.

— Я сфотографировал строительные чертежи на микрофильм, но не смог передать их вашим людям после того, как потерял своего связного.

— Джима Ханамуру?

— Да. Он мертв? — спросил Ногами, уверенный в ответе.

Питт кивнул.

— Зарублен Каматори.

— Джим был хороший человек. Я надеюсь, Каматори умер медленной смертью?

— Нельзя сказать, чтобы он наслаждался этим путешествием.

— Не могли бы вы нам помочь? — спросил Манкузо настойчиво, требовательно. — Наше время истекает.

Ногами, казалось, ничуть не спешил.

— Вы надеетесь улизнуть через туннель в Эдо-Сити, я полагаю.

— Мы думали, мы сможем сесть на поезд, — сказал Уэзерхилл, глядя через дверь в коридор.

— Вряд ли, — пожал плечами Ногами. — С тех пор, как вы, ребята, проникли в комплекс, Сума приказал, чтобы туннель охранялся армией роботов со стороны острова и большим количеством специально тренированных людей со стороны Эдо-Сити. Там и муравей не проскочит.

Стаси взглянула на него.

— Что вы предлагаете?

— Море. Если вам повезет, вас подберет проходящее судно.

Стаси покачала головой.

— Это исключается. Любой иностранный корабль, который приблизится к острову на пять километров, будет немедленно взорван.

— Вы пытаетесь одновременно думать о слишком многих вещах. — сказал Питт спокойно. Его глаза, казалось, смотрят в стену так, словно видят что-то с другой стороны. — Сосредоточьтесь на минировании. Доверьте эвакуацию Алу и мне.

Стаси, Уэзерхилл и Манкузо переглянулись. Затем Уэзерхилл одобрительно кивнул.

— Действуйте. Вы спасли наши жизни и довели нас сюда живыми и невредимыми. Было бы крайне невежливо не доверять вам теперь.

Питт повернулся к Ногами.

— Ну что, док, присоединяетесь к нам?

Ногами пожал плечами и слегка улыбнулся.

— Почему бы и нет? Благодаря вам от меня здесь больше нет никакой пользы. Нет смысла дальше болтаться тут, чтобы Суме было сподручнее отрубить мне голову.

— Куда лучше подложить взрывчатку? — спросил Уэзерхилл.

— Я покажу вам коллектор, по которому проложены электрические кабели и волоконнооптические линии связи, питающие весь комплекс энергией и информацией. Заложите там ваш заряд, и эта лавочка закроется на месяц.

— На каком этаже?

Ногами кивнул головой на потолок.

— На один этаж выше, на пятом.

— Как только вы будете готовы, — Уэзерхилл сказал Питту.

— Уже готов. — Питт осторожно проскользнул в коридор и рысцой побежал к лифту. Все последовали за ним, забрались в кабину и молча стояли, пока она поднималась на пятый этаж, нервно ожидая, с чем им придется столкнуться, когда двери откроются. Вдруг лифт поехал вниз, вместо того чтобы подниматься. Кто-то, видимо, нажал кнопку внизу.

— Черт, — с ожесточением выругался Манкузо. — Этого нам только не хватало.

— Всем! — приказал Питт. — Сжимайте двери и не давайте им открыться. Ал, держи кнопку «закрывание дверей» нажатой.

Лифт остановился, они все прижали ладони к дверям и нажали на створки изо всех сил. Двери попытались раздвинуться, но могли лишь судорожно дергаться, оставаясь сомкнутыми.

— Ал! — тихо сказал Питт. — Теперь жми «пять».

Джиордино так крепко давил пальцем на кнопку «закрывание дверей», что его суставы побелели. Он освободил эту кнопку и нажал на кнопку с цифрой 5.

Лифт несколько секунд вздрагивал, словно его тащили в разные стороны, затем он рванулся вверх и начал подниматься.

— Это было близко, слишком близко, — вздохнула Стаси.

— Приближаемся, — объявил Джиордино. — Домашний скарб, кухонное оборудование, посуда, инструменты... — Он вдруг оборвал себя. — О, о, мы еще не набрали команду. Кто-то еще хочет к нам войти. Только что мигнул огонек пятого этажа.

Снова все напряглись, все взгляды невольно обратились к щитку и к небольшому светящемуся индикатору, на котором вспыхивала цифра 5. Тогда, словно подключенные к одинаковым программным механизмам, они повернулись к дверям и приготовились действовать мгновенно.

Там стоял инженер в белом халате и жесткой кепке, внимательно изучавший записи в своем блокноте. Он даже не оторвал от него взгляда, войдя в лифт. Только когда до него начало доходить, что кабина почему-то не движется, он рассеянно огляделся вокруг и увидел смотрящие на него западные лица. Ни на одном из них не было улыбки.

Он открыл было рот, чтобы закричать, но Питт одной рукой зажал ему рот, а другой — сонные артерии. Еще до того, как его глаза закатились вверх, а тело обмякло и опустилось на пол кабины, Ногами уже был снаружи и вел остальных по коридору.

Уэзерхилл вышел из лифта последним. Перед этим он задержался и посмотрел на Питта.

— Когда и где нам присоединяться к вам? — спросил он.

— Наверху через двенадцать минут. Мы подержим такси.

— Удачи, — пробормотал он в ответ и поспешил за остальными, гадая, что задумал человек из НУМА своим изобретательным умом.

Джиордино взглянул вниз на лежащего на полу инженера.

— А куда мы спрячем этого?

Питт показал на люк в крыше кабины.

— Разорви его халат на полосы, затем свяжи его и заткни ему рот. Мы положим его на крышу лифта.

Стащив с инженера халат и начав раздирать его, он ухмыльнулся Питту заговорщицкой ухмылкой.

— А я тоже слышал это.

Питт улыбнулся в ответ.

— Угу, это он. Сладкий звук свободы.

— Если только нам удастся слямзить его.

— Оптимизм, оптимизм, — ободряюще бормотал Питт. отправляя лифт вверх. — Теперь наберем-ка немного скорости. У нас осталось двенадцать минут, чтобы поймать такси.

Глава 55

Группа МОГ в недрах центра «Дракон» вряд ли испытывала большее нервное напряжение, чем двое мужчин, считавших минуты и потевших в помещении центра связи внутри здания Федеральной штаб-квартиры. Реймонд Джордан и Дональд Керн сидели, глядя на громадные часы и с нетерпением ожидая, когда сигнал от группы будет отправлен направленным пучком со спутника, зависшего на геосинхронной орбите над Японией.

Словно подстегнутые внезапно раздавшимся звонком телефона, стоявшего на столике между ними, их глаза встретились. У обоих были вытянутые лица. Джордан взял телефонную трубку с таким видом, словно на ней были чумные бациллы.

— Да, господин президент, — сказал он не колеблясь.

— Есть хоть слово?

— Нет, сэр.

Президент несколько секунд молчал, затем серьезно сказал:

— Сорок пять минут, Рей.

— Понял, сэр. Сорок пять минут до начала атаки.

— Я отозвал отряд «Дельта». После совещания с другими моими советниками по национальной безопасности и начальниками штабов я принял решение, что у нас нет времени для военной операции. Центр «Дракон» должен быть разрушен прежде, чем он войдет в строй.

Джордан почувствовал, что у него земля уходит из-под ног. Он решил еще раз попытать счастья. — Я по-прежнему убежден, что сенатор Диас и член Конгресса Смит могут находиться на острове.

— Даже если вы правы, их возможная гибель не повлияет на мое решение.

— Вы не можете передумать и дать им еще час? — умоляющим тоном произнес Джордан.

— Мне бы очень хотелось найти в своем сердце готовность дать вам больше времени, но наша национальная безопасность оказалась под серьезной угрозой. Мы не можем предоставить Суме шанс начать свою кампанию международного шантажа.

— Вы правы, конечно.

— По крайней мере я не один. Государственный секретарь Сутс проинформировал лидеров стран НАТО и советского президента, и они все согласились, что в наших общих интересах действовать решительно.

— Тогда мы списываем группу, — сказал Джордан, и его огорчение и разочарование прозвучали в его интонациях, — а также, вероятно, Диаса и Смит.

— Я глубоко сожалею, что мне приходится приносить в жертву преданных своему долгу американцев, некоторые из которых являются моими хорошими знакомыми. Мне жаль, Рей, но я стою перед старой, как мир, необходимостью пожертвовать несколькими, чтобы спасти многих.

Джордан положил трубку. Он выглядел странно сгорбившимся и съежившимся.

— Это президент, — рассеянно произнес он.

— Никакой отсрочки? — мрачно спросил Керн.

Джордан покачал головой.

— Он отменил атаку и посылает ядерную боеголовку.

Керн вдруг стал белым, как мел.

— Значит, он уже передал приказ.

Джордан угрюмо кивнул, посмотрел на часы и увидел, что до запуска осталось только сорок три минуты.

— О Боже, ну почему они не могут освободиться? Что случилось с британским агентом? Почему он не отвечает?

Несмотря на все свои опасения, Джордан и Керн были нисколько не подготовлены к еще худшему несчастью, которое должно было обрушиться на них.

Ногами провел группу МОГ через ряд небольших боковых коридоров, забитых трубами с горячей водой и вентиляционными коробами, обходя кишевшие людьми офисы и мастерские, держась как можно дальше от помещений, где кипела жизнь. Когда им попадался на пути робот-охранник, Ногами завязывал с ним разговор, пока кто-нибудь из остальных не прокрадывался со стороны и не вырубал его схемы электростатическим разрядом.

Они подошли к обширному помещению со стеклянными стенами, полному электрических кабелей и жгутов оптических волокон, разбегавшимся оттуда по узким туннелям во все помещения центра «Дракон». Там находился робот, который стоял перед огромным приборным щитом со множеством стрелочных измерительных приборов и цифровых индикаторов.

— Робот-инспектор, — тихо сказал Ногами. — Он запрограммирован следить за исправностью электросетей и докладывать обо всех обрывах проводов и коротких замыканиях.

— Сколько времени пройдет, прежде чем сюда придут проверить, что с ним, после того как мы испортим его микросхемы? — поинтересовался Манкузо.

— Из главного центра телеметрического контроля они доберутся сюда за пять или шесть минут.

— Вполне достаточно, чтобы подложить заряд и дать деру, — небрежно заметил Уэзерхилл.

— На сколько минут ты предполагаешь поставить таймер? — спросила его Стаси.

— На двадцать минут. За это время мы наверняка успеем подняться на поверхность и покинуть остров, если Питту и Джиордино удастся сделать то, что они задумали.

Ногами открыл дверь и шагнул в сторону, пока Манкузо и Уэзерхилл вошли в помещение и приблизились к роботу с противоположных сторон. Стаси оставалась у двери. Механический инспектор застыл, как металлическое изваяние, когда наэлектризованные куски шланга прикоснулись к корпусу, где находились его микросхемы.

Умелыми ловкими движениями Уэзерхилл вставил крохотный детонатор в комок пластической взрывчатки и установил цифровой таймер.

— В самую гущу кабелей и оптических волокон, я полагаю.

— Почему не взорвать приборный щит? — спросил Ногами.

— У них наверняка на складе есть запасные блоки для щита, — объяснил Манкузо.

Уззерхилл согласно кивнул, прошел несколько шагов по коллектору вперед и прикрепил липкой лентой заряд взрывчатки за несколькими связками электрических кабелей в толстой изоляции и жгутов оптических волокон.

— Они смогли бы заменить приборный щит и подсоединить к нему новые концы проводов за двадцать четыре часа, — произнес он тоном лектора, — но стоит вырвать взрывом один метр проводов посередине тысячи индивидуальных проводящих жил, и им придется заменять всю систему с обоих концов. На это у них уйдет в пять раз больше времени.

— Звучит разумно, — признал Ногами.

— Замаскируй заряд получше, — сказал Манкузо.

Уэзерхилл взглянул на него укоризненно.

— Они не будут искать вещь, о существовании которой они понятия не имеют. — Он любовно погладил таймер и вышел из коллектора.

— Все чисто, — доложила Стаси от двери.

По одному они крадучись выбежали в коридор и поспешили к лифту. Они преодолели почти двести метров, когда Ногами вдруг остановился и поднял руку. Эхо человеческих голосов отразилось от бетонных стен бокового прохода, а за ним послышалось слабое жужжание электромотора. Доктор бешено замахал им руками, чтобы они поспешили вперед, и они пулей проскочили мимо бокового прохода и свернули за угол, прежде чем прибывшие появились на виду в главном коридоре.

— Я недооценил их оперативность, — зашептал Ногами не оборачиваясь. — Быстро они пришли.

— Следователи? — спросила Стаси.

— Нет, — быстро ответил он. — Контролеры из центра дистанционного наблюдения с новым роботом для замены того, который вы вырубили.

— Думаете, они будут искать нас?

— Мы бы уже знали об этом, если бы это было так. Ревели бы сирены общей тревоги, и толпы охранников Сумы вместе с армией сторожевых

роботов кишели бы в каждом коридоре и блокировали бы все перекрестки.

— Везет нам, что никто пока ничего не заподозрил, учитывая, скольких роботов мы превратили в металлолом, — прохрипел Манкузо, пробегая по коридору вслед за Ногами.

— Инженеры дистанционного контроля будут считать, что роботы вышли из строя из-за самопроизвольных отказов электроники.

Они добрались до лифта и потеряли целых две минуты, ожидая, когда он поднимется с более низкого уровня. Казалось, полжизни прошло, пока двери, наконец, открылись и они смогли войти в пустую кабину. Уэзерхилл вошел первым; он нажал кнопку поверхностного уровня.

Лифт с тремя мужчинами и одной женщиной полз вверх мучительно медленно, они стояли в нем хмурые и молчаливые. Часы были только у Ногами, у остальных их отобрали при задержании; он посмотрел на циферблат.

— До назначенного срока осталось тридцать секунд, — сообщил он остальным.

— Из огня мы выскочили, — пробормотал Манкузо. — Будем теперь надеяться, что наверху нас не ждет раскаленная сковорода.

Теперь важно было только одно — покинуть остров. Какой план был у Питта на уме? Не случилось ли чего-нибудь с ним и Джиордино? Что, если он просчитался и был снова пойман или убит? Если это было так, то всем надеждам конец, они остались ни с чем, без какого-либо способа вырваться на свободу, упустив свой единственный шанс.

Они уже потеряли счет, сколько раз они готовились к худшему, напрягая мышцы, чтобы прыгнуть на то или на тех, что окажется по ту сторону дверей лифта. Они застыли, когда двери, наконец, начали раздвигаться.

Там стоял Джиордино собственной персоной и весело скалил зубы. Когда он заговорил, то произнес те слова, которые они сотни раз слышали у стоек регистрации пассажиров в аэропорту:

— Разрешите взглянуть на ваши посадочные документы?

Обунаи Окума и Диазец Кано были высококвалифицированными инженерами-кибернетиками, обученными дистанционному управлению машинным зрением и искусственным интеллектом, а также наладке роботехники и диагностике неисправностей сенсорных систем. В центре телеметрического контроля они получили сигнал, что робот-инспектор электрических сетей Тайго, имя которого означало «большая пушка»,

перестал функционировать, и они немедленно отправились заменять его на новый и забирать для ремонта.

Внезапные отказы роботов из-за тысячи различных причин были для них обычным делом. Роботехника была еще очень молодой отраслью, и неисправности оборудования, как и ошибки программ, обнаруживались на каждом шагу. Роботы часто переставали функционировать по причинам, которые можно было выяснить лишь после того, как их доставляли в ремонтную мастерскую для обследования.

Кано обошел вокруг инспектора Тайго, проводя быстрый визуальный осмотр. Не увидев ничего необычного, он пожал плечами.

— Похоже на неисправность платы микросхем.

Окума взглянул на диагностическую карту в блокноте, который он принес с собой.

— С этим роботом уже были проблемы. Его блок анализа изображений пять раз выходил из строя.

— Странно, это уже четвертый робот, об отказе которого получен сигнал за последний час.

— Неполадки всегда происходят сериями, — ответил Окума.

— Его системы нуждаются в модернизации и переделке, — согласился Кано. — Нет смысла наскоро исправлять неполадку. Я направлю его на полную переделку. — Он обернулся к роботу, привезенному для замены неисправного. — Готов приступить к исполнению обязанностей инспектора, Отокодат?

Загорелся набор сигнальных лампочек, и Отокодат, что по-японски означало нечто вроде Робина Гуда, произнес медленно, но отчетливо:

— Я готов следить за исправностью всех сетей.

— Тогда приступай.

Как только новый робот занял место за пультом, Окума и Кано погрузили неисправного робота на тележку с мотором, снабженную небольшой лебедкой. Затем один из них ввел кодовое слово в компьютер тележки, и она автоматически начала двигаться к ремонтному участку, не нуждаясь в присмотре человека. Два инженера не стали сопровождать поврежденного робота, а направились в комнату отдыха для рабочих, чтобы позволить себе выпить по чашке чая.

Оставленный в одиночестве, Отокодат навел объективы своей системы зрения на циферблаты измерительных приборов и числовые индикаторы и начал обычную процедуру ввода данных в свой

компьютер. От его высокочувствительных датчиков, разрешающая способность которых была несравненно выше, чем у человека, не укрылось чрезвычайно малое отклонение значения одной из измеряемых величин от предписанного.

Частота следования лазерных импульсов по оптическому волокну измеряется миллионами штук в секунду. Датчики Отокодата могли считывать показания измерительных приборов намного точнее человеческого глаза, и он заметил небольшое снижение частоты следования импульсов с 44, 7 миллионов в секунду до 44, 68 миллионов в секунду. Он построил график изменения индекса преломления и определил, что свет, распространяющийся по двум жгутам внутри ленты, состоящей из тысяч оптических волокон, в какой-то точке идет не по прямой, а описывает небольшой зигзаг.

Он послал в центр телеметрического контроля сигнал о том, что покидает контрольный щит и отправляется в коллектор для осмотра жгутов оптических волокон.

Глава 56

Сума становился все более раздраженным и нетерпеливым. Диас и Смит, казалось, никогда не устанут ссориться с ним, не скрывая своего презрения к его достижениям, угрожая ему, как будто он был обыкновенным уличным воришкой. Он обрадовался случаю избавиться от них.

Похищение сенатора Диаса было ошибкой, чувствовал он. Он захватил его только потому, что Ичиро Цубои был уверен в существенном влиянии Диаса на Сенат и в его близости к президенту. Суме Диас представлялся незначительным и ограниченным человеком. После увольнения из армии Диас прокладывал свой путь через Университет Нью-Мексико. Затем он пошел традиционным путем к власти, став юристом и выигрывая процессы, обеспечившие броские заголовки газет и поддержку правящей партии. Сума презирал его как устарелого политического поденщика, затвердившего монотонную и утомительную речь об обложении богатых налогами в пользу безработных. Сума отказывался признавать милосердие и сострадание.

Член Конгресса Смит, с другой стороны, была весьма проницательной женщиной. У Сумы было неприятное чувство, что она читает его мысли и умело возражает против каждого его слова. Она знала свои факты и статистику и с легкостью цитировала их. Лорен была из хорошего западного рода, ее семья разводила скот на западе Колорадо с 1870-х годов. Получив образование в Университете Колорадо, она баллотировалась на выборную должность и победила кандидата, прослужившего на государственной службе много лет. Она могла жестко

спорить с любым мужчиной. Сума подозревал, что ее единственной слабостью был Дирк Питт, и он был ближе к истине, чем думал.

Сума уставился на них через стол, потягивая сакэ и готовясь еще к одному обмену любезностями. Он уже почти начал, когда Тоси вошла в комнату и тихо зашептала ему на ухо. Сума поставил свою чашечку сакэ на стол и встал.

— Вам пора уходить.

Лорен изящно поднялась и устремила взгляд на Суму.

— Я не уйду отсюда, пока не удостоверюсь, что Дирк и Ал живы и с ними обращаются по-человечески.

Сума улыбнулся снисходительно.

— Они тайком прокрались на чужую землю, мою землю, как шпионы другого государства...

— Японские законы схожи с нашими в отношении к шпионажу, — перебила она. — Они подлежат справедливому суду.

Сума испытал злорадное удовлетворение.

— Я не вижу смысла в продолжении разговора. В данный момент мистер Питт и мистер Джиордино, вместе с остальными из их шпионской шайки, уже казнены моим другом Моро Каматори. Теперь делайте с этим что хотите.

Лорен почувствовала, что ее сердце пронзено насквозь. Она оцепенела, не в силах произнести ни слова, еще более потрясенная сознанием того, что, скорее всего, это правда. Ее лицо побелело, она зашаталась, ощущая в голове только совершенную пустоту.

Тоси схватила Лорен за руку и подтолкнула ее к дверям.

— Пойдемте, самолет, который доставит вас в Эдо-Сити, и личный самолет мистера Сумы ждут вас.

— Мы не прокатимся по вашему потрясающему тоннелю под морским дном? — спросил Диас без тени разочарования.

— Есть вещи, которые мне бы не хотелось вам показывать, — угрюмо сказал Сума.

Как будто в дурном сне, Лорен безучастно позволила Тоси протащить ее через фойе, выходившее на каменную дорожку, пересекавшую маленький прудик. Сума жестом предложил Диасу сопровождать женщину, Диас покорно пожал плечами и заковылял с тростью впереди Сумы; два робота-телохранителя замыкали шествие.

Позади пруда сверкающий самолет с поворотными двигателями приземлился на лугу, окруженном высокой, аккуратно подстриженной живой изгородью. Реактивные двигатели работали с легким свистом. Два пилота в красных нейлоновых летных костюмах и кепках с козырьками стояли по сторонам лестницы, ведущей внутрь главного салона. Оба были низенькие, один худощавый, плечи другого грозили разорвать швы его комбинезона. Пилоты почтительно поклонились при приближении Сумы.

Внезапно Диас остановился.

— Когда я вернусь в Вашингтон, то проведу пресс-конференцию и разоблачу вас и ваши чудовищные планы. Затем я буду бороться любыми средствами в обеих палатах Конгресса, пока не будет конфисковано и национализировано все имущество, принадлежащее вам в США. Я не успокоюсь, пока вы не заплатите за все ваши злодеяния.

Сума яростно оскалился:

— Наше вашингтонское лобби более чем компетентно, чтобы разрушить ваши патетические усилия. Слишком много ваших законодателей тяготеют к тайному благополучию, чтобы поддаться вашему влиянию. Вы будете взывать впустую, сенатор Диас. Ваше правительство, нравится вам это или нет, погрязло в эмоциях и коррупции, вместо технологии и науки, и полностью зависит от японских субсидий.

Лорен обернулась к Суме, ее глаза сузились от презрения.

— Вы недооценили крепость американцев пятьдесят лет назад, и снова вы будите спящего гиганта и наполняете его ужасающей решимостью.

— Слова адмирала Ямамото, произнесенные после седьмого декабря, уже не применимы, — презрительно сказал Сума. — Ваш народ потерял способность приносить жертвы для блага нации. Посмотрите в лицо реальности, член Конгресса Смит. Величие Америки прошло. Мне больше нечего сказать вам, кроме напоминания предупредить президента о намерениях Японии.

— Не имеете ли вы в виду свои намерения? — смело сказала Лорен. Краски вернулись на ее лицо. — Вы не представляете весь японский народ.

— Счастливого путешествия домой, член Конгресса Смит. Ваш визит окончен.

Сума повернулся и пошел прочь. Он успел сделать лишь шаг, как два пилота схватили его за руки с обеих сторон, подняли в воздух и швырнули в открытую дверь салона самолета, где он исчез. Все

произошло так быстро, что Лорен и Диас застыли в шоке. Среагировала только Тоси, ударив ногой крепко сбитого пилота.

— Разве можно так начинать интимные отношения? — засмеялся Джиордино, ухватив Тоси за ногу, сжав ее руками и швыряя ее через дверь в подставленные руки Уэзерхилла и Манкузо легко, будто она была наполнена воздухом. Лорен задохнулась от изумления и начала что-то говорить Джиордино, но Стаси резко подтолкнула ее вверх по коротенькой лестнице.

— Нельзя терять времени, миссис Смит. Пожалуйста, шевелитесь поживее. — Подталкивая Лорен, она потянулась за Диасом. — Двигайтесь, сенатор. Вас ждут с нетерпением.

— Откуда… откуда вы все взялись? — заикался он, пока Манкузо и Уэзерхилл втягивали его в люк.

— Мы просто дружелюбные бандиты, живущие по соседству — ответил Уэзерхилл. — На самом деле, это Питт и Джиордино захватили пилотов и связали их в грузовом отсеке.

Джиордино поднял Стаси в кабину и втянул за ней лесенку. Он изящно отсалютовал двум роботам-телохранителям, нацелившим на него свое оружие, но застывшим в тупом оцепенении.

— Сайонара роботуркейс!

Он рывком захлопнул дверь и запер ее. Затем развернулся и выкрикнул одно короткое слово в кабину пилота:

— Поехали! — Легкий свист двух турбинных двигателей перерос в раздирающий уши грохот, и струя воздуха выгладила траву под короткими крыльями. Колеса шасси оторвались от земли, и самолет взмыл в воздух, завис на несколько мгновений, пока моторы разворачивались в горизонтальном положении, и затем заложил широкий вираж в сторону моря на восток.

Лорен обняла Джиордино.

— Слава Богу, вы в порядке и Дирк с вами?

— А кто же, по-вашему, за штурвалом? — Джиордино широко улыбнулся, кивнув в сторону кабины.

Не произнося больше ни слова, Лорен пробежала вдоль кресел и распахнула дверь кабины. Питт сидел в кресле пилота, полностью погруженный в работу — летать на таком самолете было внове для него. Он не моргнул и не повернул головы, когда она скользнула руками по его шее и вниз, внутрь позаимствованного им летного костюма, и поцеловала его по меньшей мере дюжину раз.

— Ты жив, — радостно сказала она. — Сума сказал, тебя убили.

— Это был не очень приятный денек, — вставил Питт между ее поцелуями. — Ты рада видеть меня?

Она легонько царапнула его грудь.

— Ты когда-нибудь станешь серьезным?

— Леди, сейчас я серьезен как никогда. Жизни восьми человек зависят от того, как я веду самолет, к которому я никогда в жизни не прикасался. И мне лучше побыстрей овладеть им, или нам придется искупаться.

— Ты способен сделать это, — сказала она уверенно. — Дирк Питт может все.

— Лучше бы люди не говорили так, — вздохнул Питт. Он мотнул головой направо. — Займи кресло второго пилота и поупражняйся с радио. Мы должны вызвать кавалерию до того, как самурайские воздушные силы бросятся в погоню. Мы не сможем убежать от реактивных самолетов.

— Японская армия пока что не принадлежит Суме.

— Ему принадлежит здесь все. Включи радио, я назову тебе частоту.

— Куда мы летим?

— На Ральф Р. Беннет.

— Судно?

— Корабль, — поправил ее Питт. — Поисковый и разведывательный корабль Военно-Морского флота США. Если нам удастся беспрепятственно добраться до него, мы вернемся домой свободными!

— Они не осмелятся стрелять в нас с Хидеки Сумой на борту.

Питт глянул на волны, бушующие внизу.

— Ох, как бы мне хотелось, чтобы ты была права.

Сзади них Джиордино тщетно пытался успокоить Тоси, которая шипела и билась, как взбесившаяся кошка. Она плюнула в него, но чуть-чуть промахнулась мимо его щеки, попав в ухо. В конце концов он схватил ее сзади и сжал в тесных объятиях.

— Я знаю, что поначалу произвожу не слишком хорошее впечатление, — счастливо сказал он. — Но, узнав меня, вы меня полюбите.

— Ты янки, американская свинья! — кричала она.

— Вовсе нет, мои итальянские предки никогда бы не согласились, чтобы их считали янки.

Стаси, не обращая внимания на Джиордино и вырывающуюся Тоси, крепко прикручивала Суму к одному из нескольких великолепных кожаных кресел в роскошном салоне самолета. Глаза Сумы были вытаращены, челюсть отвисла.

— Ну и ну, — сияя от счастья, проговорил Манкузо. — Какая приятная неожиданность, великий человек собственной персоной соблаговолил проехаться с нами.

— Вы же мертвы. Вы все считались мертвыми, — бормотал Сума, не веря своим глазам.

— Это твой дружок Каматори, вот кто мертв, — садистским тоном сообщил ему Манкузо.

— Как? Как это случилось?

— Питт пришпилил его к стене за яйца.

Имя Питта, казалось, привело Суму в чувство. Он оправился от шока и сказал:

— Вы совершили гибельную ошибку. Удерживая меня в качестве заложника, вы развяжете ужасные силы.

— Как вы с нами, так и мы с вами. Теперь наша очередь действовать подло и низко.

Человеческий голос бессилен точно передать шипение гадюки, но Суме это почти удалось.

— Вы слишком невежественны и глупы, чтобы понимать, что вы делаете. Мои люди запустят Проект «Кайтен», как только они узнают, что вы сделали.

— Пусть попробуют, — сказал Уэзерхилл, чуть не мурлыча от радости. — Примерно через три минуты в вашем центре «Дракон» погаснет свет.

Робот-инспектор электрических сетей Отокодат вскоре обнаружил заряд взрывчатки, прикрепленный липкой лентой к плоскому жгуту оптических волокон. Он ловко удалил его и покатил обратно к приборному щиту. Несколько секунд он рассматривал странный предмет, узнал, что таймер — это таймер, но в его памяти не было необходимых данных для изучения пластиковых бомб, и он понятия не имел об их назначении. Он направил сигнал своему начальнику.

— Это Отокодат с пятой силовой станции.

— Да, в чем дело? — ответил робот-контролер.

— Мне нужно связаться со своим начальником, господином Окумой.

— Он еще не вернулся после перерыва на чай. Почему вы вызываете его?

— Я обнаружил странный предмет, прикрепленный к главному волоконно-оптическому кабелю.

— Что это за предмет?

— Мягкое вещество с цифровым таймерным устройством.

— Это может быть инструмент, забытый инженером по прокладке кабелей во время монтажа.

— В моей памяти нет необходимых данных для положительной идентификации этого предмета. Не хотите ли вы, чтобы я привез его в контрольный центр для изучения?

— Нет, оставайтесь на своем посту. Я пришлю за ним курьера.

— Слушаюсь.

Через несколько минут робот-курьер по имени Накадзина, запрограммированный ориентироваться во всех проходах и коридорах и проезжать через двери во все служебные помещения и рабочие участки комплекса, появился на силовой станции. Как и было приказано, Отокодат, не раздумывая, протянул заряд Накадзиме.

Накадзима был самодвижущимся роботом шестого поколения, способным воспринимать отдаваемые голосом команды, но не умеющим их подавать. Он молча протянул свой суставчатый захват, взял заряд, положил его в контейнер и покатил в центр контроля для доставки предмета на изучение.

В пятидесяти метрах от двери силовой подстанции, в месте, достаточно удаленном от людей и важного оборудования, пластиковая бомба с зарядом взрывчатки «Си-8» сдетонировала, и громоподобный рокот взрыва раскатился по бетонным коридорам пятого уровня.

Центр «Дракон» был спроектирован и построен с расчетом на самые сильные землетрясения, и каких-либо заметных разрушений его конструкций не произошло. Проект «Кайтен» остался нетронутым и готовым к действию. Единственным результатом срабатывания подложенной Уэзерхиллом бомбы оказалось полное разрушение курьера Накадзимы.

Глава 57

Охранники-роботы сообщили службе безопасности о странном происшествии в саду прежде, чем Питт успел поднять свой самолет с поворотными турбинами над живой изгородью. Поначалу сообщение роботов было сочтено результатом неверного визуального восприятия, но когда немедленный поиск Сумы оказался безуспешным, в помещениях службы безопасности поднялась безумная паника.

Из-за своего непомерного самомнения и параноидального пристрастия к секретности Хидеки Сума не проинструктировал своих старших управляющих, как им действовать в экстренных случаях в его отсутствие. Запаниковав, руководители службы безопасности попытались связаться с Каматори, но быстро обнаружили, что на их телефонные звонки и обращения по громко-говорящей связи никто не отвечает, а вызовы его персональных роботов-охранников также остались безответны.

Специальная оперативная группа, усиленная четырьмя вооруженными роботами, бросилась к апартаментам Каматори. Старший офицер громко постучал, но, не получив ответа, отступил в сторону, приказав одному из роботов взломать дверь, оказавшуюся запертой. Толстая непрозрачная стеклянная преграда была быстро разбита вдребезги.

Офицер осторожно прошел через пустую переднюю комнату, просматриваемую видеокамерой, и медленно вошел в комнату с трофеями. У него отвисла челюсть от невероятного зрелища. Моро Каматори висел на стене в вертикальном положении, его плечи поникли, глаза были широко открыты, а изо рта бежала струйка крови. Лицо Каматори было перекошено от боли и ярости. Офицер оцепеневшими глазами смотрел на рукоять сабли, торчавшую из паха Каматори; клинок проходил насквозь через его тело, приколов его к стене.

Изумленный офицер не мог поверить, что Каматори мертв. Он осторожно потряс его и попытался заговорить с ним. Через минуту до него наконец дошло, что опоздавший родиться самурайский воин уже больше никогда ничего не скажет. И только тут офицер впервые заметил, что пленники убежали и роботы-телохранители Каматори застыли в неподвижности там, где стояли.

Паника еще больше усилилась известиями об убийстве Каматори и почти одновременным взрывом на пятом ярусе. Ракеты класса «земля-воздух», размещенные по периметру острова, поднялись из своих бункеров, были нацелены и готовы к запуску, но команда на пуск не была отдана из-за неуверенности, не находится ли Сума на борту самолета.

Но вскоре действия людей Сумы стали управляемыми и целенаправленными. Видеозаписи роботов-охранников были заново

просмотрены, и они ясно показали, что Суму силой затащили на борт его самолета.

Стареющий главарь «Золотых драконов», Корори Ёсису, и его финансовая опора, Ичиро Цубои, находились в токийской конторе Цубои, когда до них дозвонился директор службы безопасности Сумы. Они немедленно приняли на себя руководство всеми действиями людей Сумы.

Через восемь минут после взрыва Цубои, воспользовавшись своим значительным влиянием в военных кругах, сумел организовать вылет двух реактивных истребителей в погоню за ускользающим самолетом с поворотными турбинами. Он приказал перехватить самолет и попытаться посадить — его обратно на остров Сосеки. Если это окажется невозможным, они должны будут уничтожить самолет со всеми, кто находится на его борту. Цубои и Ёсису согласились, что, несмотря на их многолетнюю дружбу с Сумой, для Проекта «Кайтен» и их новой экономической империи будет лучше, если Сума умрет, чем если станет орудием шантажа со стороны иностранной державы или, что еще хуже, окажется выставленным на показ публике в качестве обвиняемого перед американской судебной системой. И, кроме того, была устрашающая уверенность в том, что Суму заставят выдать детали японской секретной технологии и план экономического и политического господства американским специалистам по допросам из разведывательных служб.

Питт взял курс по компасу на то место, где корабль находился в тот момент, когда он покинул его, отправившись на остров Сосеки. Он выжимал из двигателей все, что мог, опасно превышая их расчетные нагрузки, пока Лорен отчаянно пыталась связаться с «Беннетом».

— Кажется, я не могу пробиться к ним.

— Ты на правильной частоте?

— Шестнадцатый диапазон высоких частот?

— Неверная частотная полоса. Переключи на УКВ и используй мое имя в качестве наших позывных.

Лорен установила переключатель на УКВ и снова набрала частоту. Затем она заговорила в микрофон, прикрепленный к наушникам у нее на голове.

— Питт вызывает американский корабль «Беннет», — сказала она. — Вы меня слышите? Вы меня слышите? Пожалуйста, ответьте.

— Говорит «Беннетт». — Ответ прозвучал так громко и ясно, что барабанные перепонки Лорен под наушниками чуть не лопнули. — Это

действительно вы, мистер Питт? У вас такой голос, как будто со времени нашей последней встречи вы сменили пол.

Самолет, который вел Питт, был засечен сверхчувствительными системами обнаружения «Беннетта» в ту же секунду, как он поднялся с земли. Как только стало ясно, что он взял курс на восток над морем, его отслеживала тактическая система электронной войны и разведки. Предупрежденный об этом инциденте в течение нескольких минут, капитан Харпер расхаживал по штабной каюте, каждые несколько секунд останавливаясь и заглядывая через плечи операторов, смотрящих на экраны радаров и мониторы компьютеров, анализирующих и усиливающих сигналы от приближающейся цели, стараясь распознать ее природу.

— Вы можете различить...?

— Либо самолет с поворотными роторами, либо с поворотными турбинами, — опередил оператор вопрос капитана. — Он поднялся вертикально, как вертолет, но приближается к нам слишком быстро для винтокрылой машины.

— Курс?

— Один-два-ноль. Похоже, что он направляется к тому месту, откуда мы запустили двух «Ибисов».

Харпер бросился к телефону и снял трубку.

— Радиорубку.

— Радиорубка слушает, сэр, — мгновенно послышался ответ.

— Есть какие-нибудь радиосигналы?

— Никаких, сэр. В эфире тихо.

— Позвоните мне в ту же секунду, как что-нибудь услышите. — Харпер положил трубку. — Курс меняется?

— Цель по-прежнему следует курсом один-два-ноль, слегка к югу от восточного направления, капитан.

Это должен быть Питт, хотя это и не может быть он. Но кто еще летел бы именно к этой точке? Совпадение? — гадал Харпер. Будучи не из тех людей, кто любит сидеть, ничего не предпринимая, он пробурчал приказ своему помощнику, стоящему рядом.

— Поверните на курс в сторону позиции, из которой мы запустили «Ибисов». Полный ход, пока я не прикажу вам что-нибудь другое.

Помощник знал, что Харпер предпочитает эффективность соблюдению протокола, поэтому он молча повернулся и быстро передал приказы на мостик.

— Вас вызывает радиорубка, капитан, — объявил один из матросов.

Харпер схватил трубку.

— Говорит капитан.

— Я принял сигнал от женщины, утверждающей, что она член Конгресса Лорен Смит. Она также утверждает, что мистер Питт ведет самолет, угнанный с острова Сосеки, на борту которого находится восемь пассажиров, включая сенатора Майкла Диаса и господина Хидеки Суму.

Поскольку Харпер находился слишком далеко в низу цепочки, по которой осуществлялось руководство операцией, чтобы его проинформировали о похищении Лорен и Диаса, его нельзя было винить в том, что он не сразу поверил этому сообщению.

— Они угнали самолет и похитили Суму? И откуда, черт возьми, Питт откопал парочку политиков на острове Сосеки? — Он помолчал, чтобы удивленно покачать головой, а затем отдал приказ по телефону. — Скажите тем, кто у вас на связи, кто бы это ни был, что я требую более конкретной информации.

Радист ответил через полминуты.

— Женщина клянется, что она член Конгресса Лорен Смит от штата Колорадо, и если вы не обеспечите им наведение на посадку и защиту от погони, если такая необходимость появится, то она собирается связаться с Роем Монро и потребовать, чтобы вас назначили командовать буксиром в Арктике. Я не тот человек, чтобы давать советы капитану, сэр, но если она дружит с секретарем флота, то она, должно быть, именно та, кем она представляется.

— Хорошо, теперь я согласен поверить ее словам. — Харпер нехотя подчинился. — Дайте им указания повернуть на двадцать градусов к югу и продолжать лететь этим курсом, пока мы не встретимся...

— Вижу два самолета, поднявшиеся с базы ВВС Сензю, — прервал их разговор оператор радара тактической системы наблюдения. — Конфигурация и скорость указывают на перехватчики «Мицубиси Равен» японских сил самообороны. Они ложатся на тот же курс, что и самолет с поворотными турбинами, и включают радарные установки.

— Черт побери! — выпалил Харпер. — Теперь нам придется иметь дело с японскими военными. — Он снова повернулся к своему дежурному офицеру.

— Известите тихоокеанское командование о нашей ситуации. Сообщите им, что я перехожу на боевое положение. Я намерен открыть огонь по преследователям, если они проявят какие-либо признаки враждебных действий. Я принимаю ответственность за защиту пассажиров на борту самолета с поворотными турбинами, исходя из убеждения, что они американские граждане.

Его дежурный помощник колебался,

— Вы не слишком рискуете, сэр?

— Пожалуй, не слишком. — Харпер лукаво улыбался. — Неужели вы всерьез полагаете, что меня отдадут под трибунал за то, что я собью вражеский самолет, чтобы спасти жизни двух членов Конгресса?

Аргументы Харпера были неотразимы. Помощник улыбнулся в ответ.

— Нет, сэр, полагаю, что вряд ли.

Питт поднял самолет на четыре тысячи метров и продолжал вести его на этой высоте. Время прижиматься к воде прошло. Он вышел за пределы радиуса действия ракетных систем острова и теперь шел прямо на «Ральф Р.Беннетт». Он расслабился и надел наушники с микрофоном, висевшие на подлокотнике его кресла.

— Осталось восемьдесят километров, — тихо сказал он. — Корабль вот-вот появится на горизонте прямо по курсу.

Джиордино сменил Лорен в кресле второго пилота и с удивлением смотрел на показания топливомера.

— Наземная команда Сумы пожадничала с топливом. Через десять минут мы будем лететь на парах.

— Им нужно было только частично заправить баки для короткого перелета с острова Сосеки и обратного пути из Эдо-Сити, — сказал Питт. — Я здорово гнал самолет и тратил топливо очень щедро.

— Теперь тебе лучше не спешить и расходовать его экономно.

В их наушниках раздался щелчок и послышался громкий голос:

— Говорит капитан Харпер.

— Рад слышать вас, капитан. — Это Дирк Питт. Продолжайте.

— Терпеть не могу сообщать дурные новости, но за вами увязались два японских комара.

— Этого только не хватало, — пробормотал Питт. — Как скоро они перехватят нас?

— Наши компьютеры сообщают, что они окажутся у вас на хвосте за пятнадцать-двадцать километров до нашей встречи.

— Нам крышка, если они атакуют, — сказал Джиордино, постукивая пальцами по стеклу топливо-мера.

— Ваши дела не так уж плохи, как вы думаете, — медленно проговорил Харпер. — Наши электронные средства подавления уже глушат их радарные системы наведения ракет. Им придется зайти почти прямо над вами, чтобы запустить ракеты визуально.

— Вы можете чем-нибудь пальнуть в них, чтобы сбить их прицел?

— Наше единственное оружие — тридцатимиллиметровый «Морской вулкан».

— Немногим лучше, чем детская пукалка, — жалобно сказал Джиордино.

— Должен вам сообщить, что эта пукалка, как вы ее называете, может производить сорок две сотни выстрелов в минуту и плеваться на восемь километров, — ответил Харпер.

— На добрых пять километров меньше, чем нужно, и слишком поздно, — сказал Питт. — Есть еще какие-нибудь идеи?

— Подождите. — Прошло целых две минуты, прежде чем Харпер снова заговорил. — Вы можете сесть под прикрытием нашего заградительного огня, если переведете самолет в пикирование и выведете его из пике на нашу палубу. Увеличенная скорость во время снижения позволит вам выиграть дополнительные четыре минуты до перехвата.

— Я не вижу никакого выигрыша, — сказал Джиордино. — Наши преследователи тоже спикируют.

— Не подходит, — ответил Питт Харперу. — Мы будем как беспомощная утка, скользя над волнами. Лучше оставаться на высоте, где у меня еще остается пространство для маневра.

— Они весьма сообразительные парни, — ответил Харпер. — Они планируют загодя. Мы отследили, что они сближаются на высоте двенадцати сотен метров, на двадцать восемь сотен метров ниже вас. Мне кажется, они собираются срезать вас при снижении во время захода на посадку.

— Продолжайте.

— Если вы воспользуетесь тактикой, разработанной нашими компьютерами, вы увеличите ваши шансы сесть под прикрытием нашего заградительного огня. Кроме того, и это жизненно важно, как

только они окажутся в радиусе досягаемости нашего «Вулкана», у нас будет свободное поле огня над вами.

— Вы меня убедили, — сказал Питт. — Мы начнем снижение через сорок секунд. — Он повернулся к Лорен, сидевшей в кресле за дверью кабины.

— Посмотри, чтобы все были хорошо пристегнуты. Нам придется немного заняться рок-н-роллом.

Лорен быстро обошла салон, проверив, как привязаны Сума и Тоси, предупредив остальных. Всякие отзвуки веселья, охватившего было спасшихся членов группы МОГ, быстро угасли, и в салоне воцарилось мрачное настроение. Только японский промышленник неожиданно приобрел счастливый вид. Сума улыбался, как статуя Будды.

В кабине Питт быстро проделал серию упражнений для растяжки мышц и разработки суставов. Он сделал несколько глубоких вдохов и затем помассировал ладони и пальцы, как будто он был концертирующим пианистом, собирающимся сразиться со Второй венгерской рапсодией Листа.

— Восемнадцать километров и быстро приближаются, — услышал он голос Харпера.

Питт сжал руками штурвал и кивнул Джиордино.

— Ал, считывай мне показания измерителей высоты и скорости воздуха.

— С удовольствием, — сказал Джиордино без малейших признаков беспокойства. Он всецело полагался на Питта.

Питт нажал кнопку передатчика своего радио.

— Выполняю пикирование, — сказал он тоном патологоанатома, объявляющего о начале вскрытия трупа. Затем он крепко сжал руками штурвал и передвинул его вперед, гадая, что он скажет, когда встретит дьявола. Самолет опустил нос вниз, и его двигатели завизжали, когда он устремился к огромному синему морю, заполнявшему теперь все ветровое стекло кабины.

Глава 58

Цубои положил в сторону телефонную трубку и страдальчески взглянул через стол на Корори Ёсису.

— Наш истребитель передал, что самолет Хидеки совершил маневр, чтобы уйти от погони. У них нет времени заставить его вернуться на остров Сосеки до его встречи с американским военным кораблем. Командующий полетом запрашивает наше подтверждение приказа сбить самолет.

Ёсису отвечал, сначала немного подумав. Мысленно он уже смирился со смертью Сумы. Он затянулся сигаретой и кивнул.

— Если нет другого выхода, Хидеки должен умереть, чтобы спасти то, что мы все с таким трудом строили многие годы.

Цубои заглянул в глаза старого дракона и не увидел в них ничего, кроме суровой решимости. Тогда он заговорил в трубку:

— Приказ на уничтожение подтвержден.

Когда Цубои положил трубку, Ёсису пожал плечами.

— Хидеки лишь один из длинной череды тех, кто пожертвовал своей жизнью ради нашей новой империи.

— Это так, но американское правительство не будет счастливо потерять двух своих законодателей в том же инциденте.

— На президента окажут давление наши лоббисты и друзья в том же правительстве, чтобы он сказал мало и не сделал ничего, — сказал Ёсису с трезвой уверенностью. — Возмущение будет сосредоточено на Хидеки. Мы останемся в тени, не задетые штормом.

— И очень осторожно возьмем на себя управление его корпорациями.

Ёсису медленно кивнул.

— Это закон нашего братства.

Цубои посмотрел на старика с еще большим, чем ранее, уважением. Он понял, как Ёсису удалось выжить, когда несчетное число других авторитетов уголовного мира и «золотых драконов» сгинули за эти годы. Он знал, что Ёсису умел мастерски манипулировать другими людьми, и, кто бы не становился у него на пути, как бы ни были сильны его враги, он ни разу не потерпел поражения. Он был, как теперь, наконец, понял Цубои, самым могущественным человеком в мире, не занимавшим никакой официальной должности.

— Мировые средства массовой информации подобны жадному дракону, накидывающемуся на любой скандал, — продолжал Ёсису. — Но ему быстро надоедает его вкус, и он переходит к другому скандалу. Американцы быстро забывают. Смерть двух из их бесчисленных политиков быстро сотрется из их памяти.

— Хидеки вел себя, как дурак! — резко выпалил Цубои. — Он начал думать, что он Бог. И, как большинство людей, когда они становятся слишком могущественными и самовлюбленными, он допустил тяжкие ошибки. Похищение американских законодателей на их собственной земле было просто идиотским поступком.

Ёсису не стал отвечать немедленно, но посмотрел через стол на Цубои. Затем быстро произнес:

— Ты мне как внук, Ичиро, а Хидеки был как сын, которого у меня никогда не было. Вина лежит на мне. Если бы я крепче держал его в руках, это несчастье не случилось бы.

— Ничего не изменилось, — пожал плечами Цубои. — Попытка американских шпионов сорвать Проект «Кайтен» была предотвращена. Мы столь же могущественны, как и прежде.

— И все же нам будет очень не хватать Хидеки. Мы обязаны ему многим.

— Я бы ожидал не меньшего, если бы мы поменялись с ним местами.

Я уверен, что ты без колебаний бросился бы на меч, если бы это было необходимо, — сказал Ёсису со снисходительной улыбкой.

Цубои был слишком самоуверенным, чтобы даже принимать во внимание возможность неудачи. Он принадлежал к новому поколению и никогда не имел ни малейшего намерения отойти в сторону, воткнув нож себе в живот.

— Наша финансовая и промышленная империя будет расширяться и далее, без Хидеки, — сказал он без сожаления. — Мы должны укрепить свои сердца и двигаться вперед.

Ёсису заметил честолюбивое выражение в глазах Цубои. Молодому финансовому кудеснику не терпелось вступить в права наследника всего оставленного Сумой.

— Я поручаю тебе, Ичиро, организовать подходящую церемонию в честь нашего друга, когда мы будем чествовать его дух у Ясукуни, — сказал Ёсису, упомянув Суму так, будто он уже несколько дней был мертв.

Цубои отмахнулся от этих слов взмахом руки. Он вскочил на ноги и наклонился над столом.

— Теперь, Корори, когда Проект «Кайтен» полностью готов к действию, мы должны улучить момент, чтобы подорвать экономическую независимость Европы и Америки.

Ёсису кивнул головой, и седые волосы упали ему на лоб.

— Я согласен, что смерть Хидеки не должна привести к отсрочке наших планов. Ты должен немедленно вернуться в Вашингтон и продиктовать наши требования президенту относительно расширения наших финансовых предприятий в Америке.

— А если он отвергнет наши требования?

— Я многие годы изучал этого человека. Он реалист. Он поймет, что мы бросаем канат его умирающей стране. Он знает о нашем Проекте «Кайтен» и что он способен сотворить. Отбрось опасения, Президент Соединенных Штатов пойдет на сделку, как и Конгресс. Какой у них остался выбор?

— Двадцать две сотни, — бубнил Джиордино, произнося вслух высоту в метрах и скорость набегающего воздушного потока в узлах. — Скорость пять-двадцать.

Океан быстро приближался, белые буруны стали больше. Они проносились через клочья облаков. Скорость почти не ощущалась, только слышался рев турбин, которые Питт держал включенными на полную мощность. Определить на глаз высоту над водой было почти невозможно. Питт поручил это дело Джиордино, который в свою очередь доверился приборам, которые должны были предупредить его, когда пора выходить из пике.

— Где они? — спросил Питт в микрофон.

— Это Рей Симпсон, Дирк, — донесся голос офицера, который инструктировал их насчет «Ибисов». — Я буду направлять тебя на посадку.

— Где они? — повторил Питт.

— В тридцати километрах и быстро приближаются.

— Меня это не удивляет, — сказал Питт. — Они могут делать более чем на тысячу узлов больше, чем этот автобус.

— Пятнадцать сотен, — зачитывал Джиордино. — Скорость пять-двадцать.

— Жаль, что я не удосужился пролистать руководство для пилота, — пробормотал Питт себе под нос.

— Двенадцать сотен метров. Скорость шесть-пятьдесят. Похоже, неплохо получается.

— Откуда ты знаешь?

— Я подумал, что уместно сказать так, — пожал плечами Джиордино.

В ту же секунду сигнал тревоги раздался в кабине. Они загнали самолет за пределы его безопасной расчетной скорости в неизведанные режимы полета.

— Одна тысяча метров. Скорость семь-сорок. Крылышки, не подведите нас теперь.

Цель оказалась в пределах визуального диапазона, и пилот ведущего японского истребителя поместил красную точку, появившуюся на экране телевизионного монитора его системы наведения ракет, на пикирующий самолет с поворотными турбинами. Оптический компьютер выдал серию управляющих запуском команд и пустил ракету.

— Ракета «воздух-воздух» в полете, — предупредил их Симпсон зловещим голосом.

— Предупреди, когда она будет в километре от меня, — быстро приказал Питт.

— Шестьсот метров, — напомнил Джиордино Питту. — Скорость восемьсот. Теперь пора.

Питт не стал тратить дыхание на ответ, а потянул штурвал на себя. Самолет среагировал, словно это был планер, схваченный гигантской рукой. Постепенно, идеально ровной дугой, он перешел к горизонтальному полету на опасно низкой высоте, меньше чем в семидесяти метрах над водой.

— Ракета приближается, расстояние три километра, — сказал Симпсон, его голос был невыразительным и отчужденным.

— Ал, приготовься повернуть турбины на максимальный угол, — неуверенно сказал Питт.

Почти в ту же секунду, казалось, Симпсон выкрикнул:

— Один километр.

— Давай!

Джиордино молниеносным движением перебросил рычаги установки наклона двигателей из горизонтального положения в вертикальное.

Самолет, казалось, подпрыгнул, из горизонтального полета отклонившись почти на девяносто градусов вверх. Его тряхнуло, и всех бросило вперед неожиданным изменением импульса и направленной вверх тягой двигателей, все еще включенных на максимальную мощность.

Ракета скользнула ниже, разминувшись с брюхом самолета меньше чем на два метра. И затем она исчезла, промелькнув прочь и в конце концов упав в море.

— Прекрасная работа, — похвалил Питта Симпсон. — Вы подходите к зоне досягаемости нашего «Вулкана». Старайтесь оставаться на малой высоте, чтобы у нас было свободное поле огня над вами.

— Нам потребуется некоторое время, чтобы перевести снова этот автобус в горизонтальный полет к вашей палубе, — сказал Питт Симпсону, и разочарование проявилось в углубившихся морщинах на его лице. — Я потерял скорость.

Джиордино вернул турбины в горизонтальное положение, пока Питт удерживал самолет, стараясь перевести его в горизонтальный полет с минимальной потерей высоты. Он выровнялся и направился прямо к маячившему впереди кораблю в каких-то двадцати метрах над водой. Питту он казался неподвижным бумажным корабликом на пластмассовом море, выглядывающим из-за гребней волн.

— Истребители приближаются, но нет никаких признаков запуска ракет, — раздался тревожный голос Симпсона. — Они медлят до последней секунды, чтобы успеть среагировать на твой следующий маневр. Ты бы лучше садился на палубу, и побыстрее.

— Я иду сейчас на уровне гребней волн, — ответил Питт.

— И они тоже. Один над другим, так что ты не можешь снова прыгать, как летающее блюдце.

— Должно быть, они читают наши мысли, — спокойно заметил Джиордино.

— Поскольку у вас нет скрамблера для шифрования голоса, они слушают каждое ваше слово, — предупредил их Симпсон.

— Мог бы и раньше нам об этом сказать.

Питт смотрел через ветровое стекло на «Ральф Р. Беннетт». У него было такое чувство, что стоит ему протянуть руку, и он коснется огромной антенной решетки.

— Следующее действие спектакля за вами, «Беннетт». Мы исчерпали наш набор сюрпризов.

— Ворота в крепость открыты, — неожиданно раздался голос Харпера. — Поверните на пять градусов к корме и не забудьте нырнуть, когда появится почта.

— Ракета пущена, — сказал Симпсон.

— Слышу, — ответил Питт, — но мне некуда деваться.

Питт и Джиордино инстинктивно сгруппировались в ожидании удара и взрыва. Они были так же беспомощны, как возвращающиеся в голубятню голуби, на которых напал коршун. Внезапно их спасители выплеснули шквал огня, пронесшийся прямо перед носом их самолета и прогремевший у них над головами и далее к хвосту.

«Морской вулкан» «Беннетта» проснулся. Семь стволов современной пушки Гатлинга вращались вокруг общей оси и делали 4200 выстрелов в минуту, выбрасывая такой плотный поток огня, что траекторию снарядов можно было увидеть невооруженным глазом. Струя рассекала небо, пока не встретила подлетающую ракету, взорвавшуюся грибообразным облачком пламени меньше чем в двухстах метрах за хвостом ускользающего самолета с поворотными двигателями.

Затем она направилась к ведущему истребителю, поймала его и срезала напрочь одно крыло, как зубы ломтик жареного картофеля. Истребитель «Ворон» концерна «Мицубиси» несколько раз перевернулся в воздухе и рухнул в воду со страшным всплеском. Второй истребитель ушел в крутой вираж, едва увернувшись от потока снарядов, безжалостно приближавшихся к выхлопной струе его двигателей, и поспешил лечь на обратный курс в направлении Японии. Лишь тогда «Морской вулкан» замолчал, и его последний снаряд описал дугу в синеве и упал в море, превратив гребни волн в белую пену.

— Сажайте вашу машину, мистер Питт. — Огромное облегчение ясно слышалось в голосе Харпера. — Ветер с правого борта, скорость семь узлов.

— Спасибо, капитан, — сказал Питт. — И спасибо вашей команде. Это была отличная стрельба.

— Все дело в том, чтобы знать, как нужно любить вашу электронику.

— Начинаю окончательное приближение.

— Жаль, что у нас нет духового оркестра и подходящей к такому случаю комиссии для встречи высоких гостей.

— Звезды и полосы, развевающиеся на ветру, вполне сгодятся.

Через четыре минуты Питт посадил самолет с поворотными двигателями на вертолетной площадке «Беннетта». Лишь после этого он глубоко вздохнул, утонул в своем кресле и расслабился, пока Джиордино заглушал двигатели.

Впервые за несколько недель он чувствовал себя в безопасном и надежном месте. В его ближайшем будущем больше не маячили опасности и неожиданности. Его роль в операциях группы МОГ была завершена. Он думал только о том, как вернуться домой, а затем, может быть, отправиться понырять в теплых водах Пуэрто-Рико или Гаити, если удастся, то вместе с Лорен.

Питт рассмеялся бы от абсолютной невозможности в это поверить, если бы сейчас кто-нибудь вошел в кабину и предсказал, что не пройдет и

нескольких недель, как адмирал Сэндекер будет произносить эвлогию на его поминальной службе.

Часть IV

Дыхание матери

Глава 59

20 декабря 1993 г.
Вашингтон, округ Колумбия

— Они выбрались оттуда! — ликующе объявил Джордан, резким движением бросив телефонную трубку в кризисном штабе Агентства национальной безопасности, расположенном глубоко под Белым домом. — Нам только что сообщили, что наша группа МОГ покинула остров Сосеки.

Дейл Николс подозрительно посмотрел на Джордана.

— Это точно?

Джордан кивнул с видом полной уверенности.

— Информация надежная. Их атаковали истребители японских сил самообороны, но они ускользнули от преследования.

Президент подошел к своему креслу.

— Где они сейчас?

— Благополучно приземлились на борт «Ральфа Р. Беннетта», разведовательного корабля ВМФ, дежурившего в ста километрах от острова.

— Потери есть?

— Никаких.

— Слава Богу за это.

— Но это еще не все, далеко не все, — сказал Джордан, заведенный, как часовая пружина. — Они доставили с собой на борт нашего корабля члена Конгресса Смит, сенатора Диаса и Хидеки Суму.

Президент и все прочие смотрели на него с безмолвным удивлением. Наконец Николс произнес:

— Как это им удалось?

— Подробности пока очень отрывочны, но коммодор Харпер, капитан «Беннетта», сказал, что Дирк Питт и Ал Джиордино захватили самолет, который должен был доставить Смит и Диаса в Эдо-Сити. Они как-то

ухитрились схватить Суму и его секретаршу и взлететь в поднявшейся суматохе.

— Сума, — восхищенно произнес директор ЦРУ Мартин Броган. — Ну, это нам подарочек прямо с неба.

Удивление и радость в глазах президента сменились задумчивостью.

— Это придает ситуации совершенно новый аспект.

— В этих обстоятельствах, господин президент, — сказал министр обороны Джесси Симмонс, — я советую отменить ядерный удар по центру «Дракон».

Президент взглянул на большие часы, ведущие обратный счет времени до ядерной атаки на стене кризисного штаба. На них было десять минут до запуска.

— Ради Бога, конечно, да, отзовите приказ.

Симмонс просто кивнул генералу Клейтону Меткалфу, председателю Объединенного комитета начальников штабов, который тут же схватил телефонную трубку и начал отдавать распоряжения. Через полминуты Меткалф кивнул.

— Они остановлены на стартовых площадках.

Государственный секретарь Дуглас Оутс просто сиял от радости.

— Еле успели, господин президент. Я был против ядерного удара с самого начала.

— Центр «Дракон» и Проект «Кайтен» никуда не делись, — напомнил президент Оутсу. — Они все еще представляют грозную опасность. Кризис просто перешел из острой стадии к временной передышке.

— Верно, — продолжал настаивать Оутс, — но теперь, когда Сума в наших руках, мы, можно сказать, держим змею за голову.

— Не могу дождаться, что наши специалисты по допросам сумеют вытянуть из него, — радостно заметил Броган.

Оутс покачал головой, решительно не соглашаясь с этим.

— Сума — это не мелкая рыбешка в пруду. Он один из богатейших и влиятельнейших людей в мире. Не следует ожидать, что можно применять к нему жесткую тактику без самых тяжких последствий.

— Как он с нами, так и мы с ним. — В голосе Джордана звучало удовлетворение. — Я не вижу причин проявлять милосердие к человеку,

похитившему двух членов Конгресса и собиравшемуся взорвать атомные бомбы на американской земле.

— Я согласен с тобой, Рой, — сказал Броган, кисло улыбнувшись Оутсу. — Этот парень настолько растленный, насколько это только возможно. Я готов поспорить на обед со всеми здесь присутствующими, что японское правительство промолчит и не предъявит никаких протестов.

Оутс был непоколебим.

— Не в наших национальных интересах действовать, подобно варварам.

— Хорошие парни финишируют последними, — сказал Джесси Симмонс. — Если бы мы проводили твердую линию, как русские, у нас не было бы заложников в Ливане.

— Джесси прав, — согласился Николс. — Мы были бы последними идиотами, если бы отпустили его, чтобы он мог вернуться в Японию и возобновить свою частную войну против нас.

Броган сказал:

— Премьер-министр Дзансиро и его кабинет не посмеют поднять шум, иначе вся эта грязная история просочится в мировую печать и обрушится на них как тонна кирпичей. Нет, ты не прав, Дуг, следующий шаг в устранении этой страшной угрозы нашему народу должен состоять в том, чтобы выкручивать Суме руку до тех пор, пока он не выдаст точные места нахождения заминированных машин.

Президент обвел глазами стол с выражением усталости и терпения.

— Мистер Сума не является другом нашей страны. Он полностью в твоем распоряжении, Мартин. Заставь его петь, как канарейка. Нам нужно добраться до этих бомб и обезвредить их чертовски быстро.

— Как скоро сможет флот эвакуировать Суму с «Беннетта»? — повернулся Броган к Симмонсу.

— У нас нет авианосцев в этой части океана, — ответил министр обороны, — так что придется подождать, когда корабль окажется в пределах радиуса действия вертолетов от острова Уэйк, ближайшей точки, откуда мы можем забрать его самолетом.

— Чем скорее Сума окажется в Вашингтоне, тем скорее мы сможем вытянуть из него эти данные, — заявил Броган.

Президент кивнул.

— Мне также будет интересно узнать, что увидели член Конгресса Смит и сенатор Диас.

Дон Керн вошел в комнату и тихо зашептал что-то на ухо Джордану, кивавшему, пока он слушал, и затем посмотревшему на президента.

— Похоже, что наши друзья из НУМА решили для нас еще одну проблему. Коммодор Харпер сообщил, что самолет с поворотными турбинами, который Питт и Джиордино захватили для полета с острова Сосеки, был заправлен на борту «Беннетта». Они в воздухе и летят сейчас к острову Уэйк, пока мы тут разговариваем.

Внимание президента переключилось на Меткалфа.

— Генерал, я поручаю вам организовать доставку Сумы и наших законодателей в столицу военным транспортом настолько быстро, насколько это в человеческих силах.

— Я прикажу Генералу Дьюку Маккею, командующему базой ВВС Андерсон на Гуаме, выслать на остров Уэйк свой личный реактивный самолет. Он будет ждать на земле, когда Питт сядет.

Теперь президент посмотрел на Джордана.

— Каков статус центра «Дракон»?

— Сожалею, сэр, — ответил Джордан. — Сообщения коммодора Харпера были очень кратки. В них не было ни слова от нашей группы МОГ, удалось ли им выполнить задачу.

— Тогда мы не узнаем ничего, пока они не доберутся до острова Уэйк.

— Ничего, сэр.

Оутс бросил на Джордана неприязненный взгляд.

— Если ваши люди не справились с заданием помешать центру «Дракон» стать работоспособным, может произойти ужасное несчастье.

Джордан в ответ посмотрел на Оутса не более дружелюбно.

— Если они вернулись целыми и невредимыми, значит, они сделали то, для чего их посылали.

— Мы не знаем это наверняка.

— Даже если это так, мы заведомо получили передышку, раз архитектор и строитель Проекта «Кайтен» в наших руках, — сказал Симмонс. — Остальные участники заговора Сумы будут деморализованы. Они не посмеют предпринять серьезных агрессивных действий, когда их лидер у нас под колпаком.

— Боюсь, что ваша теория не выдержит испытания практикой, — медленно произнес Джордан. — Мы невнимательно отнеслись к сообщению Харпера с «Беннетта».

— Там что-нибудь есть об этом? — спросил президент.

— Та часть, где говорится о том, что самолет ускользнул от нападения японских истребителей.

Джордан кивнул.

— Они должны были знать, что Сума находится на борту. И все же они пытались его сбить.

Симмонс постукивал пальцами по своему блокноту, пока говорил.

— Тогда мы должны предполагать, что они… кто бы ни были эти они…

— Старый король японского преступного мира, Корори Ёсису, и его дружок, финансист Ичиро Цубои, — объяснил Джордан, перебив Симмонса. — Они являются криминальными компаньонами Сумы по его промышленной империи.

— Тогда мы должны предполагать, — повторил Симмонс, — что Хидеки Суму есть кому заменить.

— Похоже, что это так, — сказал Керн, впервые произнеся что-то вслух за все это время.

— Откуда следует, что Ёсису и Цубои могут войти в центр и активизировать системы детонации, — предположил президент.

Выражение оптимизма на лице Брогана начало медленно исчезать.

— После того как Сума оказался в наших руках, трудно сказать, как они будут реагировать.

— Может быть, мне следует снова отдать приказ о ядерном ударе, — не то серьезно, не то шутя сказал президент.

Джордан отрицательно покачал головой.

— Не прямо сейчас, господин президент. Есть другой способ добиться отсрочки для того, чтобы заново оценить ситуацию.

— Что у тебя на уме, Рей?

— Мы позволим японцам перехватить сообщение капитана Харпера, в котором будет говориться, что самолет, на котором находились Диас, Смит и Сума, упал в море и разбился, а все пассажиры погибли.

Броган скептически отнесся к этому предложению.

— Вы думаете, они клюнут на это?

— Скорее всего, нет, — сказал Джордан с лукавым видом, — но готов биться об заклад, что они будут размышлять над этим до тех пор, пока мы не уничтожим Проект «Кайтен» к чертовой матери.

Глава 60

Как и обещал председатель Объединенного комитета начальников штабов, персональный пассажирский реактивный самолет ВВС С-20 генерала Маккея стоял рядом со взлетной полосой, протянувшейся через весь остров Уэйк, когда Питт опустил свой самолет с поворотными турбинами на размеченную вертолетную площадку рядом с небольшим зданием аэродрома.

Мэл Пеннер прилетел с Палау и ждал, зажав уши ладонями от рева турбин, когда колеса самолета опустились на бетон. Площадка была оцеплена и охранялась почти двадцатью полицейскими. Пеннер подошел к самолету и в ожидании встал у дверцы. Она распахнулась, и Уэзерхилл первым вышел из салона.

Пеннер шагнул вперед, и они обменялись рукопожатиями.

— Рад видеть, что ты по-прежнему среди живых.

— Я тоже этому рад, — ответил Уэзерхилл, улыбаясь до ушей. Он оглянулся вокруг на окруживших самолет военных полицейских ВВС. — Мы не ожидали встретить здесь целую делегацию по приему почетных гостей.

— Вы были главной темой горячей дискуссии в Белом доме. Вы действительно прихватили с собой Суму?

Уэзерхилл кивнул.

— А еще Диаса и Смит.

— У вас неплохой улов.

Стаси сошла вниз и тоже удивилась, увидев Пеннера и охрану.

— Что-то подсказывает мне, что мы не собираемся наполнить баки и продолжать наш полет на Гавайи, — сказала она, крепко обнимая Пеннера.

— Увы, нет. Здесь находится пассажирский самолет ВВС, посланный доставить Суму и законодателей в Вашингтон. Их будут сопровождать и охранять военные разведчики. Всем остальным приказано остаться здесь, на острове Уэйк, для встречи с группой высокопоставленных шишек, посланных Джорданом и президентом.

— Сожалею, что мы не могли послать вам больше данных, — объяснил Уэзерхилл, — но мы подумали, что лучше не доверять эту информацию радиоволнам и доложить ее лично.

— Джордан согласился с этим. Вы приняли правильное решение.

Уэзерхилл протянул Пеннеру папку, заполненную аккуратно напечатанными страницами.

— Вот полный отчет.

Пеннер уставился на отчет непонимающим взглядом.

— Как?

Уэзерхилл жестом показал назад, в салон самолета.

— Сума оборудовал его полностью, как летающий офис, чтобы вести дела на борту. Мы написали его во время полета с помощью текстового процессора.

Манкузо высунул голову из дверцы.

— Привет, Мэл. Ты захватил бумажные тапочки для вечеринки и шампанское?

— Рад видеть тебя, Фрэнк. Когда я могу встретиться с вашими пассажирами?

— Мы их сейчас отправляем. Тебе придется минутку подождать наших японских гостей, мне их надо сначала отвязать.

— Вы держите их связанными?

— Они временами капризничают.

Лорен и Диас спустились на бетон, щурясь от яркого солнца, и были представлены Пеннеру, сообщившему им, куда и как они полетят дальше. Затем Манкузо вывел Тоси и Суму, крепко держа под руки каждого из них.

Пеннер слегка поклонился.

— Добро пожаловать в Соединенные Штаты, мистер Сума, но я не думаю, что вам понравится пребывание здесь.

Сума бросил на Пеннера презрительный взгляд, который он приберегал для существ низшего сорта, и вел себя так, будто разведчик-оперативник был невидимым.

Тоси смотрела на Пеннера с нескрываемой ненавистью.

— Вы должны обращаться с господином Сумой с надлежащим уважением. Он требует, чтобы его немедленно освободили и вернули в Японию.

— О, его непременно вернут, — с издевкой сказал Пеннер. — После того как он насладится полностью оплаченным отпуском в столице нашей страны, любезно предоставленным ему американскими плательщиками.

— Вы нарушаете международное право, — сказал Сума угрожающим тоном. — И если вы не освободите нас, возмездие будет быстрым, и многие ваши соотечественники умрут.

Пеннер повернулся к Уэзерхиллу.

— Может он подкрепить свою угрозу?

Уэзерхилл посмотрел на Суму.

— Сожалею, но вы можете забыть о центре «Дракон». Его самый лакомый кусочек мы вырезали.

— Вы добились успеха? — спросил Пеннер. — Рей Джордан и Дон Керн от нетерпения узнать об этом лезут на стенки.

— Лишь временная мера. У нас едва хватило взрывчатки, чтобы взорвать жгут волоконно-оптических кабелей. Через несколько дней они исправят это повреждение.

С самолета сошел доктор Джош Ногами, которого приветствовал Пеннер.

— Большое удовольствие встретиться с вами, док. Мы признательны за ваши усилия по передаче нам информации. Ваша помощь была неоценимой.

Ногами скромно пожал плечами.

— Жаль, что мне не удалось спасти Джима Хана-муру.

— Вы бы могли выдать себя, если бы попытались это сделать, и тогда вас тоже могли убить.

— Мистер Питт сделал все, что мог, чтобы этому помешать, и преуспел. — Ногами огляделся вокруг, но не увидел знакомых лиц. — Похоже, я теперь агент без задания.

— Когда наш заместитель директора по оперативному планированию, Дон Керн, узнал, что вы находитесь на борту, он сделал запрос, чтобы вас временно прикомандировали к нам. Ваш начальник согласился. Если вы не против поработать несколько дней с кучкой провинциалов,

ваше знание расположения помещений центра «Дракон» было бы нам чрезвычайно полезно.

Ногами кивнул.

— Погода здесь в любой день лучше, чем в дождливом Лондоне.

Прежде чем Пеннер смог ответить, Джиордино выпрыгнул из самолета и подбежал к взводу военных полицейских ВВС, сопровождающих Суму и Тоси к ждущему их С-20. Он подбежал к офицеру, командующему этим взводом, и попросил его на несколько секунд остановить процессию.

Джиордино был выше Тоси лишь на полсантиметра. Он посмотрел ей прямо в глаза.

— Дорогуша, жди меня.

Она посмотрела на него с удивлением и досадой.

— О чем вы говорите?

— Об ухаживании, любовном преследовании, о ласке, о привязанности, о предложении. Как только я смогу догнать тебя, я намерен сделать тебя счастливейшей из всех женщин на свете.

— Вы сумасшедший!

— Это лишь одно из моих многочисленных достоинств, — с обаятельной улыбкой сказал Джиордино. — Ты обнаружишь множество других в ближайшие годы.

Как ни удивительно, Тоси была тронута. По какой-то странной причине, которую она не в силах была понять, она начала находить совсем неяпонский подход Джиордино привлекательным. Ей пришлось приложить усилия, чтобы подавить все признаки дружелюбия, которое она начала испытывать к нему.

Джиордино уловил ее неуверенность и обхватил ее нежные плечи своими здоровенными ручищами, быстро поцеловал ее в губы и улыбнулся.

— Я догоню тебя, как только смогу.

Она все еще продолжала безмолвно смотреть на него через плечо, когда Пеннер взял ее за локоть и бесцеремонно увел прочь.

Питт сопровождал Лорен к самолету С-20 после того, как Сума, Тоси и Диас заняли места в салоне. Они молча шли к самолету, чувствуя, как солнечное тепло и влажный ветерок ласкают кожу.

Лорен остановилась в нескольких метрах от трапа, посмотрев Питту в глаза.

— Кажется, кто-то из нас двоих вечно приходит и уходит.

Он кивнул.

— Мы всегда заняты каждый своими делами. И наши деловые расписания никогда не пересекаются.

— Может быть, однажды… — Ее голос тихо умолк.

— Однажды непременно, — понимающе сказал он.

— Ты не собираешься вернуться?

Он пожал плечами.

— Я не знаю. Алу и мне приказано остаться здесь.

— Они не могут снова послать тебя на этот чертов остров. Не сейчас.

— Я ведь морской инженер, ты же помнишь? Я буду последним человеком, которого они могли бы послать атаковать центр «Дракон» с шестиствольной базукой.

— Я поговорю с президентом и потребую, чтобы тебя с Алом отправили домой.

— Не слишком выкладывайся, — легко сказал он. — В это время мы, вероятно, опять будем лететь на восток.

Она встала на цыпочки и мягко поцеловала его в губы.

— Спасибо тебе за все.

Питт улыбнулся.

— Я все готов сделать, чтобы доставить удовольствие симпатичной леди.

Слезы начали подступать у нее к глазам. Она каким-то образом знала, что ей нескоро суждено увидеть его. Она внезапно отвернулась и побежала по трапу в самолет.

Питт стоял и смотрел ей вслед. Затем помахал рукой, когда ее лицо появилось за стеклом иллюминатора, но когда Лорен снова стала искать его глазами, пока самолет выруливал на взлетную полосу, он уже ушел.

Глава 61

Цубои отказывался поверить этому. Расставшись с Есису и в страшной спешке добравшись от Токио в Эдо-Сити и затем в центр «Дракон», чтобы принять на себя командование, он стоял теперь в помещении

центра управления, закипая от ярости. — Что значит, что вы не можете взорвать ни одной заминированной машины? — решительно требовал он ответа.

Такеда Куродзима, главный управляющий центра «Дракон», был крайне смущен. Он беспомощно озирался вокруг, в поисках моральной поддержки у своей маленькой армии инженеров и ученых, но они все потупили глаза в пол, словно надеясь, что сквозь него можно провалиться.

— Только господин Сума знает эти коды, — ответил Куродзима, разводя руками. — Он лично запрограммировал систему кодов для сигналов активации взрывателей и детонации.

— Сколько времени вам потребуется для перепрограммирования этих кодов?

Куродзима снова посмотрел на своих подчиненных. Они начали быстро переговариваться между собой. Затем, словно о чем-то они наконец договорились, один из них шагнул вперед и забормотал так тихо, что Цубои не мог разобрать его слов.

— Что? Что вы сказали?

Куродзима наконец посмотрел Цубои в глаза.

— Трое суток, нам понадобится трое суток как минимум, чтобы стереть командные коды господина Сумы и перепрограммировать систему.

— Так долго?

— Это не простая и не быстрая процедура.

— Каков статус водителей-роботов?

— Их программа доступна, — ответил Куродзима. — Господин Сума не вводил коды, инициирующие их системы вождения и ориентирования.

— Двое суток, сорок восемь часов. Это все, что у вас есть, чтобы сделать Проект «Кайтен» полностью готовым к действию. — Цубои поджал губы и стиснул челюсти. Он начал мерять шагами комнату пультов управления центра «Дракон». Он мысленно поносил последними словами змееподобный мастерский ум, перехитривший их всех. Сума не доверял никому, даже своему старейшему и ближайшему другу Есису.

Зазвонил телефон, и один из техников снял трубку. Он вытянулся по стойке «смирно» и протянул трубку Цубои.

— Господин Есису из Токио вызывает вас.

— Да, Корори, Ичиро слушает.

— Наша разведка перехватила доклад с американского корабля. Они утверждают, что самолет Хидеки был сбит. Наши пилоты действительно видели, что его самолет упал в море?

— Только один вернулся и сообщил, что из-за ответного огня с корабля он не видел, попала ли в цель пущенная им ракета.

— Это могло быть блефом со стороны американцев.

— Мы не сможем узнать, так ли это, пока один из наших разведовательных спутников не пролетит над кораблем.

— А если он покажет, что самолет находится на борту корабля?

Есису колебался.

— Тогда мы будем знать, что опоздали. Хидеки потерян для нас.

— И находится под надежной охраной американских разведовательных служб, — закончил Цубои недоговоренную мысль Есису.

— Если его будут допрашивать с применением наркотиков, он наверняка выдаст местонахождение заминированных автомобилей.

— Значит, нам нужно действовать быстро, чтобы спасти Проект «Кайтен».

— Тут есть еще одна проблема, — уныло сказал Цубои. — Только Хидеки знал оперативные коды сигналов активации взрывателей и детонации.

На другом конце телефонной линии помолчали. Затем Есису медленно произнес:

— Мы всегда знали, что у него был коварный ум.

— Да, это мы знали слишком хорошо.

— Тогда я доверяю тебе найти новые направления действий.

— Я не обману вашего доверия.

Цубои положил трубку и уставился в экран наружного монитора, имитирующий окно. Молчание воцарилось в пультовой комнате, все ожидали, что он скажет. Должна была существовать другая возможность, чем просто отложить возмездие Соединенным Штатам и другим западным странам. Цубои был сообразительный человек, и ему хватило нескольких секунд, чтобы предложить альтернативный план.

— Насколько сложно взорвать одну из бомб вручную? — спросил он собравшихся в пультовой инженеров и ученых.

Куродзима вопросительно поднял брови.

— Взорвать без закодированного сигнала?

— Да, да.

Технический ум, возглавлявший разработку Проекта «Кайтен» с начала до конца, поклонился и ответил:

— Существует два метода сделать массу расщепляющегося материала сверхкритической и заставить ее взорваться. Один — окружить эту массу оболочкой из мощной взрывчатки, подрыв которой приведет к детонации расщепляющегося материала. Другой — выстрелить две массы навстречу друг другу устройством вроде пушки.

— Как мы взорвем ту бомбу, которая спрятана в автомобиле?

— Скорость, — коротко ответил Куродзима. — Удар, вызванный пулей, с высокой скоростью прошившей оболочку компрессора и попавшей в плутониевую массу, может сделать это.

Цубои уставился ему в лицо пристальным вопрошающим взглядом.

— Вы хотите сказать, что бомбы можно взорвать всего лишь выстрелом из ружья?

Куродзима снова склонил голову в поклоне.

— С близкого расстояния, да.

Воздействие, которое это сообщение оказало на Цубои, было едва в пределах вероятности.

— Тогда почему бы вам просто не запрограммировать водителя-робота выстрелить из ружья с высокой начальной скоростью пули в корпус компрессора кондиционера?

— Тут снова проблема времени, — ответил Куродзима. — Роботы, запрограммированные вести машины к пунктам подрыва, не сконструированы и не запрограммированы делать что-либо иное.

— Один из роботов-охранников, его можно модифицировать?

— Тут обратная проблема. Роботы-охранники сконструированы для высокой мобильности и ведения огня. Они не рассчитаны на то, чтобы вести автомобиль.

— Сколько нужно времени, чтобы сделать робота, способного справиться с этой работой?

— Недели, не меньше месяца. Вы должны понимать, что нам предстоит создать очень сложное механическое устройство. На наших производственных линиях нет ни одного устройства, способного вести

машину, выйти из нее на механических ногах, открыть капот и выстрелить из ружья. Робота с такими встроенными в него движениями придется делать с нуля, а это требует времени.

Цубои посмотрел на него.

— Мы должны взорвать одну из них в течение следующих пяти часов, чтобы заставить американцев поверить, будто система готова действовать.

Куродзима вернул себе самообладание. Он контролировал ситуацию, и его страх перед Цубои рассеялся. Он посмотрел на финансиста долгим пристальным взглядом.

— Ну, хорошо, тогда вам просто нужно найти человека, который сделает эту работу.

Было около пяти часов вечера. Небо на востоке потемнело и стало темно-синим, когда С-20 пролетел половину пути над Тихим океаном, держа курс на Калифорнию. До посадки на гавайском острове Хикам Филд с целью дозаправки оставалось меньше двух часов. Лорен глядела вниз, напрягая зрение, стараясь увидеть крохотный силуэт и белый след за кормой корабля, но видела лишь плоскую поверхность океана и несколько бурунов.

Она повернулась во вращающемся кресле, предназначенном для дежурного офицера, и оказалась лицом к Суме. Он сидел, надменно демонстрируя полное самообладание и прихлебывая из стаканчика содовую воду. Потрясение от того, что его похитили, и огорчение от сознания, что Ёсису приказал убить его, давно прошли, и теперь он отдыхал, в высшей степени уверенный в том, что в Вашингтоне ему удастся снова овладеть ситуацией.

Он посмотрел на нее и тонко улыбнулся.

— Итак, вы собираетесь поддержать законопроект, закрывающий все ваши рынки для японских товаров.

— В свете того, что я увидела и пережила за последние несколько дней, это неудивительно, — ответила Лорен. — Вы осуждаете меня за это?

— Мы, японцы, планировали далеко в будущее, предусмотрев именно эту возможность. Наша экономика выживет, поскольку мы уже вложили значительные средства в расширение наших европейских и азиатских рынков. Скоро мы больше не будем нуждаться в американских потребителях. Закрытие вашего рынка — это просто еще один нечестный прием американцев, стремящихся дискриминировать нас.

Лорен рассмеялась.

— Что вы знаете о честной торговой практике? — Затем она перешла к серьезным вещам. — Ни один иностранец не может придти в Японию продавать свои товары без того, чтобы его насмерть не замучили вашими торговыми барьерами, не связали по рукам и ногам вашей системой распределения заказов и лицензий, держащейся на взятках, и не подорвали его бизнес конкуренцией местных производителей. И при этом все время вы настаиваете, что ни один иностранец не может понять вашей культуры.

— Ваше поведение, член Конгресса Смит, явно мотивируется расистскими антияпонскими предубеждениями. Мы не находим ничего постыдного в стремлении расширить свои операции на мировом рынке. После войны мы начинали с нуля. И все, что мы построили, вы хотите у нас отобрать.

— Отобрать что? Самовольно присвоенное вами право править мировой экономикой? — Лорен могла едва заметить проблески растущего разочарования в глазах Сумы. — Вместо того, чтобы помочь вам встать из пепла и построить чрезвычайно успешную экономику, нам, возможно, следовало бы поступить с вами так, как вы поступили с Маньчжурией, Кореей, Китаем и другими странами за годы вашей оккупации.

— Многие экономические успехи в послевоенном развитии этих стран вызваны японским руководством.

Лорен покачала головой от удивления его нежеланием признавать исторические факты.

— Немцы, по крайней мере, продемонстрировали сожаление и стыд за жестокости нацистов, но ваш народ ведет себя так, как будто он не имеет никакого отношения к массовым убийствам миллионов людей по всей Азии и Тихому океану.

— Мы очистили свою память от воспоминаний об этих годах, — сказал Сума. — Неприятные события были неизбежны, но мы ведь находились в состоянии войны.

— Но ведь вы сами начали эту войну. Никто не нападал на Японию.

— Это все в прошлом. Мы думаем только о будущем. Время покажет, чья культура является высшей, — с вызовом в голосе сказал он. — Как и все другие западные страны со времен древней Греции, вы падете от внутреннего разложения.

— Возможно, — сказала Лорен с мягкой улыбкой, — но тогда в конце концов это случится и с вами.

Глава 62

Пеннер поднялся со стула, повернулся и обратится лицом к выжившим членам группы МОГ, собравшимся в офисе, размещенном внутри одного из коммерческих авиационных ангаров. Он вытряхнул пепел из своей трубки в ведро с песком, стоявшее рядом с его столом, и кивнул на двух человек, один из которых сидел, а другой стоял у задней стены.

— Я собираюсь предложить продолжить наш брифинг Клайду Инграму, вон тому джентльмену в яркой гавайской рубашке. Клайд носит странный титул директора отдела интерпретации научных и технических данных. Он расскажет нам о своем открытии. Затем Кертис Микер, мой старый приятель, с которым мы много лет проработали вместе в секретной службе, и заместитель директора отдела продвинутых технических операций расскажет нам, какая идея крутится в его извращенном уме.

Инграм подошел к пюпитру, на который была накинута скатерть. Его голубые глаза глядели сквозь дорогие очки причудливой формы, прикрепленные к цепочке, которая обвивала его шею. Его длинные волосы были аккуратно зачесаны вниз, он был невысок ростом, и верхнюю часть его тела прикрывала черная рубашка «алоха», выглядевшая так, будто она была разодрана в сумасшедшей гонке на «феррари» вокруг Гонолулу актером Томом Селлеком в роли Томаса Магнума.

Он откинул покрывало с пюпитра и небрежным жестом большого пальца показал на большую фотографию какого-то предмета, похожего на старый самолет.

— То, что вы видите на этом снимке, это бомбардировщик времен второй мировой войны Б-двадцать-девять «Сьюперфортресс», лежащий на морском дне в тридцати шести милях от острова Сосеки на глубине триста двадцать метров, или, для тех из вас, кому трудно воспринимать метрическую систему, немногим глубже тысячи футов под водой.

— Изображение такое четкое, — сказала Стаси. — Это что, было снято из батискафа?

— Впервые самолет был обнаружен нашим разведывательным спутником «Пирамидер-11», пролетавшим над островом Сосеки.

— Вы можете получить такое резкое изображение морского дна со спутника на орбите? — недоверчиво спросила она.

— Мы можем.

Джиордино сидел в задней части комнаты, положив ноги на спинку стоящего перед ним стула.

— Как эта штука работает?

— Я не могу предложить вам подробное описание этой техники, что заняло бы часы, но просто скажу, что физический принцип работы основан на взаимодействии пульсирующих акустических колебаний с излучением очень низкочастотного радара, создающем геофизические образы подводных объектов и рельефа дна.

Питт потянулся, чтобы расслабить напряженные мышцы.

— Что происходит после того, как такой образ получен?

— «Пирамидер» передает этот образ, представляющий собой почти бесформенное пятно, ретрансляционному спутнику, пересылающему его в Белые пески, штат Нью-Мексико, для компьютерного усиления и контрастирования. Затем он пересылается в Агентство национальной безопасности, где он анализируется и людьми, и компьютерами. В данном конкретном случае этот объект возбудил наше любопытство, и мы послали самолет-разведчик «Эс-Эр-девяносто Каспер», чтобы получить более подробную картинку.

Стаси подняла руку.

— «Каспер» использует ту же систему генерации изображений, что и «Пирамидер»?

Инграм с сожалением пожал плечами.

— Извините, но все, что я могу вам открыть, не навлекая на себя неприятностей, это то, что «Каспер» получает изображения в реальном масштабе времени, записанные на магнитную ленту в аналоговом режиме. Можно сказать, что «Пирамидер» и «Каспер» по разрешающей способности и полю зрения соотносятся, как сноп света от ручного фонарика и лазерный луч. Один покрывает большое пространство, тогда как другой разрешает мелкие детали небольшого пятнышка.

Манкузо наклонил голову набок и с любопытством рассматривал увеличенный снимок.

— Ну, и чем для нас примечателен этот затонувший старый бомбардировщик? Какое он может иметь отношение к Проекту «Кайтен»?

Инграм быстро бросил взгляд на Манкузо и затем постучал карандашом по фотографии.

— Этот самолет, точнее, то, что от него осталось, должен разрушить остров Сосеки и центр «Дракон».

Никто не поверил ему даже на мгновение, все смотрели на него как на жулика, продающего эликсир от всех болезней кучке бродяг, пришедших на карнавал.

Джиордино нарушил молчание.

— Пара пустяков поднять самолет и отремонтировать его для бомбового вылета.

Доктор Ногами выдавил улыбку.

— Чтобы слегка повредить центр «Дракон», нужно нечто существенно большее, чем бомба пятидесятилетней давности.

Инграм в ответ улыбнулся доктору Ногами.

— Поверьте мне, та бомба, которая находится внутри этого «Би-двадцать-девять», достаточно мощна, чтобы справиться с этой работой.

— Заговор назревает, — мрачно кивнул Питт. — Я чувствую, что мы вот-вот станем жертвами тщательно подготовленного мошенничества.

Инграм ловко ушел в сторону от ответа на последнее замечание.

— Эту часть брифинга будет вести мой партнер по преступлению, Кертис Микер.

Сардонический взгляд Питта переместился от Инграма к Микеру.

— Вы двое вместе с Реем Джорданом и Доном Керном, должно быть, играли в одной песочнице.

— Нам приходилось иметь дело друг с другом то здесь, то там, — ответил Микер без тени улыбки.

Инграм снова повернулся к пюпитру, снял с него фотографию и поставил ее на стул, открыв сделанный с близкого расстояния снимок маленького дьявола, нарисованного на носу самолета сбоку.

— «Демоны Деннингса», — сказал он, постучав карандашом по выцветшим буквам под изображением маленького дьявола. — Командир экипажа майор Чарльз Деннингс. Пожалуйста, обратите внимание, что маленький дьявол стоит на слитке золота, помеченном клеймом в двадцать четыре карата. Экипаж любил называть себя золотоискателями, после того, как они заработали дисциплинарное взыскание, разнеся вдребезги пивной зал во время обучения в Калифорнии.

— Явно, ребята вроде меня, — сказал Джиордино.

— Неизвестные, забытые и похороненные глубоко в архивах ЦРУ в Лэнгли, до тех пор как несколько дней назад, когда мы Кертисом копались в фактах, нам попалась история о том, как группа очень

отважных людей была послана с совершенно секретным заданием сбросить на Японию атомную бомбу...

— Сбросить что?! — Уэзерхилл был недоверчив, но не более, чем остальные.

Инграм не обратил внимание на то, что его перебили, и продолжал.

— Примерно в то же время, когда полковник Тиббетс взлетел на «Эноле Гэй» с острова Тиниан в Тихом океане с бомбой, известной под названием «Малыш», майор Деннингс поднялся с острова Шемайя далеко к северу, на Алеутских островах, с бомбой, носившей кодовое название «Дыхание матери». То, что осталось от отчета об этом задании, подверглось значительной цензуре, но мы думаем, что полетное задание Деннингса включало следование прямым курсом со сбросом бомбы над целью, вероятно, Осакой или Киото, затем продолжение полета до Окинавы для дозаправки, прежде чем лететь на Тиниан. Как все мы знаем из учебников истории, Тиббетс успешно сбросил свою бомбу на Хиросиму. Деннингс, к несчастью, исчез, и вся история этого события была засекречена приказом президента.

— Постойте минутку, — сказал Манкузо. — Вы хотите нам сказать, что мы построили больше трех бомб в сорок пятом году?

Стаси прочистила горло.

— Кроме «Малыша», первой бомбы, взорванной на полигоне близ Лос-Аламоса, и «Толстяка», сброшенного на Нагасаки, другие бомбы не упоминались.

— У нас до сих пор нет полных сведений об их точном числе, но, похоже, их было не меньше шести. Большинство было имплозивного типа, вроде «Толстяка».

Питт сказал.

— Бомба Деннингса четвертая. Остается еще две.

— Бомба с кодовым названием «Жемчужина матери» была погружена на борт летающей крепости «Любящая Лил» на острове Гуам вскоре после его освобождения от японцев. «Любящая Лил» находилась в воздухе на пути к Японии, когда «Машина Бока», пилотируемая майором Чарльзом Свини, сбросила «Толстяка» над Нагасаки. После того как пришло сообщение, что бомбометание было выполнено в соответствии с планом, «Любящая Лил» и ее экипаж были отозваны обратно на Гуам, где бомба была демонтирована и переправлена обратно в Лос-Аламос.

— Остается еще одна.

— «Океанская мать» находилась на острове Мидуэй, но никогда не поднималась в воздух.

— Кто придумал эти ужасные названия? — возмутилась Стаси.

Инграм пожал плечами.

— Мы понятия не имеем.

Питт посмотрел на Инграма.

— Входили ли Деннингс и экипажи на островах Гуам и Мидуэй в Пятьдесят девятую эскадрилью бомбардировочной авиации полковника Тиббетса?

— Опять же мы этого не знаем. Восемьдесят процентов архивных записей были уничтожены. Мы можем лишь догадываться, что генерал Гровс, возглавлявший Манхэттенский проект создания атомной бомбы, и его подчиненные выдвинули сложный запасной план в последний момент, поскольку возникли серьезные опасения, что устройства детонации бомб могут не сработать. Была также вероятность, хотя и небольшая, что «Энола Гэй» или «Машина Бока» потерпят аварию на взлете, их бомбы сдетонируют и уничтожат всю Пятьдесят девятую эскадрилью; в этом случае не осталось бы обученного персонала и оборудования для доставки дополнительных бомб. И, сверх всего этого, существовало множество других опасностей, которые должны были принимать в расчет Гровс и Тиббетс: угрозу японской бомбежки Тиниана; отказы оборудования во время полета, которые могли бы заставить экипажи сбросить бомбы в океан; и, наконец, возможность поражения бомбардировщиков вражескими истребителями или зенитным огнем. Лишь в последнюю минуту Гровс разглядел грозовые тучи, сгущающиеся над операцией по доставке бомб к назначенным целям. Меньше чем за месяц Деннингса и «Демонов», вместе с экипажами на Гуаме к Мидуэе, спешно натаскали и послали на задание.

— Почему все это хранилось в тайне от широкой публики после войны? — спросил Питт. — Какой ущерб могло вызвать опубликование истории «Демонов Деннингса» спустя почти пятьдесят лет?

— Ну что я могу сказать? — Инграм сделал недоумевающий жест. — Когда прошло тридцать лет и эта история стала подпадать под закон о свободе информации, пара политических крючкотворов решила, в меру своего собственного разумения, что американский народ, который, кстати, оплачивал их жалованья, слишком наивен, чтобы доверять ему такое грозящее землетрясением откровение. Они заново классифицировали эту историю как совершенно секретную и спрятали ее подальше в сейфы ЦРУ в Лэнгли.

— Тиббетс получил всю славу, а Деннингс сгинул в неизвестность, — сказал Уэзерхилл, впав в философствование.

— Ну, и какое же отношение «Демоны Деннингса» имеют к нам? — спросил Питт, обращаясь к Инграму.

— Об этом вам лучше пусть расскажет Кертис. — Инграм кивнул Микеру и сел.

Микер подошел к грифельной доске на боковой стене офиса и взял в руку кусок мела. Он нарисовал грубый набросок Б-29 и длинную, неровную кривую, представляющую профиль морского дна, протянувшуюся вдоль всей доски и кончающуюся резким подъемом, который означал остров Сосеки. К счастью для всех собравшихся, он не скрипел мелом. Наконец, добавив несколько геологических особенностей морского дна, он обернулся к собравшимся и одарил их теплой улыбкой.

— Клайд показал вам лишь маленький кусочек того, на что способны наши спутниковые системы разведки и обнаружения, — начал он. — Есть и другие, которые могут «просвечивать» сквозь массивные толщи непрозрачных твердых веществ и измерять излучения различной физической природы. Я не стану здесь вдаваться в подробности, мы с Клайдом здесь не для того, чтобы читать лекции, но я просто сообщу, что взрывное устройство, которое вы поместили внутри коллектора линий связи центра «Дракон», не выполнило поставленной задачи.

— Я никогда не подкладывал взрывчатки, которая бы потом не взрывалась, — проворчал Уэзерхилл в свое оправдание.

— Ваш заряд прекрасно взорвался, с этим все было в порядке, — сказал Микер, — но не там, где вы его заложили. Если бы доктор Ногами все еще был глубоко засекреченным агентом внутри командного комплекса, он мог бы рассказать, что взрыв произошел в добрых пятидесяти метрах от места, в котором сходились электрические кабели.

— Это невозможно, — возразила Стаси. — Я сама видела, как Тимоти заложил заряд за жгутом оптических волоконных кабелей в коллекторе коммуникаций.

— Он был перемещен оттуда, — задумчиво сказал доктор Ногами.

— Каким образом?

— Робот-инспектор, вероятно, заметил слабое падение мощности импульса, стал искать причину и нашел заряд. Он должен был удалить его и вызвать контролера, которому он подчинялся. Таймер подорвал заряд, пока его несли по коридорам к роботам-контролерам для исследования.

— Значит, центр «Дракон» полностью готов к действию, — сказал Манкузо с тяжелым предчувствием.

— И Проект «Кайтен» может быть активирован, и взрывы произведены, — добавила Стаси. На ее лице появились морщины, выдававшие ее разочарование.

Микер кивнул.

— Боюсь, что так оно и есть.

— Тогда вся наша операция по выводу центра из строя оказалась напрасной.

— Не совсем, — терпеливо объяснил Микер. — Вы захватили Суму, а без него бомбы не могут быть взорваны.

Стаси выглядела сбитой с толку.

— Что помешает его дружкам-заговорщикам взорвать бомбы?

Питт бросил на Ногами озадаченный взгляд.

— Я подозреваю, что наш добрый доктор знает ответ на этот вопрос.

— Небольшой кусочек информации, который я подобрал после того, как свел дружбу с техниками, обслуживающими компьютеры, — сказал Ногами, широко улыбнувшись. — Они позволили мне свободно бродить по их центру обработки данных. Как-то раз я стоял за спиной программиста и смотрел на экран через его плечо, когда он вводил данные, касающиеся Проекта «Кайтен». Я запомнил входной пароль, которым он пользовался, и, как только улучил момент, вошел в систему. Я получил места хранения заминированных автомобилей, которые вам уже были известны, но оказался в тупике, когда попробовал ввести вирус в систему детонации. Оказалось, что только Сума имеет доступ к программам детонации.

— Так что никто, кроме Хидеки Сумы, не может запустить Проект «Кайтен», — с удивлением и облегчением сказала Стаси.

— Ситуация, которую его прихвостни стараются исправить, и они работают над этим, как черти, — ответил Микер. Он снова посмотрел на всю группу МОГ. — Но поздравления остаются в силе; вы выиграли этот раунд. Вашими стараниями центр «Дракон» был выведен из строя, вы заставили японцев перепрограммировать их системы активации взрывателей и детонации и дали нам достаточно времени, чтобы проработать план, как уничтожить этот центр раз и навсегда.

— Что, если я правильно понял, куда клонится эта лекция, — тихо сказал Питт, — возвращает нас снова к «Демонам Деннингса».

— Вы совершенно правы, — согласился Микер. Он нерешительно помедлил и присел на стол. Затем он начал подбираться к сути дела. — Президент собирался поставить на карту свое политическое будущее и одобрил ядерный удар по центру «Дракон». Но он отозвал свой приказ, когда получил известие о вашем побеге. Ваша операция предоставила ему некоторое время, не слишком много, но достаточно, чтобы выполнить то, что мы спланировали, за те несколько часов, которые у нас еще есть.

— Вы собираетесь взорвать бомбу, находящуюся внутри Б-29? — сказал Питт, сидя с полузакрытыми от усталости глазами.

— Не совсем так, — вздохнул Микер. — Ее придется извлечь из фюзеляжа и переместить на небольшое расстояние.

— Черт меня побери, если я понимаю, какой ущерб это может причинить острову, находящемуся в сорока километрах оттуда, — пробормотал Джиордино.

— Группа лучших океанографов и геофизиков, какие только занимаются подобными вещами, считает, что подводный атомный взрыв может вырубить центр «Дракон».

— Хотела бы я знать, как, — сказала Стаси, прихлопнув комара, севшего ей на обнаженное колено.

Микер снова обратился к доске.

— Майор Деннингс, разумеется, не мог знать, что его самолет рухнул в море и упал на дно почти точно в том месте, чтобы он помог устранить серьезную угрозу его стране сорок восемь лет спустя. — Он сделал паузу и провел еще одну зигзагообразную линию, которая шла под дном моря от самолета к острову Сосеки и затем изгибалась к югу. — Это часть крупной сейсмически активной системы разломов дна Тихого океана. Данный разлом проходит почти прямо под центром «Дракон».

Ногами с сомнением покачал головой.

— Центр был построен так, чтобы он мог противостоять крупному землетрясению и ядерному удару. Взрыв старой атомной бомбы, даже если она сможет сдетонировать после почти пяти десятилетий пребывания в соленой воде, вряд ли может вызвать сдвиг по разлому.

— Доктор Ногами привел серьезное возражение, — сказал Питт. — Остров состоит почти полностью из скального монолита. Он не покачнется и не сдвинется при прохождении сильной ударной волны.

Несколько секунд Микер молчал, только улыбался. Затем он опустил топор.

— Да, он не покачнется и не сдвинется, — повторил он с мефистофельской улыбкой, — но он непременно потонет.

Глава 63

Примерно в пятидесяти километрах к северо-востоку от городка Шеридан, штат Вайоминг, чуть южнее границы со штатом Монтана, Дэн Киган сидел на чистокровной скаковой лошади, отыскивая следы охотников, незаконно вторгшихся в его владения. Умываясь перед ужином, он услышал отдаленные раскаты двух ружейных выстрелов и тут же попросил жену поставить жареных цыплят на плиту, чтобы они не остыли, взял старое ружье «Маузер» со скользящим затвором и оседлал свою любимую скаковую лошадь.

Охотники, игнорирующие его изгороди и предупредительные знаки, были постоянным источником раздражения для Кигана. Не прошло и двух месяцев, как шальная пуля свалила теленка из его стада. Охотник выстрелил в оленя-шестилетку и промахнулся, его пуля перелетела через невысокий увал и попала в теленка, находившегося на расстоянии почти двух километров от места, с которого стреляли. С той поры Киган не желал видеть никаких охотников на своей земле. Они, черт побери, могли с тем же успехом пострелять на землях кого-нибудь другого.

Киган шел по следу, тянувшемуся вдоль ручья «Повешенной женщины». Он понятия не имел, откуда взялось это странное название. Насколько он мог припомнить, единственной женщиной, повешенной в Вайоминге, была Элла Уатсон, известная как «коровья Кэт». Влиятельные владельцы ранчо под видом линчевателей вздернули ее за кражу скота в 1889 году. Но это событие произошло на реке Суитуотер. за триста километров к юго-западу отсюда.

Холодный воздух сделал особенно яркими лучи заходящего солнца, окрасившие окрестные холмы в сияющие желто-оранжевые тона. Он выехал на плоскую равнину и начал рассматривать землю. Киган быстро заметил следы шин, проследовал по ним от стреляной гильзы до истоптанного охотничьими ботинками места и лужицы крови, впитавшейся в песчаную почву. Охотники и их подстреленная добыча исчезли.

Он опоздал и был зол как черт. Чтобы проехать на машине по его земле, нарушители должны были либо снести изгородь, либо сбить выстрелом замок на воротах, через которые проходила его частная дорога, ведущая к шоссе. Вот-вот должно было стемнеть. Он решил подождать до утра, прежде чем посылать одного из наемных рабочих своего ранчо объехать забор и проверить ворота. Он снова взобрался на лошадь и направил ее iараоii аомой.

Проехав совсем немного, он осадил лошадь.

Ветер донес до него слабый шум автомобильного двигателя. Он приставил к уху согнутую ковшиком ладонь и прислушался. Вместо того, чтобы удаляться, что, как он думал, делают сейчас охотники, шум становился все громче. Кто-то приближался. Он заставил лошадь подняться вверх по склону небольшого холма с плоской вершиной и стал осматривать простирающуюся внизу равнину. Какой-то автомобиль поднимался вверх по дороге, оставляя за собой облако пыли.

Он ожидал, что из-за окаймлявших дорогу кустов появится либо грузовичок-пикап, либо джип с двумя ведущими мостами. Когда автомашина достаточно приблизилась, чтобы ее можно было разглядеть, Киган с удивлением увидел, что это обычная легковая машина, коричневый четырехдверный седан японского производства.

Водитель вскоре затормозил и остановился на открытом месте дороги. Машина просто стояла там несколько секунд, пока облако пыли проплывало над крышей машины и оседало на траву вокруг. Затем водитель вылез из машины, поднял капот и склонился над радиатором. Через короткое время он обошел машину, открыл багажник и достал оттуда геодезический теодолит. Киган с любопытством наблюдал, как вторгшийся на его землю незнакомец водрузил теодолит на треногу и нацелил его зрительную трубу поочередно на несколько выдающихся реперных точек ландшафта, записал отметки азимутов в блокнот и стал сравнивать их с расстеленной прямо на земле топографической картой.

Киган и сам имел опыт работы с теодолитом, и он никогда не видел, чтобы топографическая съемка производилась таким образом. Незнакомец, похоже, скорее хотел удостовериться в собственном местонахождении, чем привязать к местности базовую линию. Он наблюдал, как этот человек небрежно бросил блокнот в кусты, снова подошел к радиатору и уставился на двигатель, словно тот чем-то гипнотизировал его. Только после того, как он, видимо, отбросил прочь тревожащие его мысли, он нагнулся к дверце машины и вытащил из салона ружье.

Киган достаточно много повидал в жизни, чтобы понимать, что незнакомец вел себя слишком странно для окружного геодезиста, собиравшегося в командировке пострелять на стороне мелкую дичь, и уж конечно не в костюме бизнесмена и с тщательно завязанным галстуком. Он подогнал лошадь поближе и тихо подъехал сзади к незнакомцу, пытающемуся вставить патрон в ружье, чего ему, судя по его неловким движениям, не приходилось делать прежде. Он не слышал, как Киган приближался к нему сзади. Лошадиные копыта совершенно беззвучно ступали по мягкой земле и увядшей траве. Киган осадил лошадь всего в восьми метрах от него и вытащил «Маузер» из кожаного чехла, прикрепленного к седлу.

— Вам известно, что вы находитесь на чужой земле, мистер? — сказал он, положив дуло своего ружья на согнутый локоть руки.

Водитель коричневого седана подпрыгнул от неожиданности и повернулся на месте, уронив патрон и задев стволом ружья о дверцу машины. Только тут Киган увидел, что это азиат.

— Что вам надо? — спросил испуганный человек.

— Вы находитесь на моей земле. Как вы здесь оказались?

— Ворота были открыты.

Киган так и думал. Охотники, которых он упустил, взломали замок на воротах.

— Что вы здесь делаете с теодолитом? Для кого вы работаете? Для правительства?

— Нет ... Я инженер компании «Мията коммюникейшен». — В его английском был сильный японский акцент. — Мы подыскиваем место, чтобы поставить радиорелейную вышку.

— Ваши парни когда-нибудь заботятся о том, чтобы получить разрешение, прежде чем носиться по частным владениям? Откуда, черт возьми, вам известно, что я разрешу вам ее построить?

— Мое начальство должно было связаться с вами.

— Верно, чтоб я сдох, — проворчал Киган. Ему не терпелось вернуться домой к ужину прежде, чем стемнеет. — А теперь вы лучше уматывайте отсюда, мистер. И в следующий раз, когда вам захочется поездить по моей земле, лучше сначала спросите меня.

— Я глубоко сожалею обо всех причиненных неудобствах.

Киган прекрасно разбирался в людях и по голосу этого человека мог уверенно сказать, что эта азиатская рожа ни хрена ни о чем не сожалела. Глаза японца беспокойно следили за «Маузером» Кигана, и он казался раздраженным.

— Вы собирались стрелять здесь? — Киган кивнул на мощное ружье, которое человек все еще неуклюже сжимал одной рукой, так что его дуло было обращено в темнеющее небо.

— Только по мишени.

— Ну, этого я не могу разрешить. У меня на этом участке скот бродит. Я буду признателен, если вы упакуете свои причиндалы и уберетесь тем же путем, что и приехали сюда.

Нарушитель вел себя послушно. Он быстро отвинтил теодолит от треноги и уложил их в багажник. Ружье он положил на заднее сиденье. Затем подошел к передней части машины и заглянул под все еще поднятый капот.

— Двигатель не совсем нормально работает.

— Он заведется? — спросил Киган.

— Думаю, что да. — Японский геодезист нагнулся над окошком и повернул ключ зажигания. Двигатель фыркнул и легко заработал при отключенном сцеплении. — Я еду, — сказал незнакомец.

Киган не обратил внимания на то, что капот был опущен, но не защелкнут.

— Окажите мне услугу, закройте за собой ворота и обмотайте цепью столб, чтобы они не распахнулись.

— Я с удовольствием сделаю это.

Киган махнул ему на прощанье рукой, засунул «Маузер» в чехол и поехал к своему дому на ранчо, до которого было добрых четыре километра.

Сабуро Мина включил сцепление, развернул машину и поехал вниз по дороге. Встреча с владельцем ранчо в такой глухой местности была неожиданной, но она никоим образом не ставила под угрозу его миссию. Как только расстояние между его машиной и Киганом увеличилось до двухсот метров, Мива вдруг ударил по тормозам, выскочил из машины, схватил ружье с заднего сиденья и открыл капот.

Киган услышал, что шум двигателя внезапно затих, он обернулся и посмотрел через плечо, удивляясь, отчего машина вдруг остановилась.

Мива крепко сжимал ружье в своих вспотевших ладонях и нацеливал дуло, пока оно не оказалось лишь в нескольких сантиметрах от компрессора кондиционера. Он добровольно согласился выполнить это самоубийственное задание без всяких оговорок, потому что чувствовал, что это почетно — отдать свою жизнь за новую империю. Другие соображения включали его лояльность и преданность «Золотым драконам», обещание, данное лично Корори Ёсису, что его жена будет пожизненно хорошо материально обеспечена, и гарантия, что три сына будут приняты в лучшие университеты по их выбору и их обучение будет полностью оплачено. Вдохновляющие слова Ёсису, которые тот произнес, когда Мива отправлялся в Соединенные Штаты, в последний раз прозвучали в его сознании:

— Вы жертвуете жизнью для будущего ста миллионов ваших соотечественников, мужчин и женщин. Ваша семья будет гордиться вами из поколения в поколение. Ваш успех — это их успех.

Мива нажал на спуск.

Глава 64

За миллионную долю секунды Мива, Киган, машина и лошадь превратились в пар. Чудовищной яркости сияние вспыхнуло и стало из желтого белым, когда оно брызнуло через всхолмленную местность ранчо. Как огромный невидимый прилив, за ним следовал фронт ударной волны. Огненный шар начал расширяться и подниматься над землей, как восходящее солнце над горизонтом.

Как только огненный шар оторвался от земли и всплыл в небо, он начал окутываться облаками и стал пурпурным, его блеск уже не был столь ослепительным. Снизу за ним поднимался крутящийся столб радиоактивной почвы и обломков, который скоро превратился в грибовидное облако, взмывшее ввысь на тринадцать километров, чтобы в конце концов выпасть осадками где-нибудь, куда ветер отнесет мельчайшую пыль.

Других потерянных человеческих жизней, кроме Кигана и Мивы, не было. Погибло множество кроликов, луговых собачек, змей и двадцать голов принадлежавшего Кигану скота, в основном пораженных ударной волной. В четырех километрах от места взрыва миссис Киган и трое наемных рабочих пострадали только от порезов осколками выбитых стекол. Холмы заслонили постройки от основных разрушительных сил ядерного взрыва, и, кроме нескольких разбитых окон, повреждения были минимальны.

После взрыва осталась огромная воронка диаметром сто метров и глубиной тридцать. Сухой кустарник и степная трава вспыхнули, и огненное кольцо горящей травы стало быстро расширяться, добавив черный дым в коричневое облако пыли.

Ослабевая, ударная волна эхом отозвалась в холмах и каньонах. Она встряхнула дома и закачала деревья в небольших скотоводческих и земледельческих городках по соседству с ранчо Кигана, прежде чем прокатиться над полем боя близ города Литтл-Бигхорн, в ста двенадцати километрах к северу от эпицентра.

На стоянке грузовиков у окраины Шеридана человек азиатского происхождения стоял у взятой напрокат машины, не обращая внимания на прохожих, возбужденно размахивающих руками и показывающих на грибовидное облако вдали. Он внимательно смотрел в бинокль,

наведенный на облако, которое поднялось над вечерним сумраком так высоко, что освещалось севшим за горизонт солнцем.

Он медленно опустил бинокль и пошел к расположенной неподалеку телефонной будке. — Он вставил монету, набрал номер и подождал. Он тихо сказал несколько слов по-японски и повесил трубку. Затем, даже не оглянувшись на облако, которое, клубясь, поднималось в верхние слои атмосферы, сел в машину и уехал.

Взрыв был зарегистрирован сейсмостанциями, расположенными по всему свету. Ближе всего к эпицентру была расположена станция Национального центра по изучению землетрясений на территории Колорадской школы горных инженеров в городке Голден. Стрелки сейсмографов начали внезапно танцевать по лентам самописцев, что заставило геофизика Клейтона Морзе обратить внимание на сотрясения почвы, когда он уже собирался окончить дежурство и поехать домой.

Он нахмурился и пропустил данные через компьютер. Не отрывая взгляда от экрана монитора, он набрал номер Роджера Стивенсона, директора центра, который в тот день позвонил и сказал, что заболел и на работу не выйдет.

— Хелло.

— Роджер?

— Да, это я.

— Боже, какой у тебя ужасный голос, я тебя даже не узнал.

— Этот грипп меня просто доконал.

— Извини, что беспокою тебя, но мы только что зарегистрировали толчок.

— Калифорния?

— Нет, эпицентр где-то около границы Вайоминга и Монтаны.

Наступила короткая пауза.

— Это странно, весь этот район никак не назовешь сейсмически активным.

— Этот толчок искусственного происхождения.

— Взрыв?

— И крупный. Из того, что я могу заключить по интенсивности толчка, он выглядит как ядерный.

— Боже, — слабо пробормотал Стивенсон, — ты уверен?

— Ну, кто может быть уверен относительно таких вещей, — ответил Морзе.

— Пентагон никогда не проводил испытаний в этой части страны.

— Они к тому же не предупредили нас о каких-либо подземных испытаниях.

— Что-то непохоже на них проводить испытания, не предупредив нас.

— Как ты думаешь, нам нужно уточнить это в Комиссии по ядерной энергии?

Может быть, Стивенсон действительно чувствовал себя неважно из-за гриппа, но его сознание было совершенно ясным.

— Нет смысла обращаться к чиновникам невысокого ранга, они ни черта не знают, надо выходить на самый верх. Позвони Хэнку Зауэру, нашему общему знакомому из Агентства национальной безопасности, и выясни, что, черт подери, происходит.

— А если Зауэр нам не скажет? — спросил Морзе.

— Нам-то что? Главное, мы скинули эту загадку на них и теперь можем спокойно сидеть и ждать следующего большого толчка с эпицентром в Калифорнии.

Зауэр не рассказал о том, чего он сам не знал. Но он сразу понял, что речь идет о чрезвычайной ситуации национального масштаба, и, запросив у Морзе дополнительные данные, немедленно передал всю информацию директору ЦРУ.

Президент находился на борту своего персонального самолета, летящего на званый обед в Сан-Франциско для встречи с политическими лидерами и сбора средств, когда ему позвонил Джордан.

— Что нового о ситуации?

— Мы получили сообщения о ядерном взрыве в Вайоминге, — ответил Джордан.

— Проклятье! — шепотом ругнулся президент. — Наш или их?

— Точно не наш. Это должна быть одна из заминированных машин.

— О числе жертв что-нибудь известно?

— Их практически не было. Взрыв произошел в малонаселенной местности, там расположены только ранчо.

Президент боялся задавать следующий вопрос.

— Есть ли сведения о других взрывах?

— Нет, сэр. На данный момент взрыв в Вайоминге был единственным.

— Я думал, что Проект «Кайтен» был задержан по крайней мере на сорок восемь часов.

— Так и есть, — твердо сказал Джордан. — У них не было достаточно времени, чтобы перепрограммировать системы.

— Как ты объяснишь этот взрыв, Рей?

— Я разговаривал с Перси Нэшем. Он считает, что бомба была взорвана на месте с помощью ружья с. высокой скоростью пули.

— Роботом?

— Нет, человеком.

— Так что феномен камикадзе не ушел в прошлое.

— Выходит, что так.

— Зачем эта самоубийственная тактика сейчас? — спросил президент.

— Вероятно, предостережение. Они не без оснований уверены, что Сума попал к нам в руки, и перестраховываются, стараясь удержать нас от атомного удара, пока они отчаянно пытаются перепрограммировать систему детонации для всего проекта.

— Ну, что же, они чертовски успешно с этим справляются.

— За рулем сидите вы, господин президент. Теперь у нас есть все существующие в мире оправдания для того. чтобы ответить ядерным ударом.

— Лучших и не надо, но какие у вас есть надежные доказательства, что Проект «Кайтен» не является сейчас работоспособным? Вдруг японцы совершили маленькое чудо и перепрограммировали системы? Что, если они не блефуют?

— Неопровержимых доказательств у нас нет, — согласишься Джордан.

— Если мы запустим ракету с боеголовкой на остров Сосеки и детекторы центра «Дракон» засекут ее приближение, их последним перед неизбежной гибелью действием будет послать сигнал на подрыв бомб еще до того. как роботы-водители выведут их в отдаленные от крупных городов места по всей стране.

— Ужасная мысль, господин президент. И даже еще более ужасной делают ее известные нам места нахождения спрятанных автомобилей. Большинство спрятано в крупных городах или на их окраинах.

— Эти машины должны быть найдены, а их бомбы обезврежены так быстро и тихо, как это только возможно. Мы не можем допустить, чтобы весь этот ужас стал известен общественности, во всяком случае сейчас.

— ФБР послало целую армию агентов для прочесывания городов.

— Они знают, как обезвреживать бомбы?

— В каждой группе есть ядерный физик, чтобы проделать эту работу.

Джордану не были видны морщинки тревоги на лице президента.

— Это будет наш последний шанс, Рей, Твой новый план — это последний бросок костей.

— Я это прекрасно понимаю, господин президент. Завтра к этому часу мы будем знать, не превратились ли мы в порабощенную страну.

Почти в это же самое время специальный агент ФБР Билл Фрик и его группа с разных сторон поодиночке подходили к подземному боксу, в котором внутри гаража отеля «Пасифик Парадиз» были спрятаны заминированные автомобили.

Охранников вблизи бокса не было, и стальные двери не были заперты. Скверный знак, подумал Фрик. Его тревога возросла, когда входившие в группу электронщики обнаружили, что охранная сигнализация отключена.

Он осторожно провел свою группу через двери в то, что казалось помещением для разгрузки прибывающих грузовиков. В противоположном конце помещения находилась большая металлическая дверь, поднимающаяся вертикально вверх. Она была достаточно широка и высока, чтобы в проем мог проехать трейлер для междугородних перевозок.

Они вошли в просторное помещение, напоминающее подвальные банковские хранилища, и обнаружили, что оно совершенно пусто; не было видно ни клочка бумаги, ни следа паутины в углах. Оно было тщательно вымыто.

— Может быть, мы попали не туда, — с надеждой сказал один из агентов Фрика.

Фрик оглядел бетонные стены, посмотрел на вентиляционное отверстие, через которое прополз Уэзерхилл, затем на едва заметные следы шин на покрытом пластиком полу. Наконец он покачал головой.

— Это то самое место, с этим все в порядке. Оно соответствует описанию, которое мы получили от ЦРУ.

Низенький физик-ядерщик с длинной бородой прошел мимо Фрика и остановился, удивленно озираясь.

— Как же я смогу разоружить бомбы, если их здесь нет? — сердито сказал он, словно это Фрик был виноват в том, что машин на месте не оказалось.

Не ответив ему, Фрик быстро прошел через подземный гараж к штабному грузовику. Он забрался в машину, налил себе чашку кофе и включил рацию.

— Черная лошадь, говорит Красная лошадь, — произнес он усталым голосом.

— Слушаю, Красная лошадь, говорите, — ответил начальник оперативного отдела ФБР.

— Нас опередили. Конокрады побывали здесь первыми.

— Присоединяйтесь к нашему клубу неудачников, Красная лошадь. Большая часть табуна тоже вернулась ни с чем. Только Синяя лошадь в Нью-Джерси и Серая лошадь в Миннесоте нашли быков в загоне.

— Нам продолжать операцию?

— Да. У вас двенадцать часов. Повторяю, двенадцать часов, чтобы выследить ваше стадо в новом месте. Дополнительные данные будут переданы вам телефаксом, и все патрульные машины полиции, шерифов и дорожных служб получили указания останавливать все грузовики и трейлеры, соответствующие описаниям, предоставленным ЦРУ. — Мне нужен вертолет.

— Вы можете задействовать хоть все, что способно летать, если это то, что нужно, чтобы найти эти заминированные машины. Фрик выключил рацию и посмотрел в чашку кофе.

— Как скверно, что они не рассылают телефаксом инструкции, как найти иголку на территории в миллион квадратных километров пустыни за двенадцать часов, — проворчал он себе под нос.

Когда Ёсису вышел из вагончика магнитной дороги в конце туннеля, ведущего из Эдо-Сити, Цубои уже ждал его на платформе.

— Спасибо за то, что вы приехали, старый друг, — сказал Цубои.

— Я хочу быть здесь рядом с тобой, когда мы будем готовы разыграть наши карты, — сказал старик, шагая куда уверенней, чем Цубои приходилось видеть за последние месяцы.

— Взрыв в одном из штатов Среднего Запада прошел как было запланировано.

— Прекрасно, прекрасно, это должно заставить американское правительство дрожать от страха. Есть какая-нибудь реакция со стороны Белого дома?

Лицо Цубои выражало озабоченность.

— Никакой. Как будто они стараются держать в тайне это происшествие.

Цубои слушал бесстрастно. Затем его глаза загорелись.

— Если президент не приказал направить на наш остров ядерную боеголовку, то он здорово боится того, что может случиться в будущем.

— Значит, мы выиграли эту рискованную игру.

— Возможно, и все же пока рано праздновать нашу грандиозную победу, пока Проект «Кайтен» не будет готов действовать.

— Такеда Куродзима обещает, что его программа будет готова к использованию примерно завтра к вечеру.

— Я думаю, пришла пора установить прямую линию связи с президентом и проинформировать его о наших условиях для новой Японии.

— И новой Америки, — выспренне произнес Цубои.

— Да, разумеется. — Цубои с гордостью посмотрел на человека, который стал его любимым учеником. — Новой японской Америки.

Глава 65

«Локхид С-5 Гэлакси», крупнейший транспортный самолет в мире, приземлился со всем странноватым изяществом беременного альбатроса на посадочной полосе острова Уэйк и, немного прокатившись по ней, остановился. К нему подъехала автомашина и затормозила в тени огромного крыла. Питт и Джиордино вышли из машины и вошли в самолет через небольшую дверцу как раз позади обтекателей шасси.

Адмирал Сэндекер ждал их внутри. Он пожал им руки и повел их за собой через похожий на громадную пещеру грузовой отсек, в котором могли бы поместиться шесть междугородних автобусов или усесться сто пассажиров. Они прошли мимо глубоководного разведывательного вездехода НУМА, стоявшего привязанным к паре широких длинных направляющих из нержавеющей стали, проложенных вдоль грузового отсека. Питт ненадолго остановился и провел ладонью по одной из

огромных тракторных гусениц, оглядывая чудовищную машину и вспоминая, как ему чудом удалось спастись на «Большом Джоне». Этот вездеход был более поздней моделью и получил прозвище «Большой Бен».

Две больших механических руки с ковшом и захватом. которые обычно устанавливались на разведывательных вездеходах НУМА, были заменены манипуляторами для резки металла и удаления металлических предметов, а также захватом совершенно новой конструкции.

Другим новшеством, которое заметил Питт, был огромный нейлоновый сверток, лежавший поверх фюзеляжа и кабины травления. Толстые стропы выходили из свертка и шли к многочисленным точкам прикрепления, расположенным по всему периметру машины.

Джиордино печально покачал головой.

— У меня такое давно знакомое ощущение, что нас опять собираются использовать.

— На этот раз они и в самом деле намерены привязать нас к нему, — сказал Питт, удивляясь, как самолет может подняться с земли с таким тяжелым грузом в своем брюхе.

— Нам лучше поторапливаться, — сказал Сэндекер. — Они готовы взлететь.

Питт и Джиордино последовали за адмиралом в обставленный подобно офису отсек, в котором был письменный стол и кресла, привинченные к полу. Они пристегнули ремни своих кресел, когда пилот перевел вперед секторы газа и послал огромный самолет катиться вперед по взлетной полосе на двадцати восьми колесах его шасси. Ласково прозванный «нежным гигантом», огромный «С-5 Гэлакси» взмыл в тропический воздух с громоподобным ревом и стал медленно набирать высоту, пологим виражом разворачиваясь к северу.

Джиордино взглянул на часы.

— Три минуты, быстро же они управились со взлетом и посадкой.

— У нас слишком мало времени, чтобы тратить его впустую, — серьезным тоном сказал Сэндекер.

Питт расслабился и вытянул ноги.

— Как я понял, у вас имеется некий план.

— Лучшие умы в этом деле провернули уйму работы. выполняя срочное домашнее задание, чтобы его подготовить.

— Это вполне очевидно, раз этот самолет и «Большой Бен» прибыли сюда меньше чем через двадцать четыре часа после нашего возвращения с острова Сосеки.

— Что вам успели рассказать Инграм и Микер? — спросил Сэндекер.

— Они просветили нас насчет засекреченной истории о «Би-двадцать — девять», покоящемся на морском дне, — ответит Питт, — и прочли краткую лекцию о морской геологии района острова Сосеки и системе сейсмически неустойчивых разломов в его окрестностях. Микер также утверждал, что взрыв атомной бомбы, все еще находящейся в бомбовом отсеке самолета, может заставить этот остров уйти под воду.

Джиордино достал сигару, которую он уже успел стащить у адмирала незаметным движением руки, и раскурил ее.

— Самая идиотская идея, которую мне когда-либо довелось услышать. — заметил он.

Питт согласно кивнул.

— Затем Мэл Пеннер приказал Алу и мне понаслаждаться выходным днем на пляжах острова Уэйк, а сам он с остальными членами нашей группы собрался отправиться в Штаты самолетом. Когда я потребовал объяснений, почему мы двое остаемся, он прикусил язык и сказал лишь, что вы скоро сюда прибудете и все объясните.

— Пеннер не уточнил детали, — сказал Сэндекер, — потому что он сам их не знал. Инграм и Микер также не были проинформированы о последних уточнениях операции «Аризона».

— Аризона? — удивленно спросил Питт.

— Это кодовое название нашей операции.

— Нашей операции? — встревоженно переспросил Джиордино.

— Которая, конечно, — саркастически сказал Питт, — не имеет никакого отношения к «Большому Бену» или к тому факту, что Аризона — это название штата, или, что точнее, к линкору, потопленному японцами пятьдесят лет назад в Пирл-Харборе.

— Оно так же хорошо, как и всякое другое. Кодовые названия в любом случае никогда не имеют никакого смысла.

Сэндекер внимательно посмотрел на своих друзей. Сутки отдыха, конечно, помогли им, но все равно они выглядели смертельно уставшими и измученными. Он испытывал грызущее чувство вины. Это было его упущение, что им пришлось так много претерпеть за последние дни. И теперь он снова рекомендовал их услуги Джордану и президенту,

совершенно точно зная, что никакие другие два человека из ныне живущих на Земле не могли сравниться с ними способностями и опытом глубоководных работ. Какая же это была ужасная несправедливость — снова бросать их так скоро в смертельный водоворот. Но во всем Божьем мире не было никого, кроме них, к кому бы он мог обратиться с таким предложением. Уверенность в том, что Питт и Джиордино не откажутся сделать все возможное и невозможное, усугубляла чувство вины адмирала.

— Ну, хорошо, не буду преподносить вам кучу ерунды и петь «О прекрасная Америка». Я постараюсь быть настолько откровенным, насколько смогу. — Он замолчал и разостлал на столе геологическую карту морского дна в радиусе пятидесяти километров вокруг острова Сосеки. — Вы двое подготовлены лучше всех, чтобы совершить последнюю отчаянную попытку покончить с центром «Дракон». Ни у кого другого нет такого практического опыта работы с глубоководным разведовательным вездеходом.

— Как приятно ощущать себя нужным, — устало сказал Джиордино.

— Что ты сказал?

— Ал интересуется, что конкретно нам предлагается сделать. — Питт склонился над картой и посмотрел на крестик, обозначавший место, где лежал на дне бомбардировщик «Демоны Деннингса». — Наше задание состоит в том, я полагаю, чтобы с помощью «Большого Вена» взорвать эту бомбу.

— Ты правильно полагаешь, — сказал Сэндекер. — Когда мы окажемся над отмеченным здесь местом, вы вместе с «Большим Беном» покинете самолет на парашюте.

— Ненавижу это слово, — сказал Джиордино, обхватив голову руками. — От одной мысли об этом у меня сыпь выступает на коже.

Сэндекер отрывисто взглянул на него и продолжил:

— После приводнения вы опускаетесь на дно, по-прежнему используя парашюты для снижения скорости погружения. Как только вы сможете передвигаться по дну, вы подъезжаете на вездеходе к Б-29, извлекаете атомную бомбу из его фюзеляжа, переносите ее в Назначенное место и взрываете ее.

Джиордино оцепенел, как человек, увидевший привидение.

— О Боже, это гораздо хуже, чем я думал.

Питт бросил на Сэндекера ледяной взгляд.

— Вам не кажется, что вы слишком многого от нас хотите?

— Свыше пятидесяти ученых и инженеров из университетов, правительственных служб и промышленных компаний, специализирующихся на высоких технологиях, объединили свои усилия для срочной программы подготовки операции «Аризона», и, прошу мне поверить на слово, они создали прекрасный проект с очень высокой вероятностью успеха.

— Как они могут быть столь уверены? — спросил Джиордино. — Никто никогда еще не сбрасывал в море тридцатипятитонный глубоководный разведовательный вездеход.

— Все факторы были рассчитаны и оценены, пока всякая вероятность неудачи не была исключена, — сказал Сэндекер, глядя на свою дорогую сигару, торчавшую изо рта Джиордино. — Вы должны опуститься на воду так же тихо, как упавший с дерева лист на спящего кота.

— Я бы предпочел сигануть с вышки для прыжков в воду на битую посуду, — проворчал Джиордино.

Сэндекер взглянул на него с суеверным страхом и сказал:

— Я знаю обо всех возможных опасностях и понимаю ваши дурные предчувствия, но лучше бы нам обойтись без этих кассандровских настроений.

Джиордино вопросительно посмотрел на Питта.

— Каких настроений?

— Таких, которые предсказывают несчастье, — объяснил ему Питт.

Джиордино капризно повел плечами.

— Я только пытался выразить свои искренние чувства.

— Скверно, что мы не можем спустить «Большого Бена» по слипу с корабля и позволить ему спуститься на дно с помощью балластных цистерн, как мы делали это с «Большим Джоном» над «Мокрыми делянками».

Сэндекер сказал, оправдываясь:

— У нас нет двух недель, чтобы доставлять вездеход сюда морем.

— Могу я только спросить, кто, черт возьми, объяснит нам, как извлечь атомную бомбу из искореженных обломков и взорвать ее?

Сэндекер протянул каждому из них по папке с сорока страницами фотографий, схем и инструкций.

— Это все описано здесь. У вас будет достаточно времени, чтобы изучить все материалы и прорепетировать процедуры до того, как мы долетим до точки сброса.

— Бомба пролежала под водой внутри разбившегося самолета пятьдесят лет. Как можно быть уверенным в том, что она до сих пор сохранилась в таком состоянии, что ее можно взорвать?

— На фотографиях, полученных с помощью системы построения изображений «Пирамидер», видно, что фюзеляж «Би-двадцать девять» цел, откуда следует, что при крушении бомба не была повреждена. «Дыхание матери» спроектировали так, чтобы при угрозе аварии ее можно было сбросить в воду и впоследствии поднять в пригодном для повторной попытки виде. Бронированные полушария ее аэродинамического обтекателя были тщательно отшлифованы и отполированы с такими допусками в местах их соединения, чтобы гарантировать герметичность внутреннего объема. Люди, изготовившие ее, еще живы, и они клянутся, что она может оставаться на морском дне еще пятьсот лет и все еще будет пригодной для использования по прямому назначению.

У Джиордино был очень мрачный вид.

— Детонация будет произведена с помощью таймера, я надеюсь.

— У вас останется до взрыва целый час, — ответил Сэндекер. — Максимальная скорость «Большого Вена» была увеличена по сравнению с «Большим Джоном». Вы должны, согласно расчетам, оказаться к этому времени слишком далеко от места взрыва, чтобы вас могли задеть какие-либо его последствия.

— Слишком далеко — это сколько?

— В двенадцати километрах.

— И каков должен быть конечный результат?

— Идея состояла в том, чтобы вызвать с помощью старой атомной бомбы подводное землетрясение и спровоцировать последовательность событий, сходных с теми, которые разрушили «Мокрые делянки».

— Здесь же совершенно иная ситуация. Взрыв на поверхности, возможно, и вызвал землетрясение под дном моря, но наша станция была уничтожена происшедшим в результате землетрясения оползнем в сочетании с давлением в тысячи атмосфер. Эти силы не действуют на надводные сооружения.

— Давление не действует, верно. Но оползень действует, и еще как. — Сэндекер постучал пальцем по карте. — Остров Сосеки образовался

миллионы лет назад в результате извержения давно потухшего вулкана, находившегося совсем рядом с побережьем Японии. Поток лавы вылился далеко в море. Некогда это огромное лавовое поле образовывало полуостров материковой части Японии, поднимаясь над морем на высоту двести метров. Однако оно располагалось на мягких слоях более древних морских отложений. Постепенно под действием силы тяжести застывшая лава опускалась в мягкий ил, пока не оказалась под водой, и только самый легкий и небольшой участок остался торчать над уровнем моря.

— Сосеки?

— Да.

Питт изучил карту и медленно произнес:

— Если я правильно понял, ударные волны от взрыва бомбы и вызванного этим взрывом землетрясения будут сдвигать и ослаблять подстилающий скалу пласт осадочных отложений, пока под собственным весом остров не опустится в море.

— Вроде того, что получается, если стоять на песчаном пляже на линии прибоя, пока волны не погрузят ступни в песок.

— Уж слишком просто получается.

Сэндекер покачал головой.

— Это только половина того, что на самом деле произойдет. Самих по себе ударных волн недостаточно, чтобы совершить эту работу. Именно поэтому бомбу нужно переместить на десять километров от самолета, прежде чем взрывать ее.

— Куда?

— На склон глубоководного желоба, идущего параллельно острову. Кроме того, что взрыв вызовет сотрясения морского дна, его магнитуда, по расчетам, достаточна, чтобы обрушить участок склона желоба. Чудовищная энергия обвала миллионов тонн осадочных пород, которые лавиной сползут по склону желоба почти одновременно с возникновением ударных волн от бомбы, породит одно из самых разрушительных природных явлений.

— Цунами, — опередил Питт адмирала. — Морскую волну, вызванную подводным землетрясением.

— Когда остров начнет опускаться под действием сейсмических волн, — продолжал Сэндекер, — на него обрушится сокрушительный удар цунами, который достигнет высоты в десять метров и скорости от трехсот до четырехсот километров в час. Все, что останется над водой на

острове Сосеки, будет полностью вдавлено вниз этим ударом, что окончательно уничтожит центр «Дракон».

— Это нам предстоит выпустить на свободу подобного монстра? — подозрительно спросил Джиордино. — Нам двоим?

— И «Большому Бену». Это, конечно, была очень спешная работа, никуда от этого не деться, но вездеход был переделан так, чтобы он мог справиться с работой.

— А что произойдет с главными японскими островами? — спросил Питт. — Сильное землетрясение, за которым последует цунами, ударившее о берег, может погубить тысячи людей.

Сэндекер покачал головой.

— Ничего подобного не произойдет. Мягкие осадочные породы вдали от берега поглотят большую часть ударных волн. Ближайшие порты и города, расположенные вдоль побережья, почувствуют только слабые сотрясения. Вызванная землетрясением приливная волна будет слабой по сравнению с большинством цунами.

— Как можно быть уверенным, что высота гребня будет лишь десять метров? Известны цунами, достигавшие высоты двенадцатиэтажного здания.

— На составленных по результатам компьютерного моделирования диаграммах высота гребня, который подойдет к острову, не превышает десяти метров. А поскольку Сосеки расположен так близко к эпицентру, его массив будет играть роль барьера и существенно уменьшит импульс волны. К тому времени, как первая водная масса достигнет берега, причем на низком отливе, я должен добавить, ее гребень должен уменьшить свою высоту до полутора метров, что практически не может причинить серьезного ущерба.

Питт в уме прикинул расстояние от бомбардировщика до точки, помеченной на склоне глубоководного желоба в качестве места взрыва. По его оценке, оно составляло около двадцати восьми километров. Невероятное расстояние, чтобы тащить неустойчивую сорокавосьмилетнюю атомную бомбу по неровной и неизученной поверхности морского дна.

— После этой вечеринки, — поинтересовался Питт, — что случится с нами?

— Вы поведете «Большого Бена» к ближайшему берегу, где будет поджидать отряд войск специального назначения, чтобы вас эвакуировать.

Питт тяжело вздохнул.

— Вам непонятна какая-либо часть плана? — спросил Сэндекер.

В глазах Питта отразились потаенные сомнения.

— Это, должно быть, самая безумная схема, о которой мне только приходилось слышать, фактически она еще хуже. Она просто самоубийственна.

Глава 66

Следуя со своей максимальной крейсерской скоростью 460 узлов, «С-5 Гэлакси» пожирал километр за километром, когда ночная тьма упала на северную часть Тихого океана. В грузовом отсеке Джиордино пункт за пунктом проводил проверки электронных и силовых систем «Большого Бена», сверяясь с инструкцией. Сэндекер работал в отсеке-офисе, уточняя информацию и отвечая на вопросы президента и Совета по национальной безопасности, члены которого обливались потом в кризисном штабе, руководя операцией. Адмирал также поддерживал постоянную связь с группой геофизиков, передававших новые данные о геологии морского дна, а также с Перси Нэшем, который отвечал на вопросы Питта об извлечении бомбы из самолета и процедуре ее подрыва.

Всякому, кто проследил бы за поведением Питта в течение последнего часа полета, оно показалось бы более, чем странным. Вместо того, чтобы попробовать напоследок запомнить тысячи подробностей предстоящей операции или обследовать вездеход вместе с Джиордино, он собирал все консервы, которые мог выпросить или купить у экипажа самолета. Он также одолжил всю имеющуюся на борту питьевую воду, тридцать литров, и весь кофе, произведенный самолетной кофеваркой, четыре литра, и погрузил все это в «Большой Бен».

Он вступил в тайный сговор с военным бортинженером, который знал «С-5» лучше, чем кто бы то ни было другой из находившихся на борту самолета. Вместе они установили трос, применявшийся для крепления груза, и небольшую электрическую лебедку над небольшой кабинкой, в которой помещался самолетный гальюн. Удовлетворенный своей бессовестной деятельностью, он влез в вездеход, занял место водителя и начал молча размышлять над почти безнадежным заданием.

Вырезать бомбу из Б-29 и взорвать ее было достаточно сложно, но пытаться проехать двенадцать километров по неизвестной местности, чтобы спастись от последствий взрыва, было и в самом деле крайне сомнительным предложением.

Меньше чем через минуту после того, как транспорт ВВС приземлился на аэродроме в Англии, Лорен и Майка Диаса быстро увезли прочь в

лимузине, сопровождаемом вооруженной охраной, и доставили в Белый дом, тогда как Суму и Тоси впихнули в неярко окрашенный седан и повезли в неизвестное место в Мэриленд.

По их прибытии Лорен и Диаса сразу проводили вниз, в кризисный штаб. Президент встал из-за стола и вышел вперед.

— Вы не представляете, как я рад видеть вас обоих, — сказал он, сияя улыбкой. Он легко обнял Лорен и поцеловал ее в щеку, затем обнял Диаса, словно сенатор был его близким родственником.

Напряженная атмосфера в кризисном штабе несколько разрядилась, когда все поприветствовали недавно освобожденных заложников. Джордан подошел к ним и тихо попросил их пройти в соседнее помещение. Президент присоединился к ним и закрыл за собой дверь.

— Прошу простить меня, что я так тороплю вас, — сказал он, — и я понимаю, что вы оба нуждаетесь в хорошем отдыхе, но для Рея Джордана крайне важно опросить вас, пока готовится операция по ликвидации угрозы Проекта «Кайтен».

— Мы это вполне понимаем, — сказал Диас, счастливый оттого, что снова находится в самой гуще принятия политических решений. — Я уверен, что член Конгресса Смит также присоединится к моим словам, если я скажу, что мы только рады помочь всем, чем только сможем.

Президент учтиво обратился к Лорен:

— Вы не против?

Лорен ощущала отчаянную потребность принять хорошую теплую ванну. На ней не было никакой косметики. ее волосы были растрепаны, и на ней были панталоны и брюки на размер меньше, чем нужно, которые она одолжила у жены авиамеханика на острове Уэйк. Несмотря на все это и крайнее утомление, она все равно выглядела замечательно красивой.

— Пожалуйста, господин президент, что бы вы хотели узнать?

— Если мы можем отложить подробности того, как вас похитили, как с вами обращался Хидеки Сума и как вас чудесным образом освободили, то сейчас нам хотелось бы знать, что вы оба можете нам рассказать об операциях Сумы и центре «Дракон».

Лорен и Диас молча обменялись напряженными взглядами, которые лучше любых слов передавали весь спектр ужасных угроз, таившихся в Эдо-Сити и под островом Сосеки. Она кивнула Диасу, чтобы он говорил первым.

— Из того, что я видел и слышал, я боюсь, что угроза, исходящая от заминированных автомашин и всей связанной с ними программы, — это только верхушка айсберга.

— Пятнадцать минут до сброса, джентльмены, — раздался голос пилота из динамиков, установленных в грузовом отсеке.

— Пора в машину, — сказал Сэндекер.

Питт положил руку на плечо Джиордино.

— Давай-ка сначала посетим гальюн.

Джиордино посмотрел на него.

— Почему сейчас? На «Большом Бене» есть ассенизационная система.

— Мера предосторожности. Невозможно знать, как крепко мы трахнемся об воду. Гонщики «Формулы один» и «Индикар» всегда опорожняют мочевые пузыри перед стартом, чтобы избежать внутренних повреждений в случае столкновения.

— Ну, если ты настаиваешь. — Он подошел к гальюну для членов экипажа и открыл дверь.

Как только он вошел внутрь, Питт подмигнул бортинженеру. Тот ответил коротким кивком, и несколько витков троса упали вниз, окружив туалетную кабинку, затем были туго затянуты лебедкой, и дверь туалета оказалась закрыта наглухо.

Джиордино сразу понял, что произошло.

— Дирк, нет! Боже, не делай этого!

Сэндекер тоже понял, что происходит.

— Ты не сможешь сделать это в одиночку, — сказал он, схватив Питта за руку. — Процедуры требуют двоих.

— Чтобы управлять «Большим Беном», достаточно одного человека. Глупо рисковать двумя жизнями. — Питт подмигнул, увидев, что усилия Джиордино освободиться из клозета стали еще отчаяннее. Маленький итальянец легко мог бы вышибить алюминиевые панели, но обхватывающий их стальной трос прочно обвил кабинку.

— Передайте Джиордино, что я прошу извинить меня и что однажды я намерен извиниться перед ним лично.

— Я могу приказать экипажу освободить его.

— Приказать вы можете, но им придется сражаться со мной, чтобы выполнить этот приказ.

— Вы понимаете, что ставите под угрозу всю операцию? Что, если вы будете ранены при ударе? Без Ала вас некому будет заменить.

Тянулись секунды, а Питт все смотрел на Сэндекера. Наконец он произнес:

— Я не хочу, чтобы моя решимость выполнить задание подрывалась страхом потерять друга.

Сэндекер знал, что он не в силах изменить решение, которое принял его директор специальных проектов. Он медленно сжал обеими руками руку Питта.

— Что бы ты хотел, чтобы я приготовил для тебя, когда ты вернешься?

Питт тепло улыбнулся адмиралу.

— Салат из крабов и текилу со льдом. — Затем он повернулся, пробрался в люк вездехода и задраил его изнутри.

— Условия приемлемые, — подтвердил Сэндекер. С того места, где перед вездеходом стоял Сэндекер, он мог видеть лишь зияющую дыру в грузовой палубе. В тысяче метрах под ними океан был усыпан блестками отраженного лунного света. Он бы предпочел, чтобы сброс происходил днем, при полном штиле и гладкой воде, но рад был уже тому, что сейчас не было тайфуна.

— Двадцать секунд и обратный счет. — Пилот начал отсчитывать секунды в обратном направлении.

Питт кратко помахал им рукой через прозрачный нос огромного вездехода. Если он и волновался, то на его лице нельзя было заметить никаких признаков этого. Джиордино продолжал колотить в дверь туалета с яростью отчаяния, но все звуки заглушал рев ветра, насквозь продувавшего грузовой отсек.

— Пять, четыре, три, два, один, сброс!

Передние концы огромных направляющих вдруг задрались вверх, поднятые гидроцилиндрами, и «Большой Бен» скользнул назад через дыру в палубе, растворившись в темноте. Это движение заняло не больше трех секунд. Сэндекер и члены экипажа на какое-то время оцепенели, пораженные тем, как огромное чудище быстро и бесшумно скрылось из виду. Они осторожно подошли к краю люка и посмотрели назад и вниз.

Огромная масса вездехода была едва заметна в лунном свете. Машина стремительно мчалась вниз, в море, подобно метеору, упавшему с небес.

Транспорт «С-5» был специально переоборудован для сброса грузов в полете. В кабине второй пилот потянул за красную ручку с его стороны приборного щитка и включил электромоторы, распахивающие наружу две широкие створки, образующие часть грузовой палубы.

Сэндекер и два члена экипажа стояли перед вездеходом, привязанные страховочными стропами к прикрепленным к стенам кольцам. Они наклонились вперед против ветра, хлеставшего в зияющую дыру в палубе, и смотрели на Питта. сидевшего в кабине управления «Большого Бена».

— Шестьдесят секунд до точки сброса, — донесся до них через укрепленные на их головах наушники голос пилота. — Ветер у поверхности моря держится на уровне пяти узлов. Небо ясное, луна три четверти. Море слегка волнуется, высота гребней четыре фута. На радаре никаких надводных кораблей.

Глава 67

Многокупольная парашютная система автоматически высвободила уложенные купола, и ночной воздух бешено засвистел, когда три огромных купола длинными плюмажами взвились в темное небо. Затем они наполнились воздухом и с громким хлопком раскрылись; тогда чудовищный вездеход замедлил свой полет, уже достигший скорости курьерского поезда, и начал гораздо медленнее опускаться навстречу волнам.

Питт посмотрел наверх на это ободряющее зрелище, и его дыхание стало ровнее. Первый барьер позади, подумал он. Теперь все, что нужно было ему от вездехода, это чтобы он прошел через поверхность моря на ровном киле и упал через 320 метров воды без фокусов, прежде чем достигнуть дна в целости и правильной стороной вверх. Эта часть операции, подумал он, от него никак не зависела. Ему не оставалось делать ничего иного, как сидеть и наслаждаться этим путешествием и по возможности поменьше трепетать от страха.

Он снова посмотрел вверх и легко разглядел «С-5 Гэлакси», медленно кружащий над вездеходом в лунном свете. Он гадал, освободил ли Сэндекер Джиордино из заточения в клозете. Он легко мог себе представить, как его друг сыплет отборнейшими ругательствами. Боже, сколько же времени прошло, с тех пор как он с группой людей из НУМА начал обживать «Мокрые делянки»? Три месяца, четыре? Казалось, что прошла вечность. И, однако, несчастье, разрушившее глубоководную станцию, казалось, произошло лишь вчера.

Он снова посмотрел на парашюты и подумал, смогут ли они так же хорошо тормозить в воде, как в воздухе.

Инженеры, которые спланировали эту безумную операцию, полагали, что торможение должно произойти нормально. Но они находились в тысячах миль от того места, где сейчас был Питт, и оперировали множеством формул и физических законов, управляющих падением тяжелых тел. Не было проведено никаких экспериментов с моделями, не говоря уже о полномасштабном испытательном сбросе. Все это напоминало один бросок костей, однако проигрыш шел за счет Питта, если они ошиблись в вычислениях.

На глаз оценить расстояние над водой чрезвычайно трудно даже днем и почти невозможно ночью, но Питт разглядел освещенный лунным светом клок пены, сорванный бризом с гребня волны. Удар произойдет не позже чем через пятнадцать секунд, прикинул он. Он отклонил назад свое кресло и плотнее вжался в дополнительный матрасик, который догадалась положить какая-то предусмотрительная душа. Он на прощанье еще раз помахал рукой кружащему над ним самолету, что, как он понимал, было глупо. Они находились слишком далеко, чтобы видеть его в темноте; пилот держался на безопасной для Питта высоте, чтобы турбулентный след летящего гиганта не заполоскал его парашюты.

За внезапным резким ударом последовал оглушающий всплеск, когда вездеход вошел в воду в ложбине между гребнями волн. Машина продавила в поверхности моря приличных размеров воронку и выбросила вверх кольцевую стену воды, красиво заигравшую огнями фосфоресценции. Затем это зрелище пропало из вида, и море сомкнулось над «Большим Беном», словно затянулась гигантская оспина.

Удар был не таким скверным, как ожидал Питт. И он сам, и «Большой Бен» пережили сброс на парашюте без единого синяка или перелома. Питт вернул свое кресло в вертикальное положение и сразу начал проверять все силовые системы, вполне довольный зрелищем зеленых огоньков, протянувшихся через весь приборный щиток, пока компьютер докладывал об отсутствии неисправностей. Затем он включил наружные прожекторы и направил их вверх. Два парашюта были полностью раскрыты, но третий перекрутился и запутался в собственных стропах.

Питт быстро переключил внимание на экран монитора компьютера, набрав нужный код для слежения за скоростью спуска. Цифры поползли по экрану, тревожно мигая. Вездеход опускался в черную пустоту со скоростью шестьдесят один метр в минуту. Наибольшая допустимая скорость спуска, согласно расчетам, составляла сорок два метра. «Большой Бен» опускался на девятнадцать метров в минуту быстрее, чем нужно.

— Слишком занят, чтобы разговаривать? — Через его наушники голос Сэндекера доходил искаженным.

— У меня небольшая проблема. — ответил Питт.

— Парашюты? — спросил Сэндекер, боясь услышать ответ.

— Один из них запутался в стропах, и я потерял сопротивление.

— Какая у тебя скорость спуска?

— Шестьдесят один.

— Плохо.

— Расскажите мне про это.

— Этот вариант рассматривался. Твое место приземления выбиралось из тех соображений, что дно здесь ровное и осадки мягкие. Несмотря на превышение скорости спуска, удар будет мягче, чем при приводнении.

— Меня тревожит не удар, — сказал Питт, беспокойно посматривая на экран телекамеры, нацеленной вниз. — Я тревожусь из-за того, что тридцатитонная машина может на десять метров зарыться в ил. Без ковша «Большой Бен» не сможет откопать сам себя ес іягкой глины, как «Большой Джон».

— Мы тебя оттуда достанем. — пообещал Сэндекер.

— А как же операция?

Голос Сэндекера стал еле слышным:

— Мы закрываем спектакль...

— Держитесь на связи! — вдруг крикнул Питт. — Дно уже видно.

Противный коричневый цвет морского дна поднимался из черноты. Питт внимательно следил, как безжизненная равнина несется навстречу камере. Вездеход ударился о дно и вошел в ил, как кулак входит в бисквитный торт. Огромное облако взметнулось в холодную черную воду и полностью закрыло всякую видимость.

На борту самолета, словно подстегнутые общим страхом, взгляды Джиордино и Сэндекера поднялись вверх и встретились над приборами связи. Их лица были напряжены и мрачны, пока они ждали, когда в наушниках снова раздастся голос Питта.

Весь гнев Джиордино мгновенно стих, как только его освободили из заточения в клозете. Теперь им владела только глубокая озабоченность, пока он дожидался известий о судьбе своего друга.

Там, в глубине, Питт не мог сразу понять, зарылся ли вездеход в ил. Он чувствовал только, что инерция крепко вжимает его в кресло. Видимость исчезла полностью. Камеры и наружные прожекторы показывали лишь

коричневатую муть. Не было никакой возможности определить, покрыта ли кабина тонким слоем ила или погребена под пятиметровой толщей вязкой глины, всасывающей предметы, как зыбучие пески.

К счастью, купола парашютов были подхвачены течением со скоростью три узла и отнесены вбок от вездехода. Питт повернул выключатель, освобождающий карабины, прикрепленные к главным стропам парашютов.

Он включил тяговые двигатели, питаемые от ядерного реактора, и переключил трансмиссию в положение «вперед». Он почувствовал вибрацию, когда огромные гусеницы вгрызлись траками в ил и начали проворачиваться. Почти целую минуту ничего не происходило. Казалось, гусеницы крутятся впустую, почти не создавая тяги вперед.

Затем «Большой Бен» слегка вильнул вправо. Питт передвинул рычажки управления и вернул вездеход в прежнее положение. Он почувствовал небольшое продвижение вперед. Затем повторил этот маневр несколько раз, толкая огромную машину туда и сюда, и с каждым разом она продвигалась вперед чуть дальше, набирая скорость и увеличивая амплитуду своих метаний.

Внезапно вездеход преодолел всасывание вязкого грунта и рванулся вперед и вверх, проехал почти пятьдесят метров и вырвался из облака взбаламученного ила. Вода снова стала прозрачной.

Тянулись долгие секунды, и смутное ощущение торжества начало охватывать Питта. Он сидел тихо, расслабленно, не трогая рычажков управления и позволяя вездеходу спокойно катиться по ровному илистому дну. Он переключил управление на автомат и установил расчетный курс на запад, подождав несколько секунд, чтобы убедиться, что автоматика работает исправно. К счастью, «Большой Бен» вскоре достиг своей максимальной скорости и катился по пустынной подводной равнине так спокойно и плавно, словно вспахивал кукурузное поле в Айове.

Только тогда Питт связался с Сэндекером и Джиордино и доложил, что находится на пути к «Демонам Деннингса».

Глава 68

В Вашингтоне уже стояло утро, когда Джордан получил сообщение от Сэндекера, находившегося западнее на десять часовых поясов. Президент вернулся в свою спальню на второй этаж Белого дома, чтобы принять душ и сменить одежду. Он стоял перед зеркалом и завязывал галстук, когда ему позвонили из кризисного штаба.

— Простите, что я помешал вам, господин президент, — с уважением сказал Джордан, — но я подумал, что вы захотите узнать, что сброс

прошел успешно, Питт и глубоководный разведовательный вездеход на пути к цели.

— Приято начинать день хоть с каких-то хороших новостей для разнообразия. Как скоро они доберутся до бомбардировщика?

— За час, может быть, даже быстрее, если дно окажется ровным и не преподнесет геологических сюрпризов.

— А детонация?

— Потребуется два часа, чтобы извлечь бомбу, и еще три, чтобы достичь запланированного места взрыва, установить детонаторы и дать вездеходу достаточно времени, чтобы выбраться в безопасную зону.

— Трудности были? — спросил президент.

— Адмирал Сэндекер доложил, что падение сквозь воду было несколько рискованным, но вездеход перенес удар без повреждений. Единственная другая накладка, как вы это называете, состояла в том, что Питту каким-то образом удалось оставить Джиордино в самолете, и он выполняет задание в одиночестве.

Президент втайне обрадовался.

— Это меня не удивляет. Он из тех людей, кто скорее пожертвует собой, чем подвергнет риску товарища. Есть что-нибудь новое о заминированных автомобилях?

— Силы, участвующие в поиске, обнаружили двадцать семь штук.

— Есису и Цубои к этому времени, должно быть, знают, что мы дышим им в спины. Если у них уже есть коды для подрыва бомб, мы услышим новости от них.

— Мы скоро будем знать, выиграли ли мы эту гонку или нет, — спокойно ответил Джордан.

Специальный помощник президента Дейл Николс сразу помчался к президенту, едва выйдя из лифта. Президент мгновенно заметил по лицу Николса, что дело срочное.

— У тебя такой вид, словно ты стоишь босиком на муравейнике, Дейл. Что там происходит внизу?

— Вам лучше пройти в комнату связи, господин президент. Ичиро Цубои каким-то образом проник в нашу защищенную линию связи и установил контакт по видеоканалу.

— Он появился на сцене?

— Пока нет. Он ждет, заявив, что будет разговаривать только с вами.

— Предупреди кризисный штаб, чтобы они следили за разговором.

Президент вошел в комнату вниз по коридору от Овального кабинета и уселся в кожаное кресло в конце небольшой платформы, за которой в дальней стене находился высокий и широкий прямоугольный проем. Он нажал на кнопку в подлокотнике кресла и стал ждать. Внезапно разделенные тысячами миль и часовых поясов точки земли слились в одно пространство, одно время, когда трехмерное изображение Ичиро Цубои материализовалось в натуральную величину на другом конце сцены.

Благодаря волшебной технологии фотоники — передачи изображений по волоконнооптическим кабелям — и компьютерной магии, эти два человека могли сидеть и разговаривать, словно они находились в одной комнате. Четкость изображения была столь велика, что образ Цубои был неотличим на глаз от живого человека без всяких признаков размытости или прозрачности.

Цубои неподвижно стоял на коленях на бамбуковом мате, его пальцы были поджаты, руки лежали на бедрах. Он был одет в дорогой деловой костюм, но на ногах не было обуви. Он слегка поклонился, когда изображение президента появилось на его конце линии связи.

— Вы хотите установить диалог, мистер Цубои? — сказал президент, начиная разговор.

— Это верно, — ответил Цубои, нагло отказываясь обращаться к президенту в соответствии с его титулом.

Президент решил выстрелить с бедра.

— Ну, вы безусловно привлекли мое внимание этим ядерным взрывом в Вайоминге. Он, надо полагать, представлял некоторое послание?

Воздействие слов президента было усилено его кажущимся безразличием. Будучи прекрасным политиком, президент тонко разбирался в людях. Он быстро распознал ощутимую напряженность во взгляде Цубои и вывел отсюда, что японцы не имеют надежного силового превосходства, вступив в эти переговоры.

Международный финансовый гений и очевидный наследник гангстерской и промышленной империи Сумы старался выглядеть спокойным и владеющим собой, но предшествующее молчание президента по поводу взрыва оказало свое деморализующее воздействие. Ни он, ни Есису не могли понять, почему глава исполнительной власти совершенно проигнорировал это событие.

— Мы можем сэкономить много слов, господин президент, — сказал Цубои. — Вам известно о наших технических достижениях и превосходстве в оборонной технологии, и к этому времени сенатор Диас, член Конгресса Смит и ваши эксперты из разведки проинформировали вас о наших установках на острове Сосеки.

— Мне отлично известно о вашем центре «Дракон» и Проекте «Кайтен», — парировал президент, заметив, что Цубои ни словом не упомянул Хидеки Суму. — И если вы надеетесь, что я не распоряжусь о нанесении массивного ответного удара, если вы безумно решите взорвать хоть еще одну из ваших бомб, то вы прискорбно заблуждаетесь.

— В наши первоначальные намерения не входило убивать миллионы людей, — настоятельно продолжал Цубои.

— Я знаю, что вы намеревались сделать, мистер Цубои. Попробуйте только, и Армагеддон будет ваш.

— Если вы хотите войти в историю как величайший злодей после Адольфа Гитлера, совершив совершенно иррациональный поступок, то я мало что могу добавить к уже сказанному.

— Вы, кажется, хотели мне что-то сообщить, иначе зачем вы связались со мной?

Цубои выдержал паузу, прежде чем начать атаку.

— У меня есть некоторые предложения, которые я хотел бы выложить на стол.

— Я готов их выслушать.

— Вы прекращаете поиски машин. Если новые машины будут конфискованы, то будут посланы сигналы на подрыв. И поскольку однажды вы уже применили это оружие против моего народа, то я заверяю вас, что без колебаний взорву оставшиеся бомбы в густонаселенных городах.

Президент изо всех сил старался подавить нарастающий гнев.

— Тогда ничья. Вы убьете несколько миллионов наших сограждан, мы истребим все ваше население.

— Нет, вы этого не сделаете. Народ великой Белой Христианской Америки никогда не простит подобной бойни.

— Не все мы белые, и не все христиане.

— Меньшинства, подтачивающие вашу культуру, никогда не поддержат такую позицию.

— Тем не менее они все американцы.

— Как бы то ни было, мой народ привержен идее нашей новой империи и готов умереть за нее.

— Это наглая ложь, — ответил президент. — До сих пор вы и Сума и остальные члены вашей шайки гангстеров действовали подпольно. Японский народ и понятия не имеет, что вы готовы поставить под угрозу их жизни ради завоевания экономического господства. Все эти люди не будут рисковать опустошением своей страны ради амбиций и жадности кучки преступников. Вы не можете говорить от их имени или от имени японского правительства.

Легкая тень улыбки скользнула по лицу Цубои, и президент понял, что его провели.

— Вы можете избежать этого ужасного массового убийства и разрушения обеих наших стран, просто приняв мои предложения.

— Вы имеете в виду требования.

— Называйте как угодно.

— Изложите их, — сказал президент, и в его голосе появились нотки досады. Он потерял самообладание и корил себя за это.

— Не будет никакой национализации или принудительной передачи контроля над нашими компаниями, а также вмешательства судебных органов в какой-либо планируемый проект основания новых японских компаний или покупки недвижимости.

— Это не слишком уж большое дело. Национализация никогда не была в интересах Соединенных Штатов. За двести лет существования нашей страны даже не рассматривался ни один законопроект, основанный на такой неконституционной предпосылке. Что касается последнего, то, насколько мне известно, ни одной японской фирме ни разу не отказывали на основании судебного решения в покупке предприятий или земельных участков в Соединенных Штатах.

— От японских граждан не будут требовать виз для въезда в Соединенные Штаты.

— Вам придется сражаться с Конгрессом по поводу этого требования.

Цубои спокойно продолжал.

— Никаких торговых барьеров или повышенных таможенных пошлин для японских товаров.

— А как насчет аналогичных условий с вашей стороны?

— Это не может быть предметом обсуждения, — ответил Цубои, который явно ожидал подобного вопроса. — Есть серьезные причины, по которым многие ваши товары нежелательны в Японии.

— Продолжайте, — приказал президент.

— Штат Гавайи становится территорией Японии.

Президента заранее предупредили об этом необоснованном требовании.

— Доброжелательное население этого острова и так уже до крайности обозлено тем, что вы сделали с ценами на недвижимость на Гавайях. Сомневаюсь, что им захочется променять Звезды и Полосы на Восходящее Солнце.

— А также штат Калифорния.

— На это я могу ответить только невозможными и недопустимыми для государственного деятеля словами, — цинично сказал президент. — Почему вы остановились на этом? Чего еще вы хотите?

— Поскольку наши деньги держат на плаву ваше казначейство, мы ожидаем возможности быть представленными в вашем правительстве, что означает место в вашем кабинете министров, а также наших людей, занимающих ответственные посты в Казначействе, Министерстве торговли и в Государственном департаменте.

— А кто будет выбирать этих ваших людей, вы с Ёсису или лидеры вашего правительства?

— Мистер Ёсису и я.

Президент был ошеломлен. Это означало пригласить организованную преступность участвовать в руководстве страной на самых высших должностях.

— То, что вы требуете, мистер Цубои, абсолютно немыслимо. Американский народ никогда не потерпит, чтобы его превращали в экономических рабов иностранцев.

— Они жестоко поплатятся, если вы проигнорируете мои условия. С другой стороны, если у нас будет возможность участвовать в принятии решений на уровне американского правительства и делового сообщества, вся ваша экономика разительно изменится к лучшему и обеспечит более высокие жизненные стандарты для ваших граждан.

Президент сжал зубы.

— При вашей монополии прибыли японских компаний и цены на японские товары взлетят до небес.

— У вас также снизится безработица и уменьшится национальный долг, — продолжал Цубои, словно президент был совершенно бессилен изменить ход событий.

— Не в моей власти давать обещания, которые не будут поддержаны Конгрессом, — сказал президент. Его гнев улегся, и теперь он лихорадочно искал способ провести противника и одержать верх. Он опустил глаза вниз, притворяясь окончательно сбитым с толку. — Вы же знаете, как делаются дела в Вашингтоне, мистер Цубои. Вам известно, как работает наше правительство.

— Я полностью осознаю пределы ваших властных полномочий. Но многое вы можете сделать, не испрашивая на это одобрения законодателей.

— Прошу простить меня, мне нужно некоторое время, чтобы переварить ваши несоразмерные требования, — Президент помолчал, чтобы собраться с мыслями. Ему нельзя сейчас лгать и делать вид. что он готов принять все наглые требования Цубои. Это было бы слишком очевидным признаком двойной игры с целью потянуть время. Ему следует вести себя грубо и выглядеть раздраженным Он поднял глаза и уставился прямо в лицо Цубои. — Я не могу в здравом уме согласиться на то, что выглядит как условия безоговорочной капитуляции.

— Это намного лучшие условия, чем вы нам предлагали в сорок пятом году.

— Наша оккупация была куда милостивей и доброжелательней, чем ваш народ имел какие-либо основания рассчитывать, — сказал президент, впиваясь ногтями в подлокотники.

— Я обратился к вам не для того, чтобы обсуждать исторические различия, — грубо заявил Цубои. — Вы слышали наши условия и предупреждены о последствиях их невыполнения. Нерешительность или промедление с вашей стороны не отсрочат трагического исхода.

В глазах Цубои не было ни малейшего признака того, что он блефует. Президент хорошо осознавал, какая угроза нависла над страной, еще более ужасная от того, что автомобили были спрятаны в густонаселенных крупных городах, и маньяки-самоубийцы ждали лишь сигнала, чтобы взорвать их.

— Ваши вымогательские требования оставляют не слишком много места для торговли.

— Ни малейшего, — ответил Цубои безапелляционным тоном.

— Я же не могу просто щелкнуть пальцами и сотворить чудо сотрудничества с политической оппозицией, — сказал президент,

притворяясь раздраженным. — Вам чертовски хорошо известно, что я не могу диктовать Конгрессу. Сенатор Диас и член Конгресса Смит имеют большое влияние в обеих палатах, и они уже вдохновляют своих коллег-законодателей дать вам самый резкий отпор.

Цубои безразлично пожал плечами.

— Я вполне понимаю, что колеса вашей государственной машины увязли в болоте эмоций, господин президент. И ваши избранные члены представительных органов голосуют в соответствии с партийными установками, пренебрегая заботой о благе страны. Но они будут вынуждены примириться с неизбежным, когда вы сообщите им, что два заминированных автомобиля разъезжают в настоящий момент по улицам Вашингтона.

Скверно. Мяч опять был на президентской стороне корта. Ему пришлось сделать над собой титаническое усилие, чтобы остаться невозмутимым и продемонстрировать нотки раздражения.

— Мне понадобится время.

— У вас оно будет. До трех часов пополудни сегодня, по вашингтонскому времени, когда вы должны появиться на национальном телевидении с вашими помощниками и лидерами Конгресса, стоящими рядом и демонстрирующими поддержку, пока вы будете объявлять о новых соглашениях о сотрудничестве между Японией и Соединенными Штатами.

— Вы слишком многого просите.

— Именно так все должно произойти, — сказал Цубои. — И еще одна вещь, господин президент. На любой признак нападения на остров Сосеки мы немедленно ответим взрывом заминированных автомобилей. Я ясно изложил свои намерения?

— Кристально ясно.

— Тогда доброго утра. Я с нетерпением жду вашего выступления по телевидению сегодня во второй половине дня.

Изображение Цубои быстро расплылось и исчезло.

Президент посмотрел на часы на стене. Девять часов. Осталось только шесть. Тот же срок, за который, согласно плану Джордана, Питт должен подорвать старую атомную бомбу и вызвать подводное землетрясение и цунами.

— О Боже, — прошептал он в пустой комнате, — что, если все пойдет не так?

Глава 69

«Большой Бен» пересекал бескрайнюю подводную равнину со скоростью пятнадцать километров в час. Это была чуть ли не космическая скорость для огромного транспортного средства, движущегося под водой по донному илу. Огромное облако взвешенных частиц взвивалось вихрем за ним, поднимаясь, как огромный цветок, ввысь, в непроницаемый мрак, прежде чем рассеяться и медленно осесть на дно.

Питт внимательно следил за картинкой на обзорном экране, подключенном к лазерно-сонарному устройству, просвечивающему дно перед машиной и представляющего разрез в виде трехмерного изображения рельефа поверхности и подстилающих пластов. Подводная пустыня была довольно однообразной, лишь однажды ему пришлось объезжать узкую, но глубокую расселину, но в основном ему удавалось отдохнуть и немного расслабиться.

Ровно через сорок семь минут после того, как он отцепил парашюты и привел «Большого Бена» в движение, на экране появились четкие очертания «Би-29», понемногу заполнившие весь экран. Координаты цели, переданные со спутника «Пирамидер» и введенные в навигационный компьютер вездехода, позволили ему выйти прямо на цель.

Питт находился теперь достаточно близко, чтобы обломки самолета оказались в зоне досягаемости прожекторов вездехода. Он сбавил скорость и объехал вокруг печальных обломков. Самолет выглядел как выброшенная сломанная игрушка на дне прудика на задворках дома. Питт смотрел на него с чувством восторга, которое испытывают ныряльщики, впервые приблизившись к изделию человеческих рук на морском дне. Быть первым, кто увидит, первым, кто прикоснется к утонувшему автомобилю, пропавшему самолету или обломкам кораблекрушения, — это внушающее страх и меланхолию переживание, знакомое, кроме них, разве что тем, кто осмеливается разгуливать после полуночи по дому, где водятся привидения.

Бомбардировщик «Демоны Деннингса» погрузился в ил чуть больше, чем на метр. Одного двигателя не хватало, и правое колесо было отогнуто назад и задрано вверх, словно гротескная рука, тянувшаяся к поверхности. Лопасти трех оставшихся пропеллеров отогнулись назад при ударе о воду, как поникшие лепестки увядающего цветка.

На хвостовой секции высотой с трехэтажный дом были ясно видны следы артиллерийского обстрела. Секция отломилась и лежала в нескольких метрах позади основной части фюзеляжа и немного сбоку. Отсек хвостового стрелка был разбит и разворочен, ржавые стволы 20-миллиметровых пушек уткнулись в ил.

Алюминиевые поверхности тридцатиметрового цилиндрического фюзеляжа были покрыты водорослями и ракушками, но стеклянные окна, опоясывающие нос самолета, все еще оставались прозрачными. Маленький демон, нарисованный под боковым окном кабины пилота, был удивительно чистым, без признаков обрастания или осыпания краски. Питт мог бы поклясться, что его глаза-бусинки глядели ему прямо в лицо, а губы раздвигались в сатанинской ухмылке.

Питт был слишком опытен, чтобы позволить воображению разыграться и нарисовать картину, в которой скелеты членов экипажа по-прежнему сидели бы на своих местах с отвисшими челюстями и поникшими набок черепами, замершие в мертвом молчании. Питт достаточно долго занимался подводным плаванием сквозь остовы затонувших кораблей, чтобы знать, что мягкие ткани человеческого тела растворяются в морской воде первыми, быстро пожираемые придонными рачками. Затем исчезают кости, в конце концов растворяются в соленой ледяной воде. Как ни странно, дольше всего сохраняется одежда, особенно кожаные куртки и ботинки летчиков. Со временем исчезнут и они, как и сам бомбардировщик.

— Осматриваю цель, — доложил он Сэндекеру, сидевшему в кружившем над его головой «С-5».

— В каком она состоянии? — вскоре ответил ему бесплотный голос адмирала.

— Одно крыло сильно повреждено. Хвост оторван совсем, но основная часть фюзеляжа совершенно целая.

— Бомба находится в переднем бомбовом отсеке. Тебе надо поставить «Большого Бена» в том месте, где передняя кромка крыла примыкает к фюзеляжу. Затем сделать разрез через верхнюю часть фюзеляжа.

— Красотке нынче ночью повезло, — сказал Питт. — Правое крыло оторвано назад, что открывает легкий доступ в этом месте. Я могу занять прекрасную позицию, чтобы разрезать шпангоуты сбоку.

Питт маневрировал вездеходом, пока его манипуляторы не смогли дотянуться до переднего бомбового отсека самолета. Тогда он вставил руку в похожее на перчатку управляющее устройство, через электронные датчики и гидроусилители приводящее в движение механические руки манипуляторов, и выбрал из трех инструментов, прикрепленных к «запястью» левого манипулятора, дисковую фрезу для резки металла. Управляя этой системой, словно она была непосредственным продолжением его руки, он проложил и измерил разрез на экране монитора, на который проецировались внутренние сечения конструкций самолета. Он смог выполнить эту сложную операцию, следя за нею по изображениям, показывающим виды места будущего разреза под

несколькими разными углами с близкого расстояния — спереди, сверху, сбоку, — вместо того, чтобы полагаться на прямое наблюдения через прозрачный нос кабины вездехода. Он поднес фрезу к алюминиевой обшивке и ввел в компьютер расположение и глубину разреза. Затем он включил инструмент и стал наблюдать, как он врезался в фюзеляж «Демонов Деннингса» с точностью хирургического скальпеля.

Мелкие зубья дисковой фрезы рассекли потерявший с годами прочность алюминий, из которого был сделан самолет, как лезвие бритвы разрезает бальсовую модель планера. Не было ни искр, ни свечения раскалившегося от трения металла. Материал был слишком мягким, а вода ледяной. Поддерживающие обшивку стрингеры и поперечные элементы жесткости вместе со жгутами кабелей так же легко поддавались фрезе. Когда пятьдесят минут спустя разрез был закончен, Питт подвел к вырезанному куску второй манипулятор. «Запястье» этого манипулятора было оборудовано большим захватом, пальцы которого смыкались, как щипцы.

Захват прошил обшивку, и его пальцы сомкнулись вокруг шпангоута. Рука медленно поднялась вверх и подалась назад, отрывая прочь огромный кусок боковой части и крыши самолета. Питт осторожно развернул манипулятор на девяносто градусов и очень медленно опустил оторванный кусок на покрытое илом дно, так что ему удалось не взбаламутить воду и сохранить видимость.

Теперь перед ним была дыра размером три на четыре метра. Огромная бомба того же типа, что и «Толстяк», сброшенный на Нагасаки, бомба с кодовым названием «Дыхание матери», была ясно видна сбоку через эту дыру. Она висела там, надежно закрепленная широким хомутом и расчалками, зловеще поблескивая в лучах прожекторов вездехода.

Питту все еще оставалось удалить участки туннеля-лаза, проходящего над бомбовым отсеком и соединяющего кабину пилотов с отсеком стрелка в середине фюзеляжа. Часть этого туннеля уже была удалена вместе с узкими металлическими мостиками, проходившими вдоль бомбового отсека, чтобы огромную бомбу можно было втиснуть в брюхо самолета. Ему нужно было также вырезать направляющие, установленные для того, чтобы при сбрасывании бомбы она не зацепилась стабилизаторами.

Эта операция также прошла гладко. Оставшиеся препятствия вскоре были опущены на кучу вырезанных ранее обломков. Теперь ему предстояло выполнить самую сложную часть процедуры извлечения бомбы.

«Дыхание матери», казалось, просто источала смерть и разрушение. Девять футов в длину и пять в диаметре — такие размеры были заданы ее конструкторам, чтобы ее можно было хоть как-то разместить в самом

большом из существовавших тогда бомбардировщиков; она была похожа на большое, толстое, уродливое яйцо, окрашенное в цвет ржавчины, с приделанными у одного конца стабилизаторами, окруженными цилиндрическим защитным кольцом, и чем-то вроде застежки-молнии вокруг среднего сечения.

— Доступ свободен, приступаю к извлечению бомбы, — доложил Питт Сэндекеру.

— Тебе придется использовать оба манипулятора, чтобы извлечь и транспортировать ее, — сказал Сэндекер. — Когда ее в последний раз взвешивали, она потянула почти на пять тонн.

— Мне потребуется один манипулятор, чтобы обрезать подвеску и расчалки.

— Этот вес чрезмерен для одного манипулятора. Он не выдержит такой нагрузки, не сломавшись.

— Я знаю об этом, но ведь мне потребуется время после перерезания троса подвески, чтобы заменить фрезу на захват. Только после этого я смогу осмелиться поднять ее.

— Держись на связи, — приказал Сэндекер. — Я проверю, что предусмотрено инструкцией, и немедленно скажу тебе.

Ожидая ответа адмирала, Питт подвел отрезную фрезу к нужному месту и ухватился захватом за подъемную скобу под подвеской.

— Дирк?

— Слушаю вас, адмирал.

— Пусть бомба упадет.

— Повторите, что вы сказали.

— Обрежь тросы подвески, и пусть бомба свободно упадет на дно. «Дыхание матери» — бомба имплозивного типа, она может выдерживать сильные удары.

Все, что Питт мог увидеть, глядя на устрашающее чудовище, маячившее всего в нескольких метрах перед ним, — это огненный шар, стремительно разбухающий перед его глазами, неизменно демонстрируемый в документальных фильмах.

— Ты слышишь меня? — спросил Сэндекер, и в его голосе звучала нервозность.

— Это факт или слух? — ответил Питт.

— Исторический факт.

— Если вы в ближайшие минуты услышите сильный подводный взрыв, то будете знать, что это вы испортили мне сегодняшний день.

Питт глубоко вздохнут, выдохнул, непроизвольно закрыл глаза и направил фрезу для того, чтобы разрезать тросы подвески. Наполовину проржавевшие за почти пятьдесят лет пребывания в морской воде, тросы легко поддались зубьям фрезы, и огромная бомба упала на закрытые створки бомболюка. Единственный взрыв, который произошел, — это брызнувшее во все стороны облако ила, проникшего в отсек и осевшего на его дно.

В течение неприятной, долгой минуты Питт сидел в оцепенении, чувствуя себя очень одиноким и ожидая, пока муть осядет и бомба опять появится перед глазами.

— Я не слышал взрыва, — уведомил его адмирал спокойным тоном, способным привести в бешенство.

— Вы услышите, адмирал, — сказал Питт, взяв себя в руки и вернув себе способность к рациональному мышлению, — вы обязательно услышите.

Глава 70

Надежда то угасала, то разгоралась опять. До рокового срока оставалось меньше двух часов, а «Большой Бен» тем временем мчался по морскому дну, надежно обхватив «Дыхание матери» клещами своих манипуляторов. Как в последние минуты баскетбольного матча, когда исход и счет еще могут измениться, напряженная атмосфера внутри «С-5 Гэлакси» и в Белом доме все сгущалась, когда операция приближалась к решающей стадии.

— Он опережает график на восемнадцать минут, — тихо произнес Джиордино, — и выглядит неплохо.

— «Как тот, кто на пустынной дороге бредет в страхе и тревоге», — рассеянно процитировал Сэндекер.

Джиордино взглянул на него озадаченно.

— Откуда это, адмирал?

— Кольридж. — Сэндекер смущенно улыбался. — «Старый моряк». Я подумал о Питте, который там внизу, один в бездне, с миллионами жизней на его плечах, путешествует во тьме, в каких-то сантиметрах от мгновенной огненной гибели...

— Мне бы следовало быть сейчас с ним, — горько сказал Джиордино.

— Мы оба прекрасно знаем, что ты бы запер в клозете его, если бы первый догадался это сделать.

— Верно. — Джиордино пожал плечами. — Но я не догадался. А сейчас он смотрит смерти в лицо, пока я торчу здесь, как манекен в витрине.

Сэндекер взглянул на карту и красную линию, изображавшую путь Питта по морскому дну до Б-29 и затем оттуда к месту взрыва.

— Он сделает это и вернется живым, — пробормотал он себе под нос. — Питт не из тех людей, которые легко примиряются со смертью.

Масудзи Кояма, опытный специалист Сумы по обнаружению целей, стоял за спиной оператора радарной установки и показывал на цель Ёсису, Цубои и Такеде Куродзиме, собравшимся у экрана радара.

— Очень крупный транспортный самолет американских ВВС, — объяснял он. — Компьютерное распознавание показывает, что это «С-5 Гэлакси», способный перевозить очень большие грузы на громадные расстояния.

— Высказали, что он ведет себя крайне странно? — спросил Есису.

Кояма кивнул.

— Он прилетел сюда с юго-востока, следуя в направлении базы американских ВВС на острове Симодате, это воздушный коридор, используемый их военными самолетами и проходящий в пределах от семидесяти до ста километров от нашего острова. Следя за ним, мы обнаружили, что от него отделился какой-то объект и упал в море.

— Упал с самолета?

— Да.

— Вы можете определить, что это за предмет?

Кояма покачал головой.

— Все, что я могу сказать вам, это что он, похоже, опускался медленно, словно на парашюте.

— Подводный чувствительный датчик, может быть? — задумчиво сказал Куродзима, главный директор центра «Дракон».

— Это возможно, хотя он выглядел слишком большим для гидроакусгического буя. — Очень странно, — подумав, заметил Ёсису.

— С тех пор, — продолжал Кояма, — самолет находится в этом районе, описывая круги над местом сброса.

Цубои посмотрел на него.

— Как долго?

— Почти четыре часа.

— Вы перехватили какие-нибудь радиопереговоры?

— Несколько очень коротких сигналов, но они были электронно кодированы.

— Рекогносцировщик! — выпалил Кояма, словно на него вдруг сошло откровение.

— Что такое рекогносцировщик? — спросил Ёсису.

— Самолет со сложным радиоэлектронным оборудованием для обнаружения и разведки целей и аппаратурой связи, — объяснил Кояма. — Они используются в качестве летающих командных центров для руководства боевыми операциями.

— Президент — коварный лжец! — внезапно прошипел Цубои. — Он пустил мне дым в глаза и притворился, что готов принять наши условия, чтобы выиграть время. Теперь все стало ясно, он собирается начать нападение на остров с помощью сил специального назначения.

— Но зачем тогда он действует столь очевидным образом? — тихо сказал Цубои. — Американской разведке хорошо известно, что мы можем обнаруживать и отслеживать интересующие нас цели на таких расстояниях.

Кояма глядел на изображение самолета на экране радара.

— Он может выполнять задание по электронной разведке нашей оборонительной системы.

На лице Цубои застыло гневное выражение.

— Я немедленно свяжусь с президентом и потребую, чтобы он убрал этот самолет из наших вод.

— Нет, у меня есть лучший план. — Губы Ёсису раздвинулись в зловещей, ледяной улыбке. — Послание, которое президент поймет.

— Какой у тебя план, Корори? — с уважением спросил Цубои.

— Очень простой, — ответил Ёснгу с бесстрастной прямотой. — Мы собьем его.

В течение шести минут после этого разговора две ракеты «Тосиба» класса «земля-воздух» с головками инфракрасного самонаведения взвились со стартовых установок и устремились к «С-5», экипаж которого ни о чем не подозревал. Беззащитный, устрашающе уязвимый

самолет не был оснащен системами оповещения о нападении. Он продолжал выполнять свое задание по отслеживанию продвижения «Большого Бена», кружа над морем в полном неведении относительно страшной угрозы, стремительно приближающейся к его огромному фюзеляжу.

Сэндекер пошел в отсек связи, чтобы послать доклад о ходе операции в Белый дом, пока Джиордино оставался в штабном отсеке. Джиордино стоял, склонившись над столом и изучая отчет морского геолога о подводном желобе, который предстояло пересечь Питту, чтобы оказаться в безопасности на берегу Японии. Он, наверно, уже в пятый раз промерял расстояние, когда первая ракета попала в самолет и взорвалась со страшным грохотом. Ударная волна, а за ней волна декомпрессии швырнула его на стол. Оглушенный, он едва успел опереться на стол локтями, как вторая ракета ударила в нижний грузовой отсек и вырвала огромную зияющую дыру в брюхе самолета.

Конец должен был быть быстрым и драматическим, но первая ракета не взорвалась сразу после удара о бок самолета. Она пробила обшивку в промежутке между шпангоутами в верхней части фюзеляжа, пролетела через грузовой отсек и взорвалась, когда прошивала нервюры корпуса на противоположной стороне отсека. Основная сила взрыва была направлена в ночной воздух снаружи, что спасло самолет от немедленной гибели. Взорвись ракета на долю секунды раньше, его бы разорвало на части.

Еще не успев оправиться от шока, Джиордино подумал: теперь самолет должен рухнуть вниз, он не сможет лететь дальше. Однако он ошибся в каждом из этих предсказаний. Огромная машина «Гэлакси» вовсе не собиралась умирать. Чудесным образом ничего не загорелось, и только одна из систем управления аэродинамическими отклоняющимися плоскостями была повреждена. Несмотря на свои зияющие раны, машина уверенно держалась в воздухе.

Пилоту пришлось послать подбитый самолет в пикирование, прежде чем снова выровнять машину менее чем в тридцати метрах над морем и лечь на курс в южном направлении, прочь от острова Сосеки. Двигатели работали нормально, и кроме вибрации и возросшего сопротивления из-за пробоин в фюзеляже, главной заботой пилота была потеря управления рулем высоты.

Сэндекер прошел в заднюю часть самолета вместе с бортинженером, чтобы оценить размеры повреждений. Они увидели Джиордино, осторожно ползущего на четвереньках по грузовому отсеку. Цепляясь за шпангоуты, как утопающий за соломинку, он с явным отвращением завороженно смотрел через зияющую дыру на море, проносящееся мимо и сверкавшее, как ртуть.

— Будь я проклят, если я собираюсь прыгать! — прокричал он, стараясь перекрыть свист ветра, насквозь продувающего самолет.

— Я тоже вовсе и не думаю этого делать! — крикнул в ответ Сэндекер.

Бортинженер со страхом и изумлением смотрел на повреждения.

— Что здесь, черт возьми, произошло?

— В нас попали две ракеты «земля-воздух»! — прокричал ему Джиордино.

Джиордино замахал руками Сэндекеру, показывая на нос самолета и предлагая уйти подальше от ураганного ветра. Они пробрались в кабину пилотов, пока бортинженер начал обследовать повреждения в развороченном днище. Они нашли пилотов спокойно борющимися с механизмами управления машиной и вполголоса совещающимися между собой, словно они выполняли пример из учебника, как надо действовать в случае аварии, отрабатывая его на учебном тренажере.

Джиордино устало опустился на пол, благодаря судьбу, что остался в живых.

— Поверить не могу, что эта большая пташка все еще летит, — радостно пробормотал он. — Напомните мне, чтобы я не забыл расцеловать ее конструкторов.

Сэндекер склонился над приборным щитом между креслами пилотов и быстро окинул взглядом приборы, чтобы оценить повреждения. Затем он спросил:

— Какие у нас шансы?

— У нас еще сохранились электрические приводы и часть гидравлических, управляемость достаточна для маневрирования, — ответил первый пилот, майор Маркус Тернер, крупный краснолицый техасец, обычно веселый и любящий пошутить, но теперь напряженный и мрачный. — Но взрыв, должно быть, перерезал топливные магистрали от главного бака. Показания уровня топлива сильно упали всего за две минуты.

— Вы можете оставаться барражировать над точкой за пределами радиуса действия ракет?

— Нет.

— Я могу приказать это от имени президента, — резким тоном сказал Сэндекер.

Тернеру это не понравилось, и он не собирался уступать.

— Не сочтите это проявлением неуважения, адмирал, но этот самолет, похоже, в любую секунду может разломиться на части. Если у вас есть склонность к самоубийству, то это ваша проблема. Мой же долг — спасти свой экипаж и свой самолет. Как профессиональный военный моряк вы понимаете, о чем я говорю.

— Я вполне понимаю ваши чувства, но мой приказ остается в силе.

— Если машина не развалится и мы будем очень экономно расходовать горючее, мы сможем совершить посадку на аэродроме Наха на Окинаве, — продолжал невозмутимо Тернер. — Это ближайшая длинная посадочная полоса вне самой Японии.

— Окинава исключается, — кратко объявил Сэндекер. — Мы выйдем из зоны действия зенитных систем острова и будем держаться в радиусе возможности связи с моим человеком на дне. Эта операция слишком важна для нашей национальной безопасности, чтобы ее можно было прервать. Постарайтесь удержать нас в воздухе так долго, как только сумеете. В крайнем случае сажайте машину в море.

Лицо Тернера покраснело, с него начал катиться пот, но ему удалось натянуто улыбнуться:

— Хорошо, адмирал, но советую приготовиться к дальнему заплыву до ближайшего берега.

Но тут, словно судьба хотела добавить к удару еще и оскорбление, Сэндекер почувствовал на своем плече чью-то ладонь. Он быстро обернулся. Это был радист. Он посмотрел на Сэндекера и безнадежным жестом покачал головой, что означало дурные новости.

— Сожалею, адмирал, но радио не работает. Мы не можем ни передавать, ни принимать.

— Это решает дело. Мы не сможем сделать ни черта, летая здесь с неисправной рацией.

Сэндекер смотрел на Джиордино, и в каждой глубокой морщине на лице адмирала читались досада и душевная боль.

— Дирк не узнает, в чем дело. Он подумает, что его бросили.

Джиордино оцепенело уставился через ветровое стекло в какую-то точку между черным морем и черным небом. Он чувствовал боль в сердце. Уже во второй раз за последние несколько недель у него возникло ощущение, что он подвел своего лучшего друга. Наконец он обернулся к адмиралу, и, как ни странно, тот улыбался.

— Дирку мы сейчас не нужны. Если кто-либо вообще способен взорвать эту чертову бомбу и вывести «Большого Бена» на берег, то это сделает он.

— Я тоже ставлю на него, — сказал Сэндекер с полной убежденностью.

— Окинава? — спросил Тернер, крепко сжимая в руках штурвал.

Очень медленно, долго, трудно, словно он бился с дьяволом за свою душу, Сэндекер обернулся к Тернеру и кивнул.

— Окинава.

Гигантский самолет развернулся на новый курс и улетел в темноту. Через несколько минут шум его двигателей стих вдали, и море осталось лежать безмолвным и пустым, если не считать одного человека на дне.

Глава 71

«Большой Бен» остановился на самом краю огромного желоба глубиной два и шириной десять километров, протянувшегося по дну моря. Он выглядел нелепо с неуклюжей яйцевидной бомбой, зажатой в его манипуляторах. Из кабины вездехода Питт мрачно смотрел вниз на уходящий во мрак склон желоба.

Место, которое геофизики сочли наиболее подходящим для того, чтобы взрыв вызвал оползень склона желоба, что в свою очередь должно было породить сейсмическую морскую волну, находилось примерно в тысяче двухстах метрах ниже края желоба. Но крутизна склона оказалась на целых пять процентов больше рассчитанной по спутниковым снимкам. И, что еще хуже, гораздо хуже, верхний слой осадочных отложений, образующих склоны желоба, по своей консистенции напоминал жирную глину.

Питт погрузил в донный ил телескопический зонд, и его ничуть не обрадовали результаты геологических измерений, появившиеся на экране компьютерного монитора, Он понял, насколько опасным было его положение. Ему предстояла изматывающая борьба за то, чтобы не дать тяжелой машине соскользнуть вниз по склону и, подобно саням, скатиться вниз до самого дна желоба.

И к тому же, стоит ему решиться и пересечь на вездеходе край желоба, он никогда уже не сможет выбраться обратно. Грунтозацепы на гусеницах никогда не смогут обеспечить достаточное сцепление со склоном, чтобы вытащить тяжелый вездеход вверх и через край желоба и далее в безопасное место за оставшееся до взрыва время. После установки устройства, которое должно было через рассчитанный промежуток времени замкнуть цепь детонации, он решил продолжать двигаться вниз по диагонали, как лыжник, траверсирующий

заснеженный склон. Его единственный шанс на спасение, причем шанс, не слишком отличающийся от нуля, состоял в том, чтобы использовать силу тяжести для увеличения скорости вездехода и вывести «Большой Бен» за пределы зоны обвала, прежде чем он захватит своей непреодолимой силой, сметет вниз и похоронит машину под многометровой толщей глины на ближайшие десять миллионов лет.

Питт правильно оценивал, насколько тонка была черта между спасением и гибелью. Криво усмехнувшись, он подумал, что закон Мэрфи работает без выходных. Мало того, что он упустил возможность иметь рядом с собой Джиордино, теперь еще по совершенно загадочной причине он потерял всякую связь с «С-5 Гэлакси». Разумеется, причина должна была быть действительно серьезной. Джиордино и Сэндекер никогда бы не бросили его в одиночестве просто так. Теперь было слишком поздно для объяснений и слишком рано для последних прощаний.

Питту было неуютно и одиноко, и он не слышал человеческого голоса, который мог бы поддержать его морально. Он чувствовал, как усталость прокатывается по телу огромными мохнатыми волнами. Он обмяк в кресле водителя, весь его оптимизм куда-то испарился. Он в последний раз проверил координаты места взрыва и посмотрел на часы.

Затем он переключил «Большой Бен» на ручное управление, врубил передачу переднего хода и перевалил огромную гусеничную машину через край, вниз по крутому склону.

Машина сильно разогналась после первой сотни метров спуска, и Питт начал сомневаться, удастся ли ему остановить ее прежде, чем она неудержимо заскользит на дно желоба. Он быстро обнаружил, что торможением гусениц он не может ограничить ее скорость. Трения между грунтозацепами и скользкой глиной просто не существовало. Огромное механическое чудище начало скользить по глинистому дну, как потерявший управление тягач с полуприцепом на крутом уклоне дороги.

Шарообразная бомба бешено раскачивалась в сжимающих ее манипуляторах. Поскольку она висела прямо перед носом машины, Питт не мог не глядеть на нее, и при каждом взгляде на эту зловещую штуку какой-то внутренний голос нашептывал, что он глядит на орудие своей надвигающейся гибели.

Вдруг еще одна страшная мысль пришла ему в голову. Если бомба выскользнет из захватов и покатится вниз по склону, ему уже никогда не добраться до нее. Он оцепенел от страха, не страха смерти, а страха провалить задание сейчас, когда цель так близка.

Питт начал действовать быстро, не заботясь о том, что идет на риск, который не позволил бы себе ни один здравомыслящий человек. Он переключил передачу на задний ход и прибавил мощности. Грунтозацепы бешено вгрызались в скользкий ил, отбрасывая его вперед, и «Большой Бен» потихоньку стал замедлять свой бег, он уже не мчался, а полз.

Стена взбаламученного ила окутала машину, когда ему удалось, наконец, полностью остановить ее. Он терпеливо ждал, пока видимость не вернется вновь, прежде чем осторожно проехать вперед пятьдесят метров, затем переключить передачу на задний ход и снова затормозить вездеход до полной остановки. Он продолжал повторять эту последовательность действий, пока не вернул себе контроль над движениями машины и не почувствовал, как гусеницы взаимодействуют со скользким грунтом склона.

Теперь его движения за рычагами управления стали очень торопливыми. Каждая проходящая минута усиливала его отчаяние. Наконец, после почти тридцати минут напряженнейших усилий совладать с почти неуправляемой машиной и заставить ее двигаться туда, куда ему было нужно, навигационный компьютер сообщил, что он достиг намеченной точки. Слава Богу, ему удалось найти небольшую горизонтальную полочку, выпирающую из склона. Он отключил ходовую систему и остановил машину.

— Я прибыл на место запланированного взрыва и приступаю к снаряжению бомбы, — объявил он в переговорное устройство в тщетной надежде, что Сэндекер и Джиордино где-то там, наверху, возможно, еще слушают его.

Не теряя времени, он опустил манипуляторы и положил бомбу на мягкий осадочный грунт. Затем он разжал захваты и заменил их на рабочие инструменты. Он еще один раз вставил руку в перчатку управления манипулятором и, очень осторожно орудуя ножницами для резки листовой стали, удалил панель на хвостовой части бомбы, под которой находились приборы управления детонацией.

В этом небольшом приборном отсеке размещались четыре радарных датчика и чувствительное реле давления — барометрический переключатель. Если бы бомбу сбрасывали так, как предусмотрели ее конструкторы, то радарные устройства посылали бы радиоимпульсы, отражающиеся от наземной цели. По достижении заданной высоты совпадающие показания двух независимых радарных устройств должны были замкнуть цепь детонации, посылающую сигнал взрывателям, размещенным впереди на сферической оболочке из взрывчатого вещества. Второй системой детонации служил барометрический

переключатель, который тоже должен был замкнуть цепь детонации на заранее выбранной высоте.

Однако ни одна из этих целей детонации не могла быть замкнута, пока бомба находилась внутри самолета. Все они замыкались через контакты таймерных устройств, остающихся разомкнутыми до тех пор, пока бомба не окажется далеко от бомбового отсека. Таймеры запускались лишь в момент сброса, иначе «Демоны Деннингса» испарились бы в огненном шаре преждевременной детонации.

После удаления панели приборного отсека Питт привинтил к концу левого манипулятора миниатюрную видеокамеру. Он быстро нашел барометрический переключатель и навел на него объектив. Изготовленный из бронзы, стали и меди, он немного заржавел, но был все еще цел.

Затем Питт прикрепил к одному манипулятору захват с тремя маленькими пальцами. Согнув манипулятор в «локте» и подведя его назад, к передней части вездехода, он открыл его пальцами тяжелую решетчатую крышку инструментального ящика и достал оттуда странный фарфоровый предмет, выглядевший как маленький сдутый футбольный мяч. В его вогнутое дно была вделана медная пластинка, окруженная по краям мягким липким герметиком. Вид этого предмета был обманчив. На самом деле он был очень хитроумно устроенным герметизированным контейнером, заполненным инертной пастообразной смесью полимера и кислоты. Фарфоровые стенки контейнера, содержащего едкую смесь, были тщательно изготовлены по шаблону, и им была придана такая форма, чтобы этот сосуд плотно накрывал барометрический переключатель, образуя герметическое соединение с корпусом бомбы.

Питт с помощью захвата манипулятора накрыл переключатель фарфоровым контейнером. Когда тот плотно сел на место, он осторожно вытащил крохотную пробочку, чтобы морская вода могла начать очень медленно просачиваться в контейнер. Когда инертная масса, находившаяся в контейнере, вступала в контакт с соленой водой, происходила химическая реакция и масса становилась активной, очень едкой и агрессивной. После того, как она разъест медную пластинку на дне контейнера — толщина последней была выбрана с таким расчетом, чтобы на это потребовался час времени, — едкая смесь, содержащая кислоту, начнет разъедать медные детали барометрического переключателя, что приведет к возникновению разности потенциалов; это напряжение поступит по цепям детонации на взрыватели, и бомба взорвется.

Когда Питт убрал манипуляторы и осторожно подал «Большого Бена» назад, прочь от зловещего чудовища, лежащего как толстое, покрытое

слизью выпячивание в глинистом дне, он быстро кинул взгляд на цифровые часы в приборном щитке.

Ему предстояла нелегкая гонка. «Дыхание матери» взорвется с опозданием на сорок восемь лет, но до нового предельного срока, принадлежащего уже другой эпохе.

— Есть новости? — нетерпеливо спросил президент из Овального кабинета.

— У нас по неизвестной причине прервалась связь, — Доложил Джордан из кризисного штаба.

— Вы потеряли контакт с адмиралом Сэндекером?

— Боюсь, что так, господин президент. Мы использовали все доступные нам средства, но не смогли снова связаться с его самолетом.

Президент почувствовал, как ею охватывает цепенящий страх.

— Что пошло не так?

— Мы можем только гадать. Во время последнего пролета «Пирамидера» над этим районом было видно, что самолет покинул тот участок акватории, откуда он мог связаться с вездеходом, и держит курс в направлении острова Окинава.

— В этом нет никакого смысла. Зачем Сэндекеру понадобилось прекращать операцию после того, как Питт успешно извлек бомбу из «Демонов Деннингса»?

— Он бы не сделал этого, если бы только с Питтом не случилась серьезная авария, из-за которой он не может произвести подрыв.

— Значит, все кончено? — с тяжким вздохом спросит президент.

Когда Джордан ответил, в его голосе прозвучала надтреснутая нота поражения.

— Мы не узнаем в точности, что там произошло, пока адмирал снова не выйдет на связь.

— Какие у вас есть последние сведения о поиске заминированных машин?

— Специальные силы ФБР, задействованные для этого, нашли и обезвредили еще три бомбы, все в крупных городах.

— И кто их водители-люди?

— Все они фанатичные сторонники Сумы и «Золотых Драконов», готовые и жаждущие пожертвовать своими жизнями. Тем не менее ни

один из них не оказал сопротивления и не попытался взорвать бомбы, когда их арестовывали агенты ФБР.

— Откуда такое послушание?

— Им было приказано взрывать бомбы в своих машинах лишь после получения закодированного сигнала из центра «Дракон».

— Сколько таких машин еще остается спрятанными в наших городах?

Наступило напряженное молчание, и затем Джордан медленно произнес:

— По крайней мере десять.

— Боже мой! — потрясенно воскликнул президент. Вслед за шоком пришел невыносимый страх и невозможность поверить, что все это правда.

— Я по-прежнему надеюсь на Питта. — тихо сказал Джордан. — Нет никаких данных, что ему не удалось установить на бомбе детонирующее устройство.

Слабый проблеск надежды вновь появился в глазах президента.

— Скоро ли мы сможем узнать это наверняка?

— Если Питту удалось выдержать график, то взрыв произойдет в течение ближайших двенадцати минут.

Президент смотрел в стол невидящими глазами. Когда он заговорил вновь, его голос был так слаб, что Джордану еле удалось разобрать слова:

— Скрести пальцы, Рей, надейся и жди. Это все, что мы сейчас можем сделать.

Глава 72

Когда кислотная смесь прореагировала с соленой водой, она постепенно растворила пластинку-таймер и вступила в электрохимическое взаимодействие с медными частями барометрического переключателя. Возникла разность потенциалов, через контакты переключателя создавшая ток в цепи детонации.

Прождавшие этого момента почти пять десятилетий, детонаторы, расположенные в тридцати двух разных точках оболочки бомбы, сработали, и сила кумулятивного взрыва сжала плутониевую сферу в плотный небольшой комок. Началась цепная реакция: нейтроны, расщепляя ядра плутония, порождали новые нейтроны. Температура расщепляющейся критической массы за миллионные доли секунды

достигла нескольких миллионов градусов, а давление — тысяч тонн на квадратный сантиметр. Газовый шар из раскаленной плазмы стал стремительно расширяться и всплывать вверх, пока не пробил поверхность воды, взмыв в воздух. За ним поднимался огромный столб воды и тут же разбрасывался в стороны облаками брызг, разметываемыми ударной волной.

Поскольку вода почти несжимаема, она является идеальной средой для распространения ударных волн. Проходя за секунду почти два километра, фронт возмущения настиг и перегнал «Большого Бена», пересекающего склон на расстоянии всего восемь километров от точки взрыва, что было на добрых четыре километра ближе, чем предусматривал первоначальный план, из-за мучительно медленного продвижения машины по глинистому грунту. Волна давления ударила по огромному вездеходу, как. кузнечный молот по железной бочке, но машина выдержала удар с несокрушимой стойкостью полузащитника «Лос-Анджелесских Баранов», блокирующего нападающего.

Даже в этот момент, когда сильный удар и стена яростно крутящегося ила накрыли вездеход, полностью уничтожив видимость, Питт не чувствовал ничего, кроме торжества. Все тревоги остались позади, взрыв произошел. Полностью положившись на сонарные зонды, он вел вездеход сквозь вихри поднятых со дна осадков. Его путь пролегал по длинной полочке, протянувшейся вдоль желоба посередине склона, но скорость его продвижения увеличилась лишь на несколько километров по сравнению с той, которую он развивал на более крутых участках. Сцепление между гусеницами и грунтом улучшилось едва заметно. Все попытки вести огромное механическое чудище по прямой оказались тщетны. Оно пробуксовывало в любом месте склона, как грузовик на обледеневшей дороге.

Питт вполне понимал, что его жизнь висит на волоске и что он проигрывает гонку, стараясь уйти от надвигающегося оползня. Шансы, что обвал начнется прежде, чем он успеет выйти из опасной зоны, были настолько высоки, что ни один уважающий себя букмекер не взял бы ставку на выигрыш Питта. Он отбросил все страхи, теперь им двигала только упрямая решимость выжить.

На поверхности, невидимый во тьме, фонтан брызг поднялся вверх на 200 метров и опал обратно в море. Но глубоко в зоне разлома под дном океанического желоба ударные волны вызвали вертикальные подвижки земной коры. Толчок следовал за толчком, края трещины поднимались и опускались, трещина расширялась, что создавало картину сильного землетрясения.

Множество слоев осадочных отложений, накопившихся за миллионы лет, сдвигались, что заставляло тяжелую лавовую породу, из которой

состоял остров Сосеки, опускаться вниз, как в сыпучий песок. Изолированная снизу мягкими, податливыми осадочными породами, огромная масса острова казалась не поддающейся первым толчкам землетрясения. Но через несколько минут скальный массив начал оседать в море, и волны прибоя начали подниматься вверх по склонам прибрежных утесов.

Остров Сосеки продолжал опускаться, пока подстилающие слои осадков не спрессовались и плавающий на них скальный массив замедлил свое оседание и наконец стабилизироваться на новом уровне. Теперь волны уже не разбивались у подножия утесов, а перекатывались через их изрезанные вершины и хлестали по стволам деревьев.

Прошло лишь несколько секунд после взрыва и вызванных им сейсмических толчков, как огромный участок восточного склона желоба содрогнулся и зловеще выпучился. Затем со страшным громоподобным грохотом сотни миллионов тонн осадочных пород отслоились от склона и с нарастающей скоростью устремились вниз, обрушившись на дно желоба. Энергия обвала создала колоссальной мощности волну давления, побежавшую вверх к поверхности и образовавшую выпучивание на поверхности воды.

Так образовалось несокрушимое цунами.

В открытом море высота водяного бугра достигала всего одного метра, но это вздутие быстро разгонялось и, достигнув скорости 500 километров в час, покатилось на запад. Такая одиночная волна обладает ужасающей разрушительной силой, ничто не может ей противостоять; в природе не существует более разрушительного явления. И всего в двадцати километрах от места, где эта волна зародилась, прямо на ее пути стоял тонущий остров Сосеки.

Все было готово для катастрофы.

Гибель центра «Дракон» была неотвратима.

Цубои, Есису и их подчиненные все еще находились в помещении командного пункта обороны острова, прослеживая курс летевшего на юг подбитого «С-5 Гэлакси».

— Два попадания ракет, а он все еще летит, — с удивлением заметил Есису.

— Он еще может упасть… — Цубои умолк на полуслове, скорее почувствовав, чем услышав отдаленные раскаты взрыва «Дыхания матери». — Вы слышали это? — спросил он.

— Да, как далекий удар грома, — сказал Кояма, не повернув головы. Он все еще смотрел на экран радара. — Наверно, это отзвуки грозы доносятся по вентиляционным трубам.

— Вы тоже это чувствуете?

— Я ощущаю слабую вибрацию, — ответил Есису.

Куродзима пренебрежительно пожал плечами. Японцы привыли к сотрясениям почвы. На их главных островах ежегодно регистрируется свыше тысячи подземных толчков, и недели не проходит, чтобы их жители не почувствовали, что земля под ногами ходит ходуном.

— Это просто сейсмические толчки. Остров расположен рядом с активным разломом. Мы здесь постоянно испытываем такие толчки. Не о чем беспокоиться. Остров состоит из сплошного скального массива, и центр «Дракон» был спроектирован и построен в расчете на сильное землетрясение.

Незакрепленные предметы в помещении командного пункта слегка задребезжали, когда затихающая сейсмическая волна от взрыва прошла через него. И тут фронт ударной волны, вызванной сдвигом по подводному разлому, подошел к острову и обрушился на него как гигантский сокрушительный таран. Казалось, что весь центр «Дракон» зашатался и затрясся в самых немыслимых направлениях. На лицах каждого из присутствующих в помещении появилось сначала удивление, затем удивление сменилось тревогой, и, наконец, на смену тревоге пришел страх.

— Какое сильное землетрясение, — нервно заметил Цубои.

— Таких сильных толчков мы еще ни разу не ощущали, — бормотал Куродзима, прислонившись спиной к стене и вцепившись в нее широко раскинутыми руками.

Есису стоял совершенно неподвижно, словно рассерженный происходящим.

— Вы должны забрать меня отсюда, — потребовал он.

— Здесь мы в большей безопасности, чем в туннеле! — прокричал Кояма, пытаясь перекрыть все нарастающий грохот.

Всех, кто не успел схватиться за что-нибудь закрепленное, швырнуло на пол, когда сейсмические волны растрясли рыхлый слой осадочных пород под скальным массивом. Командный центр трясло и болтало теперь еще сильнее, чем прежде, когда остров начал ерзать взад-вперед, опускаясь в ставшую жидкой глину. Все оборудование, которое не было привинчено к столам или стенам, стало падать на пол и опрокидываться.

Цубои зажался в угол и оцепеневшими от ужаса глазами смотрел на Куродзиму.

— Кажется, мы падаем вниз!

— Должно быть. остров опускается! — в страхе прокричал в ответ Куродзима.

Никто из перепутанных людей, находившихся внутри подземного комплекса, еще не знал, не мог знать, что титаническая водяная гора цунами мчалась на них, отстав от ударных волн всего на две минуты.

Питт вцепился в рычаги ручного управления. «Большой Бен» с черепашьей скоростью полз сквозь вязкую глину, все время соскальзывая вниз, в направлении дна желоба. Гусеницы то и дело теряли сцепление с грунтом, а вездеход боком сползал вниз по склону, пока нижние края гусениц не нагребали достаточно ила, чтобы зарыться в него, скольжение замедлялось, и сцепление с грунтом снова восстанавливалось.

Питт чувствовал себя как слепой, который едет на тракторе в ослепшем мире. Только несколько циферблатов и индикаторов, а также экран с несколькими горевшими на нем цветными словами давали ему какое-то представление о происходящем. Он оценил свои шансы исходя из той картины, которую рисовал сонарно-лазерный сканнер, и пришел к выводу, что до тех пор, пока он остается завязшим в иле и глине, спасти его может разве что чудо. Если расчеты геофизиков верны, то он еще и близко не продвинулся к границе безопасной зоны, где он был бы вне досягаемости надвигающегося обвала.

Теперь все зависело от того, удастся ли ему найти твердую почву или скальный грунт, которые были бы устойчивы и могли выдержать удар оползня, не. сорваться вниз вместе с вездеходом. Но и в этом случае главным препятствием оставался сам желоб. Он находился не на той стороне, где нужно. Чтобы достичь безопасности на японском побережье, ему нужно было провести огромный вездеход вниз по склону до дна желоба и снова подняться по противоположному склону.

Он не видел, и его сканнер не мог сообщить ему о том, что ни твердой почвы, ни пологих склонов, по которым вездеход мог бы выбраться на плоское дно, не существовало. Напротив, огромный разлом морского дна только углублялся и изгибался к юго-востоку, не предоставляя никаких шансов покинуть его на протяжении свыше восьмисот километров. И слишком поздно сканнер показал, что мощный сейсмический оползень начался на восточном склоне желоба, подобно тому, как осыпается кучка песка в песочных часах, и, все распространяясь по фронту, с невероятной скоростью приближается к нему.

«Большой Бен» все еще пробивался через мягкий ил, когда обвал настиг его. Питт почувствовал, что грунт под гусеницами вездехода заскользил вниз, и понял, что проиграл гонку. Звук обвала донесся до него, как рев водопада. Он увидел, как смерть протянула палец и коснулась его. Он едва успел напрячь мускулы. Прежде чем огромный вал жидкой грязи охватил вездеход со всех сторон и, крутя и переворачивая его, как щепку, увлек в черную бездну далеко внизу, где и покрыл его погребальным саваном бесформенного ила.

Море выглядело так, будто оно сошло с ума, когда могучая водяная гора цунами вздыбилась в ночи, заряженная яростным бешенством разрушения. Она устремилась во мрак, вырастая все выше и выше. Когда она вышла на отмель, окружающую остров, истинные масштабы ее сокрушительной мощи превосходили все, во что способен поверить человек.

Когда передний фронт волны затормозился трением о поднимающееся дно, водные массы на ее заднем склоне стали громоздиться друг на друга, с фантастической скоростью вздымаясь вверх на высоту восьмиэтажного здания. Чернее, чем сама ночь, с гребнем, вспыхивающим огнями фосфоресценции, грохоча, как реактивный самолет, преодолевающий звуковой барьер, кошмарное чудище взметнулось ввысь и ринулось на уже затопленные утесы беззащитного острова.

Колоссальная стена смерти и разрушения обрушилась и смела прочь каждое дерево, каждую былинку и все здания курорта на острове. Ничто созданное человеком или природой не могло противиться катастрофической силе удара дольше одного мгновения. Триллионы литров воды сметали все на своем пути. Остров был вдавлен в подстилающую его глину как будто ударом гигантского кулака. Большая часть астрономической мощи цунами была поглощена ударом о скальный массив. Возникшее повышение уровня моря создало противотечение, которое, словно упругая преграда, отбросило большую часть энергии волны обратно в океанские просторы. Та часть энергии, которая осталась от направленного на запад потока импульса, прошла дальше и ударила о берег главного японского острова Хонсю, причем высота волны уменьшилась до одного метра при выходе на берег; этот прилив повредил несколько рыбацких причалов, но никто не погиб.

Цунами, порожденное «Дыханием матери», отправило остров Сосеки и размещенный внутри него центр «Дракон» на дно кипящего моря.

Где-то глубоко под островом все еще продолжались сейсмические толчки. Они были слышны как раскаты стрельбы из тяжелых орудий. И в этот момент неисчислимые тонны черной воды хлынули через вентиляционные воздуховоды и шахту лифта, загоняемые внутрь

давлением сверху. Реки брызнули из трещин, образовавшихся в бетонных сводах, и потекли по расширяющимся расщелинам в скальном монолите, расколотом напряжениями, возникшими из-за неравномерной осадки острова.

Весь центр «Дракон» внезапно заполнился шумом воды, водопадами хлеставшей сверху. И на фоне этого шума слышались более сильные, низкие громовые удары воды, врывающейся в помещения и коридоры более высоких ярусов. Проталкиваемый фантастическим давлением, поток устремился в самое сердце комплекса, гоня перед собой волну сжатого воздуха.

Все было теперь охвачено смятением и паникой. Сотни работников комплекса внезапно поняли с неумолимой ясностью, что их всех ждет верная смерть. Ничто не могло спасти их, им некуда было бежать от потопа. Туннель был срезан, когда остров начал опускаться, и морская вода устремилась по нему в сторону Эдо-Сити.

От повышенного давления воздуха у Цубои звенело в ушах. Снаружи донесся сильный грохот, и он понял, что это стена воды, как таран, приближается к помещению командного пункта. Времени среагировать у него не было. В тот же миг ревущий поток ворвался в помещение. Не было времени ни бежать, ни даже крикнуть. В свою последнюю минуту он увидел, как его наставника, престарелого главаря преступного мира Ёсису, смыло с колонны, за которую тот уцепился, как муху смывает струей из садового шланга. Слабо вскрикнув, тот исчез в кипящей водоворотами воде.

Цубои не боялся ни боли, ни смерти, он чувствовал только ярость против стихий, лишающих его законного права возглавлять новую империю. Теперь, когда ни Сумы, ни Ёсису больше не было, она вся должна была принадлежать ему. Но это были лишь последние галлюцинации умирающего.

Цубои понял, что его засасывает поток бунтующей воды и выносит в коридор. Из-за повышения давления в ушах нарастала невыносимая боль. Легкие сдавило так. что они вот-вот были готовы лопнуть. И тут его швырнуло об стену и расплющило.

Лишь восемь минут прошло с того мгновения, как бомба «Дыхание матери» взорвалась. Разрушение центра «Дракон» было ужасающим. Проекта «Кайтен» отныне не существовало, а остров, который был известен в старину как остров Адзима, был лишь невысоким холмом на дне морском.

Глава 73

Что же касается президента и испытавших огромное облегчение советников его Совета национальной безопасности, то они встретили новость о полном уничтожении центра «Дракон» усталыми улыбками и тихими аплодисментами. Все они были слишком измотаны для каких-либо проявлений ликования. Чартин Броган, глава ЦРУ, сравнил то, что они испытали за последние часы, с ожиданием ночь напролет в клинике, когда его жена рожала первого ребенка.

Президент спустился в кризисный штаб, чтобы лично поздравить Дональда Керна и Рея Джордана. Он был счастлив, как именинник, и сиял, как маяк аэропорта.

— Ваши люди проделали прями-таки адскую работу, — сказал президент, пожимая руку Джордану. — Страна в долгу перед вами.

— Группа МОГ — вот кто заслуживает почестей, — сказал Керн. — Они действительно совершили невозможное.

— Но не без жертв, — тихо проговорил Джордан. — Джим Ханамура, Марк Шоуалтер и Дирк Питт; эта операция обошлась нам недешево.

— О Питте никаких известий? — спросил президент.

Керн покачал головой.

— Похоже, вряд ли можно сомневаться, что он вместе со своим вездеходом попал под обвал и был погребен под ним.

— А со спутника «Пирамидер» нельзя обнаружить каких-либо признаков его вездехода?

— Во время первого пролета спутника над этим районом после взрыва вода была настолько неспокойной, что нашим камерам не удалось обнаружить изображения вездехода.

— Может быть, вы сможете найти его во время следующего пролета, — с надеждой сказал президент. — Если есть хоть малейший шанс, что он жив, я хочу, чтобы была организована полномасштабная поисковая операция для его спасения. Мы обязаны ему тем, что спасли свои задницы, и я не собираюсь отворачиваться от него.

— Мы проследим за этим, — пообещал Джордан, но его мысли уже сосредоточились на других проблемах.

— Что слышно об адмирале Сэндекере?

— Его разведовательный самолет был подбит ракетами, запущенными из центра «Дракон». Пилот ухитрился совершить вынужденную посадку на брюхо на аэродроме Наха на Окинаве. Согласно предварительным

сообщениям, самолет был сильно поврежден и полностью потерял связь с базой.

— Жертвы есть?

— Ни одной, — ответил Керн. — Это просто чудо, что все они спаслись, отделавшись несколькими порезами и ушибами,

Президент задумчиво кивнул.

— Теперь мы знаем, наконец, почему они не отвечали.

Государственный секретарь Дуглас Оатс вышел вперед.

— Еще одна хорошая новость, господин президент, — сказал он с улыбкой. — Объединенные советско-европейские поисковые группы обнаружили почти все заминированные автомобили, спрятанные на их территориях.

— Мы должны поблагодарить группу МОГ за то, что она выкрала документы о местонахождении этих автомобилей.

— К сожалению, это не помогло найти автомобили, спрятанные на нашей территории, — сказал Джордан.

Керн кивнул.

— Соединенные Штаты представляли главную угрозу для Проекта «Кайтен», а не Европейский альянс или страны Восточного блока.

Президент взглянул на Джордана.

— Обнаружены ли новые заминированные машины на нашей территории?

— Шесть штук. — Директор ЦРУ слегка улыбался. — Теперь, когда над нами больше не висит эта угроза, мы сможем выследить остальные, не подвергая дополнительному риску нашу национальную безопасность.

— Что с Цубои и Ёсису?

— Мы уверены, что они утонули.

Президент выглядел довольным, и он действительно был доволен. Он повернулся и обратился лицом ко всем находящимся в помещении штаба.

— Джентльмены, — объявил он, — от имени благодарного американского народа, который никогда не узнает, как близко он был от катастрофы, которую вы предотвратили, я благодарю вас всех.

Кризис был позади, но уже через несколько часов разразился следующий. В тот же день после полудня начались бои вдоль границы Ирана и Турции, и поступили первые сообщения о том, что кубинский истребитель «Миг-25» сбил американский пассажирский самолет, полный туристов, возвращавшихся с Ямайки.

Поиск одного человека быстро был позабыт в поднявшейся суматохе. Мощная техника получения изображений на борту спутника «Пирамидер» была занята отслеживанием более важных событий. Почти четыре недели прошли, прежде чем всевидящее око спутника снова обратилось на морское дно близ побережья Японии.

Но никаких следов «Большого Бена» обнаружено не было.

Часть V

Некролог

Глава 74

19 ноября 1993 г.
«Вашингтон Пост»

Сегодня было объявлено, что Дирк Питт, директор специальных проектов Национального агентства подводных и морских исследований, пропал без вести и считается погибшим в результате несчастного случая, произошедшего в море неподалеку от побережья Японии.

Прославленный своими исследованиями на суше и на морском дне, которые включают открытие обломков кораблекрушения доколумбовского византийского судна «Серапис» неподалеку от Гренландии; сенсационную находку рукописей из Александрийской библиотеки; сокровищницы «Ла-Дорада» на Кубе и многими другими, Питт, кроме того, руководил работами по подъему «Титаника».

Сын сенатора Джорджа Питта от штата Калифорния и его жены Сюзанны, Питт родился и вырос в Ньюпорт-Бич, Калифорния. Он был слушателем Академии ВВС, где играл в качестве защитника за футбольную команду «Сокол», и окончил Академию двенадцатым в своем классе. Став пилотом, Питт в течение десяти лет находился на действительной службе, получив звание майора. Затем он был постоянно прикомандирован к НУМА по запросу адмирала Джеймса Сэндекера.

Адмирал вкратце заметил позавчера, что Питт был исключительно находчивым и отважным человеком. На протяжении своей служебной деятельности он спас множество жизней, включая жизни самого Сэндекера и президента во время инцидента в Мексиканском заливе. Питта всегда отличала изобретательность и творческое воображение.

Для него ни один проект не был настолько трудным, чтобы он не мог с ним успешно справиться.

Он принадлежал к тем людям, о которых невозможно забыть.

Сэндекер сидел на подножке «Сгуца» в гараже Питта и печально смотрел на напечатанный в газете некролог.

— Он совершил так много, что это кажется просто несправедливым по отношению к нему — подвести итог его жизни в столь немногих словах.

Джиордино с ничего не выражавшим лицом прохаживался вокруг реактивного истребителя Люфтваффе «Ме-262А-1а». Верный своему слову, Герт Хальдер смотрел в другую сторону, пока Питт и Джиордино вытащили самолет из бункера, погрузили его на грузовик под брезент и организовали его отправку на борту датского грузового судна в Соединенные Штаты. Всею два дня назад это судно прибыло в Балтимор, где его уже ждал Джиордино, чтобы переправить самолет в ангар Питта в Вашингтоне. И вот он стоял на своем трехколесном шасси среди других классических транспортных средств из коллекции Питта.

— Дирку следовало бы быть тут, чтобы он мог увидеть это, — со вздохом сказал Джиордино. Он провел ладонью по заостренному носу фюзеляжа, окрашенного сверху в дымчато-зеленый, а снизу в светло-серый цвет, и посмотрел на стволы четырех тридцатимиллиметровых пушек, торчавших из переднего обтекателя. — Он был бы рад приложить к. нему руки.

Это была такая минута, которую ни один из них не предвидел, не мог даже вообразить. Сэндекер чувствовал себя так, будто он потерял сына, а Джиордино — брата.

Джиордино остановился и взглянул вверх на квартиру, расположенную над классическими автомобилями и самолетом.

— Я должен был быть рядом с ним в вездеходе.

Сэндекер посмотоел на него.

— Тогда бы ты тоже пропал без вести, и, возможно, был бы мертв.

— Я всегда буду сожалеть о том, что не был вместе с ним, — рассеянно сказал Джиордино.

— Дирк умер в море. Именно так он и хотел умереть.

— Он мог бы стоять здесь сейчас, если бы один из манипуляторов «Большого Бена» был оборудован ковшом вместо инструмента для резки металла, — настаивал Джиордино.

Сэндекер устало покачал головой.

— Ты не вернешь его тем, что позволишь своему воображению сорваться с цепи.

Джиордино непроизвольно поднял голову и посмотрел на жилую квартиру Питта.

— Я все время ловлю себя на мысли, что стоит мне только позвать его, и он спустится вниз по этой лестнице.

— Мне это тоже приходило в голову, — сознался Сэндекер,

Вдруг дверь квартиры открылась, и они на миг оцепенели и затем расслабились, когда оттуда появилась Тоси, неся поднос с чашками и чайником. С невероятной ловкостью и изяществом она сошла вниз по железной винтовой лестнице и поплыла в сторону Сэндекера и Джиордино.

Сэндекер удивленно поднял брови.

— Для меня полная загадка, как ты ухитрился уговорить Джордана отдать ее тебе под домашний арест.

— Никакой загадки, — улыбнулся Джиордино. — Просто сделка. Он преподнес ее мне в подарок за то, что я буду держать язык за зубами насчет Проекта «Кайтен».

— Тебе повезло, что он не замуровал твои ноги в бетон и не бросил тебя в Потомак.

— Я блефовал.

— Рей Джордан не дурак, — сухо сказал Сэндекер. — Он это сразу понял.

— Ну, тогда, значит, она была подарком за оказанные услуги.

Тоси поставила поднос на подножку «Стутца» рядом с адмиралом.

— Чаю, джентльмены?

— Да, благодарю вас, — сказал Сэндекер, поднявшись на ноги.

Тоси легко опустилась на колени и проделала краткую чайную церемонию, прежде чем протянуть им чашки, от которых шел пар. Затем она встала и с восхищением посмотрела на «Мессершмитт».

— Какой прекрасный самолет, — проговорила она, не замечая ни въевшейся грязи, ни спущенных шин, ни поблекшей краски.

— Я собираюсь его отремонтировать, — тихо сказал Джиордино. — Я хочу сделать это для Дирка,

— Ты так говоришь, словно он собирается воскреснуть, — придирчиво сказал Сэндекер.

— Он не умер, — просто сказал Джиордино. Хотя он держался крепко, на глаза ему навернулись слезы.

— Можно, я помогу?

Джиордино, не желая выглядеть жалким, вытер глаза и с удивлением посмотрел на нее.

— Извините, милая леди, в чем вы хотите мне помочь?

— Отремонтировать самолет.

Джиордино и Сэндекер изумленно переглянулись.

— Вы механик? — спросил Джиордино.

— Я помогала своему отцу строить и поддерживать в хорошем состоянии его рыболовный катер. Он был очень горд, когда я наладила забарахливший двигатель.

Джиордино просиял.

— Союз, заключенный на небесах. — Он помолчал и посмотрел на невзрачное платье, в котором Тоси была выпущена из-под ареста людьми Джордана. — Прежде чем мы с тобой начнем рвать эту летающую крошку на части, я собираюсь повести тебя в лучшие модные магазины Вашингтона и купить тебе новую одежду.

Глаза Тоси округлились.

— У тебя много-много денег, как у господина Сумы?

— Нет, — печально простонал Джиордино, — только много кредитных карточек.

Был час ленча, и в отделанном светлым деревом и мрамором обеденном зале шикарного вашингтонского ресторана на Федеральной авеню собралось много народу. Лорен улыбнулась и помахала рукой Стаси, в сопровождении метрдотеля пробиравшейся к ее столику. Волосы Стаси были убраны назад и повязаны широким платком, оделась она просто: кашемировая водолазка цвета овсяной муки, серый шерстяной джемпер и серые, того же тона, брюки.

На Лорен был приталенный клетчатый жакет, блузка табачного цвета и темно-серая фланелевая юбка. В отличие от большинства женщин, которые остались бы сидеть, она поднялась и протянула Стаси руку.

— Мне очень приятно, что вы смогли прийти. — Стаси тепло улыбнулась и пожала руку Лорен.

— Мне всегда хотелось побывать здесь. Я очень признательна вам за эту возможность.

— Выпьете со мной?

— На улице сегодня так холодно, ветер пробирает прямо до костей. Хорошо бы прямо сейчас заказать «манхэттен», чтоб согреться.

— Боюсь, я не смогу дождаться. Я уже заказала мартини.

— Тогда закажите еще один коктейль, чтобы выпить на дорогу, прежде чем мы отсюда уедем. — Стаси обрадованно засмеялась.

Официант принял заказ и отошел к элегантному бару. Лорен положила салфетку к себе на колени.

— Мне не представился подходящий случай поблагодарить вас на острове Уэйк; нас так ужасно торопили.

— Дирк — вот кому мы обязаны всем.

Лорен отвернулась. Она думала, что уже выплакалась после того, как получила известие о смерти Питта, но почувствовала, что слезы вновь подступают к глазам.

Улыбка Стаси погасла, и она посмотрела на Лорен с сочувствием.

— Я ужасно огорчена насчет Дирка. Я знаю, что вы с ним были очень близки.

— За эти годы у нас бывало по-всякому, но мы никогда не могли всерьез отдалиться друг от друга.

— Возможность брака когда-нибудь обсуждалась?

Лорен отрывисто покачала головой.

— Мы никогда об этом не заговаривали. Дирк был не из тех людей, которых можно сделать своей собственностью. Его любовницей было море, а у меня была моя карьера в Конгрессе.

— Вам повезло, что вы знали его так близко. Его улыбка была просто опустошающей, а эти зеленые глаза — Боже, любая женщина таяла, как воск, от одного его взгляда.

Лорен вдруг занервничала.

— Вы должны простить меня, я не знаю, что на меня нашло, но мне нужно знать. — Она нерешительно умолкла, словно боялась продолжать, и начала вертеть в пальцах ложку.

Стаси спокойно встретила взгляд Лорен.

— Конечно, нет, — солгала она. — Однажды поздно вечером я пришла к: нему домой, но я сделала это по приказу Рея Джордана. чтобы передать Дирку инструкции. Между нами ничего не было. Я ушла через двадцать минут. С этого момента до тех пор. пока мы не расстались на острове Уэйк, у нас были сугубо деловые отношения.

— Я понимаю, что это, должно быть, выглядит глупо. Дирк и я часто поступали каждый по-своему, когда речь шла о том, чтобы встречаться с другими мужчинами и женщинами, но мне хочется быть уверенной, что я была единственной, кто был близок с ним перед концом.

— Вы любили ею сильнее, чем вам казалось, не правда ли?

Лорен чуть кивнула.

— Да, я поняла это слишком поздно.

— У вас будут другие мужчины, — сказала Стаси, пытаясь быть любезной.

— Но никто не сможет занять его место.

Тут к ним подошел официант, неся заказанные ими коктейли. Стаси подняла свой стакан.

— За Дирка Питта, чертовски хорошего человека.

Они сдвинули стаканы.

— Чертовски хороший человек, — повторила Лорен, и слезы, наконец, потекли из ее глаз. — Да, именно таким он и был.

Глава 75

В столовой тщательно охраняемого дома где-то в штате Мэриленд, в сельской глуши, Джордан сидел за завтраком с Хидеки Сумой.

— Могу ли я сделать что-нибудь, чтобы скрасить ваше пребывание здесь? — спросил Джордан.

Сума помолчал, смакуя нежный аромат утиного супа с лапшой, зеленым луком, редисом и золотистой икрой. Он заговорил, не поднимая глаз.

— Вы могли бы сделать мне одну любезность.

— Да?

Сума кивком указал на агента службы безопасности. стоявшего у двери, и его напарника, подававшего еду.

— Ваши друзья не позволяют мне повидать повара. Он очень хорош. Мне хотелось бы передать ему мои комплименты.

— Она стажируется в одном из лучших японских ресторанов Нью-Йорка. Ее зовут Натали, и в настоящее время она выполняет специальные заказы правительства. Сожалею, но вы не можете быть представлены ей.

Джордан внимательно изучал лицо Сумы. На нем не было видно ни враждебности, ни чувства разочарования или безысходности от того, что его изолировании и подвергли заточению в тщательно охраняемом помещении, — ничего, кроме крайнего самодовольства. По его виду трудно было поверять, что его систематически обрабатывали наркотиками и затем заставляли долгие часы отвечать на вопросы в течение более чем четырех недель. Его глаза по-прежнему смотрели твердо, как оникс, из-под челки седеющих волос. Но так оно и должно было быть. Благодаря постгипнотическому внушению, которому его подвергали подчиненные Джордану специалисты по допросам, Сума не помнил и не понимал, что он ежедневно поставляет группе весьма заинтригованных ученых и инженеров массу технических данных. Его память изучалась и тщательно обшаривалась, так осторожно и тонко, словно этим занимались профессиональные воры, которые, обыскав дом, оставляют все вещи точно там, где они их нашли.

Должно быть, подумал Джордан, это один из тех немногих случаев, когда американская разведка действительно получала иностранные промышленные секреты, которые могли оказаться полезными.

— Какая жалость. — Сума пожал плечами. — Мне бы хотелось нанять ее, когда я уеду отсюда.

— Это невозможно, — честно сказал Джордан.

Сума покончил с супом и отставил чашку в сторону.

— Вы не можете продолжать, задерживать меня.. как обычного преступника. Я не какой-то крестьянин, которого вы арестовали, вытащив из сточной канавы. Я полагаю, что вы будете достаточно благоразумны, чтобы освободить меня без дальнейших проволочек.

Никаких жестких требований, всего лишь завуалированная угроза от человека, которому не сообщили, что вся его невероятная власть полностью исчезла после того, как по всей Японии было объявлено о его смерти. Были совершены соответствующие церемонии, и его дух уже был причислен к сонму героев, которым поклонялись у храма Ясукуни. Сума не имел ни малейшего представления, что для внешнего мира он уже не существовал. Ему также ничего не сообщили о смерти Цубои и

Ёсису и уничтожении центра «Дракон». Как он считал, заминированные автомобили Проекта «Кайтен» все еще были надежно спрятаны.

— После всего, что вы пытались совершить, — холодно ответил Джордан, — вам еще повезло, что вы не предстали перед международным трибуналом по обвинению в преступлениях против человечества.

— У меня есть божественное право защищать Японию. — Тихий, повелительный голос донесся до Джордана, словно Сума вещал с церковной кафедры.

У Джордана от раздражения выступили розовые пятна на висках.

— Кроме того, что ваше общество самое замкнутое и изолированное на свете, главная проблема, которая осложняет отношения Японии с остальным миром, что у лидеров вашего делового мира нет никакой этики, никаких принципов честной игры, как их понимают на Западе. Вы и ваши высокопоставленные администраторы верят, что они вправе поступать в отношении других стран так, как они никому бы не позволили действовать в отношении Японии.

Сума взял чашку чая и выпил ее.

— Честь высоко ценится в японском обществе. Наши чувства долга и преданности имеют очень глубокие корни.

— Да, конечно, преданности самим себе, за счет остальных, скажем, иностранцев.

— Мы не видим каких-либо принципиальных отличий между экономической войной и настоящими боевыми операциями, — вежливо ответил Сума. — Мы рассматриваем индустриальные страны как наших противников на огромном поле боя, где нет никаких правил поведения, никаких торговых соглашений, которым можно было бы доверять.

Безумие, звучавшее в этих словах, вместе с холодной реальностью ситуации, вдруг показалось Джордану удивительно нелепым. Он понял, что было бы бесполезно пытаться сбить с Сумы спесь. Возможно, этот сумасшедший был в чем-то прав. Америка в конце концов действительно может распасться на отдельные страны, в каждой из которых будет править та или иная раса. Он выбросил из головы эту неприятную мысль и встал из-за стола.

— Мне нужно идти, — сухо сказал он.

Сума смотрел на него.

— Когда я смогу вернуться в Эдо-Сити?

Джордан с минуту задумчиво смотрел на него.

— Завтра.

— Я буду рад этому, — сказал Сума. — Проследите, пожалуйста, чтобы один из моих частных самолетов ждал меня в аэропорту имени Даллеса.

Какой наглец, подумал Джордан.

— Я свяжусь с нашим посольством, чтобы они обеспечили самолет.

— Удачного дня, мистер Джордан.

— Удачного дня, мистер Сума. Я надеюсь, вы простите меня за все причиненные неудобства.

Губы Сумы искривились в тонкую зловещую линию, и он взглянул на Джордана из-под прищуренных век.

— Нет, мистер Джордан, я не прощу вас. Не сомневайтесь, вы заплатите жестокую цену за мое похищение. — Затем Сума, казалось, вообще забыл о существовании Джордана и налил себе вторую чашку чая.

Керн ждал, пока Джордан пройдет через бронированные двери, отделявшие прихожую от жилой комнаты.

— Приятно позавтракали?

— Еда была неплоха, вот только компания паршивая. А вы?

— Я слушал вашу беседу, пока перекусил на кухне. Натали сделала мне гамбургер.

— Вам повезло.

— Как насчет нашего приятеля?

— Я сказал ему, что его выпустят завтра.

— Я слышал. Он не забудет собрать вещи?

Джордан улыбнулся.

— Эта мысль будет стерта во время сеанса допроса сегодня вечером.

Керн медленно кивнул.

— Как долго, вы полагаете, мы сможем держать его в таком состоянии?

— Пока мы не будем знать все, что знает он, пока мы не откроем каждый секрет, каждое воспоминание, хранящееся в его мозгу.

— На это может уйти год или два.

— Ну и что?

— А после того, как мы высосем его досуха, тогда что?

— Что вы имеете в виду?

— Мы не можем вечно держать его спрятанным ото всего мира. И мы просто перережем собственные глотки. если выпустим его на свободу и позволим ему вернуться в Японию.

Джордан посмотрел на Керна, и в его лице не дрогнул ни один мускул.

— Когда у Сумы не останется ничего, что бы он мог нам еще поведать, Натали просто добавит чего-нибудь сверх обычного в его лапшу.

Я сожалею, господин президент, но, как принято говорить у вас на Западе, мои руки связаны.

Президент посмотрел через стол переговоров в своем кабинете на улыбающегося маленького человека с коротко остриженными седыми волосами и вызывающими карими глазами. Он был больше похож на командира крутого пехотного батальона, чем на политического лидера Японии.

Премьер-министр Дзюнсиро, прибывший в Вашингтон с официальным государственным визитом, сидел, окруженный с обеих сторон двумя министрами его кабинета и пятеркой штатных помощников. Президент сидел напротив один, если не считать переводчика.

— Я тоже сожалею, господин премьер-министр, но если вы надеетесь, что вам удастся просто проигнорировать трагедии последних нескольких недель, то вы глубоко ошибаетесь.

— Мое правительство не несет ответственности за те действия, в которых вы обвиняете Хидеки Суму, Ичиро Цубои и Корори Ёсису. Если. как вы утверждаете, они и в самом деле имели какое-то отношение к ядерным бомбам, взорвавшимся в вашем штате Вайоминг и далеко в море, то они действовали в своих собственных целях втайне от нашего правительства.

Эта встреча на высшем уровне не обещала быть приятной. Дзюнсиро и его правительство заблокировали все предложения о расследовании инцидентов и реагировали с возмущением, будто сами западные разведки сфабриковали всю эту трагедию.

Президент суровым взором окинул противоположную сторону стола. Японцы никогда не ведут переговоры без целой комиссии советников.

— Если вы будете так добры попросить ваших министров и помощников, за исключением переводчика. покинуть кабинет, я буду вам признателен. Учитывая деликатный характер наших переговоров, я

полагаю, что они будут более успешными, если мы проведем их с глазу на глаз.

Дзюнсиро помрачнел, когда ему перевели слова президента. Это предложение ему явно не понравилось. Хотя президент улыбался, в его глазах не было ни капли юмора.

— Я должен попросить вас передумать. Я уверен, что мы сможем добиться большего в присутствии моих советников.

— Как вы можете убедиться, — ответил президент, показывая жестом вокруг изогнутого Овального стола из красного дерева, — у меня нет советников.

Премьер-министр растерялся, как и ожидал президент. Он стал совещаться по-японски с окружившими его советниками, в бешеном темпе выкрикивающими свои возражения.

Президентский переводчик едва заметно улыбался.

— Им это не понравилось, — зашептал он. — Это не их способ делать дела. Они считают, что вы поступаете неразумно и очень недипломатично.

— А как насчет по-варварски?

— Лишь в их интонациях, господин президент, лишь в их интонациях.

Наконец Дзюнсиро снова повернулся лицом к президенту.

— Я должен заявить протест против этого необычного протокола, господин президент.

Когда ему перевели эти слова, президент холодно ответил:

— Мне надоело играть в эти игры, господин премьер-министр, Либо ваши люди уйдут, либо уйду я.

Немного подумав, Дзюнсиро кивнул.

— Как вам будет угодно. — Затем жестом указал своим советникам на дверь.

Когда дверь закрылась, президент посмотрел на своего переводчика и сказал:

— Переводите в точности так, как я буду говорить, без всяких прикрас, без всякого сиропа вокруг резких выражений.

— Понятно, сэр.

Президент сурово посмотрел Дзюнсиро прямо в лицо.

— Итак, господин премьер-министр, факты состоят в том, что вы и члены вашего кабинета были полностью осведомлены о намерениях корпорации «Сума индастриз» создать ядерный арсенал и неофициально поддерживали этот проект, частично финансируемый преступной организацией «Золотые драконы». Эта программа, в свою очередь, привела к разработке и осуществлению Проекта «Кайтен», ужасного плана международного шантажа, задуманного втайне и ныне прикрываемого ложью и фальшивыми отрицаниями. Вы знали с самого начала, и все же вы потворствовали молчанием и невмешательством.

Как только Дзюнсиро услышал перевод, он забарабанил по столу с оскорбленным видом:

— Это неправда, тут нет ни капли правды. Не существует никаких оснований для этих абсурдных обвинений.

— Информация из разных агентурных источников не оставляет и тени сомнения в вашей причастности к этому преступному заговору. Вы тайно аплодировали, зная о том, что главари гангстеров строят то, что они называли «новой империей». Империю, основанную на экономическом и ядерном шантаже.

Дзюнсиро побледнел и ничего не сказал. Он увидел огненные письмена на стене, и они предрекали политический крах и огромную потерю лица.

Президент продолжал пристально смотреть ему в лицо.

— Что нам здесь совершенно ни к чему, так это всякий лицемерный вздор. Всегда будут существовать фундаментальные противоречия между интересами Японии и Соединенных Штатов, но мы не можем обойтись друг без друга.

Дзюнсиро понял, что президент бросил ему спасательный круг, и он ухватился за него.

— Что вы предлагаете?

— Чтобы спасти вашу страну и ваш народ от потрясения и позора, к которым приведет международный скандал, вы подаете в отставку. Доверие между возглавляемым вами правительством и мной разбито вдребезги. Этот ущерб неисправим. Лишь новый премьер-министр и кабинет, состоящий из честных, порядочных людей, не связанных с преступным миром, может воссоздать новое состояние взаимного сотрудничества между нашими странами. Будем надеяться, что тогда мы сможем работать, как близкие партнеры, чтобы разрешить наши экономические и культурные разногласия.

— Этот инцидент останется в тайне?

— Я обещаю, что все данные о центре «Дракон» и Проекте «Кайтен» с нашей стороны будут засекречены.

— А если я не подам в отставку?

Президент откинулся на спинку стула и развел руками.

— Тогда я должен предсказать, что японским бизнесменам придется приготовиться к экономическому спаду.

Дзюнсиро вскочил на ноги.

— Должен ли я понимать это так, господин президент, что вы угрожаете закрыть американский рынок для всех японских товаров?

— Мне вовсе не нужно этого делать, — ответил президент. С его лицом произошла удивительная перемена. В его голубых глазах угас огонек гнева, и они приняли меланхолическое выражение. — Потому что стоит просочиться хоть слову о том, что японская атомная бомба была тайно провезена в Соединенные Штаты и взорвана там, где резвились олень и лань... — он сделал паузу, чтобы произвести больший эффект, — я серьезно сомневаюсь, чтобы американский потребитель когда-либо вновь захотел покупать ваши товары.

Глава 76

21 ноября 1993 года

Остров Маркус

Вдали от проторенных туристских маршрутов, в 1125 километрах к юго-востоку от Японии, не затронутый ни военными, ни коммерсантами, лежит остров Маркус. Он представляет собой коралловый атолл, затерянный в океанских просторах, рядом нет никаких других островов, и его побережье по форме приближается к равностороннему треугольнику со сторонами в полтора километра длиной.

Если не считать короткого эпизода времен второй мировой войны, когда он был обстрелян американскими кораблями, немногие когда-либо слышали о нем, пока один японский бизнесмен случайно не натолкнулся на его пустынные пляжи. Он сумел оценить его возможности как места отдыха для обеспеченных японцев, уставших от зимней непогоды, и быстро построил там фешенебельный курорт.

Спроектированный в современном полинезийском стиле, курорт воссоздавал атмосферу уединенной деревушки в тропиках и включал площадку для гольфа, казино, три ресторана с коктейль-барами и дансингами. театр, огромный плавательный бассейн в форме лотоса и шесть теннисных кортов. Широко растянувшийся вдоль прибрежной

полосы, вместе с площадкой для гольфа и аэродромом, этот туристский комплекс занял всю территорию острова.

Когда строительство было завершено и штат полностью укомплектован, этот бизнесмен доставил на остров самолетом целую армию писателей и журналистов, пишущих о путешествиях, которые, насладившись бесплатным отдыхом со всеми удобствами, возвратились, чтобы поведать читателям о своих впечатлениях. Курорт этот сразу стал популярным среди туристов, ищущих новые впечатления и коллекционирующих экзотические и удаленные места. Но вместо потока отдыхающих из Япония на остров устремились туристы из других стран тихоокеанского бассейна, и вскоре белые, как молоко, песчаные пляжи усеяли австралийцы, новозеландцы, тайваньцы и корейцы.

Остров-курорт быстро превратился в излюбленную сценическую площадку для искателей и искательниц любовных приключений и мекку молодоженов, предававшихся здесь разнообразным спортивным развлечениям. или просто бродивших по пляжам, или занимающихся: любовью в своих деревенских бегало, разбросанных среди кокосовых пальм.

Брайан Фостер из Брисбена вылез из ледяной голубой воды, плещущейся внутри кольца внешнего рифа, и прошел по пляжу к своей жене Шелли, дремавшей в шезлонге. Мелкий песок обжигал его босые ноги, и послеполуденное солнце сверкало в каплях воды, стекавшей по его загорелой коже. Обсушившись полотенцем, он взглянул назад на воду.

Корейская парочка. Ким и Ли Санг, остановившиеся в соседнем бунгало, брали уроки виндсерфинга у одного из инструкторов курорта. За ними Эдвард Кейн из Веллингтона с трубкой и маской нырял в коралловых зарослях рифа, а его молодая жена Мойра плавала за ним на надувном матрасе.

Фостер нежно поцеловал свою дремлющую жену и погладил покрывало, которым она прикрылась. Затем он опустился на песок рядом с ее шезлонгом, надел солнечные очки и стал наблюдать за купающимися.

Пара Сангов с трудом овладевала техникой управления парусной доской, требующей ловкости и тщательной координации движений. Похоже, они тратили необычно много времени на то, чтобы снова забраться на доску и поднять парус каждый раз, когда теряли равновесие и плюхались в воду.

Фостер переключился на парочку Кейнов, восхищаясь Мойрой, которая сумела, не соскользнув с матраса, перевернуться на спину. На ней был золотистый закрытый купальный костюм, ничуть не скрывавший ее пышных форм.

Вдруг ему бросилось в глаза какое-то движение в проливе, прорезавшем коралловый риф и соединявшем внешнюю лагуну с открытым океаном. Там что-то происходило под водой. Он был уверен, что какая-то штука, или, может быть, какое-то морское создание баламутит воду в проливе, двигаясь под водой. Ему не было видно, что это такое, но, похоже, оно пересекало риф, направляясь в сторону лагуны.

— Там что-то есть! — крикнул он жене, вскакивая на ноги. Он подбежал к берегу и стал кричать, показывая руками на пролив. Его крики и жестикуляция быстро привлекли внимание остальных, и вскоре небольшая толпа из ближнего бассейна и ресторанов собралась на берегу.

Инструктор по виндсерфингу, тренировавший Сангов, услышал крики Фостера, и он посмотрел туда, куда указывал пальцем австралиец. Он увидел приближающееся волнение воды и быстро погнал Сангов к берегу. Затем он вскочил на парусную доску и помчался через лагуну предупредить Кейнов, которые лениво перемещались по направлению к траектории неведомого явления, которое, похоже, собиралось вторгнуться в лагуну.

Эдвард Кейн, рядом с которым покачивалась на надувном матрасе его жена, плыл в блаженном неведении приближающейся опасности, увлеченно рассматривая через стекло маски живописный коралловый риф, завороженный яркими красками и кишащими среди кораллов стайками светящихся рыбок.

Он услышал отдаленный грохот, но подумал, что это, наверно, кто-то из отдыхающих скользит по поверхности воды на реактивных лыжах. Затем, словно выполняя отработанный точный маневр, окружающие его стайки рыб внезапно бросились прочь и исчезли. Кейн почувствовал, как у него по коже прошли мурашки. Первая мысль, пришедшая ему в голову, была об акуле, проникшей в лагуну.

Кейн высунул голову из воды, ища глазами пресловутый треугольный плавник, рассекающий волны. К счастью, ничего похожего он не увидел, лишь парусную доску, скользящую по направлению к нему, и свою жену, дремлющую на надувном матрасе поблизости. Он услышал крики с берега, повернулся туда и заметил толпу отдыхающих и служащих курорта, отчаянно жестикулирующих в направлении пролива в кольце рифов.

Грохочущий шум пронизал воду, и он снова опустил голову под поверхность. Бога ради, что происходит? — удивился он. Через бирюзовую водную толщу, не далее чем в пятидесяти метрах от него, показалась огромная бесформенная туша, покрытая зеленой и коричневой тиной, медленно ползущая к берегу.

Он ухватился за угол матраса, на котором лежала его жена, и начал отчаянно грести в сторону поднятия кораллового рифа, где он торчал из воды. Она понятия не имела, что он делает, и вцепилась в матрас, подумав, что он в игривом настроении и хочет столкнуть ее в воду.

Ужасное чудище не обратило на них никакого внимания и прокатилось по дну мимо рифа в лагуну, направляясь прямо на берег. Подобно некоему неописуемому глубоководному монстру из фильма ужасов, оно медленно выползло из вод лагуны. Ошеломленная толпа курортников раздалась в стороны) когда огромная штуковина, с которой ручьями стекала вода, а песок дрожал под ее весом, проехала между двух пальмовых деревьев и замерла в неподвижности.

В полном безмолвии они оцепенело стояли и смотрели на нее. Теперь было видно, что это было огромное транспортное средство, передвигавшееся на широченных гусеницах, над которыми располагалась большая сигарообразная кабина. Две механические руки торчали вверх, словно уродливые усы гигантского насекомого. Колонии ракушек прилепились к трещинам на его поверхности, покрытой коркой затвердевшего коричневого ила и тины, закрывая всякий обзор через обычно прозрачную носовую часть.

Раздался слабый щелкающий звук, когда люк на крыше был отперт и откинут назад.

Из люка медленно высунулась голова с копной черных спутанных волос и черной бородой. Лицо было изможденным и тощим, но глаза, утонувшие в черных впадинах глазниц, сияли ярким зеленым светом. Они обвели оцепеневшую публику и выбрали в толпе молодого человека, обеими руками сжимавшего круглый поднос.

Затем губы разлепились в широченной сияющей улыбке, и хриплый голос произнес:

— Вы, если я не ошибаюсь, официант?

— Да… сэр.

— Отлично. После целого месяца диеты из заплесневелых сэндвичей с копченой колбасой и кофе я готов убить за салат из крабов и текилу со льдом.

Через четыре часа, набив желудок до отказа, Питт заснул самым сладким и приятным сном в своей жизни.